МОШЕ ЯНОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЖАВОРОНКОВ
КОНСЕРВАТИЗМ:
ШАНС
НА ПОБЕДУ
МОШЕ ЯНОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЖАВОРОНКОВ
КОНСЕРВАТИЗМ

Консерватизм: шанс на победу

Авторы предисловий — Константин Синюшин, Иван Денисов

Авторы: Константин Яновский (все главы), Сергей Жаворонков (главы 2, 3, 5, 8)

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность Константину Синюшину, инициатива и поддержка которого имели решающее значение для старта и реализации проекта. Проект не смог бы быть завершен без всесторонней поддержки семейства Сокол (Марины и Йехошуа), семейства Вовнобой (Аси Энтовой и Виталия), семейства Медовых (Фаины и Евгения), семейства Мерзон (Татьяны и Евгения), Юрия Муринсона и Марии Жуковой.

Виктор Березин первым вычитывал рукописи глав, и ему мы обязаны многими ценными советами и замечаниями.

Первый, счамый трудоемкий проход редактирования по всему тексту проделали совершенно некоммерчески, из интереса к теме книги Шошана и Гиллель Бродские.

Авторы несут ответственность за все недочеты текста и оставшиеся в нем неточности и ошибки. Текст отражает мнения, оценки, политические и иные позиции только и исключительно его авторов.

Оглавление

Константин Синюшин:«Правый переворот»: с головы на ноги 10

Иван Денисов 15

Что такое консерватизм? 15

1. Введение 29

Кому адресована книга 30

Некоторые важные определения, используемые в книге 32

Описание структуры книги 36

2. Неоконченный спор консерватизма и либерализма: цели, критерии и пределы деятельности правительства 41

История предательств 41

Конкуренция норм 43

Что именно «консервируют» консерваторы? 48

Рациональный выбор и вечные ценности 54

Неравенство и аристократия 60

Два подхода к защите жизни, свободы и частной собственности 62

Три источника и три составных части моральной легитимации частной собственности 62

Первый источник. Частная собственность из головы 64

Второй источник. Политико-правовая традиция 65

Третий источник. Вначале была монотеистическая традиция? 67

Социальная справедливость: от смертного греха до недорогой «доблести» 72

«Реалистичный» консерватизм и социальный либерализм: «новый» консенсус 78

Цели и пределы деятельности правительства. Поле согласия и поле дискуссий 85

Выводы 88

Приложение к главе 2. Проблема Ротбарда и пример споров вокруг понятия частной собственности 91
Обязательно ли давать убить себя террористу, прикрытому живым щитом? 91
Кто отвечает за жизни живого щита согласно международному праву? 94
Моральные основания права на жизнь и свободу 95
3. Примеры из истории политического консерватизма при демократии налогоплательщика 98
Великобритания: от тори к консерваторам 98
Бёрк и Французская революция 101
Радикалы и либеральная традиция 103
На страже частной собственности 105
Налоги на «сверхприбыль»: взлет и крушение The Sopwith Aviation Company 106
Налоги на смерть и на прибыль — показатели морального упадка 108
США. Они все консерваторы 110
«Хоть похоже на Канаду, только все же не Канада» 115
Французский классический либерализм: консерватор в стране революций 117
Верноподданнический германский консерватизм 120
Очерки из истории русского консерватизма 124
Российские консервативные мыслители 124
Российское консервативное движение последних десятилетий перед революцией 127
Русский консерватизм в эмиграции 128
Попытки возрождения политического консерватизма после краха СССР 129
Основные причины заката первой версии демократии налогоплательщика 130
Выводы 133
4. Современный консерватизм в старых демократиях 136
Основные компоненты коалиции и идеологии современного консерватизма 136

Великобритания 140
Строительство социального государства на руинах гражданского общества 140
Широкое согласие и «новейший торизм» 143
Реформы Тэтчер. «Эта леди не вертится» 144
Как разговаривать с бандитом 146
Гонконг и мир на Ближнем Востоке 147
«Сочувствующий консерватизм» и возвращение «широкого консенсуса» 149
Реакция на пандемию: Капитуляция законно избранной власти перед неизбираемой. 154
Brexit: неоплаченный кредит 158
США 159
Из краткой истории партии Большого правительства 159
Механизм политического давления на банки для принуждения выдавать необеспеченные кредиты 163
Верхушка федеральной бюрократии в зеркале голосований 167
Осушение болота или огонь по своим? 170
Судейский активизм и социальное государство 173
Консерваторы, прогрессисты, либералы и социалисты 176
Консерваторы и социальное государство 178
Приступ торизма в США: странное обсуждение «снарядного голода» 186
Свидетельство мексиканского консерватора 190
Изоляционизм: анализ морали, выигрышей и издержек 194
Примеры последовательной защиты личных прав представителей меньшинств 199
Школы, университеты и больницы вместо мостов и телеграфа 203
Не важно, кто голосует, важно, кто считает 203
Пример одной карьеры 205

Долг перед читателем 208
Германия: величие и упадок христианских демократов в Федеративной республике 209
Основатели ФРГ 209
Гельмут Коль: объединение страны и замещение принципов прагматизмом 214
Эпоха полного прагматизма 217
Вместо постскриптума: старые грабли после новых выборов 2025 г. 225
Полюс консервативного прагматизма: Франция и Япония 227
Израиль: от вечной оппозиции к символически правящей партии 232
Проваленные экзамены 232
Первая попытка реформ 237
Во имя национального согласия 239
Правосудие, оборона и безопасность как жертвы «национального согласия» 242
Дополнительные примеры: Канада, Нидерланды 249
Канада: модель медианного избирателя дает сбои 249
Нидерланды: консервативная многопартийность 253
Австралия: пример для повторения 255
Исторический контекст 255
Экономические реформы правительства Джона Говарда 258
Нелегальная иммиграция и «белая вина» 259
Однополые браки 260
Ограничение доступа к оружию 261
Политика здравоохранения консерваторов и кризис 2020—2022 гг. 263
Резюме главы: прагматизм за красными линиями 265
Приложение к главе 4. Личное дело необычной либертарианки 267

5. Попытки копирования формы и содержания в новых демократиях и уроки для старых демократий....271
Вводные замечания и определения....271
Консерватизм в странах Новой Европы....274
Польша: ЕС и иммигранты — «даже один — слишком много»....275
Краткая предыстория....275
Становление современной структуры «политического рынка» в Польше....277
«Авторитарные» реформы PiS....280
Эстония: нечаянные цензы....286
Грузия: дни побед и поражений....294
Основные вехи реформ....294
Ответ на кризис: меньше государства, больше свободы....295
Война и «окно» возможностей....295
Уроки от Бендукидзе....297
Дополнительные страновые случаи....298
Латвия и стабилизация государственных финансов после кризиса 2008 г....299
Словакия: реформы правительства Миклоша Дзуринды....301
Венгрия: конституция 2011 года и «авторитаризм» Орбана....303
Чехия: люстрации и новые приоритеты....304
Россия: консервативные проекты 90-х гг....306
Консервативные движения в России после 2000 г. (2000—2013)....317
Еще один долг перед читателем....334
Резюме главы....335
6. В защиту права наследования....337
Что есть наследование и что передают по наследству....338
Мотивация оставления наследства....342
Стимулы....347

Бесконечно повторяемая игра....349
Налог на смерть....350
Правила игры, завещанные и унаследованные....351
Псевдомораль и лжепророки....354
Выводы....356
Приложение к главе 6 «В защиту права наследования»....357
С чего они взяли, что равное распределение справедливо?....357
Ранее грабеж, а теперь «социальная справедливость»....359
Джихад за социальную справедливость....360
Плохая репутация и долги по наследству....365
Другие реальные проблемы и вызовы....368
7. Общие проблемы современного консерватизма и общие вызовы, стоящие перед консерваторами....370
7.1. Склонность к компромиссам как проявление консерватизма и компромиссы по принципиальным вопросам....370
7.2. Политическая машина социального государства....371
Забытый конфликт интересов....372
Есть ли смысл обсуждать недостатки всеобщей избирательной привилегии?....374
Общественные СМИ, государственное финансирование партий и предвыборных кампаний....379
Образование как канал промывания мозгов....385
О всемирном заговоре и о глобальной элите....388
Не важно, кто голосует, важно, кто подсчитывает голоса?....391
7.3. Естественные союзники консерватора: семья, гражданское общество, армия....392
7.4. Нетерпимость как требование времени....395

8. Какой консерватизм нужен молодой демократии? Выводы и рекомендации 399

Об идеологической цельности 399

О времени и месте для компромисса и прагматизма 401

Политическая экономия реформ 403

Опора на семью и гражданское общество 405

Рамки социальной политики 406

Рамки экономической политики 407

Сильная армия и сильное общество 407

Рамки внешней политики 408

Демонтаж политической машины социального государства 408

Учить уроки истории 410

Библиография 410

Константин Синюшин: «Правый переворот»: с головы на ноги

Последние годы в мире активно обсуждается так называемый правый поворот — укрепление позиций на выборах правых партий, выступающих за определенный комплекс решений: снижение налогов, прекращение или по крайней мере минимизация инокультурной миграции, традиционные моральные ценности иудео-христианской цивилизации. Он особенно ярко виден, если сравнивать не результаты последних и предпоследних выборов, на которые могут повлиять разного рода субъективные факторы (скандалы вокруг конкретных политиков, усталость от долгого правления одной политической силы и т.п. — ярко это сочетание проявилось на последних выборах в Великобритании), а результаты выборов в наступившем XXI веке — в его начале и сейчас.

Например, «Национальный фронт» (тогда еще полусоциалистическое движение — своего рода «социализм для галлов») на выборах в Европарламент во Франции в 2004 г. набрал 9,7%, а их преемник — уже вполне консервативное «Национальное объединение» — в 2024 г. 31,3%. На национальных выборах в Польше «Право и справедливость» в 2001 г. набрала 9,5%, а в 2023 г. — 35,3% (и это еще снижение после двух каденций, когда партия контролировала и парламент, и пост президента). И даже в такой, казалось бы, левой стране, как Швеция, мы наблюдаем рост популярности правой партии «Шведские демократы» с 1,4% в 2002 г. до 20,5% в 2022 г.

Фактически сейчас остались лишь единичные европейские страны, в парламентах которых нет так называемых ультраправых (если приглядеться к их программам, а не повторять лозунги левой прессы, то обычно оказывается, что это никакие не «ультра», а обычные правые либералы), — и ни одной крупной европейской страны. В Европе сейчас одновременно наблюдаются три тенденции. Наиболее активно — это формирование новых правых партий. В меньшей степени — электоральные успехи старых правых партий, их выход из изоляции и получение доступа в правительственные коалиции. Также наблюдается тренд вправо и традиционных правоцентристских партий, отказ от эклектичной «фиолетовой», «право-левой» повестки.

«Правый поворот» затрагивает не только европейский континент. Уже более десяти лет крупнейшей демократией мира, Индией, правит Индийская народная партия премьер-министра Нарендры Моди, в очередной раз одержавшая победу на парламентских выборах 2024 г. Лишь растет рейтинг правого президента Аргентины Хавьера Милея, за год правления которого удалось снизить инфляцию более чем в десять раз. В 2024 г. правые в очередной раз победили на парламентских выборах в Японии и президентских выборах на Тайване.

Но, безусловно, самой яркой иллюстрацией «правого поворота» стала победа Дональда Трампа на президентских выборах 2024 г. Впервые с выборов 2004 г. кандидат Республиканской партии победил не только по количеству выборщиков в коллегии, но и по абсолютным голосам, также сохранилось большинство в палате представителей и получено большинство в сенате. Думается, впрочем, что он должен был победить и на выборах 2020 г., но тогда сказалось два фактора — это злоупотребления на выборах и экономические проблемы, вызванные эпидемией Covid. Да, они затронули США в значительно меньшей степени, чем большинство европейских стран, благодаря отсутствию страновых локдаунов, но тем не менее затронули. Несмотря на имидж эксцентричного политика, Трамп и в свой первый срок осуществил немало реальных правых реформ, в частности провел крупнейшее снижение налогов со времен Рейгана.

Сейчас же Трамп пришел к власти, будучи вооружен программой Project 2025 («Проект 2025»), разработанной в известном think-tank Heritage Foundation. Мы не знаем, насколько полно удастся ее воплотить в жизнь за вторую каденцию, но первые шаги по борьбе с идеологией DEI (Diversity, equity, and inclusion — Разнообразие, равенство и инклюзивность) в государственном аппарате — фактически тоталитарной идеологии, требующей не равенства, а привилегий разнообразным меньшинствам, уже впечатляют и сторонников, и противников Трампа. В настоящее время в федеральных органах власти все мероприятия DEI отменены, планируется также прекращение федерального софинансирования тем программам штатов и муниципалитетов, где DEI применяется.

Упомянем вкратце основные тезисы Project 2025. Это дальнейшее снижение налогов (налога на прибыль с 20 до 18%, налога на прирост капитала с 20 до 15%, унификация ставок подоходного налога к двум — в 15 и 30% — вместо нынешних семи). Снижение государственных расходов и государственного долга. Снятие

административных барьеров, в частности ограничений на добычу нефти, и прекращение дотаций «зеленой энергетике». Выравнивание условий для внешней торговли. Это резкое сокращение профессиональной бюрократии и увеличение числа политических назначенцев примерно в десять раз (до 40 тыс. человек), при ликвидации с переводом в ведение штатов или сокращении функций ряда министерств, прежде всего министерств образования и здравоохранения. Это депортация нелегальных мигрантов и сокращение оснований для легальной миграции.

Один из основных авторов Project 2025 Пол Дэнс описывал его суть как «возврат на 100 лет назад». И это хороший пример актуальности правой идеологии, которая в США именуется также «консервативной».

Предложения авторов ввести избирательные цензы, первоначально в виде «премиальных» голосов, и напрямую, жестко подчинить государственных служащих избираемым политикам могут шокировать многих читателей. Однако эти предложения имеют ровно ту же логику — «вернуться на 100 лет назад» и прервать провальные, с точки зрения авторов, исторические эксперименты. Авторы не просто показывают низкую эффективность всеобщего избирательного права (они его называют «привилегией»), но настаивают на его аморальности. Тем более опасна, с их точки зрения, независимость чиновников. Особенно в условиях социального государства, когда у чиновников социального государства и близких им по взглядам политиков появляется возможность подкупать избирателя и даже «импортировать его». Предложения вернуться к испытанным политическим институтам классического капитализма вполне совместимы и с классическим либерализмом, и с современным фискальным консерватизмом.

Впрочем, не стоит цепляться к терминам. Идеология минимального, но притом правового государства, частной собственности, низких налогов и низких государственных расходов в разных частях света называется по-разному. В России в настоящее время она, как правило, называется «либеральной» или «праволиберальной», такой же термин используется в Японии или Австралии (или к нему добавляют определение «классический», «классический либерализм»). В США же или Канаде под словом «либерал» сейчас подразумевается нечто близкое к российским коммунистам, в Великобритании — нечто близкое к европейским социал-демократам.

Авторы разделяют мнение Маргарет Тэтчер, выделявшей как основу консервативной философии свободу, собственность и гарантированные законом личные права, но дополняют его важными аспектами — моралью, базирующейся на иудео-христианской религиозной традиции, и семьей, как институтами, ограничивающими государство. Бог и семья — выше государства, и если государство борется с ними, то тем хуже для государства. Это несколько противоречит тем подходам, с которыми мы сталкивались начиная со времен перестройки, когда под «свободой» часто понимали атеизм и нигилизм. На самом деле, как показал приход к власти большевиков в России, атеизм и нигилизм сами по себе не гарантируют никаких свобод, а могут быть строительным материалом для тоталитаризма.

И это не уникальный взгляд. Например, составитель недавно вышедшей антологии консервативной мысли США Роман Белькович называет это другими словами — консерватизм основывается на «непреходящих вещах», которые лежат не в прошлом, а в hic et nunc, «здесь и сейчас».

Консервативная философия возникла в Европе и России как будто примерно в одно время — Эдмунд Бёрк и Николай Карамзин, Франсуа-Рене Шатобриан и Сергей Уваров были современниками, и их творчество во многом вдохновлялось опытом Французской революции, которая вроде бы хорошо началась, но плохо закончилась. Однако, анализируя западный и российский консерватизм, обращает на себя внимание вот какая разница. Что консервировать? Кто-то может сказать, что монархию. Но монархия для консерватора — вещь опциональная; например, американский консерватизм вырос на республиканской традиции (хотя и не на всеобщем избирательном праве).

Я бы скорее сказал, что верная правая, консервативная идея — это власть, ограниченная законом. Эта традиция, в разных европейских государствах по-разному, к второй половине XVIII — началу XIX века уже складывалась. В России же продолжало существовать, по меткому выражению историка Сергея Сергеева, «русское самовластие». Об этом же пишет и Ричард Пайпс: если на Западе со времен Древней Греции и Древнего Рима существовало представление о различии института государства и личности правителя, то в России оно не сформировалось. Потому и судьбы западного и российского консерватизма складывались по-разному, несмотря на наличие многих общих, казалось бы, черт и характеристик — от убеждения в

необходимости умеренности и постепенности в политике до опоры на религиозные нормы. С учреждением в России парламента, пусть и с ограниченными полномочиями, казалось, возник шанс на успешное догоняющее развитие, но российская власть забыла призыв Петра Столыпина — «двадцать лет без войн и революций», ввязалась в войну и получила революцию.

Современное общество стоит перед многочисленными вызовами, которых не было сто или двести лет назад. Демографический кризис, миграционный кризис, пенсионный кризис и, шире, бюджетный кризис «социального государства», конфликт налогоплательщика и бюджетополучателя, конфликт налогоплательщика и государства. Те рецепты, которые нам предлагают «мейнстримные политики», как правило, сводятся к латанию дыр. В этой связи вполне полезно было бы взглянуть на исторический опыт. Исторически совсем недавно существовали и бездефицитные бюджеты в мирное время, и естественное воспроизводство населения, и отсутствие инокультурной миграции, и демократия налогоплательщика. И они вполне могут возникнуть вновь, это зависит от действий людей. Характерным примером тут является плоский подоходный налог. К 1990-м гг. он не существовал нигде в мире, казалось, что он вымер, как динозавры. Однако затем, сначала в некоторых провинциях Канады, затем в России, затем еще в двух десятках государств он возродился и быстро дал неплохие результаты в виде роста налоговых сборов.

Для России же, как и иных развивающихся стран, чрезвычайно актуальным остается совет Милтона Фридмана, данный постсоциалистическим реформаторам начала 90-х: «Вам стоит заимствовать на Западе не те институты, которые существуют сейчас, а те институты, которые сделали Запад богатым». Собственно, о том, как оставаться на двух ногах, а не пытаться ходить на голове, и наоборот, как вновь встать на ноги после эксперимента с головой, и написана настоящая книга.

Иван Денисов

Что такое консерватизм?

Консерватизм — одно из тех понятий, которые широко используются в повседневном обиходе. При этом мало кто задумывается о смысле этого понятия. Особенно если речь идет о политически-философском смысле.

В России ситуация еще хуже. Здесь к бездумному употреблению понятия «консерватизм» примешивается его местное понимание, которое практически не имеет связи с реальным консерватизмом, прежде всего XX—XXI веков. Потому в РФ консерватизм — это и монархизм, и путинизм, и коммунизм, а то и все перечисленное разом.

Следует признать, действительно трактовок у философии консерватизма немало, порой даже противоречащих друг другу. Однако если говорить о сложившемся в XX веке восприятии, то определить основные направления все-таки возможно. Почему консервативное движение как интеллектуальное, молодежное и политическое явление стало серьезной силой как раз во второй половине прошлого столетия, когда возникла необходимость в противодействии тоталитарным идеологиям, а либерализм оказался не в силах им противостоять. Потому многие либералы, прежде всего экономические, примкнули к новому движению, а центром его стал англоязычный мир, то есть США и в меньшей степени Великобритания.

Не желая принизить достоинства консерваторов других стран, следует согласиться, что именно американские и британские авторы XX века наиболее точно сформулировали основы консервативной философии, опираясь, естественно, на наследие мыслителей, политиков и экономистов прошлого.

Например, американский политический философ Уиллмор Кендалл выделяет три главные составляющие консерватизма: разделение властей (как способ избежать быстрых радикальных мер и предохранить общество от диктатуры любой формы), минимальное вмешательство государства в жизнь граждан (особенно во имя принудительного равенства, прежде всего экономического) и уважение к частной собственности (см. Kendall 1971, 261—262).

Определение британского историка Роберта Блейка во многом созвучно предложенному Кендаллом (с поправками на местные реалии): «Вера в то, что

Британия — и прежде всего Англия — обычно права. Вера в разнообразие мнений, в независимые институты, в право собственности; недоверие к централизованной власти, к эффективности правительства (кроме вопросов поддержания порядка и национальной безопасности), к утопическим схемам спасения человечества и интеллектуалам-доктринерам; отторжение абстрактных идей, высоких философских принципов и обобщений. Но при этом готовность принять осторожные и постепенные реформы, если консервативное правительство объясняет их важность. Здесь же нежелание заглядывать слишком далеко вперед или предаваться чрезмерному беспокойству из-за будущего; скептическое отношение к человеческой природе; вера в первородный грех и в ограниченные возможности политических и социальных улучшений; скептицизм по поводу “равенства”» (Blake 1985, 359).

Характеризуя склад ума консерватора, американский экономист и философ Томас Соуэлл называет его «трагическим вИдением» и описывает основные элементы консервативного сознания так: человеческие способности воспринимаются как изначально ограниченные, социальные возможности — как предлагающие компромиссы вместо способов всеобщего спасения, свобода — как отсутствие давления властей, правосудие — как набор процессуальных правил с четкими характеристиками, знание — как приобретенный большинством опыт, механизм принятия решений — как систематический процесс на основе опыта и предпочтений большинства (см. Sowell 1995, 1).

Впрочем, понятие «трагический» отнюдь не должно означать уныние и пессимизм. Снова Блейк: «Человек может быть весьма скептичен по поводу модных тенденций, сомневаться в рецептах спасения от интеллектуалов, но при этом отвергнуть принципы неучастия в общественной жизни, будучи уверенным, что пытаться остановить то, что некоторые называют „прогрессом“, все же стоит. Такой человек не может игнорировать практические проблемы политтехнологий и должен быть готов на определенные тактические уступки „духу времени“, при этом не испытывая необходимости его признавать» (Blake 1985, 133).

То, что именно консервативное мировоззрение помогает сохранить баланс между необходимостью определенных нововведений и отторжением радикализма, признавал и американский философ Ричард М. Уивер: «Настоящий консерватор видит вселенную набором аксиом, которые стараются адаптироваться к требованиям реальности... Такая парадигма побуждает к действию, но одновременно налагает ограничения на чрезмерную активность» (Weaver 2015, 112—113).

Любопытно, что при настороженном отношении к радикальным переменам консерваторы порой становятся революционерами, если вспомнить первоначальное значение слова «революция». Американский историк Оскар Хэндлин (близкий консерваторам, но все же не консерватор) напоминает, что, до того как стать языковым символом радикальных изменений или свержения правительства, слово значило «вращение тела вокруг центра с возвращением в исходное положение». И добавляет: «Идея радикального разрыва с прошлым не очень близка идее постоянного возвращения; более того, они противоположны. Но обе описываются одним и тем же словом. Пуритане XVII века, противостоявшие Стюартам, и американские колонисты, бросившие вызов Георгу III, верили, что они сражаются за восстановление древних свобод, попранных Короной. Но в процессе слово и реальность трансформировались в сторону нового начала, нового общества, нового правительства» (Handlin 1979, 178).

Меняются акценты и в самом консерватизме. Для американских консерваторов 50-х, например, основой консервативной политики был Конгресс. Но по мере полевения обеих палат и по мере появления в Белом доме таких президентов, как Ричард Никсон (в меньшей степени) и Рональд Рейган, консерваторы стали уделять больше внимания исполнительной власти.

Идеи сбалансированного бюджета в 1960-е (тогда многие консервативные сенаторы выступали против снижения налогов) сменились идеями экономического роста как раз через снижение налогов. Ну а конфликт между изоляционистами и интернационалистами, видимо, вечен.

И если в эпоху Рейгана (единственного президента, по-настоящему близкого консервативному движению) сложился образ консерватизма как «трехногого стула» (экономический консерватизм, социальный консерватизм, активное развитие обороны), то сегодня и он претерпевает изменения, так как набирающие авторитет национал-консерваторы менее враждебны «большому правительству» и полагают расходы на «культурные войны» внутри своих стран важнее расходов на противостояние тоталитарным режимам в мире.

Казалось бы, с таким количеством трактовок и внутренних конфликтов консерватизм должен был стать благодатной темой для исторических исследований. Но этого не случилось. Левая направленность западной академической среды привела к тому, что историки либо избегают анализировать консерватизм вообще, либо пытаются переделать его под левоцентристские трактовки (Peter Viereck,

«Conservatism: from John Adams to Churchill»), либо стремятся к демонизации консерваторов (Rick Perlstein, «Before the storm»).

Но все же интересные работы по консерватизму появляются. Оставим в стороне труды вдохновителей консерватизма вроде Эдмунда Бёрка, Джона Адамса или Алексиса де Токвиля. И даже работы интеллектуальных лидеров консерватизма уровня Уильяма Ф. Бакли-младший, Джеймса Бернхема, Фрэнка С. Майера, Роджера Скрутона или упомянутых выше Кендалла и Соуэлла. Речь именно об исследованиях, которые анализируют консервативные идеи и рассказывают о людях и событиях, связанных с движением. Жаль, что самые знаменитые американские историки-консерваторы, такие как Дэвид М. Поттер (David M. Potter, «The impending crisis») или Форрест Макдоналд (Forrest McDonald, «E Plurubus Unum») предпочитали писать на любимые темы (Гражданская война и создание США соответственно) с консервативных позиций, а не о самом движении, но это их выбор. Зато образцом анализа консервативной мысли остается книга Джорджа Х. Нэша «Консервативное интеллектуальное движение в Америке с 1945 года» (George H. Nash, «The conservative intellectual movement in America since 1945», не раз переиздавалась и дополнялась). Увидеть движение изнутри помогают, например, книги Ли Эдвардса («Консервативная революция»; Lee Edwards, «The Conservative revolution») и Алфреда С. Регнери («Вверх по течению»; Alfred S. Regnery, «Upstream»), благо у Эдвардса богатый опыт консервативного активиста, а отцом Регнери был первый знаменитый издатель консервативной литературы Генри Регнери.

В Великобритании исследования «консерватизма с большой и маленькой буквы *к*» часто сливаются воедино. Хотя принадлежность к Консервативной партии отнюдь не делает политика консерватором в описанных выше трактовках, главные исторические работы по британскому консерватизму — это в основном биографии представителей партии или обзоры партийной истории. Безусловным лидером среди историков британского консерватизма остается Роберт Блейк. Дэвид Ричард Торп, Робин Харрис, Филип Зиглер, Чарлз Мур или Саймон Хеффер своими книгами по истории Консервативной партии и биографиями ведущих политиков (Макмиллан, Тэтчер, Хит, Пауэлл) тоже заслуживают внимания, но Торп сосредотачивается на событиях порой в ущерб анализу, для Харриса партия важнее идеологии, а Зиглер, Мур и Хеффер больше журналисты, чем историки (Robin Harris, «The Conservatives»;

D. R.Thorpe, «Supermac»; Philip Ziegler, «Edward Heath»; Charles Moore, «Margaret Thatcher»; Simon Heffer, «Like the Roman»).

В России все еще хуже, так как консервативная мысль и консервативная история (во всех смыслах) на полках российских книжных магазинов представлены не очень богато. Можно найти переводы экономистов Фридриха Хайека («Дорога к рабству»), Милтона Фридмана («Капитализм и свобода») или того же Соуэлла («Принципы экономики»). Была переведена книга консервативного социолога Роберта Нисбета «Прогресс: история идеи». Иногда появляются опыты консервативной публицистики («Антиамериканизм» Пола Холландера и «Либеральный фашизм» Джоны Голдберга). Наконец, была опубликована даже знаменитая полемическая книга Роджера Скрутона «Дураки, мошенники и поджигатели. Мыслители новых левых». Но из известных исторических работ по консерватизму до российского читателя дошел только опус Кори Робина «Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин». Робин не историк, а публицист, к тому же весьма левых взглядов. Разумеется, и книга его прежде всего имеет целью атаку на консерватизм и желание представить консерваторов самых нелицеприятным образом. Естественно, такие книги имеют право на существование, и, естественно, российский читатель должен иметь доступ и к ним, но при одном условии — чтобы было с чем сравнивать. То есть чтобы рядом с книгой Робина стояла книга, например, Ли Эдвардса. А этого, как вы уже поняли, не произошло.

Потому книга, которую вы прочтете, ознакомившись с этим предисловием (ну, или которую решили прочитать до знакомства с предисловием), для России уникальное явление. Авторы взялись за сложнейшую задачу: рассказать о консерватизме как философии и проанализировать, как эту философию воплощали политики разных стран мира. По моему скромному мнению, с задачей они справились. Понимаю, возможно, кому-то покажется, что за рамками исследования остались страны и особенности консерватизма, которые интересно именно вам, но все и сразу вместить в одну книгу невозможно. Но у книги есть возможность быть переизданной и дополненной или получить продолжение, благо тема консерватизма остается важной и актуальной.

Авторы начинают с общих характеристик основных используемых терминов и с определением целевой аудитории. Представив читателю структуру книги во введении, они затем сосредотачиваются на анализе конфликтов и споров между

консерватизмом и либерализмом. Названия мини-глав говорят сами за себя: «Рациональный выбор и вечные ценности», «Два подхода к защите жизни, свободы и частной собственности», «“Реалистичный” консерватизм и социальный либерализм: “новый консенсус”». В приложениях к главе о консерваторах и либералах есть весьма любопытное, связанное с Израилем, но об Израиле чуть позже. Тем более начиная с главы третьей авторы, не забывая о теории, все больше внимания уделяют практике и истории на примере разных стран.

Потому третья глава посвящена истории политического консерватизма, четвертая — современному консерватизму старых демократий, пятая — демократиям новым, в шестой авторы возвращаются к теоретическим вопросам на примере права наследования, в седьмой анализируются проблемы консерватизма, а в заключительной речь пойдет о практических рекомендациях применения консервативной политики в молодых демократиях.

Ожидаемо особое внимание в книге уделено все тому же англо-американскому консерватизму. При всех своих проблемах, различиях стран и внутренних противоречиях часто англо-американский консерватизм воспринимается как некое единое целое, особенно после правления Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Так что читателям представлены особенности консерватизма этих стран, его успехи и, конечно, проблемы.

На страницах, посвященных американскому консерватизму, читателю предлагается экскурс в историю страны и размышления о месте консерватизме в американской политической жизни. Кроме того, анализируются экономические вопросы, судейский активизм, проблемы изоляционизма, взаимодействие консерваторов с либералами и социалистами.

Не стану останавливаться на согласии/несогласии с трактовками отдельных событий или личностей, прежде всего президентов США, тут всегда будут разногласия. Только уточню, что в высказывание Эйзенхауэра о военно-промышленном комплексе, которое в книге упоминается, усилиями советников была внесена поправка. Изначально речь шла о «военно-промышленно-научном комплексе» (Safire 2008, 429). Ну и предположу, что, возможно, стоило бы больше внимания уделить консерватизму в Конгрессе.

Что до изоляционизма, то он имеет право на существование в консервативном движении, но мне понятнее позиция Уильяма Ф. Бакли-мл. (порой не чуждавшегося и изоляционистских настроений), сформулированная еще в 1961-м: «Мы не хотим

начинать войну, мы хотим ее избежать, а лучший способ избежать войны — показать свою готовность к ней... И потому мы должны протянуть руку помощи свободным людям Азии» (Buckley Jr. 2008, 47—48). Речь шла о Тайване, потому актуальности позиция ничуть не утратила.

Но остановлюсь на главке про судейский активизм.

К сожалению, в России мало интересуются законами вообще, а законами других стран и подавно. При этом американская юридическая система одна из самых интересных в мире, а ее влияние на общественно-политическую жизнь страны огромно (назначение судей как в Верховный суд, так и в суды низших инстанций имеет немалое значение в предвыборных обещаниях кандидатов в президенты). Но переводная литература об американских судах отсутствует, хотя, что имел в виду Александр Хэмилтон, когда писал: «Свобода может не бояться судебной власти как таковой, но должна бояться, если судебная власть объединяется с другими ветвями» (Alexander Hamilton, «The Federalist» #78), у нас в стране можно понять на своей шкуре. Авторы разбирают примеры именно юридического активизма (толкование Конституции в угоду требованиям политиков и групп интересов и с отрывом от изначального значения и традиционного толкования) на примере судейских решений преимущественно второй половины XX века, когда полевение Верховного суда стало особенно очевидным. Прежде всего при назначенном Эйзенхауэром главном судье Эрле Уоррене. Но и после Уоррена вернуть Суд в более консервативное русло пока не удается. Жаль, правда, что авторы, рассказав о судейском активизме, не стали представлять противоположную точку, то есть судейский консерватизм, представленный Робертом Борком, Антонином Скалиа или Кларенсом Томасом. (Более подробно об идеологической трансформации Верховного суда смотрите у Роберта Борка: Bork 1990.)

«Британские» части книги напоминают об интеллектуальном наследии Эдмунда Бёрка, подробно освещают становление социального государства в середине XX века и уделяют особое внимание внутренней и внешней политике Маргарет Тэтчер. Бёрк для консерватизма фигура очень и очень ценная, вспомним слова американского консервативного историка Рассела Кёрка: «Бёрк знал, что не бывает изначально хороших людей, что в них смешаны добро и зло, а следование моральному закону обусловлено силой обычаев и традиций... Он знал, что достижения общества достигаются опытом человечества за многие века, а не за одну ночь философом из кофейни» (Kirk 2012, 140).

Что касается Тэтчер, авторы в основном высоко оценивают деятельность премьера, хотя и отмечают, что жесткость в решении Фолклендского вопроса печальным образом исчезла при решении вопроса передачи Гонконга коммунистическому Китаю. Но все же с оценкой Уильяма Ф. Бакли-мл. авторы вряд ли станут спорить: «Выслушав все точки зрения и взвесив все аргументы, Тэтчер всегда берется за дело. Когда все философские моменты обговорены, необходим кто-то, кто использует приобретенные знания. Как говорит сама Тэтчер, петух может кукарекать сколько угодно, яйцо снесет курица» (Buckley Jr. 2008, 429).

Помимо Тэтчер и ее политики, на страницах книги есть критика бездарной политики консервативного правительства во время недавней пандемии и провал консерваторов по целому ряду направлений в эпоху пост-Брекзита.

Но авторы напоминают, что англоязычный мир — это не только США и Великобритания. Главы про Канаду знакомят нас и с вопросами консерватизма в этой стране, хотя трансформация местной Консервативной партии и противостояние внутри нее «синих» и «красных» консерваторов (более правых и более левых) напомнят о похожих проблемах в Консервативной партии Великобритании и в американской Республиканской партии. Проблема остается еще с конференции в Порт-Хоуп в 1942 г., когда консерваторы в своем стремлении угодить всем, с одной стороны, заявили о поддержке частного предпринимательства, индивидуальной инициативы и минимума государственного контроля. С другой — о необходимости использовать все силы для предотвращения еще одной Великой депрессии. И если вмешательство государства в экономику считать наилучшим способом остановить депрессию, то они одобрят такое вмешательство. К заявлениям присовокупили и ряд резолюций в духе социального государства. Лидер консерваторов и экс-премьер Артур Мейен тогда назвал подобные настроения партийной личности «вопиющей нечестностью, которая уничтожит все традиции здравомыслия и мудрости, сделавшие нас теми, кто мы есть». Но говорил он это в частных беседах, а так признал необходимость полевения партии (см. Smith 1995, 128.)

Возвращаясь к нашей книге, отметим, что авторы выделяют как наиболее успешного консерватора последних лет премьера Стивена Харпера, хотя и для него оставляют порцию критики.

Континентальная Европа представлена рассказами про Германию и Францию. Кстати, любопытный факт — проигравшие во Второй мировой войне страны после поражения возглавили именно консерваторы, при этом консерваторы, выступавшие,

с риском для свободы и жизни, против развязавших войну тоталитарных режимов. И именно консервативная политика Конрада Аденауэра, Альчиде Де Гаспери и Сигэру Ёсиды поспособствовала восстановлению и развитию Германии, Италии и Японии.

Если остановиться на Германии, то немецкий консерватизм конца XIX — начала XX века авторы определяют как верноподданнический. Успех же ФРГ в послевоенном мире вполне ожидаемо и оправданно связывается с фигурой Конрада Аденауэра. Философия Аденауэра — философия образцового консерватора. «Достоинство личности должно стоять на первом месте и ставиться выше государства, этот принцип укоренен в западном христианстве» (цит. по: Williams 2000, 307). Естественно, что с такой философией Аденауэр был противником как нацизма, так и коммунизма. Хотя в книге все же больше о его практической деятельности на посту канцлера. К счастью, не забыты и ближайшие соратники Аденауэра, министр экономики (позже канцлер) Людвиг Эрхард и министр обороны Франц-Йозеф Штраус. К политикам постаденауэрской поры книга более сурова, особенно к современным, но это более чем заслуженно. Разве что Гельмут Коль удостаивается некоторых добрых слов, хотя и его ошибки авторами разобраны.

Франция дала консерватизму Алексиса де Токвиля, который вместе с британцем Эдмундом Бёрком по сей день остается одним из главных вдохновителей движения из Европы. О значимости Токвиля можно говорить много, напомню лишь одну цитату из того же Рассела Кёрка: «Токвиль прекрасно понимал сущность “социал-демократии”, эвфемизма, изобретенного для описания централизованного эгалитарного государства, управляемого (иногда с помощью плебисцитов) новой элитой, которая не столько удушает свободу, сколько игнорирует ее» (Kirk 2012, 165).

Однако в веке двадцатом Франция и консерватизм редко упоминались как синонимичные понятия, а преемников Токвиля ни в политике, ни в философии не нашлось (при всем уважении к Раймону Арону выделю разве Жана-Франсуа Ревеля, разочарованного левого, ставшего главным союзником американского консерватизма во Франции).

В книге Токвиль соседствует с экономистом Фредериком Бастиа на страницах, посвященных французскому классическому либерализму. Сегодняшним консерваторам — соотечественникам мсье Алексиса места не нашлось, что, в общем, оправданно. Нашлось место критической оценке де Голля, что оправданно. Зато есть представители другой страны — представительницы континентальной Европы,

Нидерландов. Для англоязычного консерватизма консерватизм нидерландский в основном представлен великим историком Йоханом Хёйзингой. Его эссе конца 1930-х гг. «Тени завтрашнего дня» (Хёйзинга 2019) остается образцом культурного консерватизма. Хёйзинга высказывал озабоченность ростом тоталитарных настроений, инфантилизма (он использован слово «пуэрилизм»), усиливающейся аморальностью государства и общим упадком культуры. Тогда опасения Хёйзинги подтвердила Вторая мировая война. Что удручает, они актуальны и сегодня. Правда, в нашей работе речь идет о современных представителях нидерландского консерватизма, а точнее, о таких политиках, как Герт Вилдерс и Марк Рютте.

Япония в книге — это деятели Либерально-демократической партии. Политическим событиям в послевоенной стране места уделено не так много, упор на экономические вопросы, потому и из деятелей японского консерватизма выделен премьер Дзюнъитиро Коидзуми. Я же напомню и о давней внутренней дуэли наследий двух премьеров 1940—50-х, Сигэру Ёсиды и Нобусукэ Киси, которая, по мнению ряда историков, определяет направления японского консерватизма. Ёсида предпочитал развитие Японии с зависимостью от США в области обороны и национальной безопасности, тогда как Киси полагал, что сильные правые и антикоммунистические позиции страны должны стать «пропуском» в число ведущих мировых держав, в том числе и в военных вопросах (подробнее см. Harris 2020).

И снова Европа. Только уже Восточная, где после окончания холодной войны правят преимущественно правоцентристские и консервативные партии. Книга рассказывает о консерватизме в Польше и Венгрии, но не забывает и о бывших советских республиках.

Польский консерватизм в интеллектуальных кругах долго олицетворял выдающийся философ Лешек Колаковский. Хотя Колаковский скорее разочарованный левый вроде упоминавшегося Ревеля, сам он не отказывался от подобной характеристики, хотя порой и называл себя, пусть не без юмора, «консервативным либеральным социалистом». Однако определения консерватизма от Колаковского весьма точны. Например: «В жизни человека не было и никогда не будет улучшений, за которые бы не пришлось расплачиваться новыми проблемами; при оценке каждой реформы надо осознавать все возможные последствия. Другими словами, разные формы зла вполне совместимы... а вот разные формы добра ограничивают или уничтожают друг друга, отчего мы не сможем получить их все и одновременно. Общество, в котором нет ни свободы, ни равенства, возможно,

социальный порядок, сочетающий полное равенство и свободу, — нет»[1]. Или: «Позитивные институты и традиции „даны“ историей и укоренены в ней, что и придает им авторитет. А источником законов должно служить не произвольное решение, принятое для удовлетворения конъюнктурных требований, но устоявшееся законодательство и история» (Kolakowski, 1981).

Книга сосредотачивается на консервативной политике, а не философии Польши, но это никак не минус. Здесь подробно изложена послевоенная история страны и тщательно проанализирована деятельность партии «Право и справедливость» (как и противостояние национал-консерваторов «ПиС» с либерал-консерваторами из партии «Гражданская платформа»). Критики немало, но это критика с консервативных позиций, которым обе партии, увы, не всегда следуют.

Как польский консерватизм часто ассоциировался в англоязычном мире с Колаковским, так венгерский — с экс-министром финансов послевоенной Венгрии Николасом (Миклошем) Ньяради, вынужденным покинуть страну после прихода к власти коммунистов. В США Ньяради стал очень популярен среди антикоммунистов, а его определение Независимой партии мелких хозяев стало своего рода олицетворением венгерского консерватизма. «Партию основали фермеры, торговцы и консервативный средний класс Венгрии, которые не хотели видеть у власти ни короля, ни диктатора, ни комиссара» (Nyaradi 1952, 10). Даже проделавший тот же пусть из Венгрии на Запад историк Джон Лукач, в общем более известный в США, чем Ньяради, для формирования представления о венгерском консерватизме сделал, наверное, не так много.

Книга уделяет Венгрии не так много внимания, сосредотачиваясь на анализе Конституции 2011 г. Разбирая же проблемы Чехии и Словакии, авторы обращают особое внимание на люстрации (Чехия) и экономические реформы консерватора Микулаша Дзуринды (Словакия).

Бывшие же советские республики представлены Латвией, Эстонией и Грузией с подробным рассказом о местных реформах. В Эстонии успех реформ во многом связывается с деятельностью Марта Лаара и его пониманием, что решение экономических вопросов обязательно должно быть накрепко увязано с реформами политическими и институционными для разрыва с советским наследием и переходом

[1] https://criticathink.wordpress.com/2021/03/06/leszek-kolakoswki-on-being-a-conservative-liberal-socialist/ (дата обращения: 26 августа 2025 г.).

к системе демократического капитализма. Латвии же для действительно серьезного успеха по переходу от советской дикости к цивилизации лидеров уровня Лаара, по мнению авторов, не хватило.

Достижения Грузии были бы немыслимы без министра экономики и, возможно, самого известного экономического консерватора постсоветского пространства Кахи Бендукидзе. Разумеется, о нем и его взглядах книга рассказывает, но не забывает и о президенте Михаиле Саакашвили, который сделал реформы Бендукидзе возможными. Хотя однозначной идеализации обоих политиков, к счастью, нет, и их есть за что критиковать.

Очень важными назову и страницы, посвященные Израилю. Левая направленность Израиля и сионизма — один из устоявшихся мифов. И да, социалистический сионизм играл важную роль в создании Израиля и управлении им. Но он никак не был единственным и даже основным направлением, к тому же порой отличался немалой гибкостью. Так, безоговорочный противник социализма, но друг Израиля Уильям Ф. Бакли-мл. еще в 1972-м писал: «Основатели (Израиля. — *И. Д.*) были в основном социалистами, но социализм здесь не является боевой верой. Лучше талантливого министра транспорта Шимона Переса не скажешь: “Те, кто предпочел свободу равенству, добились большего равенства, чем те, кто предпочел равенство свободе, — свободы”» (Buckley Jr. 2010, 343).

Израильский историк Бенцион Нетаяньяху напоминает о взглядах одного из основоположников сионизма, Теодора Герцля: «Герцль был уверен, что социализм противоречит человеческой природе, тем более еврейской, так как евреи “были и остаются индивидуалистами со времен Моисея”». Герцль полагал еврейский социализм аномалией, вызванной ненормальным существованием евреев в мире, потому видел одним из главных достоинств сионизма способность вывести евреев из сферы влияния социализма. Когда сионистам удалось отвлечь еврейских студентов Вены от социалистического движения, он описал это в своем дневнике как победу. И добавил «Возможно, некоторые из них полагают, что мы сделаем будущее еврейское государство социалистическим. Я так не считаю. Определенные вещи мы организуем лучше, чем в старом обществе, но в основном все останется по-прежнему». Более того, Герцль снова и снова подчеркивал, что «для евреев связываться с социализмом — это большая ошибка, так как социалисты рано или поздно изгонят евреев из своих рядов». Для социалистов евреи играют ту же роль, что и «негры, которых выбросят, как только они перестанут быть нужными»

(Netanyahu 2012, 69—70). Нетаньяху справедливо указывает, что именно это и произошло с еврейскими революционерами в СССР, а я бы добавил, что Герцль предсказал и поведение социалистов в 1970-е, когда социалистический альянс отвернулся от Израиля во время Войны Судного Дня (помощь пришла только от «реакционных» США с Никсоном при содействии постсалазаровской «реакционной» же Португалии), и поведение сегодняшних ненавидящих Израиль левых.

Сравните с речью знаменитого сенатора-республиканца Джозефа Р. Маккарти: «Евреи — прирожденные враги коммунизма. Исторически представители иудейской веры были и есть защитники свободы. Свободы политической, экономической и социальной. Всего, что хочет уничтожить коммунизм. И не забывайте, что исторически евреи сторонники толерантности. Но эта толерантность не распространяется на то моральное зло, которым является коммунизм. В рамках уважения к достоинству личности они настаивают на религиозной и политической толерантности»[2].

И очень хорошо, что подробный рассказ о консерватизме в Израиле перекликается с высказываниями выдающихся деятелей прошлого, а заодно помогает избавиться от ложных представлений об этой стране.

В книге Израилю уделено очень много места. Есть ответ на нападки известного своими антиизраильскими взглядами либертарианца Мюррея Ротбарда. И есть очень обстоятельный рассказ по истории Израиля с особым вниманием к проблемам партии «Ликуд», которой в конце 1970-х удалось сломать левую монополию на власть, но не избавиться от левого наследия в госаппарате и судебной власти. Да и деятельности Верховного суда уделено достаточно внимания.

Авторы прилагают немалые усилия, чтобы освободить подлинный консерватизм от безрадостных ассоциаций и ошибочных понятий. Это сделать очень и очень непросто, но в книге все же получилось. Потому, тщательно разобрав проблемы консерватизма в предпоследней главе (чрезмерные компромиссы, антиконсервативная направленность СМИ и системы образования), они излагают связную и осмысленную консервативную программу в главе последней (выделяя и важность исторических уроков). Остается надеяться, что получится не только на

[2] https://www.andrewbostom.org/2018/11/senator-joseph-mccarthys-1955-tribute-to-jews-congenital-enemies-of-communismguardians-of-the-individuals-freedom/

книжных страницах, но и в жизни, но не все сразу. Американский консерватизм в минувшем веке прошел путь от интеллектуального движения к молодежному и уже потом политическому примерно за девять лет, а до побед и того дольше. Да, нельзя во всем равняться на американский консерватизм, тем более сейчас он переживает очевидный кризис. Но эффект от успехов американского консерватизма прокатился по всему миру и изменил его, смею утверждать, к лучшему. Потому дословно повторять и заимствовать не стоит, но вдохновляться — надо обязательно. И пусть книга поможет вдохновляться лучшим, что есть в консервативной философии, а заодно научит не повторять чужих ошибок.

Библиография

Blake, Robert. *The Conservative Party from Peel to Thatcher*. Fontana Press, 1985.

Bork, Robert. *The Temptation of America*. Simon & Schuster, 1990.

Buckley Jr., William F. *Athwart history*. Encounter books, 2010.

Buckley Jr., William F. *Let Us Talk of Many Things*. Basic Books, 2008.

Handlin, Oscar. *Truth in history*. Harvard University Press, 1979.

Harris, Tobias S. *The Iconoclast*. Hurst & Company, 2020.

Kendall, Willmoore. *Contra Mundum*. Arlington House, 1971.

Kirk, Russell. *The Essential Russell Kirk*. ISI Books, 2012.

Kolakowski, Leszek. *Main Currents of Marxism*.

Netanyahu, Benzion. *The Founding Fathers of Zionism*. Balfour books, 2012.

Nyaradi, Nicholas. *My Ringside Seat in Moscow*. Thomas Y. Crowell Company, 1952.

Safire, William. *Safire's Political Dictionary*. Oxford University Press, 2008.

Smith, Denis. *Rogue Tory*. Macfarlane Walter & Ross, 1995.

Sowell, Thomas. *The Vision of the Anointed*. Basic Books, 1995.

Weaver, Richard M. *The Ethics of Rhetorics*. Echo points Book and Media, 2015.

Williams, Charles. *Adenauer*. Little, Brown & Company, 2000.

Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня // *Хёйзинга Й.* Осень средневековья. Homo Ludens. Эссе. М.: Колибри, 2019. С. 763—880.

Мы все знаем, что делать, мы не знаем,
как выиграть выборы после того, как мы это сделаем[3].

Ж.-К. Юнкер,
премьер-министр Люксембурга (1995—2013)

— Три фактора, — говорил он, — должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самодеятельность.
...Ежели общество лишено самодеятельности, то оно становится неспособным к устройству своих дел и даже мало-помалу утрачивает представление об отечестве. <...>
Сперва «по возможности» действовал, потом на «хоть что-нибудь» съехал... И стал он действовать. И все применительно к подлости.

М.Е. Салтыков-Щедрин. Либерал. 1885 г.

1. Введение

Почему в последние 100—120 лет сторонники личных прав и свобод, частной собственности постоянно сдают позиции более или менее откровенным врагам свободы и частной собственности? Как коммунизм смог пережить развал СССР?

Почему консерваторы, клянущиеся в верности семье, национальной и религиозной традиции и перечисленным выше свободам, нигде не выжгли каленым железом тоталитарную пропаганду в школах и университетах, не разогнали бюрократические ведомства, мешающие частному бизнесу и принудительно заботящиеся о семье?

Поиску ответа на эти вопросы и обоснованию рекомендаций, как перейти в решительное наступление против социализма во всех его обличиях и гарантировать устойчивость достигнутых результатов, посвящена эта книга.

[3] “We all know what to do, we just don’t know how to get re-elected after we’ve done it”: https://www.economist.com/node/8808044 или http://www.bbc.com/news/world-europe-27679170 (дата обращения: 31 мая 2018 г.).

Кому адресована книга

Эта книга адресована прежде всего политизированному читателю, которого интересует не только то, что происходит здесь и сейчас, каким бы это ни было важным. Читателю, который думает, как и куда выбираться из сложившейся ситуации.

И из таких книга предназначена не всем, кто ищет пути выхода, но тем, кто ищет их в определенном направлении. Тем, кто ценит личную свободу, частную собственность и семью. Тем, кто уважает свободу предпринимательства и кто способен восхищаться предпринимательскими достижениями не менее, чем достижениями в науке и изящных искусствах. Часть из таких читателей также считает, что национальное государство представляет большую ценность — просто потому, что пока все проверенные историей достижения в гарантиях прав и свобод, в поддержании политической конкуренции связаны именно с такими государствами, а не с «международными организациями», практически не контролируемыми избирателем. Такие читатели (особенно живущие в относительно пока свободной стране) уважают свою армию и готовы служить в ней и платить налоги на ее содержание. При этом к налогам на содержание ищущих лучшей доли иммигрантов относятся весьма подозрительно. Такие читатели обычно определяют себя как «консерваторы».

Те читатели, которые более критически настроены в отношении армейского мундира и особо трепетно — в отношении личных прав и свобод, обычно определяют себя как классические либералы, или либертарианцы.

Основной вопрос, на который мы постараемся найти ответы в этой работе, — почему так часто партии старых демократий, провозглашающие перечисленные выше ценности, представляются пишущей публикой читающей публике как некий опасный пережиток прошлого. И, что еще важнее, почему, приходя к власти, они, как правило, проваливаются в осуществлении реформ, защищающих свободу и частную собственность. Почему примеры успешного дерегулирования, снижения налогов, укрепления института независимого и беспристрастного суда едва ли не уникальны, а примеры капитуляции перед только что проигравшей выборы оппозицией и перед формально «аполитичной» бюрократией становятся нормой.

Невозможность или невероятные трудности на пути осуществления предпочитаемой политики являются не менее болезненным вызовом для классических либералов (не говоря уже о политически пока малоуспешных либертарианцах). Однако

мы в основном будем «учить уроки» и изучать провалы консерваторов, дабы реже уклоняться от главной темы.

В поисках ответов на вопросы и, соответственно, в поисках материалов для рекомендаций мы будем опираться на историю. При этом написание очередного труда по истории политического консерватизма или по истории консервативной политической и экономической мысли не входит в нашу главную задачу. Примеры из истории нам понадобятся только для поиска ответа на вопрос об удивительной политической неэффективности современных консерваторов, для объяснения их постоянных капитуляций перед лицом оппонентов — сторонников большого «щедрого» и «активно помогающего» государства. Почему попытки талантливых, опытных, нередко довольно популярных политиков — от Б. Нетаньяху до Ж.-К. Юнкера, от Б. Джонсона до Д. Трампа — выполнить предвыборные обязательства дают столь удручающе низкую отдачу. Почему блестящие успехи М. Дзуринды и Д. Коидзуми оказались краткосрочными. Откуда у Ж.-К. Юнкера сформировался пессимистический взгляд на возможные электоральные последствия реализации консервативных ценностей на практике.

В этой работе мы рассмотрим неудачные и, реже, удачные опыты партий и движений в защиту ценностей, на которых были в свое время основаны все правовые, рыночные, демократические общества.

Нам предстоит постараться возможно более внятно определить понятия «консерватизм» и «либерализм», рассмотреть отношение консерваторов и либералов к разным правовым инструментам — таким как писаные и неписаные конституции, к тому, что остается за рамками законодательства («мягкая инфраструктура» права): семья и институты гражданского общества, мораль и религия. Понять, почему консерватор защищает семью, одну вполне определенную религиозную традицию и доверяет армии больше, чем прессе.

Мы рассмотрим важные отличия консерватизма в эпоху демократии налогоплательщика от консерватизма в эпоху всеобщей избирательной привилегии («права»), независимого от политиков чиновничества и в социальном государстве, «государстве всеобщего благосостояния». Эпоху всеобщего избирательного права, как мы покажем, правильнее было бы называть эпохой всеобщей избирательной привилегии. Мы обратим внимание читателя на исторические корни «странного» поведения некоторых современных консерваторов — их изоляционизма и отвращения к внешней политике.

Мы рассмотрим важные отличия современного «социального» консерватизма от консерватизма «фискального».

Некоторые важные определения, используемые в книге

В книге мы будем часто пользоваться следующими важными определениями.

Религиозная традиция. Речь здесь пойдет не о любой религии. «Все религии одинаковы» только в глазах невежд. Под религиозной традицией, если не сделано специальных оговорок, подразумевается традиция, основанная на этических требованиях и запретах, идущих от Синайского откровения, — Десяти заповедях и других, данных в дополнение и в развитие[4]. Традиция, которая построена на идее договора между людьми и Создателем. Договора, обязывающего обе стороны и ограничивающего власть — даже власть Высшую.

Такое ограничение по традициям сделано не потому, что оно соответствует религиозным убеждениям авторов, позиции которых довольно существенно отличаются друг от друга. Авторам представляется вполне очевидным исторический факт возникновения цивилизации, ставшей пока высшим достижением человечества и в морали, и в праве, и в экономике именно на базе этой традиции, а не на основе буддизма, синтоизма, африканских культов или греко-римского (равно как и германского/славянского) политеизма. Не стал такой основой и монотеизм без неразрывно встроенной этической компоненты и без идеи договора, ограничивающего самого Творца[5]. Такое видение Бога означает «проекцию наверх», наделение Высшего авторитета чертами земного жадного до власти и удовольствий правителя, представляемого всемогущим и бессмертным.

В отличие от этого в традиции, идущей от Синайского откровения и основанной на идее договора и ограниченности даже высшей власти, такие договора своего рода сверхконституция. Она дается навечно и связывает обе стороны. Естественно, сильная сторона не имеет права переписывать договор. Сравните этот подход с возможностью отмены аятов — стихов, положений Корана, прописанной в самом же Коране (сура 2

[4] Подробнее см.: Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011, глава 12, в частности таблица 12.1. Книга доступна для скачивания целиком: https://instecontransit.ru/proekty/institucionalnye-ogranicheniya-sovremennogo-ekonomicheskogo-rosta/institutions_and_econ_development_book_v01b/

[5] https://umma.ru/sura-2-al-bakara-korova/#2-106 مَانَنْسَخْمِنْاٰيَةٍأَوْنُنْسِهَانَأْتِبِخَيْرٍمِنْهَاأَوْمِثْلِهَاۗأَلَمْتَعْلَمْأَنَّاللّٰهَعَلٰىكُلِّشَيْءٍقَدِير

«Корова», аят 106): «Если Мы упраздняем (аннулируем, отменяем) аят или заставляем тебя забыть его, то Мы даем лучшее или подобное [по воздаянию, но иное по форме]».

В практическом смысле, применении такой «облегченный» монотеизм плохо отличим от язычества с акцентированной ролью верховного божества и как моральная основа свободного общества, как показывает история, не работает[6].

В этом же ряду «околомонотеистических» традиций и организаций, зачастую связанных с властью, «государственных» религий стоят и традиции, которые сводятся к двум типам издержек — обрядам и налогам, сумма которых «дает» понесшему эти издержки лицу индульгенцию за небезгрешную жизнь в том или ином виде.

Основатели государств и обществ с ограниченной властью правительства — в Нидерландах, Великобритании, США — были людьми не просто в огромном большинстве религиозными. Это были люди, для которых вера не была исключительно семейным делом или делом, ограниченным рамками религиозной общины. Видя нарушения земным правителем пределов, установленных для любой власти[7], они восставали и сражались до победы.

Связь *между традицией*, в которой даже Высшая сила, Творец, выступает как своего рода конституционный монарх, которая требует «жить самим и давать жить другим», и при этом жить не как в голову взбредет, а по довольно высокому и жесткому моральному стандарту, *и свободным, мощным гражданским обществом* при ограниченном в полномочиях и бюджете правительстве представляется достаточно очевидной.

При перечислении видов язычества нами пока не был упомянут атеизм (основанный на вере в отсутствие Бога и Его требований, изложенных в первоисточниках Синайской традиции). О нем нельзя забыть, поскольку в XX веке он стал наиболее распространенной религией этого рода, с наибольшим числом фанатиков, культовых сооружений и учреждений (не только мавзолеев, но и бесчисленных факультетов и кафедр атеистического «богословия»). Представление в качестве и вместо Бога того или иного вождя (как пример — Сталин, Ленин, Мао, Гитлер) или новоиспеченного «морального лидера» (от Ф. Д. Рузвельта и Ганди до Обамы и Греты

[6] Детальное обсуждение отличий ислама от Синайской традиции и вопроса о том, почему мы не считаем его «хорошим» монотеизмом, выходит далеко за рамки задач этой книги.

[7] В этом смысле перечисление прегрешений власти в Декларации независимости США имеет вполне понятный религиозный смысл. Библейских царей, буквально выбранных свыше, лишали власти за те или иные нарушения (Саул) и злоупотребления (Ровоам, сын Соломона). Этот пример давал основание для низложения современного правителя, позволяющего себе несравненно более тяжелые нарушения и злоупотребления властью.

Тунберг) не ново: такие культы с обожествлением правителя и даже его домашних животных на Древнем Востоке были рутинным явлением. В большинстве случаев агностицизм, провозглашаемый человеком, является попыткой дистанцироваться от такой ужасной традиции, не оставляя ее полностью. «Агностик», яростно атакующий традицию, накладывающую на власть жесткие ограничения, по всей видимости, является стеснительным атеистом.

Левый политик. Речь идет о сторонике большого заботливого правительства, не слишком ограниченного в полномочиях и слабо ограниченного в средствах (готового выжимать их у общества да еще и оставлять долги следующим поколениям). Важной чертой таких политиков, а равно и бюрократов, являются претензии на полномочия Высшей силы, готовность принимать за других любые решения об их личной жизни, а также устанавливать и менять по собственному произволу правила своего рода искусственной «морали».

Ранее, как экономисты, мы акцентировали внимание на определении левых/правых политиков, основанном на классических приоритетах (оборона, безопасность, правосудие или «чистые общественные блага») или на присвоенных исторически не так давно функций «заботы» от «колыбели до могилы»: принудительное всеобщее образование, принудительное здравоохранение, принудительные программы «сбережений» на старость, «помощь» за счет налогоплательщиков бедным (вместо классической благотворительности) и... не очень бедным («смешанные общественные блага» — см., к примеру, Hillman, 2009[8]).

Левый политик считает классические функции государства — оборону и безопасность — второстепенными. Он уверен в том, что мы сами не в состоянии выбрать себе и своим детям врача и учителя и это за нас должен делать чиновник, которому мы и наши дети, естественно, глубоко безразличны.

Отмеченная еще Фредериком Бастиа в середине XIX века склонность социалистов того времени рассматривать себя в качестве архитектора, а также главного инженера мироздания и общества, со временем приобрела черты нового культа. В этом культе такие политики и, естественно, неотделимые от них социальные бюрократы уполномочены осыпать вверенное их заботам общество, а то и все человечество, новыми

[8] А. Хиллман в издании 2009 г. «старомодно» именует чистые общественные блага именно общественными благами, pure public goods (3.1, p. 139—140), а «смешанные» (8.1, начиная с p. 589) — «Entitlement», в современном английском установленная нормативно привилегия на получение чего-то за счет общества.

заповедями, а при необходимости менять эти замечательные заповеди «на еще лучшие». В последние десятилетия эта претензия выглядит более существенным признаком, нежели предпочтения типа поставляемых общественных благ.

Права и свободы. Здесь речь пойдет о праве на «жизнь, свободу и стремление к счастью», в частности на собственность. Это означает защиту, гарантию от произвольного убийства, от произвольного лишения свободы, от вторжения в дом и от произвольного лишения имущества. Такие права гарантированы всем, включая носителей неприятного (властям, обществу) мнения, «неправильной» религии, без различия в происхождении.

Права следует отличать от привилегий. Многие из привилегий сводимы к наследству и в этом смысле должны быть уважаемы. Многие же являются вызовом правам и свободам. Например, «право» не слышать неприятного мнения (то есть затыкать рот оппоненту), «право» получать незаработанное (точнее, заработанное кем-то другим), «право» навязывать свои причуды в качестве образца для подражания или даже новой «морали» другим с использованием силы государства, а не исключительно личного примера и убеждения словами, в рамках свободной дискуссии.

Дикость и цивилизация. Общество, в котором уважаются *права и свободы*, частная собственность, а соответственно, бдительно отслеживается ограниченность полномочий правительства, государства, мы определяем как цивилизованное. Человек, который готов защищать свои и уважать чужие права, свободы и собственность, является цивилизованным. Общество, которое не просто не уважает права и свободы, но рассматривает как доблесть успешное насилие, лишающее таких прав, свобод и собственности — как чужаков, так и слабых соплеменников, — мы определяем как дикое. Соответственно, человек, мечтающий стать успешным насильником и одобряющий успешное насилие просто в силу его успеха, определяется как дикарь.

Терроризм как убийство случайных людей с целью устрашения и решения политических задач, равно как и с целью грабежа, является типичным примером активности дикарей. Одобрение такой активности, к примеру выступления в американских университетах доминирующих там студентов[9] и профессоров общественных и гуманитарных наук, также, несомненно, является демонстрацией дикости. Профессор американского университета, восхищенный резней 7 октября на

[9] https://www.thecrimson.com/widget/2023/10/10/psc-statement/; https://youtu.be/qRhWaU-nxiU/

юге Израиля, суть несомненный дикарь[10]. То же верно и относительно ведущего левого интеллектуала из Любляны, у которого хватает ума и сдержанности не демонстрировать восторг резней публично, но и он публично и последовательно защищает право человека убивать еврея[11].

Всеобщая избирательная привилегия. Как мы писали неоднократно (Яновский, Жаворонков 2017; Yanovskiy, Zhavoronkov 2018), возможность принимать участие в выборах для того, кто вкладывает в общее дело — платит налоги, служит в армии, — это, безусловно, право. За него боролись американские колонисты, утверждая, что не может быть налогообложения без представительства в парламенте, одобряющем налоги no taxation without representation. Но это право заработанное, а не «естественное», приобретаемое с рождения, подобное праву на жизнь, свободу, достоинство и даже собственность (к примеру, унаследованная собственность)[12]. Тот, кто получает избирательный бюллетень и может использовать его для того, чтобы «поделиться» с собой чужим имуществом, изымаемым налогами, — получает незаработанную привилегию. Вместо «всеобщей избирательной привилегии» мы будем иногда использовать выражение «голосование налогорастратчиков», используя термин tax-cosumers, введенный Джоном Кэлхуном (John Calhoun — см. Lipford, Yandle 2012; Calhoun 1811).

Описание структуры книги

Книга будет включать следующие главы (начиная со второй).

[10] Консервативная газета об одном из таких: https://nypost.com/2023/10/16/russell-rickford-says-hamas-terror-was-exhilarating-exciting/; леволиберальное НПО «Антидиффамационная лига» о подобных: https://www.adl.org/resources/blog/some-us-professors-praise-hamass-october-7-terror-attacks/

[11] Славой Жижек верен принципам. Его статьи до (https://www.project-syndicate.org/commentary/ukraine-like-palestine-not-israel-by-slavoj-zizek-2022-09) и после резни 7 октября (https://www.newstatesman.com/ideas/2023/10/israel-palestine-blame) практически неотличимы по смыслу.

[12] В известном учебнике государства и права С.С. Алексеева и С.И. Архипова (Алексеев, Архипов и др. 2005, 284) подчеркивается всеобщий и универсальный характер прав человека. Они приобретаются просто по факту рождения: «Права человека имеют естественную природу и неотъемлемы от индивида, они внетерриториальны и вненациональны, существуют независимо от закрепления в законодательных актах государства, являются объектом международно-правового регулирования и защиты. Они характеризуют человека как представителя рода человеческого...» Все иные «права», приобретаемые по наследству, или заработанные/заслуженные, или получаемые в силу достижения или недостижения определенных параметров (возраста), принадлежности к той или иной группе, точнее было бы определить как привилегии. См. также Wacks 2012, 239: “The concept makes little sense unless it is understood as fundamental and inalienable, whether or not such rights are legally recognized and regardless of whether they emanate from a ‘higher’ natural law”.

Глава 2. Неоконченный спор консерватизма и либерализма: цели, критерии и пределы деятельности правительства. Здесь мы остановимся на тех аспектах исторических споров консерваторов и либералов прошлого, которые помогут разобраться в проблемах сегодняшнего дня. Нам понадобится вспомнить «открытие» Фридриха фон Хайека («Пагубная самонадеянность», Hayek 1988): далеко не все в морали и праве постижимо умом человека. Следует выбирать образцы (пакеты) правил — «институтов», доказавших свою эффективность, но не следует ожидать от науки способности детально объяснить роль каждого компонента из этого пакета. Консерватор в свете этих идей может быть определен как человек, способный спокойно принять ограниченность человеческого разума, уважать и соблюдать «пакет в целом». Либерал — как человек, требующий рационального объяснения всего и перебора содержания пакета.

Печальной необходимостью для авторов и для читателя — как в этой главе, так и во всей книге — будет попытка понять корни столь уже привычных, почти рутинных предательств политическими представителями сторонников свободы и ограниченной власти тех принципов, которые они обещают защищать.

Глава 3. Краткая история политического консерватизма при демократии налогоплательщика. Русский консерватизм: истоки. Здесь будет показано, как в наиболее свободных странах в эпоху классического капитализма и демократии налогоплательщика практически все партии были по меркам наших дней «консервативными». Это значит, что широкий спектр идей, «нормализуемых» на наших глазах или «нормализованных» в недавнем прошлом, просто не обсуждался. Среди таких идей: приемлемость ведения паразитического образа жизни за счет налогоплательщика и, более глобально, изъятие ресурсов у успешных и государственное перераспределение таковых, государство как заменитель мужа, родителей и детей (как опоры в старости). Вместо этого обсуждались проблемы структуры налогов, пошлин, золотой стандарт (или биметаллический), структура и границы полномочий органов власти, гарантии от их неконтролируемого расширения. Здесь некоторые моменты истории Великобритании и США в период их захватывающего дух продвижения к свободе являются базовыми.

Взгляд на них из Франции, где близкие к современным консерваторам мыслители и политики первыми столкнулись с мощным подъемом популярности социалистических идей. Причем не только и не столько «на улице» в рабочих предместьях, сколько среди

людей «с положением в обществе», стремившихся проводить социалистическую политику, оправдывая ее необходимостью остановить социализм.

Примеры катастрофических последствий такой политики в Германии и не только также будут представлены вниманию стойкого и любознательного читателя.

Первые попытки «перевода консерватизма» на русский. Из истории русского консерватизма и политической мысли — от слов Н. М. Карамзина, С. С. Уварова до дел П. А. Столыпина. Колебания между стремлением к сохранению («охранению») стабильности существующих (самодержавных) институтов и попытками открыть возможности для частной инициативы, гарантировать личные свободы и частную собственность. (Поскольку основная версия книги пишется на русском, напоминание некоторых фактов и дискуссий, кипевших до 1917 г., мы полагаем полезным и надеемся, что этот материал вызовет интерес у российского читателя.) Между попыткой консервативного решения «по старинке» — через расширение возможностей приобретения и приумножения собственности при постепенном (дозированном) продвижении к свободе (Витте — Столыпин) и освоением новейших «германских» образцов — заботы о неразумном «населении» (Николай II — Горемыкин, см. Яновский, Жаворонков 2016).

Глава 4. Современный консерватизм в старых демократиях. Основные компоненты коалиции и идеологии современного консерватизма. Перегруппировка сил после введения всеобщего избирательного права. Классический либерализм — «цепной пес консервативной реакции». Либертарианство и современный консерватизм. Утилитаризм против деонтологического подхода — действия ради полезного результата или исходя из вечных ценностей, ради соответствия моральным стандартам. Что такое полезность и кто это решает? Свобода как потребность именем Мизеса и Ротбарда или свобода как закон, данный свыше.

Политическая машина социального государства. Страновые примеры эволюции консерватизма в социальном государстве — от идеологии до политики в США, Великобритании и в Германии.

Глава 5. Попытки копирования формы и содержания в новых демократиях. Консерватизм в странах «Новой Европы». Новые демократии в постсоциалистических странах. И мы говорим прозой. Жесткий антикоммунизм, люстрации и запреты на профессии, сильная оборона и союз с США. Национально-религиозный фактор (Польша, Венгрия). Пример Марта Лаара (Эстония). Нереальная опция становится реальной. Первое премьерство. Люстрации, чистка чиновников. Образцовые реформы.

Второе премьерство: плоский подоходный налог. Метания между Брюсселем и Мизесом. Избирательные цензы: проблема или решение?

Российский консерватизм 1990-х: от «красно-белого союза» по Александру Проханову до «либерального консерватизма» Бориса Федорова. Отношение к реформам, к войне в Чечне.

Глава 6. В защиту права наследования. Даже защитники экономической свободы редко рискуют ввязываться в дискуссию о праве наследования. Между тем для истинного консерватора это очень важное право. Оно не только экономически эффективно, стимулируя упорный труд и сбережения. Оно в высшей степени морально. Ведь в семье наследуются не только деньги, имущество. В семье наследуются прежде всего нормы морали и представления о ценностях (о добре, зле, справедливости), которые либо защищают частную собственность, давая возможность повышения благосостояния для всех, либо подрывают частную собственность, уничтожая возможность выбиваться из бедности.

Глава 7. Общие черты и общие проблемы современного консерватизма. Социальный консерватизм против консерватизма фискального. Склонность современных консерваторов к компромиссам с социалистами, в том числе по принципиальным вопросам. Все более широкая и пестрая коалиция современных «консерваторов» по мере радикализации некогда «левоцентристских» партий.

Консерваторы, как «запасная партия», как «пожарная команда» для вывода из кризиса, после успешного осуществления этого вывода уступают место «естественной партии власти» социального государства — социалистической или социал-либеральной», ориентированной на передел пирога и на принудительную заботу.

Проверка пандемией 2020—2021 гг.

Политическая машина социального государства: независимость чиновников от избираемых политиков, помноженная на возможность покупки зависимых граждан, которые благодаря всеобщей привилегии голосуют. Все это за счет налогоплательщиков (избиратели-консерваторы платят дань, которая позволяет их теснить и подавлять). Образование как канал промывки мозгов и здравоохранение как дубинка. Проблема радикализации молодежи с помощью государственного образования: новая реализация идей Маркса и Энгельса. Впервые (с 2021 г.) проблема идеологической интоксикации в школе и университете на радаре у консервативных политиков как одна из приоритетных.

Управляемый избиратель и классические консервативные ценности: семья, общество, правосудие и правопорядок, уважаемая армия, частная собственность, включая право наследования.

Глава 8. Какой консерватизм нужен молодой демократии? Выводы и рекомендации. Здесь представлены предложения по минимальному набору, пакету наиболее важных ценностей, защищаемых потенциально успешными консерваторами. Мораль, основанная на известных и немногочисленных заповедях и на «золотом правиле» в негативной формулировке (*«То, что ненавистно тебе, не делай ближнему»* — Вавилонский талмуд, трактат «Шабат», 31а).

В этой главе также резюмируются, по итогам анализа и сопоставления консерватизма в разные эпохи, минимальные условия успеха и устойчивости здоровой политической конкуренции. Прежде всего — уничтожение политической машины социального государства, основанной на всеобщей избирательной привилегии (голосовании налогорастратчиков) и на независимости чиновничества от избираемых политиков. Это сочетание позволяет чиновникам массово подкупать известные группы избирателей, которым «труд упорный... тошен», за счет налогоплательщиков (см. Jasay 1985). Этот слой постепенно расширяется за счет наименее стойких работающих избирателей, чьи скромные доходы оказываются сопоставимыми с пособиями тем, кто не работает.

2. Неоконченный спор консерватизма и либерализма: цели, критерии и пределы деятельности правительства

...Давайте же наконец испробуем Свободу — Свободу,
которая является актом веры в Бога и в его творение
Фредерик Бастиа. Закон[13]

Когда-то зависть рассматривалась как один из... смертных грехов, сегодня стала вызывающей восхищение доблестью под именем «социальной справедливости».
Томас Соуэлл. Космическая справедливость[14]

История предательств

Эта не самая простая для чтения глава потребуется нам для того, чтобы разобраться в важном историческом явлении. В любом политическом движении встречаются люди, включая наиболее заметных, не слишком твердые в принципах. Люди, готовые ради краткосрочного успеха поступиться принципами, иными словами — готовые на «мессу ради Парижа»[15]. Иногда они надеются на то, что отступление будет временным и незначительным. Иногда свою роль играют и более меркантильные соображения.

Однако, когда предательства, «развороты на 180 градусов» (U-Turn) с объяснениями «из этого кресла видно то, что не видно вне его»; «мы знаем, что делать, но не знаем, как переизбраться после того как мы это сделаем»[16] становятся не исключением, а правилом, — в этом «правиле», в явлении и его причинах надо

[13] ...Qu'on mette enfin àl'épreuve la Liberté, — la Liberté, qui est un acte de foi en Dieu et en son oeuvre.
...let us finally put Freedom to the test, — Freedom, which is an act of faith in God and in his work.

[14] Envy was once considered to be one of the seven deadly sins before it became one of the most admired virtues under its new name, "social justice". Десятая заповедь: «Не возжелай дома ближнего твоего; не возжелай ни жены ближнего твоего, ни работника его, ни служанки, ни его вола, ни его осла, и ничего, что (есть) у ближнего твоего» (Исход 20: 14). «You shall not covet your neighbour's house. You shall not covet your neighbour's wife, his manservant, his maidservant, his ox, his donkey, or whatever belongs to your neighbor» (Exodus 20: 14).

[15] Выражение «Париж стоит мессы» или «Париж стоит обедни» приписывается лидеру протестантов (гугенотов) Франции конца XVI века, королю Наварры Генриху, который сменил веру, чтобы с минимальными издержками занять французский престол. Позднее был убит фанатиком-католиком, у которого, вероятно, остались подозрения относительно веры короля. См.: http://bibliotekar.ru/encSlov/15/6.htm

[16] «We all know what to do, but we don't know how to get re-elected once we have done it» — фраза бывшего многолетнего консервативного премьер-министра Люксембурга Ж.-К. Юнкера (Jean-Claude Juncker, Prime Minister of Luxembourg and President of the Eurogroup. The Economist (2007), "The Quest for Prosperity", March 15th. Цит. по: Buti et al. 2009 (https://doi.org/10.1007/s10663-008-9093-0).

постараться разобраться. В данном случае речь идет о таком явлении, как регулярный отход множества политиков из числа наследников классической либеральной традиции от идей свободы. Сначала либералы XIX века «для пользы дела» или «из сострадания к бедным» начали разбавлять идеи свободы требованиями выборочного контроля за бизнесом и небольших перераспределительных программ в пользу бедных (Спенсер 2025; Spencer 1884). Когда «новые корабли с бостонским чаем» были встречены без возмущения и бунта, процесс начал набирать обороты, давая политикам и чиновникам все новые возможности подкупа электората за счет бюджетных средств, то есть за счет налогоплательщика — современного или будущих поколений (де Ясаи 2016; Jasay 1985).

Очень часто социальные бюрократы и союзные им современные «либералы», тоскуя об управляемом электорате, требуют открыть границы в условиях социального государства. Требуют дать побольше денег на покупку более дешевых «импортных» избирателей, из числа тех, кто хотел бы отдохнуть в комфортных условиях от подвигов во имя насаждения власти кровожадных исламистов на Ближнем Востоке. Естественно, о принятии такими «новыми европейцами» европейских «либеральных» ценностей даже речи не идет. Тут стоит напомнить, что Хайек, рассуждая об условиях, при которых он был бы готов обсуждать введение социальных программ, выделил закрытие границ (Хайек 2024; Hayek 1982).

Само «религиозное и расовое разнообразие» объявляется новой и притом высшей либеральной ценностью.

Консерваторы, бывает, грешат тем, что, мечтая ровно о том же, рассуждают о семейных и религиозных ценностях, носителями которых оказываются те, кто пресытился приключениями под властью наркокартелей. При этом имея в виду построить из новых граждан пирамиду патронируемых, хорошо управляемых активистов и избирателей (Arias-King 2014).

Конкурирующие с консерваторами другие наследники классического либерализма — либертарианцы — пока почти не представлены во власти. Не исключено, что именно поэтому большинство из них (за примечательным исключением Ганса-Германа Хоппе) особенно активно приветствуют открытые границы и приток тех, кто презирает ценность человеческой жизни, свободы и собственности — основные ценности принявшего их общества. Не исключен и мотив раздражения многих известных либертарианцев обществом, в котором если кто-то и готов защищать свободу, то не из любви к мудрости либертарианского учения, а потому, что считает свободу богоугодной.

Даже у наиболее разумных и заметных представителей этого течения главными злодеями оказываются политики США (Хоппе, Рон Пол), Израиля (Rothbard 1967), а вовсе не диктаторы и не террористы. Даже обладательница уникальной интуиции Айн Рэнд, понимавшая, что, при всех недостатках, граждане США и Израиля — свои, а диктаторы и террористы — враги, расстраивалась от непонятливости консерваторов: те почему-то были готовы поддерживать идеи свободы, полагая, что они угодны Богу, а не по итогам чтения ее трудов (Рэнд 2003, 247). Куда более прискорбное предательство — политическая активность тех, кто занимается в США политикой в рамках Либертарианской партии и кто, выбирая между радикальными антикапиталистами и консерваторами в ситуации, когда голосование проходит в два тура, ни разу не призвали своих избирателей дать отпор социализму.

В этой главе мы попытаемся разобраться и в содержательных отличиях течений, формально основанных на идеях свободы, друг от друга, а также предложить несколько ориентиров, облегчающих такой выбор политиков и политики для поддержки, которого наверняка не придется стесняться ни уважаемому читателю, ни его детям и внукам.

Конкуренция норм

Свободное общество, уважающее личные права, частную собственность, включая право наследования и включая собственность на капитал (растущую, умножаемую собственность), связанный с этим исторически молодым обществом невероятный экономический и несомненный моральный прогресс основаны на определенных принципах. Природа этих принципов часто и ожесточенно дискутируется.

Некоторыми мыслителями, далекими от религии — такими как С. Цвейг в «Совести против насилия» (1936), Ф. Хайек (Хайек 1992; Hayek 1988), отмечается, что в основе такого общества легко прослеживается одна определенная и известная религиозная традиция. Хайек объяснил («Пагубная самонадеянность»), как в ходе конкуренции норм (совокупностей, пакетов норм) разных традиций группы племена, народы, выбиравшие более «удачный» пакет норм, росли и усиливались, вытесняли и поглощали группы, сделавшие менее удачный, менее эффективный выбор. Хайек с беспощадной для ученого, для мыслителя-рационалиста откровенностью подчеркнул одно обстоятельство этой конкуренции норм, которое другие рационально мыслящие коллеги, естественно, не могут ему простить. Если Людвиг фон Мизес в 1949 г. сквозь

зубы признавал тот прискорбный, с его точки зрения, факт, что Адам Смит и Фредерик Бастиа верили в Бога и эта вера пронизывает их труды (Мизес 2024, 139; Mises [1949] 1998, 147), то современный экономист, как правило, этого не знает либо избегает упоминать.

Хайек настаивает, что эффективность норм (пакетов) проверяется в таком невообразимом числе взаимодействий между людьми и их группами, что не в силах человеческого разума полностью понять все связи и все факторы, приводящие к успеху или к провалу. Это значит, что рациональному разуму остается сначала выбирать ту или иную традицию, культуру — в широком смысле этого слова (то есть тот самый пакет норм), а потом уже, выполняя традицию и не пытаясь взять из пакета только то, что нравится, выкинув остальное, постараться постичь хотя бы часть связей, факторов и закономерностей успеха.

Понятно, что для большинства современных секулярных мыслителей — как сторонников свободного общества, так и сторонников «мудрой», «просвещенной» диктатуры — признание подобного предела человеческого разума (коллективного разума научной школы или мудрого заботливого правительства) совершенно нетерпимо.

Похожую мысль намного раньше, не столь тщательно проработав, зато намного короче высказал Рассел Кёрк (Kirk 1953). Он утверждал, что прошлые поколения передали нам свои обычаи и условности, выдержавшие испытание временем. Обычаи являются сдерживающим фактором, препятствующим анархии и противостоящим жажде власти (что в условиях США 1950-х было, безусловно, правдой). Классик современной американской консервативной мысли совпадал с Хайеком и в понимании глубокой и неразрывной связи между свободой и защищенностью частной собственности.

Стоит также отметить, что в послесловии к главному сюжету «Совести против насилия» Стефан Цвейг не находит никаких объяснений следующему факту. Именно наследники властолюбивого и нетерпимого к инакомыслию Жана Кальвина основали наиболее веротерпимые и свободные общества при ограниченной власти правительства — от Голландии до США, не говоря уже о Швейцарии. Он ссылается только на «требования жизни», сопротивление и то, что будто бы «чувственность жизни в конечном счете сильнее любого абстрактного учения». Почему-то в случае католицизма и основных течений ислама сила «чувственности жизни» не проявилась столь очевидно и по историческим меркам быстро, как в случае с протестантизмом.

Здесь мы постараемся избежать развернутого объяснения. Заметим только, что протестантизм акцентирует прямую связь верующего с Богом, не посредством церковной бюрократии и ее местных представителей, иногда сообщающих пастве, в чем состоит воля Всевышнего. Поэтому, в отличие от католицизма и ислама, протестантизм озаботился переводом первоисточников на национальные языки и всячески поощрял их чтение и обсуждение. Он заметно переместил внимание читателя с Нового завета на Пятикнижие, Пророков и Писания. А они в явном виде содержат следующие положения и требования.

1. Универсальные требования морали, начиная с Десяти заповедей, стабилизирующие семью, основанную на обоюдном согласии супругов на вступление в брак. Они повышают взаимное доверие среди членов общества и создают тем самым фундамент современного гражданского общества. Они требуют супружеской верности, деловой порядочности, милосердия и отходчивости, помощи бедным и др.
2. Требование ограниченности власти. Идея договора между Богом и людьми проходит через первоисточники красной нитью. Начиная с договора с обновленным человечеством сразу после потопа, договоров с праотцами, наконец с народом Израиля. Договор обязывал и тем самым ограничивал обе стороны — люди обязаны соблюдать заповеди, а Бог в ответ на соблюдение обязывался обеспечить их защищенность и процветание. Первый же договор с Ноем вообще обязывал только самого Бога: не наводить новый потоп и не уничтожать человечество[17].
3. Предписывая народу Израиля «поставить над собой царя», Пятикнижие немедленно дополняет требование ограничениями царя: бюджетным (не умножать коней, золота и серебра) и морально-правовым (не умножать жен, переписать свиток законов, носить его с собой и читать каждый день, «дабы не возносилось сердце его над братьями его и не отступал он от заповеди этой ни вправо, ни влево» — Второзаконие 17, 16—17).

Требование справедливого суда также начинается с личного примера Того, Кто создал мир. Он многократно откладывает наказание до «выяснения обстоятельств», в котором очевидно не нуждается, давая пример обязательности для человеческого

[17] О сравнении принципа договора и Бога как ограниченного монарха с исламским подходом, где Бог видится как монарх абсолютный, см.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3413929/

общества тщательного и беспристрастного расследования даже кажущегося очевидным дела. Показательный процесс по делу городов Содом и Гоморра демонстрирует требование защиты в суде и изыскания аргументов таковой перед судом (Бытие 18, 18—33). Судье из плоти и крови предписывается «не следовать за большинством во зло» (крайне жесткое требование к независимости суждений — Исход 23, 2), быть беспристрастным: как не угождать богатому и знатному, так и не склоняться в сторону бедного (Исход 23, 3; Второзаконие 1, 17), буквально «гонясь за справедливостью» (Второзаконие 16, 20).

Книга Пророков напоминает об особом месте независимой судебной власти. Эта власть возникает задолго до исполнения заповеди «поставь над собой царя». Само требование выполнения заповеди «поставь царя» встречает резкую отповедь пророка и последнего судьи — Самуила. Пророк обвинил (и не без оснований) народ в том, что тот ищет царя как у других народов. Царя, на которого можно переложить всю ответственность (Самуил I 8, 7—22), а не того, который ничем, по сути, кроме обороны и правосудия, не занят, — в соответствии с требованиями традиции Синайского откровения (Самуил I 12, 1—25).

Попытка же сына царя Соломона сохранить, вопреки уважительному требованию народного собрания, налоги на строительство уже построенного Храма стоит ему потери десяти колен, создавших отдельное, Северное царство (I Цари 12, 1—16).

Восприятие «помазанника Божьего» не как самодержавного монарха в силу того, что его власть от Бога, но как связанного обязательствами перед обществом и перед Богом ограниченного правителя, проявилось в революциях в Нидерландах, Англии и в колониях последней (Американская революция и создание США). И оно, несомненно, связано с культурой массового и регулярного чтения столь «взрывоопасных» для идеи неограниченной власти первоисточников.

Остановимся чуть подробнее на двух из упомянутых, хорошо задокументированных и общеизвестных примеров того, как эта библейская концепция работала на практике.

Попытка короля Испании во второй половине XVI века одновременно лишить власти местные собрания представителей в провинциях Нидерландов, поднять налоги и искоренить протестантизм столкнулась с упорным сопротивлением протестантов (движение гёзов — «нищих», которое возглавил немецкого происхождения аристократ Вильгельм Нассауский — Оранский). Протестантизм предписывает чтить короля — «помазанника Божьего». В ставшей национальным гимном Нидерландов песне времен

войны против Испании, авторство которой приписывается секретарю Оранского, дважды повторяется фраза о лояльности Оранского королю Испании (Den Coninck van Hispangien. // Heb ick altijt gheeert — «короля Испании я всегда почитал»)[18].

Тем не менее, строго в рамках библейской традиции, представители провинций Северных Нидерландов, собравшиеся в Гааге в июле 1581 г., напомнили, что свое назначение — «помазание» — правитель получает от Бога на строго определенных условиях: для защиты подданных «от беззакония, бед и насилия». Если же он вместо этого сам прибегает к насилию для лишения подданных «старинных прав и свобод», для их порабощения, он в результате перестает быть законным правителем и становится тираном.

Далее пространно — примерно на десяти страницах — представители изложили историю насилия и угнетения, которые голландцы претерпевали от рук наместников испанского короля. Они подчеркнули, что неоднократно просили короля вмешаться и прекратить преследования. Столкнувшись с игнорированием королем их законных нужд и прав, и во имя защиты этих своих старинных прав и вольностей, представители провинций 26 июля 1581 г. объявили короля Испании лишенным полномочий управлять провинциями и передавать эти полномочия по наследству (подробнее см. Kossman, Melnik 1975)[19].

Аналогичная история при куда меньших злоупотреблениях властей отражена в Декларации независимости США 1776 г. Декларация также начинается с косвенной апелляции к библейским законам — к воле Создателя, сотворившего людей равными и наделившего их неотъемлемыми (то есть данными свыше, а не другими людьми) правами, среди которых «жизнь, свобода и стремление к счастью»[20]. И эта Декларация состоит большей частью из перечислений злоупотреблений английских властей, доказывающих обоснованность принятого решения об отделении от Великобритании, о провозглашении независимости.

Богоданность, а потому неотъемлемость прав и свобод весьма, занимала отцов-основателей США. Сторонники большей централизации — «федералисты» — возражали против принятия документа о правах, аналогичного французской Декларации прав и свобод человека. Если одни люди — принявшие такую Декларацию — дали эти права, то другие смогут их забрать или ограничить. С этой логикой были в основном

[18] См.: https://www.royal-house.nl/topics/national-anthem/music-lyrics-and-customs/
[19] См.: https://www.dbnl.org/tekst/koss002text01_01/koss002text01_01_0051.php
[20] https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript/

согласны и их оппоненты — сторонники бóльших полномочий штатов и обязательного принятия поправок к Конституции, перечисляющих права[21]. В результате компромисса перечисление прав вошло в Конституцию как первые десять поправок (Билль о правах). Права человека сформулированы в Билле о правах в негативной форме — как запреты государству нарушать эти права, а не как разрешение гражданам ими пользоваться.

Что именно «консервируют» консерваторы?

Маргарет Тэтчер в «Искусстве управления государством» ([2002] 2017) выделила традицию личных прав, свободы и собственности, уходящую в Британии корнями к Magna Carta (Великой хартии вольностей). Принуждение короля к ее подписанию стало первой в истории страны попыткой ограничить власть и обеспечить значительной части населения базовые права всерьез и надолго. Среди таких гарантий первой и главной стала судебная защита прав личности. Укорененная в требованиях Magna Carta, она сложилась в результате веков постепенного укрепления автономии судейского сословия и развития обычного права. Свою роль сыграли длительные периоды относительной слабости и бедности королевской власти. Последняя была вынуждена искать поддержки у представителей имущих групп. Одним из следствий этого многовекового развития и импульса Английской революции стал знаменитый Habeas Corpus Act, защищающий неприкосновенность личности от произвольного ареста.

Мало кто мог подумать еще во время премьерства Маргарет Тэтчер, что снова, как в Средние века, в странах Запада встанет во весь рост проблема свободы мысли и веры (смотри коллекцию примеров в дополнительных материалах к данной главе[22]). Причем нетерпимость проявляется со стороны господствующих воинствующих секуляристов (атеистов, стыдливых атеистов — «агностиков» и т.п.), а также, как ни странно, мусульман в отношении христиан и евреев. Эта старейшая свобода, за которую сражались еще голландские гёзы против адептов «Единой [католической] Европы» с «единой единственно верной» идеологией, должна сегодня отстаиваться каждым уважающим себя консерватором.

---

[21] Так, Томас Пейн (Thomas Paine) высмеивал идею дарованной религиозной толерантности, сравнивая ее с воображаемой попыткой законодателя разрешить Создателю принимать молитвы евреев и турок или, наоборот, запретить ему это делать (см.: The Founders' Constitution. Volume 5, Amendment I (Religion), Document 57: http://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/amendI_religions57.html / The University of Chicago Press).

[22] http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964/

Консервативный американский популярный писатель и педагог Деннис Прагер (Dennis Prager) определил в качестве объекта сохранения, защиты консерваторами «все лучшее, что было в прошлом». В качестве фундаментальных ценностей он выделил свободу, прежде всего — свободу слова[23].

Огромное большинство современных политиков-консерваторов хотя бы на словах согласно с принципом ограниченного в полномочиях и бюджете правительства (Limited Government). Еще в конце XVIII века немецкий политический мыслитель Вильгельм Гумбольдт (1792; рус. изд. 2009, 20) определил ключевой выбор целей государственного правления как «желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло». Сторонник ограниченного правительства предпочитает сосредоточится на надежной обороне, на защите граждан от внутренних бандитов и на «терпимого качества» судебной системе (tolerable administration of Justice)[24]. Наделение государства полномочиями и властью «вести к счастью» вызывает у идеологического консерватора разумно обоснованные подозрения. Действительно, власть, достаточно сильная для помощи всем и каждому, окажется достаточно сильной и для того, чтобы смести любые ограничения, наложенные на нее, и выродиться в тиранию. Иудео-христианская традиция требует от консерватора защищать ограничения власти весьма категорично. Государство «не преумножит себе золота и серебра» (Второзаконие 17, 17) на что-либо, кроме «жалования войску» (Талмуд, трактат «Санхедрин», лист 21б). То есть запрещено тратить значительные деньги на «ведение к счастью». Применительно к нашим дням — на «социальные нужды»: на промывку мозгов детям в школах, на все менее эффективное здравоохранение, на секторальные подачки (прямой подкуп избирателя за счет налогоплательщика) и т.п.

Привилегия участия в выборах и возможность менять власть посредством выборов предохраняет общество от последней формы политической конкуренции — гражданской войны, страшнее которой только тоталитаризм. Естественно, поскольку

[23] «...The most important conservative value — liberty... the greatest of all liberties — free speech. Free speech is a fundamental conservative value, and it has been a fundamental liberal value. But it has never been a left-wing value...» (https://dennisprager.com/column/explaining-conservatism). «Conservativism attempts to conserve the best of the past» (https://dennisprager.com/column/explaining-conservativism-ii-why-the-left-hates-it).

[24] «Большое государство есть... слабое государство, не способное сказать “нет”; его объемность — верный признак дряблости и немощи, неумения избежать участия в делах, которыми оно может лишь скомпрометировать себя. Сильное государство... сознает, что оно может служить гражданскому обществу только в том случае, когда не забывает о своей природе, своих возможностях и внутренних ограничениях, словом, государство, знающее, что ему надо пытаться делать лишь то, что оно может делать хорошо» (Анкерсмит 2014, 13).

политическая конкуренция и возможность менять власть цивилизованным мирным путем — суть процедуры выборов, то для консерватора приоритетом является не массовость участия в выборах, в частности представителей «меньшинств», а свободная политическая конкуренция, честный и прозрачный подсчет голосов на выборах. Очевидно, что последний обязан быть быстрым, а не затягиваться на недели, когда внимание общества притупляется, а значит, снижается прозрачность процесса подсчета, а шансы безнаказанно осуществить фальсификации растут (см. Жаворонков, Касьян, Яновский 2021).

Как и всякая привилегия, участие в выборах должно быть заслужено значимым вкладом в общее дело, в дела общества (res publica по-латыни). Вкладом может быть уплата заметного прямого налога, служба в армии в боевых частях или просто по призыву; иными словами, давно известные и апробированные способы оценки такового вклада.

Важно подчеркнуть, что защита института свободных выборов не означает желательности защиты привилегий. В случае выборов сама заслуженная значимым вкладом привилегия создает стимулы к защите этого института.

Всевозможные привилегии, пропагандируемые оппонентами консерваторов, зачастую сводимы к полномочиям властей совершать сомнительные или очевидно аморальные действия. Пример такого «права» можно найти в Международной конвенции о правах ребенка, где единственное новое и содержательное положение — статья 9 о полномочии властей отнимать детей у родителей, произнеся ритуальное заклинание: «в интересах ребенка»[25]. Другим важным примером таких «прав» является так называемая защита от дискриминации. На практике защита от частной дискриминации есть просто атака на личные права и свободы, полномочие на которую получили власти под красивым предлогом (Яновский, Жаворонков, Затковецкий 2017; Яновский, Жаворонков 2018). Добропорядочный консерватор, безусловно, не согласится с тем, что выбор спутника жизни, гостей на свадьбу, день рождения или вечеринку, жильцов в сдаваемую квартиру, а равно нанимаемых работников может цензурироваться и ограничиваться властями. Право на осуществление частной дискриминации есть интегральная компонента личной свободы и частной собственности, и потому должно защищаться, желательно не только консерваторами.

[25] Текст конвенции см. в: https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child/

Надо отметить заслугу известного либертарианца Вальтера Блока (Block 2010; Idem 2013), который одним из первых это осознал и отстаивает эту, казалось бы, очевидную истину в наше время.

Еще более многочисленный класс привилегий сводится к «праву» на содержимое чужого кармана, кошелька, банковского счета. Речь, понятно, идет о многочисленных перераспределительных программах социального государства. Авторы предпочитают, чтобы все социальные проблемы решались частным образом, и рекомендуют именно такие решения всем ответственным консерваторам. Авторы осознают, что эта очевидная мысль давно и прочно забыта обществом, и полный демонтаж социального государства потребует времени. Однако аморальность силового государственного принуждения к псевдоблаготворительности должна быть очевидна каждому, кто ценит свободу и не боится искать в прошлом примеры для подражания. А таких примеров немало, в том числе решения проблем помощи бедным, образования и здравоохранения без участия государства (см. дополнительные материалы к нашей книге Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018).

Отказ защищать и продвигать привилегии и полномочия властей под видом «нового поколения прав человека» безусловно отличает консерватора от социал-либерала.

Консерватор почитает институт семьи как свободного союза мужчины и женщины, в котором рождаются и растут наследники лучших традиций и будущие защитники прав и свобод (Токвиль [1838] 1992). Ему следовало бы также обратить внимание на то, что институт брака и семьи планировали разрушить Маркс и Энгельс и планомерно разрушали все тоталитарные державы XX века. Само намерение было провозглашено еще в Коммунистическом манифесте 1848 г. Реализовывалась эта идея посредством принудительного образования («Общественное и бесплатное воспитание всех детей» — с промывкой им мозгов) в сочетании с культом доносительства детей на родителей. Не могут смириться с существованием института семьи и современные тоталитаристы (Яновский, Жаворонков 2019; Yanovskiy 2023).

Так, перешедший на позиции тоталитаризма журналист «центристской» ABC News[26] возмущен тем, что дочь спикера Палаты Представителей Конгресса США Джонсона публично приняла на себя (в соответствии с консервативной протестантской

[26] См.: https://abcnews.go.com/US/speaker-mike-johnson-daughter-profiled-attending-purity-ball/story?id=105785626 ; https://www.dailysignal.com/2023/12/21/mike-johnson-is-a-good-father-the-left-hates-him-for-it/

традицией) обязательство быть верной Богу, семье, будущему мужу и детям и хранить чистоту, в том числе сексуальную. Быть христианином, с точки зрения светской левой ортодоксии, означает «угрожать меньшинствам». Во имя «защиты» последних тоталитаристы и атакуют нормальную частную традицию, которая никому, естественно, не угрожает. Но тоталитаристы видят в ней угрозу собственным усилиям по разрушению института семьи. В этом контексте Gay rights, или «права трансгендеров», уже достаточно ясно становятся не средством защиты маргинальных меньшинств, но средством атаки на институты, делающие общество моральным и цивилизованным.

Разрушение института семьи, традиции и морали, укорененных в Синайском откровении, в заповедях Пятикнижия, является предпосылкой разрушения независимого от властей гражданского общества. Последнее же, безусловно, мешает явным тоталитаристам, а также современным сторонникам «щедрого» социального государства, выступая успешным конкурентом социальной бюрократии (Eberstadt 2013; Green 1993; см. также приложения к Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018 — обзоры литературы по истории благотворительности в США[27] и о наступлении на семью и религиозную общину в США[28]).

Консерватор глубоко уважает армию, в том числе профессиональных военных, а также полицию, притом что на помощь последней рассчитывает гораздо реже своих оппонентов, поскольку понимает значение права на самооборону, включая вооруженную. Такое право, включая вариант защиты жизни и достоинства третьих лиц, ставших жертвами нападения, неотделимо от права на жизнь, свободу и достоинство. Не говоря уже о практическом значении такой самообороны в условиях, когда ни одно государство не в состоянии обеспечить каждому гражданину круглосуточную защиту.

В приверженности праву на самооборону консерватор обычно совпадает с либертарианцем. Большинство либертарианцев, однако, предпочитает солидаризироваться с модными идеями сторонников большого и неограниченного правительства в отношении семьи и скептически настроено в отношении армии (см. подробнее Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018 — анализ предложений по созданию частной армии на страховой основе Г. Хоппе — Hoppe 2009).

Перечислив то, что консерваторы стремятся сохранить и что сохранять не готовы, бросим взгляд на «источники вдохновения» и авторитеты, на которые опираются

[27] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3461196/
[28] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548/

сторонники свободного общества — консерваторы и классические либералы (либертарианцы) в своем выборе.

Консервативный философ Йорам Хазони (Hazony, 2022) формулирует отличия консерватора от либерала и, соответственно, ценности, подлежащие защите, следующим образом:

1) для классического либерала (либертарианца) основа основ — личные свободы и права, а также равенство (пока, в отличие от социал-либерала, только перед законом);
2) индивид принимает на себя политические и правовые обязательства, ограничения исключительно добровольно;
3) наконец, здравый смысл человека достаточно силен для того, чтобы люди приняли ценности (1) и правило построения общества (2).

Упомянутый выше Рассел Кёрк добавил бы к списку классическое и привычное отличие. Консерватор полагает, что быстрые изменения часто опрометчивы и не гарантируют прогресса. И если добрый консерватор готов их принять только после тщательной проверки, то для многих либералов сам факт изменений зачастую важнее их результатов (Kirk 1953).

Представитель классической консервативной традиции полагает, что для того, чтобы общество могло успешно функционировать и новые поколения наследовали ценности предыдущих, личных прав и свобод недостаточно. Нужны ценности религиозной и национальной традиции, включая, естественно, и политическую традицию свободы. Но последняя укореняется и расцветает только там, где общество принимает определенные самоограничения. Самоограничения, диктуемые определенными религиозными традициями и основанной на них моралью. Такие традиции и создают ощущение общности на уровнях от семьи до нации и придают всем неформальным, самоподдерживающимся общественным нормам надежность, устойчивость.

Отметим проблему популярного среди либералов определения границ свободы человека, которые «останавливаются у кончика носа другого человека». В отсутствие религиозно санкционированных запретов (заповедей) «остановиться у кончика носа ближнего» оказывается совсем непросто. Особенно если остановка противоречит личным интересам. Способность договариваться со своей совестью, к сожалению, широко распространена. А если частные лица не умеют останавливать свои желания, то

тем более у кончика чьего-то носа не остановятся желания и интересы лиц, облеченных властью.

Неустойчивость классически либеральной традиции Йорам Хазони считает доказанной опытом после Второй мировой войны, порядок после которой в странах Запада строился как в основном либеральный, с опасениями апелляций к национальным и религиозным ценностям, связанными с психологическим ожогом Войны и Катастрофы.

Сразу подчеркнем, что, по мнению авторов, эта компактная и логичная модель нуждается в ключевом дополнении. Никакой порядок: ни национальный, ни либеральный, ни религия, ни мораль, ни семья — не оказывается достаточно устойчивым перед лицом социального государства и его политической машины. Независимые от избираемых политиков чиновники координируют действия, покупая за деньги налогоплательщиков голоса налогорастратчиков. Они обеспечивают устойчивую поддержку политикам — сторонникам «большого заботливого» правительства, то есть государственной (бюрократической) машины со слабыми («мягкими») бюджетными ограничениями и с постоянно растущими полномочиями чиновников.

Рациональный выбор и вечные ценности

Любой человек с чувством собственного достоинства склонен бережно относиться к результатам своих многолетних размышлений. Также любой разумный человек ценит выдающиеся достижения великих философов и ученых прошлого. Но некоторые дремучие мракобесы упорно держатся за еще один источник.

Ход их мыслей понятен из истории, описанной в самом почти начале Пятикнижия. Праотец Авраам попал в передовой по тем временам город Грар. Царь Грара Авимелех издал разумные и справедливые законы. Однако, наблюдая за поведением жителей, Авраам быстро приходит к выводу, что «нет вовсе страха перед Всесильным в этом месте» (Бытие 20, 11). Нет страха перед Богом — нет настоящего уважения прав, даже права на жизнь.

Консерваторов мы часто находим в числе «мракобесов», разделяющих подозрения Авраама, в то время как либералы и либертарианцы куда оптимистичнее смотрят на силу рациональных аргументов.

Деонтологический подход, деонтологическая этика, основанные на понятиях вечных принципов и долга, из которых вытекают нормы для практического применения, часто возводят к великому германскому философу из Калининграда Иммануилу Канту[29].

Однако очевидно, что выбор между решениями, основанными на обозримой пользе и выгоде, и решениями, основанными на вечных принципах, гораздо старше Канта.

Этика, основанная на Синайском откровении, несомненно, является «деонтологической». Важно подчеркнуть, что такая этика совсем не обязательно связана с реально действующими религиозными институтами и конфессиями, ассоциирующими себя с традицией Синайского откровения. Так, принцип папской непогрешимости часто входил (и, думается, будет входить) в противоречие с писаной нормой традиции и ее основным, понятным всем смыслом. Просто потому, что основанные на личном выборе — даже наиболее выдающегося лидера — решения по необходимости зависят от политической конъюнктуры и от множества преходящих соображений, симпатий и антипатий, ситуаций с осознаваемым или не вполне осознаваемым конфликтом интересов.

Соответственно, решения, делегируемые мудрому руководству, оставляемому без ежедневного контроля, вне подозрений в ошибках в трактовках или сознательном искажении принципов, могут быть или не быть утилитарно «эффективными», но они точно не могут воплощать дух упомянутой традиции адекватно — поскольку эта традиция основана на концепции личного выбора, личной свободы и ответственности.

Плохо соответствует традиции Синайского откровения любая традиция ее интерпретации, основанной на тайном знании. Соглашаясь с его наличием, мы, с одной стороны, упираемся в вынужденную необходимость уповать на мудрость и добродетельность узкой и закрытой группы «мудрецов», с другой — не можем сами лично нести ответственность за выбор, который эти «мудрецы» делают за доверяющих им. Отказ от такой ответственности является отказом от свободы выбора, каковой практически превращает человека в робота. Такой отказ, возможно, ограничивает грехи человека (кроме одного — отказа от божественного дара свободы), но уничтожает и его заслуги — результаты правильного выбора и трудов, связанных с его реализацией.

Надо отметить, что деонтологическая этика не отрицает утилитаристского подхода и утилитарных расчетов, связанных с максимизацией полезности. Однако она его сильно

[29] См., к примеру, определения понятия деонтологической этики в Британской энциклопедии (https://www.britannica.com/topic/deontological-ethics) и Станфордской энциклопедии (https://plato.stanford.edu/entries/ethics-deontological).

ограничивает. Попытка построить этику исключительно с опорой на рациональность, на авторитет мудреца (мудрецов), заслуженный его (их) доказанной мудростью, понятна и скорее заслуживает поддержки. Требование опираться исключительно на мнение «моральных лидеров» и «законоучителей» не может не вызывать разумных сомнений.

На мнение одного профессора всегда найдется мнение десятка других профессоров. Ситуация чревата конкуренцией множества «моралей» (см. подробнее Лисин, Яновский и др. 2011, 427—437), при которой резко снижается доверие к окружающим — ведь непонятно заранее, какой морали они придерживаются сегодня вечером, а какую призна́ют завтра с утра. В отличие от конкуренции товаров на рынке такая конкуренция не двигает общество вперед, а отбрасывает его на века назад, возвращая к решению давно решенных, как казалось ранее, дилемм: стоит ли убить неприятного соседа или лучше договориться, можно ли в гостях положить в карман серебряную ложечку, пристойно ли добиваться близости с замужней соседкой и т.п.

Наконец, главное: из исторического опыта нам известно, как нормы, продиктованные разумом, но при этом закрепленные еще и «страхом перед Богом», стали фундаментом институтов — правил и практик применения — свободных обществ. Нам не известны случаи, когда такие общества возникали бы и устойчиво развивались на протяжении поколений, основываясь преимущественно на авторитете мудреца или признанного интеллектуального центра, в отсутствие страха перед Высшей силой и перед наказанием, не завершающимся со смертью.

Экономическая наука — наука о максимизации полезности при ограниченных ресурсах — казалось бы, по определению утилитарна и прагматична. При этом оказывается, что без уважения некоторых «вечных» принципов: гарантий личной свободы и неприкосновенности, запретов обмана, злоупотребления доверием и других бóльших или меньших злодейств и низостей — невозможно обеспечить надежные гарантии частной собственности и свободы контракта. Без них нет эффективного и невероятно плодотворного рыночного хозяйства. Нет современного экономического роста. Экономическая история полна примерами того, как попытки властей локально и временно ограничить свободное ценообразование, искусственно стимулировать спрос или предложение вместо уважения «невидимой руки» приводили к трагическим последствиям. («Невидимая рука» — образ, выбранный Адамом Смитом для описания фундаментального рыночного процесса — свободного ценообразования как проявления Высшей воли и мудрости, непостижимой человеком.)

В последние десятилетия все больше удачливых в получении государственного финансирования коллег разоблачают «иррациональность простого человека»[30]. Последняя выражается в том, что такой человек, живущий в мире несбалансированных государственных финансов, а соответственно, и хронической инфляции, зарегулированности и негибкости финансовых рынков, не преуспевает в предсказаниях кризисов и обвалов финансовых рынков. Точно так же, как их, за редкими исключениями, не в состоянии предсказывать высокооплачиваемые эксперты правительства и крупных корпораций.

Известные и авторитетные экономисты, лауреаты премии памяти Нобеля Джордж Акерлоф и Роберт Шиллер в последние годы часто атакуют допущение о рациональности рыночного агента (Акерлоф, Шиллер 2010; Шиллер 2013). Гораздо раньше с этих же позиций начал выступать известный биржевой игрок с амбициями «инженера душ человеческих» Джордж Сорос. Практические рекомендации всех трех — еще более ужесточить и без того жесткое регулирование рынков и ограничить «иррациональных» простолюдинов в свободе распоряжаться заработанными деньгами.

И эти трое вовсе не оригинальны. Отвечая еще в 1933 г. их предшественникам, Людвиг фон Мизес заметил: «Если мы захотим выделить рациональное действие как отличное от иррационального, нам придется стать судьями ценностных предпочтений наших собратьев, нам также придется объявить собственное сознание единственно правильным и объективным стандартом познания. Таким образом, придется уподобиться наглецам, приравнивающим себя к Тому, Кому известно все» [Всевышнему — в английском тексте «all-knowing being», а в оригинале «ein allwissendes Wesen» - всеведающему существу] (Mises [1933] 2003, 35).

Иными словами, осознающий ограниченность своего знания консервативный эксперт не рискнет оспаривать рациональность «среднего» экономического агента (потребителя, к примеру), поскольку при всей ограниченности познаний последнего никто лучше него самого не может знать его нужд. Зато «либеральный» (социалистический) эксперт стандартно сравнивает себя, мудрого и ангелоподобного, с невежественным простолюдином и на основании такого сравнения требует для себя или для своих коллег полномочий решать и делать выбор за «не ведающего собственного блага невежду».

[30] См. обзор литературы в «Политико-экономических заметках о финансовом кризисе 2007—2009» (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4067706).

Одна из стандартных проблем при принятии решений — конфликты интересов политиков, бюрократов и их экспертов. Под «конфликтом интересов» привыкли понимать только один класс таких конфликтов — наличие коммерческого или иного частного интереса у лица, принимающего решения. Однако другой класс конфликтов интересов стандартно игнорируется коллегами-обществоведами, и по серьезной причине. Это ситуация, когда решение принимается ради расширения полномочий властей или когда ученый, получив деньги из бюджета, объясняет, как хороши расширенные полномочия властей и расширенный под эти полномочия бюджет (Yanovskiy, Socol 2023; Socol, Shaki, Yanovskiy 2019). При таком конфликте интересов оправдывающий прагматический подход расчет выгод и издержек часто и легко искажается в пользу проектов, сулящих увеличение фондов для того или иного бюрократического ведомства (Tullock 1965; Niskanen 1971) и/или для наделения ведомства полномочиями принимать решения по своему усмотрению — в англо-американской литературе Discretionary Power (Ясаи 2016; Jasay 1985). «Рациональный выбор подразумевает максимизацию удовлетворения... бизнес максимизирует прибыль, государство — власть», — писал Энтони де Ясаи[31]. Обычно же это расширение полномочий имеет другую сторону — урезание свобод и ограничение прав граждан.

Ниже, на примерах конкретных стран, мы не раз увидим, как некоторые сторонники свободного общества и частной собственности готовы подвергать свободу смертельной опасности, будучи не в силах предпочесть вечные принципы лояльности своей научной школе, своей группе или личным амбициям. Как часто попытки стабилизировать «правильный» выбор того или иного лидера, в определенных пределах разумные и полезные, могут приводить к разрыву с провозглашаемыми и искренне разделяемыми принципами свободы и частной собственности.

Немецкий философ Карл Ясперс (Jaspers 1953) заметил: «Там, где не верят ни во что, утверждаются наиболее абсурдные верования». Не все еще забыли культы личности Сталина и Ленина в стране, «победившей религиозное мракобесие», равно как и еще более «своеобразные» культы личности Мао, корейских Кимов.

В наше время одним из распространенных культов стал «культ науки». Исступленная вера сотен миллионов, считающих себя образованными, просвещенными

[31] «Whatever may be its objectives — whether morally commendable or not, whether good for its subjects or not — the state can attain more of them fully if it has more power rather than less. In the rational-choice paradigm that underlies the more disciplined half of the social sciences, the consumer maximizes “satisfaction”, the business undertaking maximizes “profit”, and the state maximizes “power”»

людьми, в требования сертифицированных правительством экспертов подавляет потребность проверять официальные версии. И это в эпоху минимальных издержек доступа к информации![32] Эксперты получают деньги от правительства и не стесняются при этом заниматься пропагандой расширения полномочий и ресурсов в руках правительства, не делая даже стандартного заявления о конфликте интересов (Yanovskiy, Socol 2023)[33]. Культ этот, по сути, глубоко враждебен науке, основанной на свободе дискуссий, на отсутствии раз и навсегда установленных истин. Научный подход основан на том, что любой ученый, имеющий серьезные на то основания, может бросить вызов сложившемуся среди коллег консенсусу.

Последствия культа стали хорошо заметны во время пандемии 2020—2022 гг., когда власти некогда свободных стран поначалу, без массового сопротивления граждан, начали насаждать решения, скопированные у коммунистического Китая. При этом игнорировался опыта Кореи и Тайваня, были отброшены заранее подготовленные (2006—2019 гг.) действительно научно обоснованные планы на случай подобной пандемии. При введении принудительных общенациональных карантинов были проигнорированы по-настоящему научные результаты, предупреждавшие заранее о повышении заболеваемости и смертности в результате потери работы (см. обзоры Yanovskiy, Socol 2021; Yanovskiy, Socol 2022)[34]. Локдауны и полупринудительную вакцинацию насаждали, подавляя инакомыслие и диктуя социальным сетям, как подавлять инакомыслие на их платформах[35].

В случае принуждения к вакцинации игнорировалось предупреждение Нюрнбергского трибунала[36] об использовании давления или даже простого утаивания

---

[32] См. к примеру записку «Мнение — эксперта, ответственность — гражданина. Пособие по выявлению недобросовестной экспертизы» https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3891365

[33] The Forgotten Conflict of Interest in Modern Science. Reference Materials — дополнительные материалы к статье находящейся в процессе подачи. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4190042

[34] Маска на лице больного, вынужденного зайти в магазин, защищает других от выброса его слюны с вирусами и в такой ситуации оправдана. Большинство оштрафованных за неношение или неправильное ношение маски были здоровыми людьми, пойманными на улице. Вакцина, принятая добровольно, может быть полезна, при этом риски побочных эффектов человек принимает на себя. При принуждении к прививкам каждый случай тяжелого побочного эффекта создает и юридическую, и моральную ответственность государства.

[35] В частности, администрация Демократической партии признала, что инструктировала Facebook относительно подавления нежелательной информации как «дезинформации» (misinformation): https://www.newsweek.com/biden-administrations-admission-theyre-flagging-content-facebook-sparks-furor-1610257; https://www.dailymail.co.uk/news/article-9794015/Critics-slam-White-House-Psaki-reveals-consulting-Facebook-flag-misinformation.html.

[36] См.: https://history.nih.gov/download/attachments/1016866/nuremberg.pdf; http://www.psychepravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm. См. также Хельсинкскую декларацию Всемирной медицинской ассоциации, 1964 г. (http://www.psychepravo.ru/law/int/helsinkskaya-deklaraciya.htm).

от участников эксперимента важной информации. Притом что при выдаче разрешения на использование первой массовой mRNA-вакцины фирме «Пфайзер» (Pfizer), FDA (Food and Drug Administration)[37] и Centers for Disease Control and Prevention[38] последние оговорились, что не обладают информацией о возможных долгосрочных последствиях в контексте первых очевидных отрицательных эффектов вакцины. То есть фактически признали экспериментальный статус лекарства. Что не помешало истинно верующим в идол «науки», можно сказать в ее чучело (результат умерщвления науки путем запрета свободной дискуссии), обвинять не самих себя, а оппонентов в мракобесии и старательно подавлять любое инакомыслие.

Консерватизм образца отцов-основателей США оказывается очень трудным и беспокойным выбором. Выбором, требующим огромного повседневного труда, бдительности, подозрительности и вечного несения неприятной и тяжелой ответственности. Однако нельзя игнорировать факт, что именно такой выбор создает и поддерживает надолго условия существования свободного общества, современного экономического роста, научного прогресса. К сожалению, эти достижения и тенденции, к которым привыкли жители развитых стран, воспринимаются как нечто гарантированное, а вовсе не как ценное, но хрупкое наследие. Наследие, которого вполне реально лишиться.

Неравенство и аристократия

Как хорошо известно из истории, «весь народ может сопротивляться только в патриотических книжках» (Bielecki, Kelus, Sikorską 1983)[39]. Для того чтобы люди успешно сохраняли свободу, сопротивлялись тирании, в каждом поколении должна быть некая критическая масса, заметное меньшинство людей, готовых на необычные

[37] Информация о возможных долгосрочных последствиях для здоровья пока отсутствует (Pfizer-BioNTech, COVID-19): https://www.fda.gov/news-events/press-announcements/fda-approves-first-covid-19-vaccine/

[38] Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC) активно изучают сообщения о развитии миокардита (воспаления сердечной мышцы) после введения мРНК-вакцины против COVID-19 (Pfizer-BioNTech или Moderna). Большинство этих пациентов полностью выздоравливают, но информация о возможных долгосрочных последствиях пока отсутствует. Понимание долгосрочных последствий для здоровья критически важно для разъяснения рисков и преимуществ вакцинации против COVID-19 населению и разработки клинических рекомендаций (https://web.archive.org/web/20210820230753/https://www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/vaccines/safety/myo-outcomes.html).

[39] Перевод брошюры на русский см. здесь: https://royallib.com/read/avtor_neizvesten/maliy_konspirator.html

усилия и жертвы ради защиты свободы. Эти люди, обладая соответствующими качествами (доблестями), должны быть в состоянии увлечь значительную часть общества личным примером и «действовать так, чтобы молчаливое большинство отождествляло себя с нами» (Там же). Такие способности, качества нередко передаются по наследству. Прежде всего как пример для подражания, установленная планка, которую надо преодолевать с тем, чтобы «не опозорить род».

Часто (от примеров библейских героев и пророков до отцов-основателей США) речь идет о некоем доблестном и активном меньшинстве — аристократии в силу доблести и способностей, а не в силу происхождения. «Aristocracy of "Virtues and Talents"» — такое определение дал второй президент США Джон Адамс в письме к своему другу и яростному оппоненту, третьему президенту США Томасу Джефферсону (Founders' Constitution)[40].

Ровно о таких, точнее, именно об этих людях — лидерах американского движения за независимость (точнее, за обязанность власти утверждать налоги решением собрания представителей налогоплательщиков) писал не имевший возможности познакомиться с ними лично Адам Смит в «Богатстве народов» — как о «естественной аристократии». Он утверждал, что такие люди, готовые платить за свой выбор крайне высокую цену, совершенно необходимы для защиты свободного, самоуправляющегося общества и от них зависит стабильность и продолжительность существования такового — «stability and duration of every system of free government»[41].

Наличие такого меньшинства есть бесспорное благо для общества. И это благо прекрасно вписывается в консервативную традицию, но представляет проблему для классического либерализма. Это все время делает его мишенью атак сторонников большого заботливого государства, требующих «равенства» (equality), а в последние

[40] https://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/v1ch15s62.html

[41] «Men desire to have some share in the management of public affairs chiefly on account of the importance which it gives them. Upon the power which the greater part of the leading men, the natural aristocracy of every country, have of preserving or defending their respective importance, depends the stability and duration of every system of free government. <...> They have rejected, therefore, the proposal of being taxed by parliamentary requisition, and like other ambitious and high-spirited men, have rather chosen to draw the sword in defence of their own importance» https://oll.libertyfund.org/titles/smith-an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of-nations-cannan-ed-in-2-vols («Люди желают участвовать в управлении государственными делами главным образом ради значения, которое это им придает. От способности и силы, которым большинство руководящих деятелей, естественная аристократия всякой страны, обладают в деле сохранения или защиты своего значения, зависят устойчивость и долговечность всякой системы свободного правления. <...> Они поэтому отвергли предложение об обложении их в порядке раскладки, производимой парламентом, и, подобно другим честолюбивым и горячим людям, предпочли обнажить меч в защиту своего влияния и значения» (*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 590).

годы не стесняющихся уже требовать и тотальной уравниловки (equity). Разумеется, собственные ценности новых тоталитаристов заключаются как раз в том, чтобы, став элитой, воспроизводить неравенство, как это было при «реальном социализме». Однако классический либерализм, выбирая между очевидным, но еще не случившимся будущим и реальным современным неравенством, растерялся и сдал позиции. Те позиции, которые консерватору, исходя из его идеологии, гораздо проще защищать, не испытывая ни малейшего неудобства.

Это важное наблюдение не раз пригодится нам в дальнейшем.

Два подхода к защите жизни, свободы и частной собственности

Необходимость защиты частной собственности сторонники таковой обычно выводят либо из традиции (правовой или религиозно-культурной), либо из кажущихся авторам разумными рассуждений, допущений и безупречной логики.

Три источника и три составных части моральной легитимации частной собственности

Напомним читателю, что не существует четкой границы между гарантиями свободы человека (защита от произвольного лишения свободы, ареста, похищения, убийства) и гарантиями частной собственности (без первых формальное признание частной собственности не имеет особого смысла).

И консерваторы, и классические либералы (либертарианцы) согласны с тем, что жизнь, свобода, неприкосновенность личности и собственность суть фундаментальные принципы цивилизованного общества.

Большинство экономистов и историков, включая современных (Пайпс 2000; Olson 2000; Acemoglu, Robinson 2012[42]), и даже сторонников большого заботливого правительства — «левых», согласно определению, данному во Введении (Stiglitz 1999) согласны с тем, что частная собственность есть важное условие долгосрочного экономического роста. Большинство ученых и политиков, однако, не считают, что институт частной собственности имеет также значимые моральные преимущества. Многие готовы терпеть его как меньшее зло, необходимое для эффективного сбора средств на перераспределительные программы социального государства.

[42] В русском издании 2015 г. «Аджемоглу».

Между тем исторически в Европе легитимация личных прав и частной собственности строилась начиная с формально признанной, но не воспринимаемой до Реформации традиции Синайского откровения (рядовые католики канонизированные переводы на латынь Священного Писания сами не читают, но доверяют пересказу священнослужителя). Стоящая над монархом — помазанником — Высшая воля и Завет сделали легитимным отказ от признания не только папского престола, но и светского короля, коль скоро он явным образом нарушал свои обязанности согласно тому же Завету. Так для начала был низложен король Испании в Нидерландах. Иные же и головы лишились. Постепенно формировалась терпимость к успеху, а затем и признание успеха (материального) как своего рода видимой компоненты благословения свыше (Макс Вебер, «Протестантская этика», см. обзор по данной теме де Фрис 2016, 83—128).

Труд упорный в учебе и в бизнесе не случайно идентифицируется как «белая», европейская ценность и третируется левыми идеологами, сторонниками всеобщей государственной заботы (Fryer, Austen-Smith 2005). Восприятие упорного труда и достижений как опасности (и других тоже заставят!) характерно для обществ и культур, не знающих современного экономического роста, практики массовых взаимовыгодных сделок, растущего, а не фиксированного национального пирога. Соответственно, всеми теми, кто мечтает разрушить общества европейской — иудео-христианской культуры «растущего общественного пирога», защищающие успешных людей и успех и тем создающие стимулы для успеха, третируются упорные и успешные. Атакуются те, кто доказывает, что трудом можно взломать любой потолок, — такие как экономист Томас Соуэлл, судья Кларенс Томас и т.п. Эту идеологию фиксированного пирога, ненависти к успеху должны особенно хорошо понимать вполне белые и европейского вида люди, рожденные и выросшие в СССР. (В насаждавшейся в Советском Союзе культуре стремление добиваться успеха в жизни воспринималось как нечто весьма сомнительное, а слово «карьерист» вообще было ругательством. Типичный сюжет многих советских фильмов — талантливый человек отказывается от научной карьеры в пользу должности простого заводского инженера или сельского врача.)

Под влиянием этой же традиции менее заметно, чем политические институты, строилась новая правовая традиция: традиция неприкосновенности личности и собственности, тесно связанная с концепцией естественного права[43]. И лишь намного

[43] Оно существовало с древности — даже в греческой мифологии задолго до Аристотеля, см., к примеру, Фиванский эпос — долг похоронить умерших выше закона, изданного царем. Однако задолго до Аристотеля сформировалась куда более мощная религиозная традиция такого права. Возрождение

позднее формируется светская, рациональная традиция в поддержку частной собственности и свободной экономики. Некоторые из представителей последней пытались сформулировать этические и моральные основы частной собственности и свободной экономики.

Мы же сейчас остановимся прежде всего на проблеме моральной легитимации.

Первый источник. Частная собственность из головы

Мюррей Ротбард, один из основателей современной либертарианской традиции, в ряде своих книг и статей (в частности, в этическом трактате «Этика свободы» и в политическом манифесте «К новой свободе») взялся рационально обосновать этику частной собственности[44]. Он строит доказательства, предложив читателю принять за основу дальнейших рассуждений положение о том, что человек вправе распоряжаться своим телом, но также и чем-то бóльшим, что обеспечивает как минимум физическое выживание. В дальнейшем Г.-Г. Хоппе предложил в обоснование того же положения сам факт наличия у дискутирующего собственного мнения. Последнее подразумевает принятие каждым обладателем своего мнения допущения о праве на самого себя, включая как минимум свое собственное тело (Hoppe 1993)[45]. Далее собственник своего тела, осваивая природные объекты вокруг себя, расширяет круг своей собственности — личности, и все получается прекрасно... но проблема моральной легитимности решается такими рассуждениями только для того круга, который не нужно ни в чем убеждать.

Ссылки на Мизеса, Хайека, Фридмана, не говоря уже о Ротбарде, вообще мало кого убеждают. А уж логика — тем более. В современной Западной Европе и Канаде слышатся утверждения, что изначальная посылка о праве на собственное тело и жилье есть «белая мужская привилегия» и поэтому ни одним «человеком доброй воли» принята быть не может. А потому необходимо поделиться всем с беженцами и прочими

массового интереса (начиная с чтения) к этой традиции, очевидно, не случайно совпало и с возрождением идеи естественного права. См. также Аннерс 1996, 222—227.

[44] См.: *Rothbard M*. The Ethics of Liberty. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1982; Ротбард М. К новой свободе. М.: Новое изд-во, 2009.

[45] «Очевидно, что в отсутствие исходной предпосылки, согласно которой человек изначально обладает исключительным правом распоряжаться своим физическим телом, никто не мог бы ни сам утверждать что-либо, ни внять аргументам, убеждающим в истинности другого утверждения» (цит. по: Отечественные записки. 2004. № 6 (21); http://www.strana-oz.ru/2004/6/o-konechnom-obosnovanii-etiki-chastnoy-sobstvennosti/).

«угнетенными» (бедными, меньшинствами и т.п.) — идеальными объектами правительственной заботы.

Либертарианцы уязвимы и поддаются давлению со стороны этатистов, социалистов начиная с времен стареющего Спенсера, не говоря уже о времени Мизеса[46].

Следует оговориться: либертарианство — это чрезвычайно пестрое течение, в котором есть много «нетипичных» мнений. Так и по вопросу об отношении к свободе некоторые готовы принимать во внимание традицию, наследие, цивилизационный аспект. Отчасти это относится и к упомянутому Герману Хоппе — противнику «свободной» иммиграции, угрожающей освященной традицией частной собственности (Hoppe 1998).

Айн Рэнд считала противостояние цивилизации и дикости реальным фактом и призывала стоять неизменно на стороне цивилизации. Ее современная продолжательница Илана Мерцер (Ilana Mercer) определяет свою позицию почти по Йораму Хазони: «Ключевое отличие недолибертарианцев от либертарианцев настоящих состоит в том, что для них идея свободы есть пожелание, мечта, которая живет независимо от реалий истории, иерархий, биологии, религии, культуры, ценностей. Скажем прямо, принципы американской свободы не были развиты “прогрессивными” леволиберальными леди, марширующими на демонстрациях в шапочках с кошачьими ушками, не были заложены суфражистками или LGBTQ в их программах. Это существенный факт? Еще бы!»[47] Это было написано в 2018 г. К тому, как и, главное, почему сама Илана Мерцер выбирала между дикостью и цивилизацией в 2023 г., мы вынуждены будем вернуться ниже — ближе к концу этой книги (и в дополнительных материалах[48]).

Второй источник. Политико-правовая традиция

[46] Подробнее на этой проблеме мы останавливались в книге «Институциональные ограничения современного экономического роста», с. 451—454 в главе о традиционной морали.

[47] «The crucial difference between lite libertarians and the Right kind is that, to the former, the idea of liberty is propositional — a value, an idea that’s untethered from the realities of history, hierarchy, biology, tradition, religion, culture, values. Bluntly put, the principles of American freedoms were not developed by progressive, libertine ladies, marching in pussy dunce caps; by the suffragettes or the LGBTQ community and their program. Are those significant facts? You bet» (Big League Politics, Interview With Ilana Mercer, November 23, 2018; https://web.archive.org/web/20181123184926/https://bigleaguepolitics.com/interview-writer-ilana-mercer-takes-on-the-cato-institutes-left-libertarianism).

[48] См.: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964/

Результат многовековой традиции права, защищающего собственника и собственность, был зафиксирован британским Биллем о правах 1689 г. Его описал, в частности, классик британской юриспруденции Уильям Блэкстоун[49]. В мировую культуру символом этого права вошла формула «дом англичанина — его крепость», сформулированная юристом Эдвардом Куком в начале XVIII века[50] и прославленная сэром Уильямом Питтом[51]. Последний сказал в ходе парламентских дебатов 1763 г. о доме английского бедняка: «...ветер может войти, дождь может войти... но король не может». Затем на стражу собственника и его частной собственности заступили поправки III и IV Билля о правах (1791 г., США).

Классическая англо-американская традиция не просто письменно фиксирует право частной собственности как приоритетное.

В защиту еще далеко не сформировавшегося института частной собственности и собственника собрались на поле Раннимеда в 1215 г. бароны, заставившие короля Джона Безземельного подписать Великую хартию вольностей[52]. За покушения на это право лишился головы король Карл (Чарльз) I и престола — его потомок, Джеймс Второй. Американцы воевали за гарантии своих прав и собственности, надежностью которых они не были готовы поступиться. Воевали с превосходящими силами Британской империи, теряя здоровье, жизни и тратя ресурсы (ту же собственность). Утверждения, что эти действия могут быть объяснены экономическим интересом, смехотворны (во всяком случае, те, кто делает такие утверждения, сами не пробовали годами воевать ради частной собственности, страдать от ран, холода, голода и связанных с ними болезней). Готовность идти ради принципа на крайние издержки, как мы отмечали выше, признак

---

[49] См.: Документы из коллекции «Founders' Constitution», в частности http://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/v1ch16s5.html

[50] См.: http://oll.libertyfund.org/quotes/502/

[51] «The poorest man may in his cottage bid defiance to all the forces of the Crown. It may be frail, its roof may shake; the wind may blow through it; the storms may enter, the rain may enter, — but the King of England cannot enter; all his forces dare not cross the threshold of the ruined tenement» («Самый бедный человек может в своей хижине бросить вызов всем силам короны. Он может быть хрупким, его крыша может трястись, ветер может продувать его насквозь, ветер может войти, дождь может войти, — но король Англии не может войти; все его войска не смеют переступить порог разрушенного дома»; цит. по: Jonathan L. Hafetz, *"A Man's Home is His Castle?": Reflections on the Home, the Family, and Privacy During the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*, 8 Wm. & Mary J. Women & L. 175 2002 (http://scholarship.law.wm.edu/wmjowl/vol8/iss2/2).

[52] Баланс сил «олсоновских бандитов» в разных сочетаниях с балансом сил (в том числе вооруженных) общин католиков и протестантов привел к становлению аналогичных гарантий и ограничений, налагаемых на власть также в некоторых других странах — в Голландии, Швейцарии, Швеции и др. — см. Yanovskiy, Zhavoronkov, Ginker 2014.

того, что данный принцип является де-факто конституционной нормой (Yanovskiy, Ginker 2017; Жаворонков, Яновский 2015).

При подготовке конституции и Билля о правах США отцы-основатели бессчетное число раз напоминали согражданам об опасности перерождения в бандита и грабителя самой демократии — большинства, использующего свою власть для насильственного и как бы «легального» ограбления меньшинства (Мэдисон, Федералист, 10, 1787[53]).

Отметим, что ссылка на защиту прав при необходимости силой оружия, организованного насилия, укоренена, в частности, и во Второй поправке к Конституции США. Когда отцы-основатели обсуждали право Второй поправки,[54] право на индивидуальную вооруженную самооборону казалось им настолько самоочевидным[55] что этот его аспект они подробно не прописали. Зато на ключевой усилитель этого права - "хорошо организованное ополчение" - защиту и от банд уголовников, и от иностранного разбойника-агрессора, и от своего тирана - указали буквально. Также они обсуждали (при заочном участии Адама Смита) роль "естественной аристократии" (или "аристократии заслуг и доблестей" - людей готовых сражаться в защиту своих базовых прав) - как организаторов коллективного сопротивления от всех видов разбойников и тиранов (смотри выше – вторую главу «Рациональный выбор и вечные ценности» - «Неравенство и аристократия»).

Третий источник. Вначале была монотеистическая традиция?

Само понятие современной частной собственности как неотъемлемой компоненты человеческой личности уходит корнями к Синайскому откровению. «Отнимающий пруту (мелкую монету), как отнимающий душу» (рав Кахана, период кодификации Талмуда).

Особую роль играет пример покупки Авраамом земли у хеттов (Бытие 23, 1—20). Патриарх покупает землю у людей, боящихся его как военного лидера невероятной успешности (победителя могучих царей). Они наперебой предлагают ему свои участки бесплатно. Он, однако, платит полную цену (по некоторым толкованиям — даже

[53] См., к примеру, http://grachev62.narod.ru/Fed/Fed_10.htm

[54] The Founders' Constitution Volume 5, Amendment II, Introduction The University of Chicago Press https://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/amendIIs12.html.

[55] В Пятикнижии находим: "и взяли Шимон и Леви ... каждый меч свой..." (Берешит – Бытие 24:25); " вооруженными поднимались сыны Израиля из Египта ..." (Шмот – Исход 13:18). Смотри также "если в подкопе найден вор ... нет крови..." [на убившем его хозяине] (Шмот – Исход 22:1). То есть наличие под рукой у свободного мужчины меча считалось самоочевидным.

заведомо избыточную), чтобы не воспользоваться преимуществом, которым пользовалось в его эпоху, равно как и в нашу, огромное большинство «сильных людей». То есть свободный договор — это такой договор, который заключается без принуждения, даже если у одной из сторон есть явное силовое превосходство[56].

Другой пример. Норма Пятикнижия, позволяющая убить вора, обнаруженного в подкопе (Исход 22, 1). Речь может идти о дальнем подступе защиты частной собственности и частной жизни, пространства (от Десятой заповеди «не возжелай»).

Однако желания ненаказуемы, наказуемы только действия. Просто взять чужое — обманом, украв, карается согласно излагаемым в Пятикнижии законам, не смертью, но деятельным раскаянием. То есть раскаянием, включающим возвращение в кратном размере имущества (то есть фактически крупным штрафом — например Исход 22, 3).

Вторжение же в чужой дом рассматривается как настолько очевидное и злонамеренное нарушение права частной собственности и частной жизни, что оно может стоить нарушителю жизни. Синайское откровение считает самоочевидным, что хозяин дома имеет право и наверняка будет защищать свое имущество силой. Значит, вор может пойти и на убийство. Поэтому хозяину дома незачем рисковать и проверять, до какой степени простираются намерения вора: раз залез в чужой дом — значит разрешил себя убить.

Через Джона Локка это понимание неразделимости личности и собственности вошло в основу европейской культуры.

Первоисточники в христианстве значительно *уже* (четыре не очень больших текста Нового завета, Деяния апостолов и Послания апостолов). Об имуществе там немного. Известен отрывок (Мф 19, 16—26) о том, что богатому так же сложно войти в Царство Небесное, как верблюду в игольное ушко. Однако историки, во-первых, указывают, что «игольным ушком» назывались одни из узких ворот в Иерусалиме, куда верблюду пройти было сложно, но все же возможно, и далее в тексте следует усиление: «Человеку не возможно, а Богу все возможно». Среди ранних христиан встречался культ бедности как идея отречения от грешного мира, но он не был доминирующим. «Деяния апостолов» (4—42) повествуют о том, что «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам

[56] Здесь и ниже, в приложении ко второй главе, толкование этого отрывка авторское (М. Яновского).

Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Однако это был добровольный выбор апостолов — ни они, ни Христос не предписывали отказ от имущества как требование для верующих. Живший во II в. крупный христианский богослов Климент Александрийский написал отдельный трактат «Кто из богатых спасется»[57], в котором сопоставляет богатство с требованием к человеку делать добро и приходит к выводу: «Как же может помогать другому тот, кто сам ничего не имеет?»

Конечно, следует различать традицию и церковные институты. Обладавшие в течение веков огромными ресурсами и большой властью церкви не всегда были заинтересованы следовать в своих делах примеру праотца Авраама, как последовал ему царь Давид, купивший участок Храмовой горы у Орны — иевусея. Отсюда, вероятно, двойственная позиция относительно института собственности.

Так, крупный христианский богослов XIII века Фома Аквинат в четвертой части «Сумме теологии» (вопрос 66 «О воровстве и грабеже»)[58] оправдывал частную собственность и богатство тем, что оно важно не само по себе, а как средство для правильных целей. Фома Аквинский повторил в целом мысли Климента Александрийского о том, что богатство морально нейтрально и его оценка зависит от того, как оно употребляется. То есть частная собственность есть просто изобретенный человеком институт, полезный в делах, способствующий миру, не противоречащий естественному закону и воле Всевышнего, но не более того[59] (с. 230—245 по рус. изд. 2013 г.).

В католицизме уже в новое время большой авторитет приобрели энциклики «Новые вещи» Льва XIII[60] и изданная через 100 лет, в 1991 г., энциклика «Сотый год» Иоанна Павла II[61]. В них говорилось о праве на частную собственность и отрицались коммунистические теории классовой борьбы, указывалось, что честный работник и честный предприниматель не враги друг другу.

Основатель протестантизма Мартин Лютер в своих «95 тезисах» упрекал церковь за фактическое ограбление верующих индульгенциями, притом что сама церковь «богата, как Крез». Богатство надо зарабатывать трудом, а не побираться и грабить —

---

[57] См.: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/kto_iz_bogatyh/
[58] См.: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-4/3/
[59] Притом что его вклад в улучшение отношения в допротестантской Европе к частной собственности и частной инициативе не подлежит сомнению. Ссылки на предшествующую традицию в том же 66-м вопросе это подтверждают со всей очевидностью. До него право собственности стыдливо «резервировалось» для высших социальных групп.
[60] См.: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html
[61] См.: http://yakov.works/acts/20/voityla/centes.html

эта мысль содержится в его не очень известной работе «Против разбойников и убийц — бунтующих крестьян»[62]. Он призывает использовать силу против грабителей. Погибший защитник собственности попадет в рай, погибший грабитель — в ад.

Тема богатства не особо занимала православных ученых прошлого, но сейчас, например, в «Основах социальной доктрины РПЦ» есть отдельный седьмой раздел о собственности, в котором говорится, что «Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним», но ни в коем случае не как цель.

В рамках не связанной тесными узами с правительством кальвинистской традиции в США отношение к собственности бывало существенно иным.

Пол Хейне (Heyne 2008) подчеркивает значимую разницу в отношении к успеху, капитализму, свободной экономике католицизма (даже американского) и протестантизма. В рамках последнего в XIX веке, особенно до Гражданской войны, было весьма влиятельно направление, отстаивавшее принципы личной свободы и ответственности как наиболее соответствующие христианской морали (протестантское Laissez-faire). Ведущий представитель этой группы, баптистский проповедник профессор Фрэнсис Уейланд (Francis Wayland), считал, что принципы свободной экономики очень близки принципам его вероучения. Причем настолько, что, используя понятия богословия, можно успешно описывать экономические явления с тем же успехом, как используя понятия самой политической экономии.

Этика с горы Синай не случайно оказалась убедительной для многих поколений европейцев, начиная с периода Реформации. Защита частной собственности авторитетом Бога, а Он не человек, чтобы поменять свою точку зрения или логику, эффективнее авторитета смертного человека. Как бесконечно повторяемая игра (игра с бесконечным числом ходов) с точки зрения стимулов к кооперации «эффективнее» конечно-повторяемой[63].

Многие из тех, кого традиционно относят к классическим либералам, не понимали значимости бесконечно-ходовой игры и относились к Синайской традиции прохладно, если не враждебно. Однако в США большинство отцов-основателей были людьми

[62] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Luther_Martin/text1.phtml?id=13041/

[63] В теории игр в простейшем случае кооперации (или не-кооперации) двух игроков в конечной игре возникает стимул к обману при последнем ходе. Рациональность толкает игроков к попытке упредить обман партнера, и в результате они обманывают изначально. При бесконечно повторяемой (бесконечно-ходовой) игре есть стратегии, делающие кооперацию рациональной («выгодной») стратегией. См., к примеру, https://economics.mit.edu/files/4754 (англ.) или (русск.) Вэриан 1997 (п. 27.4, 27.5, с. 529—532).

религиозными и, подобно лидерам голландских гёзов, выводили обоснования требований личной свободы и ограниченности власти из этой традиции. Такой подход вовсе не был чужд и Европе XIX в. — прежде всего классическому французскому либерализму (Raico 1970), который, по современной классификации, конечно, куда ближе к консерватизму.

Для консерваторов понимание значения ограничений, принимаемых на себя последователями монотеистической, то есть иудео-христианской традиции, как противовеса вмешательству государства представляется чем-то совершенно естественным. Так, американский консервативный политик, бывший сенатор от Южной Каролины и бывший президент Heritage Foundation Джим Деминт (Jim DeMint) заявлял, что «чем большее место занимает [в жизни] правительство, тем меньшее — Бог, и наоборот. Чем большее место занимает Бог, тем меньше людям нужно правительство, поскольку они стремятся к свободе»[64]. Американский же просветитель Деннис Прагер (Dennis Prager) в контексте обсуждения роли семьи утверждает буквально: «Больше правительства = меньше Бога»[65]. Д. Прагер, в свою очередь, ссылается на едва ли не стандартное для поколения отцов-основателей напоминание уходящего президента Дж. Вашингтона о том, что свободное общество, самоуправление нуждается в доблестях и морали граждан, а последние не могут быть устойчивыми без опоры на религию[66]. (Разумеется, он имел в виду не ислам.) Заботливое правительство вовсе не упомянуто Вашингтоном в этой речи, что одно уже объясняет борьбу левых экстремистов с памятниками и с памятью о великом человеке и гражданине.

Как мы уже упоминали выше, построения М. Ротбарда основаны на базовом допущении о собственности на собственную личность, на свое тело, принятом среди либертарианцев. Действительно, много ли стоит частная собственность, если не гарантирована свобода или даже жизнь собственника? И этот вопрос подводит нас к следующей важной дискуссии между самими либертарианцами. «Собственность на тело» и вообще частная собственность, естественно, не гарантированы, если не защищены жизнь, свобода и достоинство человека. Одной же из ключевых гарантий как от убийства, так и от произвольного лишения свободы является право человека на

[64] «...Bigger the government gets the smaller God gets and vice-versa. The bigger God gets the smaller people want their government because they're yearning for freedom» (https://archive.thinkprogress.org/demint-the-tea-party-movement-is-a-spiritual-revival-baf148916155).
[65] «Bigger Government = smaller God» (https://www.prageru.com/video/ep-342-a-catholic-speaking-to-catholics-whats-the-controversy).
[66] См.: https://www.georgewashington.org/farewell-address.jsp

самооборону, в том числе вооруженную. И если государство не в состоянии защищать каждого круглосуточно, то допустимо ли ему ограничивать право человека на самооборону вообще и на вооруженную в частности?

Протестанты читали о законах и заповедях в переводе на родной язык, регулярно обсуждали на собраниях своих общин истории из Пророков и Писаний. Они сумели отстоять в войнах независимость многих государств на Западе и на Севере Европы. По-видимому, не случайно именно они проложили дорогу к современному экономическому росту. Нидерланды, Великобритания, их колонии (Asoni 2008) — а за ними и по их образцу и другие страны — первыми смогли создать работающие гарантии неприкосновенности личности и частной собственности.

В Приложении к настоящей главе мы разбираем некоторые современные, политизированные споры среди тех, кто определяет себя как наиболее последовательных защитников принципов личных прав и личной свободы. Специально разбирается случай самообороны от террориста, прикрывающегося живым щитом. Наиболее любознательные из наших читателей смогут убедиться в том, что:

- выбор ответа на реальный, практический вопрос, касающийся права на самооборону, позволяет идентифицировать реальную приверженность участников дискуссии принципам свободы и личных прав, которая может разительно отличаться от декларируемой;
- выбор ответа, признание корректными тех или иных аргументов участников дискуссии зависит от заранее выбранного ими отношения к моральным нормам. Выводит ли их участник дискуссии из взглядов уважаемого мыслителя или из традиции Синайского откровения.

Социальная справедливость: от смертного греха до недорогой «доблести»

Требования социальной справедливости в развитых стран сводятся, как правило, к призывам вполне состоятельных политиков к бедным поддержать усилия этих политиков по насильственному перераспределению богатства. Богатство, подлежащее перераспределению, создано благодаря таланту и оправданному риску предпринимателей усилиями усердных квалифицированных работников.

Английское (так же как ивритское «цедек» — по смыслу текста Пятикнижия) понятие справедливости (Justice) глубоко враждебно идее насильственного

перераспределения. Десятая заповедь буквально запрещает даже думать о чужом благе с завистью и вожделением. Поскольку в таких раздумьях корень множества (если не всех) преступлений — убийства, грабежа, прелюбодеяния.

Требования справедливости в Пятикнижии очевидно строго противоположны идее «уравнительных результатов» и основаны на строгом равенстве сторон перед судом. Запрещено подсуживать бедняку: «...и бедного не поддерживай в тяжбе его» (Исход 23, 2), однако и запрещено ограничивать доступ бедняка к правосудию: «...не суди несправедливо бедняка в тяжбе его» (дословно «не уклоняй суд» — Исход 23, 6). «Судите справедливо... не давайте никому предпочтения: как малого, так и великого выслушивайте; не бойтесь никого, ибо суд в руках Всевышнего...» (Второзаконие 1, 17). Уже упомянутый выше запрет следовать за большинством во зло и искажать закон, истину, отзываясь о спорной проблеме ради того, чтобы оказаться вместе с большинством (Исход 23, 2), цементирует конструкцию окончательно. Требование противостоять страстному желанию толпы «взять все и поделить» получает высшую религиозную санкцию.

Многочисленные эксперименты разных стран по установлению «социальной справедливости» показали, что устроители ее сами склонны жить по стандарту «несправедливой», «буржуазной» модели (Voslensky 1984). При этом, во имя снижения на десяток-другой пунктов коэффициента Джинни (Gini Coefficient), за период проведения коммунистического эксперимента в XX веке сотни миллионов были лишены свободы и достоинства, а десятки миллионов потеряли свои жизни (Courtois, Werth et al. 1999; Gissurarson 2018; Solzhenitsyn 1973).

Тот же первооткрыватель для Запада «номенклатуры» Михаил Восленский заметил удивительную любовь западных левых журналистов к жизни в СССР, несмотря на все бытовые неудобства и ограничения их личной свободы. Он проницательно объяснил эту любовь ощущением избранности, элитарности, которое обычный западный журналист испытывал, постоянно работая в Москве. Да, условия жизни неважные, но несопоставимо лучше, чем у москвичей. Да, есть ограничения на передвижение, но зато он может по собственному желанию купить билет и улететь в страну, доступ в которую для подавляющего большинства советских людей был закрыт. Такая потребность в «элитарности» неплохо объясняет яростную враждебность современных «Антифа», BLM и других левых радикалов к капитализму, который делает блага в каждом поколении все более и более доступными для большинства, а то и для всех. Когда хороший автомобиль, персональный компьютер, мобильная связь,

качественное жилье, красивая одежда, изысканная пища, путешествия перестают быть атрибутами принадлежности к «великим мира сего».

Весьма вероятно, что всемирная борьба с коровами, угрожающими планете Земля и жизни на ней (Gerber et al. 2013[67]), вкупе с острой потребностью накормить человечество насекомыми[68] также подпитывается спросом на элитарность потребления. Потребления в том числе вполне традиционного говяжьего стейка, который при свободной капиталистической экономике доступен каждому.

Американская консервативная организация, выступающая в защиту экономической свободы, Committee for Unleash Prosperity заказала центру изучения общественного мнения Rasmussen Reports опрос, в котором вопросы задавались отдельно по выборке получивших post graduate degree (степень магистра или доктора наук) и имеющих доход свыше 150 000 долл. в год, живущих в крупных городских агломерациях (свыше 10 тыс. человек на квадратную милю), и отдельно по стандартной выборке условно «средних американцев». Первая выборка состояла на 73% из зарегистрированных демократов и на 14% из республиканцев. Отдельно в первой выборке выделялись ответы выпускников университетов элитарной Лиги плюща.

77% «элитарной» выборки поддерживают «строгое нормирование потребления газа, мяса и электроэнергии» в интересах борьбы с изменением климата. С ними согласны лишь 28% остальных американцев. Более двух третей выпускников университетов Лиги плюща выступают за запрещение автомашин с бензиновыми двигателями, газовых плит и несущественных авиапутешествий во имя защиты окружающей среды.

Наконец, главное. Выбирая из трех опций: проблема США в том, что слишком много личной свободы, слишком много государственного регулирования или и того и другого примерно в нужном объеме, только 16% обычных американцев выбрали вариант «слишком много свобод» и 57% из них увидели главную проблему в том, что слишком много государственного регулирования. Зато в «элитарной» группе избытком свобод озабочено 47% (а среди выпускников университетов Лиги плюща 55%), а госрегулированием соответственно 21 и 15%.

[67] Мейнстримные, но куда менее истеричные оценки «коровьей угрозы» см. Mitloehner 2018.

[68] О духе борьбы за новую диету см., в частности, Rubin 2020. С поправкой на то, что агрессивность атак свидетельствует скорее о связях атакующих с правительством, с вашингтонской бюрократией, а не с пугливыми частными корпорациями, — см. подробнее в Yanovskiy, Socol 2024.

Характерно, что в последние годы благосостояние элитарной группы росло, а американцев в целом, по их ответам, падало.

Перед нами не противостояние богатых и образованных бедным и необразованным. Это противостояние тех, кто желает сохранить свой «элитарный статус», не только мешая остальным преуспевать регуляциями, как это описал де Сото 2008, но искусственно понижая их жизненный уровень — практически по Восленскому, если не жестче. Сами они точно сокращать свое личное потребление не станут.

Перед нами, конечно, не конфликт интеллектуалов и «рабочей Америки», как комментируют это и подобные исследования некоторые авторы. Интеллектуалы не могут считать лишней свободу слова (Coase 1974) и, соответственно, требовать safe space («безопасное пространство») от иной точки зрения в университете. Речь идет о конфликте тех, кто надеется преуспеть собственным трудом, талантом, предприимчивостью (поэтому хочет меньше правительственного контроля), и теми, кто не мыслит себя вне рамок заботливого социального государства. Желательно — в качестве и привилегированных клиентов, и надзирателей, получающих административную ренту (Tullock 1991; Krueger 1974; Bellante, Long 1981).

Ужасы тоталитаризма не уничтожили спроса значительных и влиятельных групп на тоталитарные идеи. После «ребрендинга» мы находим новую версию «социальной справедливости» в «облагороженном» учеными апологетами — среди наиболее видных Джон Ролз (John Rawls 1971) и Амартия Сен (Amartya Sen 2009) — виде «распределительной справедливости».

Однако это все та же идея, которая всегда служила для оправдания разных форм грабежа. От выделенного Фредериком Бастиа «перераспределительного грабежа» (Бастиа 2023; Bastia 1850) через налоги с чужих с дележом среди «нуждающихся» своих до вульгарных погромов, «обыкновенных» грабежей и разбоя. Даже в самых цивилизованных странах реализация этой идеи уже на первом этапе приводит к хронической социальной зависимости, развалу семьи среди зависимых от помощи правительства (Moynihan 1965). Затем к ее «нормализации» (над чем не покладая рук работают и ученые-обществоведы — см. динамику обширной литературы о стигме социальной зависимости, например Walker 2014, а также краткий обзор о динамике восприятия социальной зависимости (public dependency stigma)[69]). Томас Соуэлл

[69] Yanovskiy Moshe. 2018. “Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives?” Supplemental Materials. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3555026/ См. параграф 7 «Destigmatization of welfare dependence».

иронически переобозначил «социальную справедливость» как «космическую», то есть оторванную от каких бы то ни было реалий (Sowell 1999).

Издержки и последствия практической реализации требований такой «справедливости» приводят к разрушению ткани общества (начиная с семьи, общин), так что Соуэлл настаивает на глубокой асоциальности аморальных притязаний на незаработанную чужую собственность, отнимаемую силой государства[70].

Допустим, что неравенство и есть несправедливость, а в неравенстве виновны не те, кто препятствуют экономической свободе и честной конкуренции, а те, кто лучше воспользовался свободой и победил в честной конкурентной борьбе.

Тогда трудолюбивый виноват в «несправедливости» в отношении ленивого.

Те члены общества, которые унаследовали уважение к закону, укорененному в Синайском откровении, и живут в достатке, оказываются виноваты перед членами шайки, превратившими свою собственную жизнь в ад. Соответственно, законопослушный и честный работник, защищающий свою собственность и уважающий чужую, будет виноват перед лентяем, неспособным создать свое и не считающим зазорным присвоить чужое.

Очевидно, что такое понимание справедливости несовместимо с традиционным пониманием этого понятия. Справедливость есть равенство перед заранее известным законом, основанным на общепризнанных ценностях. Тех ценностях, которые запрещают убийство, грабежи, порабощение и резко осуждают завистливое вожделение чужого. В конечном итоге «социальная справедливость» неизбежно прорывается в погромах и грабежах, которыми сопровождаются mostly peaceful protests (преимущественно мирные протесты). При которых малые порции «облагораживающей косметики» от коллег-обществоведов уже не помогают и требуется откровенно бесстыжая пропаганда. В конечном итоге «социальная справедливость» демонстрирует и свою асоциальность, и враждебность настоящей справедливости. Той, которую в традиции Роулза формально признают, именуя «процедурной справедливостью» — Procedural Justice.

[70] «In its pursuit of justice for a segment of society, in disregard of the consequences for society as a whole, what is called ‘social justice’ might more accurately be called anti-social justice, since what consistently gets ignored or dismissed are precisely the costs to society» («За ее стремление к справедливости для определенной части общества, не обращая внимания на последствия для общества в целом, так называемую «социальную справедливость» точнее было бы назвать антисоциальной справедливостью, поскольку то, что постоянно игнорируется или отвергается, — это именно издержки для общества»).

Погромы и грабежи лета 2020 г. в США не поставили, к счастью, рекорда в кровопролитии. Однако они задали новую планку наглой лживой апологии. Готовность лгать открыто, в лицо, которую демонстрировали в те дни ведущие СМИ США о «преимущественно мирных протестах», иногда буквально на фоне сжигаемых погромщиками домов[71], предупреждает об опасной связи лжи и насилия. А. И. Солженицын писал: «Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несёт, и кричит: “Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!” Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием»[72].

Зрелище отчаянной бедности, вызванной готовностью власть имущих людей навсегда зафиксировать свое положение и избежать конкуренции, вызывает возмущение и отвращение. Равно как и зрелище излишеств богатства, добытого насильственным перераспределением. Но богатство в свободных капиталистических странах идет рука об руку с сравнительным процветанием бедных — бедные в этих странах зачастую жили и живут не хуже богатых в отсталых странах. То есть попытки использовать естественное сопереживание бедствиям людей в странах, не признающих личной свободы и частной собственности, для атаки на свободу и частную собственность являет собой только дополнительный пример mostly honest coverage — то есть просто наглой лжи.

Израильский экономист Арье Хиллман (Hillman 2010) дал полезное объяснение на основе наблюдаемого энтузиазма многих представителей среднего класса и даже богатых, с которым они поддерживают идеи «социальной справедливости». Хиллман пишет о приобретении чувства морального превосходства с минимальными издержками. Не путем личных усилий, таких, к примеру, как значимые благотворительные пожертвования, участие в добровольческой активности, чтобы помочь нуждающимся, поставив их на ноги. Требование, чтобы кто-то другой заплатил нуждающимся из своего кармана, заменяет трудоемкое, но работающее решение неработающим, однако сравнительно простым.

---

[71] https://fee.org/articles/the-solzhenitsyn-quote-that-explains-the-mostly-peaceful-violence-in-america/ ; https://www.youtube.com/watch?v=yN3WZUgYcV0/

[72] http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf

Это не говоря уже о возможных циничных мотивах — возможности использовать власть для того, чтобы упрочить свое положение, оградить себя от конкуренции, а иной раз даже и перераспределить средства в свою пользу. Например, профсоюзы учителей государственных школ в развитых странах оппонировали открытию школ, когда далеко не самая опасная эпидемия уже очевидно шла на спад. По сути, они требовали обеспечить себе оплату за счет налогоплательщика за период, когда они снизили интенсивность своего труда, под благовидным предлогом и пытались продлить такой «полуотпуск» на неопределенное время[73].

«Реалистичный» консерватизм и социальный либерализм: «новый» консенсус

Еще 170 с лишним лет тому назад французский экономист, журналист и политик Фредерик Бастиа, свидетель первого мощного наступления социалистической идеологии в сочетании с чиновничье-административным восторгом, предостерег нас от странного суеверия: от культа Большого, доброго, щедрого и созидающего государства. До тех пор, пока живы группы интересов, связанные с мощным и влиятельным чиновничеством, с одной стороны, и потребность потреблять, не прилагая усилий, — с другой, интерес к культу, к сожалению, не угаснет.

Но мы полагаем, что уважаемый читатель не из рьяных и заинтересованных служителей культа, и потому напомним ему о замечательной работе «Что видно и чего не видно». Бастиа на множестве примеров показал, что вся «помощь» правительства, государства не более чем своего рода оптический обман. Когда небольшой положительный эффект заметен и всячески превозносится посредством прессы, а куда больший или уж точно не меньший (в лучшем случае) отрицательный эффект остается почти или вовсе незамеченным. Любая помощь государства, которое в принципе не способно производить блага — товары и услуги для потребления, — есть по необходимости перераспределение. Причем перераспределение, как правило, от тех, кто заработал и вообще умеет хорошо использовать свои ресурсы, в пользу тех, кто оказался менее успешным в этом.

[73] См.: https://www.dailywire.com/news/where-teachers-unions-are-still-delaying-return-to-the-classroom/ ; https://www.nationalreview.com/news/chicago-teachers-union-tells-members-to-refuse-to-return-to-in-person-learning-for-extra-pay/ ; https://www.dailywire.com/news/chicago-teachers-union-issues-list-of-demands-for-return-to-in-person-learning-that-must-be-met-by-monday (дата обращения: 28.11.2022).

Государство, таким образом, снижает отдачу для общества от перераспределяемых ресурсов, не говоря уже о заметной части перераспределяемого, которая тратится на функционирование самого государства. Бастиа пишет, в частности: «У [государства] две руки — одной брать, а другой раздавать, или, иначе, одна тяжелая, а другая легкая рука. Деятельность второй по необходимости подчинена деятельности первой. Строго говоря, Государство может брать и не отдавать, что и случалось иногда. Это объясняется пористым и липким свойством обеих рук, в которых всегда удерживается какая-нибудь часть, а иногда и все сполна, до чего только они прикасаются. Но чего никогда не видели, чего никогда никто не увидит и чего даже предположить нельзя — чтобы Государство возвращало обществу более, чем сколько оно получило с него».

Неопровержимая очевидность разъяснений Бастиа не удержала человечество от грандиозного социалистического эксперимента XX века. Накануне, в строгом соответствии с буквой «научного» марксистского социализма, В. И. Ленин обещал решить проблему липких рук «отмиранием государства» (в «Государстве и революции» он иногда называет это «засыпанием»). Однако на практике, как мы все знаем, произошло строго обратное. Государство при «реальном социализме» разрослось и окрепло. Руки его стали куда более цепкими и липкими, чем до социалистической революции (Libman, Obydenkova 2013; Хайницен 2021 – Heinzen, 2016), а перераспределяло оно львиную долю производимого. Каждый работник (почти каждый) получал заработок через государственную кассу и будучи отлучен от нее, рисковал просто умереть с голоду.

Хотя неэффективность социалистического хозяйства стала очевидной еще основателям СССР, не говоря уже о честных экономистах (Бруцкус 1922; Brutzkus 1935), вера в социалистические чудеса и в государственную заботу даже, казалось бы, профессиональных скептиков — ученых была невероятно крепка. Так, Альберт Эйнштейн в конце 1940-х превозносил социализм, не пытаясь перепроверить, а как он на самом деле работает, и даже требовал от руководства США поделиться с И. Сталиным ядерными технологиями[74].

Индикатором мощи веры в социализм стала популярность в несоциалистических кругах, включая заметную часть консерваторов, идей государственного вмешательства в экономику как для помощи бедным, так и для ускорения, «стимулирования»

[74] См. Яновский, Жаворонков 2020 (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3670980).

экономического роста. Значительно опережающий темпы роста ВВП рост денежной массы характерен не только для периодов нахождения у власти «левых» правительств, но и большинства «правых», консервативных. Реакцией на начало депрессии стала попытка властей США не дать упасть рыночной ставке кредита (Friedman, 1963). В начале депрессии часты были крахи банков. Последние были обусловлены в том числе ростом денежной массы и исчерпанием банками запаса «хороших проектов» для кредитования, постепенно дополнявшихся все новыми и новыми рискованными или просто малоперспективными. Накопление «плохих» кредитов рано или поздно вело к краху банков и кризису производства. Так мостилась дорога к Великой депрессии (Родбард 2005; де Сото 2008). Естественной реакцией выживших банков было ужесточение процедуры отбора проектов при снижении процента по кредиту. Снижение рыночной ставки кредитования ассоциировалось с угрозой инфляции и ужасом перед гиперинфляцией в случае паники. Однако сама идея регулировать (ограничивать снизу) рыночную ставку кредита имела несомненно социалистическую природу.

В 1929 г. умеренно-консервативный президент Г. Гувер начал множество проектов по финансированию инфраструктуры, пытаясь оживить экономику (Ротбард 2022; Rothbard 1963). Ротбард игнорирует при этом качественное изменение ситуации при Новом курсе, когда государственное финансирование стало, с одной стороны, инструментом откровенного подкупа избирателей в «качающихся штатах» (Fishback, Haines, Kantor 2007; Fleck 1999), а с другой — инструментом вытеснения конкурента нарождающегося «социального государства» — частной благотворительности (Фолсом [2008] 2012). Однако Родбард прав в том, что многие консерваторы разделяли ту же самую веру в чудеса государственного вмешательства, что и «прогрессисты» (в современной терминологии — левые, социал-либералы и т.п.). В дополнительных материалах к этой главе[75] приведена динамика производства ВВП в США по годам и занятости, показывающая, что инвестиции в инфраструктуру так и не привели к выходу из Великой депрессии и на самом деле она растянулась до самой Второй мировой войны.

Мы уже упоминали мельком о тоске части консерваторов по стабильной, управляемой, несокрушимо лояльной лично данному конкретному политику избирательной базе. Иными словами, о своей, правильной пирамиде «патрон—клиент». Она по меньшей мере отчасти объясняет падкость и консерваторов на решения,

[75] См.: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964/

основанные на откровенном шаманизме, на вере, аналогичной наивным заблуждениям, побуждавшим нередко талантливых изобретателей строить все новые модели вечных двигателей даже после открытия закона сохранения энергии.

Аналогом популярного изложения таких заблуждений применительно к государственной «помощи» стала упомянутая книга Бастиа.

Чтобы придать респектабельности своей вере, политики и бюрократы с энтузиазмом встретили теорию Дж. Мейнарда Кейнса. Кейнс «великодушно» закрыл глаза на, мягко говоря, разную эффективность государственных и частных инвестиций, природу которой блестяще разъяснил Милтон Фридман (Фридман, Фридман 2007, 137; Friedman, Friedman 1980, 116). Вы либо тратите свои деньги на себя с наивысшей эффективностью, обусловленной вашей личной заинтересованностью. Либо тратите свои деньги на чужих людей, когда заинтересованность уже заметно ниже (вы стараетесь потратить как можно меньше). Чужие — на себя (заинтересованность растет, но только в смысле извлечения пользы для себя за чужой счет). Наконец, чужие деньги — на чужих людей (заинтересованность в эффективности минимальна), чем, собственно, и заняты чиновники социального государства при поддержке политиков.

Кроме того, Кейнс предложил красивую модель «мультипликатора». Эта модель построена уже на совершенно зыбких непрописанных допущениях. Во-первых, государство безлико, ангелоподобно и лишено соблазнов потратить деньги на потребление вместо накопления. Во-вторых, оно выбирает проекты не хуже предпринимателя. И наконец, государственные «научно обоснованные», как уже догадался читатель, инвестиции обладают волшебным свойством давать импульс развитию экономики в смежных отраслях так, что каждый вложенный посредством бюджета доллар дает увеличение производства, к примеру, в два доллара. Или по крайней мере с коэффициентом большим единицы (Кейнс 2022, гл. 10; Keynes 1936, ch. 10).

Феномен импульса развитию смежных отраслей к тому времени был известен. Бурное развитие новых отраслей, таких как железнодорожный транспорт, химическая и электротехническая промышленность, приводило к росту производства в смежных отраслях производства (машиностроение, металлургия, пищевая промышленность), а также в сфере обслуживания — магазины, рестораны, строительство и т.д. Однако он был известен из практик частного бизнеса. Первая серия масштабных государственных инвестиций в инфраструктуру штатов (дорог и каналов) привела к серии дефолтов вместо импульса развитию экономики в 1830—40-х гг. (Dove 2012). Поощрение

федеральными властями строительства сети железных дорог в США в последней трети XIX века путем предоставления фирмам, строившим и эксплуатировавшим дороги, приличной полосы земли из государственного земельного фонда по обе стороны дороги шириной от 20 миль (Borneman 2010), бóльшая часть которой продавалась по растущим ценам, привело к далеко не оптимальным во многих случаях маршрутам линий, к появлению явно избыточной сети дорог, заметная часть которой работала в убыток (Schweikart 2007; Fogel 1964). Неучет динамики спроса на перевозки в погоне за «земельными грантами» усиливал и углублял экономические кризисы, во время которых падал спрос в том числе на перевозки, обостряя проблему избыточной сети железных дорог (White 2012).

Другой проблемой красивой модели стало ее несоответствие наблюдаемым практикам. Иными словами, сделанные на ее основе предсказания не сбывались. Так, сокращение государственных закупок после Второй мировой и Корейской войн не привело к депрессии. Напротив, экономика США испытала период уверенного роста в 1950-х — середине 1960-х гг. (т.е. до первых масштабных расходных проектов «Великого общества» при администрации Джонсона и до Вьетнамской войны). Попытки обнаружить эффект мультипликатора государственных закупок или инвестиций не привели к сколько-нибудь убедительным результатам (Barro, Redlick 2011).

Мы пока не упоминали другой, наряду с мечтой о послушном избирателе — клиенте (Arias-King 2014), возможно, более мощный и точно более глубокий фактор склонности части консерваторов к компромиссам с социалистами и с социальными бюрократами. Это становление политической машины социального государства, основанной на голосовании налогорастратчиков (то есть те, кто ничего не вносят в общий котел или вносят намного меньше, чем вкладывают в него, все равно голосуют) наряду с налогоплательщиками. Появление еще за десятилетия до этого автономного, а потом уже и совершенно независимого от избираемых политиков сословия государственных служащих.

Причем в США это сословие добилось своих привилегий сравнительно поздно. Спрос на реформу создали естественные потоки критики партиями политики назначений под предлогом назначения своих вместо компетентных, многолетнее пребывание демократов в оппозиции и нарастающее раздражение коррупцией среди республиканских политиков создали обстановку, в которой, после убийства 20-го президента США Гарфилда (James A. Garfield), законопроект сенатора-демократа Джорджа Пендлтона о создании автономной от избираемых политиков федеральной

гражданской службы (Civil service Act[76]) прошел на ура и был подписан новым президентом Честером Артуром (Chester A. Arthur[77]). Гарфилд был убит психически неуравновешенным субъектом (если не сумасшедшим), вообразившим, что президент обязан назначить его на почетную должность за его будто бы выдающийся вклад в его кампанию. Разумным выводом из трагедии было бы нанять президенту телохранителей. Но такое решение не выглядело достаточно масштабным в ситуации, когда возбужденные пресса и публика связывали убийство с будто бы имевшими место ужасными пороками системы назначений на должности.

При старом порядке ответственность за назначения и за назначенных должностных лиц нес президент и его партия. При новом политическая ответственность исчезла, личная (самих чиновников) не появилась. Хуже того, появился новый, постоянно усиливающийся политический игрок (коалиции бюрократов, заинтересованных в координации действий ради роста расходов и полномочий), совершенно неподотчетный избирателю. Новый игрок успешно вмешивался в законодательный процесс. Даже по признанию исследователей — сторонников Большого правительства федеральная бюрократия довольно быстро сумела заметно понизить качество нового законодательства, сделав его размытым, делегируя все новые полномочия структурам исполнительной власти — то есть той же бюрократии (Sanders 2004, 337—338)[78].

С введением всеобщей избирательной привилегии («права» голоса для налогорастратчиков) бюрократия, ставшая естественным союзником любого политического движения в поддержку Большого заботливого правительства, продолжала усиливаться, неустанно лоббируя все новые расходные программы. Сочетание независимой государственной службы и легко подкупаемого избирателя

[76] См.: https://www.archives.gov/milestone-documents/pendleton-act/
[77] См.: https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/presidents/chester-a-arthur/
[78] "The Progressive era was... the end of era of congressional dominance of national government... expanding role of President... brought a significant and permanent change to legislative process. Henceforth, important legislative proposals would increasingly originate with the president and the bureaucracy, and those origins would bring new statutory forms. Rather than embody precise list of prohibited actions and penalties that could be invoked in court by the victims... regulatory laws would increasingly rely on vague mandates (like "promoting of fair competition") that left major discretion to presidentially appointed bureaucrats who would determine the meaning, targets, and enforcement methods of the law" («Прогрессивная эпоха была... концом эпохи доминирования Конгресса над национальным правительством... расширением роли президента... принесла значительные и устойчивые изменения в законодательный процесс. Отныне важные законодательные предложения все чаще исходили от президента и бюрократии, и эти источники приносили новые формы законодательства. Вместо того чтобы содержать точный перечень запрещенных действий и наказаний, которые могли быть применены в суде жертвами... регулирующие законы все чаще опирались на расплывчатые полномочия (такие как "содействие честной конкуренции"), которые оставляли значительную свободу действий назначенным президентом бюрократам, которые определяли значение, цели и методы применения закона»).

(налогорастратчика, по меткому определению сенатора Кэлхуна — Calhoun 1811/1992; Yandle, Lipford 2012) облегчило в 1933—1944 гг. создание и функционирование политической машины президента Ф. Д. Рузвельта (Фолсом [2008] 2012). Оно же предопределило разворачивание начиная с 1960-х гг. (с президентства Линдона Джонсона) под лозунгом «Великого общества» Великого (большого и слабо ограниченного в полномочиях и бюджете) правительства.

Мы не призываем читателя осудить сенатора Пендлтона, других депутатов и сенаторов с высоты знания о том, что случилось после принятия ошибочного и вредного решения. Однако в данном случае выучить урок и исправить его не требует большого напряжения интеллекта. При честных выборах с участием только тех, кто вносит что-то в общее дело, а не является клиентом бюрократов, и при острой политической конкуренции ответственность за назначенных политиком служащих несет политик. Это создает и поддерживает хотя бы какой-то механизм ответственности. Он не особенно хорош, но он лучшее из известного нам на сегодняшний день.

Как мы уже отмечали, консервативные политики вовсе не имеют иммунитета от любви к Большому заботливому правительству, каковое они надеются использовать для своего блага и для блага своих избирателей. Достаточно напомнить о том, что обещавший антибюрократическую «консервативную революцию» лидер британских консерваторов Эдвард Хит, победив и получив мандат на такую революцию, совершил знаменитый разворот на 180 градусов. Он предпочел сохранение «широкого консенсуса» с бюрократией и лейбористами за счет своих избирателей. Он отсрочил необходимые стране реформы почти на десять лет, до времени, когда к власти пришел скорее нетипичный для консерваторов в социальном государстве лидер — Маргарет Тэтчер. Типичность «разворотов на 180 градусов» (U-Turn)[79] и редкость попыток глубоких реформ мы увидим ниже на примерах конкретных стран (Нетаньяху, Меркель, антитрампизм).

Многие такие консерваторы пытаются подвести собственного сочинения идеологическую базу под свою безответственность. Примером может быть морально сомнительный «сочувствующий консерватизм» (на основе сочувствия за чужой, налогоплательщика, счет) — Compassionate Conservatism британского премьера Дэвида

[79] См.: https://britishheritage.org/the-lady-s-not-for-turning/ В том числе в 30-секундном отрывке «Lady not for turning» (https://www.youtube.com/watch?v=rQ-M0KEFm9I&t=30s) видна реакция зала Конференции консерваторов и реакция бывшего премьера Э. Хита, сидящего в президиуме со сцепленными руками. (Дата обращения: 28.11.2022).

Кэмерона (Norman, Ganesh 2014). Причем те, ради кого Кэмерон старался, — социальные либералы (социалисты) все равно остались неудовлетворенными его уступками и поклонами и требовали много большего[80].

Цели и пределы деятельности правительства. Поле согласия и поле дискуссий

Ранее (Яновский, Лисин, Жаворонков и др. 2011) мы определяли «правого», «консервативного» политика с использованием экономических понятий общественных благ. К чистым общественным благам экономическая теория (Hillman 2009) обычно относит оборону, правосудие и обеспечение правопорядка (полицейские функции). К смешанным общественным благам экономисты, молчаливо признавая захват этих направлений деятельности современным «социальным государством», относят образование, здравоохранение, помощь бедным, пожилым, зачастую также строительство и поддержание инфраструктуры (электро- и водоснабжение, дороги, каналы и т.п.).

По нашему определению, «правый», «консервативный» политик считает поставку чистых общественных благ безусловным приоритетом. Соответственно, самой важной и количественно, и качественно статьей расходов бюджета считает оборону. При этом обычно ответственный и разумный консерватор настаивает на том, чтобы и чистые общественные блага не оставлять полностью в ведении правительства. Отдельные примеры из богатого опыта эффективного участия частных лиц в обороне, в охране правового порядка на улицах и в осуществлении правосудия приведены, в частности, в нашей книге о «стратегии долгосрочного процветания» (Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018), а также во внешнем приложении к этой книге (Яновский, Черный 2016)[81].

Фредерик Бастиа (2023; Bastiat 1850) заметил, что социалисты обычно рассматривают человечество как сырье для своих экспериментов. Английские переводчики Бастиа усилили эту идею, назвав один из разделов «Закона» play God — социалисты любят играть в Бога. Современный израильский политик Моше Фейглин,

[80] См., к примеру, https://www.christiantoday.com/article/compassionate.conservatism.david.camerons.failed.moral.mission/82328.htm ; https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/13/compassionate-conservatism-the-idea-that-david-cameron-is-forever-postponing (дата обращения: 14.11.2022).

[81] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2814525/

основываясь на примере фараона, как он описан в Пятикнижии (и каким он был на самом деле), определяет «левых» как пытающихся «исполнять обязанности» Бога, если не просто быть Богом. Действительно, как древнеегипетский образец, так и тоталитарные социалистические диктатуры XX века демонстрируют амбиции неограниченной власти играть роль Всевышнего и даже не замещать его, а скорее пытаться свергнуть и занять его место (по аналогии со строителями Вавилонской башни во главе с мировым правителем — царем Нимродом). То же характерно и для многих проявлений современного социального государства. Например, полномочие изымать ребенка из нормативной семьи «в лучших интересах» ребенка не просто напоминает практики, аналогичные турецкому янычарству. По сути, такое полномочие и является попыткой узурпировать полномочия Бога, пославшего ребенка определенной семье.

Внимательный читатель, возможно, обратил внимание на то, что оба определения «левого» политика, социалиста, не просто хорошо совместимы друг с другом, но значимо пересекаются.

Обожествляющая самое себя власть никогда не согласится с ограничением спектра своих целей и полномочий защитой граждан от насилия и правосудием. А правительство, которое уверено в том, что знает, что нужно для счастья каждого человека, лучше, чем сам человек, и готово гнать человека к этому «расчетному» счастью, фактически мнит себя всезнающим и всемогущим, как Всевышний.

Консерватор — это не просто политик, который нередко соблюдает традицию той или иной (этически) монотеистической конфессии. Это политик, который не загоняет свои религиозные взгляды в резервацию «для домашнего использования». Он следует в своей политике этим принципам, а потому жестко и агрессивно противостоит любым попыткам властей претендовать на любую роль, которая выходит за узко очерченные рамки, не говоря уже о претензиях на роль Высшего разума.

Мы уже упоминали, что традиция Синайского откровения отводит правителю (правительству) из плоти и крови достаточно скромную, строго очерченную как раз тем, что экономисты называют поставкой «чистых общественных благ», роль. Однако на практике много людей либо пытаются «выбрать из пакета» только то, что им наиболее симпатично, либо просто недооценивают часть правил и практик, обеспечивающих свободу и процветание общества. Притом что определения и ярлыки современной политической науки — малонадежный инструмент, приходится признать, что условное разделение консерваторов на «социальных» и «фискальных» имеет под собой немало оснований.

Условные «социальные консерваторы» понимают, кто занимает место Бога, почитают семью, мораль традиции Синайского откровения (а не только признают, что брак — это союз мужчины и женщины, в том числе для продолжения рода), но не слишком серьезно относятся к свободе предпринимательства и склонны недооценивать опасность «большого, щедрого и заботливого» правительства, то есть являются недостаточно «правыми» по экономическому критерию. Их попытки просто взять под контроль социальное государство и «перезапустить» его в интересах своих избирателей могут быть успешными среднесрочно, но долгосрочно, без опоры на процветающую и гибкую свободную экономику, эксперимент обречен. Понимание долгосрочных целей без осознания и принятия принципа узких границ, в которых допустима деятельность государства, не может обеспечить не только долгосрочного здорового экономического роста, но даже политической независимости. Оно требует постоянного лавирования между разными мощными внешними партнерами в надежде обеспечить независимость не на прочной основе собственного процветания, а в надежде переиграть потенциальных недругов изощренной дипломатией (пример правительства Венгрии во главе с Виктором Орбаном).

«Фискальный консерватор» нередко равнодушен как раз к вопросам семьи и общества, традиции, в результате его моральная традиция начинается в лучшем случае с Канта, а интеллектуальная с Мизеса, а не с Моисея. В результате он надеется расширить базу поддержки за счет тех, кто не признает ни Моисея, ни Мизеса, но крайне редко преуспевает в этом. «Прогрессивность» в вопросах границ, армии, порядка на улицах отталкивает, с одной стороны, твердых консерваторов, тех, кто дорожит правами собственности и не готов мириться с их обесценением, вызванным вторжением новых «соседей» из стран, где жизнь человека не стоит ломаного гроша. С другой, стороны, он не приобретает симпатий ни этих «новых соседей», ни молодежи, «освобожденной» от традиционной морали и потому не понимающей, какой смысл в труде упорном, а значит, и в защите собственности и свободы предпринимательства.

Попытки радикально избавиться от «мракобесия» традиции Синайского откровения и порвать с «традиционными институтами» приводят к политической изоляции, вроде той, в которой оказались «политические либертарианцы» США. Попытки идти на уступки в традиции не только не привлекают, но скорее отталкивают молодежь, предъявляющую спрос на цельные, последовательные решения, дающие основания считать себя причастным к по-настоящему великому делу (см. отрицательный пример — популярность) среди части молодежи. Уступки и отход от

тысячелетних традиций видится им лишь обоснованием подозрений в слабости и ложности этих традиций (см., к примеру, Eberstadt 2013 и другие источники в обзоре литературы Яновский, Жаворонков 2019, в частности раздел «О чем говорит статистика участия в формированиях террористического «халифата»[82]).

По всей видимости, уже в поколении отцов-основателей США были люди, догадывавшиеся о такой опасности и выступавшие резко против «гибкости» и прагматизма в вопросах веры и религии (смотри подробнее Главу 3 о подписанте Декларации независимости и защитнике экономической свободы Джоне Уизерспуне (John Witherspoon).

Попытка построить широкую коалицию против безудержных расходов правительства вне «мракобесных» принципов и древней традиции приводит к необходимости молча принять процесс поглощения государством общества и семьи. Последняя, вне этих традиций, оказывается неустойчивой. Распад семьи и замещение ее государственной «защитой» означает экспансию социальных функций бюрократии. Под эти все новые функции, полномочия и задачи она успешно получает расширяющееся финансирование для поддержки одиноких матерей из разрушенных семей и иммигрантов, приехавших ради этой поддержки, а не для того, чтобы использовать преимущества свободы и встать на собственные ноги. Так отсутствие видения на долгосрочную перспективу с опорой на тысячелетние традиции подрывает возможности успехов и в краткосрочной перспективе.

Выводы

Простые и банальные правила все еще могут служить хорошим ориентиром при выборе лидера, группы, коалиции, заслуживающих вашей поддержки.

Рецепты решения проблем с упованием на Большое заботливое государство должны приниматься как морально неприемлемые в свете их неизменных провалов и подобные новым техническим решениям «вечного двигателя» с точки зрения научной.

Ведение кампаний с приоритетом личности (заслуживающей избрания или, напротив, отстранения от должности), а не принципов стоит воспринимать как сигнал тревоги. Такие кампании ведутся либо людьми и группами, малопригодными к решению

[82] См.: Перспективы вытеснения монотеизма, семьи, гражданского общества и частной собственности: обзор литературы (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548).

тяжелейших вызовов современности, либо откровенно опасными. Примеров таких ситуаций из недавнего прошлого и настоящего немало. Здесь и противостояние правоверных трампистов и радикальных антитрампистов, включая формально республиканцев-консерваторов (см. деятельность одиозного Линкольн-центра, бывшего депутата Палаты Представителей Конгресса Лиз Чейни и т.п.). В этом же ряду — кампании по выборам в Кнессет в Израиле 2019—2022 гг. по принципу отношения к лидеру Ликуда Беньямину Нетаньяху. Последний мало чем проявил себя за долгие годы у номинальной власти, но против него велась кампания как против авторитарного диктатора, которого необходимо свергнуть любой ценой, в том числе рядом лидеров и групп, позиционирующих себя как консервативные. Отсутствие попыток реформ обеспечили высокий антирейтинг среди потенциально «своего» электората, уставшего ждать «подходящего» с точки зрения стареющего Нетаньяху момента. Бездействие также возбуждало надежды идеологических оппонентов свалить кажущегося слабым консервативного лидера.

При выборе принципов утилитарный, «прагматичный» подход, представляемый как одно из главных достоинств политика (я служу жителям своего округа, региона, страны, и все, что хорошо для улучшения их положения, — хорошо для меня), должен вызывать глубокую настороженность разумного и бдительного консервативного избирателя[83]. Прагматические решения, безусловно, требуются в большом количестве и в политике, при строительстве коалиций, для обеспечения окна возможностей для реформ или для обеспечения гарантий стабильности в нормальной рутинной ситуации. Прагматические соображения и решения очень часто лежат в основе рекомендаций экономистов и решений судов. Лучшие из последних кодифицируются законодателем. Это очевидно, и странно выставлять очевидные вещи в качестве уникальных особенностей кандидата или партии.

В ситуации, когда прагматический, утилитарный подход предписывает решения, противоречащие ценностям этики Синайского откровения и принципам компактного государства — «ночного сторожа» с ограниченными полномочиями, следует предпочесть принципиальное решение, даже если оно не сулит выгод в обозримой перспективе. В частности, потому, что те, кто сулят выгоды «прагматичных» решений,

[83] Даже не столь категоричного в оценках, как покойная диссидентка Валерия Новодворская. Авторы настоящего труда были свидетелями ее реакции в 1999 г. на восходящую политическую звезду 1998—1999 гг. Сергея Кириенко: «Когда я слышу от политика: “я прагматик”, я понимаю, что передо мною прохвост».

часто переоценивают их и недооценивают издержки, находясь в состоянии конфликта интересов или просто из-за недостатка информации. Зато урон, наносимый нарушением фундаментальных норм, никогда не бывает малым и обычно недооценивается в силу того, что многие последствия нарушения сказываются в течение жизни поколений.

Даже в ситуации, когда нет очевидного противоречия между утилитарным и деонтологическим подходом, между «пользой» и верностью принципам, следует прежде всего проверить, не делались ли расчеты выгод и издержек в состоянии конфликта интересов. Не заинтересованы ли заказчики расчетов в расширении полномочий и бюджетного финансирования. Особенно уязвим утилитарный подход в чрезвычайной ситуации, когда эксперты не в состоянии сделать сколько-нибудь обоснованный анализ выгод и издержек и уже рутинно требуют снижения планки научного обоснования и принятия малообоснованных рекомендаций «на всякий случай» (precautionary principle). Если бы такие рекомендации не требовали усиления власти правительства и огромных расходов, их можно было бы обсуждать, хотя они плохо соответствуют даже требованиям утилитарного подхода. Но поскольку опять-таки рутинно — идет ли речь о вирусной эпидемии или об изменениях климата — от граждан требуют значимых материальных жертв и смиренного принятия значимых ограничений личных свобод (Yanovskiy, Socol 2021; Yanovskiy, Socol 2022), такие условно-утилитарные рекомендации «на всякий случай» ответственный консервативный политик или даже просто порядочный человек должен смело отвергать.

Авторы считают утилитарный подход естественным в большинстве бытовых и коммерческих ситуаций. Такой подход, при разумном применении, является двигателем прогресса здесь и сейчас.

Однако условиями долгосрочного прогресса могут быть только принципы, укорененные в проверенных веками и тысячелетиями этических нормах. В нормах, за которыми не просто рекомендации выдающихся ученых и философов, но, по выражению президента Грувера Кливленда, принципы, предписанные очень давно Высшим разумом («assigned long ago by a higher intelligence»). Поэтому в ситуации, когда требуется принципиальный выбор, в чрезвычайной ситуации, следуя принципам той традиции, благодаря которой Запад стал свободным и богатым, «делай что должно, и будь что будет».

Приложение к главе 2. Проблема Ротбарда и пример споров вокруг понятия частной собственности

Обязательно ли давать убить себя террористу, прикрытому живым щитом?

У многих здравомыслящих и приличных людей вызывают интуитивное неприятие псевдоморальные рассуждения о необходимости дать себя убить террористу[84] или иному аморальному существу. Даже если последнее догадалось использовать третье лицо в качестве живого щита. Один из таких людей, известный экономист либертарианского направления Уолтер Блок (Walter Block), попытался решить проблему фундаментально — теоретически. Для этого он ввел понятие (теорию) негативного гомстединга (negative homesteading). В дальнейшем вместо неудобочитаемого «гомстединг» мы будем использовать слово «обладание» (закавыченное). Итак, «обладание» — это в данном контексте не землевладение как таковое, а правовой механизм. Точнее, признаваемый обществом порядок установления прав собственности на «бесхозный объект». Он заключается в том, что первый, кто продуктивно освоил природный ресурс (землю, ископаемые), становится их законным собственником. Уолтер Блок (Block 2011) называет это «позитивным «обладанием»»[85]. Негативное «обладание», теорию которого формулирует Блок, — это получение, попадание в ситуацию какого-то несчастья, от природы или вследствие действий другого человека. Согласно Блоку, получивший первым несчастье не может спасать себя от него, просто передав другому, без разрешения последнего.

Из этого введенного им самим правила Блок выводит право человека, атакованного террористом, прикрывающимся живым щитом, стрелять на поражение, чтобы спасти свою жизнь, даже если при этом он наверняка нанесет ущерб живому щиту (убьет человека, взятого в качестве заложника). Причем автор даже усложняет себе

---

[84] Террориста определим как убийцу случайно встреченных гражданских лиц, сознательно максимизирующего число жертв ради медиаэффекта с конечной целью добиться политических целей, притом что у него есть возможность добиваться тех же целей другими методами. Такое определение отсекает, в частности, сионистское подполье времен Британского мандата. Подробнее см.: Яновский и др. 2015; http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2679604/ ; https://ssrn.com/abstract=2745935 (English).

[85] Он давно и хорошо известен из правовой традиции — законов и практик их применения (из наиболее известных и массово применяемых — Homestead Act). Однако и в русской истории широко известен Псковский судебник 1497 г., вводивший срок давности в три года по земельным спорам, то есть, заняв чью-то землю и проработав на ней без исков хозяина три года, человек становился ее законным собственником.

задачу, пытаясь строго доказать право атакуемого стрелять по живому щиту, абстрагируясь (!) от настоящего агрессора на определенном этапе рассуждений.

К аналогии получения несчастья можно предъявить серьезные претензии, так как обычно гомстединг подразумевает активные действия самого человека, а не пассивное принятие обстоятельств жертвой. Как бы то ни было, если провести аналогию с болезнью, попытка обрести спасительное лекарство путем умерщвления (отказа от самозащиты) другого лица выглядит очевидно аморальной и противозаконной. И даже требование к другому человеку пожертвовать своей жизнью ради излечения другого лица кажется нам очевидно нелегитимным.

Необходимость создания своей конструкции Блок обосновывает резонным замечанием о том, что принятый либертарианской этикой (см., к примеру, Rothbard 1988, 151—152) принцип «непротивления злу насилием» (неагрессии, избегания агрессии — non-aggression) приводит к аморальному парадоксу — необходимости дать злодею себя убить. Причем Ротбард, общепризнанно один из отцов-основателей современного «свободомыслия», действительно требовал дать себя убить (требовал от других, конечно) в статье 1984 г. (Rothbard 1984). Следует оговориться, что одна из «матерей» оного свободомыслия — Айн Рэнд — не разделяла такой уверенности Ротбарда, предпочитая цивилизованных (ценящих человеческую жизнь) людей дикарям[86].

Оппонент Блока Джекобсон (Jacobsson 2010) возражает, что это еще непонятно, кто первоприобретатель несчастья, — не сам ли атакуемый при помощи живого щита. Во всяком случае, ситуацию легко видоизменить так, чтобы дать такую интерпретацию. От себя добавим, что, если ввести закон, точно реализующий концепцию Блока, выстрел, сделанный в сторону будущей жертвы за долю секунды до того, как схватить за шиворот будущий живой щит, решает проблему обхода (тогда объект атаки становится «обладателем несчастья» еще до захвата заложника). Не говоря уже о возможном сговоре агрессора с исполнителем роли живого щита (на практике такое не редкость[87]). Итак, Джекобсон утверждает, что нет противоречия между требованием non-aggression и правилом негативного гомстединга Блока и что оба в данной ситуации

[86] См.: https://mises.org/mises-wire/review-classical-liberal-case-israel/

[87] С позиций левого радикала: http://www.humanshields.org/ Официальный обзор ЦРУ о живом щите Саддама Хуссейна: https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/iraq_human_shields/iraq_human_shields.pdf. И это не говоря еще про случаи, когда такую роль добровольно или полудобровольно соглашаются играть соплеменники и единоверцы террориста/агрессора.

приводят к тому, что атакованный при помощи живого щита должен позволить себя убить.

Причем убить, добавим от себя, чтобы сохранить жизнь, ценность которой для самого порабощенного человека, ставшего живым щитом, заметно превышает нулевое значение. Жертва же во имя жизни сообщника убийцы не имеет вообще никакого морального оправдания.

На возражение Джекобсона следует возражение Блока (Block 2010), и становится очевидным, что проблема не получит удовлетворительного решения в рамках методологии доказательства исходя из допущений (аксиом), принятых как «разумные» каким-то кругом образованных людей. Просто потому, что толкования, как ни удивительно, сильно зависят от несформулированных и оставленных в стороне целей логических построений, отличий в этических взглядах и симпатиях в ситуациях, известных участникам дискуссии, но не называемых явным образом[88]. Впрочем, мы их обозначим ниже.

То есть система моральных ценностей не может быть построена выведением из общепринятых аксиом, как такой способ ни мил сердцу ученых, в данном случае — экономистов-либертарианцев. У каждого она окажется своя. Возможно, не совпадут аксиомы или уж точно, по результатам выводов, не удастся согласовать приемлемую для всех систему норм. В итоге ситуация с множественностью таких искусственно построенных моралей эквивалентна на практике отсутствию моральных ценностей вообще благодаря возможности выбирать ту или иную систему по ситуации, не говоря уже о возможности развить новую систему для определенной ситуации.

В итоге данной дискуссии — в основном, конечно, в позиции оппонента Блока (Jacobsson 2010) — принцип неагрессии входит в предсказуемое противоречие с правом на жизнь. Хуже того, он поощряет убийцу использовать наиболее жестокие и циничные методы. Идея приоритета жизни захваченного в качестве живого щита перед жизнью атакованного с использованием такового стимулирует похищение людей — то есть размывает защиту свободы человека. В частности, защиту от произвольного ареста, если похититель — само государство.

Понятно, что позиция либертарианцев — оппонентов Блока фактически уничтожает их формальную приверженность «праву на собственное тело».

---

[88] Проблеме не всегда явно определяемой и провозглашаемой этической аксиоматики как одной из основ работ экономистов посвящено исследование, представленное на IX чтениях Адама Смита, 8 ноября 2017 г., историком экономической мысли Григорием Баженовым.

Фридрих Хайек по поводу подобных ситуаций тщетно призывал коллег оставить пагубную самонадеянность и посмотреть, какие эффективные нормы дошли до нас в результате — по его версии — отбора путем проб и ошибок. В версии религиозной — потому что эти нормы одобрены свыше. Причем логически обе версии друг другу не противоречат.

Для начала посмотрим, какова же известная успешная практика. Разве союзники, победившие нацизм, не применяли авиацию так, что погибло огромное число гражданских лиц, непосредственно не виновных в преступлениях нацизма?

Наверное, можно было бомбить и меньше, но мы наверняка этого не знаем. То, что узнали военные, было только итогом опыта. Если бы либертарианское требование неагрессии применялось союзниками, преемники Гитлера до сих пор успешно оставались бы у власти.

Кто отвечает за жизни живого щита согласно международному праву?

Ответственность за смерть живого щита лежит на том, кто применяет живой щит, а не на том, кто, атакуя, причиняет смерть человеку, использованному в таком качестве (статьи 28 и 29 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны)[89].

Идея обязанности беречь свою жизнь и не ценить ее ниже жизни ближнего не запрещает, с одной стороны, сделать выбор в исключительной ситуации в пользу спасения жизни другого человека ценой собственной. Однако, в общем случае, безусловно поощряет защищать свою жизнь даже ценой жизни живого щита («Присутствие покровительствуемого лица в каких-либо пунктах или районах не может быть использовано для защиты этих мест от военных операций»). Главное же в данной ситуации не сам истинный агрессор, а стимулы к агрессии.

Универсальная мораль требует наказания преступника, включая наказание смертью, вовсе не ради достижения эквивалентности нанесенного вреда наказанию. Один из ключевых моментов — наказание как сдерживающий фактор (Ehrlich 1973; Ehrlich 1975; Viscuzi 1985); обзор некоторых источников был сделан нами в статье Yanovskiy, Zhavoronkov, Ginker, Zatcovetsky 2018[90]. Несмотря на популярность теории

[89] См.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml

[90] См., к примеру, неоднократно повторяемое в Пятикнижии примечание к требованию применения суровых наказаний: «А весь Израиль услышит и ужаснется и не станет более делать такого зла в среде

«замкнутого круга насилия» среди лиц, претендующих на «улучшение» универсальной морали, удовлетворительных практических ее подтверждений не найдено. По крайней мере, для случая явного силового превосходства одной стороны. Их не находят даже экономисты, строящие свой анализ на наборе данных о терроре радикальной организации Betzelem[91], начинающемся с 2000 г, или, точнее, с визита Ариэля Шарона на Храмовую гору, с которой, согласно левой мифологии, и начался большой арабский террор[92] (см., к примеру, Jaeger and Paserman 2008).

Новый преступник, зная, что тактика живого щита не работает, не защищает его от уничтожения, оставит попытки захватывать новые жертвы ради такого использования. Верно и обратное — знание об эффективности метода поощряет новых и новых преступников умножать страдания невинных людей. Не говоря уже о практиках, когда при долговременном контроле бандитов над населением последнему внушается мысль о почетности служить живым щитом, об огромной награде за подчинение и жестоком наказании за отказ от такой роли.

Однако самое важное в этой истории не банальный вывод о необходимости уничтожить террориста и о печальной обязанности при необходимости наносить урон также и живому щиту.

Моральные основания права на жизнь и свободу

Главное, почему мы, читая Блока, почти готовы принять его аргументы. Почему при этом другие упорно, а иногда не скрывая эмоций отвергают такой вывод? Ответ, думается, прост. Мы немного покривили душой, обвиняя участников дискуссии в абстрагировании от реальности. Участники прекрасно представляют, о ком ведут речь. Атакуемый с помощью живого щита — это американский, израильский, реже британский, еще реже французский, канадский или австралийский военный или вооруженный гражданин. Это те, кто часто оказывается на линии огня в войне между цивилизацией и всевозможными «благородными» дикарями — террористами, преступниками, военнослужащими бандитских (по Олсону) авторитарных режимов.

своей» (Второзаконие 13: 12). Похожую формулу см. во Второзаконии 21: 21. «И весь народ ужаснется...» (Второзаконие 17: 13).

[91] См.: http://www.ngo-monitor.org/ngos/b_tselem/

[92] Для сравнения см. базу данных Института национального страхования Израиля лиц, убитых «в ходе враждебных действий», использованную и приведенную в материалах к статье Yanovskiy, Zhavoronkov, Ginker, Zatcovetsky 2018: максимальные потери на 10 тыс. жителей приходятся на 1929 г.

Соответственно, те, кто считает честью стоять на стороне цивилизации, основанной на ценностях Синайского откровения, не могут принять правил игры бандитов. Те, кто пытается заменить Синайское откровение самодельными решениями (либо откровением от Ротбарда или даже, при всем уважении к последнему, от Людвига фон Мизеса), нередко оказываются на стороне дикарей (Rothbard, 1967).

Мы не против того, чтобы заниматься интеллектуальными упражнениями, подобными описанным выше. Однако только приняв как данное свыше, а потому безальтернативное право на защиту, не отменяемую живым щитом. То же относится и к каждому человеку, его праву на жизнь, свободу, собственность и достоинство. Эти права каждому даны свыше и потому — неотъемлемы и необсуждаемы. Злодей не должен воспользоваться плодами злодейства. Жертвы злодейства на его совести, а не на совести других, не пожелавших стать новой, дополнительной жертвой.

Однако до того, как такое принятие произошло, и вне его рамок никакого интеллектуально значимого результата дискуссия не дает. Тот, кто считает, что право на жизнь, а значит, и на защиту — абсолютно, безусловно (а значит, его имеет даже белый цивилизованный мужчина, американец-протестант, еврей-поселенец и прочие враги «прогрессивного человечества»), примет с большими или меньшими оговорками позицию Уолтера Блока. Тот, кто считает, что упорствовать насчет частного случая белого мужчины неконструктивно и даже неэтично (с какой стати давать ему «привилегию» пользоваться правами человека), эту позицию отвергнет. И далее, естественно, он отвергнет (сдаст в порядке компромисса, дабы не прослыть расистом и исламофобом) те же права и для всего остального человечества. Сразу же или со временем (что уже произошло с социал-, а в прошлом просто с либералами).

Моральные основания права на жизнь, свободу и частную собственность естественно вытекают из традиции, начавшейся с Синайского откровения и последовавших пророчеств (см., к примеру, краткий обзор Socol 2016). Попытки альтернативного обоснования, поиска иных аргументов сами по себе могут быть полезными. Однако попытки объявить устаревшей логику древней и уважаемой традиции, сочинить некую новую, «высшую», «свободную от архаики» мораль объективно толкают человека назад. Они в конечном итоге приводят его к поддержке дикости против цивилизации, успешного насилия, возведенного в моральный принцип, против универсальной морали.

В отсутствие такой логики фундамент либертарианской традиции защиты частной собственности становится рыхлым. Враги свободы, гражданина и общества не признают

приоритета личных прав над полномочиями государства. Эти права требуют глубоко эшелонированной обороны, включающей систему запретов государству вмешиваться в частные дела. Она включает принцип «мой дом — моя крепость», понимание того, что частная собственность есть компонента самой личности. Право на самооборону, защищенное стальной стеной презумпции невиновности. Наконец, понимание того, что личные права и собственность обосновываются не логикой и не целесообразностью или эффективностью (понятно, что у тех, кто привык делить чужие деньги, понятия об эффективности весьма своеобразные).

Главная опора всей конструкции — это, с одной стороны, вера в древние универсальные этические принципы с готовностью защищать их, в том числе, силой. С другой стороны, вполне совместимое с этой верой рациональное понимание, основанное на знании исторических примеров, важности и эффективности конституционных ограничений произвола любого олсоновского «бандита», включая власть. Включая даже власть большинства избирателей.

С точки же зрения морали традиции Синайского откровения проблема живого щита решается очень просто. У людей не только есть право на самооборону. Это право (и обязанность) на защиту людей вообще, даже когда те, кто создают угрозу жизни, сами в этом не виноваты.

Например, диктатор насильно мобилизовал своих подданных и послал на захватническую войну против соседнего народа — эти мобилизованные ни в чем не виноваты, но соседнему народу от этого не легче, и его право себя защищать с оружием в руках, кажется, еще никто не пытался оспорить.

Террорист, использующий живой щит, подвергает опасности не только этот живой щит и не только солдат, которые хотят его нейтрализовать, — он подвергает опасности еще очень много людей, которые рискуют оказаться как в роли целей этого или других террористов в будущем, так и в роли живого щита. Поэтому живой щит также оказывается соучастником преступления, жертвой которого в будущем будет очень много людей. Он в этом не виноват, но будущим жертвам от этого не легче.

На войне можно убивать вражеского солдата не потому, что иначе он кого-то убьет (может, это тыловик, хотя и тыловик — соучастник, без тыловиков не будет и фронтовиков), и не в наказание за какое-то определенное преступление, а для того, чтобы побыстрее и с меньшими жертвами выиграть войну.

3. Примеры из истории политического консерватизма при демократии налогоплательщика

> У нашего правительства нет средств обуздывать страсти... Наша конституция была создана только для моральных и религиозных людей и совершенно не подходит для управления другими...
>
> *Джон Адамс, второй президент США. Из письма ополченцам штата Массачусетс 11 октября 1798 г.*[93]

В этой главе мы напомним читателю некоторые вехи истории консерватизма эпохи демократии налогоплательщика. Остановившись на них, мы постараемся объяснить фундаментальные отличия консерватизма до введения «права» голоса для налогорастратчиков от консерватизма современного. Отличия консерватизма в эпоху богобоязненных граждан от консерватизма эпохи, когда для половины и более населения социальное государство, действующее «именем науки», заменило Бога и семью. Консерватизма до строительства социального государства с его политической машиной, позволяющей чиновникам и части политиков регулярно и на расширяющейся основе покупать себе поддержку зависимых избирателей.

Великобритания: от тори к консерваторам

Бароны, заставившие Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей, заслуженно вошли в историю. Пытаясь упрочить свой разовый успех, они включили в обязательства короля не только свои права и привилегии, но выступили в защиту прав широкого круга свободных подданных. Так был сделан важный шаг от групповых привилегий к правам. Сам факт того, что документ остался в истории, подтверждает наличие определенного общественного спроса на него, а значит, и наличие каких-то зачатков независимого гражданского общества. Рабы не предъявляют спроса ни на права, ни на их гарантии.

[93] We have no Government armed with Power capable of contending with human Passions... Our Constitution was made only for a moral and religious People. It is wholly inadequate to the government of any other (https://founders.archives.gov/documents/Adams/99-02-02-3102).

В истории попытки элиты гарантировать свои права договорами, законами и правилами были редкими, но не были уникальными. Достаточно напомнить похожий, на первый взгляд, случай Венгрии — «Золотую буллу» короля Андраша II (Bak et al. 1999; Bak 2019). Польша была своеобразной республикой, управляемой только отчасти королем, более похожим на президента, но основные решения по бюджету и налогам принимались сеймом — парламентом дворян (Rzeczpospolita). Из недавних примеров — попытка советской номенклатуры после смерти Сталина гарантировать себе личную безопасность. Для этого было принято решение ввести в определенные рамки работу МВД и КГБ, с тем чтобы обезопасить себя от массовых расправ, — своего рода номенклатурная Magna Carta (Восленский 1990). Главным отличием от британского документа был ограниченный круг защищаемых лиц, в то время как Magna Carta распространяла основные гарантии на все свободное население страны. Венгерский и польский случаи оберегали привилегии только элиты. То же верно и в отношении законов средневековых республик Северной Италии

В период между Славной революцией и Великой реформой (выборной системы 1832 г. — см. Evans 1983[94]) некоторые представители элиты продолжали традицию баронов, окончательно отстояв и закрепив основные гарантии свободы (неприкосновенности личности) и собственности для всех.

Происхождение консервативной партии от коалиции сравнительно крупных земельных собственников-аристократов накладывает отпечаток на поведение партии в рассматриваемую эпоху. Однако, как мы убедимся ниже, это влияние довольно быстро шло на убыль. Не говоря уже о том, что консервативная традиция укоренена далеко не только в наследии тори. Тут прежде всего необходимо напомнить о работах политика и публициста вига Эдмунда Бёрка — твердого приверженца свободы слова и печати. Многие из его работ были (отрицательно) вдохновлены Великой французской революцией (на этом сюжете чуть подробнее остановимся ниже).

В ряде случаев представители консервативной элиты, в попытке защитить свои фундаментальные интересы, обращались к сравнительно широкому кругу граждан, с тем чтобы повысить издержки нарушения этих прав находящимися у власти оппонентами.

[94] Вводные материалы по истории реформы: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/evolutionofparliament/houseofcommons/reformacts/overview/reformact1832/ ; https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/what-caused-the-1832-great-reform-act/

Так, становление современных представлений о неприкосновенности жилища во многом связано с протестом крупных собственников против закона, облегчавшего представителям власти оценку недвижимого имущества, для чего оный представитель получал полномочие войти в частный дом или за́мок. Знаменитое правило «дом англичанина — его крепость», о котором мы уже писали, было отчеканено сэром Уильямом Питтом в ходе дебатов 1763 г. о доме английского бедняка, куда «ветер может войти, дождь может войти... но король не может». Ненавистный собственникам закон в результате все же был принят, однако настроение, отношение к нему общества, включая тех самых бедняков, изменилось под влиянием парламентской дискуссии настолько, что применять его власти так и не решились.

«Даже наступление эры свободной торговли — отмена «хлебных законов» в 1846 г. — было практически осуществлено консервативным правительством Роберта Пиля с тем, чтобы смягчить последствия неурожая и голода в Ирландии. Значение агитации Лиги свободы торговли было огромно. Оно привело к тому, что на свободу торговли возник запрос общества. Идея вошла в национальную повестку и, соответственно в «меню» решений проблемы. Однако для принятия закона, отменявшего пошлины решающим фактором, стал, видимо, именно голод в Ирландии (подробнее смотри Куряев, … часть 8). То есть на уровне риторики и идеологии либералы XIX века отличались от консерваторов намного больше, чем на практическом уровне. В данном случае, сторонники свободы торговли как правило следовали своему естественному интересу избавиться от бремени пошлин, консерваторы, все же проголосовавшие за отмену пошлин, продемонстрировали «страх перед Всевышним», который перевесил их естественный интерес землевладельцев в сохранении пошлин. Нет разумных оснований для сомнений в том, что как лидеры «радикалов» - либералов, так и тори - сторонников Р.Пиля в наши дни, вместе оказались бы в среде жестких консерваторов.

То есть на уровне риторики и идеологии либералы XIX века отличались от консерваторов намного больше, чем на практическом уровне. При этом многие (Герберт Спенсер, в частности) противопоставляли экономическую свободу и рационализм национальной и религиозной традиции. Подобно им, впоследствии Л. фон Мизес и М. Ротбард «не нуждались» в истории, традиции и религии для своего экономического анализа (праксеологии — см. подробно Rothbard 1976[95]). Для оправдания

[95] См.: https://mises.org/library/praxeology-methodology-austrian-economics/

эмпирического, но внеисторического анализа они не без оснований ссылались на сложность и несопоставимость, невоспроизводимость исторических процессов.

Важным отличием, однако актуальным и в наши дни, является восприятие рынка и преимуществ саморегулируемого естественного процесса, согласования взаимных интересов, поиска и реализации взаимовыгодных сделок как просто полезного, эффективного процесса (как в случае большинства консервативных лидеров). Альтернативной такому восприятию является принятие свободного рынка как экономической системы, несравнимо морально превосходящей любые иные. Частным случаем последнего (случаем пока что редкого консерватора) является убеждение в том, что рыночный порядок является продуктом Высшего разума и его свободное функционирование угодно тому, кто выступает законодателем моральных норм. Именно его «невидимую руку» воспел Адам Смит (Smith 1776). Такое восприятие является, по-видимому, наилучшей основой для жесткого и бескомпромиссного сопротивления попыткам подрегулировать и «улучшить» этот удивительный механизм. Религиозная санкция, воплощенная в традиции, работает для политической мобилизации куда лучше, чем выводы из наблюдаемых взаимодействий на рынке, описанных профессором, пускай и наиболее выдающимся.

Бёрк и Французская революция

Многое в развитии взглядов Бёрка стало результатом его впечатлений от вестей из революционной Франции. Они довольно быстро насторожили его, в отличие от многих других вигов. А затем шокировали.

Позитивный идеал Э. Бёрка — свободный человек, защищенный от покушений на эти свободы даже государством, не ограниченный в распоряжении своей собственностью (письмо к Шарлю Жан-Франсуа Депону — Charles-Jean-François Depont).

В результате шока он пишет странные вещи о том, что народ Британии отказался от права на восстание. Достаточно сравнить нынешнее состояние защищенности свободы слова и частной собственности в США, народ которых не отказывался от права на восстание и предусмотрительно подкрепил его 2-й поправкой к Конституции, и в «отказавшихся» Англии и Канаде, чтобы усомниться в плодотворности такого отказа.

При этом, конечно, следует помнить об издержках и рисках его реализации, особенно если в обществе доминируют представления не о силе права, а о праве силы.

Трудно сказать, в какой степени вести из Парижа активизировали в его воображении архаичные страхи перед капитализмом, коммерцией, ассоциирующимися, в частности, с евреями. Загадочный «отказ от права на восстание» оказался в будущем чреват принятием некоторыми консерваторами «монополии государства на насилие». Естественно, Бёрк и его последователи имели в виду монополию просвещенного и либерального государства, которое в наши дни «вдруг» «и почему-то» начинает вести себя совершенно нелиберально. Возможно, как раз в силу той самой монополии. И возможно, что как раз наличие вооруженных и бдительно стоящих на защите своей свободы граждан жизненно необходимо для поддержания просвещенности и либерализма чиновников.

Претензии Бёрка к составу Национального собрания, особенно представительству третьего сословия, были сугубо субъективными и легко отметались современниками. Страхи от урона принципу частной собственности от обсуждений земельной реформы, казалось, имели под собой много больше оснований. Но они стали явными только в период якобинского террора — если не защищена голова, что уже говорить об имуществе. Земельная реформа во Франции действительно потом состоялась, но ущерба частной собственности напрямую не нанесла.

То, что дело было именно в тяжелых опасениях, а не в раздражении или шовинизме, сомневаться не приходится — до этого тот же Бёрк в 1770-е гг. поддержал основные требования американских колонистов (и, в их случае, косвенно — даже право на восстание, правда в защиту «старинных вольностей»). В случае Французской революции интересы Британии были затронуты несравненно слабее, чем при отделении тринадцати колоний в Северной Америке.

Возражения Бёрку Томаса Пейна были изложены куда более ясным языком и до начала якобинского террора выглядели намного более убедительными. Крайне слабой была позиция англичанина Бёрка в защите религиозных институтов — как во Франции, так и в Великобритании сросшихся с правительством. Атаки Пейна на эти позиции было невозможно отражать сколько-нибудь убедительно.

Проблема заключалась в том, что Бёрк оказался прав в основных своих оценках разрушительного потенциала Французской революции, хотя и недооценил ее созидательного потенциала.

Радикалы и либеральная традиция

Далеко не все в Англии были шокированы тем, что происходило во Франции в 1790—1794 гг., террором и массовыми неизбирательными расправами.

Брошюра Томаса Пейна «Права человека» (Rights of Man), вдохновленная французским примером и пропагандирующая французскую Декларацию прав человека и гражданина 1790 г., разошлась в 1791—1792 гг. в Британии 200-тысячным тиражом (Морган 2007, 450).

Были группы, вдохновленные радикальной риторикой французских революционеров. В особенности привлекательным казался многим активным гражданам Великобритании пример всеобщего избирательного «права» (для мужчин). На фоне архаичной избирательной системы Великобритании с номинально высоким избирательным цензом, с веками не менявшимися округами, в результате чего более половины их депутатов почти никого не представляли, идеализируемая иностранная модель выглядела почти неотразимо. Печальный же опыт применения передовой и «сверхдемократичной» французской системы не производил необходимо сильного впечатления на тех, кто сам его не наблюдал, но хотел верить в революционный миф.

Промышленный переворот с каждым десятилетием усиливал диспропорцию между уплатой львиной доли налогов и представительством (Морган 2007, 446). Поэтому во втором десятилетии XIX века привлекательность требований радикальной избирательной реформы росла и не на шутку пугала власти. Усилившиеся сторонники радикальной реформы не образовывали единой централизованной партийной структуры и выглядели опасной организацией скорее в глазах своих политических врагов. Более того, сами радикалы зачастую сильно отличались друг от друга по взглядам. Так, Генри Хант (Henry Hunt) выступал за «право» голоса для налогорастратчиков и за облегчение положения рабочих за счет предпринимателей. Сэмюэл Бэмфорд (Samuel Bamford) был сторонником и «права голоса» для налогорастратчиков, и свободы торговли (как минимум отмены «хлебных законов» — пошлин на импорт зерна). Вильям Кобетт (William Cobbett) был почти классическим тори, то есть консерватором, не принявшим промышленный переворот и связанные с ним изменения в образе жизни. Он был, в отличие от большинства других известных фигур «радикалов», приверженцем Церкви Англии. В стан радикалов его привело острое перо и критика коррупции в избирательной системе, пугавшая власти призраком революции, а не совпадение

мировоззрения с другими радикалами. Наконец, наиболее известный за границей благодаря Фредерику Бастиа Ричард Кобден был сторонником свободного предпринимательства и свободы торговли.

На определенном этапе (1819 г.) митинги сторонников радикальной реформы, условно — радикалов, массовостью и буйством участников напугали власти всерьез и привели к кровавому разгону шестидесятитысячного митинга (вошел в историю как бойня Петерлоо, на улице Св. Петра в Манчестере, — Морган 2008, 457; Morgan 1984). Последствия не слишком законопослушного митинга и его кровавого разгона были не менее тяжелыми. Власти провели в парламенте законы (Six Acts), ограничивающие права и свободы — от свободы слова до свободы ношения оружия. Правда, действовали они недолго.

Лидеры протестов (Хант и Бэмфорд), по всей видимости, не несли ответственности за насилие и сами были напуганы им. В результате они стали куда более склонными к компромиссу.

Хотя современные британские историки дружно утверждают, что митинг проложил дорогу Великой реформе 1832 г., никаких доказательств этому нет, а тринадцать лет, отделяющих митинг от первой, причем весьма умеренно-компромиссной избирательной реформы почти доказывают обратное. Судя по новой нарезке округов, от которой выиграли новые промышленные районы Севера, власти опасались уже не буйных митингов и пистолетов подвыпивших участников, а пушек и армии, опирающейся на поддержку промышленников (Phillips, Wetherell 1995). Реальность угрозе революции и гражданской войны добавлял далеко не забытый опыт отделения от Англии тринадцати колоний ровно по той же причине — отсутствия представительства в парламенте, облагающем их налогами. В октябре 1831 г. по Англии прокатилась волна беспорядков (в основном в городах центра и юга страны — Лондон, Бристоль, Ноттингем). Некоторые коллеги утверждают, что аналогичные беспорядки, быстро и жестко подавленные правительством меньшинства (вигов во главе с лордом Греем, премьером в 1830—1834 гг.), могли подготовить почву для избирательной реформы. Положительное утверждение о реформе как проявлении страха перед революцией вынесено в заголовок работы (Aidt, Franck 2015).

К работе есть несколько вопросов. Прежде всего, почему участники беспорядков — представители низших классов не получили по итогам реформы никакого представительства в парламенте. Почему вообще стоит упоминать связь беспорядков с реформами, когда Палата общин, голосами которой реформа была

принята, была выбрана до наиболее массовых беспорядков. Эти наиболее массовые беспорядки состоялись, правда, после того, как законопроект о реформе был одобрен Палатой общин, но отклонен Палатой лордов, а лорд Грей объявил о своей отставке. Однако, кроме привычной «революционной» версии, есть и другая.

Первые беспорядки были подавлены правительством Грея, и избиратель — сторонник порядка и собственности высоко оценил это подавление. Причем электоральный успех вигов был тем более значителен, чем более суровыми были меры против погромщиков. Отставка Грея и новые, более массовые беспорядки поставили Палату лордов перед выбором: либо не мешать реформе вигов, доказавших способность наводить порядок на улицах, либо столкнуться с периодом неопределенности и новыми погромами. То есть в известной степени не только избиратели в первой половине 1831 г., но и члены Палаты лордов в 1832-м проголосовали за порядок и сильную руку. Любопытно, что авторы статьи тестируют эту гипотезу в дополнительных материалах и показывают, что она прекрасно соответствует их данным. Но в самой статье заголовок, как уже отмечалось, отражает более приятную академической общественности версию событий.

Как подметил Адам Пшеворский (Przeworski 2009), роль «возмущенных народных масс» в расширении избирательной привилегии крайне невелика, а в дальнейших британских реформах такого рода и вовсе незаметна.

В дальнейшем, со складыванием во второй четверти XIX столетия почти современной партийной структуры Великобритании, радикалы вошли в Либеральную партию, созданную на основе исторической партии вигов. Они привнесли туда целый набор не всегда совместимых требований и ценностей — от свободы предпринимательства до контроля над ним через фабричное законодательство, от антиклерикализма до антимилитаризма. Ну и конечно, не забудем про всеобщее избирательное «право» (привилегию). Эти принципы и ценности хорошо заметны в наследии Дж. Стюарта Милля, лорда Джона Актона, а также последнего крупного представителя этой традиции Герберта Спенсера (хотя и «набор» идей, и их приоритеты у перечисленных мыслителей существенно отличались).

На страже частной собственности

Как мы видим, становление гарантий частной собственности в Британии заняло много веков. Результатом многовековой традиции права, защищающего собственника и собственность, зафиксировал британский Билль о правах 1689 г. классика британской юриспруденции Уильяма Блэкстона[96]. Классическая англо-американская традиция не просто фиксирует право частной собственности как приоритетное.

Как мы подчеркивали выше, эта традиция Британии уходит корнями во времена Великой хартии вольностей, продолжена Английской революцией, и, в известном смысле и в период Реставрации (Habeas Corpus Act – юридическая корпорация при довольно широкой поддержке работала над тем, чтобы оградить личность от произвольного лишения свободы, в том числе, с целью отъема собственности). Славная революция закрепила власть Парламента в сфере налогов, бюджета и законодательства, но главное, создала возможности для мирного соперничества групп внутри экономической и политической элиты, стимулы защищать свою собственность и подорвало возможности покушаться на чужую. Раскол политической элиты кроме положительного влияния на гарантии прав личности и защиту частной собственности способствовал укреплению независимости и беспристрастности суда. Особая роль суда в защите прав собственности подчеркивалась еще Адамом Смитом. Он подчеркивал, что независимый и беспристрастный суд «дает самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности»[97].

Налоги на «сверхприбыль»: взлет и крушение The Sopwith Aviation Company

Введение в воюющей стране налогов на «сверхприбыль», определяемую как уровень, превышающий на определенную сумму довоенный уровень (Haig 1920), встретило сопротивление предпринимателей. Последние представили свои возражения, среди которых указали, в частности, дестимулирование инвестиций в отрасли,

[96] Документы из коллекции «Founders Constitution»: http://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/v1ch16s5.html

[97] «…But above all, that equal and impartial administration of justice which renders the rights of the meanest British subject respectable to the greatest, and which, by securing to every man the fruits of his own industry, gives the greatest and most effectual encouragement to every sort of industry» («Но наибольшее значение имеет то справедливое и беспристрастное отправление правосудия, которое делает права самого скромного британского подданного неприкосновенным для самых могущественных людей и которое, обеспечивая каждому плоды его труда, служит величайшим и наиболее действенным поощрением все видов усердия» [Ср.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 580]). Smith A. *The Wealth of Nations*. Book 4. Ch. VII «Of colonies». Part III «Of the Advantages which Europe has derived from the Discovery of America, and from that of a Passage to the East Indies by the Cape of Good Hope»: http://www.richmondfed.org/publications/economic_research/the_relevance_of_adam_smith/

обеспечивающие страну оружием, и наказание таким налогом новых фирм, недавно вошедших в отрасль, чья прежняя история прибылей могла закономерно отражать естественные проблемы становления и быть около нулевой отметки. Вследствие такой базы для сравнения даже совсем небольшая прибыль попадала в категорию сверхприбылей и облагалась повышенным налогом (Comstock 1920).

Парламент проигнорировал это обращение. И вот история фирмы, основанной в 1912 г., которая была одной из ведущих в обеспечении вооруженных сил истребителями и гидропланами. За время Первой мировой войны компания расширила мощности и занятость с 200 до 6000 рабочих, выпустив около 16 тыс. самолетов. Истребители Sopwith Snipe стали после войны основными в ВВС Великобритании до конца 1920-х гг.

К концу войны фирма имела финансовый резерв в 900 тыс. фунтов стерлингов. Однако ей было начислено только налогов на сумму свыше миллиона фунтов, львиная доля — того самого налога на сверхприбыль. Молодая высокотехнологичная фирма с блестящими инженерами и опытными рабочими была разорена властями во имя первой версии «социальной справедливости» к концу 1920 г.[98]

Интерес администрации Вудро Вильсона, быстро перенимавшей британский опыт, к счастью, не нанес США сопоставимого ущерба. В 1920-м президентом был избран республиканец Уоррен Хардинг (Warren G. Harding), противник таких налогов как «антипредпринимательских». Благодаря его снижению налогов страна уверенно вышла из послевоенной депрессии. Куда более важным долгосрочно было то, что вещи были названы своими именами. Новый президент называл бизнес главным делом Америки, и благоприятные условия для него, соответственно, становились не просто полезной для экономики целью, но национальной ценностью.

Нельзя не отметить в ряду провалов консерваторов и классических либералов Британии первые «социальные» реформы 1911 г., к которым приложил руку министр внутренних дел (Home Secretary) тогда еще от Либеральной партии Уинстон Черчилль.

Система некоммерческого страхования на случай болезни, действовавшая в Англии наряду с благотворительной (лучше всего сохранившейся в США) и обычной коммерческой медициной, описана, в частности, в книге английского историка Д. Грина «Возвращение в гражданское общество» (Green 1993). Черчилль не был должным образом знаком с этой системой. Он не пользовался ее услугами. Он был уверен, что

[98] См.: https://sopwithaviation.com/history/

небогатые люди страдают и власти «должны срочно что-то сделать», например перенять «прогрессивный» германский опыт. Важную роль сыграли и лоббистские усилия сообщества врачей, недовольных «диктатом» организованных потребителей из некоммерческих страховых организаций рабочих (Green 1993, 81), и отчасти коммерческих страховщиков (Gilbert 1965).

Налоги на смерть и на прибыль — показатели морального упадка

Важной, а возможно, важнейшей причиной заката британского промышленного и технологического лидерства был разрыв с идеей морального превосходства капитализма и частной собственности.

Столкнувшись с необходимостью наращивания доходов, кабинет либералов по инициативе министра финансов (канцлера казначейства — Chancellor of the Exchequer) сэра Уильяма Харкорта (Sir William Harcourt) ввел высокий налог на наследуемое имущество[99]. Значение института наследования в системе законов и обычаев цивилизованных народов настолько велико и настолько мало ценится в последние 100—150 лет, что мы вернемся к нему в специальной главе.

Сама возможность введения налогов на высокие прибыли, означающие либо потребность отрасли в перетоке капитала из других отраслей, либо успешность данной фирмы, данного проекта, выражала если еще не презрение, то точно крайнее недоверие к бизнесу. Недоверие, основанное на чистом предубеждении, на запрещенной Десятой заповедью зависти. В стране еще понимают, что частный бизнес нужен, что без него страна останется и без еды, и без оружия. Но уже не видят в успешном честном бизнесе источника благословения Свыше.

Само введение налога на крупную собственность и на наследство очевидно отражает готовность ради краткосрочной политической выгоды пожертвовать моралью общества, живым символом связи поколений, традиции.

Закат Британии начался тогда, когда предприниматели сами приняли свою «второсортность», вместо того чтобы атаковать оппонентов до полного их изгнания из политики и из образования, и когда крупные собственники утратили волю защищать свои поместья и за́мки, признав «несправедливость» неравенства.

[99] См.: https://liberalhistory.org.uk/history/harcourt-sir-william/ ; https://houseandheritage.org/2018/06/07/the-1930s-the-toll-of-death-duties/

Социал-либерализм — это результат капитуляции значительной части либералов перед социализмом. Один из последних бойцов старой когорты классических либералов Герберт Спенсер несколько поспешно и наивно назвал это явление «новым торизмом» (Спенсер 2007, 1). Социальный либерализм стал попыткой сочетать отдельные ценности классического либерализма с тем, что казалось многим «запросами завтрашнего дня» или вынужденной практической мерой по защите «завоеваний капитализма».

Первым из крупных фигур классического либерализма, внесшим предложение о капитуляции, был Джон Стюарт Милль[100].

Капитуляции предшествовал «развод» с верой, с религией. Большинство из первых поколений классиков либерализма были людьми более или менее религиозными. Они выводили свои убеждения из воли Творца видеть Человека свободным[101], с тем чтобы его можно было по-царски вознаградить за праведность или отечески наказать за провинность. Очевидно, бессмысленно награждать и тем более наказывать лишенного собственной воли робота.

Сдав позицию веры, правды, справедливости, либерализм был обречен на отступление перед лицом любого сильного, агрессивного и уверенного в своей правоте оппонента. Обречен на отступление, бегство и — в конечном итоге — на капитуляцию. Что подметил и подчеркнул Мизес (Мизес 2020, 22): «Социалистами являются все, кто верит в экономическое и моральное превосходство социалистического строя перед строем, основанным на частной собственности на средства производства, даже если они по тем или иным причинам стремятся к постоянному или временному компромиссу между своими социалистическими идеалами и своими частными интересами. Сегодняшние английские “либералы” — это более или менее умеренные социалисты. По всей земле ощущается тяготение к большевизму. У вялых и слабых людей симпатия к большевизму смешивается с чувствами ужаса и восхищения, которые всегда возбуждают в робких оппортунистах отважные фанатики».

---

[100]«Нельзя исключить того, что при социализме общественное воодушевление окажется столь действенным, что бескорыстная преданность общему благу займет место стремления к личной выгоде. Здесь Милль, впавши в утопические мечтания, допускает, что общественное мнение окажется достаточно сильным, чтобы подтолкнуть индивидуумов к более ревностному труду, что честолюбие и потребность в самоуважении окажутся эффективными мотивами и т.п. Следует подчеркнуть, что, к сожалению, у нас нет оснований предполагать, что при социализме человеческая природа будет не такой, как теперь» (Мизес 2020, 156). Нам хорошо известно, что Мизес оказался прав в заочном споре классического либерала с первым социал-либералом.

[101] «We hold this Truths to be self-evident, that all Men are created... and endowed by their Creator with...» («Мы находим самоочевидным, что все люди созданы... и наделены Творцом...»), — писал наименее религиозный из отцов-основателей США Томас Джефферсон.

Как мы увидим в следующей главе, такие же вызовы были брошены в XX веке и консервативному движению.

США. Они все консерваторы

Некоторые позиции и аргументы антифедералистов, а позднее вигов — северян, противников рабства, напоминали либеральные. Однако и требование ограничить полномочия центральных властей, и антирабовладельческая позиция полностью или частично выводились из толкований Священного Писания, что не вполне характерно даже для классического либерализма в Великобритании.

Показательна в этом смысле история жизни одного из подписантов Декларации независимости (делегат от Нью Джерси) и последовательного защитника принципов экономической свободы Джона Уизерспуна (John Witherspoon). Шотландский протестантский проповедник выступил против последнего из «Якобитских» восстаний (1745-1746) направленных на реставрацию в Лондоне абсолютистской власти в красочной упаковке шотландского национализма в том числе, с оружием в руках (Matson, 2024).

С 1753 года Уизерспун атакует сторонников «умеренного» направления в протестантизме (Witherspoon, 1753). Представители последнего считали главной обязанностью церкви и лидера религиозной общины - проповедь добродетелей без привязки оных к первоисточникам. При этом проповеди должны были быть ориентированы на интересы общественного служения, как его понимали тогдашние реформаторы, а не к темам важность которых определена все теми же первоисточниками. При этом, лидеры этого направления считали правильным устанавливать тесные связи с властями, а власти наделить полномочиями вмешиваться в религиозную жизнь, назначая пасторов. Мы видим, что современные эксперименты с «адаптацией» монотеизма к «требованиям дня» только повторяют многократно проделанные в прошлом опыты.

В 1768-м Уизерспун, уже известный богослов, принял предложение служить в американских колониях и возглавил College of New Jersey at Princeton впоследствии - Принстонский университет. Он также активен в общественной жизни и как один из ведущих депутатов провинциального законодательного собрания был делегирован в

Континентальный Конгресс, где и оказался среди подписантов Декларации независимости 1776 г.

Сам Уизерспун совсем не сторонился, как мы видим, «общественного служения». Но просто предпочитал для него более надежное основание нежели личное мнение того или иного сегодняшнего «властителя дум».

Как и другой, куда более известный шотландец, Уизерспун заинтересовался экономикой. Его идеи во многом предвосхитили современное либертарианство. Так он находил «радикально несправедливым» и абсурдным полномочие власти приписывать деньгам определенную ценность (как «вневременное» золото, так и современный биткойн вполне обходятся без государственной «Большой печати»). Он сопротивлялся многочисленным, во время Войны за Независимость попыткам властей штатов и военных властей регулировать цены. В связи с этим он яростно критиковал концепцию «разумной цены» (reasonable price) и показывал ее безосновательность и вредность (Matson, 2024).[102] Причем, в духе скорее австрийской школы нежели своего современника Адама Смита он объяснял рыночные, то есть по-настоящему «разумные» цены не трудовыми и иными издержками, а только «изобилием» или «редкостью» (то есть игрой спроса и предложения).

Высокая религиозность лидеров была в США правилом вплоть до самого недавнего времени. Не случайно даже вполне антиамерикански настроенные лидеры — Б. Обама и Дж. Байден старательно строили образ добрых христиан. Ровно то же касается института семьи. До самого недавнего времени человек, пойманный на супружеской неверности, испытывал в США большие трудности на выборах, а чаще всего просто терял шансы на политическую карьеру. Только на рубеже 1980—90-х ситуация впервые изменилась. Избирателей Демократической партии, судя по опросам и по голосованиям демократов при попытке республиканцев объявить импичмент Биллу Клинтону, не волновали его любовные похождения.

Вплоть до 1970-х гг. самым простым и надежным критерием консерватизма была поддержка идей классического либерализма в экономике. Еще сильное в начале 1990-х впечатление от краха социализма во всем мире временно сократило дистанцию между «либералами» и консерваторами по экономическим вопросам — дерегулированию, балансированию бюджета.

[102] Отметим здесь, что американцы и их лидеры совсем не были свободны от ошибок. Они просто умели их признавать, не слишком упорствуя в своих заблуждениях.

До Гражданской войны велись ожесточенные дискуссии по структуре налогообложения, о рабстве, о присоединении новых территорий (в частности, вопрос о принятии в Союз Техаса в кампании 1844 г. — см. рис. ниже).

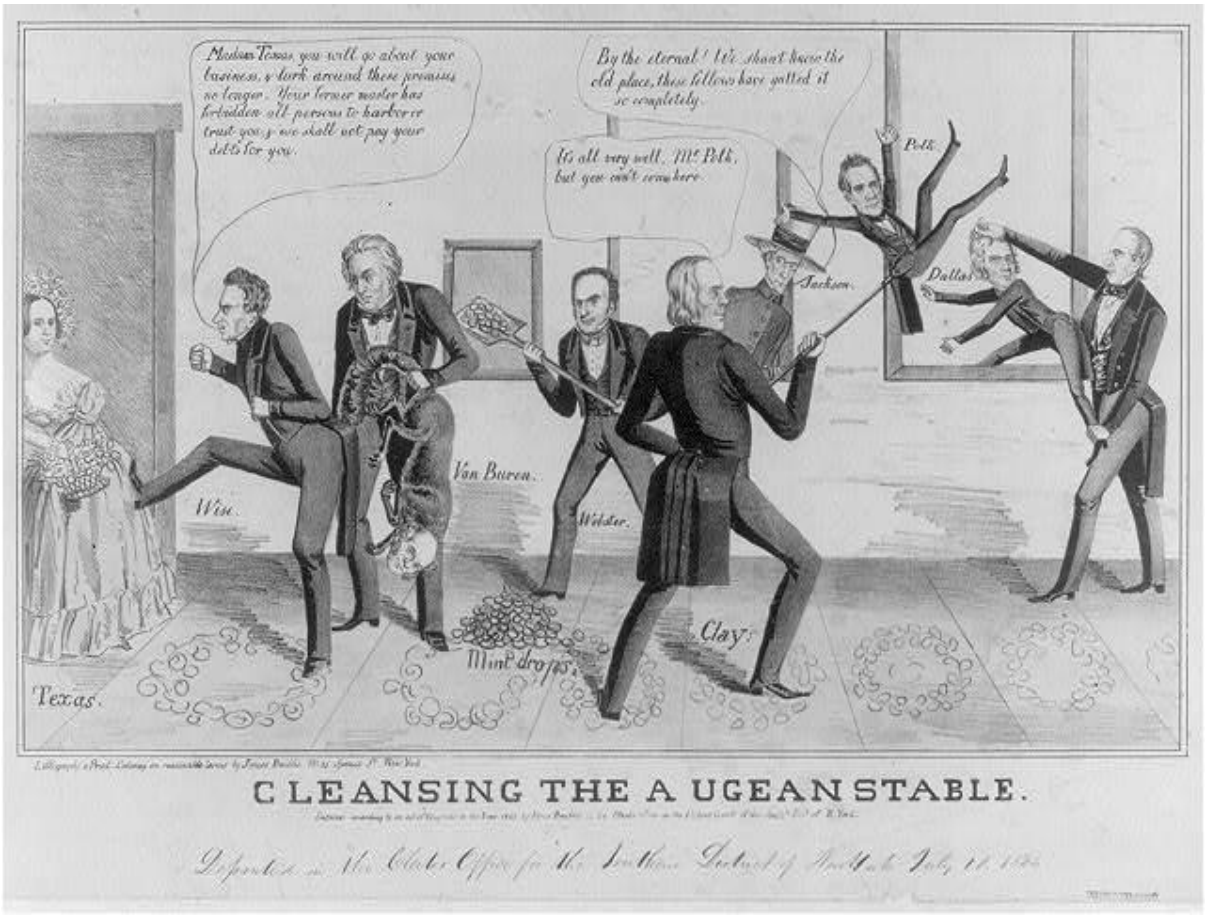

Рис. 1. Карикатура «Очистка Авгиевых конюшен» (Cleansing the Augean stable — https://www.loc.gov/resource/cph.3b03597). На карикатуре джентльмен — конгрессмен от партии вигов из Вирджинии Генри Вайз (Henry A. Wise), однозначно положительный для художника и для заказчика карикатуры персонаж, участник «очистки», бьет ногой даму, символизирующую республику Техас.

Многие виги возражали против принятия в Союз Техаса вовсе не из-за сомнений в пользе расширения и усиления США, а из-за опасения изменения баланса между противниками и сторонниками рабовладения в пользу последних.

Вопросы о налогах и пошлинах имели значение, далеко выходящее за рамки региональных (штатных) интересов, — Север заинтересован в более высоких пошлинах, а Юг в более низких. В условиях, когда издержки администрирования налогов были весьма высоки, собирать регулярно подоходный или имущественные налоги было непросто. Таможенные сборы в портах собирать было несопоставимо легче. Они и стали

надолго основой доходов федерального бюджета — 80—90% (Brownlee 2016, 37, 46—49; Hungerford 2006, Table 2, p. 2, Appendix — Table 2, pp. 9—10; Mitchell 2007b, 716, 718, Table G6)[103]. При том, что сегодня ситуация технически резко изменилась и даже с учетом того, что косвенные налоги считаются более вредными для стимулов экономического роста, издержки администрирования сбора и издержки уплаты налогов часто выпадают из поля зрения публики.

Представьте себе ситуацию, когда вы платите подоходный налог с декларируемого дохода, заполняя простейшую анкету, а издержки получения разрешения на проверку декларации для чиновников крайне высоки. То есть бóльшая часть налоговых органов становятся незанятыми и упраздняются. Но при этом таможенные пошлины и налог с продаж довольно высоки. Что лучше, платить налог с продаж и чувствительные пошлины, но твердо знать, что никто не будет проверять вашу налоговую декларацию, или платить намного меньше косвенных налогов, но при этом содержать армию чиновников-налоговиков с полномочиями вмешиваться в вашу жизнь и интересоваться, почему ваше имущество не соответствует вашим доходам? Тут явно есть **НАД** чем подумать.

Американская традиция защиты частной собственности не только «стоит на плечах» британской. Поправка III Билля о правах (1791 г.) запрещает постой солдат в мирное время, защищая частный дом от вторжения «из соображений безопасности». Статья IV защищает частную жизнь и имущество от злоупотреблений правоохранительных органов. Статья V требует справедливого возмещения в случае изъятия имущества для общественных нужд. Конституция, включая эти статьи, заучивалась школьниками едва ли не наизусть. Уважение к писаному тексту закона подкреплялось глубокой религиозностью американцев.

«Хотя люди содержат правительство, правительство не должно содержать людей...

Всегда можно рассчитывать на дружелюбие и милосердие наших соотечественников, готовых поддержать ближнего в несчастии. Это регулярно подтверждалось и подтверждается в наши дни. Федеральная помощь поощряет ожидания “отеческой заботы” со стороны правительства и подрывает силу характера народа, а также размывает сочувствие между людьми и те добрые чувства, которые укрепляют узы братства среди людей», — так писал в пояснении к вето, наложенному

[103] См.: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc815472/ или https://www.congressionalresearch.com/RL33665/document.php. См. также: https://teachingamericanhistory.org/document/the-tariff-history-of-the-united-states-part-i/

16 февраля 1887 г. на, казалось бы, малозначительный законопроект об ассигновании 10 тыс. долларов на закупку семян для пострадавших. фермеров штата Техас Гровер Кливленд, 22-й (1885—1889) и 24-й (1893—1897) президент США[104].

Продолжим цитирование из этого же источника (Cleveland 1887): «Я не могу найти в конституции оснований для такого ассигнования, и я не верю в то, что есть власть и обязанность Правительства помогать конкретным пострадавшим, каковая деятельность ни в коей мере не относится государственной службе или [возможной, ожидаемой] полезности от нее. Необходимо непреклонно сопротивляться господствующей тенденции игнорировать ограниченность задач [федеральной] власти до тех пор, пока урок не будет усвоен: это люди поддерживают (и обеспечивают) правительство, но правительство не должно обеспечивать людей».

В современных (2020 г.) долларах сумма в 10 000 долл. составила бы 260—290 тыс.[105] Скорее всего, на такую сумму члены Палаты представителей и сенаторы могли бы сами собрать деньги. С учетом более низких доходов в то время[106] это было бы существенное, но посильное пожертвование. Не говоря уже об обращении палат к общественности. В последнем случае можно было бы создать фонд для экстренной помощи фермерам США, действующий на долгосрочной основе.

То есть очевидно, что прав был президент Кливленд, а не его оппоненты в Конгрессе, «щедрые» в своем законопроекте о благотворительности за счет налогоплательщиков.

Похожий сюжет, причем на такую же сумму, обсуждался в Конгрессе 2 апреля 1828 г. Тогда ряд конгрессменов выступили против того, чтобы за счет налогоплательщиков сформировать пенсионный фонд для вдовы генерала Брауна — героя войны 1812 г. Среди тех, кто выступил против, выделялся конгрессмен от штата Теннесси и будущий командир защитников форта Аламо полковник Дэвид Крокетт

---

[104] «...Though the people support the government, the government should not support the people...

The friendliness and charity of our countrymen can always be relied upon to relieve their fellow citizens in misfortune. This has been repeatedly and quite lately demonstrated. Federal aid in such cases encourages the expectation of paternal care on the part of the Government and weakens the sturdiness of our national character, while it prevents the indulgence among our people of that kindly sentiment and conduct which strengthens the bonds of a common brotherhood».

[105] См.: https://www.measuringworth.com/calculators/uscompare/

[106] 40—50 долларов составляла в то время месячная зарплата квалифицированного рабочего в США, то есть речь шла о фонде размером в 200—250 таких зарплат (History of Wages in the United States From Colonial Times to 1928: Bulletin of the United States Bureau of Labor — https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/publications/bls/bls_0499_1929.pdf).

(David Crockett). Ему приписывается речь «Это не ваше, чтобы [это] раздавать» (Not yours to give)[107].

В обработанном и, вероятно, «расширенном» виде этот текст был впервые опубликован в журнале в 1867 г., а затем и в книге в 1884-м биографом героя Эдвардом Эллисом (Edward S. Ellis). Аутентичность речи проверить невозможно, но суть позиции Крокетта изложена, несомненно, верно. Эта позиция будущего героя первой Мексиканской войны подтверждается регистром Конгресса, в котором на дату 2 апреля 1828 г., в частности, зафиксированы дебаты и голосование о выделении средств для вдовы Брауна и указано, что мистер Крокетт изложил свои возражения против принципа законопроекта и предложил собрать предлагаемую в законопроекте сумму конгрессменами по подписке (с. 2086). На с. 2089, где приведен протокол голосования, указано что Крокетт вместе со значительной группой коллег проголосовал против законопроекта[108].

Полковник Крокетт просто потребовал вернуться в решении проблем помощи пострадавшим (или в данном случае вдове) к испытанному, эффективному и морально безупречному способу — к частной благотворительности.

«Хоть похоже на Канаду, только все же не Канада»

Прежде чем покинуть Северную Америку, обратим внимание читателя на полезное сравнение. К северу от Великих озер, в Канаде, куда после Войны за независимость бежали лоялисты, очень многое в политике и праве напоминало США. Общая правовая традиция. Исторически сложившаяся близость населения — по языку и культуре. Поколения спустя после отделения США от Британии старые споры и войны не должны были, казалось, омрачать память об общем наследии. Похожими были политические и правовые институты обеих стран. Традиция «обычного» права и схожее устройство судебной системы, федеративная структура и даже система выборов в Канаде напоминает США. К отличиям можно отнести то самое «право на восстание», от которого яростно отказывался Бёрк, но это были «дела давно минувших дней, преданья

[107] https://mises.org/library/not-yours-give-0/

[108] Law Library of Congress... Register of Debates, House of Representatives, 20th Congress, 1st Session. Crockett, Mr. on the bill for relief of Mrs. Brown, p. 2086, voted Nay (against) ibid p. 2089 (https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llrd&fileName=006/llrd006.db&recNum=308). Официальная биографическая заметка на сайте Конгресса США о Д. Крокетте: https://history.house.gov/People/Listing/C/CROCKETT,-David-(C000918)/

старины глубокой», по меркам политической истории Северной Америки. Не было у канадцев права Первой и Второй поправок. Хотя оружия у населения хватало, и свобода слова была вполне сопоставима с американской.

Канадцы XIX — начала XX века, как и американцы, по современным понятиям как «либералы», так и тогдашние консерваторы — сторонники частной собственности, ограниченного правительства. Развитое гражданское общество, чувство долга и ответственности каждого гражданина обусловили удивительный феномен. В Первую мировую войну Канада, уже фактически независимое государство, не просто вступила на стороне метрополии.

С начала той войны и до 1917 г. канадский экспедиционный корпус полностью комплектовался добровольцами[109]. Свыше полумиллиона канадцев пошли тогда в армию добровольно[110]. Во Вторую мировую войну свыше 630 тыс. канадцев пошли в армию добровольно (власти опасались политического кризиса, подобного ситуации в 1917-м в случае введения призыва[111]). Встреченные авторами в начале 2000-х гг. канадские ветераны с гордостью называли себя «пушечным мясом империи».

Современная Канада прячется под американским военным зонтиком, экономит на обороне (расходы на оборону едва превышают 1% ВВП)[112], яростно преследует инакомыслие[113]. Молится скорее фанатичной «толерантности»[114], нежели Богу (иудео-христианской традиции). Она скорее напоминает худшие образцы современной Европы, нежели великого южного соседа, да и собственное славное прошлое.

---

[109] См.: http://www.warmuseum.ca/firstworldwar/history/life-at-home-during-the-war/recruitment-and-conscription/voluntary-recruitment /

[110] Из 620 тыс. прошедших через Канадский экспедиционный корпус в Первую мировую войну (Canadian Expeditionary Forces — CEF) только 108 тыс. были мобилизованы, причем в конце войны, так что из мобилизованных принудительно лишь 24 тыс. успели попасть на фронт (http://www.warmuseum.ca/learn/dispatches/french-canada-and-recruitment-during-the-first-world-war).

[111] http://www.canadaatwar.ca/content-7/world-war-ii/facts-and-information/

[112] С 4—7% ВВП в 1950-х — начале 1960-х расходы на оборону упали ниже 2% ВВП начиная с 1973 г. В последние десятилетия они колеблются в интервале 1—1,4% ВВП (SIPRI Military Expenditure Database — https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1948-2023.xlsx ; https://doi.org/10.55163/CQGC9685).

[113] Это особенно ярко и уродливо проявилось в период эпидемии COVID-19, при подавлении протестов водителей-дальнобойщиков — см. ссылки в записке “Coercive Policies and Some Reactions to the Coercion in the Time of COVID-19 Pandemic” (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4030906).

[114] Неформальный символ Торонто, столицы крупнейшей провинции Онтарио, — лось в новых (начала 2000-х) изображениях потерял рога как опасный символ «маскулинности» (https://torontoscoop.ca/2024/01/29/moose-sculptures-in-toronto). Зато официальный герб города с 1998 г. приобрел вместо отражавшего «старые» доблести девиза Industry, Intelligence, Integrity новый: Diversity Our Strength («Разнообразие наша сила»): https://www.yorku.ca/lfoster/2006-07/sosi3830/lectures/TheAnatomyofanUrbanLegend_TorontosMulticulturalLegend.html.

Привычка все еще большой части американцев к неограниченной в принципе свободе слова, недоверие к власти, подкрепленное собственной винтовкой и пистолетом, сыграли, видимо, немалую роль в наблюдаемых отличиях. Вероятно, даже бóльшую, чем войны, гремевшие 210—250 лет тому назад.

Французский классический либерализм: консерватор в стране революций

Любой современный сторонник свободы, консерватор выиграет от знакомства с трудами Бенжамена Констана и Франсуа Гизо, в частности от изучения тщательно прописанного целого реестра реальных и возможных злоупотреблений властей (Констан [1815] 2000[115]). Вклад же Алексиса де Токвиля и Фредерика Бастиа в современный арсенал аргументов в защиту свободы, собственности и гражданского общества настолько важен, что вряд ли может быть восполнен из альтернативных источников.

Алексис де Токвиль относился к американской демократии с глубокой, хотя и критической симпатией. При этом он был гордым аристократом, совершенно не раскаивающимся в своих «привилегиях», как это принято среди многих современных интеллектуалов. Благодаря симпатии к порядкам, основанным на политической конкуренции, с одной стороны, и преданности традициям — с другой, он сумел построить мост между идеями личных прав, семьи как базовой ячейки гражданского общества и принципами народовластия, ограниченного конституцией. Он объяснял, почему настоящий верующий (заметим, что это тогда по умолчанию относилось только к религиозным традициям, идущим от Синайского откровения и основанным на Десяти заповедях) является прирожденным врагом тоталитарного государства, а крепкая семья, основанная на Пятой заповеди, — естественной ячейкой сопротивления угнетению и диктатуре: «Пока семейные чувства были живы, враг тирании не оставался без сподвижников»[116].

Даже скептически настроенные по отношению к иностранным наблюдателям американские консерваторы признают невероятную глубину понимания основ

[115] См.: https://oll.libertyfund.org/title/constant-principles-of-politics-applicable-to-all-governments/

[116] Alexis de Tocqueville. Democracy in America. NY: George Dearborn and Co, 1838. P. 309 (transl. by Henry Reev). Английская версия. 1-е изд. 1835: “As long as family spirit lasted, the man who struggled against tyranny was never alone; he found around him clients, hereditary friends, close relatives. And if this support were missing, he still felt sustained by his ancestors and roused by his descendants. But when patrimonies are dividing, and when in so few years races are merging, where to locate family spirit?” Chapter 9 (https://oll.libertyfund.org/titles/democracy-in-america-english-edition-vol-1).

классического наследия отцов основателей де Токвилем. У него, не связанного, в отличие от лидеров федералистов, интересами в борьбе за власть в США, они находят дополнительные аргументы против слабо ограниченной власти большинства.

Не скрывающий своего резко отрицательного отношения к рабству де Токвиль шокировал бы современных левых беспощадной критикой идеи быстрой интеграции черных рабов в современное общество. Об опасностях попыток такой интеграции «волевым решением» он предупреждал за тридцать лет до начала Гражданской войны. Де Токвиль заметил, что расизм на Севере сильнее, чем на Юге. Однако институты, запрещающие рабство или избегающие его, по его наблюдениям, были эффективнее институтов, его так или иначе поддерживающих.

Следует оговориться, что экономические историки Роберт Фогель и Стенли Энгерман оспаривали последний вывод (Fogel, Engerman 1974; Fogel 1989). Они подчеркивали, что коммерческие интересы в сочетании с ограничением притока рабов обеспечивали сравнительно сносные условия жизни для рабов на Юге. По их мнению, отмена рабства была полностью обусловлена моральными соображениями и не поддерживалась экономическими.

Понимание опасности соседства со «свободными» и независимыми варварами сделало де Токвиля сторонником военных действий Франции в Северной Африке, окончательно искоренивших саму возможность использовать территории Туниса и Марокко как базы для пиратства.

Защита Фредериком Бастиа идей частной собственности и экономической свободы вызывает понятное восхищение современных классических либералов и либертарианцев. Но особую роль играют его пророческие предупреждения против Большого заботливого правительства в целом и его руководства народным образованием в частности. Бастиа оказался в 1848-м на передовом рубеже борьбы с первым пришествием политического социализма в Европе. Он, в отличие от большинства (и от многих современных консерваторов), выделил суть проблемы социального государства: оно относится к человечеству как к сырью для безответственных и потенциально опасных экспериментов (как и оказалось в действительности). То есть, используя понятия переводчиков Бастиа на английский, «социалисты любят играть в Бога» («Закон»).

Сама идея государственной заботы, как показал Бастиа, может быть уподоблена идее «вечного двигателя» в механике. Государство не просто неэффективно тратит на пользу общества собранные налогами средства. К его рукам неизбежно «прилипает» от

значимой части до почти ста процентов собранного, которое не возвращается обществу. В далеко не худшем случае государственная забота представляет заметный обществу положительный результат, умело маскируя издержки этого результата, неизбежные и превышающие (как минимум в силу «эффекта прилипания») выигрыши («что видно и чего не видно»).

Баланс между самим по себе наличием ценза, гарантирующим осмысленное и ответственное отношение избирателя к выборам, и широтой охвата избирательной привилегией налогоплательщиков и потенциальных воинов во Франции никогда не был оптимальным. Он либо сводил выборы в округе к решению нескольких сот наиболее состоятельных граждан, либо расширял круг избирателей на всех взрослых мужчин. Последнее, впрочем, имело единственное серьезное моральное обоснование — потенциальную возможность мобилизации всех таких избирателей в случае войны.

Завышенный имущественный (связанный с оценкой налогового потенциала) ценз не только избавлял исполнительную власть от натиска популистов, обладающих парламентской трибуной. Он прекрасно сочетался с урезанными полномочиями представительного органа, за спиной которого стояла горстка избирателей, а не многочисленная их армия. Бóльшая часть этих избирателей не достигла сама своего положения личными усилиями в условиях свободной конкуренции, но старалась сохранить привилегии. Последнее напоминает ситуацию, описанную на примере современного Перу Эрнандо де Сото с той разницей, что в Перу уже действовала всеобщая избирательная привилегия.

Недостаточно открытый конкуренции клуб богатых избирателей Франции вместо корпуса избирателей, каждый из которых вносил значимый вклад в общее дело, позволял некоторое время (от Реставрации до 1848 г.) и сдерживать популизм социалистов, и находить лазейки для реализации программ «доброго правительства». Такие программы оправдывались необходимостью ограничивать потенциал революции как следствия агитации радикалов среди не представленных в парламенте реальных налогоплательщиков и/или потенциальных солдат.

Однако даже при всеобщем избирательном праве для взрослых мужчин с трудом представимые в современном законодательном собрании Фредерик Бастиа и Алексис де Токвиль получали поддержку избирателей в своих округах.

В силу отмеченных выше проблем политическая мощь французских предтеч современного консерватизма была несравнимо ниже их интеллектуального и морального влияния.

Верноподданнический германский консерватизм

Со дня учреждения Германской империи в 1871 г. практически все политические силы, кроме социал-демократов, так или иначе могли бы быть определены как консервативные в соответствии с позициями современных консервативных партий и движений. Идеологическая преемственность от них прослеживается к партиям нынешней Федеративной Республики: Христианско-демократическому (CDU) и Христианско-социальному союзу (CSS) и в определенной степени к Альтернативе для Германии (AfD), а от «левых» либералов — к Свободным демократам (FDP).

Прежде всего, естественными консерваторами были кайзер (император), его двор и правительство (исполнительная власть). Они были открыты идеям модернизации страны — ее экономики, в частности промышленности, науки и техники. При этом государство было готово не проявлять активности и не претендовало на руководство. Так, основанное в 1911 г. Общество кайзера Вильгельма для развития науки (Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften) — нынешнее Общество имени Макса Планка — было императорским в основном по вывеске; ведущие институты работали преимущественно на частном финансировании в тесном взаимодействии с частной промышленностью[117].

Политические партии, с одной стороны, были укоренены в обществе и представляли реальные общественные структуры и их интересы. С другой — их возможности влиять на ситуацию были крайне ограничены авторитарной природой Второй империи.

Конституция империи не предусматривала ответственности правительства перед рейхстагом. Кайзер мог по своему усмотрению назначать и увольнять главу правительства и министров.

Так, при попытке депутатов (инициатива социал-демократов) отстранить канцлера Т. Бетман-Годьдвига, проголосовав за недоверие ему в декабре 1913 г., последний

[117] См.: https://www.mpg.de/10424011/History_of_the_Kaiser_Wilhelm_Society.pdf. “Funding was secured largely through donations and contributions from a number of private individuals and industry giants who could, in turn, consider themselves members of the Kaiser Wilhelm Society. The state of Prussia provided the premises; the Kaiser lent his name” («Финансирование в основном обеспечивалось за счет пожертвований и взносов ряда частных лиц и гигантов промышленности, которые, в свою очередь, могли считать себя членами Общества кайзера Вильгельма. Прусское государство предоставило помещения, а кайзер дал свое имя»; https://www.mpic.de/4469974/gruendung-der-kaiser-wilhelm-gesellschaft).

просто напомнил депутатам, что замена главы правительства находится в исключительной компетенции кайзера (см. ответ канцлера в сборнике материалов — Остриков и др. 1993).

Консервативная партия представляла старую прусскую земельную аристократию. Эти люди поначалу с трудом вписались в новые имперские реалии со своим прусским патриотизмом. Общегерманский национализм был скорее отличительной чертой национал-либералов, другой несокрушимо лояльной престолу партии.

Как выяснилось, избиратели консерваторов обладали весьма «независимым» мышлением. В том смысле, что, независимо от обсуждаемых проблем и ситуации, они голосовали за кандидатов, наиболее лояльных кайзеру (императору) и его правительству (Berdahl 1972; см. также результаты выборов в рейхстаг 1872—1912 гг. в дополнительных материалах к данной главе). В первые же годы империи консерваторы переживали кризис и снижение электоральной поддержки. Аристократам пришлось приспосабливаться к новым реалиям по указаниям правительства, в чьей поддержке они нуждались едва ли не больше, чем правительство — в их.

Консерваторы, национальные либералы и другие партии (кроме «левых» либералов) торговались с правительством, и иногда небезуспешно, лоббируя специальные интересы. Наиболее разрушительным результатом такого лоббирования, по всей видимости, оказались меры «по защите отечественного сельскохозяйственного производителя», которые не прошли проверку Первой мировой войной. Впрочем, продовольственные трудности к концу войны во многом были не только результатом слабого, неконкурентоспособного сельского хозяйства, но и политики регулирования и рационирования (Blum 2013), подрывавшей стимулы производить и продавать продовольствие.

Заметной силой являлась Партия центра, представлявшая интересы католической элиты. В империи, возглавляемой прусским монархом — лояльным лютеранином, правительство предприняло не слишком удачную попытку унифицировать мировоззрение граждан в основном за счет ослабления влияния католицизма, в частности в народном образовании (Kulturkampf — 1872—1878 гг.). Косвенно и сама партия была мишенью атаки. Властей в этом наступлении на католицизм поддержали как обе «постоянно лояльные» партии (консерваторы и национал-либералы), так и классические «левые» либералы (название «левые» не отражает идеологии партии и современного смысла этого слова — Steinhoff 2004, 294). Последние мечтали о завершении руками государства Реформации (Там же). Результатом атаки стала

консолидация католиков вокруг партии и рост ее поддержки с 18 до более чем 27,9% голосов (рекордный уровень выборов 1874 г.).

Напуганная ростом влияния социал-демократов исполнительная власть решила не вести войну на два фронта и пришла к компромиссу с католиками.

Уже упомянутые в эпизоде, где они явно изменили своим классически либеральным принципам, так называемые левые либералы по большинству вопросов сопротивлялись не только торговым тарифам, но и бесцеремонному вмешательству властей в жизнь общества. Они пытались ограничить власть правительства и даже не одобряли военных приготовлений империи, что вызывало сильное раздражение властей.

Тем не менее им, в отличие от остальных несоциалистических партий, удалось в основном сохранить электоральную поддержку в течение всего периода 1871—1912 гг., «сражаясь» на два фронта — против проправительственных партий и против социал-демократов (9,3% на выборах 1871 г. и 12,3% в 1912 г.). Все остальные партии уменьшали долю голосов при впечатляющем росте поддержки социал-демократов — естественного следствия всеобщей избирательной привилегии (хотя в тот период — только для мужчин). Последняя же выглядела более или менее естественно в условиях всеобщего призыва. Давление фактора голосующего неналогоплательщика (или просто налогорастратчика) и попытки остановить наступление социализма подтолкнули власти к попытке построить первое в истории социальное государство. Попытке, сделавшей их требования почти общенациональным консенсусом.

Германия — страна, ставшая образцом для многих этатистских начинаний, ввела принудительное медицинское страхование еще в 1883 г.[118], хотя поначалу и с весьма скромным охватом. При этом налоговые поступления на поддержку системы страхования не тратились, и платили взносы в систему только сами рабочие и их наниматели. Характерно, что, пока в 1890 г. правительство не запретило самоуправляющиеся фонды как возможную опцию для страхования, рабочие бойкотировали официальные страховые фонды. Впрочем, социал-демократы успешно внедрились и в официальные структуры вскоре после того, как независимая альтернатива была запрещена (WHO HiT 2000, 8—9).

[118] См.: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmedhealth/PMH0078019 — хорошее краткое введение в тему Германского здравоохранения. См. также WHO HiT 2000, 8.

С 1884 г. было введено принудительное страхование от несчастных случаев, а в 1889 г. — пенсионное (фактически финансируемое из текущего национального дохода, а не из накоплений, что работало, пока рождаемость была высокой, а пенсионный возраст, 70 лет, значительно превышал среднюю продолжительность жизни — Mierzejewski 2016)[119].

Общепризнано, что первые реформы, ставшие образцом для подражания в Европе, а потом и в мире, не были ответом на острую необходимость, на запрос общества. Они не решали проблем, объективно возникавших или обострявшихся в период быстрой индустриализации и урбанизации (и реально помогли только небольшому проценту даже среди рабочих). Решение проблем помощи рабочим в растущих городах в это же самое время нащупывалось в Англии, Бельгии и во Франции — обществами взаимопомощи (Грин 2009). Реформы же Бисмарка были предназначены прежде всего для того, чтобы остановить политическое наступление социал-демократов. Однако даже в этом смысле их эффективность оказалась ограниченной. С одной стороны, они вроде бы демонстрировали, что необязательно голосовать за социалистов, чтобы добиться социальных реформ. С другой — они означали признание аристократической элитой правоты своих оппонентов (которые не стали сразу же союзниками только из-за отсутствия благородного происхождения). В конечном счете это только усилило социал-демократов, добившихся в этой стране решающего прорыва даже до распространения всеобщего избирательного права на женщин.

Сегодня Германия несет бремя расходов на здравоохранение свыше 11% ВВП — сопоставимое с американским. В стране свыше 20% населения от 65 лет и старше, и увеличение пенсионного возраста решает проблему лишь временно. При этом, в отличие от стран Восточной Европы с похожими тяжелыми демографическими проблемами, Германия имеет быстро растущее население — нетрудовых иммигрантов. Они объективно станут дополнительной весомой нагрузкой на систему задолго до достижения возраста 65 лет.

Сочетание ограниченных полномочий и ответственности парламента с лояльностью большинства политических партий авторитарной власти, возведенной в принцип, обусловило относительную, по европейским меркам, слабость германского общества и хрупкость его политической самоорганизации. Лояльность государству с

[119] Популярное введение в тему: https://www.ssa.gov/history/ottob.html ; https://actuaries.org/IAA/Documents/CMTE_SSC/Meetings/Berlin_2018/Minutes/4_German_Pension_System.pdf

государственной религией объясняет отсутствие глубокой религиозности у большинства населения и будущее (после Второй мировой войны) катастрофическое падение рождаемости.

Приоритет ценностей порядка над ценностями свободы при слабой (скорее, формальной) религиозности привел консерваторов Веймарской республики — прежде всего президента Пауля фон Гинденбурга и близкого к нему лидера «консервативного» крыла Католической партии центра канцлера Франца фон Папена — к назначению А. Гитлера канцлером Германии. Это решение практически открыло дорогу к установлению нацистской диктатуры (Rossol, Zeiman 2022). Надежды Гинденбурга и фон Папена на свою способность, в отсутствие собственной, превосходящей нацистов базы электоральной поддержки и политических активистов (при нежелании иметь дело с социал-демократами), переиграть и маргинализировать Гитлера провалились (Kershaw 1998; Wheeler-Bennett 1954). В результате сам термин «консерватизм» оказался настолько скомпрометированным в Германии, что сами же консерваторы (ХДС) избегали пользоваться им (Greiffenhagen 1979).

Унаследованные слабости германских консерваторов во многом предопределили неспособность германского общества в целом сопротивляться не только тоталитарной власти в 1933—1945 гг., но и авторитарным поползновениям социальной бюрократии в XXI веке при власти демократической.

Если германский консерватизм формировался внутри системы полуавторитарной — с сильной королевской, а затем имперской властью, русский консерватизм развивался в системе, в которой власть монарха вообще не знала формальных (конституционных и им подобных) ограничений.

Очерки из истории русского консерватизма

Российские консервативные мыслители

Современник Бёрка Николай Карамзин оказался во Франции в разгар Великой революции и, естественно, получил еще более сильные впечатления. Его консерватизм сформировался под влиянием увиденного и на основе представления об опасности значительных изменений. Поскольку они могут повлечь за собой непредвиденные и весьма тяжелые последствия. Имея заслуженную репутацию честного свидетеля и историка, он относился ко многим действиям властей

критически. Однако основные принципы власти и социально-экономической – самодержавие и крепостничество считал необходимыми для страны. Причем если поддержка крепостничества была связана только с опасением последствий его отмены, то самодержавие виделось ему как высокая, едва ли не духовная ценность России. Он вполне уважительно отзывался о конституционно ограниченной власти и о парламентаризме в Западной Европе, но считал, что непривычное к свободе российское общество к ним не готово, а значит и возможности для подготовки особо не нужны. Что-то похожее на современные представления о гражданских правах у Карамзина распространяется только на дворянство. В силу «древности» его привилегий они должны уважаться высшей властью, а значит становятся похожими на неотъемлемые права. Но именно в силу древности традиции, а не в силу восприятия ценностей христианства как ценностей личной свободы и ограниченности всякой власти.

Автор известной триады «самодержавие, православие, народность» Сергей Уваров также как и Карамзин был известным историком – специалистом по древней истории. Длительное время он служил министром просвещения в царствование Николая I. В соответствие с духом времени и запросом двора и императора, его консерватизм был куда более враждебен идеям ограниченной власти и порядкам в Великобритании и Франции чем взгляды Карамзина. При том, что он с большим подозрением относился к всяческому «вольнодумству» и соответственно к философии, гуманитарным и общественным наукам, он, по всей видимости, не только не инициировал сам, но сдерживал порывы властей к закрытию университетов и соответствующих факультетов.

Все что могло поколебать стабильность самодержавия вызывало у него опасения. Даже рост населения, которое он, как и Мальтус и мыслители традиционного, докапиталистического общества рассматривали как угрозу в виду ограниченности природных ресурсов. На то что «не коротка рука…» Всевышнего ни англиканин Мальтус, ни православный Уваров не рассчитывали. Причем Уваров не поинтересовался описаниями современной ему Британии, Голландии и их опыта беспрецедентного экономического роста в трудах Адама Смита, либо, более доверял в этих вопросах Гомеру и Феокриту. Экономический же рост за счет увеличения разнообразия товаров и услуг историк почитал «остатком устарелого предрассудка экономистов».

Активные и заметные начиная с царствования Николая I и заставшие начало царствования Александра III авторы, объединяемые условно понятием «славянофилы» имели известное разнообразие. Их объединяла вера в особый путь России, раздражение перед «немецким засильем» внутри страны и «низкопоклонством перед Западом». Власти раздражало их своеобразное (при всей железобетонной лояльности) разно и вольномыслие – готовность обсуждать планы и проекты, не спрашивая разрешения на такое обсуждение у компетентных органов. Несмотря на несомненную преданность самодержавию они нередко бывали наказаны совершенно несообразно и непропорционально «проступкам» - текстам, распространявшимся в печати, а нередко просто переписывавшимся заинтересованными лицами.

Относительно близким к образцам западного консерватизма Борис Чичерин – учитель наследника престола при Александре II (великого князя Николая Александровича, чья смерть от открыла дорогу к престолу Александру Александровичу). Чичерин был Московским городским головой в 1881-1883 пока не был смещен с поста по требованию императора Александра III. Зная всю историю царствования последнего не приходится удивляться тому, что сторонник конституционно ограниченной власти, парламентаризма, частной собственности и ее свободного применения не пришелся ко двору, где наиболее влиятельными лицами стали те, кого позднее историки определяли как «охранителей».

Охранители – Константин Победоносцев и Михаил Катков в период царствования Александра III представляли два подхода и два представления о желательной политике и траектории развития страны. Победоносцев отстаивал и весьма успешно идею о чрезмерности реформ Александра II, которые де дестабилизировали общество и требовал «подморозить» ситуацию путем частичных контр-реформ. Катков не считал реформы чем-то необходимо опасным, поддерживал реформы Александра II и находил «подмораживание» контр-реформами избыточным. Впрочем, некоторые мыслители этого же направления (Константин Леонтьев) считали даже отмену крепостного права вредной и опасной инициативой. К концу жизни Катков утратил свое влияние на двор. Впрочем, непосредственное влияние Победоносцева также перестало быть значимым после прихода к власти Николая II.

Российское консервативное движение последних десятилетий перед революцией

До буквально последних десятилетий перед революцией консерватизм в России был представлен только заметными политиками и писателями. Причем реальное влияние таких фигур определялось почти исключительно их близостью к царю. Консерватизм во всех своих проявлениях не был тогда организованным движением. Что естественно в отсутствии системы выборных органов, венчаемой национальным парламентом. Такое движение возникло в самом начале века – как сеть салонов, в частности, «Русское собрание». После октября 1905 года оно (в лице Союза Русского Народа) получило поддержку, в том числе отчасти и финансовую со стороны властей.

Монархическое движение в последние десятилетия перед революцией не сводимо к исключительно охранительной деятельности и погромам. Экономические идеи и, что особенно важно, практические меры, отстаиваемые монархистами, были наиболее близки к идеям современных «классических либералов», либертарианцев и разделяющих эти идеи консерваторов.

Некоторые из лидеров монархистов при всем антисемитизме выступали против погромов, против дела Бейлиса и предлагали «цивилизованный развод» с еврейским населением – через содействие переселению в страну Израиля.

Проблемы движения – как и в германском случае, заключались:

- в необходимости поддержки власти императора – несопоставимо менее цивилизованного чем германский и правительства – далеко не всегда проводящего минимально адекватную хотя бы экономически политику;
- в высшем приоритете охранительных ценностей, сплетенных с антисемитской теорией всемирного заговора и, мягко говоря, не сильно конструктивными мистическими изысканиями в направлении православия-самодержавия-народности.
- В результате успешные реформы Столыпина не только растеряли поддержку в обществе. Они утратили поддержку даже самих монархистов. Смена приоритетов двора после смерти Столыпина привела к катастрофе во время Первой мировой и к полной дискредитации монархического движения, оказавшегося неспособным провести под собственным флагом ни одного депутата в Учредительное собрание.

- Попытка соединить идеи экономической свободы, сохранения институтов семьи и частной собственности с идеей практически неограниченной власти вряд ли могла оказаться успешной. Тем более при том, что свобода и здравый смысл подчинялись задаче сохранения неограниченной власти. Она оказалась для России катастрофически провальной. Неограниченная власть вернулась в Россию после краха самодержавия, но в несопоставимо более опасном, кровожадном, тоталитарном воплощении.

Нельзя не упомянуть в этом кратком обзоре авторов вышедших из лево-либеральной среды но на примере еще революции 1905 года убедившиеся в крайне опасности и разнузданной аморальности революционного социалистического пути. Их критика революции наблюдаемой буквально за окнами намного глубже и актуальнее для наших дней, чем реакции Бёрка на революцию во Франции. Авторы сборников «Вехи» (1909), и «Из глубины» (1918) заслуживают самого пристального внимания современных консерваторов.

Особого внимания заслуживает группа авторов сборника «Смена вех», пытавшаяся скрестить национализм с большевизмом. Ценой первой попытки «компромисса» стал отказ от всех основных принципов во имя «национального единства». Честно ставя эксперимент на себе «сменавеховцы» вернулись в Россию под власть большевиков. Финал был закономерен – основных участников неформальной группы коммунисты, решив, что дополнительной пользы от них уже не будет - убили (см. к примеру Гуль, т.1 сс. 607-612). Отметим и подчеркнем удивительный феномен популярности среди эмигрантов, особенно среди молодежи идей сводящихся к «компромиссу», точнее капитуляции перед большевиками.

Русский консерватизм в эмиграции

Российская эмиграция дала массу примеров, показавших, что в трагической ситуации большая часть светских либералов не выдержала соблазна социализма, примирения с большевистской диктатурой. Агенты советских спецслужб коммунистов работали и в Русском общевоинском союзе (РОВС), который пытался продолжать борьбу с большевизмом в том числе и вооруженную. Этой агентуре удалось значительно ослабить военный потенциал организации. Однако идеологически и по составу участников она оставалась несомненно консервативной и антитоталитарной. Если РОВС нес на первом этапе своей деятельности тяжелые

боевые потери, леволиберальные и квази-националистические сторонники примирения с большевиками и возвращения понесли в конечном итоге потери убитыми куда большие.

Последняя волна эмиграции отличалась большой идеологической пестротой. На религиозно-консервативном фланге выделялась фигура Александра Исаевича Солженицына. Следует отметить, что в диссидентском движении тех, кого можно с натяжкой отнести к консерваторам исчислялись единицами. Однако отдельно от этого движения существовало религиозное подполье (в частности, баптистское и адвентистское) со своими школами и типографиями, пережившее в итоге тоталитарный режим. О нем пишет, в частности, Людмила Алексеева (Алексеева, 2012) в своей «Истории инакомыслия в СССР». Оно, однако, старательно дистанцировалось от политики, в отличие от религиозных движений в Прибалтике (там же). Замкнутость на внутренних делах и дистанцирование от всякой политики вероятно связаны с тем, что после выхода из подполья эти конфессии не смогли (или не пытались) резко нарастить свою численность (а значит и влияние) за счет номинально православных.

Попытки возрождения политического консерватизма после краха СССР

В постсоветский период было предпринято немало попыток создать в России мощное консервативное движение. Часть из новых русских консерваторов пыталась апеллировать к национальным и религиозным чувствам (начиная с Д.Васильева, общество «Память» и кончая национальными демократами; на этом фланге был некоторое время заметен претендовавший потом на роль лидера всей оппозиции Алексей Навальный). Другая часть – скорее напоминала западных фискальных консерваторов. Прежде всего, это «Вперед, Россия!» во главе с Борисом Федоровым и, в определенной степени, Демократический выбор России – Союз правых сил (Егор Гайдар, Борис Немцов и др.).

Стоит отметить, что даже те, кто пытался мобилизовать поддержку апеллируя к национальной традиции явно проигрывали ловким и неограниченным моралью популистам В.Жириновскому и, позднее, Д.Рогозину. То есть для того, чтобы получать дивиденды от националистической риторики, надо уметь встроить требования и позиции классического консерватизма (либерализма) в национальный контекст. Что вполне реально – экономическая свобода, несомненно, приводит к

усилению и общества, и национального государства. И убогий национализм нищеты куда менее прочен чем патриотизм свободного человека (что доказано примерами из истории Великобритании, США, Канады – см. феномен массового военного добровольчества, когда более половины сражающейся армии бывала укомплектована добровольцами[120]). Но Борису Федорову это не слишком удавалось, а Алексей Навальный оставил «опасную» националистическую риторику. Очевидно, ради привлечения в свою коалицию левых «проевропейских» либералов. То есть кратковременно укрепил свой актив пожертвовав долгосрочной перспективой электорального успеха. Что в условиях отсутствия свободных выборов казалось разумным компромиссом.

Западные политологи обычно относили к консервативным движениям и партиям также и Демократический выбор России – Союз правых Сил (ДВР – СПС). СПС был членом международного союза мейнстримных консерваторов – International Democratic Union. К консервативным ценностям СПС апеллировал крайне редко (к примеру, в случае кампании и довольно проработанной программы военной реформы, предусматривавшей ограничение призыва и комплектацию армии на добровольно-профессиональной основе).

Подробнее об истории русского консерватизма – от мыслителей XIX века до политиков конца XX-начала XXI вв. смотри Дополнительные материалы: «Очерки из истории русского консерватизма».[121]

Основные причины заката первой версии демократии налогоплательщика

Представление о неразделимости института Всеобщего избирательного права (Даль 2000; Тилли 2007) и демократии как таковой давно воспринимается как нечто самоочевидное. Пшеворский осторожно (Przeworski 2010), а Аджемоглу и Робинсон (Acemoglu, Robinson 2006) вполне категорично утверждают, что реальной альтернативы всеобщему избирательному праву нет. Утверждение обосновывается тем, что те группы населения, которые были его лишены исторически, добивались («героической борьбой») и добились отмены цензов. Эти авторы признают и роль элит

[120] Смотри подробнее Яновский, Черный (2016) «Возможности эффективных частных решений для обороны» https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2814525.
[121] https://doi.org/10.13140/RG.2.2.16459.09769

в этом процессе, но настаивают на том, что элиты отказались от цензов в страхе перед революциями (Acemoglu, Robinson 2000).

Однако тот же Пшеворский в другой работе (Przeworski 2009[122]) показывает, что в большом количестве случаев избирательное право было очевидным образом «даровано» власть имущими, а не завоевано лишенными представительства во власти группами. Анализ последовательности принятия решений о расширении круга избирателей (Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011) подтверждает предположение Пшеворского и показывает, что никакой реальной угрозы гражданской войны или нанесения значимого ущерба экономике группы требовавшие расширения избирательного права предъявить, за редким исключением, не могли. Наибольшая вероятность гражданской войны — в Великобритании — предшествовала Великой реформе 1832 г. и исходила от богатых, требовавших избирательных прав, но отнюдь не от бедных.

Во всяком случае, как отмечено выше, право голоса почти никогда не было вырвано силой или реальной угрозой. Единственный известный авторам крупный инцидент имел место в 1841 г. в штате Род-Айленд (Dorr war[123]). Попытка мятежа провалилась. Мятеж повлиял на некоторое расширение избирательных прав в 1843 г. Однако Конституция 1843 г. расширяла избирательное право на основе ценза по уплате налогов: «all taxpaying native-born adult males» («Все родившиеся в штате взрослые мужчины — плательщики налогов»).

Роджер Конглетон (Roger D. Congleton 2011) также бросает вызов гипотезе Аджемоглу—Робертсона о революционном происхождении демократии. Он развивает теорию эволюционного становления основных институтов современной демократии. Значительная часть его книги посвящена теоретическому обоснованию этой точки зрения. Еще большая часть отведена описанию страновых примеров становления демократических институтов путем «торга о конституционных нормах» («constitutional trade»). При этом автор констатирует, что основные качественные изменения ограничиваются XIX в. Именно тогда в старой демократии власть парламента и выборы,

[122] Версия статьи как Working papers Нью-Йоркского университета доступна пока здесь; http://as.nyu.edu/docs/IO/2800/suffrage_ext.pdf.

[123] См.: Steven Mintz. “Winning the Vote: A History of Voting Rights” (http://www.gilderlehrman.org/history-by-era/government-and-civics/essays/winning-vote-history-voting-rights/). Характерно, что даже этот либеральный историк признает партийный интерес в деле расширения избирательных прав до 1860 г., хотя и пытается обосновать тезис о том, что это право было завоевано.

основанные на широком участии, становятся отличительными чертами конституционного устройства.

При описании либеральной демократии рост доли взрослого населения, наделенного правом голоса, и защищенность фундаментальных прав[124] приводятся как естественные компоненты одного процесса (с. 16). Проблема ограниченной совместимости «universal suffrage» и гарантий частной собственности специально не рассматривается. Вероятно, автор относит само право голоса к фундаментальным правам. Поэтому он использует в качестве одного из индикаторов становления демократии «Quantitative indicators of Suffrage reforms» (с. 582—585).

Мы же склонны интерпретировать право голоса как полномочие и привилегию. Бесспорным правом, воспринимаемым в поколении отцов-основателей как часть конституционного договора, является только право голоса (representation) налогоплательщика[125].

Мы не оспариваем предположение автора о том, что влияние роста отдачи от масштаба производства[126] могло содействовать идеологическому сдвигу, в том числе поддержке идей всеобщего избирательного «права». Однако есть немало оснований полагать, что этот же фактор разжигал и откровенно антилиберальные, тоталитарные тенденции. Суммарный эффект, по меньшей мере, неочевиден.

В описанном механизме интересов, способствовавших становлению Всеобщего избирательного «права», наиболее очевидным кажется партийный интерес, а именно:

1) конкуренция — поиск партиями новых потенциальных избирателей среди взрослых, не наделенных правом голоса;
2) общий интерес партий как посредников между избирателями и кандидатами в возможно большем числе избирателей; рост массы избирателей объективно усиливает спрос на партийный механизм как со стороны избирателей,

[124] Права на жизнь и на защиту от произвольного ареста, свободу слова и мысли, на частную собственность.

[125] В наше время есть смысл уточнить: налогоплательщика, получающего доход из частных источников и уплачивающего налоги, заведомо и существенно превышающие доходы и личную долю в программах, оплаченных из бюджета.

[126] Это явление наблюдалось в XIX — первой трети XX века. С рядом изобретений, в частности с изобретением и распространением дешевого, надежного индивидуального электропривода в машиностроении, к середине 1920-х гг. (Wengenroth 1993) эту тенденцию можно считать более или менее исчерпанной. Ленин и его преемники верили в эффективность концентрации производства. Ленин считал наблюдаемые процессы предвестником социализма, облегчающим централизованное управление. Он даже успел заложить основы и соответствующей экономической политики. Таковы его указания «...закрыть возможно большее число неспособных работать заведений для концентрации производства в небольшом числе наилучше поставленных предприятий» (ПСС. 5-е изд, Т. 43. С. 258) и план электрификации.

экономящих на издержках поиска информации о кандидатах, так и кандидатов, снижающих издержки на предвыборную кампанию (с. 176).

Новые избиратели не требуют от правительства жить по средствам и балансировать бюджет. Главный критерий успешности правительства для них — масштаб перераспределения доходов и личный доступ к результатам такового. Голосуют такие избиратели в состоянии очевидного конфликта интересов — по сути за то, чтобы отнять заработанное другими людьми и распределить часть отнятого среди себе подобных.

Об опасности перехода к универсальной избирательной привилегии предупреждали Джеймс Мэдисон, Джон Адамс (Adams 2013), не говоря уже об Аристотеле. Аристотель описывал наиболее пригодную для организации массовой армии форму правления — «политию»: «Вот почему в такой “политии” верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет». Там же он предупреждал: «Разве справедливо будет, если бедные, опираясь на то, что они представляют большинство, начнут делить между собой состояние богатых? ...ясно, что если большинство, взяв себе все, начнет делить между собой достояние меньшинства, то этим оно погубит государство, а ведь добродетель не губит того, что заключает ее в себе, да и справедливость не есть нечто такое, что разрушает государство». Эти замечания объясняют, почему демократию как власть большинства взрослых граждан Аристотель считал уродливым отклонением от «политии» (Аристотель 1983, 457—460).

Бастиа в эссе «Закон» напрямую определял всеобщее избирательное «право», как одну из «пагубных идей узаконенного грабежа» (Бастиа 2023, 31). Дж. Кэлхун предупреждал об опасности раскола нации на «налогоплательщиков и налогорастратчиков». К тому, какая мощная политическая машина, основанная на регулярном узаконенном подкупе «налогорастратчиков» чиновниками социального государства, была построена в XX в. и как ее работа повлияла на консервативное движение, мы вернемся в следующей главе.

Выводы

Признаки, которые явным образом отличают среди сторонников свободы и ограниченной власти правительства консерваторов от классических либералов, вовсе не подразумевают единомыслия. Исторически в рамках высокой религиозности и преданности семейным ценностям, согласия относительно роли личных прав и защиты частной собственности, уважения армии и профессии военного наблюдались ожесточенные споры. Они велись об организации государственной власти (уровня централизации — автономии территорий), о рабстве (точнее, о способах и темпах изживания этого института), о структуре налогообложения и о распределении налогового бремени между территориями и отраслями, о выборе стандарта для обеспечения стабильности денег и при этом гибкости их предложения. Наконец, о том, как наилучшим образом оградить свободу и собственность от посягательств власти и завистливой толпы.

При этом мы видим, что идеалы свободы не вырастали в совершенном, законченном, благородном виде сразу. Идеи связи свободы и собственности, защиты семьи и гражданского общества бывали засорены страхом перед быстрыми переменами в экономике, урбанизацией, и нередко — ксенофобией. Идеи свободы торговли и предпринимательства часто бывали засорены самонадеянным атеизмом, претензиями на руководство переустройством общества на основе модных в среде интеллектуалов, но не проверенных на практике идей.

Авторитет человека никогда не мог конкурировать с авторитетом Божественных заповедей, поэтому классические либералы не только в нынешнюю, но уже и в ту эпоху были не в состоянии эффективно противостоять социалистическим и иным тоталитарным идеям. Коалиции с участием виднейших либералов часто включали самых настоящих социалистов. Наконец, именно либералы вдохновили социалистов на требование всеобщей избирательной привилегии. Они же несут ответственность за большинство попыток расширения этой привилегии без минимального анализа связи голосования с уплатой налогов, без установления четких критериев участия в выборах, основанных на вкладе в общее дело. Их пример подтвердил, хотя далеко не сразу, правоту Джона Адамса относительно того, на кого рассчитаны нормы американской конституции.

Важнейшим уроком классической эпохи, эпохи демократии налогоплательщика, является пример того, что политическая конкуренция как дополнительная защита от консолидации власти в руках одного или нескольких тиранов оказывалась вполне

возможной даже внутри идеологически весьма однородной (по современным меркам) консервативной — классически-либеральной политической среды.

4. Современный консерватизм в старых демократиях

Если премьер-министр желает вернуть потерянные
голоса консерваторов, ему бы стоило предложить
[хотя бы] что-то из консервативной политики[127].
(Джон Редвуд, консервативный политик,
комментируя поражение британских консерваторов
на местных выборах 5 мая 2023 г.)

Всю свою политическую жизнь я старалась избегать компромиссов
по той простой причине, что они, как правило, требуют
отступления от принципов. В международных делах они нередко
свидетельствуют о растерянности и слабости.
(Маргарет Тэтчер «Искусство управления государством»)

Основные компоненты коалиции и идеологии современного консерватизма

К концу XIX в. значительная часть организованного политического движения либералов отказалась от всех основных гарантий прав и свобод во имя завоевания нового, не всегда работающего и платящего налоги избирателя. Итоги первых шагов либерализма в этом направлении подвел еще в 1884 г. Герберт Спенсер в эссе «Новый торизм» (Спенсер 2025; Spencer 1884). После введения всеобщей избирательной привилегии в Великобритании, а затем и в большинстве других старых демократий, социалисты успешно вытеснили либералов с позиций ведущей партии. Сохранившие верность классически либеральным принципам остатки некогда мощного движения либо присоединились к консерваторам, либо пытались создать новое движение.

Те, у кого отрицание всемогущего неограниченного заботливого государства сочеталось с приверженностью иудео-христианской традиции или хотя бы ее принятием, принятием национальной традиции своей страны, естественно влились в консервативные партии. Те, кто верил исключительно в рациональный разум, научное

[127] «If the PM wants to win back lost Conservative voters he should try offering some Conservative policies. Cut taxes, get better value for state spending and go for growth». John Redwood (https://twitter.com/johnredwood/status/1654337698839011329/).

знание с будто бы вытекающим из него благонравием, кто чуждался религиозной и национальной идентификации, составили после Второй мировой основу множества интеллектуальных, реже политических, клубов. Они, как правило, именуют себя «либертарианцами» (Боуз 2022; Boaz 1997). Последний выдающийся лидер Австрийской школы Людвиг фон Мизес и его ученик Мюррей Ротбард, как правило, принимаются мало-мальски образованными либертарианцами в качестве своего рода интеллектуальных «отцов-основателей» рыхлого, раздробленного движения.

Любопытно, что крайне недовольная консерваторами — рыночниками, стоящими за свободную экономику в силу убеждения в богоугодности таковой Айн Рэнд (Рэнд 2003) сохранила остаточный элемент национализма, а именно понимание того, что не «все культуры одинаковы» и что современная цивилизация стоит неизмеримо выше окружающей ее дикости. По этой или по иным причинам рейндианцы оказываются иногда «программно совместимы» с консерваторами, в то время как либертарианские политические проекты либо стараются блюсти равноудаленность от консерваторов и от социалистов, либо едва ли не более враждебны именно консерваторам (Либертарианская партия в США, прежде всего, Институт Катона, скатившийся в 2020 г. на фанатично антитрампистские позиции[128]).

Если в конце XIX — в первой половине XX в. коалиции и партии сторонников большого заботливого правительства, «левые» по данному во введении к этой книге определению, опирались прежде всего на профсоюзы промышленных, строительных и транспортных рабочих, то после Второй мировой войны ситуация начинает постепенно меняться. Приток иммигрантов из бывших колоний, в которых уже начались гражданские войны и связанные с ними репрессии и голод, быстро показал преимущества «импортных» подданных бюрократии по сравнению с коренным населением. Новоприехавшие понятия не имели о «естественных правах человека». Они не понимали необходимости ограничений, налагаемых на власть правительства с тем, чтобы оградить индивидуальные права от тирании. Соответственно, они не были способны отстаивать свои права. У них на родине никаких «прав» ни у кого, кроме

[128] См.: https://www.cato.org/commentary/yes-trump-disqualified-office/. Либертарианцы, считающие демократичным исключение из бюллетеня непоследовательного сторонника капитализма и поддерживающие открытых и вполне последовательных социалистов, вызывают серьезные сомнения в отношении своих истинных убеждений. Увольнение сотрудника за пост, в котором он высказывает легитимные сомнения в честности выборов (Касьян, Жаворонков, Яновский 2021, см. также https://node-3.2000mules.com), прекрасно иллюстрирует приверженность Института как принципам свободы слова как основе конституционного строя США, так и свободе научной дискуссии https://www.bbc.com/russian/news-55667444 ; https://www.kommersant.ru/doc/4642179).

победителей в силовом противостоянии, т.е. кроме лидера-насильника, не было и быть не могло. Новые клиенты социальной бюрократии были поначалу весьма неприхотливы. Они с трудом адаптировались к новым условиям, а значит, создавали неограниченные во времени возможности для государственной «социальной заботы» о них.

Кому-то понравилась идея (взятая у антрополога Леви Стросса и вульгаризированная) о сопоставимости разных культур (к примеру, Леви Стросс [1975] 2000, 22—23) в том смысле, что каждая из них в конечном итоге обусловлена биологическими особенностями человеческого мозга и мышления как деятельности (Levi Strauss [1958] 1972). В старые добрые времена это воспринималось бы как научная база для расизма. В новой интерпретации она звучала уже как равенство всех культур. Эта интерпретация особенно привлекала после Второй мировой и шока от реализации идей национального социализма, основанного, кроме собственно социализма, еще и на идее биологически укорененного неравенства рас, этносов. Идея о равенстве, равнозначности всех культур несмотря на очевидную, казалось бы, ложность хорошо сопрягалась с идеей (биологического) равенства всех народов, рас и т.д. Ведь народ во многом суть продукт его культуры. По мере забывания религиозной традиции равенство культур стало включать «равенство», равноценность всех религий (кроме атеизма и ислама, конечно). Сохранение «культуры» дикарей, естественно, не могло способствовать их адаптации и неизбежно вызывало рост нагрузки на правоохранительные органы. Зато задача сохранения аутентичной дикости давала растущую занятость социальным бюрократам.

В силу надежды на «естественно-природный консерватизм» и на возможности создать себе стабильную и контролируемую базу избирателей многие консервативные политики поддерживали такие программы вечной заботы. Подробнее мы остановимся на консервативных пирамидах «патрон—клиент» ниже. Однако заметим, что надежда на то, что дикари, как люди семейные и религиозные, могут стать добрыми консерваторами, оказалась совершенно безосновательной. Она ведь, по сути, основывалась на той же абсурдной вере в равенство культур. На концепции, подразумевающей, например, что семья, создаваемая добровольно свободными мужчинами и женщинами — это то же самое, что семья в обществе, где принуждение к вступлению в брак едва ли не норма.

В результате консерваторы, естественно, почти ничего не получили от потока новых иммигрантов из стран азиатской или африканской культуры, а левые получили весьма проблематичный, склонный к насилию отряд избирателей, к тому же и почти

совсем неуправляемый (т.е. первоначальные надежды на управляемость провалились, как только внутри общины неадаптируемых не выстроились заново привычные пирамиды власти и подчинения, основанные на насилии).

Более удачной оказалась старая идея, зафиксированная еще в Коммунистическом манифесте. В результате войны феминисток и социальных бюрократов против институтов семьи и брака продукты распада таковой — матери-одиночки, а затем и трансгендеры, стали питательной средой для пополнения актива радикальных левых сил.

Правда, напуганные как ростом преступности, так и демпингом мигрантов на рынке труда, а также социальной инженерией левых, традиционные избиратели левых — рабочие постепенно начали утрачивать лояльность социалистам.

***

Одной из практичных, «времясберегающих» стратегий при формировании идеологического багажа — как консервативных политиков, так и их избирателей — религиозных, патриотически- и семейноориентированных, стала стратегия «держать дистанцию от них...» То есть вместо того, чтобы следовать набору принципов и идей, проверенному веками, они предпочли использовать (во имя единства нации, всеобщей дружбы и любви) только те идеи, которые не слишком шокируют оппонентов.

Допустим, что давление со стороны оппонентов связано с быстро преходящими обстоятельствами, а не с постепенным сломом всех основных институтов свободного общества бывшими оппонентами, а ныне врагами. Допустим даже, что партии сторонников неограниченного правительства — суть заблуждающиеся сограждане, а не враги. Допустим, что социал-демократы и лейбористы — это современная версия либералов, может, чуть менее интеллектуальная. Допустим, наконец, что они желают стране блага, а не полного разрушения во имя своих страшных фантазий. Даже и тогда такая стратегия, основанная на полном отказе от инициативы, от интеллектуального и морального лидерства была бы вредна. Однако она не приносила бы большого вреда хотя бы на короткой дистанции.

В результате стратегии «держать дистанцию» религиозные консерваторы зачастую соглашались «в духе времени» поставить во главе религиозной общины женщину, разрешить или очередной раз упростить разводы, потом принять на равных «гордых» пропагандистов, запрещаемых иудео-христианской традицией отношений. Принять в качестве едва ли не союзников сторонниц не просто разрушения, но выжигания институтов семьи и брака, когда те сами столкнулись с вызовом маргинализации со

стороны черных и иных не белых расистов, исламистов и трансгендеров. Наконец, главное, отправлять детей в государственные школы и в университеты, отказавшись от попыток контроля — не промывают ли им там мозги. Сдача позиций достаточно быстро — в течение жизни поколения — приводит к распаду семей и общин, согласившихся с тем, что держаться неизменных принципов старины — значит оттолкнуть часть потенциальных сторонников, в том числе из числа молодежи (Eberstadt 2013). Молодежь, часто склонная требовать великой цели и решительности, последовательности в ее достижении, воспринимает такие уступки как признак трусости, слабости, неуверенности, а то и отсутствия искомой ею великой цели. В результате ищущие такой цели и смысла нередко оказываются в объятиях новых левых — антикапиталистов, а то и радикальных исламистов (Яновский 2023b).

Великобритания

Строительство социального государства на руинах гражданского общества

Основным успехам в деле строительства социального государства в Великобритании предшествовало создание государственной монополии на радиовещание. British Broadcasting Corporation (BBC), основанная в 1922 г., с 1927 г. финансируется принудительно собираемыми с налогоплательщика деньгами. Во главе корпорации стоял консервативный аристократ Джон Рейт. Консервативным он был, однако, совсем не в том смысле, что и Маргарет Тэтчер. Рейт был убежден в том, что невежественные люди нуждаются в опеке и просвещении, и в этом видел свою и радиокорпорации миссию. То ли потому, что среди консерваторов оказалось немало единомышленников Рейта, а среди набравших силу лейбористов — умных людей, быстро заметивших идейно близкого, или в силу еще и иных причин, но корпорации удалось быстро завоевать независимость от избираемых политиков, т.е. от тех самых избирателей, которых взялся поучать Джон Рейт.

Подробнее об истории BBC и иных, чуть более молодых «общественных» радио- и телевещателей смотрите в главе 2 и приложении к ней в книге Лисина, Яновского Черного и др. (2011). Характерно, что, даже получив подавляющее большинство в

парламенте на выборах 1935 г.[129], консерваторы не догадались (или не решились) лишить BBC, казалось бы, очевидно противоестественной и несправедливой монополии, а равно и государственного финансирования. Первая попытка была предпринята консерваторами только в 1951 г., когда BBC оказалась уже достаточно сильной, чтобы минимизировать ущерб для себя (Там же).

В годы войны главным конкурентом BBC оказалась пропагандистская машина нацистской Германии, так что завоевать репутацию качественного и правдивого СМИ оказалось на таком фоне несложно. За 20 с лишним лет Рейт и его коллеги добились многого. В частности, убедили многих британцев в том, что отменно работавшая система частного некоммерческого здравоохранения должна быть заменена вообще не имеющей слабых мест социалистической системой. Эту реформу удалось провести в 1948 г. лейбористскому правительству, не вызвав массовых протестов. National Health Service (NHS) превратилась в символ провала социалистической системы в некогда капиталистической Великобритании.

Даже поняв оплошность, избиратели не могли проголосовать против NHS быстро и «ногами» — т.е. вернувшись в некоммерческие больничные кассы, поскольку работа последних была поставлена вне закона лейбористами одновременно с запуском работы NHS. Сами реформаторы прекрасно понимали риски, хотя и верили в конечный успех. Они не скрывали даже того, что разгром частного конкурента нужен для обеспечения необратимости реформ в период, когда новая система будет работать заведомо хуже старой (Грин 2009; Green 1993). Тогда, правда, левые еще верили, что когда-нибудь социалистический монстр в силу эффекта экономии от масштаба превзойдет по качеству частную инициативу.

Шутники расшифровывали аббревиатуру как No Health Service. Однако свои бюрократические задачи структура решала вполне успешно. Она сохраняла свои позиции при консерваторах и распухала, наращивая нагрузку на экономику, при правлении лейбористов (см. рис. 2).

[129] См.: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/

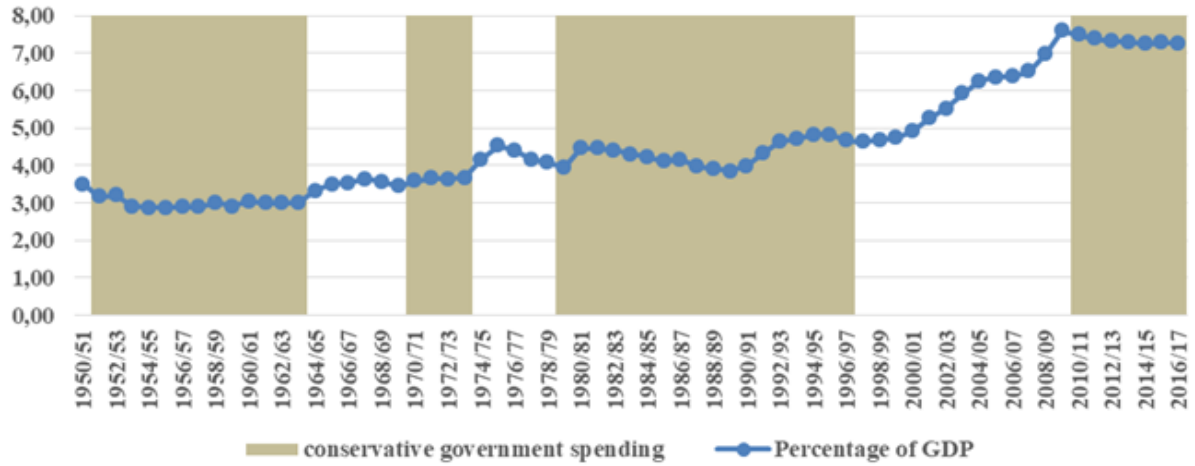

Рис. 2. Консерваторы и расходы правительства Великобритании на Национальную службу здравоохранения — National Health Service (NHS) как доля в ВВП (%)

Источники: Appleby J. (2018) 70 years of NHS spending, Nuffield Trust comment. https://www.nuffieldtrust.org.uk/news-item/70-years-of-nhs-spending; https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf

Консерваторы в Британии явно не стремились наращивать расходы на государственного монстра здравоохранения темпами, опережающими экономический рост, пока не сдались во время эпидемии COVID-19. По данным ОЭСР (OECD 2023) общие государственные (или принудительные) расходы на здравоохранение после 2017 г. подскочили с 7,8 до 9,9% в 2021 г. Следует отметить, что снижение расходов относительно ВВП происходило при рецессиях и депрессиях, особенно заметно в 1974—1979 гг. — при депрессии, запущенной скачком цен на нефть, начиная с конца 1973 г., т.е. не в силу политической решимости сторонников личных прав, свобод и ограниченного правительства противостоять аппетитам социалистического монстра, а по сугубо экономическим причинам.

Главное, что отличало послевоенную эпоху до реформ М. Тэтчер — это не нюансы, пускай и заметные, между позициями консерваторов и лейбористов, а широкое поле консенсуса, причем почти исключительно вокруг позиции лейбористов, а не вокруг компромиссов.

Потому-то реформы Тэтчер и вызвали столь яростную реакцию как слева, так и в собственной партии со стороны сторонников социального мира с теми, чьи аппетиты невозможно насытить — так называемых wets — «сырых», нерешительных, отказавшихся от идеологии в пользу прагматизма и компромисса консерваторов (Перегудов 1996).

Широкое согласие и «новейший торизм»

Напомним основные позиции послевоенного консенсуса (Morgan [1984] 2001; Громыко 2007; Перегудов 1996):

- огосударствление социальных услуг, в частности, упомянутое выше создание лейбористами National Health Service без сопротивления консерваторов;
- доминирование вещания, принудительно оплачиваемого налогоплательщиками, в политико-новостном сегменте медиарынка;
- неприкосновенность профсоюзов, стачек и пикетов (возможность для забастовщиков, по сути, захватывать частную собственность хозяев и не допускать на рабочие места тех, кто готов работать на действующих условиях);
- принудительная забота о потребителях путем жесткого регулирования бизнеса;
- пенсионная система прусского типа, оплачиваемая в основном из текущих налогов и сборов;
- расширение государственной заботы обо всех «нуждающихся» фактически с поощрением оставлять работу.

Великобритания понесла большие потери от роста мощи профсоюзов, от борьбы со «сверхприбылями» и т.п. еще до Второй мировой войны (Albu 1976; Robbins Hanson et al 1978). Победа лейбористов на выборах 1945 г. усугубила ситуацию, а возвращение к власти консерваторов в 1951 г. ничуть ее не исправило (Ibid.). Экономика страны в 60-е гг. с возрастающими трудностями выдерживала разбухание социального государства. Высокие налоги, сужающиеся возможности найти высокооплачиваемую работу или начать свой бизнес, рост насилия при забастовках, нарушающих нередко нормальный ход жизни людей — все это вызывало растущее раздражение избирателя (Morgan 1984; Перегудов 1996). При этом «старой гвардии» консерваторов идея ускорения экономического роста посредством арсенала «волшебных палочек» в руках государства была чрезвычайно близка (Перегудов 1996, с. 28—29).

На волне раздражения социалистическими экспериментами консервативная партия во главе с Эдвардом Хитом одерживает победу на выборах 1970 г. под лозунгом «консервативной революции». Партия обещала ужесточить позицию в отношении профсоюзов, резко сократить государственное регулирование бизнеса и социальные программы, стимулирующие паразитизм. Таким образом, к концу 60-х гг. произошло

чисто электоральное исчерпание модели «государства всеобщего благоденствия» в Великобритании. «Консервативная революция», однако, была свернута менее чем за год под давлением «старой гвардии» консерваторов и, разумеется, экспертов (Перегудов 1996, 29). Произошел знаменитый «поворот на 180 градусов» — по-английски U-turn (1970)[130]. Избиратели и активисты консервативной партии оказались обманутыми. Такие повороты и обманы, однако, с тех пор стали особенно часто повторяющейся в разных странах практикой лидеров консервативных партий.

Феодальная традиция символической «обязанности» сеньора, лорда в отношении «своих» крестьян, несмотря на крайне ограниченную полезность для опекаемых, сохраняет неизменную привлекательность в глазах и «простых людей» и, в особенности, тех, кто мнит себя элитой. Это то самое явление, которое раздосадованный предательством бывших единомышленников-либералов Герберт Спенсер называл «новый торизм». В данном случае такое обозначение имеет хотя бы какую-то основу. Британские консерваторы исторически действительно происходят от «тори».

Людвиг Эрхард (на чьей работе в Западной Германии после Второй мировой войны мы остановимся ниже), представитель оккупационных властей, бывший в шоке из-за отмены немецким министром рационирования товаров и кричавший: «Как вы посмели ослабить систему рационирования в условиях острой нехватки продовольствия?!» — спокойно ответил: «А я не ослабил ее, я ее отменил». Военный губернатор американской зоны генерал Люциус Клей по поводу того же решения: «Мой советник сказал мне, что Вы совершаете ужасную ошибку! Что Вы скажете на это?» — «Не обращайте на него внимания, — ответил Эрхард. — Мой советник сказал мне то же самое»[131].

Чтобы противостоять такому давлению, основанному на мнении давно и тщательно просеянных государственными чиновниками «экономических экспертов» (Yanovskiy, Socol 2023), нужно было иметь совершенно исключительные качества Эрхарда. Последний к тому же был новичком в политике и не привык к маневрам вокруг решений и принципов, очевидно, правильных.

Реформы Тэтчер. «Эта леди не вертится»

[130] См: https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/edward-heath/

[131] https://www.econlib.org/library/Enc/GermanEconomicMiracle.html. См. также: Эрхард 1990, 28. Правда, сам Эрхард акцентирует там терпимость Клея к его строптивости и благодарит генерала за его поддержку.

В случае Великобритании обязательства правительства Хита (1970—1974) оказались скорее отложенными, нежели отмененными. Одно из важных объяснений этого — организованность и структурированность гражданского общества: от множества клубов, неправительственных организаций, на основе которых вырастали крупные структуры, такие как Альянс налогоплательщиков (Tax Payers' Alliance — TPA[132]) до независимых от бюрократии экспертных организаций. Наиболее известная из последних — Institute of Economic Affairs, в работе которого принимали участие многие ведущие консервативные и классически либеральные интеллектуалы, включая Фридриха Хайека[133], Джона Бартона, а также выдающиеся американские экономисты — Милтон Фридман, Джеймс Бьюкенен, Рональд Коуз и др.

В результате усилий активистов консервативной партии, опиравшихся на эти структуры гражданского общества, контроль «старой гвардии» внутри консервативной партии оказался ослабленным. Не желавшего взять на себя груз поражения на выборах 1974 г. и уйти Хита удалось отстранить. Он провалился на ранней стадии многоступенчатых выборов лидера. Также провалились попытки «старой гвардии» заменить одного из «заботливых консерваторов» на другого (речь шла о Майкле Хезлтайне — Michael Heseltine). Партию возглавила один из лидеров правого крыла Маргарет Тэтчер (Перегудов 1996, 32—46).

В отличие от своего предшественника, бывшего премьера Эдварда Хита, М. Тэтчер отказалась уступить давлению прагматиков, о чем прямо и с гордостью, в присутствии Хита, заявила партийному активу на конференции Консервативной партии в Брайтоне 10 октября 1980 г.

«Тем, кто, затаив дыхание, ждет, как это называют СМИ — "разворота на 180 градусов", могу сказать только следующее. Вы можете вертеться как вам заблагорассудится. Леди [я здесь] не для того, чтобы вертеться»[134], — заявила премьер-министр под аплодисменты делегатов — партийного актива и в присутствии неподалеку от нее в президиуме Эдварда Хита — «героя» U-turn. Как видно на видео, данный пассаж был принят с особым восторгом аудиторией активистов партии[135].

---

[132] См.: https://www.taxpayersalliance.com/about/

[133] См.: https://iea.org.uk/wp-content/uploads/2023/08/IEA-Timeline-corrected.pdf

[134] https://www.margaretthatcher.org/document/104431/ «To those waiting with bated breath for that favourite media catchphrase, the "U" turn, I have only one thing to say. "You turn if you want to. The lady's not for turning." I say that not only to you but to our friends overseas and also to those who are not our friends» (дата обращения: 05.03.2023).

[135] См.: https://www.youtube.com/watch?v=rQ-M0KEFm9I/

Решительность проявлялась не только в словах, но и в делах. Уже за первые без малого полтора года работы правительства было отменено регулирование обмена валюты, действовавшее в предыдущие десятилетия. Инфраструктурные отрасли (транспорт, производство электроэнергии и другие) открывались для частных инвестиций и для входа на рынок частных конкурентов. Независимость Великобритании обеспечивалась снижением государственного долга.

Пенсионная реформа превратила полностью государственную систему в куда более гибкую и устойчивую (см.: Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный 2018, гл. 10 «Опыт реформ в Великобритании и Чили»). Были созданы условия для дальнейшей приватизации сбережений на старость уже без участия государства. Однако таковой приватизации не произошло.

Государство начало избавляться от активов — результатов национализаций лейбористскими правительствами.

BBC не была раздроблена и приватизирована, но на рынок было допущено множество конкурирующих телеканалов. При этом бандитизм профсоюзов, пытавшихся не допустить к реальному управлению своими активами Руперта Мердока, купившего ряд британских газет, был пресечен силой.

Как разговаривать с бандитом

Вопрос, поставленный перед обществом и избранным лидером о том, как реагировать на захват Аргентиной Фолклендских островов, сводился к вечному вопросу о том, как реагировать на агрессию бандита: пытаться откупиться от него или атаковать бандита, чтобы уничтожить или хотя бы проучить его? Ответ «сложившегося консенсуса» был очевиден. Экономическое значение Фолклендов практически нулевое. Население незначительное (менее чем 2 тыс. человек на 1983 г.)[136], и эвакуировать его было бы несложно (на порядки меньшее, чем число вынужденных бежать из Алжира французов и лояльных Франции арабов). Издержки «прагматичной капитуляции» не шли ни в какое сравнение с издержками аналогичного решения Шарля де Голля капитулировать перед алжирскими мятежниками в 1962 г., поэтому разговоры о

[136] См.: https://www.falklands.gov.fk/policy/images/2021_Census_-_Preliminary_Data_Tables.xlsx

дипломатическом решении немедленно зазвучали во всю мощь, будучи энергично поддержанными «общественной» BBC.

Если избиратель и представляющий его политик живут только сегодняшним днем, отказ от далеких островков — единственное разумное решение. Однако учет интересов будущих поколений дает совсем иную перспективу. Готовность к уступкам ведет к новым вызовам, и, отдавая по деревне, по кварталу, можно в конце концов отдать все и прекратить существование своего народа.

Избранный лидер Великобритании решила, что бандита надо проучить, и настояла на своем решении. К ужасу просвещенных социальных бюрократов, война закончилась быстрой победой Великобритании и привела к переизбранию Тэтчер на новый срок.

Гонконг и мир на Ближнем Востоке

К сожалению, подобный подход не был применен М. Тэтчер в отношении КНР и Гонконга, жители которого были отданы на милость коммунистических правителей из Пекина вместо обретения независимости или передачи, например, под суверенитет правительства гоминдановского Китая — Тайваня. Правда, окончательные решения были приняты уже после того, как М. Тэтчер оставила пост премьера. По совместной Декларации декабря 1994 г. правительство признавало датой истечения аренды «Новых территорий» 1 июля 1997 г., хотя договор 1899 г. касался лишь части Гонконга, примерно половины, а другие по межгосударственным договорам принадлежали Великобритании. В обмен китайские коммунисты согласились на принцип «одна страна — две системы» с сохранением в Гонконге и современного капитализма, и местного самоуправления, и полиции, и правовой системы, сроком на 50 лет. Некоторое время они соблюдали эти договоренности, однако, осмелев, в 2019—2021 г. фактически полностью лишили Гонконг автономии, развернув широкие репрессии. Как несложно заметить, 50 лет с 1997 г. еще не прошло. В этом и особенность дипломатии с диктаторами — эта дипломатия лишь тогда чего-то стоит, когда она подкреплена силой, в то время как диктаторы требуют односторонних уступок, ничего не обещая взамен. То же самое ведь раньше было продемонстрировано и вьетнамскими коммунистами, которые подписали мирное соглашение с США в 1973 г., а когда добились вывода американских войск с Юга, возобновили боевые действия и захватили его.

Даже цитата из эпиграфа к этой главе о сомнительности компромисса как принципа ведения дел в политике имеет продолжение: «Однако с годами я пришла к заключению, что арабо-израильский конфликт — исключение. Компромисс здесь действительно необходим. Потому, что обе стороны имеют бесспорные моральные основания...» «Моральные основания» Арафата, Аббаса, Хание, Фатха и ХАМАСа действительно бесспорны.

Экспериментально и немалой кровью установлено, что компромисс с дикарями на Ближнем Востоке как раз наиболее разрушителен и аморален (см. историю и статистику террора против евреев на территории Земли Израиля: Yanovskiy, Zatcovetsky, Ginker 2018), что дикарь, как и во времена покорения Британией Судана, в котором участвовал молодой Уинстон Черчилль, прекрасно понимает силу. В отсутствие традиции уважения прав личности и человеческого достоинства он совершенно спокойно воспринимает унижения, особенно, если унижающий делом доказал непобедимость своего насилия. Сила — от Всевышнего, верят арабы- мусульмане, как и многие-многие другие группы (как верили в это европейцы в Средние века, когда практиковались «судебные поединки»). Тот, кто сильнее, кто победил, тот и прав, тот и «морален» (см. записки о близости культур современных левых и исламистов[137] и о применимости процесса «денацификации» в отношении населения, поддерживающего ХАМАС и другие террористические организации Ближнего Востока[138]).

В данном случае, однако, ответственность за постановку эксперимента несет не ошибавшаяся М. Тэтчер. Ее несут израильские левые политики, судьи и бюрократы. Ответственность за продолжение эксперимента, стоившего жизни свыше тысячи двухсот пятидесяти гражданских[139] (не считая гражданских жертв 7 октября 2023 г.), т.е. за то, что он не был прерван немедленно по итогам выборов 1996 г., несут отчасти также и партии «национального лагеря», прежде всего, — партии «Ликуд»[140].

Следует также напомнить о совместном проекте Великобритании и ЮАР по передаче Южной Родезии под власть террористов, главным достижением которых во время войны в лесах было уничтожение гражданских самолетов с убийством выживших

[137] См.: Исламизм и современные левые: неслучайные совпадения. https://www.academia.edu/108751909/
[138] См.: О денацификации Газы, Иудеи и Самарии. Материалы для обсуждения. https://www.academia.edu/109546549/
[139] См. статистику в приложении к Yanovskiy, Zatkovetsky, Ginker 2018; первоисточник данных — Институт национального страхования — Битуах Леуми, сайт «жертв враждебных действий»: https://laad.btl.gov.il/Web/He/TerrorVictims/Default.aspx
[140] См.: https://main.knesset.gov.il/About/History/Pages/KnessetHistory.aspx?kns=14/

при крушении[141], а при нахождении у власти — разорение развитого сельского хозяйства, нехватка продовольствия[142] и гиперинфляция (Hanke, Kwok 2009). Выступить тогда против «международного сообщества» было весьма непросто, но и забывать этот урок не следует.

Все они дополнительно подтверждают опасность компромисса за пределами ситуаций конфликтов внутри свободного, развитого гражданского общества. Общества, которое функционирует при ограниченном конституционном правительстве и само ограничено строгой иудео-христианской моралью, т.е. вне ситуаций, которые встречались в XIX в. в отдельных странах (США, Швейцария), но относительно редких в человеческой истории. Компромиссы со сторонниками передела собственности, не говоря уже о дикарях, неизменно приводят к тяжелым, если не катастрофическим последствиям.

«Сочувствующий консерватизм» и возвращение «широкого консенсуса»

По всей видимости, общей проблемой даже наиболее успешных экономических реформ в рамках социального государства является рост аппетитов перераспределительных коалиций и групп специальных интересов. Чем успешнее реформа, чем быстрее растет размер «национального пирога», передел которого является нормой, тем сильнее стимулы бюрократов, профсоюзных и левых политических деятелей добиваться «адекватной доли» (fair share) в этом пироге. Если им нельзя ответить однозначным «нет» — у этого государства при этой конституции нет власти брать все и делить, а налоги можно тратить, по большому счету, только на армию, — вопрос времени, когда период реформ сменится периодом передела, проедания накопленного.

Основные политические инструменты передела и контрреформ — зависимый от социального государства избиратель и независимость от избираемых политиков чиновничества. В сочетании с собственно партиями, представляющими чиновников и

---

[141] См.: https://web.archive.org/web/20080307203237/http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,916377,00.html

[142] См.: https://www.unicef.org/zimbabwe/press-releases/zimbabwe-rated-one-worlds-top-global-food-crises-new-united-nations-report ; https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC_2020_ONLINE_200420.pdf (pp. 34—36).

клиентов «щедрого» государства, эта машина в состоянии удерживать контроль над ситуацией, даже не имея большинства в парламенте или президента- единомышленника.

В такой ситуации даже у депутатов, формально представляющих налогоплательщика, растут стимулы вспомнить о «старой доброй» функции «заботливого» (не за свой счет, естественно) аристократа, и постараться «добыть» что-то из бюджета для своего округа или своей группы избирателей.

К 1990 г. такая ситуация имела место в Консервативной партии. Всевозможные «умеренные» и «сочувствующие» (бездельникам за счет налогоплательщика) вновь активизировались и добились отставки Маргарет Тэтчер. Новый лидер консерваторов и премьер — Джон Мейджор (John Major) привел к победе на выборах 1992 г. уже совсем иную партию.

Хотя реформы по дерегулированию бизнеса и приватизации Тэтчер не были обращены вспять и даже продолжались некоторое время (Громыко 2007), тенденции к перераспределению стали очевидны для любого заинтересованного наблюдателя. Достигнутый с большим трудом к концу эпохи Тэтчер профицит бюджета немедленно после ее отставки сменился на растущий дефицит. Одним из весьма заинтересованных наблюдателей этого процесса оказался крупный спекулянт Джордж Сорос. Он, естественно, обратил внимание на то, что обменный курс британского фунта пока не учел произошедших после отстранения Маргарет Тэтчер перемен в государственных финансах (см. рис. 3 ниже).

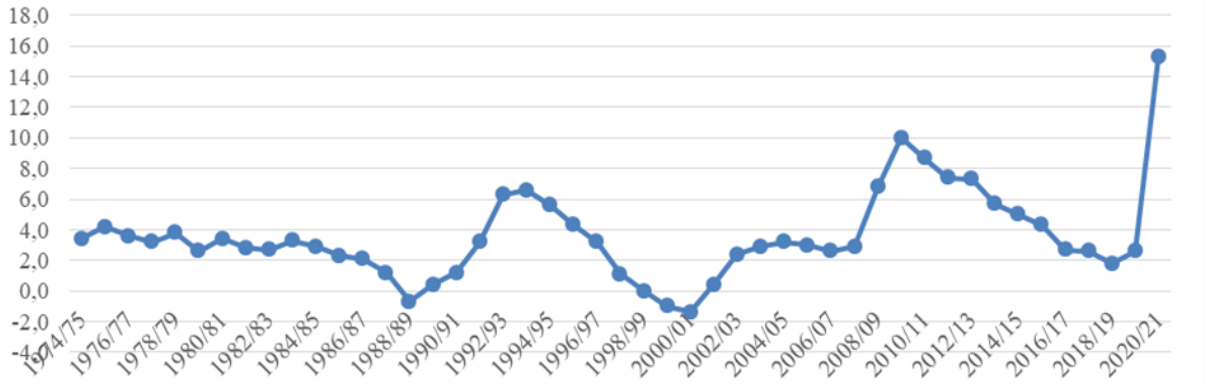

Рис. 3. Дефицит бюджета центрального правительства как доля ВВП (%), Соединенное Королевство, 1973—2021 финансовые годы

Источник: Office for National Statistics — UK government debt and deficit[143]

[143] См.: https://www.ons.gov.uk/economy/governmentpublicsectorandtaxes/publicspending/bulletins/ukgovernmentdebtanddeficitforeurostatmaast/september2021/

16 сентября 1992 г. принадлежащий Сorосу фонд Quantum приобретал и продавал британские фунты[144]. Власти Британии при этом пытались во имя предсказуемости торговли, с одной стороны, и европейских ценностей (!) — с другой, поддерживать фиксированный курс фунта к сильной немецкой марке. Инициатором присоединения к системе координации валютных курсов в рамках ЕС в 1990 г. был лично Джон Мейджор (тогда еще — министр финансов — канцлер казначейства). В результате, продав значительное число фунтов по фиксированному курсу и побудив множество иных игроков последовать его примеру, продавая фунты, Сорос истощил резервы Великобритании и заработал на спекуляции, рассчитанной на падение слабого фунта, более миллиарда долларов[145]. Ущерб Британии оказался на порядок большим — были потрачены десятки миллиардов в оказавшейся бесплодной попытке удержать обменный курс фунта к немецкой марке.

Потери понесли, естественно, и многие рядовые британцы, во имя «заботы» о которых консервативная партия Мейджора как раз и ослабляла государственные финансы, тратя незаработанное.

«Эксперты», как проправительственные, так и оппозиционные, рассуждали о «недостатке профессионализма» правительства консерваторов (Morgan [1984] 2001). О том же говорили и депутаты-консерваторы. В чем мог заключаться «профессионализм» Мейджора, не вполне понятно. Как политик, он следовал требованиям и интересам своей группы поддержки в Парламенте и в партии. Никакой профессионализм не мог бы удержать фунт от падения в условиях, когда он оказался переоценен. Обязательства по фиксированному курсу были частью попытки «заботы» об избирателе умеренных консерваторов. Таким образом, основой кризиса был порочный политический выбор партии, которого в условиях социального государства было трудно избежать (не вернув избирательные цензы и не демонтировав социальные программы и обслуживающую их бюрократию).

В результате закономерно на выборах 1997 г. избиратель предпочел партию неизменной и всесторонней социальной заботы лейбористов — консерваторам. Впрочем, лейбористы под руководством премьера Тони Блэра (Tony Blair) оказались сравнительно умеренными и не переусердствовали в заботе.

---

[144] См.: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-09-16/black-wednesday-soros-and-the-pound-a-brexit-rehearsal-30-years-ago-today/

[145] См.: https://priceonomics.com/the-trade-of-the-century-when-george-soros-broke/

Консерваторам же удалось вернуться к власти только в 2010 г. в коалиции с либералами. Это правительство возглавил лидер более чем умеренных Дэвид Кэмерон. Другая, еще более умеренная дама — Тереза Мэй стала министром внутренних дел, возглавив Home Office (МВД). Она свято оберегала традиции, заложенные лейбористами в сфере охраны общественного порядка. Воспитанная при ее участии и заботе полиция проявляет решительность не в борьбе с преступностью, а в борьбе с самообороной граждан — даже в скандальном случае со стариком, атакованным грабителем в собственном доме[146]. Ее кадры без тени стеснения объявляли публике, что если вы говорите на хорошем английском и не старики, можете не обращаться в полицию в случае грабежа — полиция имеет право (!) проигнорировать ваше обращение за помощью[147]. Ну, а что бывает в случае попытки защититься своими силами, читатель уже понял. Ситуация для законопослушных граждан усугубляется тем, что среди преступников высокий процент составляют выходцы из «уязвимых групп и слоев населения».

В качестве оправдания власти ссылаются на «монополию государства на применение насилия», институт совершенно чуждый правовой системе обычного права (права обычая — Common Law), но, главное, опасный и аморальный, поскольку преступники заведомо не уважают эту «монополию». Зато они получают благодаря этой монополии фору в борьбе против законопослушных граждан. Очевидно, что приличный богобоязненный консерватор, признающий жизнь даром свыше, не может принять лишения граждан естественного, не властью, а свыше данного права на самооборону. Также очевидно, что вызванная истерической реакцией Бёрка на Французскую революцию идея «отказа народа от права на восстание» и, как следствие, принудительного разоружения с «монополией государства на насилие» не только фактически не имела под собой оснований[148], но и привела к тяжелым, невероятно трудно исправимым последствиям.

Полиция, возможно, не сразу, но разобралась, что нововведения дают ей возможность прекратить рисковать жизнью, защищая граждан, и при этом исправно получать зарплату. Растет число сотрудников, занятых борьбой с Hate Speech в

---

[146] См.: http://www.bbc.com/news/uk-england-london-43639183/

[147] https://www.standard.co.uk/news/crime/don-t-expect-police-to-come-out-after-a-crime-if-you-re-healthy-middleaged-and-speak-good-english-a3619956.html

[148] Не было ни соответствующего акта парламента, ни каких-то иных событий, дававших основания для такой трактовки. Зато был пример американских колоний и реальной угрозы гражданской войны с промышленниками Северной Англии, которая заставила провести Великую избирательную реформу (см. сюжет о Великой реформе 1832 г. в главе 3).

интернете и т.п. (подробнее мы анализируем проблему «ленивого полицейского» в книге 2018 г. (Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный 2018, гл. 3, пар. «По пути наименьшего сопротивления»). Близким направлением развития «замещающей активности» полиции становится «работа» по записи фольклора о преступлениях израильской военщины (тут также расходы минимальны, риски нулевые, записанные тексты представляются в качестве отчетности)[149].

Представим себе на минуту, что современная Британия сохранила право на вооруженную самооборону – и индивидуальную, и коллективную (с теми самыми хорошо организованными ополчениями, о которых напрямую говорится в тексте Второй поправки). Уродливое явление – господства на улицах британских городов банд насильников – выходцев из культурно отсталых стран (Grooming gangs[150]) было бы в принципе невозможно. Не только в том масштабе, который оно приобрело. Единичные случаи вывели бы организованных вооруженных британцев на улицы. Отправка против них армии была бы очевидно сопряжена с риском бунта – с отказом военных выполнять приказы. Такая перспектива заставила бы подчиниться вооруженному избирателю даже самых отъявленных поборников политической корректности и мультикультуральности.

Задолго до выборов в окружении Кэмерона обсуждалась концепция «сочувствующего консерватизма» (compassionate conservatism) — своего рода гибрида классических консервативно-либеральных ценностей с новейшим радикальным социализмом, с его мультикультуральностью и политкорректностью вместо вечных ценностей, укорененных в Синайском откровении. Несмотря на усилия по реализации этой концепции в 2010—2015 гг., критики консерваторов остались недовольны «недостаточной» капитуляцией идей свободы перед новыми веяниями (Bochel, Powell 2018). В частности, их возмутила речь премьера на конференции 5 февраля 2011 г. в Мюнхене по проблемам безопасности, в которой он вынужден был признать, что консервация некоторых ценностей под защитой «государственного мультикультурализма» не ведет к интеграции (в частности мусульман), но ведет к радикализации и террору[151].

---

[149] См.: https://www.newsmax.com/newsfront/uk-scotland-yard-probes/2024/01/08/id/1148664/

[150] См. к примеру: https://www.dailysignal.com/2026/03/19/americans-learn-from-the-uks-grooming-gang-scandal/; https://www.economist.com/britain/2025/06/18/the-grooming-gangs-scandal-is-a-stain-on-the-british-state; https://news.sky.com/story/grooming-gangs-scandal-timeline-what-happened-what-inquiries-there-were-and-how-starmer-was-involved-after-elon-musks-accusations-13285021.

[151] См.: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference 2011 (дата обращения: 24.12.2023).

Правительство Кэмерона, однако, проявило сочувствие к гомосексуализму (с однополыми браками[152]), к «уязвимым» бедным (или не очень) преступникам, а также к чиновникам NHS, соответственно, отказало в сочувствии преданным семье и браку гражданам, к законопослушным гражданам — жертвам преступности. Не было заметно сочувствия руководства консерваторов к малышу Чарли Гэрду, родителям которого запретили вывезти его на лечение в США и приговорили (судьи под диктовку «экспертов» — чиновников NHS) к «смерти с достоинством» (Hammond-Browning 2017; Wilkinson, Savulesku 2018). По «профессиональным» рекомендациям последних судьи и вынесли чудовищный приговор, бросив новый вызов семье, правам родителей, которые, оказывается, не могут лишить ребенка «права на такую смерть». Ради «достоинства» NHS и был наложен запрет на вывоз, ведь в случае успеха лечения сравнения государственной медицины с частной вызвали бы неприятные вопросы публики (см. подробнее: Yanovskiy, Socol 2021).

Таким образом, «сочувствующий консерватизм», равно как и «обливающееся кровью сердце либертарианца», есть не что иное как выбор прагматичной стратегии. Суть ее в избегании конфликтов с социальными бюрократами, с принудительно финансируемыми СМИ, с государственно финансируемыми университетами, вещающими «именем науки», с иными интересантами, такими как защищаемый от конкуренции бизнес и т.п. Это обмен принципов на спокойствие.

Ярким и показательным примером капитуляции консервативного правительства перед социальными бюрократами и оплачиваемыми ими экспертами стала смена позиций во время ковидопаники.

Реакция на пандемию: Капитуляция законно избранной власти перед неизбираемой.

Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон на старте эпидемии придерживался позиции минимального вмешательства государства. После публикации доклада ученых из Imperial College во главе с известным эпидемиологом Нейлом Фергюсоном (Neil Ferguson)[153] премьер и правительство резко изменили позицию и ввели принудительный карантин.

[152] См.: https://www.gov.uk/government/news/same-sex-marriage-prime-ministers-statement (дата обращения: 24.12.2023).
[153] См.: https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/sph/ide/gida-fellowships/Imperial-College-COVID19-NPI-modelling-16-03-2020.pdf

Доклад предсказывал потери населения в случае непринятия мер принудительного карантина на уровне примерно 0,4% населения; для Британии — от четверти миллиона и для США как минимум 1,1—1,2 млн жертв нового вируса.

Применительно к Швеции с населением выше, чем 10 млн человек методика доклада дает оценку 40 тыс. человек. Сильно раздутый, включающий уже фактически значительную часть жертв локдаунов и побочных эффектов от прививок для выполнившей предписания сторонников локдаунов и единственного централизованно на всю планету предписанного метода лечения mRNA прививкой счет для Великобритании все еще заметно ниже четверти миллиона (3 389 человек на 1 млн жителей; в Италии, первой применившей локдаун, — 3255 человек). В оставшейся обделенной локдаунами и массовым принуждением к прививкам Швеции жертвами ковида числится 27 258 человек, или 2667 на 1 млн населения (при похожей структуре населения[154] и системе здравоохранения); в не вводивших локдауны Южной Корее, Тайване и Японии соответственно 700, 595 и 796 на миллион[155]. И это притом, что статистика обычно учитывает каждого носителя вируса, скончавшегося от любой причины, как жертву именно вируса, что дает завышение оценки. То есть, предположения Фергюссона и его коллег провалились[156].

Швеция, напомним, в силу паралича экстремально слабой правительственной коалиции, которая опиралась на 116 из 349 депутатов парламента — Стортинга, и не успела получить в 2020 г. поддержку других фракций, не говоря уже об оппозиции (Yanovskiy, Socol 2021, section V.5 “Factors Behind the Decision Making”), так и не успела ввести локдауны, равно как и принудительные прививки.

Кроме пугающих цифр доклада существует еще по меньшей мере две веские причины, объясняющие разворот политики премьера Джонсона на 180 градусов (U-turn в британской терминологии).

При всей убедительности победы консерваторов на последних выборах 12 декабря 2019 г., премьер Джонсон обладал весьма ограниченными средствами воздействия на коллег по фракции, избранных по округам. Многие из них яростно критиковали его еще

---

[154] Велики доли пожилых людей и иммигрантов (https://data.oecd.org/migration/foreign-born-population.htm), причем на качественном уровне особую роль играет масса неадаптированных иммигрантов из отсталых стран с культурой и бытовыми в том числе традициями, крайне далекими от европейских. Причем в Швеции эта доля даже больше, чем в Великобритании.

[155] См.: https://www.worldometers.info/coronavirus (дата обращения: 12.02.2024).

[156] Критики сегодня напоминают, что в 2009 г. Фергюсон предсказывал 65 тыс. смертей от свиного гриппа, притом, что в реальности умерло 283 человека — без принудительного карантина и без остановки экономики (https://www.dailymail.co.uk/news/article-8294439/ROSS-CLARK-Neil-Fergusons-lockdown-predictions-dodgy.html).

до того, как он стал премьером, и после этого — до выборов. Это делает его позицию шаткой, а любую неудачу — потенциально последней в его карьере. При выборах лидера консерваторов в 2019 г. Джонсон получил в первом туре голосования поддержку 114 депутатов из 318, причем твердое ядро его сторонников было еще меньше, так как часть депутатов изначально голосовали за него просто как за последнюю возможность консерваторов сохранить большинство и осуществить без потери лица выход из ЕС. Только в шестом туре голосования будущий триумфатор декабрьских выборов 2019 г. получил поддержку минимального большинства в 160 голосов членов фракции, с которой и вышел на выборы с участием рядовых членов партии (отдавших Джонсону 66% своих голосов)[157]. Среди министров нового правительства мы видим соперников Джонсона по борьбе за лидерство, из которых только Доминик Рааб (D. Raab) близок к нему по взглядам (что с учетом самого факта выдвижения им своей кандидатуры не означает личной лояльности премьеру). Мэтью Хэнкок (M. Hancock) стал министром здравоохранения[158]. Следует напомнить, что даже на пике влияния и популярности Маргарет Тэтчер не могла себе позволить роскошь формирования кабинета только из своих сторонников (Перегудов 1996).

Среди многих консерваторов-парламентариев действующая государственная система здравоохранения (NHS), дающая им привилегированное обслуживание[159], представляется безальтернативной. Сама система NHS — чрезвычайно мощное бюрократическое ведомство со стабильно колоссальным бюджетом (см. рис. 2 выше), с влиянием и на политиков, и на прессу. Открывать новый фронт политической борьбы с таким противником может только очень сильный и уверенный в себе лидер, для которого реформа здравоохранения является важным приоритетом.

В итоге, кроме потерь от вируса, страна потеряла также и жизни тех, кто заболел вследствие потери работы, — как от первоначального шока (связываемого в литературе с обострениями сердечно-сосудистых заболеваний), так и из-за нехватки денег на качественное питание, лекарства, отдых. Обзор соответствующей литературы вы можете найти в работе “COVID-19 Library. Filling the Gaps” и — касательно локдаунов — “Are Lockdowns Effective in Managing Pandemics?” (Yanovskiy, Socol 2022).

---

[157] См.: https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2019/jun/13/conservative-leadership-election-full-results/

[158] См.: https://www.gov.uk/government/ministers (дата обращения: 17.05.2020).

[159] См.: https://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/health-news/mps-condemn-scheme-allowing-them-to-jump-nhs-queues-82560.html; https://www.express.co.uk/news/uk/601891/Politicians-MP-NHS-London-St-Thomas-Hospital-VIP-Patients-Association-Katherine-Murphy/. Главная привилегия — парламентарии не ждут по году приема врача, обследования, операции или курса лечения.

Главное же наследие ковидопаники и той легкости, с которой бюрократам от здравоохранения (т.е. неизбираемым властям) удалось получить полудиктаторские полномочия — прецедент. Прецедент, который они наверняка захотят использовать в будущем. Об этом уже свидетельствует работа Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization) над проектом международного соглашения, кодифицирующего завоевания неизбранных политиков от здравоохранения периода пандемии для использования таких же полномочий в будущем[160]. Важным и неизбежным последствием расширения полномочий новых претендентов на неограниченную власть станет резкое ухудшение качества услуг здравоохранения. И сто, и двести лет назад не было и нет лучшего механизма принятия решений о лечении, чем решения, принимаемые пациентом (его семьей) после консультаций с семейным и/или иным врачом (иными врачами). Явно проявившаяся в последние десятилетия тенденция, которая могла бы усилиться с расширением применения искусственного интеллекта — это индивидуализация методов лечения (см., к примеру, Johnson et al. 2021; подробнее — соответствующий обзор в Дополнительных материалах).

Пример, когда миллиардам людей удалось навязать совершенно единообразное лечение, означал возможность обратить вспять прогресс последних десятилетий, если не веков развития здравоохранения. Он демонстративно игнорировал оплаченный высокой ценой опыт тоталитарной медицины (Yanovskiy, Socol 2025). Такой откат не менее примечателен, чем выбор чиновниками старых демократий социализма (с централизованным принятием навязываемых силой решений в экономике) в первой половине 90-х гг. непосредственно под впечатлением провала и развала социалистической системы — о чем предупреждал Милтон Фридман в 1994 г.[161]

Использование определенного типа вакцин, созданных на новом принципе, объективно без возможности установить наличие множества побочных эффектов и исследовать их означало, как мы уже отмечали выше, вызов решению Нюрнбергского трибунала по итогам расследования нацистских экспериментов над заключенными (Нюрнбергский кодекс 1947 г.[162]). Согласно документу, «абсолютно необходимым

---

[160] См.: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb9/A_inb9_3-en.pdf (проект на 2024 г.); https://www.who.int/news/item/20-09-2024-governments-progress-on-negotiations-for-a-pandemic-agreement-to-boost-global-preparedness-for-future-emergencies (комментарий к организации работы над проектом).

[161] См.: https://www.fff.org/explore-freedom/article/cooperation-capitalrich-laborrich-countries-part-1/

[162] См.: https://history.nih.gov/display/history/Nuremberg+Code/. Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Vol. 2, pp. 181—182. Washington, D.C.: U.S. Government

условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего». Это условие явно и массово нарушалось. Более того, оговорки, сделанные чиновниками США при выдаче разрешения и рекомендаций к применению (соответственно — FDA и CDC) о том, что последствия применения плохо изучены (т.е. вакцина остается, по сути, экспериментальным медикаментом), не доводились до сведения каждого получавшего прививку. Угрозы врачам, применявшим иные методы лечения старыми проверенными препаратами, также демонстрировали тоталитарный потенциал чрезвычайной ситуации (Yanovskiy, Socol 2022, sections 3.6 и 5.2).

Brexit: неоплаченный кредит

Мандат на выборах 12 декабря 2019 г. был выдан в огромной степени под реализацию возможностей Британии вне ЕС. Так, при разбиении на округа референдум о выходе собрал большинство за выход в 409 округов из 650. При этом консерваторы победили в 2019 г. в 294 из этих 409 округов. Кроме того, по опросам YouGov значимость реализации выхода из ЕС была наиболее высокой именно среди избирателей-консерваторов[163]. Напомним, соглашение о выходе было подписано в октябре 2019 г., т.е. совсем незадолго до выборов[164].

Избиратель ждал от решения о выходе из ЕС высвобождения бизнеса от диктата бюрократии — как Брюссельской, так и отечественной. Ждал прекращения нелегальной иммиграции и отказа от мультикультурализма (интегрируйся или возвращайся домой). Следует подчеркнуть, что времени для реализации преимуществ жизни вне ЕС не так много. В Великобритании, как и почти повсюду на Западе, юный возраст избирателя является одним из самых сильных предикторов голосования за социализм, перераспределение, искусственную мораль и т.п. Выборы 2019 г. не были в этом смысле исключением[165].

За время, прошедшее с тех выборов, не было принято никаких прорывных решений или даже просто сопоставимых с реформами рубежа 70—80-х гг. (правительства М. Тэтчер), разве что проведено незначительное снижение подоходного налога (базовой ставки с 20 до 19%) и повышен уровень налоговых вычетов на имущество.

Printing Office, 1949. Русский текст доступен, в частности, на сайте: http://www.psychepravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm

[163] См.: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8749/CBP-8749.pdf

[164] См.: https://www.gov.uk/government/publications/new-withdrawal-agreement-and-political-declaration/

[165] См.: https://commonslibrary.parliament.uk/ge2019-how-did-demographics-affect-the-result/

Система образования — как школа, так и университеты, осталась под плотным контролем той же бюрократии. Никаких шагов в направлении приватизации ее даже не обсуждалось.

Провалившийся эксперимент с государственным здравоохранением продолжается и даже расширяется (по крайней мере, в 2020—2022 гг.).

Значимых решений в сфере дерегулирования экономики (освобождения от норм, навязанных самозванными защитниками природы, борцами с дискриминацией за новую лучшую дискриминацию) также не принято.

Министр внутренних дел (Home Secretary) Суэлла Браверман (Suella Braverman) напомнила полиции о том, что ее целью является защита граждан от преступников, а не танцы с полуголыми мужчинами в женском белье во имя толерантности. Также министр бестактно отметила факт потворства полиции хулиганам — демонстрантам в защиту ХАМАСа в Лондоне, при нетерпимости к митингам врагов террористов — законопослушных консерваторов[166]. Полиция и некоторые коллеги министра по фракции Консервативной партии нашли указания на эти факты оскорбительными и разжигающими страсти (offensive and inflammatory)[167]. Новый «прагматичный» премьер-министр — Риши Сунак уволил нарушительницу спокойствия, «решив» таким образом поставленные ею проблемы.

Правда, такие «решения» реальных проблем могут быть не лучшим образом восприняты не только частью политиков, но и избирателями консерваторов, стимулы которых покидать свой дом ради участия в выборах лидеров типа Риши Сунака могут оказаться недостаточно сильными[168].

От решения выхода из ЕС они явно ожидали большего.

США

Из краткой истории партии Большого правительства

[166] См.: UK Police Arrest 82 Counterprotesters at Alleged ‘Peaceful’ Anti-Israel Marc. https://www.newsmax.com/world/globaltalk/britain-israel-palestinian-protest/2023/11/11/id/1141906/
[167] См.: https://www.gbnews.com/news/suella-braverman-police-crimes-drag-queens ; https://www.israelnationalnews.com/news/380225/
[168] См.: https://www.gbnews.com/politics/rishi-sunak-suella-braverman-andrea-jenkyns-no-confidence-letter/

Гровер Кливленд, президент-демократ, на котором мы остановились в своих заметках по истории американского консерватизма в прошлой главе, был и остается, безусловно, недосягаемой вершиной, причем не только для демократов. Ратерфорд Хайес (Rutherford Hayes), 19-й президент, чей рекорд по сомнительности избрания держался до 2020 г., заняв свой пост по итогам Великого компромисса (включая вывод федеральных войск из южных штатов и прекращение «Реконструкции»), оказался неплохим президентом и очень приличным человеком. Будучи генералом Гражданской войны, он трезво смотрел на ситуацию, не воспринимая южан как скопище негодяев, а северян — как ангелов-освободителей[169]. Отец многодетного по тем, а не по нашим временам, семейства и враг излишних трат — он был, безусловно, настоящим консерватором[170].

После него идея благодетельности вмешательства государства в экономику, а затем и необходимости государственной заботы, заметно расширила плацдармы в Республиканской партии. Именно президент-республиканец Теодор Рузвельт оказался первым президентом в истории США, который открыто выступал против предпринимательства. Начиная с него, департамент юстиции начал охоту на успешных бизнесменов, обвиняя их в монополизации рынков. То, что он делал это неуклюже и, очевидно, никак не сократил уровня концентрации капиталов (Арментано 2005), вытекает из неспособности правительства регулировать экономику. Однако наивно полагать, что регулирование экономики вообще имеет какие-то разумные цели, кроме максимизации полномочий. Эта задача с тех пор решалась успешно, а остальное мало кого интересовало, кроме редких ученых.

Заметим, что единственным несомненным источником монополизма являются барьеры на вход на рынок, установленные самим государством. В отсутствие барьеров для входа отрасль, дающая аномально высокую прибыль, неминуемо привлечет сильных конкурентов, желающих заняться тем же бизнесом.

Состояние «совершенной конкуренции» наарушает не только вмешательство государства, защищающего монополию. Выход на рынок, где все продают по одинаковой цене примерно одного качества товар производителя с заметно меньшими издержками производства и с более качественным товаром, приводит к быстрому

[169] «There are ‘brutal Rebels’ no doubt», he wrote, «but we have brutal officers and men too... And there are plenty of humane Rebels» («Без сомнения, есть “жестокие повстанцы”, — писал он, — но у нас тоже есть жестокие офицеры и солдаты... И есть много гуманных повстанцев»; Geer 1979).

[170] См: https://www.rbhayes.org/hayes/biography/; https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/presidents/rutherford-b-hayes/

захвату рынка таким лидером. Именно так случилось, когда Дэвид Рокфеллер, удачно инвестировав в научные исследования, получил новую, улучшенную технологию производства керосина. В результате правильно предсказанного теоретической моделью захвата лидером рынка положение потребителей не ухудшилось, а значительно улучшилось.

Многие антимонопольные процессы были атаками на бизнес, успех которого был связан с талантом предпринимателя, удачным вложением в научные исследования и успешные инновации. Так было и в случае Standard Oil, и в случае Alcoa. Почти все широко известные случаи антимонопольных процессов против частных компаний не только ничего не исправили, но и ухудшали ситуацию в соответствующих отраслях. Подробному обзору таких случаев как раз и посвящена рекомендуемая нами книга Доминика Арментано «Антитраст против конкуренции» (Оригинал на английском — Antitrust: Case for Repeal — доступен для бесплатного скачивания https://mises.org/library/book/antitrust-case-repeal).

После ухода Кливленда в Демократической партии начали доминировать сторонники государственной поддержки фермеров, а потом и не только фермеров. Вудро Вильсон, хотя и пользовался консервативной риторикой (многие демократы оставались к тому времени убежденными консерваторами) и даже цитировал Бёрка, по враждебности крупному бизнесу никак не уступал Теодору Рузвельту. Его политические выступления против бизнеса, не основанные на конкретных судебных делах и доказанных фактах, не стесняются цитировать современные именитые обществоведы как «доказательства» острой необходимости в государственном регулировании экономики (Glaeser, Shleifer 2003. см. разбор аргументов: Яновский, Жаворонков 2019а).

Самый значимый шаг в направлении социализма сделал, безусловно, Франклин Делано Рузвельт. Рузвельт, определенно, не был высокоидейным политиком и Маркса не читал за сложностью этого занятия. Он был неудачливым предпринимателем, слабым адвокатом, но оказался гениальным политиком, причем вовремя вошедшим в политику. Его голос буквально завораживал толпу, настолько, что люди пропускали мимо ушей явные несуразности и очевидную ложь. Голос, внушающий доверие, был бесценным капиталом в эпоху, когда главным политико-новостным СМИ становится радио (Фолсом 2012). Имея за плечами опыт работы в администрации Вудро Вильсона и пост губернатора «качающегося» (менявшего предпочтения от выборов к выборам) тогда еще штата Нью-Йорк, он выиграл номинацию от Демократической партии в 1932 г. Вести

кампанию против быстро слабеющего под ударами тяжелого кризиса и под грузом собственных ошибок Герберта Гувера было не самым сложным делом. Именно Гувер начал попытки залить пожар керосином, пытаясь раздавать государственные заказы, строить дороги, мосты и дамбы, чтобы «поддержать экономику», но не преуспел в этом деле (Ротбард 2012). Во время предвыборной кампании Рузвельт даже критиковал его за расточительность (Фолсом 2012).

Придя к власти, он взял на вооружение те же методы и потому, что был не в состоянии придумать иные, и отчасти под влиянием советников, но главное, поняв, что раздача денег — это прекрасное основание для мощной политической машины для переизбраний на новый срок. Абсолютно очевидно, он не просто построил машину для подкупа избирателей. Он сделал, как впоследствии оказалось понятно, удачный выбор. Анализ трат в период Нового курса — причем сделанный как сторонниками этих мер (Fishback, Haines, Kantor 2007), так и их критиком (Fleck 1999), показал, что федеральные деньги шли не в наиболее «нуждающиеся», бедные штаты, а в «качающиеся», многие из которых были как раз богатыми. Но внутри этих штатов финансы тратились в самых бедных графствах, позволяя максимизировать отдачу от сделанных вложений.

Рузвельт, будучи крайним, патологическим антисемитом (Medoff. 2013), сумел привлечь в свою коалицию большинство крупных еврейских организаций (Medoff. 2019). Разделяя обычные предрассудки в отношении афроамериканцев, он сумел и привлечь значительное их число на свою сторону пособиями, и сохранить в составе коалиции консервативных южных демократов. Отметим, что именно при Рузвельте были посеяны семена десоциализации негритянской общины, первые итоги которой подвел единомышленник Рузвельта, будущий сенатор Дэниэл Мойнихэн (Moynihan 1965). Правда, отметив развал негритянской семьи и подрыв не только семейной, но и трудовой морали, демократ Мойнихен не предложил эффективного решения проблемы.

Главное, однако, Рузвельт сумел избраться на четыре срока, превратив тяжелый кризис в по-настоящему Великую депрессию, которая, вопреки распространенному заблуждению, закончилась только с началом Второй мировой войны. Впервые говорить о здоровом экономическом росте после 1929 г. можно было только после Корейской войны в 50-е гг.

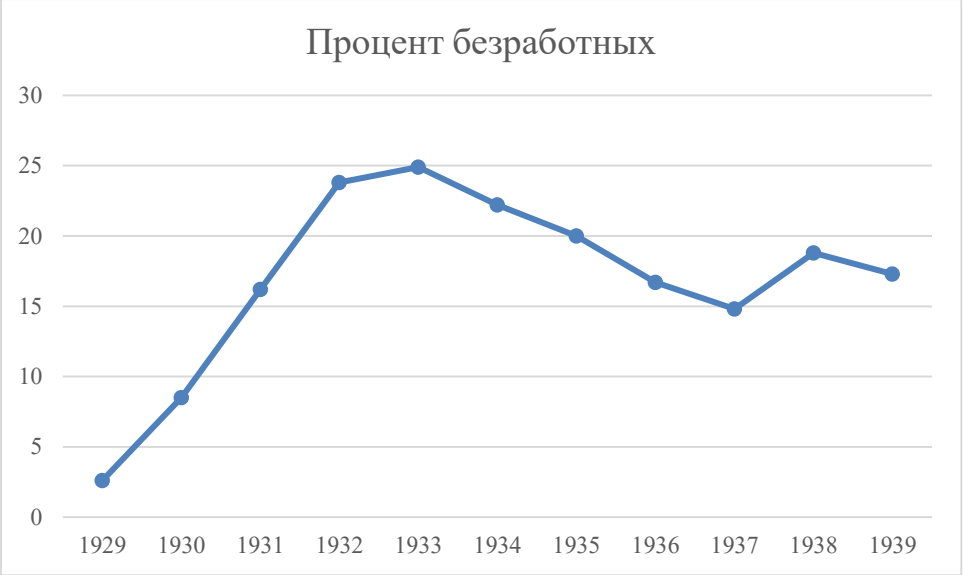

Рис. 4. Динамика безработицы среди лиц от 14 лет и старше в 1929—1939 гг.

Источник: Bureau of Labour Statistics, USA. https://data.bls.gov/

Как видно на графике (рис. 4), весь предвоенный период начиная с 1933 г. безработица не падала ниже 14% и росла во время обострения кризиса в 1938 г., превышая 23% работоспособного населения. Уровень подушевого ВВП также не достигал предкризисного уровня в течение всего этого периода (Maddisson Project, Jutta, Van Zanden 2020).

Меры, принятые администрацией сначала Г. Гувера, а потом и Ф. Д. Рузвельта, препятствовали естественному выходу из кризиса за счет удешевления в его ходе рабочей силы, кредита, зданий и оборудования, которыми наиболее эффективные фирмы пользуются для выхода или быстрого расширения доли на рынке, занимая место разорившихся и ослабевших конкурентов. Поглощение государственными программами кредита и рабочей силы с использованием в проектах, выбранных чиновниками, а не предпринимателями, резко снижало эффективность и гибкость использования ресурсов и значительно замедляло оживление экономики. В случае администрации Рузвельта ситуация усугублялась активной регуляторной политикой — в частности, принудительной картелизацией (Cole, Ohanian 2004; Ohanian, Taylor, Wright 2012).

Механизм политического давления на банки для принуждения выдавать необеспеченные кредиты

Акт о гражданских правах 1964 г. (Civil Rights Act, сокращенно CRA 1964) формально был нацелен на искоренение дискриминации. Проблема состояла в том, что он использовался для борьбы с дискриминацией не в суде или полиции, не с неравенством перед законом, а в частных взаимоотношениях, причем в течение первых десятилетий его применения для решения суда о наличии дискриминации зачастую хватало анализа статистики (найма и продвижения по службе). Даже после серии прецедентных решений Верховного суда (начиная с *Castaneda v. Partida*, 430 US. 482 1977 и заканчивая Wal-Mart Stores, Inc. v. Dukes, 2011 и др.) отсутствие статистических доказательств «равенства» в чем бы то ни было переносит бремя доказательства на ответчика, т.е. удаляет защиту «презумпции невиновности» ответчика. Более того, в 1971 г. в деле Griggs v. Duke Power Co., 401 U.S. 424 Верховный суд утверждал, что Акт подразумевает не только явную дискриминацию, но и действия, которые, будучи честными по форме, оказываются дискриминационными при реализации. Ключевым моментом, критерием является бизнес-эффективность. Если практики найма [подразумевается — требования] приводят к «исключению» афроамериканцев, то они не могут быть (по мнению некоторых судей) оправданы соображениями эффективности. Соответственно, суд запретил такие практики.

Например, фирма устраивает экзамен для кандидатов при приеме на работу на какую-то должность, а потом выясняется, что среди успешно проходящих этот экзамен непропорционально мало афроамериканцев. У фирмы нет «презумпции невиновности», она обязана доказать, что без успешной сдачи этого экзамена невозможна успешная работа на указанной должности. Иначе суд этот экзамен запрещает.

Идея использовать CRA 1964 для давления на банки возникла в 70-е гг. Отказ выдачи частным банком кредита по реальной причине некредитоспособности интерпретировался как незаконный, так как такие отказы чаще получали афроамериканцы. Проблема состояла в трудоемкости сбора доказательств. Чтобы собрать статистику, требовалось анализировать множество отдельных сделок, рекламы и т.п. Эту проблему решил Акт о раскрытии информации о залоговых кредитах 1975 года (Home Mortgage Disclosure Act (HMDA)) (Butler in the Booth 2009, 51—57). Этот закон был принят «особым» составом Конгресса. На 94-м Конгрессе[171], избранном на волне Уотергейтского скандала, демократы составляли большинство более чем две

[171] См.: https://www.census.gov/compendia/statab/2012/tables/12s0411.pdf

трети и в Палате представителей (291 против 144 республиканцев), и в Сенате (61 демократ при одном независимом и 38 республиканцев). Таким образом, с высокой вероятностью они могли преодолеть даже вето Президента, тогда еще — республиканца, хотя и левого, Джеральда Форда.

Акт о реинвестировании местных сообществ 1977 года (Community Reinvestment Act (CRA 1977[172])) усугублял ситуацию для банков. Акт конкретно и четко определял задачу и намерение законодателя — важное для суда — принуждать банки выдавать необеспеченные кредиты во имя равного доступа этнических и расовых групп к собственному жилью. После него речь уже не шла об интерпретации. Акт создал механизм проверок банков на соответствие его политики выдачи кредитов антидискриминационным критериям[173].

При президенте Дж. Картере, подписавшем этот закон, известная леворадикальная организация — Ассоциация коммунальных организаторов (Community Organizers — ACORN[174]) начала получать федеральное финансирование за сбор информации о нарушении банками вышеприведенных Актов (Ibid., 51—57). То есть к каждому банку были приставлены «общественные» наблюдатели на федеральной зарплате, следящие за тем, чтобы «исторически дискриминируемым» сообществам выдавали кредиты наравне с теми, кто упорным трудом зарабатывает на свое жилье.

Важно отметить, что республиканские администрации не решились отменить это законодательство. Это при том, что в период 1977 по 2007 г. (от начала прямого принуждения банков до начала кризиса — обвала рынка недвижимости) 11 лет были у власти демократические администрации (Дж. Картера и Б. Клинтона) и 19 лет — республиканские (Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Дж. Буша-младшего). При президенте-демократе провести решение об отмене закона CRA 1977 было невозможно из-за угрозы вето.

У Рейгана и у Дж. Буша-старшего, впрочем, не было большинства в Конгрессе. Джордж Буш-младший проигнорировал такую возможность, ссылаясь на то, что

---

[172] См.: https://www.fdic.gov/regulations/laws/rules/6500-2515.html

[173] См.: http://www.federalreserve.gov/communitydev/cra_about.htm

[174] Речь идет о получении федерального финансирования частной крайне политизированной организацией, которая никогда не скрывала своих целей — усиления перераспределения доходов путем увеличения явки на выборы «бедняков» (деклассированных элементов, хронически зависимых от бюджета получателей пособий и т.п.).

расширение слоя собственников жилья есть благо[175]. Это не случайно: в эпоху всеобщего избирательного права, когда формирование зависимой от лидера клиентелы становится одним из важных факторов победы на выборах, тяжело отказываться от такого инструмента, дающего возможность фактически использовать частные деньги для продвижения своей кампании. Впрочем, такой выбор для политического крыла консерваторов (классических либералов) и, в случае США, республиканцев, оказался явно ошибочным. Заметной поддержки в пригородах бедных (сидящих на пособии) «меньшинств» они так и не добились, зато нанесли удар по своим работающим сторонникам.

В 1991 г. требования раскрытия информации — теперь уже не только по пригородам, но и напрямую, в расовом разрезе — были ужесточены в новой редакции HMDA (обе палаты Конгресса с демократическим большинством, но при президенте Дж. Буше-старшем).

Защита интересов банкиров была заведомо непопулярной идеей, но защита интересов вкладчиков, напротив, вполне «продаваемой». Тем не менее даже при республиканском Конгрессе 2017—2019 гг. и президенте Трампе это законодательство, вредящее и банкам, и вкладчикам, так и не было отменено. Своим молчаливым согласием на принятие радикальной антикапиталистической политики администрации Картера республиканцы облегчили дальнейшие шаги в области ужесточения государственного контроля над бизнесом администрациями Обамы и Байдена. Последние в основном осуществлялись еще и под предлогом защиты окружающей среды от представителей человечества, но главным образом в порядке осуществления правильной «исправляющей» дискриминации вместо «неправильной» прошлой. Иными словами, власти осуществляют дискриминацию как бы в пользу некоторых меньшинств, привычных голосовать за партию большого правительства, и против меньшинств, не имеющих такого обыкновения (см. подробнее — обзор литературы, судебных решений и практики федеральной комиссии по равным возможностям при найме: Equal Employment Opportunity Commission[176] — Яновский, Жаворонков, Затковецкий 2017; Яновский, Жаворонков 2018).

---

[175] См.: http://www.businessinsider.com/the-cra-debate-a-users-guide-2009-6/

[176] См.: https://www.eeoc.gov/

Верхушка федеральной бюрократии в зеркале голосований

Энтони де Ясаи (Jasay 1985; Ясаи 2016) описал государство при всеобщей избирательной привилегии как машину подкупа зависимых избирателей за счет налогоплательщиков. Логично предположить, что подкуп будет осуществляться с целью получать благодаря такому косвенно управляемому голосованию поддержку дополнительных полномочий для чиновников и дополнительных фондов для программ, расширяющих подкуп. Это предположение можно проверить. С 1968 г. население г. Вашингтон (федеральный округ Колумбия) участвует в выборах Президента США. На юго-востоке города расположены бедные кварталы неквалифицированных работников и социально зависимых избирателей, преимущественно афроамериканцев, на северо-западе — богатые кварталы, в которых живут федеральные государственные служащие, лоббисты, некоторое число конгрессменов и их помощников. Если бы государственные служащие были, вопреки модели де Ясаи и вопреки нашей интерпретации, над- и внепартийно настроены, голосование давало бы колебания в зависимости от оценки ими деловых качеств кандидатов в президенты и мало зависело бы от партийности кандидата. Но вот что мы видим в реальности (см. рис. 5.).

Таблица 1.

Партия	1968	1972	1976	1980	1984	1988	1992	1996
Республиканцы,% голосов	18,18	21,56	16,51	13,41	13,73	14,30	9,10	9,34
Демократы,% голосов	81,82	78,10	81,63	74,89	85,38	82,65	84,64	85,19

Партия	2000	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Республиканцы,% голосов	8,95	9,34	6,55	7,27	4,07	5,4	6,47
Демократы,% голосов	85,16	89,18	92,42	90,76	90,48	92,15	90,28

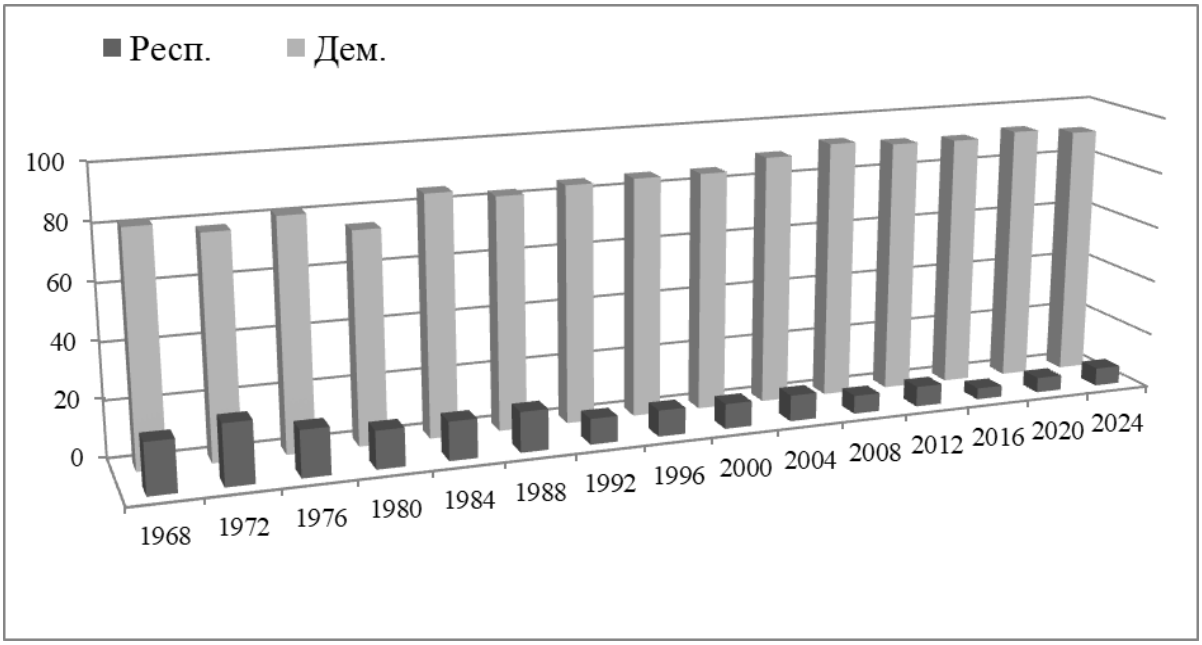

Рис. 5

Источники: District of Columbia Board of Elections https://electionresults.dcboe.org/; https://electionresults.dcboe.org/ ; https://electionresults.dcboe.org/election_results/2020-General-Election

Небольшой, но заметный прирост голосов за республиканцев в 2020 и 2024г. по сравнению с 2016 г. объясняется ростом поддержки в юго-восточных кварталах и не имеет отношения к федеральным государственным служащим.

Доминирование одной партии выглядит совершенно бесспорным. И это партия большого щедрого правительства, поскольку с концентрацией консерваторов во второй половине 60-х гг. в республиканской партии, а «прогрессистов» в демократической (смотри подробности ниже) «щедрое» и «заботливое» правительство однозначно ассоциируется с демократами, даже при том, что отдельные республиканцы также не против «социальной заботы» в «разумных пределах» (такой пример также будет приведен ниже).

Голосование чернокожих жителей Вашингтона, как показывает поучастковый анализ статистики (см. подробнее: Дополнительные материалы к Жаворонков, Касьян, Яновский 2021), мало отличается от голосования чиновников. Итак, приверженность огромного большинства чиновников идеологии, продвигаемой Демократической партией, не вызывает сомнений.

Последствия такой «однопартийности» сложно переоценить в свете полномочий, фактически присвоенных или официально по закону делегированных федеральным чиновникам. Процесс этот приобрел размах после успеха в лоббировании (по всей видимости, не без участия самих госслужащих, завидовавших европейским коллегам и

тяготящихся гнетом избираемых политиков) законодательства об автономии (фактически независимости) гражданских бюрократов. Pendleton (Civil Service) Act 1883[177] был принят под предлогом борьбы с непотизмом и коррупцией и во имя повышения профессионализма государственных служащих. Акт освободил чиновников от контроля избирателей и позволил влиять на приток кадров в систему. Естественно, он создал и более питательную среду для коррупции, которая стала, однако, менее заметной в закрытой от общества корпорации чиновников. Про рост профессионализма также говорить не приходится. Зато возможности лоббировать новые полномочия корпорацией федеральных служащих резко расширились.

Как свидетельствует сторонница этих реформ — современный историк Элизабет Сандерс (Sanders 2004, 337—338), одной из жертв новой системы, быстро приведшей к экспансии полномочий, численности и влияния бюрократов стало традиционно сильное влияние Конгресса. Сандерс утверждает, что за счет Конгресса усилилась исполнительная власть во главе с Президентом. На самом деле, усилилась независимая и от Конгресса, и от избираемого президента неизбираемая власть. Последняя ориентировалась на первых порах на расширение полномочий, а не на финансирование программ. Но этого расширения она успешно и довольно быстро (вскоре после второго срока явно недружественного корпорации президента Г. Кливленда) добилась. Напомним, что Гровер Кливленд был последним великим лидером Демократической партии, твердо отстаивавшим принципы маленького и ограниченного в полномочиях правительства (Limited Government — см., к примеру, Schake 2018; Haeffele-Balch, Storr 2014). Тексты законов стали размытыми, с провозглашением «позитивных» целей вместо уточнения запретов (например, «содействовать честной конкуренции» вместо запрета определенных и детально прописанных действий) и запестрели отсылками на усмотрение (discretion) бюрократов[178].

---

[177] См.: https://www.archives.gov/milestone-documents/pendleton-act/

[178] «The Progressive era was... the end of era of congressional dominance of national government... expanding role of President... brought a significant and permanent change to legislative process. Henceforth, important legislative proposals would increasingly originate with the president and the bureaucracy, and those origins would bring new statutory forms. Rather than embody precise list of prohibited actions and penalties that could be invoked in court by the victims... regulatory laws would increasingly rely on vague mandates (like “promoting of fair competition”) that left major discretion to presidentially appointed bureaucrats who would determine the meaning, targets, and enforcement methods of the law» («Прогрессивная эпоха была... концом эпохи доминирования Конгресса над национальным правительством... расширением роли президента... принесла значительные и устойчивые изменения в законодательный процесс. Отныне важные законодательные предложения все чаще исходили от президента и бюрократии, и эти источники приносили новые формы законодательства. Вместо того чтобы содержать точный перечень запрещенных действий и наказаний, которые могли быть применены в суде жертвами... регулирующие законы все чаще

Осушение болота или огонь по своим?

Еще во время своей первой кампании по выборам президента в 2016 г. Дональд Трамп поддержал популярную идею ограничения числа сроков переизбрания в Конгресс[179].

Эта идея остается популярной и сегодня[180]. Не удивительно, что Трамп снова обращается к ней уже в нынешнем избирательном цикле[181]. Он объясняет необходимость такой меры известным расплывчатым тезисом о необходимости «осушения вашингтонского болота» (drain the swamp), подавления некоего «глубинного государства» неподвластного избирателю (Deep State). Как заметил оппонент Трампа среди республиканцев, семикратно (с 1984 г.) избиравшийся сенатор Митч Макконнелл (Addison Mitchell McConnell III), «у нас уже есть ограничение числа переизбраний. Оно называется выборы»[182]. Трамп возражает Макконеллу, что у таких опытных политиков, как он сам, есть большая фора, но не может однозначно доказать, что эта фора обусловлена преимущественно негативными, коррупционного характера факторами, а не талантами и заслугами некоторых политиков.

Стоит также отметить, что никакого ограничения числа сроков в Конституции США нет[183], хотя оно и обсуждалось отцами-основателями[184]. Введение такой нормы

опирались на расплывчатые полномочия (такие как “содействие честной конкуренции”), которые оставляли значительную свободу действий назначенным президентом бюрократам, которые определяли значение, цели и методы применения закона»).

[179] См.: https://www.wsj.com/articles/donald-trump-says-he-would-push-for-congressional-term-limits-if-elected-1476822559; https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/12/01/will-trumps-backing-revive-moribund-term-limits-movement/

[180] См.: https://www.pewresearch.org/politics/2023/09/19/how-americans-view-proposals-to-change-the-political-system/

[181] «To further drain the Swamp, I will push for a constitutional amendment to impose term limits on members of Congress — it’s time» («Чтобы еще больше осушить болото, я буду настаивать на внесении поправки в Конституцию, ограничивающей срок полномочий членов Конгресса — пора»; https://conventionofstates.com/news/trump-promotes-cos-effort-to-implement-term-limits-on-members-of-congress); «We will dismantle the Deep State and restore government by the people» («Мы разгромим «глубинное государство» и восстановим власть народа» ; https://youtu.be/6OlfQvVrSOw?t=3265).

[182] См.: https://conventionofstates.com/news/mcconnell-we-have-term-limits-they-re-called-elections/

[183] См.: https://istorik.ru/library/documents/usconstitution/ ; оригинал: https://constitution.congress.gov/constitution/

[184] См.: https://constitutioncenter.org/blog/why-term-limits-for-congress-face-a-challenging-constitutional-path/

обычным законом будет, вероятно, оспорено в суде, а внести поправку к Конституции США очень непросто (и это правильно).

Очевидно, что доля истины есть в словах обоих политиков. Однако даже если допустить, что Трамп «более прав», чем Макконелл, не кажется ли читателю странным, что Трамп не упоминает в контексте Deep State не менее, а может, и более могущественную, чем Конгресс, федеральную бюрократию? Эта политическая сила вообще не имеет никакого лимита на нахождение у власти. Она не получает мандата от избирателей. Она, как мы уже убедились, не расколота как политики на партии и связана с одной, Демократической партией — партией неограниченного правительства и принудительной заботы.

Итак, что же это за «вашингтонское болото»? Это преимущественно карьерные политики, только изображающие партийную вражду? Однако в большинстве случаев даже открытого для избирателя нелояльного поведения республиканцы — конгрессмены и сенаторы голосуют против новых регуляций и против высоких налогов. Или это все же преимущественно не избираемые и официально, по закону независимые от политиков федеральные агентства и их служащие?[185]

Популярная в том числе среди консерваторов идея об ограничении числа переизбраний не единственная, мешающая разглядеть главную цель. Большинство консерваторов США справедливо критиковали политику принудительной заботы левых губернаторов, а затем и администрации Дж. Байдена во время эпидемии ковида. Подавление, затаптывание научной дискуссии о необходимых мерах, игнорирование заранее подготовленных планов по борьбе с эпидемией, локдауны, штрафы за сползшие с носа маски на открытом воздухе, наконец, принуждение к вакцинированию «безопасными и эффективными» вакцинами (см. обзор литературы — Yanovskiy, Socol 2021; об эффективности локдаунов — Yanovskiy, Socol 2022), — все это было действительно возмутительным покушением на неотъемлемые права и свободы. Покушением, которое не было оправдано никакими достигнутыми результатам, если для оценки таких результатов использовать только объективные научные исследования, т.е. исследования без конфликта интересов ученых, получавших деньги от медицинской

[185] К этой точке зрения, вероятно, склоняется популярный певец в стиле кантри, автор «Rich men North of Richmond» (https://www.youtube.com/watch?v=sqSA-SY5Hro), и, вполне определенно, другой популярный певец, сделавший весьма откровенную пародию на оригинал песни (Federal Employee Version, https://www.youtube.com/watch?v=ihRPNAXVJG8).

и иной бюрократии (Yanovskiy, Socol 2023). Среди главных мишеней критики консерваторов зачастую оказывались крупные корпорации фармакологической отрасли (Big Pharma), однако эти фирмы были, безусловно, младшими и ведомыми партнерами в коалиции групп интересов, стоявшей за вредными и опасными решениями (Yanovskiy, Socol 2024).

Надо отдать должное федеральным бюрократам. Оставаясь в тени, они ведут весьма успешную PR-кампанию, поддерживая обычно умеренно позитивное впечатление публики о своей деятельности[186]. И это при том, что общий взгляд на «парней из Вашингтона» давно остается устойчиво негативным[187]. Однако в целом восприятие федеральных бюрократов далеко не настолько позитивно, чтобы этот образ «слуг народа», преданных, как мы уже убедились, одной партии, нельзя было бы быстро разрушить в глазах сторонников другой партии целенаправленной атакой.

Следование за опросами не всегда неправильно, но иногда можно и самому заказать опрос, а главное, обращаться к своим сторонниками, разъясняя им кто их главный враг, тем более, что разрыв между сторонниками ограниченного правительства и сторонниками заботливого в восприятии государства и власти имеет тенденцию к росту. Это значит, что среди республиканцев нет такой зашоренности, которую нельзя было бы преодолеть с разумными издержками.

Предложения вроде ограничения числа переизбраний — это, конечно, не огонь по своим. Это просто неудачное политически, хотя и популярное пока у избирателя предложение, не решающее проблему. Это признак непонимания ситуации и «сбитый прицел». Данное предложение не ограничит бессрочную растущую власть вашингтонских и иных бюрократов. Для решения этой задачи нужно лишить их независимости и поставить под жесткий контроль избирателя посредством тех же конгрессменов. Это предложение раскалывает потенциальную коалицию реформаторов и оставляет в неприкосновенности один из главных двигателей политической машины неограниченного социального государства. Оно выводит из-под огня, вероятно, самый мощный бастион врагов возвращения к Limited Government, тем более, что решить проблему неподконтрольности федеральных ведомств технически не так уж сложно.

[186] См.: https://www.govexec.com/management/2022/03/trust-federal-government-low-views-feds-are-mostly-positive/363478/

[187] См.: https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/24/public-trust-in-government-1958-2024/

«Автономия» (фактически независимость) чиновников не закреплена в Конституции США, а основана на обычных законах (начиная с известного и уже упомянутого ранее Pendleton Act[188]), которые можно и отменить обычным законом, принятым федеральным Конгрессом. И только после установления контроля над чиновниками, резкого сокращения их числа и их полномочий есть смысл спокойно вернуться к обсуждению ограничения числа переизбраний — вводить его или оставить решение вопроса на выбор избирателей соответствующих округов и штатов.

Судейский активизм и социальное государство

После того как бюрократия окрепла в результате распространения избирательной привилегии на тех, кто ничего не вкладывает в общее дело, неизбираемая власть получила под свой контроль растущий слой клиентов: тех, кто получает пособия, учится и лечится за счет налогоплательщика. Со временем другая власть, формально обладающая куда большей легитимностью, чем бюрократия, предъявила «права» на свой контроль над этими же людьми.

Суды, которые обязаны «всего лишь» стоять на страже закона, его равного и беспристрастного применения, стали фактически создавать новые нормы своими решениями.

Исполнительная власть при администрации Ф. Д. Рузвельта вела политическую кампанию против Верховного суда, обвиняя его в активизме и угрожая увеличить число судей после серии решений суда, признавшего ряд законов Нового курса неконституционными (Solomon 2009; Folsom 2009). При том, что, с точки зрения авторов, эти законы напрямую атаковали права частной собственности, защищенные поправками III и V, судьи в 1935—1936 гг. на эту защиту не ссылались. Они постановили, что в одном из дел (A. L. A. Schechter Poultry Corp. v. United States, 295 U.S. 495 (1935)) Конгресс незаконно делегировал полномочия Президенту, а в других вмешался в полномочия, закрепленные (оставленные X поправкой) за Штатами. Подробнее мы рассмотрим обвинения Ф.-Д. Рузвельта в Дополнительных материалах. Пока мы ограничимся простым замечанием — в обозначенных делах не было интереса суда с точки зрения постоянного расширения своих полномочий. На такой интерес не

[188] См.: https://www.archives.gov/milestone-documents/pendleton-act/

указывали даже его обвинители. Это значит, что обвинения того состава суда в активизме были сугубо политической акцией, и поэтому здесь не рассматриваются.

Те граждане избиратели, которых нужно предупреждать об опасности пролить на себя горячий кофе, мыть кошку в стиральной машине и сушить е в микроволновой печи, представляют собой привлекательный для государственных мужей и жен объект заботы и защиты. Во имя защиты от злонамеренных капиталистов вводится государственное регулирование и бесчисленные регуляции частной жизни, включая семейную.

Представители таких избирателей включаются в политический процесс с отрицательным отбором (качество законодательства таких избирателей не интересует, только ресурсы, которые их представителю удалось вывести из бюджета). Неизбежное падение авторитета Парламента (в данном случае, Конгресса) также благоприятствует попыткам расширения влияния суда.

Уже с конца 40-х гг. умножаются судебные иски, направленные против религиозного образования. В них чисто формальная ссылка на запрет Первой поправки устанавливать государственную религию использовалась для того, чтобы проводить отсутствующий в Конституции США принцип «отделения школы от церкви». Одно из ранних решений по делу Everson v. Board of Education, 330 U.S. 1 (1947) привело к перераспределению средств от католических налогоплательщиков, отправляющих детей в частные, но дешевые, как правило, католические школы (см. подробнее об истории их создания: Яновский, Черный, Затковецкий 2017[189]), в пользу тех, кто отправлял детей в государственные школы. Развозка детей на автобусах в частные школы стала платной, а для государственных осталась бесплатной. Подобное решение по делу Lemon v. Kurtzman 403 U.S. 602 (1971)[190] запретило финансирование надбавок учителям и учебников для частных религиозных школ из общественных (государственных) фондов. Решения по делам Engel v. Vitale, 370 U.S. 421 (1962) и Abington School District v. Schempp, 374 U.S. 203 (1963) пресекали ежедневные межконфессиональные молитвы в школах, установленные властями штата в одном и

[189] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2952385/

[190] См.: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/602/

округа — в другом случае[191]. Атака на межконфессиональные молитвы была обоснована ссылкой на запрет устанавливать определенную государственную религию.

В стране, в которой наименее религиозный из отцов-основателей вписал в Декларацию независимости: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами», — такая ссылка не выглядит убедительной. Речь идет, по всей видимости, о демонстрации тогда еще экстремально малого числа «просвещенных» атеистов мощи и влияния их религии в Америке.

Целая серия решений «защищала» детей от Десяти заповедей (основы цивилизации Запада — Stone v. Graham, 449 U.S. 39 (1980)) и т.п. при том, что сначала пропаганда атеизма, а потом и «просвещение» о преимуществах гомосексуализма и смены пола втайне от родителей[192] не рассматривались как нарушение обеих частей той же поправки. Вера в отсутствие в мире Высшего судьи насаждается за счет налогоплательщика фактически как государственная религия, причем детям внушается, что нормы иудео-христианской традиции едва ли не аморальны или как минимум устарели.

Легко заметить, что во многих случаях почва для вмешательства суда была подготовлена фактической национализацией образования. В отсутствие государственного финансирования школа не обязана прислушиваться к чьему бы то ни было мнению. Государственное финансирование создает чиновникам и судьям, ищущим возможности расширить свою власть и влияние, почти неограниченные возможности для вмешательства и соответственно для нормотворчества в этих сферах. Установленные государством молитвы, даже межконфессиональные, могут быть оспорены, молитва по канонам любой из религий в частной религиозной школе — нет.

---

[191] См.: https://www.uscourts.gov/educational-resources/educational-activities/facts-and-case-summary-engel-v-vitale ; https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/203/

[192] См., в частности, доклад организации Parents defending Education: List of School District Transgender — Gender Nonconforming Student Policies 03/07/2023. https://defendinged.org/investigations/list-of-school-district-transgender-gender-nonconforming-student-policies/. «Мы пока только поскребли по поверхности, — комментируют авторы доклада, — тысячи школ в США проводят политику обмана родителей для насаждения трансгендеризации детей». Демократы в Вирджинии о преследовании родителей, несогласных с трансгендеризацией: https://www.dailysignal.com/2022/10/14/virginia-attorney-general-vows-protect-parental-rights-democrats-transgender-child-abuse-bill/

Несомненным и чистым случаем судейского активизма является Решение Верховного суда США 1973 г., объявившего аборт частным делом женщины, и право на аборт — «правом человека» (United States Supreme Court Roe v. Wade. 1973). В христианской стране, в которой большая часть населения верит в то, что душа вселяется в тело человека в момент зачатия[193], аборт, естественно, рассматривается христианами как убийство. Последнее явно далеко выходит за рамки права человека (в данном случае женщины) распоряжаться своим телом. Поэтому ссылка Верховного суда на первую часть XIV поправки о равенстве всех граждан перед законом воспринимается многими как совершенно неуместная, а установленный прецедент — как в чистом виде изобретенная самими судьями норма. Такой и была аргументация действующего Верховного суда при фактической отмене им прецедента 1973 г. в 2022 г. Решением по делу Dobbs v. Jackson Women's Health Organization (2022) No. 19-1392, которое вернуло полномочие решать, допустимы или недопустимы аборты в Штатах[194].

Другим подобным примером «создания прав» является решение по делу Obergefell v. Hodges, 576 U.S. 644 (2015), обязавшее все штаты признавать однополые союзы «браком», хотя оно противоречило решениям большинства референдумов штатов по этому вопросу.

Консерваторы, прогрессисты, либералы и социалисты

Интеллектуальный климат в США в конце 30-х — 40-е гг. формировался спросом на крайне левые идеи (Mises 1957; Мизес 2024). «Образованная публика» открыто восхищалась СССР, знаниями о котором почти не обладала, а неприятные факты, как только они становились известны (Gissurarson 2018; Бруцкус 1922), повсеместно ею игнорировались (Хюльсман 2013).

Следует заметить, что одним из ключевых событий, приведших к новому подъему американского консерватизма после затянувшейся серии поражений, потери ориентиров и в отсутствие ярких идеологически определенных лидеров стал выход «Дороги к рабству» классического либерала Фридриха Хайека. Яркий агрессивный вызов,

[193] В еврейской традиции душа считается вошедшей в тело в момент рождения, притом что большинство авторитетов негативно относится к «праву на аборт». В частности, как противоречащему заповеди «плодиться и размножаться».

[194] См.: https://www.scotusblog.com/case-files/cases/dobbs-v-jackson-womens-health-organization ; https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392_6j37.pdf

брошенный социалистической идее, нашел отклик в обществе. Книга, вышедшая в академическом издательстве Чикагского университета, получила не столько благоприятную реакцию экспертов (даже среди «своих» — приверженцев австрийской экономической школы она была принята сдержанно — см. Хюльсман 2013, 604—605 — и только успех отчасти примирил окружение признанного лидера школы Людвига фон Мизеса с работой Хайека).

Читательский спрос и признание превзошли все ожидания. Такая реакция широкой публики на «реакционный» вызов «надежде человечества» дала надежду не только классическим либералам, но и не раскаявшимся в своих ценностях (т.е. верным принципам) консерваторам на то, что их идеи могут быть услышаны народом, казалось бы, прочно пойманным на крючок «прогрессивными» реформаторами (Edwards 2004).

Стоит отметить, что, почти повторив маршрут классических либералов XIX в. с реверансами в сторону социального государства (Hayek 1982), к концу своей жизни Фридрих фон Хайек снова удивил всех, в том числе не простивших ему такого «предательства» по сей день «австрийцев», либертарианцев, и консерваторов. Его «Пагубная самонадеянность» (Hayek 1988; Хайек 1992) была воспринята и с полными основаниями как удар по уверенности интеллектуалов в их способности творить на основе «рационального мышления» совершенные социально-экономические системы, и как чудовищной силы удар по претензиям интеллектуалов на роль моральных лидеров. Идея конкуренции норм (точнее, пакетов норм), победители которой (западные общества) известны, а механизм победы (реализовавшейся в бесчисленном числе ежедневных взаимодействий на уровне семей, рынков) принципиально не поддается исчерпывающему рациональному анализу. Эта идея не пришлась ко двору не только среди сторонников социалистических экспериментов. Однако она должна быть одной из ключевых в арсенале консерваторов, особенно ценной как раз тем, что вышла из-под пера человека совсем не их круга.

Чрезвычайно влиятельный и важный собственно консервативный мыслитель — Рассел Кёрк приобрел известность только после выхода в свет его «Консервативного мышления» (Kirk R. *Conservative Mind*. 1953).

Новая коалиция, которую оппоненты (или, в последнее время, скорее враги) именуют консерваторами, на деле включала в себя, кроме собственно людей, по тем или иным причинам определявших себя как консерваторы, также и значительную часть классических либералов. Многие из последних в дальнейшем использовали самоназвание «либертарианцы». В ситуации противостояния все более агрессивным

левым радикалам граница между консерваторами и классическими либералами часто стиралась (Hazony 2022). Некоторые определяли себя как Liberal Conservative (сторонники классических консервативных ценностей и свободной экономики).

Между тем восхищавшийся честными интеллектуалами и твердыми в принципах консервативными политическими лидерами консервативный активист сталкивался в жизни с тяжелым выбором, таким, как выбор между классическим идеологическим консерватором Робертом Тафтом (Robert A. Taft), настоящим “mister Republican”, и умеренным прагматиком Дуайтом Эйзенхауэром (Dwight D. Eisenhower). «Республиканцы любили Тафта, но еще больше любили победу», а опросы сулили Эйзенхауэру победу на всеобщих выборах с большим преимуществом (Edwards 2004, 25). В результате после тяжелых сомнений и колебаний большинство на съезде предпочло почти гарантированный успех высоко поднятому флагу принципов «ограниченного правительства».

Консерваторы и социальное государство

Одним из результатов избрания умеренного Эйзенхауэра стала, без сомнений, великая победа лоббистов и сторонников большого правительства — запуск масштабных программ федерального финансирования науки под впечатлением запуска в СССР первого искусственного спутника Земли в 1957 г. Важно подчеркнуть, что сам Эйзенхауэр прекрасно понимал некоторую опасность принятого решения.

В том самом прощальном обращении 1961 г. (Eisenhower 1961), в котором он обронил две строки о «военно-промышленном комплексе», столь полюбившиеся советской пропаганде и некоторым либертарианцам, уходящий президент выделил целый абзац (8 строк) на развернутое предупреждение о последствиях бюрократизации науки. Он выделил угрозу искусственной, продиктованной бюрократами повестки исследований и угрозу захвата реальной власти в стране научно-технической элитой (угроза «диктатуры экспертов», и, добавим от себя, стоящих за отбором и финансированием этих экспертов бюрократов).

Намного быстрее, однако, реализовалась другая опасность. Веками гордившиеся своей независимостью элитные частные университеты были подкуплены

беспрецедентно «щедрыми» (за счет налогоплательщика) грантами[195]. В результате из оплота консервативного свободомыслия они стали быстро (уже к концу 60-х гг. — см., например, Pipes 2003) деградировать в цитадели радикальной антикапиталистической идеологии. Милтон Фридман отмечал с удивлением, что после краха социализма в Вашингтоне резко вырос спрос на социалистические идеи (Friedman 1994). Процесс радикализации и отказа от научной дискуссии в общественных науках можно отследить по следующим источникам. Коуз (Coase 1974) отмечает распространившиеся среди профессоров симпатии к социализму, но при этом и твердость в отстаивании свободы дискуссий. Стиглер (Стиглер 2017, 330; Stigler 1975) уже тогда, правда, в шутку, предсказывал идеологическую стерилизацию под влиянием государства.

К началу 90-х гг. деградация ускоряется, что отмечают Динеш Ди Соуза (D'Souza 1991) и Пол Рубин (Rubin 1994). Рубин констатирует массовый отказ студентов от попыток сопротивляться идеологическому давлению, отмечая, что готовый идти в суд профессор пока в состоянии отстоять академическую свободу для себя лично. Этот процесс приводит к 2020 г., к окончательному превращению высшего образования — не только государственного, но и номинально частного и когда-то элитного (наиболее ценимого когда-то на рынке), в фабрики по промыванию мозгов молодежи, не знающей истории, восхищающейся социализмом (и это после краха социалистической системы)[196] и голосующей за все более радикальных врагов свободы и частной собственности.

Национальный научный фонд (National Science Foundation[197]) — один из главных каналов раздачи грантов, естественно, перешел от качественных оценок научных исследований к нормальной бюрократической практике («наукометрическим показателям»). Сама публикация в научных журналах, с учетом главного мирового грантодателя — правительства США, превратилась в бюрократизированный процесс, в котором редактор сбрасывал ответственность за выбор статей на «независимых анонимных рецензентов» (peer reviewers). Соответственно, борьба за публикации и участие в рецензировании превратились в новую научно-бюрократическую «индустрию» (Baldwin 2017). А в последнее десятилетие происходит успешное

[195] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629

[196] См., к примеру: https://news.gallup.com/poll/268766/socialism-popular-capitalism-among-young-adults.aspx (2019); https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/perspectives-on-capitalism-and-socialism-polling.pdf (2022).

[197] См.: https://www.nsf.gov/

вытеснение скучной статистики цитирований новыми приоритетами — diversity, equity, inclusion (DEI) и т.п., прелесть которых в том, что научную ценность предложения легко превратить во второстепенный фактор и раздавать гранты уже совершенно произвольно, т.е. по усмотрению чиновников (Yanovskiy 2022).

Государственное финансирование создало мощный рычаг для коррумпирования научной культуры (Yanovskiy, Socol 2023), привело к насаждению идеологического однообразия в кампусах университетов при вытеснении свободы слова. Так, свыше 80% (421 из 486) университетов и колледжей США, охваченных наблюдениями The Foundation for Individual Rights in Education (FIRE), своими внутренними нормами блокируют действие Первой поправки на территории университета[198]. При этом отсутствие официального запрета свободы слова ради создания зон «комфорта», где нельзя услышать не-социалистическую точку зрения (Safe Space), не означает, что такие нормы не действуют на практике и в значительной части остальных высших учебных заведений. Постоянно пополняющиеся коллекции примеров атак на свободу слова под предлогом защиты некогда подвергавшихся дискриминации групп собрана на сайтах Campusreform.org и TheCollegefix.com. Даже математики уже не могут чувствовать себя защищенными — многие их идеи левые активисты признали крайне вредными (Yanovskiy 2022), и сами они обязаны постоянно каяться за то, что в математике доминируют мужчины и почти не представлены политкорректные меньшинства (Martin 2013; Joffney 2021. См. о стимуле бороться за «антирасистскую» математику: Яновский, Жаворонков 2022)[199].

Итак, понимание угрозы не удержало Д. Эйзенхауэра от ошибки, дорого стоившей Америке. Разумные сомнения и опасения, высказанные им только накануне ухода, наверняка приходили ему в голову и раньше. Вполне естественно, что противостоять совместному натиску бюрократов и руководителей лучших университетов президент мог бы. Но для того, чтобы сказать «нет», Эйзенхауэру и его администрации нужны были как раз те самые принципы, которыми пожертвовали еще делегаты съезда Республиканской партии 1952 г., когда предпочли гарантированную победу идеологической твердости.

[198] См.: https://www.thefire.org/resources/spotlight/using-the-spotlight-database ; см. также опрос о состоянии свободы слова в кампусах(2020 г.): https://www.thefire.org/news/largest-ever-free-speech-survey-college-students-ranks-top-campuses-expression/

[199] См.: https://www.scientificamerican.com/article/modern-mathematics-confronts-its-white-patriarchal-past/

Сдача позиций в отношении высшего образования и науки сопровождалась отступлением в отношении начального и среднего образования. Президентство Рейгана началось с попыток понять причины очевидного кризиса школы, причем лоббисты принудительного государственного образования требовали нарастить бюджетные расходы и воздержаться от «непрофессиональной» критики (см. обзор: Яновский, Черный, Затковецкий 2017). Уже при президенте Дж. Буше-младшем «консервативная» администрация в основном приняла требования «профессионалов» государственного образования (McGuinn 2006).

Когда-то предупреждение учителя и автора книг по теории образования Джона Гатто (John Taylor Gatto) о том, что государственная школа опасна и противостоит основе общества — семье[200], было проигнорировано консерваторами как неуместная гипербола. Теперь постепенно становится ясно, что Гатто был прав, так же, как права была предсказывавшая коллапс общества и морали вследствие презрения к частному бизнесу, успеху и к частной собственности Айн Рэнд, на которую ополчились современные ей консерваторы (Edwards 2004, 39).

Впрочем, их легко осуждать задним числом с позиции сегодняшнего знания. Блестящий преемник Тафта (скончавшегося в 1953 г.) — сенатор Барри Голдуотер (Barry Goldwater) оказал сильное влияние на дальнейшее развитие консерватизма в США, в частности, на будущего президента Р. Рейгана, но, добившись выдвижения от Республиканской партии, свои выборы проиграл в 1964 г.

[200] «Government schooling is the most radical adventure in history. It kills the family by monopolizing the best times of childhood and by teaching disrespect for home and parents» («Государственное школьное образование — это самое радикальное приключение в истории. Оно убивает семью, монополизируя лучшие годы детства и приучая к неуважительному отношению к дому и родителям»; https://fee.org/articles/milton-friedman-was-right-to-call-them-government-schools).

Рис. 6. Социальные выплаты из федерального бюджета США в 1948—2021 гг.,% ВВП

Источник: Исторические таблицы к бюджету США на 2023 г.

https://www.whitehouse.gov/omb/budget/historical-tables/

В работе П. Усанова (Усанов 2023, с. 218—226) «Американская модернизация» дается критический, но разумный обзор экономической политики Рейгана. В отличие от администрации Тэтчер, действительно снижавшей расходы, Рейган и его советники ставили цель лишь замедления роста расходов. При этом, решив стимулировать экономический рост существенным снижением налогов, они компенсировали это наращиванием дефицита бюджета и государственного долга, т.е. решили «занять» у будущих поколений. Ярким последователем той же политики проявил себя и Д. Трамп. Это не отменяет их заслуг в части дерегулирования экономики, но должно быть отмечено, если мы говорим о них как о консерваторах. Такое движение, как Tea party в США, возникшее в период президентства демократа Б. Обамы и выступавшее вроде бы с совершенно разумной программой сокращения расходов правительства, вдруг перестало этого требовать в период президентства Д. Трампа (хотя первые два года его президентства были чрезвычайно благоприятны — республиканцы контролировали обе палаты и пост Президента).

Огромный объем и разнообразие социальных программ, осуществляемых под надзором растущего числа федеральных агентств, делает объем бюджета таким, что законодателю все труднее (если вообще возможно) эффективно контролировать его содержание без кооперации с федеральными служащими. Быстро растущие фонды

«социального государства» находятся в распоряжении чиновников, и от них зависит еще и график фактического перечисления средств по любой программе.

Все это создает огромные возможности для манипуляций и заставляет членов палаты представителей и сенаторов строить специальные отношения с влиятельными чиновниками, торгуясь по своим позициям в обмен на отсутствие сюрпризов при перечислении. Если же сюрпризы случаются, то конгрессмену приходится искать пути оказания давления на чиновника через его политического единомышленника во власти, как в случае, упомянутом во время дебатов кандидатов в вице-президенты 11 октября 2012 г. между П. Райаном и Дж. Байденом. Байден упрекает своего оппонента в том, что тот просил его, как вице-президента, помочь заставить перечислить деньги по уже утвержденной Конгрессом программе (об этом демократ предпочитает умолчать) в его штат — в Висконсин, при том что во время обсуждения программы («стимулирующего пакета») Райан ее критиковал, а затем критиковал то как она реализуется — в первую очередь в пользу друзей администрации[201]. Между тем, сам факт вынужденного обращения конгрессмена республиканца к демократу вице-президенту свидетельствует о том, что нормальный процесс не работает и что округа, пославшие в Конгресс «неправильных» представителей, не получают вовремя средства по утвержденным программам (в данном контексте мы даже не рассматриваем полезность и качество этих программ).

Любой заинтересованный в новых переизбраниях сенатор и конгрессмен — сторонник ограниченного в полномочиях правительства вынужден смягчать свои позиции. Чем больше размеры государства, т.е. фонды и полномочия чиновников, тем более зависимы избираемые политики от прихоти тех, кто зачастую идеологически противостоит им.

Не удивительно, что, анализируя предвыборные платформы республиканцев, мы можем наблюдать долгосрочную тенденцию смягчения и уступок своим оппонентам. Так, даже в платформе, принятой съездом, выдвинувшим кандидатом в президенты Барри Голдуотера 1964 г.[202], республиканцы не противостоят жестко программам

[201] Biden: «And I love my friend here. I — I'm not allowed to show letters but go on our website, he sent me two letters saying, "By the way, can you send me some stimulus money for companies here in the state of Wisconsin?" We sent millions of dollars. You know...» (Байден: «И я люблю своего друга. Я — я не имею права показывать письма, но зайдите на наш сайт, он прислал мне два письма, в которых говорилось: «Кстати, не могли бы вы прислать мне немного стимулирующих денег для компаний здесь, в штате Висконсин?» Мы отправили миллионы долларов. Вы знаете...»; https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2012-the-biden-romney-vice-presidential-debate).

[202] См.: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1964

социального государства, а всего лишь пытаются ограничить ущерб, требуя их адресности. В частности, вместо помощи всем бедным и всем пожилым помогать только и исключительно бедным старикам.

В кампании 1980 г. вместе с кандидатурой Р. Рейгана в президенты была одобрена платформа, в которой Medicare и Medicaid рассматриваются как не подлежащие обсуждению ценности и лишь предлагается рациональнее управлять их реализацией[203].

Остановимся, однако, ненадолго на не слишком удачливом президенте Ричарде Никсоне, вынужденном уйти в отставку досрочно из-за угрозы импичмента.

После войны, как рвущийся наверх политик-консерватор, он активно поддерживал комиссию сенатора Маккарти, однако не упорствовал в своем противостоянии коммунизму. Был вице-президентом в администрации Дуайта Эйзенхауэра и имел неплохие шансы продолжить работу в Белом доме и после выборов 1960 г.

Однако тогда некоторые особенности политических культур «качающихся» штатов Иллинойс и Техас дали основания для подозрений в том, что победителем был не Дж. Кеннеди, а Р. Никсон (Binder 2007; Kallina 1985). Последний отказался оспаривать результаты, полагая, что репутация сутяжника может разрушить его дальнейшую карьеру.

С учетом того, что восемь лет спустя Маккарти все же выиграл выборы, его пример был воспринят как надлежащий стандарт поведения консерватора и сыграл дурную службу и Республиканской партии, и Американской Республике. Лидеры республиканцев слишком долго — до 2020 г. игнорировали проблему фальсификаций.

Придя в Белый дом после восьмилетнего перерыва, он продолжил «прагматическую» линию Эйзенхауэра, принял на вооружение кейнсианскую экономическую политику («Все мы сегодня кейнсианцы.» — “We are all Keynesians now.”), последствия которой — высокая инфляция одновременно с высоким уровнем безработицы едва не разрушили президентство Рейгана. Тут, правда, следует оговориться, что первым эту формулировку использовал Милтон Фридман, чтобы описать едва ли не консенсус среди экономистов относительно желательности государственного вмешательства, — консенсус, вскоре разрушенный кризисом 1973—1975 гг.

[203] См.: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1980

Здесь будет полезно напомнить, что Никсон был, без сомнения, верующим человеком (квакером), и до начала политической карьеры имел опыт военной службы, на которую пошел добровольно.

Эти обстоятельства прояснят два решения президента, никак не укладывающихся в чисто «прагматическую» стратегию. Первое было помилование (смягчение наказания) лейтенанту Уильяму Келли (William Calley), обвиненному в организации массового убийства вьетнамских крестьян. Решение никак не могло добавить популярности президенту. Однако в обстановке массированной атаки на вооруженные силы левых СМИ Никсон не мог быть уверен в том, что приговор был вынесен без влияния этой пропаганды. Также он понимал, что среди военных весьма вероятно распространено скептическое отношение к приговору[204]. А значит, суровое наказание боевого офицера, рисковавшего своей жизнью едва ли не ежедневно, надолго навредило бы репутации американских вооруженных сил. Принятое решение, безотносительно того, насколько надежно доказана вина, несомненно, делает честь президенту как ответственному политику, озабоченному будущим государства и армии на много лет по окончании собственной политической карьеры.

Другое решение было принято уже в тени разворачивающегося Уотергейтского скандала. Президент приказал наладить массированную переброску боеприпасов Израилю в октябре 1973 г. В связи с сопротивлением этому решению европейских союзников доставку потребовалось налаживать с территории США. «Союзники» — в основном социал-либеральные правительства стран НАТО запретили не только вывозить боеприпасы с территории американских баз в Европе, но даже сажать американские транспортные самолеты для дозаправки. Проблема была решена благодаря премьеру недемократической Португалии. Весьма скептической к проекту была и позиция большей части руководства армии и департамента обороны.

Вопреки всему, Никсон настоял на своем, и операция Nickel Grass была осуществлена (Boyne 2002). Она не сыграла решающей роли в самой войне — первые тяжелые транспортные самолеты приземлились в аэропорту Лода (им. Бен Гуриона) 14 октября, когда основные силы Сирии уже были разгромлены, а крупнейшее после Второй мировой войны танковое сражение на Синае закончилось катастрофой для

[204] Нападки на это решение продолжаются до сих пор. Они не обременены фактами и повторяют обвинения Никсона в популизме, оснований для которых, естественно, не приводится. См., к примеру: https://web.archive.org/web/20170219033026/https://www.americamagazine.org/faith/2012/04/10/william-calley-lives ; https://www.washingtonpost.com/history/2019/05/25/he-was-americas-most-notorious-war-criminal-nixon-helped-him-anyway/

Египта буквально в тот же день[205]. Тем не менее, операция, безусловно, значительно облегчила Израилю завершение войны (офицеры знали, что они могут расходовать боеприпасы, поскольку на подлете новые). Также немаловажным в той ситуации было и быстрое восстановление запасов сразу по окончании военных действий.

Никаких особых симпатий к Израилю Никсон не испытывал[206]. Будучи ответственным лидером, он хорошо понимал, что страна, в отношении которой у США не было обязательств защищать ее своими солдатами (в отличие от союзников по НАТО), воспринимаемая в мире как союзник США, не должна быть оставлена без поддержки. Поддержка была необходима просто для поддержания авторитета США как лидера свободного мира и для создания эффекта сдерживания врагов. Последние были бы весьма вдохновлены позицией невмешательства США. Это ответственное решение стоит сравнить с позицией администрации Барака Обамы в 2014 г. после нападения России на Украину (Yanovskiy, Socol 2023). Украина не получила из США ни одной единицы настоящего («летального») оружия до прихода в Белый дом президента Д. Трампа в январе 2017 г. Еще раз подчеркнем, что принято это решение было не под давлением в пользу, а вопреки сопротивлению собственного окружения.

Было бы неправильно не упомянуть в связи с борьбой и выбором между Тафтом и Эйзенхауэром следующее обстоятельство. Первый был противником военного вмешательства за рубежом в принципе (Burleigh 2013, 246), в том числе во Второй мировой войне. Второй — ярким символом успеха такого вмешательства. К современной проекции этого выбора мы ненадолго вернемся ниже («Изоляционизм: анализ морали...»).

Приступ торизма в США: странное обсуждение «снарядного голода»

[205] См.: https://web.archive.org/web/20201020181658/https://www.jta.org/1998/09/20/lifestyle/timeline-of-yom-kippur-war

[206] Известно высказывание склонного к мимикрии под окружение Генри Киссинджера о том, что США не должны помогать советским евреям, даже если тех погонят в газовые камеры (https://www.foxnews.com/politics/kissinger-satisfies-few-with-apology-for-comment-on-jews-in-soviet-gas-chambers). Никакого практического смысла оно не имело, за исключением сигнала коллегам по кабинету: я свой. Такое высказывание не могло быть сделано в окружении произраильски настроенных лиц. Также следует заметить, что организации единоверцев президента — квакеров давно занимают резко антиизраильскую позицию (https://www.friendsjournal.org/speaking-up-for-palestinian-rights-now) и в 1973 г. протестовали против поставок оружия и боеприпасов (https://web.archive.org/web/20151106021810/https://www.wsj.com/articles/the-quakers-no-friends-of-israel-1446768728).

Во второй половине 2023 г., в особенности после резни, устроенной ХАМАСом на юге Израиля 7 октября, более интенсивно начали обсуждать проблемы исчерпания армейских резервов боеприпасов армии США[207]. Социальные консерваторы с большой озабоченностью (причины которой мы обсудим ниже) упоминали чрезмерно щедрые поставки боеприпасов — в особенности управляемых ракет для системы залпового огня HIMARS, поставляемых начиная с администрации Трампа, противотанковых ракет Javelin (обе производства фирмы Lockheed Martin) и наиболее ходовых 155-миллимитровых артиллерийских снарядов[208].

В 2022 г. темп производства таких снарядов составлял 14 тыс. в месяц, в 2023 г. выпуск достиг 28 тыс. в месяц, а к 2028 г. правительственные эксперты рассчитывали довести выпуск до 85 тыс. в месяц. Оптимисты надеются выйти на уровень 100 тыс. к концу 2025 г.[209] На первый взгляд, озабоченность поставками на Украину обоснована. Фронт требует по 6—8 тыс. снарядов в день (!)[210] или порядка 200 тыс. снарядов в месяц, т. е. даже 85—100 тыс. в месяц не решают проблемы восполнения запаса снарядов на армейских складах США.

Стоит, однако, напомнить, что почти 110 лет назад во время Первой мировой войны вторая промышленная держава мира — Германия выпускала 250 тыс. артиллерийских снарядов в месяц (правда, всех типоразмеров). Это было в цехах с малопроизводительными станками, с централизованным приводом, а значит, с низкой надежностью. Первая промышленная держава на станках уже нового поколения выпускала в годы Второй мировой войны только на одном (правда, крупнейшем) заводе Oldsmobile (General Motors) в Детройте по миллиону и более снарядов в месяц. На иллюстрации ниже — как раз 155-миллиметровый снаряд (рис. 7).

Со времен Второй мировой войны в машиностроении произошла настоящая революция, резко повысившая производительность. В результате для выхода на уровень

---

[207] См. статью сенатора (Ohio) и кандидата в вице-президенты на выборах 2024 г. от Республиканской партии: J.D. Vance. “The Math on Ukraine Doesn’t Add Up”. New York Times April 12, 2024. https://archive.md/lwpxt#selection-4531.12-4539.14. Оригинал статьи см: https://www.nytimes.com/2024/04/12/opinion/jd-vance-ukraine.html

[208] См.: Rebuilding U.S. Inventories: Six Critical Systems https://www.csis.org/analysis/rebuilding-us-inventories-six-critical-systems

[209] См.: https://www.defensenews.com/land/2023/10/06/us-army-awards-15b-to-boost-global-production-of-artillery-rounds ; https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/us-army-says-it-needs-3-billion-155-mm-artillery-rounds-production-2023-11-07/

[210] См.: https://www.defensenews.com/pentagon/2023/09/15/production-of-key-munition-years-ahead-of-schedule-pentagon-says/

85 тыс. (не 8,5 млн, что технически вполне достижимо при современной технике, а в 100 раз меньше) просят почти 5 лет (!).

В чем же секрет столь потрясающего «успеха»? Напомню, что и военная промышленность Германии в 1914 г., и промышленность США в 1944 г. были частными. Правительство совершенно не заботилось о производстве, а только размещало заказы среди фирм, способных их выполнить.

Рис. 7. Витрина заводского музея

Источник: https://usautoindustryworldwartwo.com/General%20Motors/Olds.htm

Нынешнее правительство США (администрация Байдена) тоже размещает заказы. Обратим внимание на то, как оно это делает. Приоритетом при размещении заказов является вовсе не техническая способность выполнить заказ (к примеру, определяемая опытом работы фирмы в соответствующей отрасли, наличием опытных инженеров и техников). Цена играет роль только тогда, когда фирма допущена к конкурсу. Однако для того, чтобы фирма была допущена, начальству придется полностью погрузиться в социальные эксперименты по интеграции женщин (в массе своей не рвущихся в инженеры и техники), трансгендеров всех типов, расовых и религиозных меньшинств.

Именно этого требует руководство по выполнению требований для участия в конкурсе — Federal Contract Compliance Manual (FCCM)[211].

Понятно, что это только одна из важных причин, связанных с невероятно разбухшим государственным регулированием бизнеса, но причина важная.

Достаточно важная, чтобы атаковать строго в рамках социал-консервативной идеологии эксперименты радикальной администрации демократов по борьбе с природой и с капитализмом. Однако низкий приоритет собственно экономических проблем в повестке социальных консерваторов привел к возможности, которую, как ни странно, упускают из виду: одновременно и укрепить армию, пополнив запасы боеприпасов, и защитить армию от разрушительных экспериментов по насаждению массового гендерного равенства, и защитить бизнес от атак политиков и чиновников — антикапиталистов.

Такого рода консерваторы, которые в США консервируют нечто, никогда на американской почве не существовавшее, договариваются даже до того, что помощь Украине боеприпасами и оружием, ослабляющая иностранного диктатора, не в интересах США. Утверждение же (многократно повторяемое после 11 сентября 2001 г.) о том, что поставки союзнику на Ближний Восток боеприпасов для ликвидации банды кровожадных террористов-исламистов едва ли не угрожают национальным интересам, ставит рекорд интеллектуальной и моральной гибкости все еще весьма популярного комментатора[212]. Эта популярность — урок консерваторам стран — союзников США, смысл которого заключается в том, что никакого «арсенала свободы» за океаном больше нет, и они должны позволить национальному бизнесу заработать на производстве оружия и боеприпасов, не обременяя его никакими целями, кроме качества и количества продукции.

Характерно, что Германия, а также некоторые вполне развитые промышленно страны ЕС, такие, как Бельгия, Чехия, Швеция и Польша, также оказываются не в состоянии развернуть массовый выпуск оружия и боеприпасов в условиях, когда угроза войны у них почти буквально на пороге. При этом у них еще есть шанс решить проблему без отправки на фронт своих граждан. Механизм «успеха», по всей видимости, аналогичен американскому. Уродливый симбиоз национальных регуляторов и

[211] См.: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/OFCCP/FCCM/508_FCCM_05012020.pdf. Свыше 550 страниц, полных equity, inclusivity и т.п., а это старый вариант, изданный еще при администрации Трампа; новый, от октября 2023 г., естественно, пошел еще дальше в этом же направлении — гендер вместо пушек (https://www.dol.gov/agencies/ofccp/manual/fccm/table-of-contents).
[212] См.: https://worldisraelnews.com/tucker-carlson-accuses-pro-israel-conservatives-of-not-caring-about-the-us/

регуляторов на уровне ЕС резко повысил издержки «законопослушного» ведения бизнеса. Наиболее широко известны злоключения бизнеса в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности (см. в частности, Федорин, с. 204—205). Там, начиная с искусственно организованного кризиса в период пандемии COVID-19, обсуждались послабления в «экологических» регуляциях внутри ЕС, которые могли бы позволить фермерам быстро и резко нарастить предложение продовольствия. Всем участникам дискуссии понятно, что иного пути добиться роста предложения нет. Но и евробюрократы, и национальные бюрократы, и левые политики предпочли бы, чтобы ответственность за столь «ужасный» шаг принял на себя кто-то иной[213].

С учетом куда более высокого порога первоначальных капиталовложений и соответственно рисков резкого ухудшения делового климата — роста налогового пресса (см. пример Великобритании по борьбе со «сверхприбылями» — накануне Первой мировой — в главе 3), утяжеления регуляторного бремени в военной промышленности, проблемы регуляций в этой сфере не легче, а намного тяжелее, чем в сельском хозяйстве. Ситуацию усугубляет традиция европейцев в последние 30 лет (по окончании холодной войны) экономить на обороне и вообще относиться к функции и обязательствам государства по обороне как к чему-то устаревшему и мало важному. Ниже мы приводим пример последствий такого отношения в Германии.

Свидетельство мексиканского консерватора

В серии эссе мексиканский политолог и политический деятель Фредо Ариас-Кинг описал свой опыт общения с американскими консервативными законодателями в начале 2000-х гг. Будучи уверены, что все мексиканские политики заинтересованы в экспорте избыточной рабочей силы на Север, упомянутые законодатели откровенно рассказывали, как они намеренно выхолащивали законы о защите от нелегальной

[213] См. дискуссию, в которой министр сельского хозяйства от партии зеленых Германии открыто требует решения от ЕС и сетует, что ЕС предпочитает переложить ответственность на национальные правительства (https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/commission-shirks-responsibility-on-food-crisis-response-says-german-minister). Последнее, кстати, с учетом того, что над национальным уровнем не существует механизма демократического контроля (Европарламент не наделен никакими серьезными полномочиями), вполне логично и естественно. См. также https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/member-states-push-to-further-loosen-cap-environmental-measures-for-2023 и https://www.europeanbusinessreview.eu/page.asp?pid=6386 (Member states push to further loosen CAP environmental measures for 2023).

иммиграции из Мексики, которые вносили под давлением консервативного избирателя, не прописывая механизм финансирования, исполнения и т.п. (Arias-King 2006).

Заселение территории США нелегальными иммигрантами неизбежно приводит к важным изменениям среди избирателей по мере легализации таких иммигрантов. Один из аргентинских политиков XIX в., цитируемый Ариас-Кингом, заметил: «Заселять — значит править». Что же могло заставить американских политиков, представляющих свободолюбивых и граждански зрелых избирателей, способствовать, по сути, замещающей их иммиграции?

Ответ, который был получен из продолжительного и непринужденного общения с американцами в качестве стороннего наблюдателя, весьма неутешителен. Мексиканские иммигранты, в подавляющем большинстве своем — прекрасные люди. Они трудолюбивы, щедры и гостеприимны, но при этом по давно усвоенной привычке привычно и легко встраиваются в отношения «патрон—клиент». В таких отношениях «добрый» и щедрый за бюджетный счет «патрон» обеспечивает зависимость избирателя от себя. «Патрон» помогает избирателю с трудоустройством или защищает его бизнес от излишнего внимания других ведомств, помогает решать медицинские и транспортные проблемы, устроить ребенка в школу и многое другое. Это те самые отношения, которые, как стало ясно из общения с конгрессменами и сенаторами, обладают невероятной притягательностью и для большинства американских «консерваторов» (к счастью, не для всех — среди республиканцев встречались и принципиальные политики — см. Arias-King 2014).

Классический американский избиратель, воспитанный на ценностях отцов-основателей, требует от своих представителей постоянно идти на конфликты, потому что его убеждение «пусть правительство занимается своими делами, а я займусь своими» абсолютно неприемлемо для социального бюрократа — типичного государственного мужа наших дней.

Для социального бюрократа нет частных дел, нет частной жизни: все, что важно, по определению есть «государственное дело». Американский избиратель требует от конгрессмена и сенатора оградить его от государственных регуляций бизнеса, от вмешательства в дела семьи, школы, не подстрекать его дочь втайне от родителей забеременеть и за государственный счет тайно сделать аборт (не говоря уже о необратимых по последствиям операциях кастрации/стерилизации в рамках «трансгендерного перехода»), не навязывать ему квартиросъемщика или работника во имя «антидискриминации», или же «позитивной дискриминации» (см.: Яновский,

Жаворонков 2016). Поэтому, выполняя требования классического американского, т.е. консервативного избирателя, его политик должен каждый день, в течение всего срока (сроков) своего пребывания на выборной должности, вести войну с социальным государством: конфликтовать с чиновниками от образования, просвещения, опеки, комиссией по равным возможностям при найме на работу, а зачастую еще и с прокурорами и др. Все это вместо того, чтобы соглашаясь, как демократы, учитывать интересы чиновников в законодательстве получать от них блага или поблажки для своих избирателей.

Неудивительно, что конгрессмен и сенатор-республиканец не без зависти смотрит на коллег-демократов с их управляемым, «спокойным» электоратом. Добывать для округа деньги, за чужой счет строя дороги, устраивая детей в школу, добиваясь остановки автобуса поближе к дому или ремонта водопровода, наконец, помогая бизнесу «решать вопросы» с теми же бюрократами, а за это получать поддержку не задающих лишних вопросов «тихих» (до поры до времени) избирателей намного проще, чем стоять на страже свободы, которую избиратель к тому же будет продолжать считать даром с небес, а вовсе не благодарить за нее без конца политика, который помог в очередной раз отбить атаку на права избирателей.

Эти латинос выглядят религиозными, работящими, семейными людьми, по-своему вполне консервативными. Создать из них основу своей политической машины кажется делом вполне разумным. Там, где не хватает латинос, как в Джорджии, можно использовать и негров. Ведь задолго до того, как демократ Ф. Д. Рузвельт начал эксперименты с пособиями, а демократ Джонсон подсадил их на иглу социальных пособий, они в большинстве своем голосовали за республиканскую партию. И некоторые из них имеют семью, работают и ходят в церковь. Как было бы здорово наладить с ними отношения и жить спокойно, по крайней мере, между сессиями Конгресса. Странные компромиссы республиканского руководства этого штата с радикально левыми оппонентами накануне выборов 2020 г. (Жаворонков, Касьян, Яновский 2021) дают серьезные основания подозревать поиск ими возможностей выстроить такие же схемы работы с избирателем, минимизирующие затраты на предвыборные кампании, а главное, риски поражения.

Схема «патрон—клиент» в консервативных партиях, к сожалению, не ограничена США. В Израиле она встречается в ведущей партии национального лагеря — в «Ликуде». Она же действовала в партии «Наш дом — Израиль», возглавляемой Авигдором Либерманом, едва ли не с ее основания в 1999 г. Партия долгое время

позиционировала себя как стоящая правее «Ликуда» в вопросах политики, как безусловно национально-консервативная и уважающая еврейскую традицию. В то же время партия претендовала на либерализм в экономических вопросах.

В 2005 г. партия действительно оказалась правее «Ликуда», точнее, правее вышедшего вскоре из «Ликуда» и ушедшего «налево» Ариэля Шарона, выступив против депортации евреев и вывода войск из Сектора Газа. Однако уже в следующем 2006 г. партия вошла в правительство ключевой фигуры депортаций и сторонника продолжения таких практик Эхуда Ольмерта. Перед выборами 2009 г., согласно опросам, потерявший поддержку Либерман вывел партию из правительства и снова сместился вправо, сумев выправить ситуацию.

После выборов 2019 г. Либерман неожиданно для многих развернул партию далеко «налево», продолжив занимать все более и более радикальные позиции. Он начал и продолжает шумную антиклерикальную кампанию против вчерашних союзников (национально-религиозных и религиозных еврейских партий, но, что характерно, не арабских), поддержал введение документов с заменой данных о родителях (отец и мать) на «родитель № 1» и «родитель № 2», выступил против видеоконтроля явки на избирательных участках, угрожавшего арабским партиям. Наконец, в 2022 г. в качестве министра финансов он вошел в правительство вместе с арабской и радикально левыми партиями, что ранее было немыслимо даже для центристских сил Израиля. В 2023 г. он позиционировался как наиболее радикальный критик судебной реформы, призванной привести судебную систему страны в соответствие с традициями и разграничением полномочий между ветвями власти, характерными для старых демократий — стран обычного права — Common Law (права обычая, прецедента, как в США, Великобритании, Канаде и др. Подробнее — ссылки по истории НДИ см. в Дополнительных материалах к данной главе[214]).

Нет ни тени сомнения, что столь высокая «маневренность» и управляемость НДИ в значительной степени связана с ее построением «сверху вниз» и организацией типа «патрон—клиент».

Даже политик — сторонник ограниченного правительства, желающий переизбраться на новый срок, зачастую сам вынужден бороться за перераспределение бюджетных ресурсов. Это необходимо ему как минимум для того, чтобы его избиратель

[214] См. также записку «Партия Наш дом Израиль (Либермана) — основные вехи истории проекта» (https://www.academia.edu/114366033).

не был наказан за свой выбор. Сделки, которые он заключает в ходе такой борьбы, потом используются для дискредитации его идей (пример — уже упомянуиые выше дебаты кандидатов в вице-президенты США 2012 г. Байдена и Райана, в которых Байден упрекал оппонента в том, что тот добивался для своего округа денег по программе стимулирования экономики, которую сам же критиковал). И такие упреки — один из важных козырей в руках американских левых.

Депутат конгресса от Джорджии Марджори Тейлор Грин (Marjorie Taylor Greene) в ответ на утверждение Джо Байдена о том, что республиканцы собираются сократить расходы на Medicaid — одну из старейших и самых дорогих программ социального государства — крикнула ему: «Лжец!»[215] Проблема, однако, не в том, что старый политик — бывший весьма умеренный социальный либерал, а ныне социалист, лжет. Проблема в том, что республиканцы не видят даже в дальней перспективе в качестве своей задачи демонтаж этой, подтвердившей свою опасную неэффективность (Яновский, Жаворонков, Черный 2017)[216], программы.

Консервативные премьер-министры Великобритании также давно не видят перед собой задачи и перспективы демонтажа неэффективного и социально опасного монстра National Health Service. (Там же, а также Yanovskiy, Socol 2021.)

Изоляционизм: анализ морали, выигрышей и издержек

Следует сразу оговориться. Критика изоляционизма не означает отрицания того, что в его основе есть немало разумных идей, подтвержденных опытом. Активная внешняя политика и участие в войнах за океаном, масштабные программы помощи, которая часто оказывается в руках бандитов, имеют свою цену. Действующая далеко за океаном армия и разведка и связанные с ними решения и расходы плохо поддаются гражданскому контролю. Помощь таким наиболее бедным странам как Афганистан или Гаити почти неконтролируема. Эти страны отличаются крайними проявлениями культуры, основанной на праве силы, а не на силе права. Сама поездка туда связана с высокими рисками и контролировать распределение помощи там практически невозможно. В результате сотни миллионов и миллиарды долларов достаются свирепым

[215] См.: https://www.dailysignal.com/2023/02/07/republicans-erupt-call-biden-liar-over-medicare-claims/
[216] См.: https://ssrn.com/abstract=3029673

бандитам, террористам и идут, в частности, на строительство цементного завода, обеспечившего в свою очередь строительство сети тоннелей ХАМАСа в Газе[217].

Мы уже упоминали выше о странном либертарианском отношении к праву на самооборону — поддержка индивидуального при фактическом отрицании коллективного (по крайней мере, с помощью государства). Отношение к коллективной обороне у либертарианцев напоминает отношение части классических либералов прошлого (Герберта Спенсера, к примеру) к армии и к войнам, но в сильно утрированном виде или к существовавшей надпартийной коалиции демократов и республиканцев 30-х гг. XX в., требовавшей не поставлять никому оружие в Европу якобы во избежание войн. Соответствующий закон был принят в 1935 г. и отменен по требованию имевшего подавляющее партийное большинство президента Ф.-Д. Рузвельта уже после нападения нацистской Германии на Польшу в сентябре 1939 г. Нанесло удар такое эмбарго прежде всего по небольшим странам, вынужденным сопротивляться нацистам и большевикам, а также и по Франции и Великобритании.

Либертарианцы обосновывают свое отношение к ограничениям на самооборону индивида и на коллективную самооборону (общества, страны) принципом неагрессии. Правда, неагрессия не есть ненасилие (и на том спасибо) и в принципе большинство американских либертарианцев — твердые сторонники защиты права Второй поправки, а некоторые (Block 2011) считают, что даже неприятные либертарианцам личности могут защищать себя с оружием в руках, включая ситуацию, когда агрессор использует живой щит.

Приличные консерваторы традиционно ценят право на самооборону никак не меньше, чем либертарианцы. Более того, они обычно с пиететом относятся и к коллективной самообороне (к ополчению и к армии).

У них, однако, есть свои проблемы. Они озабочены решением реальных местных вопросов вместо немедленного спасения человечества от астероида, всеобщего потепления и т.п. Многие из них, движимые вполне благородным мотивом найти моральное, ценностное обоснование такого предпочтения, находят его не самым удачным образом, например, становятся приверженцами изоляционизма — невмешательства в мировую политику именно как фундаментального принципа.

---

[217] См.: https://en.palbas.org/post/822/sanad-holds-a-press-conference-about-establishing-the-first-company-f

В эпоху холодной войны республиканцы были наиболее жесткими сторонниками противостояния коммунизму. Однако тогда руководство коммунистов было расположено за океаном. Уже в 1994 г., к удивлению Милтона Фридмана, оно располагалось в правительственных зданиях Вашингтона (округ Колумбия).

Итак, сегодня, когда руководители наиболее опасной и быстро усиливающейся части левых тоталитаристов располагаются в США, занимая, в том числе, правительственные здания в Вашингтоне, велик соблазн заявить, что «лучше [быть] турком, чем папистом». Однако настоящие исторические гёзы — борцы за свободу Голландии — служили Богу, а не Папе, и уж точно не султану, хотя и носили символику с эпатирующей надписью[218] (рис. 8).

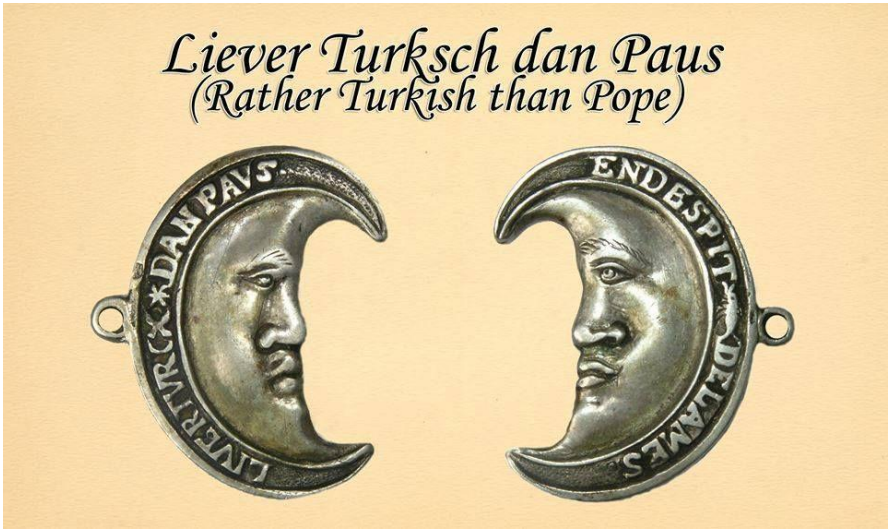

Рис. 8. Кокарда гёзов, воевавших за независимость Нидерландов «лучше [быть] турком, чем папистом».

Велик соблазн поверить, что где-то далеко за океаном в Кремле сидит не вор и бандит, возомнивший себя восстановителем СССР, а новая надежда консерваторов мира, «хранитель христианства»[219]. Однако такая вера крайне опасна для того, кто обязан верить только в Создателя. Не говоря уже о том, что проверить факты и убедиться в безосновательности такой веры совсем не сложно.

[218] См.: https://dutchrevolt.leiden.edu/dutch/spreuken/Pages/liever%20turks.aspx

[219] См.: https://youtu.be/LBMCUSLyRAY?si=oWenTR_rRgRp1Bvj ; https://providencemag.com/2023/10/zelensky-tucker-putin/

Правда, когда у человека появляется желание увидеть «свет в конце тоннеля» и любой ценой избежать разочарования, оно может и Альберта Эйнштейна превратить в агрессивного невежду[220].

Моральное преимущество заботы, которая начинается с трат из своего кармана, с собственных усилий и участия в беде ближнего, над рассуждениями об озабоченности судьбами сразу всего человечества, не вызывает тени сомнения, особенно с учетом требований озабоченных увеличить налоги на других с тем, чтобы решить проблему.

Те консерваторы, которые требуют отдавать приоритет внутренним проблемам своего правительства, имеют для этого серьезные основания, однако забота о ближнем не относится к ответственности правительства. С точки зрения «образцового» консерватора власти, как и предписано Пятикнижием, запрещено «умножать золото и серебро» (т.е. расходы правительства). Однако есть исключение — на все, кроме обороны. А значит, если требование защищать собственные границы выполняется, вполне разумно задуматься о защите и дальних подступов к этим границам, к созданию или к поддержанию сдерживающего эффекта (например, победе в космической гонке).

Даже история создания и становления США доказала, что океан не является надежной защитой от вторжения, хотя и дает солидную фору стороне, сражающейся на своей территории.

Вскоре после окончания войны за независимость молодая торговая нация столкнулась с вызовом пиратства. Изоляционизм обусловил политику выплаты из бюджета выкупов за захваченных североафриканскими пиратами американцев. Отказ от него третьего президента США Томаса Джефферсона и сокрушительное поражение пиратов крохотным американским флотом за тысячи миль от берегов США привели не только к созданию необходимого эффекта сдерживания. Победа американцев в Триполи продемонстрировала Великобритании и другим державам со значительными военно-морскими силами, что военные возможности пиратов переоценены и дешевле не откупаться от них, а громить их (London 2005).

В современных условиях бандит, вооруженный ядерным оружием с межконтинентальными средствами доставки, не может рассматриваться как нереальная или неочевидная и даже отдаленная угроза. Более того, уже в эпоху Второй мировой переброска через океан сил вторжения тоталитарной державы была вполне реальной, а

[220] См. примеры: попытка передать ядерные технологии Сталину, поддержка социализма, участие в клеветнической кампании против партии «Херут» и Менахема Бегина (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3670980).

потому тогдашние консерваторы-изоляционисты оказали бесценную услугу предтече президентов-социалистов (Картер, Обама, Байден) Ф. Д. Рузвельту, нанеся удар по собственным политическим позициям. Здравый смысл и мораль американцев отвергли джихад Рузвельта против свободного рынка (см. подробнее: Яновский, Жаворонков 2016), но приняли необходимость сокрушить сильнейшего на 1941 г. тоталитарного врага, а позднее — необходимость огромных расходов на сдерживание коммунистических диктаторов. Без этих усилий потери США в результате столкновения с державами Оси уже на своей территории могли в лучшем случае (успех в отражении агрессии) обойтись на порядок большими жертвами, чем фактические потери в той войне.

Рассмотренный нами выше выбор республиканцев 1952 г. между Тафтом и Эйзенхауэром стал, в том числе, и выбором политики сдерживания коммунизма. Эта политика была и морально, и прагматически предпочтительнее попытки забыть о существовании жаждущих мирового господства иностранных диктаторов, как и в случае выбора вмешаться в войну и разгромить другого вида тоталитарный социализм в 1945 г. Даже с учетом того, что личный мотив решений президента Ф. Д. Рузвельта, вероятно, был существенно иным, связанным со стремлением к расширению полномочий во время войны (Folsom & Folsom 2011).

Рассуждения некоторых консерваторов-изоляционистов о том, что избегание агрессии и насилия позволяет избежать любых проблем, игнорируют один простой исторический факт. Эти люди сами родились и выросли в мире только благодаря уверенности лидеров СССР и КНР в готовности руководства США, не колеблясь, применить ядерное оружие в случае опасности Свободному миру. А появилась эта уверенность после атаки атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки. Отказ от агрессии, как мы показывали ранее (см.: Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018, гл. 1, 74—78; Яновский, Жаворонков, Кокурина 2021), практически равносилен отказу от эффективной обороны. Последняя невозможна с разумными издержками без создания и поддержания сдерживающего эффекта, в том числе того, который был создан реализацией приказа президента Г. Трумэна бомбить японские города атомными бомбами.

Пока отдельные консерваторы указывают на сугубо прагматические причины выступления против изоляционизма, будущие дополнительные расходы на оборону в случае успеха завоевания перекроют реальную помощь Украине сегодня (McCusker 2024). Политические последствия возможного военного поражения Украины нанесут,

возможно, непоправимый политический ущерб новой администрации США (Lucchese 2024). Представляется, что повторение опыта бегства из Афганистана 2021 г. имеет куда более важное моральное измерение, нежели прагматическое.

Доктрина Монро (далеко не вполне изоляционистская) могла работать, пока за океаном не было ни опасных врагов, ни надежных союзников, заинтересованных нанести поражение этим опасным врагам. Сегодня ситуация совершенно иная.

В наши дни возможность ослабить чужими руками и американским оружием врага, способного и имеющего желание угрожать границам США, является как минимум выбором, требующим самого серьезного и добросовестного анализа. Этот анализ на определенном этапе должен быть свободен от соображений, связанных с тем, какую позицию заняли политические оппоненты внутри США и какую пропаганду они при этом ведут. Современным консерваторам явно не помешает изучить опыт и мотивацию решения Ричарда Никсона организовать воздушный мост в Израиль в октябре—декабре 1973 г. (Yanovskiy 2014).

Наконец, стоит напомнить, что честь возглавить последнее и победоносное наступление в холодной войне против коммунистической империи не случайно выпала Рональду Рейгану. Бывшему консервативному демократу, а вовсе не наследнику и воспитаннику сенатора Тафта.

Примеры последовательной защиты личных прав представителей меньшинств

Идея бескомпромиссной защиты прав меньшинств укоренена в ценностях классического либерализма. Ниже мы приведем примеры того, чем оборачивается ее реализация в отсутствие общепризнанных и религиозно санкционированных моральных ограничений. То есть признаваемая либералами проблема — как остановить право «у кончика носа ближнего», не решается, если универсальные моральные ценности ничего не стоят в глазах «защищаемых меньшинств» и их покровителей в большом заботливом правительстве.

Фотограф и пекарь

Пара лесбиянок, решившая запечатлеть церемонию официальной регистрации своего союза, обратилась к фотографу по имени Elaine Huguenin, предложив заказ на

съемку. Фотограф поблагодарила за их выбор, но, узнав, что речь идет о совершенно нетрадиционной церемонии, вежливо отклонила предложение. Фотограф мотивировала отказ тем, что специализируется на традиционных церемониях. Вместо того чтобы обратиться к другим фотографам (около ста альтернатив в округе) или к друзьям с просьбой снять на бытовые, но сопоставимые по основным параметрам устройства свое торжество, пара обратилась с жалобой на дискриминацию в New Mexico Human Rights Commission (NCHR[221]).

Идея навязать подобный заказ изначально вызывает вопросы. От такого «летописца» ждут заинтересованного соучастия в процессе. Обычно сами съемки такого рода — это своего рода представления, спектакли (пускай и любительские, но доставляющие удовольствие снимаемым самим процессом).

Эксперты Cato Institute представили суду аргументы в защиту фотографа[222]. Они выстраивают свое мнение на основе распространения (расширения) защиты нормы Первой поправки, запрещающей Конгрессу устанавливать нормы ограничивающие «свободу слова или прессы» (abridging freedom of speech or the press). Построения экспертов выглядели вполне разумно и логично. Главное, их логика опиралась на известные прецеденты.

Ответчик дело проиграл. Верховный суд штата вынес решение в пользу лесбиянок, постановив, что «закон обязывает фотографа поступиться своими религиозными убеждениями», и это «плата за наличие у нее гражданства». Верховный суд США, куда была подана апелляция, вообще отказался принять дело к рассмотрению[223].

К сожалению, на этом дело не закончилось. Объявился некий гражданин, который публично стал грозиться сжечь дом фотографа вместе с семьей. Полиция демонстративно оставила жалобу фотографа без внимания. Фотостудия закрылась[224].

Вызывает некоторое удивление то, что, хотя основной мотивацией объяснения отказа, данной ответчиками в суде, была ссылка на христианские убеждения, не упоминается другой запрет Первой поправки. А именно запрет ограничивать

---

[221] См.: Vanessa Willock v. Elane Photography LLC.

[222] См.: https://www.cato.org/publications/legal-briefs/elane-photography-v-willock-0

[223] См.: https://adflegal.org/client/jon-and-elaine-huguenin ; https://adfmedia.org/case/elane-photography-v-willock

[224] См.: https://www.csmonitor.com/USA/Justice/2016/0716/For-those-on-front-lines-of-religious-liberty-battle-a-very-human-cost

религиозную свободу и устанавливать государственную религию (в данном случае воинствующий атеизм).

Верховный суд США принимал к рассмотрению дела с требованием удалить из общественных зданий изображения скрижалей с десятью заповедями на основе именно этого запрета Первой поправки. При этом наличие на стене такого текста не означает принуждения совершать действия, противоречащие религиозным убеждениям атеиста. Между тем, в данном случае, а также в рассматривавшемся Верховным судом США деле Masterpiece Cakeshop, Ltd. v. Colorado Civil Rights Commission[225], речь идет о принуждении, действуя публично, создавать подобные изображения, хотя и для частного использования.

4 июня 2018 г. Верховный суд США семью голосами против двух вынес решение в пользу кондитера Джека Филипса (Jack Phillips), отказавшегося печь торт для гомо-«свадьбы»[226]. Пекарь предложил обратившимся к нему гомосексуалистам торты на выбор, но печь торт именно для «свадьбы» как религиозно-идеологически определенного действия отказался. В тексте судебного решения указано, что дело кондитера является особым случаем и по сути не является прецедентом, что сильно обесценивает решение. Верховный суд ссылается на поведение комиссии по гражданским правам штата — она приняла жалобу геев при том, что гомо-«свадьбы» на 2012 г. не признавались штатом Колорадо. Члены комиссии настолько откровенно издевались над свободой совести и свободой слова кондитера, что двое назначенных демократами «либеральных» судей (включая Елену Кейген) сочли за лучшее присоединиться к большинству во имя компромисса. Компромисс сводит дело к частному провалу, игнорируя систему. Аналогичные комиссии структуры в других штатах или федеральная комиссия по равным возможностям повели бы себя по-другому. И это не говоря уже о том, что судьи первой и апелляционной инстанций поддержали столь слабо обоснованные претензии к пекарю.

Еще не успел Верховный суд вынести решение по делу неудовлетворенных гомосексуалистов, как бизнес Masterpiece Cakeshop был атакован трансгендером[227]. Мужчина, представляющийся женщиной, некий Autumn Scardina (адвокат), потребовал торт и не удовлетворился полученными предложениями. Взыскательный заказчик

[225] См.: http://www.scotusblog.com/case-files/cases/masterpiece-cakeshop-ltd-v-colorado-civil-rights-commn/
[226] См.: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-111_j4el.pdf
[227] См. о текущем состоянии дела: https://www.foxnews.com/politics/colorado-baker-court-cake-celebrating-gender-transition-trap или https://www.washingtonexaminer.com/restoring-america/fairness-justice/phillips-found-in-violation-of-law-again-as-scotus-ruling-looms (дата обращения: 13.02.2023).

требовал торт, вид которого отражал бы торжественность момента гендерного перехода. Получив отказ — не в торте, а в участии в демонстрации трансгендерной гордости, адвокат, несомненно, следивший за ходом предыдущего процесса, атаковал бизнес новым иском, окончательное решение по которому, вероятно, снова достигнет Верховного суда.

Независимо от исхода конкретного иска, многие годы издержек, потерь времени, нервов, поиска пожертвований на покрытие огромных расходов на юридическую защиту наводят страх на другие компании, принадлежащие менее упорным и отважным бизнесменам.

Нельзя сказать, что классические либералы, либертарианцы равнодушны к подобным атакам на бизнес. Некоторые из них сами несут издержки с тем, чтобы посильно помочь защищаться от этих атак.

Однако, признавая легитимность разрыва с религиозной традицией и даже не ссылаясь на свободу веры (понятно какой) в суде, они «играют» со связанными руками. Они отказываются от наиболее мощных и эффективных средств защиты, которые однозначно с самого начала определили бы каждого такого атакующего как злодея, как аморальное существо, лишив его шансов на массовое сочувствие и поддержку.

В завершение сюжета подчеркнем прямую заинтересованность поклонников большого заботливого государства в атомизации общества. В случае успешного завершения наступления бюрократии против семьи и формирования новой семьи как союза матери-одиночки и ее покровителей из социальных ведомств неизбежен развал практически всех структур гражданского общества, поскольку в основе наиболее жизнеспособных таких структур лежит семья.

Оставшись без поддержки семьи (чему, к примеру, способствует принятие предложения об аборте или об операции по перемене пола втайне от родителей), незрелая личность обречена на пожизненную неустроенность, а то и вовсе на одиночество. Такое положение — по модели поведения, описанной еще Дж. Оруэллом в «1984» — с высокой вероятностью побуждает прошедшего левую «инициацию» и ничем иным не выделяющегося бывшего парня или бывшую девушку стать активистом какого-нибудь безопасного «протестного» (Social / Climate /... Justice) движения в поддержку роста полномочий и расширения функций заботы большого правительства, с тем, чтобы продолжать получать наркотик признания несуществующих заслуг.

Школы, университеты и больницы вместо мостов и телеграфа

Захват сторонниками неограниченного в полномочиях заботливого государства сфер образования и здравоохранения в США в основном состоялся. Эти позиции все более агрессивно используются для атаки на семью и на гражданское общество, начиная с религиозных организаций (Яновский, Жаворонков 2019[228]). Главное, эти позиции обеспечивают мощные рычаги воздействия на мировоззрение молодежи и на образ жизни растущей доли зависимого от welfare state (социального государства, «государства всеобщего благосостояния») населения, что облегчает электоральную мобилизацию в пользу дальнейшего наращивания полномочий.

Общая послевоенная тенденция роста симпатии к социализму, который не воспринимают как прямую угрозу тоталитаризма, пока сохраняется у каждого следующего поколения. Переломить ее без радикальных мер по «приватизации частной жизни» уже не получится. Речь идет о возвращении частным лицам, семье (из мужа, жены и их, как правило, общих биологических детей) полномочий решать, где, как и чему учить ребенка, какие меры принимать для лечения и профилактики болезней. Решение должен принимать сам пациент и его семейный врач, и рекомендованные последним или выбранные самим пациентом специалисты, а не правительственные чиновники и пораженные конфликтом интересов эксперты.

Все больше консерваторов осознают значение этого вызова. Несмотря на то что ответ на него далеко не всегда оптимален — запретительные меры и ограничение государственной поддержки учреждений и организаций, особенно агрессивных в насаждении радикальной этатистской, антисемейной идеологии (подобные мерам властей штата Флорида во главе с Роном Десантисом), сам по себе поиск ответа на угрозу вселяет надежду.

Не важно, кто голосует, важно, кто считает

Мы уже упоминали выше как о провале Р. Никсона о его отказе провести серьезное расследование подозрений в нарушении честной процедуры подсчета голосов в Иллинойсе и в Техасе в 1960 г.

[228] См.: Перспективы вытеснения монотеизма, семьи, гражданского общества и частной собственности: обзор литературы (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548)

Еще по итогам дискуссий о процедуре выборов в связи с выборами 2000 г. общественная двухпартийная комиссия во главе с бывшим президентом Джимми Картером и Джеймсом Бейкером, бывшим госсекретарем США, сформулировала вполне однозначные выводы о недопустимости голосования без удостоверения личности, о крайней уязвимости для фальсификаций почтового голосования.

Как это часто бывает в последние десятилетия, сторонники большого неограниченного правительства, левые сделали однозначный вывод о том, что именно эти очевидно неприемлемые процедуры и нужно распространить как можно шире. Более того, оказалось, что необходимо дополнить их иными процедурами (вроде электронного голосования, сбора бюллетеней у избирателей неопределенными личностями — ballot harvesting — ставящего под вопрос возможность тайного волеизъявления избирателя), усложнить процедуры проверки списков избирателей для удаления из них «мертвых душ», проверить правильность оформления при почтовом голосовании, а также принудительно ввести государственное финансирование и запрещение «дезинформации» о выборах. Последнее буквально означает отмену права Первой поправки на период предвыборной кампании.

На уровне отдельных штатов, пионером среди которых является «полуторапартийная» Калифорния, эти меры распространяются начиная с публикации выводов комиссии Картера — Бейкера[229].

Подробнее мы разбирали этот сюжет в статье «Что случилось с факелом свободы: уроки 3 ноября 2020 года для России» (Жаворонков, Касьян, Яновский 2021) и в приложении к оной. Дальнейшее развитие событий, в частности, публикация отчета организации True to Vote в 2022 г.[230], опыт электронного голосования в России 2021 г. («выборы» в Государственную Думу) доказывают неопровержимо, что ни один разумный сторонник цивилизованной политической конкуренции, немыслимой без честного, прозрачного подсчета голосов на выборах не может приветствовать распространение такого опыта.

Обоснование введения норм, облегчающих фальсификации, обычно сводится к необходимости ради неизвестных меньшинств облегчить участие в выборах, т.е. ради облегчения участия необходимо уничтожить честные конкурентные выборы как

[229] См. текст доклада 2005 г. здесь: https://web.archive.org/web/20200419202148/https://legislationline.org/download/id/1472/file/3b50795b2d0374cbef5c29766256.pdf или здесь: https://web.archive.org/web/20230307104517/https://securevote.news/wp-content/uploads/2023/02/Carter-Baker-Report.pdf

[230] См.: https://2000mules.com

таковые, тогда как в социалистических странах процент проголосовавших будет почти неотличим от ста. Но только настоящих конкурентных выборов не будет. Выбирая между «инклюзивными» выборами и честными, любой порядочный человек, а не только консерватор, выберет честные и прозрачные.

Парламенты и суды (коллегии присяжных) в уважающих себя обществах не созываются на сессии в роскошных отелях скрытых от глаз назойливых наблюдателей — ради удобства, комфорта и обеспечения стопроцентной явки. Они заседают в строго определенное время в строго определенном помещении. При этом за редкими исключениями и заседания парламента, и суда открыты для публики, и это необходимый элемент гражданского контроля. Тем более выборы, проводимые раз в 2—4 года, должны предъявлять избирателю аналогичные требования. Явиться с документом с фотографией в определенный день, в определенном временном интервале лично — не слишком строгий «ценз», обеспечивающий защиту от многих видов фальсификации, и свободное, без давления волеизъявление. Подсчет голосов не может занимать неделю. В огромном большинстве случаев результаты честных выборов известны утром после дня голосования, пока внимание общества максимально привлечено к сюжету и тем обеспечивается наибольшая прозрачность.

Пример одной карьеры

Консервативный федеральный политик для того, чтобы получить необходимый уровень поддержки на уровне округа — штата — в перспективе, если получится — на национальном уровне, должен обратить на себя внимание консервативных активистов и консервативного электората. И активисты, и простые избиратели, конечно, совсем не против того, чтобы член (Палаты представителей) Конгресса выбивал из федерального бюджета средства, которые были бы потрачены в округе (штате), — кроме, разве что, совсем старомодных и наиболее идеологизированных. Однако, такие избиратели требуют, чтобы их представитель держал определенную планку в своих выступлениях и голосованиях, чтобы им не приходилось раскаиваться в своем выборе при обсуждении на встрече за барбекю или в баре. И мало кому хочется на такой встрече признавать: «Наш, конечно, выбил заказы для завода по соседству, добыл деньги на ремонт дорог, модернизацию связи. Правда, при этом стал по голосованиям и выступлениям плохо отличим от левого демократа». Обратная ситуация обычно куда менее травматична —

денег не добыл, но какого он «этим парням в Вашингтоне» задает жару! Большинство избирателей не работает на этом заводе и худо-бедно переживет без закачивания (зачастую бестолкового) федеральных средств в инфраструктуру.

В связи со сказанным выше обычное начало карьеры потенциального конгрессмена требует своего рода экзамена и таких рекомендаций, чтобы выглядеть классическим закоренелым консерватором — семейным, религиозным, противником гендерно-культурного разнообразия и «щедрого» вездесущего государства, а также, естественно, врагом убийства нерожденных детей (абортов) и другом вооруженных до зубов граждан (и Второй поправки к Конституции США).

Хорошо на старте карьеры консерватора быть военным или преуспевающим, сделавшим себя самого предпринимателем, на худой конец — прокурором — разоблачителем воровства, заведомо бессмысленных трат государственных средств или завоза несовершеннолетних проституток.

Предположим, наш персонаж — бывший военный по имени Адам. Он, желая избраться, посещает собрания единомышленников, в том числе такие, на которых бывают известные всем лидеры консервативного общественного мнения с репутацией стойких, как скала, идейных консерваторов. К примеру, в конце 2000-х — начале 2010-х гг. стоило примелькаться на собраниях Tea Party — патриотов, видевших себя хранителями наследия отцов основателей, и получить рекомендацию от них и от Сары Пэйлин (Sarah Palin). Вооруженный такими рекомендациями Адам, имеющий представительную внешность и умение вести дискуссии, выходит на праймериз, имея хорошие шансы получить номинацию от Республиканской партии. Далее привычный к упорному труду и бесконечным встречам с избирателями, при поддержке вдохновленных речами и рекомендациями активистов он побеждает на праймериз, а затем и на выборах в Конгресс. Там представитель глубинки штата Иллинойс Адам Кинзингер (Adam Daniel Kinzinger) старается, с одной стороны, голосованиями и выступлениями оправдать надежды избирателей и активистов, с другой — обрасти связями полезными для добывания средств округу. Одной из таких удачных встреч стало знакомство с лидером республиканского большинства в Палате представителей Конгресса Эрином Кантором (Eric Cantor)[231].

[231] См.: https://www.politico.com/story/2012/03/tea-party-backs-veteran-pol-in-illinois-074202 ; https://www.politico.com/story/2012/03/kinzinger-topples-manzullo-in-illinois-074286

Работа с высокопоставленными опытными коллегами учит, как найти подход к чиновникам. Без налаженных отношений с независимыми от политиков государственными служащими, даже в кооперации с коллегами-республиканцами почти невозможно контролировать колоссального объема текст законопроекта о бюджете и отследить, чтобы в нем присутствовали и были должным образом оформлены и определены программы, включающие расходы в его округе. При несоблюдении этих этапов у чиновников есть риск не получить даже выделенные в утвержденном бюджете средства для проектов в округе так, чтобы их просто успели «освоить» в финансовом году. Успешное освоение инвестиций дало бы основание для запроса средств на следующий финансовый год по итогам успешного использования средств программы в предыдущем.

Такие отношения и необходимые в их рамках текущие сделки на голосованиях в Конгрессе не всегда радуют рекомендателей и активистов в округе. Однако они помогают быстрее собирать средства для кампании по переизбранию, а дорогая реклама действующего конгрессмена иногда успешно заменяет усилия активистов или так начинает казаться молодому политику.

Начав как фискальный консерватор и вполне стойкий защитник национальных интересов, Адам осваивается в новом кругу знакомств, включающем столичных чиновников, лоббистов, спонсоров кампании, в том числе из крупных, зависящих от Вашингтонской бюрократии корпораций. Он все чаще успешно вставляет поправки в широкие соглашения по бюджету («омнибусы» — Omnibus Bills[232]). Широкие соглашения предусматривают учет такого числа специальных интересов, что неизбежно ведут к росту бюджетного дефицита и, соответственно, государственного долга. Правда, в голосованиях за эти соглашения — «омнибусы» бывали замечены и вполне жесткие коллеги по партии — такие как сенатор Том Коттон (Tom Cotton — Arkansas), который также однажды поменял свою принципиальную позицию по таким соглашениям[233]. Столичные привычки и интересы плохо сочетаются с политикой и риторикой тех, кто еще не погрузился в прагматизм «в должной мере», к примеру, президента Дональда Трампа.

[232] См., к примеру, H.R.2617 — Consolidated Appropriations Act, 2023 117th Congress (2021—2022). https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2617

[233] См.:https://www.cotton.senate.gov/news/press-releases/cotton-statement-on-the-omnibus-spending-bill (заявление сенатора от 2015 г.); https://www.newsweek.com/full-list-republican-senators-who-voted-pass-1-7-trillion-omnibus-bill-1769176 (список сенаторов, включая Т. Коттона, поддержавших «омнибус» 2022 г.).

Адам настолько удачен в межпартийных договоренностях и в налаживании связей с чиновниками (что, как мы видели ранее, примерно то же, что налаживать связи с самой верхушкой демократов, причем довольно самоуверенных, а потому радикальных), что оказывается в числе немногих (десяти), голосующих «на двухпартийной основе» республиканцев, когда партия имеет противоположную позицию. Так, Адам Кинзингер проголосовал за вторую попытку импичмента Дональда Трампа[234] — столь же малообоснованную, сколь и нелогичную. Если Трамп виновен в непризнании результатов выборов, а результаты честные, то какой смысл объявлять импичмент тому, кто уже не президент? Если он выиграл на самом деле выборы, голосовать за импичмент вместе с демократами еще более странное решение, точнее — уже аморальное. И тут Адам понимает, что погорячился настолько, что продление мандата перестало быть для него реальной перспективой.

В своем последнем значительном голосовании бывший фискальный консерватор поддерживает очередной омнибус[235]. При том, что потеря чувства меры не столь уж часто наблюдается среди политиков высокого уровня, сама карьера Адама настолько типична, что мы постарались обратить на нее внимание читателей.

С другим личным делом, не столь типичным, но весьма показательным — либертарианки Иланы Мерцер — читатель сможет ознакомиться в Приложении к настоящей главе [в дополнительных материалах].

Долг перед читателем

Издание книги, как это почти всегда бывает, несколько затянулось. Мы стали свидетелями убедительной победы Дональда Трампа на выборах 2024 г. и начала работы его новой администрации. Никаких даже предварительных итогов начала его работы мы пока подводить не можем. Однако после ста дней мы постараемся, не затягивая, поместить в Дополнительные материалы сравнительный обзор ста дней Трампа 2017 г. и ста дней 2025 г.

[234] См.: https://people.com/politics/elections-house-republicans-who-voted-trump-second-impeachment/

[235] См.: https://www.newsweek.com/full-list-13-republicans-voted-joe-biden-infrastructure-bill-1646664

Германия: величие и упадок христианских демократов в Федеративной республике

Основатели ФРГ

Послевоенное восстановление Германии и ее экономической мощи связано с выдающимися консервативными лидерами: первым федеральным канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром, министром экономики и вторым федеральным канцлером Людвигом Эрхардом, а также с многолетним лидером баварских консерваторов и — в критически важный период для восстановления вооруженных сил — министром обороны 1956—1962 гг. Францем-Йозефом Штраусом.

К. Аденауэр — старый католический политик, бывший мэр Кёльна и бывший председатель ландтага Пруссии до 1933 г. был как жестким антифашистом, так и жестким антикоммунистом. Даже наиболее просоветски настроенные американские политики оценили это последнее качество к 1948 г., с началом холодной войны.

Аденауэр оказался организатором процесса подготовки и принятия довольно удачной по европейским меркам Конституции — основного закона Федеративной Республики Парламентским советом (1 сентября 1948 г. — 8 мая 1949 г. — Schwarz 1995 II). Этот основной закон действует поныне с умеренным числом поправок и, до относительно недавнего времени, как правило, разумных.

В экономической сфере его опыт мэра, презиравшего бюджетные ограничения (Schwarz 1995 I), и чутье политика, мобилизующего поддержку далеко не только налогоплательщиков, могли дорого обойтись молодой республике. К счастью, вопреки слишком сильным утверждениям критиков об авторитаризме Аденауэра, его власть и авторитет сталкивались с ограничениями даже внутри правительства. О главном персональном таком ограничителе мы упомянем вскоре, но он был не один (Schwarz 1995 II).

Отстаивая свои позиции в пользу восстановления германского суверенитета, канцлер был связан и с властями земель, и с политическими партиями, и, что особенно важно, непосредственно с оккупационными властями. Естественно, что все партии, включая (как странно это не звучало бы) социал-демократов (СДП) и свободных демократов (СвДП), играли в первые годы существования ФРГ на националистическом поле против Христианско-демократический союз (ХДС) (Schwarz 1995 II, 60—63).

Особенно остро эта проблема стояла перед выборами 1953 г., когда впервые снова было позволено голосовать многочисленным — порядка 10% взрослого населения — бывшим членам нацистской партии, и развернулась борьба за их голоса. (Для справки — нацистами было около половины немецких врачей — Kater 1983.) Несомненно, огромную роль в победе христианских консервативных партий ХДС/ХСС сыграло «экономическое чудо» — простой факт явного и значимого улучшения жизни, роста покупательной способности огромного большинства населения (Ноэль-Нойман 1996).

Успех послевоенного восстановления Германии был столь оглушительным, что привычные к сопротивлению реальности авторы искали объяснения где угодно и какие угодно, кроме самого очевидного. Рыночные стимулы, открытые рынки и экономическая свобода при гарантиях прав собственности, защищенности успеха являются мощнейшим из известных двигателей экономического роста.

В Германии вход на рынки не был столь уж простым, регулирование и давление организованных групп (профсоюзов) мешало бизнесу. Однако по сравнению с периодом нацистского социалистического эксперимента и первыми послевоенными годами, ситуация меняется резко и в лучшую сторону в результате реформы Эрхарда. Эти изменения, включая стабильную национальную валюту и ограничение возможностей государственных мужей руководить экономикой, дали основания для долгосрочных устойчивых оптимистических ожиданий экономических агентов (прежде всего, бизнеса) и уверенного роста экономики.

Гораздо комфортнее авторам, верующим в волшебные свойства просвещенной государственной заботы, было писать об успехах плана послевоенного восстановления американского госсекретаря Дж. Маршалла (George Marshall). Наличие добрых намерений разработчиков программы и политиков, ее одобривших, вполне вероятно. Результаты в каждой стране зависели, главным образом, от собственных усилий страны (см. подробнее: Эрхард 1991).

Помощь Германии по этому плану состояла не только и даже не столько из случаев «затыкания дыр» в полуразрушенной (буквально физически) экономике страны, которая получала возможности приобретать оборудование, сырье, горючее. На первых этапах своей послевоенной карьеры Людвиг Эрхард пользовался поддержкой американских оккупационных властей как известный эксперт с безупречной репутацией, не скомпрометированный сотрудничеством с нацистами (Эрхард 1991, к

примеру, с. 26)[236]. Опытный экономист, но, казалось бы, совсем не опытный политик сумел использовать восприятие себя немецкими политиками как креатуру американцев. Последние же являлись не только оккупационной силой, но и источником масштабной помощи. Такое восприятие оказалось чрезвычайно полезным. В ситуации, когда рыночные идеи еще не пользовались особой популярностью даже среди консерваторов послевоенной Германии, репутация Эрхарда помогала ему нередко буквально «продавливать» решения вопреки социалистическим стереотипам, прочно въевшимся в мозги политиков и бюрократов.

Эрхард сталкивался, однако, и с давлением американских сторонников социалистической плановой экономики, навязывавших Германии с использованием тех же денег по плану Маршалла антирыночные решения (Эрхард 1991). Так, например, попытки союзников навязать регулирование цен (Там же, 28). Эрхард писал потом: «строгие предписания американских и английских контрольных инстанций предусматривали необходимость предварительного разрешения для каждого изменения предписаний, касающихся цен. Союзники, правда, не учли того, что кому-нибудь может прийти в голову не изменить, а отменить распоряжения, регулирующие цены». Представители оккупационных властей требовали раздачи дешевых кредитов для стимулирования роста (Там же, 47), критиковали германскую налоговую систему за недостаточную «социальность» (Там же, 55 и др.). При этом Эрхард в своей известной книге «Благосостояние для всех» изо всех сил старался представить помощь по плану Маршалла как чрезвычайно полезную по понятным моральным соображениям.

Характерен разрыв в восприятиях «реального социализма» Эрхарда, имевшего опыт жизни в плановой централизованной и жестко регулируемой экономике в период нацизма, и той части руководства США, которая полагалась на оценки мейнстримных экономистов-либералов. Последние на полном серьезе восприняли бахвальство лидеров КПСС, утверждавших, что обгонят США по производительности труда к 1970 г. (цели заявляемой уже в конце 50-х гг. и вписанной в Программу КПСС, утвержденную XXII съездом в 1961 г.). Оговаривая, что, вероятно, ожидания руководства СССР несколько завышены, они, тем не менее, утверждали, что за счет способности мобилизовывать и концентрировать ресурсы коммунисты в состоянии достичь военно-экономического

[236] См. также: https://www.famouseconomists.net/ludwig-erhard/

паритета с США (Memorandum by the Central Intelligence Agency OCI. No. 1096/63[237]. см. подробнее: Дополнительные материалы[238]). Хотя администрация Эйзенхауэра относилась к оценке потенциала социализма достаточно трезво (Office of the Historian, FRUS, 1958—1960; Document 69 — оценка планов КПСС А. Даллесом, Document 71 — отчет о переговорах по торговле, показавших потребность СССР в широчайшем спектре американских товаров), следующая демократическая администрация придерживалась принципа Trust Science (твердо верила в науку), а экономисты из Гарварда и Йеля уверяли, что планы КПСС надо воспринимать всерьез.

Так, лауреат премии памяти Нобеля по экономике Пол Самуэльсон внес это утверждение о стабильности и динамичности социалистической экономики во все издания своего знаменитого учебника по экономике (Economics), включая издание 1989 г.[239]

В те же годы федеральный канцлер ФРГ Людвиг Эрхард рассматривал проект предложения советскому руководству продать Восточную Германию (Friedman, Frohn 2011). Проект был основан на знании потребностей СССР в качественных товарах, производимых рыночными экономиками, и острого дефицита валюты для закупок. Идея Эрхарда шокировала «либеральных» чиновников «либеральной» администрации (Office of the Historian, FRUS Document 217)[240]. Сомнительно, чтобы Хрущев, уверенный еще в преимуществах социализма, пошел бы на такую сделку, поскольку риск потерять репутацию был чудовищным. Однако оценка реального состояния и потенциала социалистической экономики, сделанная Эрхардом, оказалась точной.

Германия при консерваторах возродилась не только как один из мировых центров экономического и технологического прогресса. Она вновь стала мощной военной державой. Это весьма беспокоило СССР и превращало Североатлантический альянс из европейской «торговой марки» армии США в реальный союз со значимым европейским вкладом. Бесспорным инициатором и лидером процесса военного возрождения Германии стал Франц-Йозеф Штраус, министр обороны в 1956—1962 гг. При нем

---

[237] См.: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v05/d305 или Office of the Historian ... FRUS 1961—1963 Kindle Locations 1561—1566: Kindle Edition.

[238] http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964.

[239] «Советская экономика доказала, что, *вопреки неоднократно высказываемому ранее скептицизму,* социалистическая командная система может работать и даже процветать» (*Samuelson P.* Economics. 1989. P. 837). “The Soviet economy is proof that, contrary to what many skeptics had earlier believed, a socialist command economy can function and even thrive” (https://web.archive.org/web/20190407153349/https://www.econlib.org/archives/2009/12/why_were_americ.html).

[240] См.: http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v15/d217

бундесвер превратился в высокотехнологичную и хорошо обученную армию. Причем Штраус целенаправленно стремился к закреплению самостоятельной роли и ответственности Германии и даже к обладанию ядерным оружием. Важный шаг в этом направлении ему удалось сделать еще до назначения в 1956 г. министром обороны, на посту министра «по атомным вопросам», обеспечив фактическое согласие союзников на создание атомной промышленности в Германии. Он и впоследствии поддерживал развитие атомной энергетики в стране (Петелин 2000).

Здесь было бы некорректно не упомянуть героев и жертв антикоммунистического восстания 16—17 июня 1953 г. в Берлине. Впечатление от него и от свирепого его подавления советскими войсками весьма способствовало донесению до западных союзников идеи необходимости опоры, в том числе, на собственно германские вооруженные силы для противовеса армиям коммунистов (Schwarz 1995, 64).

Профессиональный историк, Штраус понимал роль мотивации для сильной успешной армии, и потому пытался (далеко не всегда, бесспорно) интерпретировать германскую историю как процесс, в котором период нацистского правления был всего лишь непродолжительным, хотя и весьма досадным сбоем (Векслер 2013). При этом он прекрасно понимал значение этого «сбоя», и как свидетель тех событий, и как сын простого баварца — католика, ненавидевшего нацизм (Петелин 2000).

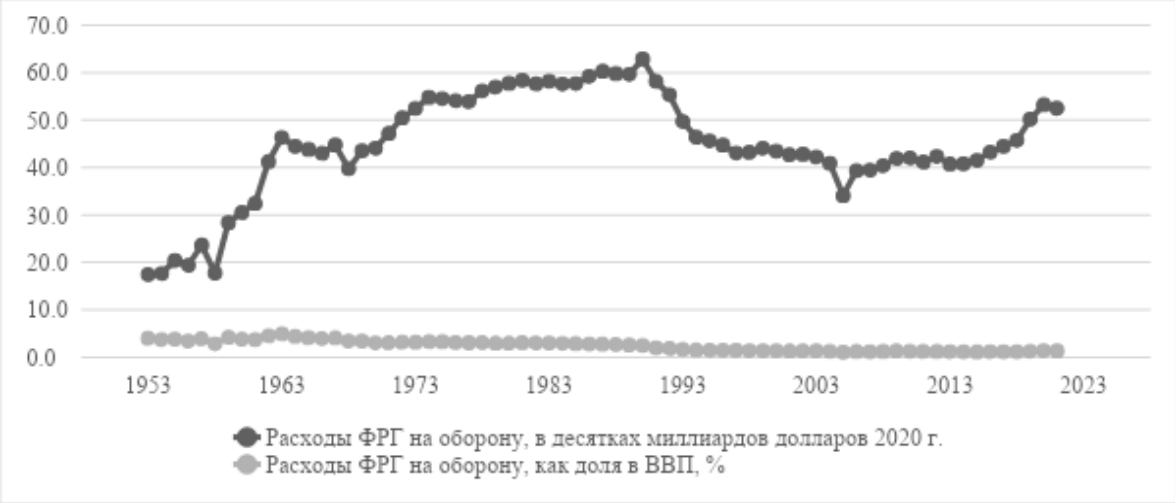

Рис. 9. Динамика расходов ФРГ на оборону — в фиксированных ценах и как доля в ВВП,%
Источник: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) data base
https://www.sipri.org/databases/milex

На рис. 9 хорошо просматривается рывок в расходах при министре Ф.-Й. Штраусе (1956—1962) и прекращение спада под давлением министра К. Гуттенберга (2009—

2012 — оба ХСС — министр в 2009—2011 гг). Последний рывок в расходах, несомненно, делает честь только президенту США Д. Трампу, потребовавшему от Германии увеличения вклада в общую оборону[241].

Штраус был одним из двигателей своеобразной антинацистской кампании для Баварии. В ее рамках известные персонажи нацистской партии с сомнительными, а то и вовсе отсутствующими военными заслугами противопоставлялись евреям, сражавшимся за Германию, прежде всего, в Первой мировой войне. Хотя на самом деле среди нацистов были далеко не только трусы, но и герои той войны, само решение было, по всей видимости, наиболее уместным. Оно сочетало решение задачи искоренения корней идеологии нацизма с задачей укрепления германского патриотизма, казалось, навсегда дискредитированного нацистами и похороненного под развалинами их режима (Strauss 1961).

Свое понимание вины за преступления нацизма, совершенные от имени немецкого народа, Штраус предпочитал не демонстрировать публично. Оно проявлялось, однако, весомо и конкретно — в военном сотрудничестве с государством Израиля задолго даже до установления формальных дипломатических отношений. Израиль получал, по инициативе министра обороны, в том числе и бесплатно, оружие, боеприпасы, снаряжение и транспортные средства, которые просто «исчезали» со складов бундесвера. Эти поставки сыграли заметную роль в победе Израиля в Шестидневной войне 1967 г. Для сравнения напомним, что в 1973 г. социал-демократический канцлер Вилли Брандт запретил американцам переброску в Израиль американских боеприпасов с американских баз на территории ФРГ (Boyne 2002, Kindle Locations, 1359—1365). Его ощущение вины проявилось в картинном «историческом» жесте коленопреклонения перед памятником на территории бывшего гетто в Варшаве в 1970 г.[242] (Векслер 2013).

Гельмут Коль: объединение страны и замещение принципов прагматизмом

Когда, вопреки прогнозам мейнстримной экономической науки, социализм начал экономически разваливаться, подушевой ВВП ГДР оказался в три с лишним раза ниже,

[241] См.: https://www.reuters.com/article/us-nato-summit-trump-deadline-idUSKBN1K12HV ; https://www.politico.eu/article/donald-trump-threatens-germany-military-spending/

[242] См.: https://www.dw.com/en/germany-poland-reconciliation-willy-brandt/a-55828523

чем в ФРГ, при том, что до Второй мировой войны он был даже чуть выше среднегерманского уровня (Sleifer 2006).

Наиболее квалифицированные молодые немцы из ГДР перебрались в западные земли фактически еще до начала реформ (Hall, Ludwig 1994). Отсталая и кадрово обескровленная экономика восточных земель, с одной стороны, получила быстро и без особых издержек гораздо лучшие институты (законы, суды, полицию) и, что не менее важно, заинтересованных частных собственников (многие из которых получили имущество в порядке реституции). С другой стороны, массированная помощь — как на финансовое оздоровление предприятий, так и на «социальное выравнивание» — создала завышенные ожидания и резко ослабила стимулы адаптироваться к новым условиям. Для многих это означало начинать карьеру если не с самого начала, то, безусловно, с позиции более низкой, нежели привычная в эпоху ГДР. Добившись роста средней зарплаты на востоке почти до 50% от среднего уровня в западных землях при производительности труда в три раза более низкой (Dornbusch, Wolf, Alexander 1992, 238—239; Kaser 1998), власти загнали и бизнес, и потенциальных наемных работников в ловушку неконкурентоспособности, из которой было очень сложно выбираться.

При приватизации в одни руки (без раздачи большой части акций наемным работникам) на коммерческих конкурсах продавались готовые к работе имущественные комплексы целиком. На реструктуризацию предприятий и на очистку их от долгов (Cassel 1996, 26) западногерманский налогоплательщик потратил свыше 100 млрд евро (Dornbusch et al 1992 и многие его коллеги считали, что надо было потратить еще больше), но ожидания восточногерманской публики, а также сторонников социализма из западных земель все равно не были оправданы, что вызвало вал критики[243]. Однако все было направлено не на действительно сомнительные стороны механизма приватизации, такие, как безответственность чиновников при огромных полномочиях приватизационного ведомства — Treuhandanstalt (Cassel 1996). Претензии сводились к тому, что люди недополучили того, чего ожидали, а ученые не увидели свои планы воплощенными в жизнь. Между тем, сама идея колоссальных трат на оживление зачастую в принципе не адаптируемых к рынку предприятий, хотя и пользовалась успехом среди левых экономистов, была экономически заведомо провальной. Траты эти, безусловно,

[243] См.: https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/treuhand-chefin-birgit-breuel-im-interview-16294586.html ; https://www.welt.de/politik/deutschland/article197203557/Treuhand-Chefin-Breuel-Westdeutsche-haetten-das-nicht-durchgehalten.html

преследовали иные политические цели — купить поддержку правящей партии новых избирателей на ближайших выборах, не использовав ни одной марки из средств партии.

По всей видимости, Г. Коль в торгах с М. С. Горбачевым оказался весьма успешным. Благодаря острой и срочной нужде СССР в кредитах он решил задачу, поставленную Людвигом Эрхардом, причем сравнительно недорого.

Однако цена выбранной стратегии адаптации уже присоединенных новых земель оказалась огромной, и не только финансово. Миллионы восточных немцев, получив на старте много, так и не смогли ни догнать западных соседей по уровню жизни и производительности[244], ни восстановить самоуважение, связанное с потерей относительно престижной, квалифицированной работы, создав на Востоке устойчивую, уходящую со сменой поколений ностальгию по ГДР[245].

Критикам Г. Коля и его стратегии следует учесть реальную проблему, стоявшую перед ним: если не добиться быстро роста уровня жизни на Востоке, с высокой вероятностью на следующих выборах (1994 г., возможно, уже и в 1990 г.) побеждает левая коалиция, причем гораздо более антирыночная, чем СДП, с участием не только зеленых, но и бывших коммунистов. В результате «покупки» ХДС получила два срока у власти, причем в 1990 г. победа была оглушительной — 398 мандатов у правящей коалиции против 264 у левых[246].

Вопрос в том, как воспользовались консерваторы и СвДП своим большинством? И тут — главная проблема. В 1982 г. Коль стал канцлером впервые, не после выборов, а «на голосах», собранных для ХДС/ХСС еще в 1980 г. Ф.-Й. Штраусом, возглавлявшим тогда блок. Это произошло просто в результате решения СвДП порвать альянс с социал-демократами и восстановить союз с ХДС. И тогда новая коалиция не провела задолго до объединения страны никаких реформ, сопоставимых с реформами Тэтчер в Великобритании. Естественное нежелание обострять ситуацию, бросая вызов интересантам, привело к откладыванию необходимых реформ на неопределенное время. Без дополнительного импульса дерегулирования и снижения социальных расходов властей вместе с налогами не приходилось ожидать того, что германский бизнес быстро абсорбирует миллионы новых работников с Востока.

[244] См.: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/11/06/east-germany-has-narrowed-economic-gap-with-west-germany-since-fall-of-communism-but-still-lags/

[245] См.: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/10/18/how-the-attitudes-of-west-and-east-germans-compare-30-years-after-fall-of-berlin-wall/

[246] См.: https://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/1990.html

Упущенные возможности приватизации, в частности, государственных СМИ и допуска на медиарынок конкурентов (подобно приходу Мердока в Британию при Тэтчер — см.: Перегудов 1996) впоследствии дорого обошлись и Г. Колю, и его партии.

Эпоха полного прагматизма

Для объяснения политического развития в Германии последних десятилетий необходимо напомнить, что значимая часть финансирования политической деятельности и предвыборных кампаний осуществляется там из государственного бюджета (дотации партиям и платежи избранных от партии должностных лиц партии суммарно составляют обычно 40 и более процентов доходов[247]). Взносы и частные пожертвования не запрещены полностью, но тщательно контролируются государством. Причем, понятно, предотвратить избирательное правоприменение практически невозможно. В 1999—2000 гг. особое внимание к финансированию ХДС из частных источников (по американским меркам более чем скромное) привело к скандалу, связанному с прохождением 20,8 млн немецких марок не в соответствии с установленными правилами[248]. Скандал более полугода раздувался левыми и государственными СМИ (объективно левыми по интересам, связанным с большим правительством — см. подробнее: Лисин, Яновский, Жаворонков и др., 2011, гл. 2). В результате рейтинг консерваторов резко упал[249], что создало предпосылки для второй победы (2002) СДП во главе с Герхардом Шредером. Кроме того, скандал фактически выбил из большой политики Гельмута Коля и открыл дорогу к руководству партией и — в будущем к власти — Ангеле Меркель.

Значимая доля государственного финансирования и жесткий контроль бюрократии над частным финансированием партий осложняет вход в реальную политику новых партий, хотя и не блокирует такую возможность полностью (примеры зеленых, затем альтернативы для Германии).

Доминирование государственного финансирования партий приводит в Германии к бюрократизации партий, к сращиванию партийного аппарата и руководства крупных

[247] См.: https://www.bundestag.de/parteienfinanzierung
[248] См.: https://web.archive.org/web/20141204233921/http://www.n-tv.de/politik/dossier/Chronik-eines-Skandals-article234592.html
[249] См.: https://www.wahlrecht.de/umfragen/allensbach/2002.htm

партий с правительственными ведомствами. Оно открывает возможности для подчинения партийной политики контролю неизбираемых и слабо контролируемых депутатами бюрократов. В конечном итоге это приводит к разочарованию избирателя в партиях, предпочитающих подотчетность правительству подотчетности избирателю, к появлению и росту «внесистемных» партий (Margetts 2006). Причем, если левые «внесистемные» партии воспринимаются руководством мейнстримных ХДС и ХСС как легитимные партнеры для формирования коалиционных правительств на земельном и на федеральном уровне, «внесистемные» консерваторы бойкотируются.

Возможность установления прямого контроля бюрократии над политической жизнью, над процессом политической конкуренции выглядит заманчиво и для бюрократии США, где таких возможностей пока меньше. Не случайно одиозный законопроект H.R.1 (For the People Act 2021)[250] в числе многочисленных процедур, облегчающих фальсификации, предусматривает финансирование предвыборных кампаний на 80% из бюджета. Тут стоит отметить, что поскольку наличие средств на возможно более раннем этапе кампании является важным, иногда критическим фактором, то «случайные» задержки или придирки позволят чиновникам гарантировать перевес наиболее предпочтительным с их точки зрения кандидатам. Законопроект также предлагает запретить под страхом наказания «Ложную информацию относительно федеральных выборов» (False statements regarding Federal elections), ограничивая, если, не уничтожая право Первой поправки на период предвыборной кампании (!)

Заметим, что ответственность за клевету давно предусмотрена как законодательством Штатов, так и большинства государств. Вооружить чиновника полномочием блокировать «ложные заявления» ровно и означает отменить на время выборов свободу слова. То, что блокирование определенных политиков было несостоятельным, выяснится со временем в суде, однако к тому времени предвыборная кампания давно завершится.

Что не менее важно, такая роль государственного финансирования партий и выборов, естественно, приводит к зависимости партий от чиновников и провоцирует рост внутрипартийной бюрократии как минимум для обеспечения предоставления отчетности властям за потраченные ресурсы. Рост внутрипартийной бюрократии, сросшейся с государственной, в условиях партии, преследующей цели сокращения

[250] См.: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1

размеров и полномочий правительства, естественно приводит к отрицательному отбору лидеров с отбраковкой наиболее ярких и успешных.

Такие условия работы партий хорошо объясняют восхождение к власти и пребывание у власти Ангелы Меркель — первой женщины — канцлера Федеративной республики — почти зеркально противоположно пути Маргарет Тэтчер. Единственное, что их объединяет, так это то, что, благодаря деловым качествам, обе были на хорошем счету у руководства, включая предыдущего лидера партии, бывшего также главой правительства. Не обладая ни яркой внешностью, ни талантами оратора и публициста, выросшая в ГДР бывшая комсомолка Меркель была лояльной, предсказуемой, исполнительной, щедро наделенной молчалинскими талантами.

Тэтчер опиралась на низовые организации и внепартийные общественные движения, на независимые интеллектуальные центры. Ангела Меркель опиралась на партийную бюрократию и не проявляла заметной заинтересованности в привлечении ярких интеллектуальных центров к выработке своей политики.

Тэтчер настолько агрессивно, насколько позволяли силы и влияние, продвигала повестку возвращения к консервативным ценностям, к ограниченному в полномочиях правительству, обострив отношения с бывшим руководством и традиционной элитой партии, настроенной на «широкий консенсус» с левыми в рамках совместного построения социального государства. Ангела Меркель укрепляла консенсус с социал-демократами и впервые стала канцлером в правительстве «Большой коалиции» с социал-демократами. Собственно программные ценности христианских демократов никогда не занимали ее всерьез (см. анализ: Черный 2008).

Тэтчер опиралась на ярких лидеров в своей партии, Меркель успешно избавлялась от таковых, зачастую нанося значительный ущерб партии (в особенности земельным организациям Гессена и Баден Вюртемберга, впоследствии Тюрингии — там же).

Стандартным стало утверждение мейнстримных комментаторов о том, что главная проблема консерваторов перед последними (26 сентября 2021 г.) выборами в бундестаг — уход Меркель, которая была якобы невероятно популярна. Вполне возможно, что устраивавшая естественно-левые по своим интересам «общественные» СМИ[251] и бюрократию Меркель имеет низкий антирейтинг. Но это мало о чем говорит.

[251] СМИ, существующие за счет налогоплательщика, неподотчетные ему, с руководством и персоналом, считающим себя вправе поучать своего номинального нанимателя — избирателя. Задача принудительно вести народ к светлому будущему, изымая из карманов граждан возможно большие средства на это, роднит общественные СМИ по интересам и по целям с социальной бюрократией и левыми политиками. Подробнее см. Лисин, Яновский и др., 2011, гл. 2.

Меркель оставила консервативные партии (ХДС и ХСС) в весьма незавидном положении. Разрушать их она начала, не жалея сил, еще накануне выборов 2005 г. (см. об этом: Черный 2008, 111—120). Организацию CDU земли Баден-Вюртемберг она разгромила еще тогда, что привело впоследствии к тому, что земельное правительство успешной консервативной земли (начиная с выборов 2011 г.) возглавили левые радикалы (зеленые).

Меркель тщательно изгоняла из партии все разумное, самостоятельное и талантливое. Ее преемник А. Лашет не возглавил бы консерваторов в 2021 г., если бы не равнодушие Меркель к электоральным перспективам партии в сравнении с вопросом преемственности и давно выстроенный лично под нее партийный аппарат. Последний и обеспечил победу в борьбе за позицию кандидата в канцлеры мало популярному премьеру земли Северный Рейн — Вестфалия Армину Лашету (Armin Laschet) над лидером CSU (Баварских консерваторов) Маркусом Зёдером (Markus Söder).

Излюбленным методом ее правления были решения, принимаемые и оформляемые на уровне правительства и министерств, при отказе от пересмотра даже наиболее одиозных законов Германии. Среди успешно переживших ее правление — социалистический закон о производственных советах — Betriebsrat от 1920 г., официально предписывающий собственнику предприятия управлять совместно с выборными представителями наемных работников. Другим примером является норма Гражданского кодекса, согласно которой требуется согласие матери на проведение генетического анализа по установлению отцовства, таким образом муж обязан содержать ребенка, прижитого женой с другим мужчиной во время брака (BGB, § 1595).

Этим она похожа на израильского премьера — рекордсмена по пребыванию на этом посту Б. Нетаньяху, замыкавшего таким образом на себе не только власть, но и судьбу всех своих скромных достижений, которые начали осыпаться сразу же после его временного ухода (2021).

В отличие от Нетаньяху, который к концу своей карьеры стал сдерживать разрушительные порывы к войне против своих же правых коллег, объявленных левыми журналистами-«фашистами», Меркель верна этой линии до конца. Бойкот вполне умеренной и демократической по программным ценностям AfD резко осложняет позицию мейнстримных консерваторов, при том, что готовность к союзу с ними могла бы стимулировать и изменение позиции AfD по тем вопросам, которые вызывают справедливое недовольство многих консерваторов (помощь Украине и т.п.). Исследователь современных западных «ультраправых» (по-нашему — правых)

политолог А. Шеховцов, несмотря на свои левые взгляды и явную предвзятость, справедливо говорит о том, что соблазн дружить с диктаторами и, возможно, получать от них финансовую поддержку возникает прежде всего именно там, где такие партии остальными политическими силами — своими конкурентами — объявлены недопустимыми союзниками по коалиции (Германия, Франция), в то время как там, где правые интегрированы в политическую коалиционную систему, таких соблазнов не возникает или их возникает значительно меньше (Италия, Швейцария, Скандинавия, страны Балтии, Польша (Shekhovtsov 2017).

Отбросив враждебность к AfD, даже неудачливый Лашет без труда сформировал бы коалицию из CDU, CSU, FDP и AfD. Ложь о том, что это якобы невозможно потому, что противно ценностям партии, легко опровергается тем историческим фактом, что великие лидеры консерваторов — К. Аденауэр и Ф.-Й. Штраус — прекрасно сотрудничали и в федеральном, и в земельном правительствах с действительно проблематичным союзом изгнанных — GB/BHE (Der Gesamtdeutsche Block/Bund der Heimatvertriebenen und Entrechteten), по сравнению с которым AfD — радикально антинацистская и лево-либеральная партия[252]. В 1954 г. GB/BHE определял себя как партию в том числе и «нацистов, которые не являются нацистами в настоящее время». Неприятие AfD лучше всего объясняется результатами упомянутого отрицательного отбора кадров ХДС и мотивированного приоритетом сохранения хороших отношений с государственной бюрократией.

Подчеркнем, что с поддержкой не особо раскаявшихся коммунистов (Linke) проблем у официального руководства CDU нет, по крайней мере на земельном уровне. Так, в Тюрингии Меркель свергла правительство, возглавляемое свободным демократом Томасом Кеммерихом (Thomas Kemmerich), и установила правительство во главе с коммунистом (Linke) Бодо Рамеловым (Bodo Ramelow) в начале 2020 г.[253] только потому, что некоммунистическое правительство опиралось на поддержку AfD (!) Меркель заставила местных коллег по партии держать красных на плаву, поскольку у коалиции коммунисты (Linke) — SPD — зеленые только 42 места в ландтаге Тюрингии из 90. Соответственно, у свободных демократов и AfD вместе с CDU — 48 мандатов. У

[252] См., к примеру, предвыборную программу AfD 2025 г. (https://www.afd.de/wp-content/uploads/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatzprogramm-englisch_web.pdf).
[253] https://www.bbc.com/news/world-europe-51384615 ; https://www.politico.eu/article/germanys-thuringia-gets-left-wing-state-premier-in-re-run-vote/

социал-демократов проблем с коммунистами нет и на федеральном уровне (они не отрицают возможность приглашения коммунистов в коалицию).

Главное наследие Меркель — малая отличимость консерваторов от социал-демократов (SPD). Только при малой идеологической и практической отличимости партий выхваченный кадр смеющегося лидера CDU (во время заявления президента перед журналистами в связи с наводнением в Северном Рейне — Вестфалии) смог поколебать большой процент избирателей, побудив их сменить выбор партии на основе столь ничтожной причины[254].

Прежде всего, стоит также обратить внимание на главные достижения, которые ставятся ей в заслугу типичными мейнстримными комментаторами[255].

- **Однополые браки в Германии** (большая часть фракции CDU голосовала против, все проголосовали бы против при солидарном голосовании, но Меркель продавила «свободное голосование»)[256].

В сюжете о легализации однополых браков стоит обратить внимание на ссылку по последней сноске — на материал государственного радиоканала «Немецкая волна». Журналисты ссылаются на сообщение, в котором сотрудники Министерства иностранных дел откровенно празднуют результаты голосования и поздравляют с ними представителей секс-меньшинств. Такой уровень политизации государственных служащих не вызывает удивления журналистов канала, которые так же, как и озабоченные легализацией однополых браков сотрудники Министерства, заняты тем, что выражают собственную позицию и распространяют ее за счет налогоплательщика.

Также важно заметить, что сама Меркель не замужем и бездетна. У оппонентов ХДС справа — «Альтернативы» — ситуация долгое время была немногим лучше. Лидер партии, которая привела ее в бундестаг — Фрауке Петри (Frauke Petry) оставила мужа и ушла с четырьмя детьми к любовнику. Правда, потом она вышла за него замуж, и у них уже двое общих детей[257]. На фоне многих германских лидеров, включая действующую сопредседателя «Альтернативы» лесбиянку Алису Вайдель (Alice Weidel), это не так уж и плохо. Впрочем, даже Вайдель с двумя усыновленными детьми имеет

[254] См.: https://web.archive.org/web/20211207083530/https://www.youtube.com/watch?v=inHJLsSPxJs

[255] См.: https://web.archive.org/web/20211207083530/https://theconversation.com/from-madchen-to-mutti-as-angela-merkel-departs-she-leaves-a-great-legacy-of-leadership-168187

[256] См.: https://web.archive.org/web/20211207083530/https://www.dw.com/en/germanys-bundestag-passes-bill-on-same-sex-marriage/a-39483785

[257] См.: https://www.merkur.de/politik/frauke-petry-ehemann-karriere-kinder-was-macht-sie-nach-afd-zr-12948847.html

преимущество перед Меркель. Но в целом, с личным примером защиты ценностей классической библейской семьи у немецких консерваторов дела не всегда обстоят наилучшим образом. Что касается самой Меркель, объективное отсутствие у нее интереса к долгосрочным последствиям своих шагов, к их влиянию на детей и внуков (за отсутствием таковых) напоминает о важности семейных оснований консервативной политики.

- **Отказ от атомной энергетики** после аварии на Фукусиме в 2011 г., где были тысячи несомненных жертв землетрясения и одна сомнительная, собственно, от аварии на АЭС, активная поддержка зеленых в их борьбе против топлива на основе нефти. Фактическая ликвидация атомной энергетики, созданной благодаря поддержке Штрауса, была вызвана не реальными фактами — проблемами с безопасностью на действующих АЭС или хотя бы пугающими показателями радиационного фона. Наш анализ выборов в бундестаг 2013 г. — первых всеобщих выборов после аварии в Японии, — показал отсутствие связи между поддержкой партии зеленых и радиационным фоном в округе. Не пользовались зеленые особой популярностью и в окрестностях действующих атомных станций. То есть ничего, кроме моды выражать обеспокоенность состоянием экологии в среде преподавателей и студентов университетов за требованиями закрыть АЭС не стояло (Яновский 2014)[258].

По данным World Nuclear Association, максимальная выработка электроэнергии на АЭС Германии была достигнута в 80—90-е гг., при правительстве Гельмута Коля. После этого правительства политико-административное давление на отрасль нарастало, а выработка в отсутствие новых вводимых мощностей начала снижаться. Еще в 2011 г., когда произошла авария на АЭС в Фукусиме (опыт крайне «актуален» для Германии, где цунами и сильные землетрясения не регистрируются), на АЭС вырабатывалась четверть электроэнергии. В 2020 г. эта доля упала до 11%. При этом выросла как доля выработки дорогой энергии на ветряных генераторах (вместе с солнечными батареями 32% выпуска), так энергии сжигания угля и отходов (суммарно этот наиболее «грязный» экологически источник дал в 2020 г. 36% выработки). В 2022 г. вклад АЭС составил только 6%. Из строя выведены все 36 реакторов мощностью 26,375 мегаватт[259].

[258] См.: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.11743.57765
[259] См.: https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/germany.aspx

Непосредственными результатами резкого падения выработки электроэнергии на надежных АЭС в сочетании с поддержкой Меркель строительства газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» стала зависимость Германии от поставок газа из России, рост цен на электричество и на отопление, а также рост доходов режима Путина.

- **Приглашение в страну «беженцев» с Ближнего Востока,** необходимость принятия которых бесстыдно обосновывалась ссылками на преступления нацистов против евреев. Как точно заметил один из критиков Меркель, «плата» за те преступления в виде приглашения в страну массы ненавидящих евреев исламистов не выглядит жестом искреннего раскаяния[260].

Само решение Меркель по приглашению исламистов стало возможным вследствие раскола партии AfD в 2015 г. и уверенности «мудрого лидера» в том, что теперь угрозы справа больше нет. В результате она создала тяжелейшие проблемы законопослушным гражданам страны, но провела-таки «Альтернативу» для Германии во все ландтаги страны и в бундестаг в 2017 г.

- Другое детище первого поколения консерваторов — **сильный бундесвер,** также **приходил в упадок при попустительстве ХДС** во главе с Меркель. Экономия Германии на обороне, на которую обратил внимание в свое время Дональд Трамп, привела к нерабочему состоянию большой части вооружения[261]. Танки и самолеты не готовы даже к учениям, пехотинцы проводят учения с палками (рукоятками метел) вместо пулеметов. Бундесвер вернулся по боеготовности в состояние до 1956 г. НАТО снова превратилась в полусимволический придаток европейских сил США. Война на Украине заставила даже социал-демократов, несущих не меньшую ответственность за сложившуюся ситуацию, чем ХДС, признать крайнюю серьезность положения и задним числом — правоту Дональда Трампа, требовавшего от крупнейшего европейского союзника по НАТО нарастить собственные оборонные усилия[262].

---

[260] См.: https://web.archive.org/web/20171115131203/https://www.timesofisrael.com/fashion-designer-cites-holocaust-in-slamming-merkels-refugee-policy/

[261] См.: German military short on tanks for NATO mission (https://www.dw.com/en/german-military-short-on-tanks-for-nato-mission/a-42603112); Only 4 of Germany's 128 Eurofighter jets combat ready — report (https://www.dw.com/en/only-4-of-germanys-128-eurofighter-jets-combat-ready-report/a-43611873 ; https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/02/19/germanys-army-is-so-under-equipped-that-it-used-broomsticks-instead-of-machine-guns ; https://www.newsweek.com/germany-cant-explain-use-broomstick-instead-guns-nato-exercise-307902).

[262] См.: https://www.dw.com/en/what-happened-to-the-german-militarys-100-billion-fund/a-64846571

В связи с этой проблемой стоит напомнить о судьбе последнего лично популярного консервативного политика — министра обороны (от ХСС) Карла Гуттенберга (Karl-Theodor zu Guttenberg) в 2009—2011 гг. У него был реальный шанс переломить ситуацию с финансированием и престижем вооруженных сил. Гуттенберг пытался использовать свой политический вес ради этого[263], но вынужден был уйти в отставку после мощной медиакампании в связи с обвинениями министра в плагиате в диссертации (возможно, на самом деле, как и утверждал он сам, речь шла о небрежностях в оформлении цитирований, ссылок и т.п.). Совершенно очевидно, что к деятельности министра обороны эта история не имела никакого отношения. Зато, возможно, имела отношение к интересам социальной бюрократии, включающей администрацию государственных информационных каналов. Эти влиятельные группы были обеспокоены угрозой перераспределения ресурсов в пользу военного ведомства. Очевидно, что ответственный канцлер был обязан отвергнуть даже мысль о принятии отставки. Меркель безучастно наблюдала за атаками на потенциального конкурента за лидерство в консервативной коалиции и немедленно приняла отставку министра, как только он формально подал прошение о таковой[264].

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что Ангела Меркель разрушила все достижения основателей Федеративной Республики Германия. Экономика Германии все еще сильна, и совсем неочевидно, что с этой «проблемой» действующее правительство социал-демократов и зеленых при поддержке либералов сможет справиться в исторически сжатый срок во имя «исправления неравенства Север — Юг».

Вместо постскриптума: старые грабли после новых выборов 2025 г.

Блок ХДС/ХСС шел на выборы, обещая сократить иммиграцию, бороться с нелегальной иммиграцией[265], сокращать безумные «социальные» расходы (на 100 млрд евро в год[266]). Внешне это напоминало солидную, респектабельную версию AfD или тех же христианских демократов эпохи если не Аденауэра, то Эрхарда.

---

263 См.: https://web.archive.org/web/20121019035553/https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/verteidigungsetat-guttenbergs-opferbereitschaft-1993826.html

264 См.: https://www.dw.com/en/german-defense-minister-guttenberg-resigns/a-6454809

265 См.: https://www.politico.eu/article/friedrich-merz-germany-gamble-to-accept-far-right-support-fails-in-parliament-afd-cdu-migration/

266 См.: https://www.bnnbloomberg.ca/business/politics/2024/12/17/germanys-conservative-candidate-eyes-100-billion-spending-cut/

Получив по итогам выборов мандат на формирование правительства[267], мейнстримный консервативный блок ХДС/ХСС отверг возможность коалиции с «Альтернативой» для Германии (AfD) и начал переговоры о коалиции с левыми — СДП и ультралевыми — зелеными.

Практически сразу лидер победителей на выборах Фридрих Мерц отказался от обещаний сократить приток иммигрантов.

Убедившись в том, что ХДС не пойдет на коалицию с AfD, левые партии выдвигают на коалиционных переговорах совершенно ни с чем не сообразные претензии. Так, они требуют колоссального наращивания расходов. Тратить больше на оборону Германии придется. Однако социал-демократы требуют при этом полного отказа от сокращения расходов. Более того, кроме полной капитуляции по расходам бюджета они добились от консерваторов согласия внести поправки в конституцию, отменяющие лимит на новые заимствования и бюджетный дефицит (Основной закон, ст. 109 и 115[268]), но еще и требование развиваться «климатически нейтрально», т.е. чтобы экономический рост вообще никак не влиял на природу, что автоматически означает экспансию госрегулирования.

Долгосрочные последствия такой политики, как должны понимать сами консерваторы, будут весьма неприятными. Однако пока все выглядит так, как будто ради кресла канцлера Мерц готов решительно на все, кроме союза с консервативными коллегами, столь шокирующего германскую бюрократию, прокуроров и судей. За участие в коалиции AfD не только легко откажется от заигрываний с иностранными спонсорами, но и на многое другое будет готова (вплоть до внешней поддержки правительства ХДС/ХСС, избавления от одного из сопредседателей, делающего неуместные заявления, и др.).

Использование полученного на выборах ясного мандата на реформы, однако, требует прямого и жесткого конфликта с могущественной бюрократией, судьями и госбезопасностью (профессиональными «защитниками конституции»[269]), с государственными СМИ и персоналом государственно финансируемого образования. Идти на такой конфликт, с точки зрения личных интересов руководства ХДС, крайне

---

[267] 208 мест из 630 вместе со 152 мандатами AfD — это твердое большинство, 360 из 630 (https://www.bundeswahlleiterin.de/bundeswahlleiter.html).

[268] См.: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.pdf

[269] См.: https://www.verfassungsschutz.de/en/index-en.html . Едва ли не единственная проблема с исламизмом с точки зрения госбезопасности — неуважение сексуальных меньшинств — неразрешима в принципе, поэтому им так или иначе приходится с этим мирится. Зато с вполне либеральной AfD они примириться никак не могут.

хлопотно и неприятно. Поэтому даже такой тревожный сигнал как быстрое падение по ходу переговоров популярности старых консерваторов с перетоком поддержки к новым[270], не в состоянии остановить формирование коалиции безответственности.

Полюс консервативного прагматизма: Франция и Япония

Традиционные левые партии Японии, включая крупнейшую — Социалистическую, были в высокой степени лояльны к СССР, и с его крахом утратили популярность. Однако это не стабилизировало положения консерваторов в Японии, если, конечно, определять вслед за западной политологией Либерально-демократическую партию, находящуюся у власти большую часть послевоенной истории страны, как консервативную.

Еще до того, как военные установили в Японии авторитарный режим накануне Второй мировой войны, ведущие политические партии страны были тесно связаны с торгово-промышленными группами. Поражение в войне и оккупация привели к утрате традиционных связей с государственной бюрократией, «следившей за порядком», при котором даже в отсутствие формальных запретов чужакам было трудно войти на занятые «правильными» фирмами рынки. При фактическом переходе реальных полномочий в руки американских военных старые связи во многом обесценились. На рынок вошли новые игроки (в частности, Toyota, Sony). Резкое усиление конкуренции и отставание Японии в росте политической мощи сторонников государства всеобщей заботы (низкие социальные расходы) привели к бурному росту экономики при стабильных государственных финансах. Япония стала, наряду с Германией, излюбленным примером для демонстрации правильности теории групп специальных интересов Манкура Олсона (Olson 1982). При всех наших сомнениях в возможности описать рост и упадок такового одним, пускай важным и мощным фактором, в случае Японии он действительно многое объясняет даже взятый сам по себе.

Однако по мере роста экономики — с одной стороны, но и роста социального государства и укрепления новых групп интересов — с другой, эти группы все более успешно добивались доступа к бюджетным деньгам. Эти успехи привели к быстрому росту расходов, несбалансированности бюджета и, как следствие — к росту государственного долга. К концу холодной войны, во время которой власти жестче следили за стабильностью государственных финансов, государственный долг

[270] См.: https://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm.

приблизился к 60% ВВП, а затем преодолел эту отметку — на фоне быстрого роста экономики.

С падением темпов роста экономики и с обострением стандартных проблем, связанных со старением населения при падении рождаемости, государственный долг стал расти быстрее и к 2012 г. достиг уровня в 230% ВВП.

В условиях длительной стагнации экономики эти проблемы привели к росту числа бедных и обеспечили убедительную победу в 2009 г. оппозиционной Демократической партии над почти бессменно правящей ЛДП. ДП обещала расширить социальные траты на бедных без роста налогов. Однако в условиях кризиса она не сумела это сделать и ввела новые налоги на потребление (налоги с розничных продаж). Последняя мера вызвала сильное раздражение в обществе и обеспечила возвращение к власти ЛДП уже в 2012 г. Новое правительство ЛДП обещало провести дерегулирование (не провело) и обеспечить экономику еще более дешевыми деньгами (полезность меры не впечатляет).

Ослабление ЛДП именно как консервативной партии и усиление вызова слева привело к первой смене власти еще в 1993 г. При этом многие правительства ЛДП после возвращения к власти включали в качестве коалиционного партнера партию Кэмойто, не особенно приверженную фискальной дисциплине.

Попытка популярного премьера от ЛДП 2000-х гг., опиравшегося, в частности, на националистическую мобилизацию электората, *Дзюнъитиро Коидзуми* (Junichiro Koezumi 2001—2006) осуществить финансовую консолидацию (2003—2006) привели к несомненному успеху — бюджетный дефицит составил менее 3% ВВП в 2007 г., сократившись с 6% в 2002—2003 гг. Однако успех оказался весьма кратковременным, и в кризисном 2009 г. дефицит подскочил до 9% ВВП.

Государственные финансы и институты, хорошо работавшие в период высоких темпов экономического роста при сильной власти («полуторапартийной» демократии с доминированием консервативной ЛДП), оказались неустойчивыми к кризисам и стагнации при размывании доминирования консерваторов (см. подробнее: Yanovskiy, Rodionov, Zhavoronkov 2017).

Уже при новом усилении ЛДП страна столкнулась с вызовом пандемии COVID-19, сопровождавшейся массовой паникой, заботливо подогреваемой властями, а также международной и национальной бюрократией от «здравоохранения». Надо отдать должное руководству японских консерваторов, они не поддались соблазну сеять панику и использовать крайние и опасные для свободного общества меры: локдауны и принудительные прививки. Однако, в отличие от других развитых стран, избежавших

паники (Тайвань, Корея, Швеция), сумевших уберечь государственные финансы от эрозии в период этого полуискусственного кризиса, государственные расходы Японии резко подскочили. В результате государственный долг вырос с рекордного уровня в 236% ВВП до 260% ВВП (Dabrowski 2021)[271]. Этот эпизод также хорошо объясним — теперь уже ростом влияния групп специальных интересов, в своего рода теплицу которых превратилась ЛДП за десятилетия нахождения у власти. Такие группы не могли упустить мировой кризис как повод атаковать бюджет и явно преуспели в своей атаке (Olson 1982).

Теория Олсона намного хуже работает на примере послевоенного развития Франции, так же, кстати, как и теория чудодейственной американской помощи по плану Маршалла. При сравнительно небольшом ущербе от Второй мировой войны Франция не смогла усилить свои позиции в мировой экономике. И это, вероятно, в немалой степени связано с национальными особенностями консервативного движения.

Остановимся ненадолго на личности лидера, доминировавшего на условно консервативном, «правом» фланге французской политики начиная со Второй мировой войны до конца 60-х гг.

Шарль де Голль не отличался ни религиозностью, ни приверженностью к какой-то определенной идеологии. В его окружении, в отличие от Аденауэра, не нашлось фигуры, сопоставимой с Л. Эрхардом, способным формировать ответственную экономическую политику. Собственно, «правая» политика постепенно превратилась здесь в политику, максимизирующую личную власть генерала, не выигравшего ни одного сражения. При том, что единственной различимой компонентой консервативной идеологии этого лидера был национализм, он без особых колебаний подарил алжирским мятежникам, побежденным на поле боя, весь Алжир, включая населенный французами и лояльными арабами приморский север. Для сравнения, лидер соседней страны — Ф. Франко отторг населенные испанцами города Сеуту и Мелилью у Марокко. При наличии минимальной ответственности и высоком приоритете национальных задач над личными политическими ничего не стоило сохранить эти территории за Францией, отказавшись даже обсуждать их судьбу.

Принципиальная националистическая позиция, однако, затянула бы переговоры, а де Голлю казалось, что в его пользу лучше сыграет скорее подписанный документ, каким

[271] См. последние данные за 2020 г. и более или менее надежные оценки за 2021—2022 гг.: IMF World Economic Outlook October, 2022. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October/download-entire-database

бы ни было его содержание (Merom 1999, 279). Такое решение дорого обошлось Франции, многим французам и лояльным Франции арабам (Johnson 1983; Horne 2002).

Единственным значимым наследием его правления и материальным воплощением национализма де Голля стала ядерная программа с военной (собственные ракетно-ядерные силы) и гражданской составляющей. Последней стала крупнейшая в Западной Европе программа строительства АЭС, настолько масштабная[272], что до сих пор никто в стране не в состоянии даже просто поставить в повестку дня обсуждение их закрытия. Стабильность выработки и относительно низкий уровень загрязнения оказались как нельзя кстати после 24 февраля 2022 г.

Состояние государственных финансов Франции ненамного лучше, чем в Японии. В результате раздуваемой властями корона-паники, введения локдаунов и иных помех ведению бизнеса и принудительных мер (принуждение к вакцинированию), государственный долг подскочил с 97% ВВП в 2019 г. почти до 115% в 2020 г. и будет теперь оставаться, по всей видимости, на уровне, превышающем 110% ВВП (IMF, World Economic Outlook, October 2022). В Японии плохое состояние государственных финансов отчасти компенсируется сносным, даже по меркам развитых стран — членов OECD деловым климатом (обычно, по известным рейтингам занимает место в десятке лучших). Во Франции интересанты — чиновники предъявляют относительно больший спрос к наращиванию и сохранению полномочий, нежели к умножению трат из бюджета «на общее благо». В результате страна традиционно уже занимает последние места в рейтингах экономической свободы в группе развитых стран[273]. Франция, наряду с Италией и Бельгией (а вовсе не Скандинавия, как принято считать), также является европейским лидером по налоговой нагрузке по методологии исследований Paying taxes, означающей долю прибыли, идущей на налоги у стандартного некрупного предприятия [274].

Странный («прагматичный») консерватизм в этих двух столь разных странах имеет, по-видимому, исторические корни.

Франция — одна из наиболее секулярных стран Европы со слабым распространением религии после двух катастроф. Первой стал разгром и изгнание гугенотов, оставивший католиков монополистами, уверенными в том, что репрессивная

[272] 56 действующих реакторов мощностью 61 370 мегаватт при одном строящемся (https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/france.aspx).
[273] См.:https://www.fraserinstitute.org/economic-freedom/dataset
[274] См.: https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020.html

мощь государства — лучший аргумент в религиозном споре. Второй — Великая Французская революция, когда подточенный монополией и сращиванием с государством институт католической церкви оказался неспособным выстоять под ударами государственников-революционеров.

Япония — страна, избежавшая христианизации, построившая свои политические институты с часто существующей в Юго-Восточной Азии смесью религиозно-философского учения «синтоизма», не требующего следования жестко установленным моральным принципам, в которой нет идеи взаимообязывающего договора людей с Богом и, соответственно, принципиальной ограниченности власти любого земного правителя. В качестве носителей морали являются «духи предков», что в условиях далекого от современных понятий общества у предков является не лучшей основой для укоренения идей личной свободы, ответственности и собственности при ограниченности полномочий властей.

Институты гражданского общества обеих стран относительно слабы, равно как и фундамент этих институтов — семья. Низкая рождаемость с упованием стареющих граждан либо на государство, либо на сбережения, а не на преданных детей, готовых помогать родителям в старости — бич обеих стран. В обеих странах он связан с ослаблением влияния религии. В обоих случаях при всех огромных отличиях религиозные нормы поощряли рождаемость. Описанный в первых главах «модельный» консерватизм нерелевантен для них. Отсутствие же упомянутых институтов почти по необходимости превращает консерватизм в движение, лишенное собственных глубоких этических оснований и реагирующее в основном (почти исключительно) на текущие вызовы.

Понятно, что предъявить буквально доказательства, убедительные для наших оппонентов, связи слабости базовых институтов гражданского общества с исторической слабостью религиозной традиции, давшей универсальные моральные ценности, невозможно, как и доказательства связи слабости этих институтов с обозначенными особенностями политики и проблемами, провалами в экономической политике правительств. Однако на качественном уровне такая связь представляется вполне очевидной. Тем более очевидно, что пример «прагматичного консерватизма» этих стран не стоит рекомендовать консерваторам из молодых (или будущих) демократий.

Израиль: от вечной оппозиции к символически правящей партии

Проваленные экзамены

Нам уже приходилось писать ранее о политической системе государства Израиль как об особом случае ограниченной, «полуторапартийной» демократии (Мау, Яновский, Затковецкий и др. 2007). До 1977 г., по сути, вся полнота власти находилась в руках коалиции во главе Рабочей партией — Мапай — Авода (Bichler 1994[275]) — на иврите «труд, работа», так что далее мы будем использовать термин «лейбористы» для обозначения принадлежности к этой партии.

Занимавшая при власти Британского мандата, включая период кровавых арабских мятежей 1936—1939 гг., позицию максимальной сдержанности и принципиально отказавшаяся от попыток создать эффект сдерживания, Мапай резко изменила позицию, начиная с войны за независимость. Ощущение монополии на власть создало мощный стимул защищать страну именно как свой, корпоративный, партийный актив от кого угодно, в том числе от арабов. Из почти пацифистов ведущая партия левой коалиции (впрочем, как и ее просоветский конкурент — Мапам, опиравшийся на киббуцы) превратилась тогда в партию едва ли не «ястребов». (См. подробнее о сменах приоритетов израильских левых партий от «социальной справедливости» к обороне и обратно начиная с 1982 г.: Zatcovetsky, et al. 2014.) Смена приоритетов привела к отказу лейбористов — Аводы (бывшего Мапая, ведущей левой партии) также по наиболее заметным для публики «символическим» вопросам — поддержка сионистского проекта и новых поселений, неделимость столицы Израиля — Иерусалима, резкое падение интереса молодых левых к военной карьере в противоположность религиозным сионистам и др. (Inbar 2010).

Со времен британского мандата коалиция левых партий контролировала не только политические институты — Кнессет, правительство, аппарат министерств и многочисленных ведомств, но также судебную систему, прокуратуру, полицию. Последние долгое время курировал лично Шимон Перес, в использовании контроля которого обвинил в своих воспоминаниях его смертельный враг в борьбе за лидерство в

[275] «In the Israeli political literature, this regime has often been characterized as a “dominant party system”... a “party state”, “corporatism” — or simply the “Mapai” system» («В израильской политической литературе этот режим часто характеризуется как “доминирующая партийная система”... “партийное государство”, “корпоративизм” — или просто система “Мапай”»; Bichler 1994, 423—424).

лейбористской партии — Ицхак Рабин (Rabin, Goldstein 1979). Разумеется, использование правоохранительных органов и спецслужб для слежки за оппозицией было в порядке вещей. Профессор, генерал медицинской службы, бывший депутат Кнессета и сын одного из руководителей подпольной боевой организации Лехи Израэля Эльдада Арье Эльдад пишет, что после выхода из подполья и переезда в Иерусалим его семье немедленно установили телефон, которого другие семьи ждали много лет. Оператор даже не скрывал особо своей принадлежности вовсе не к телефонной компании (Eldad 2020).

Возглавляемая лейбористами профсоюзная федерация Гистадрут в 50—60-е гг. XX в. была крупнейшим работодателем в Израиле (Samuel 1960; Plunkett 1958). Контролируемые властями напрямую или через тот же Гистадрут, исполнительные органы сионистского конгресса (Сохнут) и т.п. компании — Хеврат Хашмаль (монополист производства и распределения электроэнергии)[276], Мекорот (воды и поставка водных ресурсов), ZIM[277] (международные перевозки), Tnuva[278] (бывший монополист в производстве молочных продуктов), Solel Boneh[279] (крупнейшая строительная компания — Fuksman-Shal 2021, 36) играли ключевую роль в экономике. Они были и крупнейшими работодателями, и ключевыми партнерами для предприятий частного сектора. Таким образом, экономический успех, выход на рынок, а зачастую и просто пропитание семьи напрямую зависело от воли левых партийно-государственных чиновников.

Представление о размахе контроля властей над экономикой дают атавизмы законодательства тех времен. Так, 24 марта 2022 г. депутат Симха Ротман (фракция религиозных сионистов — а-Ционут а-датит) внес законопроект № 2191242 об отмене закона 1959 г. «О Совете по производству и продаже арахиса». Совет занимался ценообразованием арахиса и арахисового масла. В обосновании законопроекта депутат написал лишь: «Сейчас 2022 год. Советский Союз распался в 1991-м. Тот, кто хочет выращивать арахис, пусть выращивает, и удачи ему...» К тем же годам относится и законодательство, регламентирующее сбор и использование воды. (См. подробнее: Заметки о некоторых проблемах ведения бизнеса в Израиле. Яновский 2022.)

[276] См.: https://www.iec.co.il/en/content/about/lobbies/lobby
[277] См.: https://www.zim.com/about-zim/history
[278] См.: https://www.tnuva.co.il/על-החברה/
[279] См.: https://shikunbinui.com/he/solel-boneh/

Стоит отметить, что защитники системы власти, выстроенной практически «по чертежам» корпоративистского государства Б. Муссолини, регулярно обвиняли в «фашизме» своих оппонентов (точнее, врагов) — либералов, начиная с Жаботинского и Бегина (см.: Яновский, Жаворонков 2020, в частности, сюжет о письме Эйнштейна 1948 г. в Нью-Йорк Таймс с требованием бойкотировать «фашиста» Бегина, написанного на основе этих пропагандистских штампов, также типичный плакат 1959 г. партии Мапам — традиционного партнера лейбористов по правительственной коалиции, где Бегин с автоматом и в черной рубашке олицетворяет «фашистскую угрозу» системе корпоративистской власти — надпись «Бегина во власть? Идиотизм и катастрофа!», см. рис. 10.)

Рис. 10. Предвыборный плакат

Источник: Национальная библиотека Израиля

https://web.nli.org.il/sites/NLI/Hebrew/collections/treasures/elections/elections_materials/Pages/elect_ephemera_1959.aspx

После 1977 г. пришедшее к власти правительство во главе с «правоцентристским» «Ликудом» в рамках неформализованного компромисса признало фактическое самоуправление за бюрократией, прокуратурой и судом. Готовность идти на столь далеко идущие уступки была обусловлена казавшейся вполне реальной после событий 1948 г. угрозой гражданской войны. Тогда атака боевиков Рабочей партии на конкурентов из правой организации «Национальный военный союз» (Эцель) с использованием тяжелого вооружения и с потоплением судна «Альталена», привезшего оружие всем вооруженным еврейским группам для защиты от арабской агрессии, привела к гибели 16 членов Эцеля и едва не привела к гражданской войне перед лицом арабской агрессии (Milstein 1996).

Необходимо подчеркнуть типично национально-консервативную реакцию на эту акцию Менахема Бегина. В первом же его обращении к соратникам после потопления Альталены и убийства бойцов Эцеля на ней он заявил: «Только не война между братьями!» (Segal 2009) Война была действительно предотвращена, но ценой многолетней маргинализации партии, основанной бойцами Эцеля — Херут («Свобода»). Более того, угроза гражданской войной стала козырем в руках левых при любой ситуации, когда им казалось, что реальная власть от них уплывает. Так было, в частности, в 1977 г., когда коалиция во главе с Рабочей партией впервые проиграла выборы (Fuksman-Shal 2021, 13—36). По итогам тех выборов 17 мая 1977 г. профсоюзный лидер Ицхак Бен-Аарон в сердцах заявил, что, если такова воля народа (голосовать за Ликуд, за правых), «нужно поменять народ»[280]. Депутаты-социалисты предсказывали, что в результате прихода к власти бывшей оппозиции в стране установится националистически-клерикальный режим, будет введена цензура и будут сжигаться «вредные» книги (Ibid., 36). Начальник Генштаба Мордехай Гур, назначенный предыдущим правительством лейбористов, угрожал едва ли не неминуемым нападением арабов вследствие смены власти в Израиле (Ibid.). Уже на следующих выборах 1981 г. Гур оказывается в избирательном списке лейбористов (Аводы) и впервые становится депутатом Кнессета от левых[281]. Ниже мы приведем современный пример вмешательства военных в политику под предлогом «предупреждения об опасности» (угрозу развалить армию, если не будет остановлена судебная реформа 2023 г.).

13 октября 1978 г. официальный орган Гистадрута и фактически партийная газета бывшей правящей коалиции «Давар» опубликовала статью, в которой отмечала «отдельные недостатки» поведения товарищей. Авторы статьи дали обзор основных реакций популярных левых интеллектуалов (в том же «Даваре» и в «Гаарец») на формальную смену власти после 17 мая 1977 г. В обзоре[282], кроме истерических прогнозов и непарламентских выражений в адрес правящей коалиции, приводятся конкретные предложения «властителей дум». Писатель Амос Оз требовал возродить левую милицию «Пальмах». Писатель и художник Йорам Канюк призывал левых ашкеназов (евреев европейского происхождения) к восстанию (против законной власти,

[280] См.: https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1000093646

[281] См.: https://www.israelhayom.com/2020/05/22/rare-map-from-battle-to-liberate-jerusalem-goes-public ; https://main.knesset.gov.il/en/mk/apps/mk/mk-personal-details/140

[282] Статья была воспроизведена сайтом МИДа («Информация») 31 января 2016 г.: https://mida.org.il/2016/01/31/למ-השמאל-הגיב-איך-ושנאה-התנשאות-גזענות/

как можно понять из контекста). Часто цитируемый левыми обществоведами «специалист по фашизму» профессор политолог Зеэв Штернхель (Zeev Sternhell) призывал, игнорируя «неправильные» власти, ввести параллельное управление государством, включая внешнюю политику. Левый политик Натан Елин-Мор (Natan Yellin-Mor), как и Амос Оз, призывал к подпольной борьбе против законной власти.

Потерявший статус сильного лидера в глазах общества уходящий премьер Ицхак Рабин (см. интервью с М. Бронштейном), стал мишенью расследований и был вынужден уступить пост председателя лейбористской партии своему врагу Шимону Пересу. Так он оказался в ситуации похожей на ситуацию Джо Байдена в августе 2024 г. Он подчеркнуто лояльно передал в мае 1977 г. символы государственной власти и помещение канцелярии премьера Менахему Бегину. Однако фактический правитель — Ш. Перес, оставшись формально в оппозиции, свои рычаги реальной власти передавать никому не собирался, и Бегин это прекрасно понимал.

Другая политическая сила национального лагеря — руководство поселенческого движения, религиозные сионисты вынуждены были проходить важное испытание в 2004—2005 гг., когда под давлением заведенных на сыновей уголовных дел премьер-министр Ариэль Шарон принял основные требования проигравших выборы лейбористов. Он согласился вывести армию из сектора Газа и депортировать оттуда еврейское население (Shragai 2015), т.е. создал ту проблему, которую сегодня государство Израиль решает ценой большой крови, начиная с 7 октября 2023 г.

Проблема была совершенно очевидна уже в 2004 г., и лидерам религиозных сионистов удалось развернуть мощную кампанию протеста. К лету 2005 г. она достигла такого размаха, что заявленная непосредственная цель — прорвать полицейские кордоны и ввести на территорию Газы десятки тысяч своих сторонников, — стала совершенно реальной. Такой прорыв и наплыв евреев сделал бы депортацию технически почти неосуществимой, поскольку многие солдаты, офицеры и даже некоторая часть полицейских фактически присоединились к «итальянской забастовке», изображая деятельность, но саботируя исполнение приказов. Один из соавторов (Моше Яновский) был свидетелем множества таких эпизодов. Дважды, когда десятки тысяч противников вывода войск и депортации сосредотачивались у границы округа — в Кфар Маймоне в июле 2005 г.[283] и в августе того же года, накануне заявленной даты начала депортации,

[283] См.: https://www.israelnationalnews.com/news/86806 ; https://www.jpost.com/israel-news/gaza-disengagement-memories-and-lessons-15-years-on-638437 ; https://www.israelhayom.co.il/article/224409 (последняя ссылка на материал на иврите).

штаб кампании начинал давать странные указания, сорвавшие прорыв. Вскоре после срыва прорыва и после того, как депортация состоялась, руководители штаба признали, что они осознанно предали кампанию потому, что «запрещено побеждать государство». Само по себе еврейское государство-де обладает такой религиозной ценностью («святостью»), что победа над ним может иметь совершенно катастрофические последствия (Rut 2014).

Экзамен, таким образом, был совершенно провален. Лидеры религиозного сионизма того поколения оказались не в состоянии отделить государство как принцип, как инструмент в руках народа, общества от конкретного правительства и конкретного аппарата принуждения. Последний же действовал, как теперь уже стало очевидно даже многим оппонентам правых, против интересов избирателей и против безопасности общества и государства. Правда, в результате на смену провалившимся лидерам религиозного сионизма пришло другое поколение, которое уже почти не стесняется побеждать государство и даже научилось произносить слова «рынок», «экономическая свобода», «частное предпринимательство» без содрогания. Это является разительным контрастом с первыми поколениями партии Мафдаль (мифлегет дати леуми — партия религиозных сионистов), сильно зараженной социалистическими идеями. Следует напомнить, что самое первое поколение лидеров той же партии, по свидетельству первого армейского раввина Израиля р. Шломо Горена, даже национальные идеи позволяло себе исключительно «применительно к подлости» (Goren 2013 — см. подробнее и на русском обзор книги, включая эпизод 1948 г.[284]).

То есть те, кто провалил экзамен в 2005 г. (поколение движения «Гуш Эмуним» — «Лагерь верных»), в 70-е гг. основывали поселения вопреки формальным указаниям властей и многих тогдашних раввинов. По сравнению с «прагматиками», готовыми торговаться с кем угодно, они совершили в свое время рывок в направлении принципиальной и осмысленной политики.

Первая попытка реформ

В 1977 г. на уровне риторики «Ликуд» и его лидеры демонстрировали решимость. Они обещали «спустить красные флаги» («красные от еврейской крови» — добавлял

[284] См.: https://www.academia.edu/34859983 (параграф озаглавленный «Остается ли Тора в синагоге или политика выбора союзников»).

М. Бегин). Первая экономическая реформа нового правительства — свободная конвертация национальной валюты в сочетании с признанием права частных лиц приобретать, продавать и хранить иностранную валюту[285] комментировалась М. Бегиным как «присоединение Израиля к братству свободных народов». Известный и уже популярный среди широкой (особенно американской) публики экономист Милтон Фридман использовал свой авторитет для поддержки реформ в Израиле[286]. Он также решительно поддержал усилия нового министра финансов Симхи Эрлиха по сокращению правительственных дотаций на топливо и продовольствие и его политику жесткой экономии (до 1% ВВП)[287].

Лидер оппозиции и депутаты Кнессета возмущались самой идеей того, что смена правительства угрожает привести к смене политики. Они обвиняли правительство в предательстве принципов сионизма, которое выражалось в отказе от ориентации на «продуктивное производство» и в поддержке коммерческих и спекулятивных интересов и устремлений (и формально, и содержательно напоминает риторику известного социалистического лидера Германии о «еврейском спекулятивном капитале»). Милтон Фридман прокомментировал победу правых и саму эту реформу как победу тысячелетней еврейской традиции над столетней традицией еврейского социализма (Fuksman-Shal 2021, 46—56). Естественно, гнев левых сопровождался угрозами беспорядков и забастовок[288].

Как часто бывает, подразумеваемое продолжение реформы, которое тогда, в 1977 г., не состоялось, играло решающую роль, поэтому некоторое расширение экономической свободы граждан не привело тогда к качественному продвижению, к прорыву, к радикальному дерегулированию — соответственно к значительному улучшению делового климата и положения потребителей.

История эта показывает, что в 70-е гг. левые и «консерваторы» занимали вполне стандартные для Запада позиции по экономическим вопросам. Акцентируемое многими исследователями «главное» отличие правых и левых по позициям относительно арабо-израильского конфликта (см., например, Zur, Bakker 2023) при чуть более внимательном взгляде также оказывается совершенно стандартным. «Правые», консерваторы, с

[285] См.: https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-05-20/the-shocking-election-that-saved-israel-s-economy ; https://www.nytimes.com/1977/08/13/archives/israel-is-moving-to-make-pound-convert-freely-israel-liberalizes.html ; https://catalyst-journal.com/2024/06/israels-bonaparte

[286] См.: https://farkash-gallery.com/revolutionary-government-1977/

[287] См.: https://catalyst-journal.com/2024/06/israels-bonaparte. См. также: Economic Swing to the Right // Journal of Palestine Studies. 1978. N 7 (3). P. 139—143 (https://doi.org/10.2307/2536207).

[288] См.: Economic Swing to the Right (https://doi.org/10.2307/2536207).

уважением относятся к монотеистической традиции Синайского откровения, которая предопределяет отказ от далеко идущих (и опасных — Yanovskiy, Zatcovetsky, Ginker, Zhavoronkov 2018) уступок тем, кто ставит целью уничтожение евреев. Соответственно особого поля для маневра у них просто нет. Обычная для левых «игра в Бога», попытка заместить Творца и его обещания человеческими интересами позволяет обсуждать какие угодно проекты решения конфликта, даже если предыдущие подобные попытки катастрофически провалились.

Во имя национального согласия

Насколько реальной была угроза переворота, отказа передать власть коалиции во главе с «Ликудом» в 1977 г., на самом деле оценить сегодня сложно, но кроме запугивания общества катастрофой вследствие потери лейбористами монопольной власти со стороны левых интеллектуалов звучали призывы к насилию, к перевороту. Как мы уже отмечали выше, звучали они достаточно внятно и громко и не прекращались с тех пор.

Упомянутый выше «профессиональный антифашист» профессор Зеэв Штернхель призывал «проехаться танками по Офре» (Офра — крупное поселение на освобожденных в 1967 г. территориях). Это означало вполне понятный призыв не просто к военному перевороту, но и к расправе с электоральной базой национального лагеря[289]. Штернхель писал: «...фашизм не может быть остановлен рациональной аргументацией. Он может быть остановлен силой и готовностью принять риск гражданской войны. Принимая решение, мы должны применить силу против поселенцев Офры и Элон Море. Только тот, кто будет готов проехаться по Офре танками, сможет реально сопротивляться фашистской тенденции, угрожающей израильской демократии»[290].

[289] См.: https://www.israelnationalnews.com/news/125878

[290] См.: https://www.jewishpress.com/news/israel/religious-secular-in-israel-israel/prof-zeev-sternhell-fervent-enemy-of-jewish-life-in-liberated-territories-dead-at-85/2020/06/21 (газета «Давар», апрель 1988 г.). «Fascism cannot be stopped on rational grounds. This can only stopped by force, and with a willingness to risk a civil war. At the moment of decision, we will have to deal forcefully with the settlers in Ofra or Elon Moreh. Only those who are ready to mount Ofra with tanks will be able to stem the fascist drift that threatens to drown Israeli democracy» («Фашизм нельзя остановить рациональными аргументами. Его можно остановить только силой и с готовностью рискнуть гражданской войной. В момент принятия решения нам придется жестко разобраться с поселенцами в Офре или Элон-Море. Только те, кто готов ввести в Офру танки, смогут остановить фашистский дрейф, угрожающий потопить израильскую демократию»). Тот же профессор в статье в «Гаарец» 11 мая 2001 г., в разгар волны террора, писал, что убийства поселенцев легитимны, и напрямую советовал террористам сконцентрироваться на этом занятии: «...если бы у палестинцев было немного здравого смысла, они бы сконцентрировали свою борьбу против поселений... и воздержались бы от закладывания взрывных устройств к западу от Зеленой линии» («There is no doubt regarding the

Разумеется, вооруженное насилие против инакомыслящих сограждан, по мнению профессора, было бы либеральным, а вовсе не фашистским действием.

Если эмоциональные призывы «антифашиствующих» профессоров и отдельных левых депутатов можно было бы проигнорировать, игнорировать демонстративную нелояльность начальника генерального штаба и возможности Шимона Переса влиять на прокуратуру и судебную систему, подтвержденную совсем свежим тогда примером с отстранением И. Рабина от руководства партии, игнорировать было невозможно, поэтому угрозы подействовали. Руководство «Ликуда» не решилось провести чистку государственного аппарата, армии, полиции, прокуратуры, провести судебную реформу, приведя судебную систему к нормальному для стран обычного права виду, т.е. молчаливо согласилось принять дополнительные, вне- и антиправовые, антидемократические ограничения на исполнительную и законодательную власти во имя национального согласия.

В результате контролирующая аппарат исполнительной власти и иные неизбираемые структуры власти левая коалиция благодаря тщательно отобранным за десятилетия кадрам могла блокировать любое неугодное им решение большинства Кнессета и опирающегося на него правительства.

Огромные полномочия чиновников, защищенных от избираемых политиков и формальной независимостью, и заинтересованной в слабости политиков судейской олигархией, позволяют им в определенной мере влиять на поведение зависимых от социального государства избирателей (расходы на которое многократно превышают даже расходы на оборону)[291].

Юридический советник правительства — генеральный прокурор был при правительствах лейбористов важной, однако подчиненной министру юстиции фигурой. Его присутствие на заседаниях правительства считалось совершенно не обязательным. В первом несоциалистическом правительстве Менахема Бегина доставшийся ему от предыдущего правительства юридический советник не был отправлен в отставку. Более того, он стал сначала полноправным, а потом ведущим членом кабинета, не зависимым

legitimacy of the armed resistance in the territories themselves. If the Palestinians had a bit of sense, they would concentrate their struggle against the settlements. [...] They would similarly refrain from placing explosive charges on the western side of the Green Line»).

[291] См.: https://www.gov.il/he/pages/state-budget-2023-2024. Совокупные расходы на оборону и безопасность были запланированы на 2024 г. в размере 105 млрд шекелей, в то время как социальные расходы — свыше 233 млрд, не считая обязательных взносов на национальное страхование и платежей юридических лиц — два налога, доходы от которых идут напрямую Битуах Леуми (фонду нацстрахования), и не входят в бюджет правительства. Результатом бремени социальных расходов являются расходы по уплате долга и процентов около 202 млрд шекелей.

от министра юстиции. Вероятно, Бегин рассчитывал подобным образом задобрить или расколоть юридическую элиту и застраховать себя от возбуждения политизированных уголовных дел.

Дела против него действительно не возбуждались, но юридический советник приобрел огромное влияние. Со временем его мнение и отказ защищать правительство в суде по тому или иному вопросу стало аналогом вето на правительственное решение. Звали этого первого юридического советника правительства Бегина — Аарон Барак. Впоследствии он занял место председателя Верховного суда, успешно узурпировав на этом посту многие полномочия Кнессета и Правительства. Аналогичные посты («юридических советников») были введены в каждом министерстве и даже (!) в Кнессете. Система юридических советников, не имеющая аналогов в мире, превратилась в своего рода сеть политкомиссаров при правительстве, имеющих огромные полномочия, но не несущих никакой личной ответственности за свои действия. Угроза такого «советника» отказаться представлять министерство или правительство или даже Кнессет в суде почти равносильна «вето» на принятом решении, с которым не согласен «советник».

Согласно статье 17 закона о выборах Кнессета (часть первая), принятой в такой редакции в 1978 г. (коалицией во главе с Бегиным) пост председателя Центральной избирательной комиссии был закреплен за судьями Верховного суда. Последние и выбирают своего представителя с тем, чтобы он возглавил Комиссию. Тогда широкой публике еще казалось, что судьи стоят вне политики и вне партий, и соответственно такой шаг не выглядел уступкой левым. Сегодня большинству уже очевидно, что судьи — ведущие игроки на политическом поле со своей идеологией и политической позицией, однако текст закона остается действовать в прежнем виде[292].

Важным шагом в развитии антидемократических институтов в Израиле стало решение правительства от 7 марта 1999 г. № 4891 об учреждении консультативной комиссии по назначениям старших должностных лиц на государственной службе (הוועדה המייעצת למינוי בכירים בשירות המדינה)[293]. Решение это не было утверждено даже законом, зато получило одобрение Верховного суда. Стоит заметить, что ответственность за принятие этого решения лежит на тогдашнем и действующем на момент завершения книги премьер-министре Израиля Беньямине Нетаньяху. Его попытка ослабить, демонстрируя

[292] См.: https://www.nevo.co.il/law_html/law01/190_026.htm
[293] См.: https://www.gov.il/he/pages/2006_des91

готовность к компромиссам и уступкам давление левых, полностью провалилась, и в мае того же года он (и правая коалиция во главе с ним) проиграл выборы[294].

Комиссию возглавляет судья Верховного суда в отставке. Суть и реальный смысл существования этого органа — установление прямого контроля неформальной верхушки судейской корпорации над всеми ключевыми назначениями в системе исполнительной власти.

Правосудие, оборона и безопасность как жертвы «национального согласия»

Однако более легитимным и влиятельным центром власти, конкурирующим и с правительством, и с Кнессетом, постепенно становился Верховный Суд. Согласно статье 15 (гимель) «Основного закона: Судебная власть», Верховный суд заседает также в качестве Высшего суда справедливости («БАГАЦ»). Эта функция уникальна в израильской системе судопроизводства, поскольку в качестве Высшего суда справедливости Верховный суд действует как первая и последняя инстанция. В этом качестве он рассматривает вопросы, в которые видит необходимость вмешаться для восстановления справедливости, при условии, что нет другой судебной инстанции, уполномоченной вынести решение по данному делу. Эти широкие и плохо формализованные полномочия часто используются и широко трактуются. Первая попытка их уточнения была предпринята только во время судебной реформы 2023 г. Было введено ограничение на использование предлога «неразумности», без ссылки на нарушенную норму закона[295], под которым отменялись решения, в частности, исполнительной власти, назначения и т.д.

После принятия в 1992 г. правым большинством Кнессета Основного закона о правах и достоинстве человека Аарон Барак, став председателем Верховного суда, объявил, что этот закон — суть зародыш Конституции, и суд обязан проверять принимаемые Кнессетом законы на соответствие этой новой «конституции». Сам этот закон трактовался судьями в высшей степени своеобразно. Так, за десятилетия правоприменения они фактически отменили статью 4 этого Основного закона, решив,

[294] См.: https://main.knesset.gov.il/ru/about/history/pages/knessethistory.aspx?kns=15

[295] «Несмотря на сказанное в этом Основном законе, те, кто обладает судебной властью в соответствии с законом, включая Верховный суд, заседающий в качестве Высшего суда Справедливости, не будет обсуждать вопрос о разумности решения Правительства, премьер-министра или иного министра и не будет издавать решения по вышеупомянутому вопросу; в этом разделе: “решение” — любое решение, включая вопросы о назначениях или решение воздержаться от осуществления каких-либо полномочий» (https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/basiclaw.aspx?lawid=8).

что норма «Каждый человек имеет право на защиту собственной жизни, личности и достоинства»[296] не имеет никакого отношения к праву на самооборону (!).

Впрочем, большинство вердиктов Верховного суда, отменяющих законы, принятые Кнессетом, не ссылаются на этот основной закон, ставший лишь поводом для узурпации власти. Так, в решении от 1999 г., отменившем закон, открывавший вход на медиарынок, до этого прочно монополизированный левыми СМИ, нескольким правым радиостанциям, суд постановил, что вход на рынок новых игроков после того, как старые входили с высокими издержками, представляет собой нечестную конкуренцию, фактически запретив тем самым и конкуренцию на медиарынке, и дерегулирование бизнеса.

Основной жертвой активности Верховного суда стали вовсе не полномочия Кнессета и Правительства, а основные права граждан. Вместе с их правами на самооборону и на свободу слова, было ликвидировано укорененное за тысячи лет еврейской традиции право не свидетельствовать против самого себя, особенно под пытками. Судьи Верховного суда в 2022 г. решили, что хотя пытки — крайне необычный способ получения «доказательств», но все же допустимый (вердикт от 7 марта 2022 г. № 7388/20); подробнее об особенностях судебной системы Израиля см.: Записка — Яновский 2023). Адам Смит, формулируя условия для экономического процветания, выделил роль «беспристрастного суда». Причем он не пытался установить слишком высокую планку, упомянув tolerable administration of Justice, т.е. судебную систему «терпимого» качества. Очевидно, что в Израиле она не дотягивает даже до такого скромного стандарта.

Понятно, что, действуя рядом с органом полномочным принимать любые решения, органы власти, ответственные перед избирателем, чувствовали себя, мягко говоря, не слишком уверенно.

В 2017 г. являвшийся формально уже более десяти лет пенсионером Аарон Барак, угрожал правительству, которое решится игнорировать незаконные приказы Верховного суда, гражданской войной[297]. Он назвал такую гипотетическую попытку «переворотом» (т.е. признал де-факто неограниченную власть судебной системы) и добавил: «В такой ситуации решать будут танки» (см. важные подробности в Дополнительных материалах). Эту цитату часто напоминают левые в контексте замены

[296] См.: https://main.knesset.gov.il/RU/activity/Documents/BasicLawsPDF/yesodru3.pdf (пояснение по интерпретации — адвоката Ицхака Бама).
[297] См.: https://www.makorrishon.co.il/news/588759/

Ронена Бара, главы Шабака, провалившегося 7 октября 2023 г.[298], на генерала Давида Зини[299,] предсказавшего за полгода вероятность таких событий. Замена была осуществлена правительством в полном соответствии со статьей 3 Закона о Шабаке 2002 г.[300]

Десятилетия борьбы правых (национальных) партий за символическую власть привели к серьезной деформации стимулов и активистов, и лидеров. Зажатость между требованиями правого избирателя и необходимостью брать на себя очень высокие риски и издержки для реализации этих требований привела к «выведению» особого сорта прагматической политики. Минимальные, второстепенные решения преподносятся избирателю как великие достижения, тщательно избегаются попытки серьезных реформ. Стандартным маршрутом к руководству «Ликуда» и других правых партий становятся радикальные заявления, требования и обещания глубоких реформ на старте карьеры (когда надо завоевать место в Кнессете, а потом портфель министра). Затем следует резкое изменение позиции: «из этого кресла видно то, что не видно вне его...» — с почти полным отказом от обещаний после достижения символической позиции как бы у власти. Естественно, обычно наблюдается возвращение таких политиков к традиционной национально-либеральной риторике накануне выборов.

Одним из важнейших примеров провала «мейнстримных» консерваторов в Израиле является их неспособность защитить собственную армию от политизированных преследований самоназначенных, по сути, судей (см. Яновский 2023), прокуроров и генералов, получивших звания в результате классического отрицательного отбора.

Использование судом присвоенных полномочий для связывания рук армии все шире осознается обществом в Израиле. В этой связи интересно признание инициатора процесса — Аарона Барака. В 2019 г. интервьюер напрямую спросил, действительно ли суд под его руководством не давал армии побеждать. Естественно, на такой вопрос последовал отрицательный ответ. Но сразу же за ним Барак заявил: «если меня и мучает

[298] Ошибка в оценке масштаба вторжения после продолжительного игнорирования информации о подготовке вторжения, отправка 15 бойцов около пяти утра в зону вторжения: https://www.jns.org/bar-led-greatest-security-failure-in-israeli-history-pm-says-of-shin-bet-chief ; не проинформировал премьер-министра и министра обороны об угрозе вторжения: https://www.jns.org/bar-led-greatest-security-failure-in-israeli-history-pm-says-of-shin-bet-chief ; скрывал информацию от расследования государственного контролера: https://www.timesofisrael.com/comptroller-accuses-idf-shin-bet-chiefs-of-obstructing-his-october-7-probe /

[299] См.: https://www.mako.co.il/special-politics/Article-f860504f249f691026.htm ; https://www.israelhayom.co.il/news/defense/article/18028393

[300] См.: https://www.nevo.co.il/law_html/law00/5051.htm

[совесть], то потому, что я позволял (!) армии побеждать слишком много»[301]. То есть на простом языке — я не связывал им руки вообще, но при этом связывал еще недостаточно жестко.

Ушедший в политику бывший начальник генерального штаба Бенни Ганц с гордостью докладывал конференции по проблемам военной юстиции в мае 2015 г., как он помог военной прокуратуре возбудить свыше 500 дел против собственных солдат по итогам крайне ограниченной операции 2014 г. (см. Яновский 2015 — отчет о конференции[302]). Операции, оказавшейся почти бесполезной. Хуже того, она укрепила уверенность левого генералитета в «правильности генеральной линии». Деятельность этих генералов (от усиления военной прокуратуры до расформирования пехотных и танковых бригад[303]) продолжилась. Таким образом, та операция стала важной вехой на пути к катастрофическому провалу генералитета Армии обороны Израиля (АОИ) 7 октября 2023 года.

Для сравнения: начальник генерального штаба АОИ в 1978—1983 гг. (т.е. задолго до Осло) Рафаэль Эйтан с гордостью записал в своих мемуарах (Эйтан 1990) как он старательно мешал военной прокуратуре возбудить хотя бы одно такое дело.

Важно подчеркнуть, что большая часть дел возбуждается не на основе нарушения нормы писаного закона или международной конвенции, ратифицированной Израилем, а на основе идеологических предпочтений судей. Последние ввели де-факто в оборот норму об обязанности армии учитывать в ходе своих действий не только жизни живого щита врага (каковые необходимо беречь), но даже и имущество и доходы этого живого щита (см. создавший прецедент вердикт и комментарий к нему — Яновский 2023). Такая норма сформулирована в более мягкой форме в Первом дополнительном протоколе от 1977 г. к IV Женевской конвенции о правах гражданских лиц в ходе военных конфликтов. Этот протокол не ратифицирован ни Израилем, ни США. Великобритания ратифицировала его с оговорками, выхолащивающими его суть. Тем не менее, военные чиновники и в Израиле, и в США стараются применять его против своих военных (см. подробнее: Yanovskiy, Zatcovetsky 2017).

Рекордным (пока) достижением в поведении юридической элиты является приравнивание захваченных 7 октября 2023 г. террористов с кровью на руках к обычным гражданам, подозреваемым в совершении преступления. Последним, по мнению судей,

[301] https://www.inn.co.il/news/403378 (ש לי בעיה עם עצמי שנתתי לצה«ל לנצח יותר מדי).
[302] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2612552
[303] https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2024/03/special-publication-240324-1.pdf

полагаются оплаченные еврейским налогоплательщиком адвокаты[304]. То, что захваченные не обладают даже статусом военнопленных, а последним адвокат не полагается, судей не смущает. Судьи лично инспектируют места содержания этого контингента, чтобы убедиться в достойных условиях их проживания[305].

Попытка судебной реформы 2023 г. встретила буквально угрозы развала армии, если законная власть не капитулирует и не откажется от реформы. Так, отставной генерал Амос Ядлин (бывший глава военной разведки) публично ссылался на требования руководства армии и спецслужб остановить реформу. С удивительной непосредственностью он и его коллеги представляют после 7 октября эти угрозы как «предупреждение об атаке ХАМАСа»[306]. В действительности с предупреждениями выступал другой генерал запаса — Ицхак Брик (יצחק בריק). Последний подробно описал технические и тактические решения, которые использует ХАМАС при нападении[307]. И. Брика генералы от мирного процесса постарались дискредитировать, и его предупреждения полностью проигнорировали.

Более детальный анализ причин провалов армии в войне 7 октября приведен в статье ‘Welfare, Lawfare, and Western military superiority decline: the case of Israel’s October 7 war’ (Yanovskiy, Ben Asher et al, 2026) и дополнительных материалах к ней.

Почти нескрываемая поддержка антиреформаторских сил[308] левыми генералами, получившими свои чины и звания за достижения в «умиротворении», а не в разгроме врага, вплоть до угроз законно избранному правительству, по сути, стала повторением 1977 и 1948 гг. Как и тогда, применялся шантаж оппонентов гражданской войной. Со слабо замаскированными угрозами гражданской войной выступал и президент Ицхак Герцог[309] — давний оппонент Нетаньяху, проигравший ему выборы 2015 г.

---

[304] См.: https://www.israelnationalnews.com/news/398963 ; https://www.jewishpress.com/news/eye-on-palestine/hamas/knesset-prepares-to-reject-court-decision-to-fund-legal-defense-for-hamas-nukhba-terrorists/2024/07/11/

[305] См.: https://www.israelnationalnews.com/news/400730 ; https://mignews.com/news/politic/sudya-bagaca-posetila-terroristov-nuhby-v-tyurme-ofer.html

[306] См.: https://www.politico.com/news/magazine/2023/10/24/amos-yaldin-israeli-military-intelligence-netanyahu-qa-00123099

[307] См.: https://www.youtube.com/watch?v=5pxzkMGWRqw (иврит); http://bit.ly/3TWpYav (иврит).

[308] В данном случае речь идет о Моссаде. Опровергаемое на словах сообщение: https://worldisraelnews.com/true-scandal-mossad-encouraged-anti-government-protests-says-us-intel (дата обращения: 28.12.2023). Неопровержимое сообщение — сотрудников отпускают на митинги против реформы, но, естественно, не на митинги в поддержку реформы судов: https://www.israelnationalnews.com/news/369773

[309] См.: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-64975858 ; https://www.timesofisrael.com/a-golden-path-after-weeks-long-effort-president-debuts-overhaul-compromise-offer/

Другой яркий пример левого генерала эпохи «процесса Осло» — действующий руководитель армейской разведки Аарон Халива. Генерал Халива менее чем за год до 7 октября утверждал, что ХАМАС гарантирует «тишину» на долгие годы[310]. Поэтому, если Израиль будет платить дань своим соседям, чтобы те могли бороться с последствиями изменений климата (!), победа над террором едва ли не гарантирована. Он же блокировал в сентябре 2023 г. информацию о подготовке ХАМАСа к крупной акции, не доложив ее ни начальнику генерального штаба, ни премьер-министру[311]. Впоследствии судьи, прокуроры и Шабак устроили сомнительной законности юридическое преследование офицеров (Эли Фельдштейна и Ари Розенберга), рискнувших передать премьер-министру небольшую часть утаиваемой от него информации[312].

Продвижение в Кнессете законопроекта, специально оговаривающего освобождение от ответственности лица, «раскрывшего государственную тайну» своему премьер-министру[313] (!), вызвало предсказуемое сопротивление юридической элиты[314].

Для того, чтобы пояснить читателю причины и смысл столь отчаянного сопротивления левой элиты более чем умеренной судебной реформе (которая даже не приводила судебную систему Израиля в соответствие с английским оригиналом[315]), предоставим слово двум представителям левого лагеря.

Мейрав Моран (журналистка Гаарец): «Мой круг (“лагерь”) подавлен, напуган... эта группа населения, к которой мы принадлежим, у которой есть много заслуг, ощущает себя изгнанной из рая. Нет больше этого рая. Нет такого, что ты снимаешь трубку и получаешь должность в академической структуре, пристраиваешь детей, решаешь проблемы в суде...»[316]

[310] См.: https://youtu.be/GFtZqZxHADA (с 4-й по 121-ю секунду — иврит).

[311] ‘Something is going to happen’: IDF soldiers warned of attacks — and were threatened with court-martial https://worldisraelnews.com/idf-soldiers-warned-of-gaza-attacks-and-were-threatened-with-court-martial/ См. также: Glick Caroline 2023. https://www.jns.org/aharon-haliva-has-got-to-go-now/ ; https://www.israelhayom.com/2023/11/23/unit-8200-could-have-save-israel-from-oct-7-why-hasnt-it-owned-up-to-its-failure/

[312] См., к примеру: https://www.jns.org/second-suspect-in-leak-affair-identified-as-ari-rosenfeld/ или https://www.theyeshivaworld.com/news/israel-news/2350367/bomshell-report-feldstein-rosenfeld-case-involved-foreign-actor-in-oct-7-attack.html

[313] См.: https://main.knesset.gov.il/en/news/pressreleases/pages/press41224u.aspx

[314] См.: https://www.timesofisrael.com/ministers-advance-feldstein-law-giving-immunity-for-passing-classified-info-to-pm/

[315] См. подробнее доклад: *Яновский М.* Судейский активизм в государстве социально зависимых. Пример Израиля. 2023 (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4338437).

[316] https://www.facebook.com/reel/951957583643115 или https://www.youtube.com/shorts/j7aoEu-3eQU/

Эйяль Наве («Братья по оружию» — крайне левая организация, созданная для сопротивления правовой реформе[317]): «если каждый из вас не проснется и не начнет действовать — действительно действовать, а не просто приходить на Каплан или протестовать у себя возле дома — мы потеряем государство. Оно больше не наше. У него нет права на существование — ни с экономической, ни с оборонной точки зрения»[318].

С учетом того, как голосует армия (а она в подавляющем большинстве голосует за партии национального лагеря — тот же «Ликуд» или его партнеры по коалиции[319]), такое бездействие и означает неспособность защитить своих защитников и своих избирателей. Оно отражает актуальное состояние традиционных консервативных партий, готовых к «ограниченному прогрессу в рамках законности» и исключительно «применительно к подлости».

Это не значит, однако, что внутри партии «Ликуд» совсем нет спроса на политику, соответствующую провозглашаемой идеологии. Просто ее цели воспринимаются и лидерами, и большинством активистов, как очевидно недостижимые, хотя и крайне желанные. Отчасти это подтверждается заметной поддержкой внутри партии предложений по судебной реформе 2023 г.: как только решение начало казаться части активистов достижимой опцией, они с энтузиазмом его поддержали.

Упомянутое выше явление — голосование армии, т.е. молодых парней, в ней служащих, значительным большинством за правые партии, отражает важную особенность Израиля. Речь идет о намного меньшей эффективности социального государства и социалистов в промывании мозгов школьникам и студентам, чем почти

[317] См.: https://www.bnsia.org/en/about-us/

[318] https://t.me/max_brodsky/26994 (видео — иврит; конференция IDC 2023 г.). Наве в списке выступающих на конференции в Герцлии 22—23 мая 2023 г. (https://www.runi.ac.il/en/research-institutes/government/ips/herzliya-conference/hc2023/speakers). Ключевой вопрос который мог бы задать непредвзятый слушатель Наве: а что значит «действительно действовать», если ваших относительно мирных протестов недостаточно?

[319] См.: https://votes25.bechirot.gov.il/ Большинство военных голосует с использованием специфической формы почтового голосования, при котором предъявляется удостоверение личности, однако подсчет голосов на месте не производится, а маленький конверт с карточкой, на которой напечатаны символ и название выбранной партии, помещается в почтовый конверт, и все такие «двойные» конверты свозятся на места подсчета именно таких голосов. «Почтовых» голосов пока менее 10% (свыше 460 тыс.), и бóльшую их часть составляют армейские участки, участки в домах престарелых, в тюрьмах и дипломатических миссиях за рубежом. Маркером тюрем является повышенный процент голосов (более 20% вместо среднего показателя в 10,8%) за арабские партии. В домах престарелых (бóльшая часть «двойных» конвертов) доминируют в зависимости от города НДИ либо мейнстримные левые списки. В дипмиссиях повышенный процент голосов за крайне левых (Авода, Мерец). А в армии доминируют праворелигиозные списки. Наиболее яркий маркер — голосование за религиозных сионистов от 20% и выше (в среднем 10,84%). Общий процент голосов за праворелигиозную коалицию на таких участках составляет от средних по стране 49% до 70—77%.

во всех других странах Запада[320]. В результате демографическая тенденция работает не на левый, а на правый лагерь. Здесь следует также напомнить, что Израиль — единственная развитая страна со значительным естественным приростом законопослушного (еврейского, прежде всего, в данном случае) населения[321].

Дополнительные примеры: Канада, Нидерланды

Канада: модель медианного избирателя дает сбои

Пример Канады важен не для того, чтобы консерватор у молодой демократии смог заимствовать какой-то опыт или решения. Опыт политической борьбы или ведения предвыборных кампаний редко переносим из одной культуры и исторической ситуации в другую. Запас хороших решений, «лучших практик» в Канаде несопоставим с запасом у великого южного соседа. Но опыт последних десятилетий политической истории Канады поможет нам с нового ракурса посмотреть на особенности политики в условиях социального государства, а также высветит проблемы традиционных «мейнстримных» партий.

Начнем с таблицы с основными итогами выборов в нижнюю палату парламента Канады. Приведено только итоговое распределение мест (система выборов аналогична британской и американской — набравший наибольшее число голосов кандидат побеждает, без второго тура).

Таблица 2. Итоги выборов в Канаде в 1979—2021 гг.

Партия	1979	1980	1984	1988	1993	1997	2000	2004	2006	2008	2011	2015	2019	2021
Либеральная	114	147	40	82	177	155	172	135	103	77	34	184	157	160
Консервативная («Канадский альянс»)	—	—	—	—	52	60	66	99	124	143	167	99	121	119
Квебекский блок	—	—	—	—	54	44	38	54	51	49	4	10	32	32

[320] Одной из причин этого явления, по-видимому, является традиционная секторальная раздробленность школьного образования. Упомянутые в тексте партии, склонные к компромиссам с левыми, нередко проявляли упорство в отстаивании своего контроля над секторальными системами образования («харедимными», национально-религиозными). Такая раздробленность затрудняла слаженную работу школы как пропагандистской машины. Другой причиной является личный опыт — террора и проблем безопасности, которым обладают граждане, служившие и даже не служившие в армии. Пропаганде не всегда удается перевесить такой личный опыт.

[321] См.: https://www.cbs.gov.il/en/subjects/Pages/Population.aspx

Новая демократическая	26	—	30	43	9	21	13	19	29	37	102	44	24	25
Прогрессивно-консервативная	136	103	211	170	2	20	12	—	—	—	—	—	—	—
Партия социального кредита	6	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Независимые	—	—	—	—	1	1		1	1	2	—	—	—	1
Прочие	—	—	1	—	—	—		—	—		1	1	3	2
Всего мест	282	282	282	295	295	301	301	308	308	308	308	338	338	338

Источники: Сайт парламента Канады, https://lop.parl.ca/sites/ParlInfo/default/en_CA/ElectionsRidings/Elections ; Сайт федеральной избирательной комиссии, https://www.elections.ca/content.aspx (Current and past elections)

В экономической науке — теории общественного выбора (Public Choice), равно как и в политической, хорошо зарекомендовала себя модель медианного избирателя, или проще — модель избирателя-центриста. За его благосклонность идет борьба политиков условно «слева» и «справа», и политики — особенно ближе к дню выборов — корректируют риторику, а часто и предвыборные программы, с тем, чтобы условно к «своей» половине надежных и лояльных избирателей присоединить группу неопределившихся, «центристов», и так получить большинство (умеренного размера — в 10 страниц текста, но качественное описание модели — см.: Congleton 2004). Эта модель неплохо объясняет поведение политиков и избирателей, но только в обычной, стабильной ситуации, т.е. когда в экономике и политике не происходит больших изменений, предпочтения избирателей каждого из политических лагерей стабильны и сами избиратели в равной степени мало политизированы.

В соответствии с ней (вероятно, даже не догадываясь о ее существовании) действовали две ведущие партии Канады — Либеральная (когда-то, до введения всеобщей избирательной привилегии — классически либеральная) и Прогрессивно-консервативная (когда-то просто, и по названию, и по сути — консервативная).

Наряду с ними действовала умеренно левая партия социального кредита, вытесненная впоследствии (как видно и из табл. 2) Новой демократической партией, заметно более (лево-)радикальной.

До начала 1990-х гг. позиции лидеров мейнстримных партий постепенно сдвигались к центру и все меньше отличались друг от друга. При этом в федеральной

столице — Оттаве, точно так же, как и в Вашингтоне, чиновники открыли для себя прелести социализма, даже раньше, чем в США, благо в Канаде общество в целом намного менее религиозно и намного менее жестко привержено принципам, заложенным в основание страны (безусловно, консервативным).

Среди избирателей консервативной партии это вызывало растущее раздражение. Они, вероятно, задавались тем же вопросом, что и Милтон Фридман — зачем нам больше социализма, если он ведет к провалам. Собственные интересы бюрократии они при этом явно недостаточно принимали в расчет и винили своих лидеров. В итоге перед выборами 1993 г. в Прогрессивно-консервативной партии произошел раскол. Более правое, традиционное, консервативное крыло основало свою партию. Поскольку к ним ушло подавляющее большинство членов и активистов организаций западных провинций, где консерваторы были традиционно очень сильны, на выборах 1993 г. новая партия получила вполне достойный результат. Оставшаяся часть партии, получив больше голосов, чем раскольники, практически не была представлена в Парламенте. Впоследствии «прогрессивные консерваторы» так и не смогли оправиться от катастрофического поражения 1993 г. и присоединились к победителям в рамках новой просто «консервативной» партии.

Эта партия формировала правительства с 2006 по 2015 г. во главе со Стивеном Харпером (Stephen Harper). Рекомендовать его реформы как образец мы не можем в силу указанных выше причин. Однако необходимо сравнивать правительства Харпера с правительствами Джастина Трюдо, атаковавшего частный бизнес, свободу слова и иные основные права человека, пытавшегося во имя «diversity» (этнического и религиозного «разнообразия») обходить иммиграционное законодательство с тем, чтобы в стране было больше выходцев из мусульманских стран с традицией презрения к ценности человеческой жизни, правам и свободам[322], наконец, силой подавившего мирные протесты канадцев против своей политики и сделавшего новой реальностью некогда свободной страны наличие политических заключенных (Yanovskiy 2022 (2)).

Протесты водителей-дальнобойщиков сильно повлияли на Консервативную партию. После ухода в отставку Стивена Харпера она возобновила (как мы понимаем из описанного выше опыта США и других старых демократий — вполне естественное)

[322] См.: https://www.nytimes.com/2017/01/28/world/canada/justin-trudeau-trump-refugee-ban.html ; https://globalnews.ca/news/3212041/justin-trudeau-refugees-donald-trump-travel-ban/

скатывание к медианному избирателю, обходя острые вопросы, пытаясь быть более политически корректной, нежели политически правой.

Перед выборами 2021 г. от консерваторов откололась заметная группа, зарегистрировавшая Народную партию Канады — Peoples' Party. Ее лидеры и активисты были крайне раздражены невнятной позицией консерваторов в отношении свирепых «антиковидных» мер правительства либералов; мер, нарушающих права граждан, разрушавших бизнес и семьи в 2020—2021 гг., научные основания которых оказались на поверку более чем зыбкими (Yanovskiy, Socol 2021; Yanovskiy, Socol 2022).

Партия получила на выборах почти 5% голосов, но поскольку они были довольно равномерно распределены по провинциям и по округам, не прошел ни один из ее кандидатов. Максим Бернье (Maxime Bernier) потерял свой округ в Квебеке. Бернье говорит по-английски с сильным французским акцентом и совсем не похож на своих прототипов 90-х гг. из Альянса с Тихоокеанского побережья. Однако откола заметной части избирателей от консерваторов оказалось достаточно, чтобы лишить их шансов победить в 2021 г.

После протеста дальнобойщиков лидер консерваторов умеренный политик Ирин О'Тул (Erin O'Toole) ушел в отставку, и его в конце концов сменил более жесткий лидер — Пьер Полиэвр (Pierre Poilievre) из соратников Стивена Харпера[323], т.е. консерваторы в силу кризисной ситуации и сопротивления части их традиционного электората политике всемогущего большого правительства вынуждены были второй раз за последние десятилетия оставить медианного избирателя.

Следует отметить, что радикализм Джастина Трюдо и его все менее либеральной партии также объясняется сломом модели медианного избирателя в нестабильную эпоху. После того как на выборах 2011 г. либералы потеряли статус оппозиции, проиграв не только консерваторам, но и радикально левой Новой демократической партии, новое руководство, естественно, решило сдвигаться далеко налево с тем, чтобы не дать увести своего избирателя, в надежде на то, что мало политизированный и идеологически неопределенный избиратель просто присоединится к партии, выглядящей наиболее сильной и перспективной. Такая стратегия может неплохо работать в нестабильной ситуации (Ноэль-Нойман 1996; Сото, де 2025, 40—45; De Soto 1989, 38—43).

[323] См.: https://www.conservative.ca/pierre-poilievre/

Итак, заметим себе, что избиратель-центрист в социальном государстве зачастую не выбирает осознанно позицию между консервативной и левой, этатистской идеологией. Такой избиратель зачастую просто не имеет сильных идеологических предпочтений и стремится оказываться каждый раз в лагере победителей. Как показала Эвелин Ноэль-Нойман, такой мотив выбора наблюдается уже и при стабильной демократии.

В завершение сказанного заметим, что регулярные попытки сдвинуться к консенсусу с левыми встречаются с сопротивлением избирателя, «перетекающего» к более жестким оппонентам левой политики, также в Швейцарии, где традиционные консерваторы из Христианско-демократической народной партии — Christlichdemokratische Volkspartei (CVP) были сильно потеснены сравнительно молодой Швейцарской народной партией — Schweizerische Volkspartei (SVP). Мейнстримные консерваторы Австрии (Народная партия) испытывают давление Партии свободы. Циклы, очень напоминающие канадский случай, наблюдаются в своеобразном регионе Великобритании — в Северной Ирландии, среди христиан-протестантов — консерваторов[324].

Нидерланды: консервативная многопартийность

Самый низкий «проходной балл» в национальный парламент Нидерландов (менее 1% при выборах в нижнюю палату) обусловил чрезвычайную раздробленность политического спектра, включая консервативную его часть. По итогам выборов 2021 г. три мейнстримные консервативные партии, участвующие в правительственной коалиции, получили в сумме 54 мандата из 150 (VVD, CDA, CU)[325]. Более или менее идеологические консервативные партии, прохладно относящиеся к неевропейским ценностям и к брюссельской бюрократии, получили суммарно 32 мандата (PVV, FvD, SGP, Ja21, BBB). Среди последних одна старая историческая Партия христиан-кальвинистов, Светская консервативно-либеральная партия свободы под руководством Гирта Вилдерса (Geert Wilders), еще две с трудом отличимые по программам условно «антииммигрантские» партии (FvD, Ja21) и быстро набирающая популярность консервативно-аграрная партия (BBB), к которой, судя по опросам, перетекают

[324] См., к примеру, лекцию И. Денисова о правых партиях в Северной Ирландии и Дании: https://www.youtube.com/watch?v=P_4B4kcnz5E&t=1214s
[325] См.: http://www.parties-and-elections.eu/netherlands.html

симпатии части ранее мейнстримных консерваторов, возмущенных мракобесным джихадом премьера — лидера VVD Марка Рютте против национального фермерства в целом, и против коров, «угрожающих изменением климата на Земле», в частности[326].

На выборах 2017 г., перед которыми партия Вилдерса даже одно время лидировала по опросам, мейнстримные партии вовремя ужесточили антииммигрантскую риторику и сумели сохранить влияние на свой традиционный электорат.

Выборы 2021 г. проходили в разгар эпидемии и раздуваемого властями психоза. Следует заметить, что в начале эпидемии Марк Рютте занимал осторожную позицию в отношении крайних принудительных мер, в то времяё как многие оппозиционные консерваторы критиковали его за недостаточно жесткие меры. Рютте, обвиняющий конкурентов в популизме, привычно откликнулся на такой «спрос» и стал поддерживать стандартный набор принудительных мер. В 2021 г. он ввел чрезвычайное положение для реализации локдауна и инициировал принуждение при осуществлении вакцинации. К чести оппозиционных консерваторов, они в ответ заняли позицию, близкую христианам-кальвинистам из SGP. SGP первыми организованно протестовали против принудительных мер, а в 2021 г. и другие оппозиционные консервативные партии выступили и против принуждения к вакцинации, и против использования для обеспечения локдаунов чрезвычайных мер[327]. Выборы 22 ноября 2023 г. заметно усилили правый фланг голландской политики. Партия свободы во главе с Гиртом Вилдерсом получила рекордные 37 мандатов из 150. Другие жестко консервативные малые партии (FvD, SGP, Ja21) получили вместе 7 мандатов, упомянутая выше фермерская партия, выросшая на протестах против зеленого джихада (BBB), получила еще 7 мест[328]. Мейнстримные консерваторы под впечатлением результатов выборов отказались от бойкота Вилдерса и после полугодовых переговоров (довольно обычное явление в голландской сверх-многопартийной политике) они пришли к соглашению о формировании нового кабинета и о его программе[329]. Кроме Партии свободы Вилдерса и фермерской партии, в нее войдут две мейнстримно-консервативные партии VVD и новая партия «общественного договора» (NSC), отколовшаяся незадолго до выборов от христианских демократов (CDA). Таким образом, справа от правительства (которое

[326] См.: https://nltimes.nl/2022/11/19/vvd-members-longer-want-rutte-party-leader-parliamentary-elections-poll-shows ; https://peilingen.maurice.nl/2023/02/26-02-2023-gat-tussen-vvd-en-bbb-wordt-fors-kleiner-2-zetels/

[327] См. ссылки Table 1 в обзоре принудительных мер и политических реакций на них Yanovskiy 2022 (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4030906).

[328] См.: https://www.verkiezingsuitslagen.nl/verkiezingen/detail/TK20231122

[329] См.: https://www.reuters.com/world/europe/what-new-right-wing-dutch-government-plans-do-2024-05-16/

потенциально поддерживают 88 депутатов из 150) остаются потенциальные жестко консервативные критики с семью мандатами.

Австралия: пример для повторения

Краткий очерк по истории работы правительства второго по политической выживаемости консервативного премьера в истории Австралии, возглавлявшего страну в 1996—2007 гг. Джона Говарда (John Howard), напомнит нам множество проблем, о которых упоминалось в приведенных выше более подробных описаниях стран. Для справки: ведущая консервативная партия Австралии называется либеральной. Это еще раз напоминает нам о том, что политологическая терминология меняется от страны к стране.

Исторический контекст

Последним консервативным премьером до Говарда был в 1975—1983 гг. Малколм Фрейзер (Malcolm Fraser). Фрейзер был первым премьером, который открыто намеренно поставил под сомнение доминировавшую до него и отчасти и после него политику селективной иммиграции (Mence, Gangell, Tebb 2017; Nygaard 2022; Gao 2020), открыв ворота страны для сотен тысяч беженцев из Вьетнама. Поскольку речь шла о беженцах от коммунистической диктатуры, этот шаг выглядел скорее как чрезвычайная мера, нежели смена политики. Однако он был предпринят в развитие и в контексте политики предыдущего лейбористского правительства и парламентского большинства, оставившего Фрейзеру в наследство Акт о расовой дискриминации (Racial Discrimination Act 1975[330]). Тогдашний лидер консервативной оппозиции М. Фрейзер атаковал радикальную политику предшественников и даже добился уникального в истории страны отстранения действующего премьера решением генерал-губернатора, а только после этого выиграл выборы. Однако затем он не просто продолжил политику принудительного превращения общества в мультикультурное, но практически именно сам начал реализовывать идеи левых на практике. Более того, Фрейзер критиковал

[330] См. текст (https://www.legislation.gov.au/C2004A00274/2014-01-01) и исторический контекст одного из наиболее радикальных лейбористских правительств (https://www.nma.gov.au/explore/features/prime-ministers/gough-whitlam).

последующих консервативных премьеров, включая Дж. Говарда, за оппозицию к массовому завозу инокультурных иммигрантов[331].

Будучи премьером в то самое время, когда в Великобритании, США и даже в Германии разворачивались реформы по дерегулированию экономики, М. Фрейзер воспринимал интересы регуляторов-чиновников как «государственные», а сторонников освобождения бизнеса и экономики в собственной партии — как интересантов, хотя, еще будучи в оппозиции, Фрейзер высказывался в поддержку освобождения экономики от государственной опеки (Kelly 2008, 52—53).

Некоторым может показаться, что в отличие от Германии, где склонный к умеренным реформам Г. Коль предшествовал склонной к бесконечным компромиссам со сторонниками принудительной государственной заботы А. Меркель, в Австралии последовательность оказалась обратной. Поэтому даже в отсутствие собственных эрхардов (и тэтчер) конечные результаты Австралии по всем показателям и критериям оказались на настоящий момент не хуже, чем Германии — с точки зрения сторонника личных свобод и частной собственности.

Непосредственным предшественником Говарда на посту премьер-министра Австралии был не вполне обычный лейборист, бывший министр финансов Пол Китинг (Paul Keating). Занимая пост премьера в 1991—1996 гг., он провел дерегулирование, хотя локальное и умеренное. При нем австралийский доллар стал конвертируемым, была разрешена работа иностранных банков в Австралии, были снижены таможенные тарифы, начата приватизация банков и авиакомпании (Darwall 2005).[332]

При Китинге были предприняты очередные меры по усилению государственного контроля за здравоохранением и приведению его в возможно более социалистическое состояние с максимальным охватом (австралийская программа Medicare — запущенная в 1983 г. по инициативе Китинга — тогда министра в правительстве Боба Хоука).

Китинг также вполне в соответствии с идеологией сторонников принудительного государственно поставляемого счастья затеял действительно важную дискуссию о национальной идентичности австралийцев. Большинство австралийцев видело себя своеобразными, выросшими в специфических условиях, но несомненными наследниками британской традиции личных свобод, частной собственности,

[331] См.: https://web.archive.org/web/20090414212817/ ; http://www.australianit.news.com.au/story/0,24897,22993100-601,00.html

[332] См. также справку с правительственного сайта: https://www.naa.gov.au/explore-collection/australias-prime-ministers/paul-keating

независимого и беспристрастного суда, свободы слова. Понятно, что такая традиция не вполне совместима с идеями принудительной заботы, требующими при реализации все большего ограничения личных прав, свобод и частной собственности.

Китинг заявил и неоднократно повторял, и подчеркивал, что видит Австралию и австралийцев не англичанами, а жителями региона, в котором доминируют азиатские традиции (Darwall 2005). Казавшиеся тогда интеллектуальными изысками заявления, к сожалению, не были восприняты обществом сколько-нибудь серьезно. Многие полагали, что речь идет просто о новом обосновании идеи лейбористов о необходимости объявления Австралии республикой, для чего им требуется ослабить связи с бывшей метрополией и размыть историческую память австралийцев об их былой лояльности короне. Насколько азиатскими могли оказаться традиции, и какая «республика» станет образцом для многих австралийских политиков, в полной мере, возможно, не думал и сам Китинг. Возможно, пропекинские заявления бывшего политика от марта 2024 г.[333] являются совпадением, а не результатом эволюции его взглядов, начавшейся более трети века назад. Во всяком случае, встреча с ним действующего министра иностранных дел коммунистического правительства КНР показывает, что в Пекине хотели бы, чтобы австралийцы продолжали воспринимать Китинга как действующего политика и авторитетного лидера.

Как бы то ни было, в кампании 1996 г. Китинг, как личность мало популярная, пытался набрать очки на эффективности своей политики и на способности видеть перспективу (в том числе упомянутую азиатскую). И это не принесло ему успеха. Свою роль сыграла также «усталость» избирателей от лейбористов. При этом оппозиция (коалиция Либеральной и Национальной партий) вела осторожную кампанию на сохранение изначального лидерства в рейтинге и не заостряла ни тему республики, ни отношения к дальнейшему огосударствлению медицины, ни даже экономических реформ как таковых, скорее обещая сделать их осязаемо полезными для среднего австралийца (Bean 1996, Economou 1996).

Такая тактика позволила победить с большим перевесом, но не дала очевидного мандата на проведение необходимых глубоких реформ.

[333] См.: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/chinas-wang-yi-has-big-picture-talks-with-former-australia-pm-keating-2024-03-21/

Экономические реформы правительства Джона Говарда

Отсутствие внятного запроса избирателя на реформы отчасти объясняет ограниченность реформаторского потенциала консервативной коалиции (Либеральной и Национальной партий). Почти за 12 лет нахождения у власти консерваторы под руководством Джона Говарда продолжили приватизацию банков, ослабили регуляции малого бизнеса (единственное направление реформ, очевидно, связанное с обязательствами кампании 1996 г.). Был снижен подоходный налог с обещаниями дальнейшего снижения при наличии профицита бюджета, но введен налог с продаж (General Sales Tax — GST). Даже если кратковременно это не привело к заметному облегчению налогового бремени, само по себе такое направление реформ имеет смысл. Как мы упоминали в третьей главе, в идеале, необременительные налоги должны быть не просто небольшими по ставкам, но и не вызывать проблем и рисков для частных лиц в процессе уплаты. Подоходный же налог, в отличие от налога с продаж, создает множество поводов, возможностей для вмешательства налоговых чиновников в частную жизнь.

Попытка правительства Говарда осуществить умеренную реформу рынка труда была заблокирована Сенатом, где на момент реформы было большинство у лейбористов.

Правительство Говарда даже не рассматривало выбор Китая в качестве альтернативного США и Великобритании «старшего брата» — главного партнера и союзника. Напротив, традиционные союзнические отношения с США были укреплены[334].

Заметим здесь также, что верность союзу с США и жесткая политика в отношении коммунистического Китая, включая поддержку Тайваня, могли принести и экономические дивиденды. Когда в 2009 г. власти КНР начали кампанию запугивания против австралийской фирмы Rio Tinto и арестовали, а затем посадили в тюрьму австралийского гражданина Стерна Ху (Яновский, Маслов 2009), у лояльного КНР лейбористского правительства Австралии не оказалось в руках никаких инструментов давления на вымогателей.

[334] См.: https://www.hoover.org/research/john-howards-australia; https://www.heritage.org/report/the-anglosphere-and-the-advance-freedom

Нелегальная иммиграция и «белая вина»

Говард и его коллеги, вероятно, не слишком хорошо осознавали несомненную пользу колонизации Австралии для всех, включая аборигенов, и преимуществ английской культурной и правовой традиции перед традициями не только аборигенов или соседних стран Азии, но и перед традициями стран континентальной Европы. Во всяком случае, они не приняли демонстративно и с энтузиазмом вызова левых, утверждавших обратное и рассуждавших о вине белых колонизаторов.

При этом ощущение своей правоты как потомков тех самых белых колонизаторов у них оставалось, поэтому добиться от них полного и окончательного отказа от избирательной иммиграции в пользу распахнутых ворот для массового притока «беженцев» не удалось. Говард и его коллеги прекрасно понимали, что под «беженцами» имеются в виду преимущественно экономические иммигранты, привлеченные социальным пакетом и уровнем жизни. Эти иммигранты прибывают преимущественно из стран, где низкий уровень жизни обусловлен презрением к личности, ее правам и к частной собственности.

В очередной попытке повторить успех вьетнамских беженцев от коммунистов при премьере Малколме Фрейзере деревянный бот с четырьмястами тридцатью тремя людьми на борту отчалил в конце августа 2001 г. от побережья мирной и относительно благополучной Индонезии в направлении христианской Австралии. Пассажиры были несомненными беженцами из Афганистана от банд движения Талибан до прибытия в мусульманскую Индонезию. Их статус после этого был далеко не очевиден. Как бы то ни было, не приспособленное для перевозки пассажиров судно начало терпеть бедствие. Оно было замечено береговой охраной Австралии, которая передала в эфир сообщение о состоянии судна и риске для пассажиров. Оказавшееся поблизости норвежское грузовое судно Tampa приняло всех пассажиров на борт, но не получило разрешения доставить их в какой-либо австралийский порт.

Некоторые журналисты и организация Amnesty International были возмущены отказом властей немедленно пустить этих людей в страну[335].

[335] Реакцию английских журналистов в 2021 г. см.: https://www.theguardian.com/australia-news/2022/jan/01/it-stopped-the-boats-john-howard-on-tampa-siev-x-and-the-pacific-solution ; австралийских: https://www.abc.net.au/news/2021-08-26/tampa-twenty-years-australia-immigration-asylum-seekers-policy/100405158 ; Amnesty International: https://www.amnesty.org.au/what-was-the-tampa-affair-and-why-does-it-matter/

Обычная европейская практика: в случаях, когда терпит бедствие судно с искателями убежища в Западной Европе из Северной Африки, спасенных доставляют сразу в ближайшую европейскую страну. Эта практика замечательно работает и привела к тому, что не ценящие человеческую жизнь, но заинтересованные в истории успеха перевозчики мигрантов умышленно отправляют утлые набитые людьми суда в плавание в плохую погоду (Deiana, Maheshri, Mastrobuoni 2024).

Отказ правительства Говарда, несмотря на возмущение «прогрессивных» журналистов и правозащитников, впустить в страну афганцев, предотвратил распространение тенденции, подобной европейской, в Австралии на долгие годы.

Другим «преступлением» правительства Говарда стал его отказ от запуска бесконечного процесса извинений и репараций в отношении аборигенов. Резкого отказа от извинений за то, что аборигены не оказались провинцией Китая или того или иного исламистского государства, также не последовало. Свой отказ извиняться и платить Говард объяснил тем, что нынешнее поколение не должно отвечать за ошибки (а не злонамеренные действия) предыдущих поколений (Bonnel, Crotty 2008). Отсутствие жесткого отпора сохраняет надежду левых активистов вырвать и извинения, и репарации у честно работающих австралийцев.

В 2023 г. провалилась попытка сделать важный шаг в этом направлении — признать особый статус аборигенов и создать для них специальный орган, представляющий их в Парламенте и в правительстве (Aboriginal and Torres Strait Islander Voice)[336]. Это предложение было выдвинуто на референдум как поправка к Конституции. На референдуме 14 октября 2023 г. граждане Австралии отвергли такое требование шестьюдесятью (60) процентами голосов, продолжая соглашаться по этому вопросу с Джоном Говардом[337]. Характерно, что единственной территорией Австралии, проголосовавшей за поправку, стала столица Канберра — резиденция австралийской бюрократии (официально именуемая Australian Capital Territory — ACT: ср. эту позицию с выбором американских бюрократов — жителей города Вашингтон — выше в параграфе «Верхушка федеральной бюрократии в зеркале голосований»).

Однополые браки

[336] См.: https://www.niaa.gov.au/indigenous-affairs/referendum-aboriginal-and-torres-strait-islander-voice
[337] См.: https://results.aec.gov.au/29581/Website/ReferendumNationalResults-29581.htm

Еще одним «разочарованием» левых, а также «консерваторов» образца Ангелы Меркель или Дэвида Кэмерона, стал отказ от капитуляции консервативного правительства Говарда и парламента по вопросу однополых браков.

Столкнувшись с нарастающим валом таких требований, Говард провел в 2004 г. поправки к Акту о браке (Marriage Act 1961), уточняющие понятие брака как союза мужчины и женщины и исключающие признание браком однополых союзов, зарегистрированных австралийскими гражданами за рубежом[338].

Однако уже в 2017 г. консервативный же премьер Австралии Малкольм Тёрнбулл (Malcolm Turnbull) приветствовал принятие акта, признающего однополые союзы браком[339].

Ограничение доступа к оружию

К сожалению, нельзя обойти вниманием первое же значимое решение, проведенное правительством Джона Говарда в 1996 г. Мартин Брайант (Martin Bryant) — молодой мужчина 23 лет от роду с некоторыми психиатрическими проблемами, которому местный продавец оружия продал небольшой арсенал оружия, несмотря на отсутствие у покупателя лицензии на владение оружием[340] — убил 28—29 апреля 1996 г. 35 человек в туристическом комплексе Порт-Артур на острове Тасмания. Мотив учиненной бойни не вполне ясен, но наиболее вероятно это было желание малозначительного человека, просто богатого наследника без каких-либо собственных достижений, прославиться любой ценой[341].

В тихой провинциальной Австралии это преступление произвело чрезвычайно сильное впечатление. Некоторые из семей, потерявших близких в результате этого преступления, оказывали понятное психологическое давление на власти[342], которому сторонники права на самооборону или как минимум прежнего порядка доступа граждан

[338] См. комментарий 2016 г. австралийского юриста-христианина (Nail Foster): https://lawandreligionaustralia.blog/2016/09/24/john-howard-and-the-myths-of-the-2004-marriage-amendments/
[339] См.: https://www.nma.gov.au/defining-moments/resources/marriage-equality
[340] См.: https://au.news.yahoo.com/bryant-port-arthur-wouldnt-happened-094500394.html
[341] См.: https://www.smh.com.au/national/struggling-with-its-massacre-in-silence-20070208-gdpfbh.html
[342] См.: https://www.naa.gov.au/students-and-teachers/learning-resources/learning-resource-themes/government-and-democracy/prime-ministers-and-politicians/gun-law-reform-letter-prime-minister-john-howard

к оружию могли противопоставить только скучные рациональные аргументы[343]. Бывший и до того противником американского подхода к праву на самооборону Говард немедленно при полной поддержке левых провел реформу, ужесточившую правила приобретения и хранения оружия (Alpers, Ghazarian 2019). Затем была реализована программа выкупа у населения оружия. Число владельцев легального оружия сократилось весьма значительно, хотя и не в разы.

Между тем, результаты и последствия реформы далеко не очевидны. Официальная статистика, включающая почему-то самоубийства в число убийств (homicides — Miles, Bricknell 2024) и опубликованные исследования (Leigh, Neill 2010; Lemieux, Bricknell, Prenzler 2015; Ozanne-Smith, Ashby, Newstead, et al 2004) однозначно свидетельствуют только о том, что в результате реформы Говарда резко сократилась смертность от самоубийств с помощью огнестрельного оружия. Снижение собственно убийств, и в особенности причинно-следственная связь этого показателя и реформы Говарда далеки от надежно доказанных. Также не вполне очевидно общее снижение самоубийств. Если самоубийство с помощью винтовки или пистолета сравнительно легко и почти однозначно идентифицируется, многие иные способы свести счеты с жизнью регистрируются куда менее точно.

Отметим, что поспешность и решимость Говарда, противоречащая американской традиции, прекрасно совместима с английской, идущей от Бёрка (см. гл. 3) — с идеей «отказа народа от права на восстание» против тирании. Государство просвещенное и доброе, и восставать против него с оружием в руках нельзя ни при каких обстоятельствах. Похожие идеи — о монополии государства на легитимное насилие, господствовавшие в Германии XIX в., зафиксировал Макс Вебер (Вебер 1990, с. 645). В период 1918—1933 гг. они было утратили свое влияние на умы в Германии, но были «восстановлены» и закреплены «законами» при нацистской диктатуре.

То, что не вызывает сомнения, так это удар, нанесенный реформой Говарда по общественной морали. И без того далеко менее автономное и сильное, чем в США, гражданское общество стало намного более зависимым от власти. Граждане стали ощущать себя в меньшей степени хозяевами страны, своей жизни (которую стало намного труднее защищать) и судьбы, и в большей — объектами заботы

[343] Даже аргументы ученых — сторонников срочного ограничения права на самооборону были в подавляющем большинстве эмоциональными и зачастую сводились к декларации неверия в традиционные американские ценности (см., к примеру, Black 1999).

«дружественного и просвещенного» государства, большого и все менее ограниченного в своей власти правительства.

Политика здравоохранения консерваторов и кризис 2020—2022 гг.

Критика консерваторами политики правительства Китинга не привела к изменениям в политике в отношении здравоохранения после прихода к власти консерваторов в 1996 г. Это при том, что здравоохранение стало к тому времени уже не просто огосударствленным, но почти социалистическим. Правда, при Говарде расходы на эту государственную систему удавалось держать под контролем (см. рис. 11). К сожалению, при следующих консервативных премьерах и этот контроль был утерян, и расходы росли при них заметно быстрее ВВП страны, причем еще за 6 лет до пандемии COVID-19.

Готовность даже консервативных премьеров капитулировать перед требованиями социальной бюрократии по вопросу расходов на здравоохранение в сочетании с ослаблением гражданского общества страны внесла свой вклад в ту, по меньшей мере, странную ситуацию, в которой оказалась Австралия с начала пандемии COVID-19.

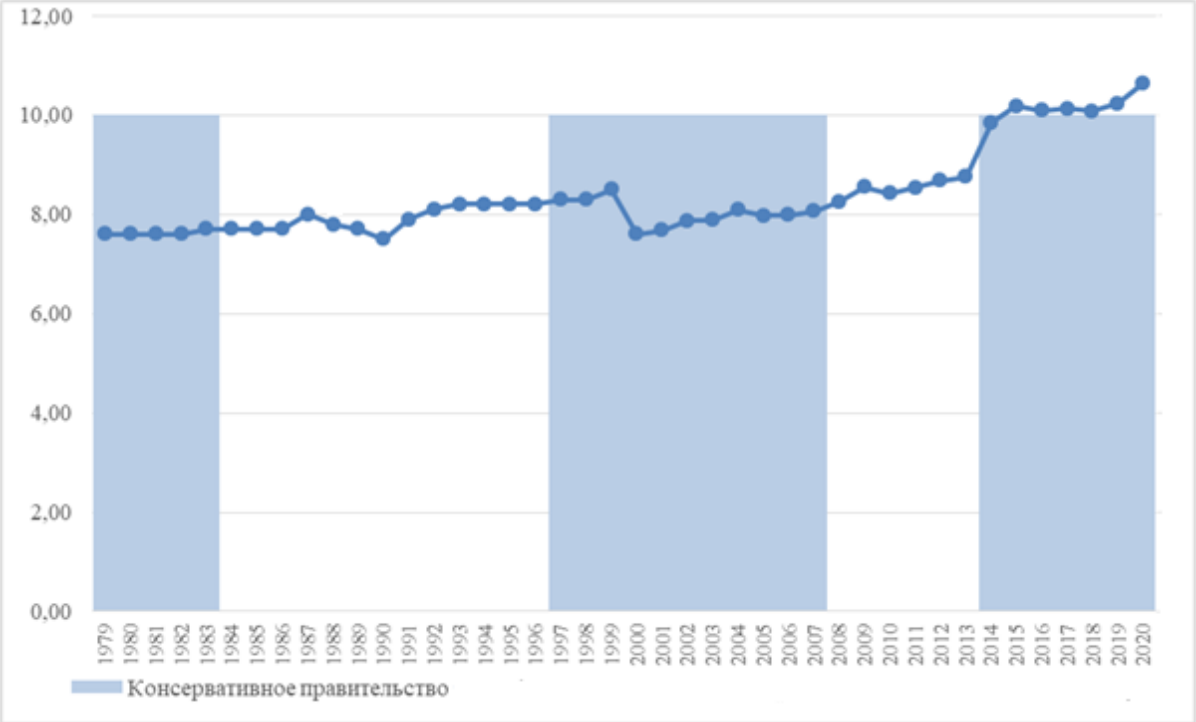

Рис. 11. Расходы на здравоохранение в Австралии в 1979—2020 гг. как доля ВВП (%)

Источники: 2000—2022 гг. — World Bank, WDI https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS ; 1983—1999 гг. — Australian Government. Australian Institute of Health and Welfare https://www.aihw.gov.au/reports-

data/health-welfare-overview/health-welfare-expenditure/reports; 1979 г. — Cross 2022 https://doi.org/10.3390/ijerph19042143

Руководство страны (консервативный премьер Скотт Моррисон — Scott John Morrison[344]) и штатов (в ведении которых в основном и находятся вопросы здравоохранения) сделали в 2020 г. выбор не в пользу стратегии реагирования на пандемию, сравнительно успешно сработавшей в Южной Корее, Тайване и Японии — в странах с сопоставимыми институтами. За основу почему-то была принята стратегия тоталитарного Китая с локдаунами и принуждением к ношению масок и к прививкам, если и не настолько свирепыми как в КНР, то намного более жесткими, чем в Западной Европе.

Стоит отметить, что в глазах большинства избирателей ответственность за свирепые ограничения периода пандемии легла на консервативное федеральное правительство, в то время как несомненными «чемпионами» таких ограничений был штат Виктория и Северная территория. Премьер Виктории — лейборист Дэниел Эндрюс (Daniel Andrews) не скрывал и не скрывает своих прокитайских настроений — “Cementing Victoria’s Relationship With China”[345]. Во время пандемии полиция Виктории охотилась за несогласными, среди которых оказалась беременная женщина Зое Бухлер (Zoe Buhler), арестованная буквально за пост в социальных сетях. Последней были предъявлены абсурдные и настолько очевидно антиконституционные обвинения[346], что дело развалилось по дороге в суд[347]. Зато власти Виктории весьма благосклонно относились к крайне малоактуальным для Австралии демонстрациям Black Lives Matter в то же самое время[348].

Главный министр Северной территории Австралии Майкл Ганнер (Michael Gunner, Northern Territory Chief Minister), также лейборист, потребовал принудительно изолировать носителей ковида в специальных центрах. Широкая огласка инициативы и отрицательные отзывы на нее не понравились политику, и он обвинил «иностранных

---

[344] См.: https://www.naa.gov.au/explore-collection/australias-prime-ministers/scott-morrison/timeline

[345] См.: https://www.abc.net.au/news/2023-04-02/daniel-andrews-addresses-controversial-visit-to-china/102177858 ; https://www.premier.vic.gov.au/cementing-victorias-relationship-china

[346] См.: https://www.sydneycriminallawyers.com.au/blog/police-arrest-pregnant-woman-over-social-media-post/

[347] См.: https://ipa.org.au/ipa-today/justice-at-last-incitement-charge-against-zoe-buhler-dropped

[348] См.: https://www.dailywire.com/news/pregnant-woman-arrested-in-australia-for-wanting-to-protest-covid-19-lockdown

конспирологов» в своих неприятностях. В дальнейшем он уточнил определение своих врагов — это «антиваксеры», а «антиваксером» является каждый, кто против принудительных прививок, вне зависимости от того, привился он сам или нет (см. подробнее: Яновский 2022). Автором идеи Ганнер не являлся — она была заимствована у властей КНР.

Принципиальная позиция правительства консерваторов в отношении пандемии, основанная на уважении свободы, личных прав и частной собственности, могла оказаться еще и электорально более привлекательной, нежели следование китайским образцам. Осознание этого, похоже, приходит к консерваторам, но с опасно большой задержкой. Бывший премьер-министр Тони Аббот (Tony Abbott) признал, что реакция властей на пандемию принесла больше вреда, чем сама болезнь[349].

Резюме главы: прагматизм за красными линиями

В конце предыдущей главы (см. «Налоги на смерть и на прибыль...») мы цитировали Людвига фон Мизеса — его описание капитуляции либерализма перед социализмом (и «симпатии к большевизму» либералов-оппортунистов).

Некоторые причины описанного Мизесом явления лучше понятны в свете экономической теории общественного выбора.

В ее рамках изучена мотивация участия избирателя в голосовании. Очевидно, что узко утилитарно, через максимизацию дохода или запаса наличности, оно необъяснимо. Слишком мала вероятность того, что твой голос на что-то повлияет. Поэтому, даже если на кону стоит очень много — нет «коммерческого» смысла слезать с дивана и топтать башмаки (стирать шины), добираясь до избирательного участка (Downs 1957). Избиратели голосуют в основном для повышения самооценки, для «очистки совести» и т.п. Соответственно, и к «своим» кандидатам/партиям избирателем предъявляется (негласно, неформально, естественно) требование — обеспечить его моральной легитимацией, в худшем случае, для избирателя без запросов — просто выиграть выборы, «чтобы голос не пропал», чтобы не чувствовать себя неудачником.

Чаще участие в голосовании помогает избирателю создавать чувство морального комфорта в период до следующих выборов. Избиратель чувствует, что выполнил свой

[349] См.: https://bit.ly/44AK8tP

гражданский долг и правильно распорядился своим гражданским ресурсом — бюллетенем. Это означает, в частности, что партия, которая обещает (намеревается) осуществлять прагматически понятные, разумные действия, но в то же время неспособна идеологически и морально обосновать свои действия, скорее всего, недолговечна, даже если в нее вложены колоссальные ресурсы. Этому феномену (ресурсу «правоты», моральной легитимности) много публикаций посвятил немейнстримный правый политик и журналист из Израиля Моше Фейглин (Feiglin 2003). Он при этом в основном затрагивал проблемы правых. Поведение левых аналогично, в научном стиле описал известный экономист Арье Хиллман (Hillman 2010).

Соответственно, партии, которые не предлагают своему избирателю обоснованного ощущения морального превосходства, крайне уязвимы долгосрочно. Также невозможно полноценно и эффективно участвовать в предвыборной кампании, если ты в основном согласен с оппонентом. По крайней мере, в той части, которая касается моральной легитимации выбора. Проигрыши современных левых случаются вследствие очевидных провалов их моделей и подходов. Однако правые, которые согласны с левыми по наиболее принципиальным вопросам, не способны изменить ситуацию к лучшему, кроме выхода из отдельных кризисных ситуаций.

Особую опасность для сохранения политической конкуренции, а значит, и личных прав и свобод, представляют государственное финансирование политических партий, дающих бюрократии серьезный рычаг давления на них, и всевозможные меры «облегчения» участия в голосовании, создающие возможности для фальсификаций. Ответственный консервативный лидер должен сделать все, что в его силах, для прекращения таких практик. В случае новой демократии задача технически проще: необходимо отказаться от заимствования таких норм и практик.

Локальные, но важные и поучительные примеры успехов в свою очередь связаны с жесткой приверженностью своим базовым принципам и непоколебимому отказу пересекать «красные линии». Только лидеры, которым удавалось удерживаться от соблазна консенсуса, компромисса, если таковые выводят за красные линии, преуспевали и в проведении реформ, и в мобилизации электората в поддержку таковых.

В современной истории, в условиях всеобщей избирательной привилегии и принудительно-заботливого социального государства основные провалы консерваторов и консерватизма совпадают с попытками быть приятными для всех. К сожалению, именно история консерватизма в период после Второй мировой войны, в эпоху

социального государства — это прежде всего, история провалов и отступлений, сдачи позиций, при редких контрнаступлениях.

Альтернативная стратегия — возвращение избирательных цензов — пока почти никем из консервативных политиков всерьез не рассматривается. Главным образом это происходит потому, что такое решение кажется им абсолютно невозможным. Некоторые считают его еще и аморальным, но эта позиция не выдерживает никакой критики (см. о моральности всеобщей избирательной привилегии: Яновский, Жаворонков 2017). Само же по себе понимание аморальности института всеобщей избирательной привилегии и распространение этого понимания среди консерваторов — политиков, активистов их сторонников — открывает возможность воспользоваться вполне представимыми ситуациями в будущем с тем, чтобы прекратить столетний эксперимент, закончившийся столь явным провалом, и вернуть апробированные цензы в дополнение к существующим (ценза по возрасту и ценза отсекающего осужденных за уголовные преступления).

Опасения возникновения однопартийности в случае введения цензов опровергаются историей политической конкуренции до введения всеобщей избирательной привилегии. Споры между современными фискальными и социальными консерваторами, между изоляционистами (в США) и сторонниками активной внешней, военной политики демонстрируют только часть потенциальных линий расколов той избыточно широкой коалиции, которую определяют как современное консервативное движение, не говоря уже о явном расколе на умеренных «мейнстримных» консерваторов и «внесистемные» («антииммигрантские» партии) в Европе.

Приложение к главе 4. Личное дело необычной либертарианки

Как мы сделали выше, проиллюстрировав некоторые проблемы американских консерваторов-политиков на примере оборвавшейся карьеры конгрессмена Адама Кинзингера, проиллюстрируем необходимость идеологической цельности консерватора на другом персональном примере.

Перед нами не совсем обычный либертарианский журналист. Она часто с похвалой отзывалась о Д. Трампе, что большая редкость среди либертарианцев, стремящихся хранить равноудаленность от консерваторов и от коммунистов по сути. Она написала жесткую книгу об истинном лице «правительства большинства» в современной Южной

Африке, где она родилась, училась в университете, вышла замуж и родила ребенка. Будучи сама ребенком, она несколько лет провела в Израиле (в 60—70-х гг.), куда ее вывез отец-раввин, когда у него возникли в ЮАР некоторые проблемы из-за его позиции в отношении государства апартеида. Это не помешало потом дочери, еще раз подчеркнем, весьма критически отзываться о власти черного большинства (Mercer 2011). После рождения ребенка семья уже в 90-е гг. перебирается в Канаду, а оттуда — в США[350].

Итак, перед нами человек, гордый своим рационализмом, сочетающий жесткие прокапиталистические взгляды с доказанной историей личного нонконформизма — как в отношении общества в целом, так даже и в отношении других либертарианцев.

Не менее жестко отзывается она и об Израиле. Авторы сами критикуют институты государства Израиль весьма жестко (кроме сюжета в четвертой главе см. также обзор состояния судебной системы[351]). Однако здесь мы обратим внимание на самый «свежий» эпизод.

Первая публикация автора после 7 октября посвящена в целом справедливой критике провала государства Израиль в обеспечении безопасности граждан[352]. Большая часть даже этого материала состоит в критике политики открытых границ администрации Джо Байдена и, почему-то... президента Украины В. Зеленского.

Начиная с ноября 2023 г., она обвиняет правительство и армию Израиля, ни много ни мало, как в геноциде[353]. При этом сам факт геноцида никак не доказывается. Он берется в качестве отправной точки рассуждений, постулируется как аксиома на основе главного и бесспорной достоверности с ее точки зрения источника — руководства организации ХАМАС, и его структуры — «министерства здравоохранения»[354].

Израиль — премьер, правительство, армия и само общество обвиняются в нарушении «всех законов — божеских, естественной справедливости, обычаев ведения войны» и т.п. ХАМАС не обвиняется ни в преступлениях против евреев, ни в ведении

---

[350] См.: https://www.ilanamercer.com/biographical/

[351] https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4338437

[352] См.: https://www.ilanamercer.com/2023/10/hamas-israel-and-the-anatomy-of-state-treason/. О наиболее очевидных фальсификациях в информации о жертвах-арабах хамасовского «министерства здравоохранения» см. отчет Andrew Fox “Questionable Counting: Analysing the Death Toll from the Hamas-Run Ministry of Health in Gaza” (https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2024/12/HJS-Questionable-Counting-%E2%80%93-Hamas-Report-web.pdf).

[353] См.: https://thenewamerican.com/opinion/what-does-the-war-in-gaza-show-us-about-israeli-society ; https://mises.org/power-market/israeli-society-sick-regime ; https://www.ilanamercer.com/2024/03/israel-violation-gods-law-natural-justice-laws-war-customary-international-humanitarian-law/

[354] См.: Takeaways from AP analysis of Gaza Health Ministry’s death toll data. https://apnews.com/article/israel-palestinians-gaza-deaths-women-children-e258a4c14641978a00dfb957ce348957

военных действий в гражданской одежде, ни в массированном, ежеминутном использовании гражданского населения в качестве живого щита.

В каких «обычаях ведения войны» можно встретить массовые оповещения террористов об атаках и наступлениях — остается неясно. Также не ясно, как согласуется с обвинением в геноциде уникально низкий процент потерь среди условно гражданского населения Газы для военных действий в условиях городской застройки. Низкий — по мнению военных специалистов, включая главу кафедры городского боя в академии West Point Джона Спенсера (John Spencer) и командира британского спецназа в Афганистане полковника Ричарда Кемпа (Richard Kemp)[355].

Для объяснения причин столь удивительного выбора нонконформистки-либертарианки и почти трампистки нам придется обратить внимание на ее тексты, точнее — на то, что в них отсутствует (кроме собственно базовых фактов). В текстах полностью отсутствуют ссылки на конкретные «божеские законы». Знание сложных текстов и умение их анализировать генетически от отца-раввина не передается, а унаследовать эти навыки и знания трудом упорным даме, очевидно, судя по ее текстам, не захотелось. Знай она законы Торы о ведении войны (Второзаконие 20:13—18 и др.) и примеры их применения праведным (с точки зрения Высшего судьи) царем Давидом (см., например Пророки, Самуил II, 12:31) она, видимо, сняла бы вообще разовое упоминание о «божеских законах» в своих текстах. Итак, налицо явный разрыв с традицией.

Как уже было показано, никакого эмоционального отношения, способности представить на месте жертв и заложников террористов своих близких в текстах не наблюдается совершенно, что особенно бросается в глаза именно на фоне перегруженности текстов эмоциями в отсутствие фактов. Возникает вопрос о лояльности автора собственной семье, своим близким. Если ответ Израиля «непропорционален», то во сколько жизней врагов она оценила бы своего ребенка, мужа, отца? Даже в истории освобождения четырех заложников 8 июня 2024 г. заложники автором вообще не упоминаются, точно так же, как и в сообщениях ХАМАСа. Нет заложников, нет их спасения, есть только «резня в Нусейрате»[356].

---

[355] См.: https://mwi.westpoint.edu/the-idf-approach-to-protecting-civilians-in-urban-warfare ; https://www.algemeiner.com/2024/02/01/west-point-urban-warfare-expert-idf-implemented-more-measures-to-prevent-civilian-casualties-than-any-other-military-in-history ; https://www.newsweek.com/israel-implemented-more-measures-prevent-civilian-casualties-any-other-nation-history-opinion-1865613 ; https://richard-kemp.com/2024/01/10/the-morality-of-idf-maneuvers-in-gaza/

[356] См.: https://www.lewrockwell.com/2024/06/ilana-mercer/defending-gaza-part-i-natural-law-principles-vs-national-interest-statism/

Разрыв с национальной традицией (она же религиозная), со своим народом, вполне очевиден. Главная заповедь, в (нарушении) которой И. Мерцер демонстрирует неустанное усердие: «не стоять равнодушно на крови ближнего твоего...» (Левит 19:16). Подробности этого «личного дела», а также описание реальных, а не вымышленных прегрешений и преступлений государства Израиль (фактических властей) и израильского общества приведены в Дополнительных материалах к этой книге. В частности, там будет подробнее проанализирована проблема неравноценности жизней в свободном обществе, где жизнь и свобода человека защищена традицией, моралью, законом и правоприменительными практиками, и в обществе дикарей и/или в тоталитарном государстве, где жизнь человека ничего не стоит. И. Мерцер, догадывающаяся о такой неравноценности, судя по ее книге 2011 г., как бы забывает о ней применительно к Израилю и населению, подконтрольному террористам.

Когда на цивилизованное общество нападают дикари, мало отразить их нападение: надо отбить у дикарей всякое желание нападать на цивилизованных людей, как этих, так и других. Неважно, сколько дикарей при этом придется ликвидировать: каким бы большим не было это число, можно быть уверенным — если этого не сделать сейчас, невинных жертв будущих нападений окажется гораздо больше. Да и количество дикарей, уничтоженных при отражении нападений, будет все больше и больше расти. Жалость по отношению к напавшим дикарям (которые, безусловно, виновны) — это жестокость не только по отношению к их будущим невинным жертвам, но и к самим дикарям, не участвовавшим непосредственно в нападении или использованным в качестве живого щита тоже.

Но есть и еще один аспект: дикари ведь не только на цивилизованных нападают, они и друг на друга нападают не меньше. А также страдают от самих себя: грабят друг друга, убивают друг друга. А еще иной раз общество дикарей страдает от своего собственного правящего режима: иногда больше, чем от любого иноземного захватчика[357].

Поэтому жизнь цивилизованного человека в цивилизованном обществе «сто́ит», ценится (поскольку власти и бандитам там сложно отнимать жизнь, свободу и собственность людей) на несколько порядков дороже, чем жизнь дикаря. Игнорирование этого факта равно интеллектуально нечестно и аморально.

---

[357] Мы не предлагаем колонизировать дикарей и насильно насаждать им цивилизацию.

Соблюдение традиции этического монотеизма не гарантирует от безнравственных поступков. Однако, ожидание бесконечно повторяемой (бесконечноходовой) игры, когда после смерти предстоит стоять перед судом и держать ответ за свои поступки, является сдерживающим фактором. И когда слабость и трусость, естественная потребность присоединиться к большинству блокируют рациональное мышление, остается шанс на то, что принципы той самой традиции удержат от недостойного поведения.

Печальный пример человека с принципами, с немалым в начале жизненного пути запасом нонконформизма и способностью критически мыслить, вставшего на сторону столь очевидного зла, снова подчеркивает исключительную важность опоры на семью, на традицию Синайского откровения. В отсутствие такой опоры личные желания (к примеру — атомизированной личности быть с толпой), амбиции, какой бы природы они ни были, могут стать непобедимым соблазном.

5. Попытки копирования формы и содержания в новых демократиях и уроки для старых демократий

> В 1969 г. во время ареста надо мной издевался один сотрудник. Я тогда крикнула в сердцах: «Это вам даром не пройдет, это вам аукнется». И вот передо мной сидит тот самый человек, и я напоминаю ему: «Я ведь вам говорила, пан сотрудник».
>
> (Петрушка Шустрова)[358]

Вводные замечания и определения

Консервативные партии Новой Европы на первых этапах представляли собой не всегда внутренне логичные и основанные на внятной идеологии силы. Имел место многолетний разрыв в демократической традиции даже в тех странах, у которых она была (Чехия и Словакия, прежде всего). Соответственно, удивительным было бы

[358] Чешская диссидентка, в первом посткоммунистическом правительстве — заместитель министра внутренних дел. См. интервью с ней в книге «Они отвалились» (Окрест, Сенников 2021).

изначальное становление там сил, которые можно было более или менее точно ассоциировать с их единомышленниками в старых демократиях. Однако с конца 80-х — начала 90-х гг. прошло уже треть века, и сейчас искать связи и аналогии становится все проще и полезнее. История новых демократий Центральной и Восточной Европы дала несколько достаточно ярких иллюстраций силы и слабости как «фискальных консерваторов» / «консервативных либералов», так и социальных консерваторов.

Радикальные партии, авторитарные режимы, беженцы — этими понятиями жонглируют современные политологи, удачно получающие финансирование от ЕС и от местной бюрократии и заполняющие своими публикациями научные реферируемые журналы, книжные издательства. Они в массовом порядке прозревают, расширяют кругозор и обретают сверхспособности. Теперь они видят провалы капитализма, моральное превосходство социализма, способность мужчин менструировать и рожать.

Согласно их же ви́дению, всякий, кто не считает необходимым и полезным насаждение мультикультурализма и массовый завоз иммигрантов из стран, в которых жизнь и права личности не стоят ничего — суть «радикал» (внесистемный радикал), «экстремист» или просто «фашист». Если такой «радикал» побеждает на выборах — он автоматически (как «фашист») превращается в авторитарного правителя, диктатора, поэтому для начала введем понятия, которые нам, старомодным экономистам, понадобятся в этой главе.

Радикальная партия в рамках данной главы и книги определяется как партия, требующая постановки масштабного социально-экономического эксперимента, ранее нигде не подтвердившего свою полезность для общества (в виде роста благосостояния при соблюдении прав личности и защите частной собственности), либо требующая продолжения известного тоталитарного (авторитарного) эксперимента, давшего в прошлом однозначные результаты (прежде всего, требования установить ту или иную форму социализма). К радикальным относятся также и экстремистские партии.

В качестве экстремистской в данной работе определяется партия, организация, группа, использующая насилие вместо доступных легальных методов борьбы. К экстремистским относят также партии, организации или группы, требующие реализации политической и экономической модели (к примеру, основанной на опыте тоталитарных режимов прошлого), сопряженной в прошлом с преступлениями против личности (убийства, квазисудебные или внесудебные расправы иного рода).

То есть, в отличие от просто радикальной, такая организация требует не только поставить какой-то эксперимент, но и повторить опыт, уже имевший катастрофические последствия (массовые убийства, разрушение семьи и частной собственности).

Радикальные партии — это партии, за неизвестными авторам исключениями, большого, щедрого (за чужой счет) заботливого правительства, чья власть слабо, если вообще как-то ограничена (Big Government, unlimited government)[359].

Авторитарный режим — режим, при котором избиратель не может, придя на выборы, поменять фактическую власть (правителя). Власть не меняется при жизни целого поколения или даже поколений. При таком режиме не существует свободной конкуренции на медиарынке: он открыт только для подконтрольных или дружественных правящему режиму изданий и каналов. В той или иной форме (от прямой до борьбы с экстремизмом, «разжиганием», Hate Speech) действует цензура.

Беженец — человек, стремящийся спасти жизнь свою и своей семьи, принадлежащий к особо уязвимой категории и бегущий из страны, ставшей жертвой войны (нападения), находящейся в состоянии гражданской войны или террора властей против инакомыслящих или против тех или иных групп населения. В случае преследований определенных диссидентов они индивидуально идентифицируемы. Совсем не сложно идентифицировать и группы населения, подвергающиеся смертельной опасности — например, христиан в странах Ближнего Востока и Северной Африки, курдов-езидов и т.д. В случае войны, несомненно, наиболее уязвимыми категориями являются женщины и дети, и центры по приему беженцев (согласно этому определению) заполнены именно женщинами и детьми. В подавляющем большинстве случаев беженец приезжает на совершенно легальных основаниях.

Инфильтрант — представитель группы, похожей на беженцев в том смысле, что многие из них убегают из страны в состоянии гражданской войны или от иной реальной опасности. Инфильтрант стремится постоянно обосноваться в развитой стране с целью получения пособий и иных благ за счет налогоплательщика. Он не желает адаптироваться и ассимилироваться, несмотря на то очевидное обстоятельство, что привычная ему культура (в широком смысле этого слова) оказалась ущербной, инфериорной. Ведь именно она обусловила все те беды, от которых он и убежал в страну

[359] Подробнее определение и «технологию» идентификации таких партий, равно как и отсева партий, явно не относящихся к радикальным и тем более экстремистским, но неприятным для социальной бюрократии и левых политиков, см. в докладе 2018 г. «“Правый радикализм”: проблема адекватного аналитического инструментария» (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3178389).

культурно, а потому и экономически передовую. Он культуру этой страны, однако, отказывается принимать, причем не только на бытовом уровне, но и на уровне основных законов общества, в котором имел счастье поселиться. В относительно редких случаях он учит язык и овладевает техническими знаниями, необходимыми либо для получения высоких заработков, либо для насилия, а нередко и для того, и для другого. Не всегда, но зачастую он проникает в развитую страну в обход легальных процедур. Массовый приток инфильтрантов (даже если он «легализован» по образцу Ангелы Меркель) характерен доминированием в этой среде молодых здоровых мужчин.

Консерватизм в странах Новой Европы

После краха коммунистических режимов множество разнородных мотивов побуждали политически активных граждан ассоциировать себя с консервативными партиями и движениями. Тут были представители сравнительно редких групп, сохранивших глубокую религиозность в период коммунистического правления. Были и те, для кого консерватизм и та же приверженность к преследуемой коммунистами церкви была выражением резко отрицательного отношения к режиму, жесткого антикоммунизма. В условиях полуколониальной зависимости восточноевропейских стран, не говоря уже о странах Балтии, от коммунистической империи национализм в самом широком смысле этого слова становился важным положительным ориентиром. Это при том, что сами по себе национальные традиции, символы, герои в Чехии или Словении имели мало общего с традициями, к примеру, в Литве или Венгрии. В странах Балтии до конца 80-х гг. под запретом была символика независимых государств (1918—1940), соответственно она была популярна среди населения трех стран. Ослабление режима и его запретов с 1989 г. имело соответственно яркие цветовые и графические символы. Флаги и гербы независимых некогда республик встречались там буквально на каждом шагу.

Даже чувство европейской идентичности как противовес, несомненно, имеющий азиатские корни коммунистической, как и в упомянутом случае с Айн Рэнд, было тоже своего рода национализмом, символами которого зачастую становились США и Израиль как наиболее часто критикуемые коммунистической пропагандой полумифические сущности. Определенную роль играли и личные симпатии к консервативным лидерам, ассоциирующимся с поражением коммунизма в холодной

войне — к М. Тэтчер, Р. Рейгану, Г. Колю. Правда, сами по себе такие симпатии не являлись значимым фактором. Личная популярность Маргарет Тэтчер в СССР не вызывает сомнений[360], однако эта популярность не привела к поддержке консервативных политических сил на выборах в России.

Понятия, которыми пользовались консерваторы на Западе, охотно заимствовались (и мы отныне тоже «говорим прозой»). Однако, при всем доминировании формы, увлечение консерватизмом рубежа 80—90-х гг. имело и содержательные последствия. Среди них стоит выделить жесткий антикоммунизм с люстрациями, запретами на профессии, поддержкой сильной армии, союзом с США. Наконец, не на последнем месте готовность переносить тяготы реформ просто ради того, чтобы быстрее и решительнее порвать с Востоком, с коммунизмом, со своим ненавистным прошлым.

Польша: ЕС и иммигранты — «даже один — слишком много»

Краткая предыстория

Польша как страна с сильной националистической и религиозной (католической) традицией с конца 60-х гг. постепенно становится самым слабым звеном коммунистической системы. Власти здесь постоянно и практически открыто (по крайней мере после смерти наместника Сталина и фанатичного сталиниста Болеслава Берута) вынуждены были считаться с мощной католической церковью как с реальной оппозицией. До 1956 г. в стране издавались католические газеты и журналы под эгидой католической благотворительной организации «Pax» и руководством бывшего симпатизанта фашистов и крайнего антисемита Болеслава Пясецкого (Bolesław Piasecki). Пясецкий публично атаковал руководство католиков Польши и не просто пережил правление Берута, но и фактически входил при Беруте в элиту тоталитарной системы (Tymowski, Kienewicz, Holster 2001 — Тымовский и др. 2004). При этом в самой организации Pax работало немало антикоммунистов и твердых (насколько это можно было себе позволить) католиков (в том числе будущий первый посткоммунистический

[360] См., к примеру, сюжет о едва ли не первых политических дебатах в прямом эфире в СССР с участием Тэтчер (https://namednibook.ru/spor-s-tyetcher-v-yefire.html) и посмертные воспоминания о ней, которые, вне зависимости от политических предпочтений опрошенного, приписывают ей необыкновенные способности и придают ее деятельности всемирно-историческое значение (https://www.kommersant.ru/doc/2167406).

глава правительства Т. Мазовецкий — Tadeusz Mazowiecki — из ближнего круга будущего папы Иоанна Павла II — Кароля Войтылы).

Заметим, что идеологическим продолжателем Пясецкого стали коммунист — шеф польской охранки, министр внутренних дел в 1964—1968 гг. Мечислав Мочар (Mieczysław Moczar) и отчасти — будущий правитель Польши в 1970—1980 гг. Эдвард Герек (Edward Gierek). Последние широко использовали национализм и антисемитизм для укрепления позиций и в обществе, и в партии (Szporer 2012; Тымовский и др. 2004).

Католицизм имел важное преимущество для сопротивления коммунистической тирании — высшее руководство церкви располагалось за рубежом и обладало огромными ресурсами. Его нельзя было арестовать и уничтожить либо пытками склонить к предательству. При том что организованное подполье не было заметно после 1947 г. (Тымовский и др. 2001), очевидно, что немало его участников дожило до 1956 г. — первого года подъема антикоммунистической борьбы (см., к примеру Познанское восстание)[361] и более поздних событий.

В то же время сама католическая культура, скорее элитарная, чем демократическая, не требующая от рядового прихожанина хорошего знания текстов Священного Писания, проигрывала протестантским версиям христианства в осознанности своего личного религиозного выбора и в наличии у каждого верующего «прямой линии» с настоящим высшим руководством. Католическая церковь и принадлежность к католицизму в условиях утраты независимости играли роль последнего бастиона национальной культуры и жизни. Это повышало ее авторитет. Но само по себе учение как основа требований к властям признавать определенные ограничения, заложенные в идее договора с Богом, свойственной иудео-христианской традиции (о чем мы писали в обзоре литературы во второй главе), не было личным переживанием для большинства католиков. Это, как мы покажем ниже, было чревато определенными проблемами в будущем.

С 1980 г., с выхода на арену «Солидарности»: «сделать как в Польше», получить «как в Польше» стало постоянным кошмаром для дряхлеющей коммунистической элиты.

Таким образом, и сравнительно раннее начало сноса коммунистической системы, и в целом консерватизм поляков кажется чем-то самим собой разумеющимся.

[361] См.: https://ipn.gov.pl/pl/archiw/archiwalia/archiwalia-1/31594,Poznanski-Czerwiec-1956-na-archiwalnych-fotografiach.html

Становление современной структуры «политического рынка» в Польше

«Солидарность» в условиях тоталитарного режима, естественно, оказалась не столько профсоюзом, сколько широкой политизированной «зонтичной» структурой гражданского общества. Из этой структуры вышла и бóльшая часть современного политического спектра. Точнее, все, кроме наследников коммунистов: «социал-демократов» — Союза левых сил и превращенной еще при Беруте в марионетку Крестьянской партии (Polskie Stronnictwo Ludowe).

Первый свободно выбранный в 1991 г. Сейм оказался политически крайне раздробленным (см. электоральную историю Польши во внешнем Приложении — материалы к данной главе). В его составе были как партии консервативного толка (как Wyborcza Akcja Katolicka), так и скорее либерального (Unia Demokratyczna). Была крупная фракция и у посткоммунистов (Sojusz Lewicy Demokratycznej). Однако в целом доминировали наследники «Солидарности».

Еще до первых свободных выборов при переходном Сейме и свободно выбранном Сенате в 1989—1991 гг. прошли основные реформы, известные как «шоковая терапия». В силу отсутствия каких-либо разумных альтернатив к такому выбору склонялись даже коммунисты. Последнее их правительство под руководством М. Раковского начало либерализацию цен. Имевшему и четкую программу и широкую поддержку в обществе правительству Мазовецкого — Бальцеровича удалось стабилизировать финансы, добиться снижения инфляции до уровня ниже 3% в месяц и создать условия для перехода от депрессии к здоровому экономическому росту (Dabrowski 1992; Blanchard, Boycko, Dabrowski 1993). Успех польских реформ в целом, несмотря на естественные издержки, был очевиден даже сторонникам «китайского пути» из наследников коммунистов (Kolodko 1991[362]).

После шокового возвращения к власти посткоммунистов в 1993 г. и победы на прямых выборах президента в 1995 г. их кандидата А. Квасневского (Aleksander

[362] Профессор Колодко при этом скромно представляет себя «главным архитектором польских реформ» (https://www.tiger.edu.pl/kolodko/G_W_Kolodko_CV_Long.pdf). Он имеет несколько почетных степеней от китайских университетов (с соизволения коммунистической партии, естественно) и чутко следит за новыми модными идеями относительно того, как вести неразумное человечество к счастью. Этот подход он именует «новым прагматизмом» и противопоставляет его многократно проверенным и успешным классическим либеральным принципам и идеям (https://blogs.worldbank.org/team/grzegorz-w-kolodko).

Kwasniewski) консерваторы (Akcja Wyborcza Solidarnosc) и либералы (Unia Wolnosci) в последний раз выступили единым фронтом и вернулись к власти в 1997—2001 гг.

Второй приход к власти посткоммунистов в 2001 г. оказался, похоже, последним.

Еще по итогам этих выборов в оппозиции начинается формирование современной политической структуры. С 2005 г. в стране есть две ведущие партии, обе формально консервативные. Гражданская платформа (Platforma Obywatelska — PO) — «либерально-консервативная», ассоциирующая себя с Европейской народной партией[363], и национально-(социально-)консервативная «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość — PiS), ассоциирующая себя с европейскими реформаторами и консерваторами (объединения, основанного в свое время британскими консерваторами, чешской гражданско-демократической партией и польской «Право и справедливость»[364]. В числе наиболее очевидных, легко наблюдаемых отличий двух консервативных партий — отношение к Евросоюзу (евробюрократии) и, соответственно, ко всему комплексу решений, позволяющих преодолеть «пережитки прошлого» в виде значимого влияния избирателей на принятие ключевых решений, независимый, беспристрастный и строго деполитизированный суд. Гражданская платформа, возражая против отдельных «перегибов» и «головокружения от успехов»[365], является твердо про-ЕСовской силой (ошибочно именуемой «проевропейской»). «Право и справедливость» вполне положительно относится к деньгам, приходящим от ЕС, но в отношении исполнения указаний ЕС в PiS испытывают от скепсиса до острого неприятия таковых.

Эти отличия проявились особенно ярко в ходе кризиса 2015 г. Когда Ангела Меркель и евробюрократы распахнули двери Западной Европы перед инфильтрантами-исламистами, в Польше это ни у кого не вызвало восторга. При всем традиционно сильном антисемитизме мало у кого в Польше он доходит до того, чтобы назло евреям разместить на своей территории десятки, если не сотни тысяч сторонников окончательного решения стран Ближнего Востока и Северной Африки[366]. Полякам явно не нужны все связанные с таким размещением проблемы: нагрузка на социальные

---

[363] См.: https://platforma.org

[364] См.: https://pis.org.pl/partia/law-and-justice ; https://ecrparty.eu

[365] *Сталин И.В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения. 2 марта 1930 г. https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_erf&object=translation&l=ru

[366] См.: Karl Lagerfeld calls refugees enemies of Jews (https://www.dw.com/en/karl-lagerfeld-evokes-holocaust-to-bash-germanys-angela-merkel-on-refugees/a-41368478). Подробнее, с социологическими данными об источниках нового европейского антисемитизма, см. Дополнительные материалы к настоящей главе (http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964).

расходы, на правоохранительную систему, массовое обесценение собственности при резком ухудшении ситуации с преступностью на улицах.

Правившая с 2007 г. — небезуспешно для экономического развития — «Гражданская платформа» имела неплохие шансы и перед выборами 2015 г. В начале кризиса инфильтрантов руководство партии (и соответственно правительства) выражало готовность принять беженцев — христиан (т.е. настоящих беженцев)[367]. Такая позиция вызвала понятное неприятие в Брюсселе. Перешедший туда на работу в 2014 г. основатель партии (PO), премьер в 2007—2014 гг., сохранивший контроль над ней до настоящего момента — Дональд Туск использовал свое влияние для того, чтобы навязать правительству Польши обязательство принимать именно инфильтрантов[368].

Было крайне наивно полагать, что накануне выборов такое «смещение акцентов» пройдет незамеченным публикой при наличии сильной и агрессивной национал-консервативной оппозиции. Тема инфильтрантов быстро стала одной из ключевых в кампании (Sengoku 2018; Troszyński, El-Ghamari 2018) и привела к убедительной победе на выборах партии «Право и справедливость». Причем последняя, к ее чести, выполняла взятые перед избирателем обязательства относительно недопущения массового въезда в страну инфильтрантов все восемь лет нахождения у власти.

Подчеркнем, что при всех наших претензиях к PiS ее правительства никак не могут быть определены как антииммигрантские, настроенные против беженцев. Все годы нахождения этой партии у власти Польша принимала украинских беженцев. Более того, после 24 февраля 2022 г. – начала агрессии режима В.Путина против Украины – число украинских беженцев[369] в Польше измерялось сотнями тысяч, а в первый год после этой даты — миллионами[370]. Это при том, что история отношений Польши и Украины

---

[367] См.: Poland favours Christian refugees from Syria (https://www.ft.com/content/6edfdd30-472a-11e5-b3b2-1672f710807b), Poland agreed to accept 50 Christian families from Syria under an initiative led by a private organisation and agreed by the prime minister. 150 Syrian Christian refugees arrive in Poland (https://www.timesofisrael.com/150-syrian-christian-refugees-arrive-in-poland).

[368] "Tusk has made it pretty clear he wants Poland to fall in line with the rest of the bloc and fulfil its obligations to accept asylum seekers" (https://www.politico.eu/article/politics-nationalism-and-religion-explain-why-poland-doesnt-want-refugees). См. также: Forest Danielle. 2015. September 24. Poland to accept 5,000 refugees: A summary of events (https://www.krakowpost.com/10477/2015/09/poland-to-accept-5000-refugees).

[369] Именно беженцев, согласно нашему определению: https://apnews.com/article/russia-ukraine-kyiv-migration-europe-european-union-8a9ca73d25616e1fc59d8c913e056100. См. также https://bulletin.nu/stojberg-lika-bra-att-vara-arliga-med-att-vi-hellre-hjalper-ukrainare-an-somalier-och-palestinier — датский политик Inger Stöjberg, бывший министр иммиграции от либеральной датской партии Venstre, считает, что у нее есть ответ на вопрос, почему существует большая готовность помочь украинским беженцам.

[370] См.: https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine/location/680 ; https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=572558

чрезвычайно тяжелая, насыщенная кровавыми событиями в давнем и в не столь уж давнем прошлом (Вторая мировая война — Волынская резня 1943 г.[371]).

Обвинения «Права и справедливости» в «авторитаризме» на основании неподчинения избираемых властей неизбираемым (судьям, администрации общественных СМИ) являются простой подменой понятий. Такое «неподчинение» корректно определить как приверженность демократическим принципам. Сувереном, источником власти в стране является тот орган, который получил мандат на правление на выборах и осуществляет его в рамках конституционных полномочий.

Эти обвинения превратились в откровенную насмешку после того, как PiS спокойно и рутинно передала власть по итогам последних выборов (2023 г.) победившей на них коалиции Гражданской платформы и левых партий без единого акта насилия.

«Авторитарные» реформы PiS

Правящая с 2015 года партия «Право и справедливость» сталкивалась с давлением со стороны судебной системы. На попытки вмешательства в компетенцию избираемых политиков PiS ответила контратакой, введя норму об обязательной отставке судей по достижении 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин вместо 67 лет для всех ранее (как объявлено, для зачистки судейского корпуса от кадров с коммунистической закваской — объяснение, строго говоря, не лишенное оснований)[372].

Судьи стали публично критиковать правительство и правящую партию, и им (судьям) было предложено — посредством принятия соответствующего законодательства — не вмешиваться в политику. Возмущение евробюрократов относительно того, что в Польше ограничена свобода выражения и ассоциаций для судей, только подтверждает обвинения правящей партии — судейская корпорация в стране явно политизирована. Судья по определению обязан воздерживаться от резких заявлений и комментариев, дабы не втягиваться в политические споры, которые потенциально чреваты конфликтом интересов при вынесении приговоров и при разрешении споров[373].

---

[371] См.: https://www.bbc.com/news/world-europe-66150790 ; https://www.opendemocracy.net/en/odr/clash-of-victimhood-1943-volhynian-massacre-in-polish-and-ukrainian-culture/

[372] См.: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-11/cp190134en.pdf ; https://www.bbc.com/news/world-europe-50302102 ; https://www.dw.com/en/poland-adopts-controversial-judicial-law/a-52283771

[373] «According to the Council of Europe's Venice Commission, Poland's recent judicial disciplinary panel bill would "curtail the freedoms of expression and association of judges." The Venice Commission, which advises

Насколько узко и четко прописаны обязанности и, соответственно, полномочия вновь учрежденной дисциплинарной палаты Верховного суда, которая обязана будет отслеживать нарушения судьями новых ограничений, авторы не интересовались. Однако несомненно, что общий подход PiS к реформированию нельзя определить как дальновидный и разумный. Вместо того чтобы выбрать апробированный эффективный образец судебной системы (прежде всего, американский и иные английского корня — см. Лисин, Яновский и др. 2011, гл. 1) и постараться перестроить суды в соответствии с выбранной моделью, власти пытались решить текущие проблемы, не заглядывая далеко в будущее.

Такой же провал имел место и при решении проблемы «общественных» СМИ. Понятно, что самоназначенные авторитеты не должны иметь возможности за счет налогоплательщика навязывать обществу свою точку зрения. Однако вместо долгосрочного решения — полного искоренения возможности такого навязывания путем приватизации «общественных» СМИ, снятия барьеров на входе на медиарынок и введения запрета на навязывание гражданину обязанности финансировать чужую точку зрения, парламентское большинство PiS просто ужесточило контроль парламента над такими СМИ. Контроль правящей партии над финансируемыми налогоплательщиками СМИ представляется нам меньшим злом по сравнению с их независимостью и неподотчетностью обществу. Однако его естественным результатом будет чистка и перезапуск пропагандистского аппарата при каждой смене парламентского большинства. Это и произошло после выборов 2023 г.[374]

Никакого продолжения экономических реформ при правительствах PiS не последовало. Не было новых попыток дерегулирования, к примеру. Не обсуждалась необходимость усиления гарантий свободы контракта с тем, чтобы положить предел джихаду против свободы выбора или, на языке левых, дискриминации (частной).

EU member states on constitutional questions, warned Thursday that the amendments to the laws on the judiciary — which would ban judges from being members of professional bodies and civil society groups — "may further undermine judicial independence"» («По мнению Венецианской комиссии Совета Европы, недавно принятый в Польше законопроект о дисциплинарной комиссии для судей "ограничит свободу слова и объединения судей". Венецианская комиссия, которая консультирует страны-члены ЕС по конституционным вопросам, предупредила в четверг, что поправки к законам о судебной системе, которые запрещают судьям быть членами профессиональных организаций и гражданских общественных групп, "могут еще больше подорвать независимость судебной власти"»; https://www.dw.com/en/polands-planned-judiciary-reforms-would-undermine-rule-of-law/a-52034657).

[374] См.: https://polanddaily24.com/will-eu-react-to-tvp-takeover-political-turmoil-sparks-concerns-of-unlawful-seizure/politics/34668 ; https://notesfrompoland.com/2023/12/21/right-aims-wrong-methods-public-media-takeover-shows-dangers-for-new-polish-government/

В итоге к выборам 2023 г. национал-консерваторы пришли с уже поизносившейся в восприятии избирателей темой защиты от навязываемой ЕС иммиграции дикарей. К выборам был приурочен референдум, на который были вынесены, в том числе, и два вопроса по иммиграции: третий, о снятии заграждений на границе с Беларусью, и четвертый, который обязывал бы правительство, игнорируя давление ЕС, не допускать завоза инфильтрантов[375]. Все оппозиционные партии призвали не брать бюллетени референдума, в результате на нем проголосовали только национал-консервативно настроенные избиратели, и он не набрал требуемого уровня явки избирателей в 50% от списочного числа (40,91%)[376]. Два других вопроса были из области экономического популизма — о введении ограничений на участие в приватизации иностранцев и о запрете поднимать пенсионный возраст.

Несмотря на неудачу референдума, влияние его, возможно, ограничит попытки нового правительства радикально изменить политику в сфере иммиграции. После выборов для «Гражданской платформы» характерны метания между предвыборным лозунгом «нет процветания без солидарности»[377] (с инфильтрантами, по всей видимости) и «Польша не примет ни одного мигранта по программе релокации ЕС».

Поскольку в конкретной ситуации в Польше «фискальные» консерваторы связали себя обязательствами перед бюрократией Евросоюза, а PiS рассчитывала каким-то образом и самостоятельность сохранить, и деньги из Брюсселя получать, такая политика и в Польше, и во фрондирующей пока Венгрии закономерно провалилась.

И Венгрия, и до недавней (декабрь 2023) смены правительство Польши сталкивались с грубым вмешательством ЕС во внутренние дела с требованием ввести такую власть судей, которая смогла бы ограничить при необходимости плохо управляемого неразбавленного инфильтрантами избирателя. Как не относиться к таким требованиям, получение на регулярной основе значимых денег из казны ЕС исключает полную национальную независимость.

Нельзя просить деньги у ЕС и эффективно охранять свою традицию, явно впавшую в немилость в Брюсселе. Необходимо самим балансировать бюджет[378].

---

[375] См. https://referendum.gov.pl/referendum2023/en/wyniki/pl
[376] См.: https://referendum.gov.pl/referendum2023/en/frekwencja/pl
[377] См.: https://platforma.org/o-nas
[378] См.: https://www.novinky.cz/clanek/domaci-jourova-vsichni-chteji-do-eu-nikdo-nechce-ven-40455690. Тот же материал по-русски: https://www.unian.net/society/ukraina-stanet-chlenom-es-cherez-neskolko-let-vice-prezident-ek-rasstavila-akcenty-12498204.html

Следование правилам ЕС, вредящим бизнесу, необязательно компенсируется доступом к рынкам и даже доступом к рынкам совокупно с субсидиями. Попытка социального консерватизма в Венгрии и Польше неустойчива вследствие восприятия ключевых экономических проблем как вторичных. Попытка сочетать охрану национальной традиции государственными инструментами с заботой о «правильных» поляках или венграх создает следующие мощные негативные эффекты.

В рамках оберегаемого социал-консерваторами социального государства трудно дерегулировать экономику и невозможно стабильно сводить бюджет без дефицита. Чтобы сделать это и удерживать баланс неограниченное время, необходимы мощные стимулы избирателя-налогоплательщика с упразднением всеобщей избирательной привилегии, т.е. необходимо вернуть исторически апробированные цензы. Последние, кстати, в значительной мере обезопасят и от инфильтрантов, которые никогда не смогут стать голосующими гражданами, и интерес к ним со стороны бюрократии упадет. Впрочем, и саму бюрократию благодаря цензам можно будет сократить в разы и радикально ослабить, поставив под жесткий контроль избираемых политиков.

Попытки заботой и «пропагандой здорового образа жизни» вдохновить молодое поколение на создание крепкой семьи, поддержать религиозность и перевесить промывание мозгов финансируемыми за счет налогоплательщика школой и университетом также очевидно и закономерно проваливаются.

Наконец, вернемся к главным объектам заботы социальных консерваторов и близкой к ним кругам католической церкви. Попытка запустить механизмы социального государства в Польше на благо семьи и общества, как мы видим на статистике динамики рождаемости, провалилась. Провалилась так же, как и в стране — пионере такого эксперимента, Швеции (см. обзор литературы: Yanovskiy 2023a). Несмотря на высокий авторитет католической церкви, долгосрочная тенденция с рождаемостью (с наложившимися, как и повсюду в Европе, волнами от послевоенного бэби-бума) устойчиво негативная. В сочетании со старением населения, несмотря на улучшения в медицине, связанные, в основном, с ростом уровня жизни, Польша пришла к ситуации естественной убыли населения вместо естественного его прироста (см. рис. 12).

Государство само по себе может противостоять религиозной общине и семье, а может быть нейтральным, но помочь точно не может. Государство не поможет перевоспитать трудных подростков, помирить мужа и жену, родителей и детей. Государство легко может сделать хуже — рассорить членов семьи, отнять детей у родителей (Yanovskiy 2023; Yanovskiy, Socol 2023), но практически никогда — лучше.

Попытка переложить на власти такие заботы понятна, но приводит к неизменно провальным результатам.

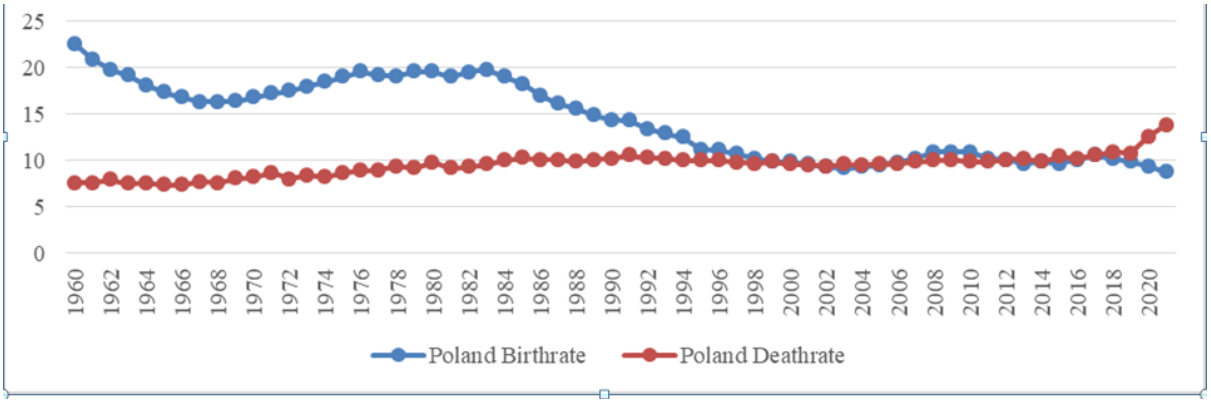

Рис. 12. Динамика рождаемости и смертности в Польше

Источник: World Bank, World Development Indicators

Первые шаги нового (принесло присягу 13 декабря 2023 г.) правительства во главе с либерально-консервативной Гражданской платформой касались мер по консолидации власти. Прежде всего, по зачистке нелояльных сотрудников в зависимых от правительства СМИ. Подчеркнем, что, как и в случае социально-консервативной партии PiS, речь идет не о приватизации, а о «переналадке» государственных («общественных») СМИ для нужд своей партийной пропаганды[379].

Руководство Гражданской платформы (ГП) и, в особенности, ее левые партнеры по коалиции, атакуя правившую до 2024 г. партию «Право и справедливость» (ПиС), стандартно обвиняли ее в расизме, отсутствии сочувствия к беженцам и т.п. Однако, после прихода к власти ГП отнюдь не открыло белорусскую границу для инфильтрантов, но продолжила, не афишируя это, политику ПиС.

ПиС обвиняли в том, что по ее указаниям просочившихся через границу инфильтрантов физически выкидывали обратно по другую сторону границы. При новом правительстве 1770 инфильтрантов было отправлено обратно таким же способом (здесь и далее см.: Липиньский 2024[380]).

После инцидента, в котором инфильтрант убил сержанта-пограничника Матеуша Ситека, продолжение политики ПиС руководством ГП перестало особенно скрываться.

[379] См.: https://web.archive.org/web/20240106092227/https://www.politico.eu/article/poland-government-media-news-agency-law-and-justice-tusk/

[380] См.: https://novayapolsha.org/article/granica-politiki-i-sovesti-kak-migrantskii-krizis-raskolol-polskoe-obshestvo/

Обе партии приняли закон, освобождающий от ответственности военных, открывших огонь по нарушителям границы.

Польский журналист Петр Липиньский констатирует «о том, что вопрос границы стал водоразделом между политиками «Права и справедливости» и «Гражданской платформы», можно забыть. Его просто раздули во время предвыборной кампании. Сейчас этот спор можно описать как столкновение морально-эмоционального и цинично-политического подхода.

Он же задается вполне риторическим вопросом: «Ситуация на польско-белорусской границе может вызывать непонимание и по другой причине. Почему поляки приняли два миллиона беженцев из Украины, которую атаковала Россия, но отвернулись от едва ли тысячи беглецов с Ближнего Востока и из Африки?»

На фоне громких дискуссий вокруг судьбы общественных СМИ и иммиграционной политики немногие обратили внимание на назначение представительницы посткоммунистов (последний «бренд» — «Новые левые») Катаржины Котулы (Katarzyna Kotula) на пост министра «равенства» (!) Министр рассматривает в качестве приоритетов отмену законодательства, соответствующего традиционным католическим нормам (ради «права» на аборты)[381], а также насаждение в школах привилегированного статуса (под предлогом «терпимости») подростков, заявивших о своей нетрадиционной ориентации. Для этого школы будут оцениваться по показателю «включенности» таких учеников[382]. То есть, проще говоря, по рапортам о доле таких учеников — чем больше, тем выше оценка.

Верность посткоммунистического левого политика антисемейным идеалам «Манифеста коммунистической партии» 1848 г. должна вызывать зависть у консервативных активистов и избирателей. Остается пожелать будущим польским консерваторам учиться на ошибках предшественников, т.е. лучше учить уроки

[381] «Право» на аборты в христианской стране, где люди верят в то, что душа соединяется с телом еще в теле матери, аборт логично определяют как убийство Право на убийство было бы как минимум спорным. «Терпимость» и «включенность» как легко догадаться касаются только групп, которым покровительствует Большое и «щедрое» за чужой счет правительство. К идеологическим оппонентам которого – консерваторам «терпимость» и «включенность» не относятся. Источники — см.: https://web.archive.org/web/20240131042748/ ; https://www.polskieradio.pl/395/7789/Artykul/3300795,polands-new-equality-minister-vows-immediate-action-on-abortion-law-amid-european-court-ruling

[382] См.: https://polskieradio24.pl/5/1222/Artykul/3330271,ranking-szkol-przyjaznych-lgbtq-minister-kotula-objela-akcje-patronatem

истории[383] и при этом, вне зависимости от формы подачи своих идей, корни которых уходят в глубь веков и тысячелетий — к Синайскому откровению, сохранять верность их сути хотя бы на уровне упомянутого выше министра «равенства».

Эстония: нечаянные цензы

Ослабление советской коммунистической империи во второй половине 80-х гг. становилось заметнее с каждым годом. Нарастали экономические трудности (двукратное падение цен на нефть в 1986 г. — Гайдар[384]), на которые реагировали апробированно провальными методами: борьба с потреблением алкоголя и с частной инициативой. Последняя была поставлена вне закона. Пропаганда коммунистов называла заработок частных предпринимателей «нетрудовыми (!) доходами». Нарастала вынужденная зависимость от срочных займов на Западе. Немаловажным фактором стало снижение готовности новой коммунистической элиты использовать насилие для подавления инакомыслия (возвращение из ссылки А. Д. Сахарова, освобождение некоторых политических заключенных, определенная либерализация в СМИ — так называемая «гласность»[385]).

Попытка бросить вызов тоталитарной системе могла во многих случаях обойтись весьма дорого (уже в 1991 г. десятки убитых в Литве и Латвии), однако такие попытки предпринимались в разных частях страны. Среди первых были эстонские национальные движения (прежде всего «Народный фронт») и возрождающиеся партии — довольно многочисленные уже с 1988 г.

Вполне естественно ожидать того, что народы, находившиеся под властью тоталитарного режима относительно меньшее время, способны быстрее и легче адаптироваться к рынку и демократии (Fischer, Sahay and Vegh 1996; Fischer and Sahay 2000). Жители стран Балтии имели такой опыт на одно поколение меньше, чем жители России и других частей бывшего СССР.

Мы интерпретируем такую связь (Dabrowski et al in McMahon 2006, May; Яновский, Жаворонков и др. 2003) следующим образом.

---

[383] Котула, безусловно, умеет учиться у коллег и единомышленников из США. Так, она недавно обвинила своего бывшего тренера по теннису в изнасиловании — тридцать с небольшим лет спустя предполагаемого события (https://rsport.ria.ru/20221123/shventek-1833664611.html).

[384] См. отрывок из книги «Гибель империи»: https://bit.ly/3vB5A4g

[385] См. подборку публикаций библиотеки «История новой России»: http://ru-90.ru/libraryuskorenie

Группы населения, имеющие большие основания ожидать успешной адаптации в условиях рынка и демократии — в силу образования, опыта предыдущих поколений — предъявляют больший спрос на институты, защищающие частного собственника и частную собственность, свободное предпринимательство, на конкурентную политическую систему с разделением властей, которая ограничивает возможности правительства отнимать частную собственность.

Напротив, те, чьи семьи были дольше оторваны от опыта рыночной экономики, кто не имел в своей семейной истории положительного демократического опыта, а также люди с низким образовательным уровнем чаще склонны поддерживать институты централизованной экономики и патернализм. Они не стремятся погрузиться в море возможностей, но при этом и жесткой конкуренции, которым является рынок. Они скорее обременены необходимостью делать самостоятельный выбор в политике, нежели видят в этом возможности, не говоря уже о моральном преимуществе таких порядков. Иными словами, такие люди реже «предъявляют спрос» на демократию, собственность и рынок.

Там, где политическая поддержка реформ обеспечила быстрое строительство институтов рыночной демократии, защищающих собственника и собственность, адаптация населения (рыночных агентов) к новым условиям происходила быстрее, и посткоммунистическая рецессия оказывалась короче.

Отдельным и немаловажным фактором успеха реформ стала националистическая мобилизация общества. Устойчивость коалиции в поддержку реформ является главным фактором их успеха. Возможность мобилизовать в их поддержку сильные эмоции национальной солидарности и связанные с ними моральные ценности имела огромное значение. Сильное чувство такой идентичности усиливает устойчивость и сплоченность общества (Laar in Åslund, Djankov 2014; Sharansky 2008), готовность людей выносить главное бремя реформ — бремя личной ответственности, от которой в значительной степени «избавлены» люди при социализме. Многие в Восточной Европе рассматривали рыночные реформы как интегральную компоненту национального освобождения (Gaidar 2009[386]; Mau, Starodubrovskaya 2001). Отсутствие такой возможности в России в значительной мере объясняет провалы реформ[387] и в конечном счете неудачу попытки построить демократический режим.

[386] Гайдар ввел термин «националистическая анестезия», чтобы описать это явление во время дискуссий, в которых авторы статьи имели честь участвовать».

[387] Политическое давление антиреформаторов ослабило институты собственности в постимперской России и непосредственно привело к кризису 1998 г. (См. Gaidar et al. 2002; Dabrowski et al. 2004; Dabrowski et al. in McMahon 2006.)

Даже в старой демократии (Великобритания) апелляция к национальным чувствам широко использовалась для политического обеспечения реформ М. Тэтчер (Yanovskiy, Zhavoronkov, Rodionov 2017).

Следует отметить, что в Эстонии и Латвии антикоммунистическое партизанское сопротивление в силу и исторических, и географических причин (меньше территорий, покрытых лесом) продолжалось сравнительно недолго и было куда менее ожесточенным, чем в соседней Литве (Laar 2005), поэтому они сильно пострадали от политики колонизации.

Советские власти, в полном соответствии с рекомендациями Макиавелли, завозили на новые завоеванные территории Латвии и Эстонии жителей из бедных районов России, для которых сам такой переезд означал повышение уровня жизни и которые поэтому чувствовали себя обязанными коммунистической власти, не говоря уже о том, что они этнически ассоциировали себя с ней, сталкиваясь с враждебным отношением эстонцев и латышей. По понятным причинам, колонизация Литвы, где чужак мог получить пулю, достаточно быстро и с высокой вероятностью (Streikus 2022; Kaszeta 1988) была затруднена.

С самого начала нового подъема движения за независимость было понятно, что восстановить жизнеспособные независимые государства, основанные на европейских ценностях, вместе со всеми колонистами в качестве граждан (в Эстонии таковых было около 40%[388], а в Латвии около 50% населения, King 2012; Госкомстат 1991[389]) заведомо невозможно. Выборы в Верховный совет «советской социалистической республики» 1990 г. в Эстонии, как и в России, были «полусвободными» (официально свободы союзов не было, но информация о том, кого поддерживают Народный фронт и национальные партии, была известна всем).

Сохраненные эстонцами навыки самоорганизации позволили подготовить и провести параллельные выборы в Эстонский Конгресс в феврале—марте 1990 г. В этих выборах участвовали граждане Эстонской Республики и их потомки. Неграждане, поддерживающие независимость, регистрировались в отдельных списках и выбрали

[388] См.: https://freedomhouse.org/sites/default/files/inline_images/Estonia.pdf

[389] С. 67 — население союзных «республик» и с. 77 — численность населения СССР по «национальностям». К концу 1990 г. население Литвы составляло 3,728 млн человек, литовцев в СССР было по переписи 1989 г. 3,067 млн, причем бóльшая часть нелитовцев — коренное же население: поляки, проживающие на юге современной Литвы. Соответственно, население Латвии — 2,681 млн, латышей — 1,459 млн (и не все 100% из них жили в Латвии, т.е. они составляли немногим более 50% населения Латвии). Население Эстонии — 1,582 млн, эстонцев — 1,027 млн человек (заведомо менее 65% населения Эстонии).

группу своих представителей с совещательным голосом. В Конгрессе доминировали националистические партии и группы, хотя был представлен и Народный фронт. Официальные выборы в «Верховный совет Эстонской Советской Социалистической Республики» (Ülemnõukogu) прошли в марте 1990 г. (Grofman, Mikkel & Taagepera 1999; Taagepera 1994). В Верховном совете доминировали Народный фронт (49 депутатов из 105) и коммунисты-реформисты во главе с Арнольдом Рюйтелем (будущим президентом республики[390]) — 29 мест. У сторонников социализма и сохранения Эстонии в советской империи было 27 мест (Ishiyama1994, 187), т.е. нарезка округов несколько ограничивала электоральный вес просоветских «колонистов», которых было если и не все 40%, то сопоставимо с третью населения. Но даже представительство советских коммунистов 27 из 105 напоминало об аморальном и заведомо незаконном характере колонизации. Понимание этого эстонцами обеспечивало и моральное, и юридическое основание для отказа колонистам в правах на автоматически получаемое гражданство Эстонской Республики.

В разгар попытки переворота — 20 августа 1991 г., примерно в 11 утра (когда исход событий был еще совершенно неясен), Верховный совет и Эстонский Конгресс проголосовали за резолюцию о восстановлении независимости Эстонской Республики и за формирование Конституционной Ассамблеи из членов двух органов (Taagepera 1994). По утверждению автора статьи и члена как Конгресса, так и Конституционной Ассамблеи Рейна Таагепера (Rein Taagepera), с самого момента формирования Ассамблеи не было особых сомнений в том, что первоначально избирателями будут являться только граждане (Taagepera 1994, 216).

Настроения эти, однако, могли и не реализоваться, если бы их кто-нибудь не озвучил и не поставил на голосование в нужный момент. Когда в Верховном совете обсуждались проекты определения условий предоставления гражданства, разные группы вносили свои предложения по сроку пребывания в стране (например, 10, 12, 18 лет). Пастор Иллар Халласте (который был одновременно депутатом Эстонского Конгресса и Верховного совета, а потом и членом Конституционной Ассамблеи) внес предложение просто определять гражданство на основании гражданства Эстонской Республики[391]. Оно и получило поддержку большинства. Понятно, что в Эстонском Конгрессе, избранном на

[390] См.: https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/glavy-gosudarstva/23

[391] Об этом свидетельствует парламентский корреспондент агентства Baltic News Service и радио «Свобода» того времени Ирина Стельмах (интервью с ней см. в Дополнительных материалах — http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964).

основании гражданства Эстонской Республики, поддержка такому варианту была гарантирована автоматически. Пастор Халласте был одним из сооснователей эстонского консервативного и христианско-демократического движения (Eesti Kristlik Liit — Христианский Союз Эстонии, позднее — партия Pro Patria, Isamaa (Отечество)) вместе с Мартом Лааром.

Текст Конституции был составлен Конституционной Ассамблеей к концу февраля 1992 г., одобрен в целом в апреле и вынесен на референдум в июне того же года. (Там же.) В октябре 1992 г. на основе новой конституции состоялись первые свободные выборы Государственного собрания (Riigikogu[392]), в которых приняли участие только граждане.

Нам не удалось найти ни единого упоминания в дискуссиях того времени среди аргументов в пользу решения о предоставлении избирательной привилегии только гражданам ссылки на желательность и полезность введения избирательных цензов в принципе. Оппоненты, естественно обвиняли инициаторов установления гражданства нового государства на основе гражданства Эстонской Республики до 1940 г. в «лишении этнического меньшинства[393] избирательных прав». Тем более никто, похоже, специально и глубоко не задумывался тогда об экономических последствиях принятого решения.

Ценз, при котором, на первый взгляд, все отличия сводятся к этническим, не должен был оказаться экономически эффективным, не говоря уже о его влиянии на политическую стабильность и моральную легитимность реформ. Между тем, экономические реформы в Латвии и Эстонии прошли успешно (особенно в последней). Права собственности уважаемы. Политическая стабильность заметно выше, чем в соседней России[394], не говоря уже о моральной легитимности политического режима.

Для понимания ситуации необходимо выделить некоторые важные отличия сторонников независимости — в основном потомков старых граждан, от советских «колонистов» и их потомков — в основном сторонников сохранения коммунистической империи.

Советские колонисты приезжали в страны Балтии на стройки новых крупных предприятий. Последние, как правило, подчинялись напрямую центральным властям в

[392] См.: https://www.riigikogu.ee/en/introduction-and-history/history-riigikogu/

[393] Подход «по гражданству Республики до 1940 года» автоматически предоставил гражданство русским региона Причудья (у Чудского озера) — многие из них были староверами, прохладно относившимися как к коммунистам, так и к эстонскому национальному государству (http://starover.ee/ru/index.html).

[394] 1990-е гг. — нестабильный демократический режим, 2000—2004 гг. — переход к слабому авторитарному режиму, казавшемуся весьма стабильным, но только до 2011 г. В Латвии и Эстонии не произошло смены режима. Правящие коалиции мирно сменяли друг друга в результате свободных, конкурентных выборов.

Москве. По завершении строительства большинство мигрантов стремилось оставаться работать в странах Балтии. Они пытались остаться в стране с более высокой культурой, проявлявшейся, в том числе, и во много лучших по сравнению с Россией бытовых условиях, причем обычно они работали на тех же крупных, ориентированных на заказы центральных властей, предприятиях.

Потомки граждан Республики чаще работали на предприятиях республиканского и местного подчинения, менее крупных. Многие из них были заняты в недоразвитой при социализме сфере обслуживания и торговле, в сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, т.е. в отраслях, непосредственно связанных с потребительским спросом и более приспособленных для перехода к рынку. Также многие потомки граждан независимой Республики, получившие относительно хорошее образование, работали в сфере образования, науки и культуры (Злоказов 1991; Kirh, Yarve, Haav 1988 as cited in Furman 1991, 11—12; Park 1994, 79).

Согласно сохраненным авторами данным Центральной избирательной комиссии РФ, из числа имевших гражданство СССР 74 046 человек в Эстонии и 65 182 в Латвии получили российское гражданство (по данным Центризбиркома РФ к выборам президента России, июнь 1996 г.). На этих выборах по тем же данным 66,7% от числа голосовавших в Латвии и 62,3% от голосовавших в Эстонии в первом туре отдали свои голоса за кандидата КПРФ Г. А. Зюганова. Соответственно, 10,7% голосов в Латвии и 14,9% в Эстонии получил генерал Лебедь, воспринимавшийся как русский националист. Легко представить последствия для повестки реформ и всего развития Эстонии и Латвии, если бы эти же люди, получив «автоматически» гражданство этих двух стран, голосовали бы на выборах в их парламенты. Весь политический спектр был бы заметно сдвинут в направлении «государственной заботы», в антирыночном и антидемократическом направлении. Вместо того чтобы искать «политический дом» в партии центра, в Эстонии примерно 55 тыс. просоветских (называть их пророссийскими было бы неточно) могли бы при средней явке (35—40 тыс. человек при том, что в голосовании ни разу не участвовало более 550 тыс. избирателей) быть представлены шестью — восемью депутатами в Государственном собрании (см. Дополнительные материалы). Различные «русские» политические проекты в Латвии также, несомненно, стали бы гораздо более успешными и антикапиталистически радикальными при такой прибавке голосов.

Впечатляющий успех эстонских реформ (финансовая стабилизация, глубокое дерегулирование, первый в постсоциалистической Европе плоский подоходный налог[395] — см.: Stanchev 2023), конечно, не сводим только к отсечению большинства сторонников социалистической системы от участия в выборах в парламент.

Несомненно, важную роль играла политическая воля лидеров консерваторов и выбранная ими стратегия реформ. Для получения первого представления о ней крайне полезно ознакомиться с интервью, которое Март Лаар дал в 2003 г. известному мексиканскому политологу — специалисту по странам Восточной Европы Фредо Ариасу-Кингу (Arias-King, Laar 2003).

Март Лаар с самого начала хорошо понимал, в отличие, к примеру, от лидеров российских реформ, что сведение их исключительно к преобразованию экономики — залог поражения. Без проведения политических реформ, без создания институтов, обеспечивающих политическую конкуренцию, «терпимого качества судебную систему» (по выражению Адама Смита), т.е. защиту прав собственника и его собственности, экономические реформы подобны дому, построенному на песке.

Не менее сложно выполнимый совет эстонского лидера — поставив цель, добиваться ее, не внимая крикам об издержках реформ, о причиняемой ею боли. Нерешительность, незавершенность реформ чревата куда большими издержками и болью.

Необходимость добиться поддержки большинства не означает стремления к консенсусу — на основе консенсуса ни одной глубокой реформы провести не удастся.

В конкретных постсоветских реалиях для успеха реформ был необходим не ремонт, а снос системы, полная замена судебной системы и правоохранительных органов, иных органов исполнительной власти. В ходе этой замены, естественно, пришлось расстаться с большим числом «профессиональных» чиновников режима. Первый президент свободной Чехословакии (затем Чехии) Вацлав Клаус заметил: «лучше временная неопытность, чем постоянный саботаж».

К сожалению, опыт последних десятилетий — реакция социальных государств на пандемию, войны, созданные самой властью, ее принудительной «заботой», экономические кризисы — показывает, что эти уроки Эстонии, несомненно, пригодятся и старой демократии. Они пригодятся тогда, когда их избиратель потребует сделать наконец что-нибудь, чтобы остановить этот кошмар.

---

[395] См.: http://taxfoundation.org/blog/estonia-has-most-competitive-tax-system-oecd

Нельзя обойти вниманием редко обсуждаемую проблему устойчивости реформ в долгосрочной — многих поколений — перспективе. Эстонские консерваторы до самого недавнего времени не решались апеллировать к религиозной традиции[396]. Это отражает доминирующее в обществе отношение к религии. Резкое падение доли граждан, в жизни которых религия, вера (традиции Синайского откровения) играет важную роль, наблюдается в Восточной Европе (Ringvee 2014) так же, как и в странах Запада, включая даже США (Eberstadt 2013). Причем ситуация в Эстонии — одна из худших в этом смысле. Когда же в создании семьи и в рождении детей люди не видят исполнения заповеди, это не может не сказаться на решимости создавать семью, обременяя себя обязательствами, не говоря уже о рождении детей.

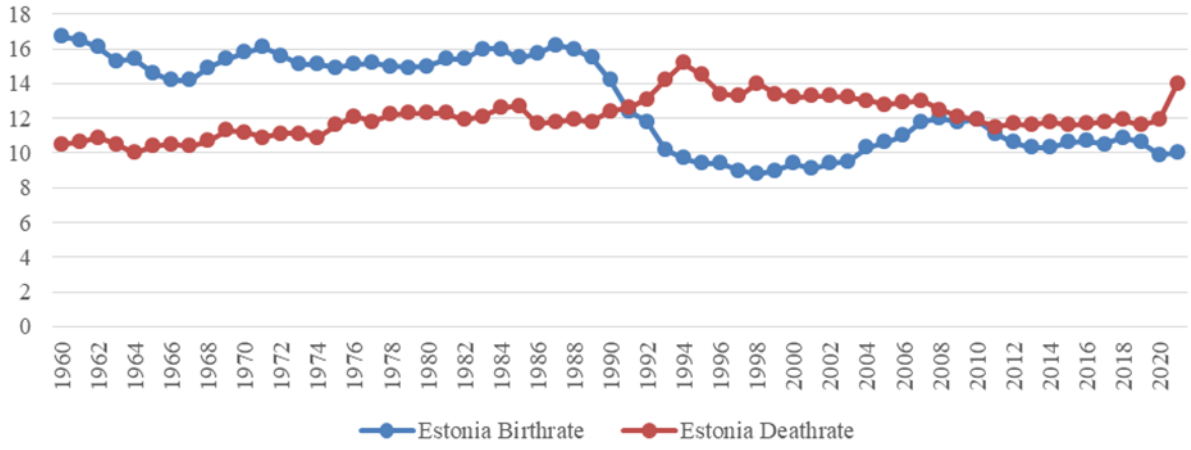

Рис. 13. Динамика рождаемости и смертности в Эстонии

Источник: World Bank, World Development Indicators

Такое отношение к заповеди «плодиться и размножаться» ясно выражается в демографической статистике, когда рождаемость не компенсирует смертность.

При этом надо отдать должное мужеству Марта Лаара и группы его коллег по Верховному совету, который вместе с Эстонским Конгрессом (граждан) взял на себя ответственность за восстановление независимости. 15 мая 2023 г. фактические отцы-основатели современной Эстонии открыто выступили против законодательства об однополых браках в Эстонии. Правда, они не используют в письме религиозную

[396] Мы не можем сказать, насколько типичен и значим пример нынешнего (2023 г.) лидера оппозиции Мартина Хелме — соблюдающего христианина, протестанта (https://www.jpost.com/christianworld/article-696581 ; https://www.voiceofeurope.com/interview-with-martin-helme-the-leader-of-the-conservative-peoples-party-of-estonia-ekre-western-people-are-now-living-in-a-post-democratic-order), наиболее заметной в этом смысле фигуры после одного из отцов-основателей новой Эстонии пастора И. Халласте.

аргументацию и не ссылаются на религиозные заповеди. Пожалуй, главным аргументом авторов обращения стало заявление — свидетельство о том, что в 1990—1992 гг. они восстанавливали Республику для того, чтобы дать права всем, а не предоставить экстремальному меньшинству привилегии навязывать свою волю большинству.

Однако отсутствие у большинства граждан, особенно молодых, здоровой нетерпимости хотя бы к крайним проявлениям имморализма, связанное со слабой или нулевой [иудео-христианской] религиозностью в сочетании с государственным образованием, создают возможности для постепенной эрозии достижений революции и реформ 90-х гг.

Грузия: дни побед и поражений

Основные вехи реформ

Успешная реформа дорожной полиции, а затем и государственной службы в целом, резко сократила масштаб коррупции. Дерегулирование, в частности — ликвидация антимонопольных согласований вместе со всем антимонопольным ведомством, дерегулирование в энергетике, в торговле лекарствами (признание иностранных сертификатов), плоский подоходный налог (20%, принят в 2004 г. — Stanchev 2023) и многое другое (Буракова 2011; Федорин 2015) заложили основу для экономического роста на здоровой основе, хотя основу недостаточно прочную в отсутствие независимой и беспристрастной судебной системы и правоохранительных органов.

Основную ответственность за проведение этих реформ взяли на себя: партия «Единое национальное движение» во главе с Михаилом Саакашвили и государственный министр экономики Каха Бендукидзе. Эта партия и это правительство по всем признакам были типично консервативными. Скорее, правда, консервативно-либеральными, нежели национально-консервативными, поскольку риторика экономической свободы и личной ответственности явно доминировала над риторикой национальной — обороны от агрессии, преданности национальной и религиозной традициям. Из политических успехов того времени в стране с фактически отпавшими автономными регионами выделяется восстановление суверенитета Грузии над Аджарией. Однако наиболее типичным видеорядом с участием Саакашвили были

встречи с европейскими реформаторами[397], а не с грузинскими офицерами и генералами (хотя и их было немало).

Ответ на кризис: меньше государства, больше свободы

Большинство правительств мира воспользовалось кризисом 2007—2009 гг. с тем, чтобы расширить практику вмешательства в дела бизнеса, ограничить права частной собственности. Кризис, разразившийся первоначально в исторически наиболее жестко регулируемой банковской сфере, предлагалось лечить исходя из следующего принципа: «массированное государственное вмешательство не привело к желаемым результатам потому, что оказалось недостаточным».

Одно из немногих исключений продемонстрировало своим поведением правительство Грузии при президенте М. Саакашвили. Власти маленькой страны отказались от сворачивания прав и свобод. 6 октября 2009 г. он внес в парламент законопроект «Акта об экономической свободе, возможностях и достоинстве» (Georgia: The Economic Freedom, Opportunity, and Dignity Act) как пакет поправок к Конституции (IMF 2009, 15, Box 2). Идея законопроекта была в максимальном усложнении принятия решений, ухудшающих деловой климат — таких, как повышение налогов или увеличение регуляторного бремени. Провести закон быстро как поправки к Конституции не получилось. Он был принят как «органический» (конституционный, основной) закон в 2011 г. (14 июля)[398].

Подробнее — изложение основных положений документа, положительные отзывы на него известных и уважаемых экспертов (Åslund, Djankov 2014) а также нашу критику его недостатков в отрывке из книги 2018 г. (Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2014) — в приведенном во внешнем приложении к этой книге.

Война и «окно» возможностей

Пятидневная война августа 2008 г. показала, что реформаторы были к ней не готовы прежде всего на уровне принципиального выбора. Вместо осознания того, что никто и никогда не будет сражаться за Грузию и за грузин, кроме них самих, они явно

[397] Единое национальное движение имеет статус наблюдателя в Европейской народной партии — European Peoples' Party (EPP). См.: https://www.epp.eu/parties-and-partners

[398] См.: https://matsne.gov.ge/en/document/view/1405264

рассчитывали на «международную помощь». Помощь, которая не пришла к Чехословакии (Франция обязалась ей помогать по договору Локарно[399] — см. подробнее: Яновский 2016) и к Польше, зато пришла к Финляндии, которой никто помогать не обязывался, но которая доказала свою способность драться сама. Второй принципиальный выбор — готовность воевать, неся огромные потери. Проблема была не столько в том, что не был заблокирован Рокский тоннель[400], что не были предприняты те или иные конкретные действия (мы не военные и не собираемся присоединяться к таким дискуссиям).

Полное отсутствие готовности воевать всерьез подтверждается отсутствием хотя бы одного примера расстрелянного на месте солдата-беглеца. Оставление позиций стало массовым именно потому, что проходило безнаказанно. Мы не собираемся обвинять М. Саакашвили в том, что он оказался не готов послать на смерть десятки тысяч соотечественников и такой ценой остановить агрессию режима В.Путина. Мы просто констатируем факт сделанного им выбора. В результате внешние наблюдатели констатировали, что боевой дух, мораль российской армии (совершенно не высокий[401]) был все же выше, чем у большинства грузин (Pallin, Westerlund 2009). Вполне вероятно, что героев, готовых драться до конца, среди грузин было намного больше, чем в армии Путина. Просто они не получили совершенно очевидного в такой ситуации приказа расстреливать беглецов. Без сурового наказания дезертиров нет элементарной дисциплины, а без дисциплины нет армии.

Также понятно, что решение не расстреливать беглецов означало быстрое поражение, и, как следствие — начало конца администрации Саакашвили и его реформ.

Реформаторам опыт администрации и правительства Михаила Саакашвили дает следующий важный урок. Невозможно провести глубокие и к тому же устойчивые реформы, чрезмерно уповая на поддержку извне. Такая поддержка может помочь при очень удачном стечении обстоятельств отразить наступление врагов реформ или внешнюю агрессию (в случае Грузии даже эти надежды не оправдались). Но она никогда не позволит заместить, компенсировать недостаток поддержки внутри общества.

Победа дала бы правительству Саакашвили существенное расширение «окна» возможностей для проведения реформ, поражение захлопнуло это «окно». Поражение

[399] Чехословакия перед Второй мировой войной располагала гарантиями безопасности от Франции. Оформлены они были в Локарно 16 октября 1925 г. как равноправный договор с Францией о взаимной обороне (http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19251016-4.pdf).

[400] Рокский тоннель не был взорван — Минобороны РФ (https://ria.ru/20080809/150232805.html).

[401] См. также обзор: Аксенов, 2018 (https://www.bbc.com/russian/features-44690384).

мобилизовало и стимулировало внутреннюю оппозицию и подстегнуло ее готовность кооперироваться с внешним врагом во имя свержения Саакашвили. Фактический лидер новой, выстроенной заново уже после поражения в войне Грузии с Россией оппозиции Единому национальному движению свое состояние сделал в России, соответственно был (а возможно, и есть[402]) зависим от авторитарного режима в этой стране[403].

Подчеркиваем, мы не собираемся взвешивать, что лучше — большой кровью купленная победа и продолжение реформ с новым мандатом или капитуляция. Мы просто обязаны констатировать наличие такой развилки, сделанный реформаторами выбор и его неизбежные последствия.

Уроки от Бендукидзе

Каха Бендукидзе был блестящим глубоким мыслителем и достаточно успешным политиком-реформатором, поэтому обойти его уроки настоящему консерватору было бы совершенно непозволительно. При этом Бендукидзе оставил как уроки, которые нужно выучить для повторения или прямого использования, так и уроки иного рода. Некоторые его вполне очевидные заблуждения показывают и опасность, укорененность именно этих заблуждений, предрассудков. Также они показывают исключительную важность опоры на традицию тысячелетий для того, чтобы в принципе не вести политические споры о том, можно ли воровать в гостях ложки и могут ли гости большинством голосов отнять дом у гостеприимных хозяев.

Кстати, Бендукидзе в своих диалогах с В. Федориным сетует на то, что мало кто вообще и мало религиозных грузин в частности читали Библию: «он не богобоязненный», — комментирует Бендукидзе перекрытие дорог для перезахоронения монаха, слывшего чудотворцем — «это результат не-чтения Библии» (Федорин 2015, 54).

Бендукидзе насмехается над бюрократией ЕС, сравнивает ее с ЦК КПСС или с «четвертым рейхом». При этом полагает, что, когда Путин ставит выбор между вассальной зависимостью от Москвы, надо идти в вассалы к Брюссельской бюрократии — это все же европейский выбор. То, что он через небольшое число шагов приведет к

[402] См.: https://www.transparency.ge/en/post/russian-businesses-bidzina-ivanishvili-and-his-relatives

[403] См.: https://www.forbes.com/profile/bidzina-ivanishvili/. По крайней мере, до 2012 г.: «Грузинский миллиардер Иванишвили объявил о возвращении в политику» (https://www.rbc.ru/politics/30/12/2023/659001cf9a7947c5d30db76f). См. также отчет 2022 г. Transparency Georgia: https://www.transparency.ge/en/post/russian-businesses-bidzina-ivanishvili-and-his-relatives

такой же диктатуре, как и в Москве, что могут быть другие варианты, кроме вассальной зависимости — даже не обсуждается.

Бендукидзе, как и Егор Гайдар, убежден в пользе национализма, в том числе и при проведении реформ. Однако о том, что такое национальная грузинская идентичность лично для него, он подробно не говорит и, вероятно, специально об этом не думал.

Бендукидзе, как и до него Егор Гайдар (даже, пожалуй, яснее, четко проговаривая проблему), понимает преимущества цензовой демократии и ограничения, налагаемые всеобщей избирательной привилегией. Однако повторяет вслед за Гайдаром — альтернативы всеобщей избирательной нет. Она затрудняет успешные реформы невероятно, размывает само понятие их «необратимости», но при этом каким-то загадочным образом делает достижения реформ «более прочными». Как они могут быть более прочными при безответственном, осознанно невежественном (по собственному выбору — см., в частности, Somin 2013), а главное — легко подкупаемом и манипулируемом избирателе (Jasay 1985), остается непонятным. К анализу взглядов Бендукидзе на всеобщую избирательную привилегию мы еще вернемся в следующей главе.

Важный урок грузинских реформ — успешные реформы могут быть только быстрыми. «Окно» возможностей неизбежно закроется спустя не так уж много времени (спасибо всеобщему избирательному). То, что не приняли сегодня, завтра не удастся даже поставить в повестку дня. Реформы должны быть предельно простыми (как учил и Март Лаар) — иначе они останутся нереализованными.

Тут, правда, замечает другой наблюдатель Л. Буракова (Буракова 2011), заложено противоречие. Чем больше принимается важных решений о реформах за короткий промежуток времени, тем неизбежно они будут менее понятны, поскольку просто времени на разъяснительную кампанию в условиях стремительно закрывающегося «окна» возможностей не остается.

Очень удобно проводить реформы вслед за кем-то успешным. В случае Грузии — вслед за Мартом Лааром и Эстонией — ссылка на успешно работающий пример лучше многочасовых разъяснений. Но не всегда есть такая возможность.

Дополнительные страновые случаи

Латвия и стабилизация государственных финансов после кризиса 2008 г.

Латвийские консерваторы не были столь удачливы или эффективны, чтобы выдвинуть лидеров со столь ясным ви́дением перспективы и столь сильной политической волей, как Март Лаар. Реформы в этой стране были не столь удачны, хотя основные проблемы, стоявшие перед только начавшим свое возрождение гражданским обществом и молодым государством, они в 90-е гг. решили.

Для малой экономики вполне типична уязвимость к внешним шокам. Еще азиатский кризис 1997 г. показал, что одной из реакций на него инвесторов было бегство с новых рынков, риски на которых просчитать было сложнее, чем на рынках старых рыночных демократий. Сокращение доходов во время кризиса 2007—2009 гг. привело в Латвии к резкому росту бюджетного дефицита.

Характерно то, что всего за три года опасный уровень дефицита был сокращен без какого-либо политического давления извне, как в случае Греции. В 2009 г. дефицит бюджета центрального правительства превышал 9,5% ВВП, в 2012 г. составил «терпимые» 1,41% (см. рис. 14). Политическая воля к сокращению дефицита была проявлена консервативной правительственной коалицией правительством, опирающимся, как и в случае Эстонии, на специфический корпус избирателей. Это потомки граждан Латвийской Республики 1919—1940 гг. и натурализованных после 1991 г., для них действует институт всеобщего избирательного права. Колонисты и потомки колонистов советского периода 1945—1990 гг. были лишены избирательной привилегии.

Сильный национализм в обычной ситуации вовсе не блокирует перераспределительные тенденции. Однако в период кризиса он может облегчать принятие непопулярных мер, действительно необходимых для сохранения и укрепления национального суверенитета маленькой страны.

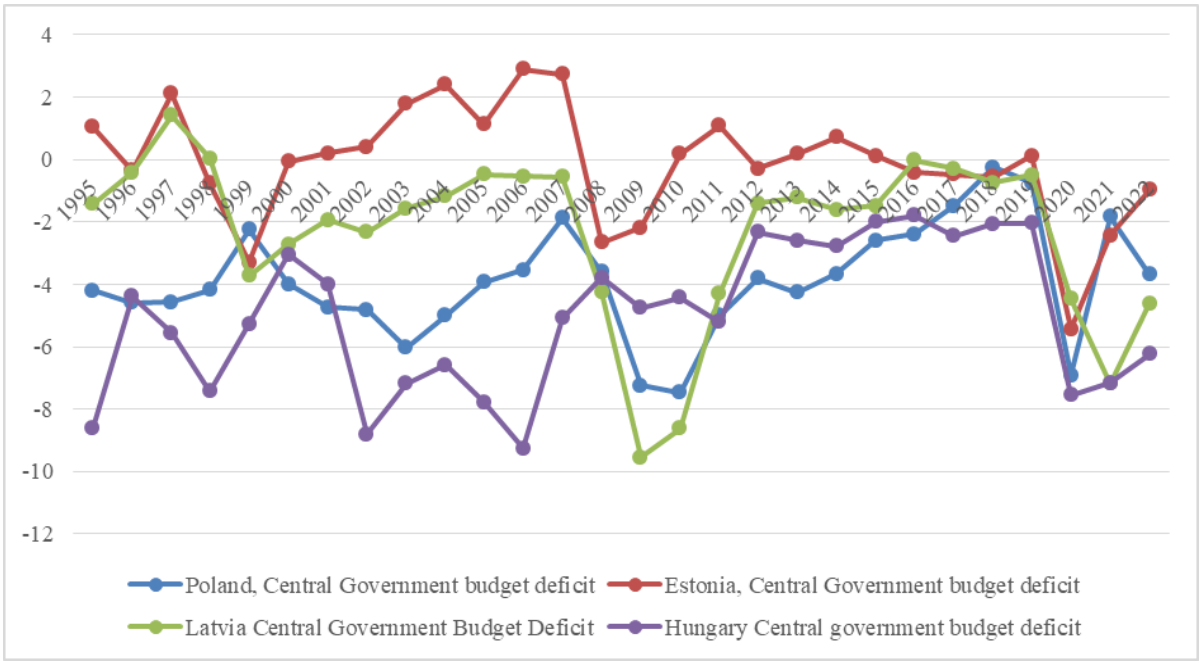

Рис. 14. Бюджетные дефициты Польши, Венгрии, Латвии и Эстонии в 1995—2022 гг.

Источники: OECD[404], портал официальной статистики Республики Латвия[405]

На графике видно, что бюджетный дефицит в странах, первыми в Центральной и Восточной Европе осуществивших, и достаточно успешно, переход к рынку — в Польше и в Венгрии, — как правило, был большим, нежели в Латвии и особенно в Эстонии.

Для сравнения: на следующем графике мы привели динамику бюджетного дефицита четырех старых рыночных демократий, включая две — Швецию и Германию, считающиеся образцовыми в смысле государственных финансов и способности балансировать бюджет.

Эстония выглядит неплохо даже на фоне этих стран.

[404] См.: https://data.oecd.org/gga/general-government-deficit.htm

[405] См.: https://stat.gov.lv/en (https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/economy/government-finance/tables/vfv010-main-aggregates-general-government).

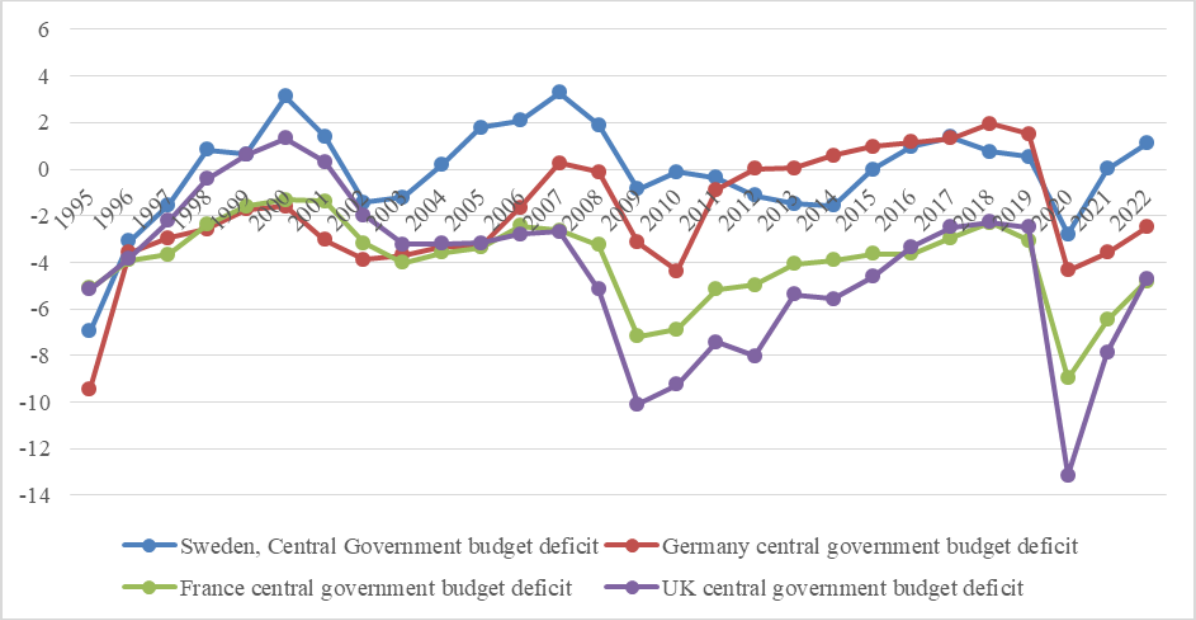

Рис. 15. Бюджетные дефициты нескольких развитых стран за 1995—2022 гг.

Источник: OECD.

Словакия: реформы правительства Миклоша Дзуринды

В Словакии с момента инициирования разделения Чехословакии к национальным традициям и идеям намного чаще апеллировали левые, этатистские партии. Надо заметить, что националистическая риторика подобна той самой коробке с дырочками, которую летчик Антуана де Сент-Экзюпери нарисовал для маленького принца, поместив туда барашка. В эту оболочку можно поместить почти любое содержание.

Можно призывать к сбалансированному бюджету, к низким налогам и привлекательному деловому климату с тем, чтобы экономически подкрепить национальную независимость и стать нацией-лидером экономического роста, на основе мощной и динамично развивающейся экономики и гарантированного права на вооруженную самооборону построить мощные вооруженные силы. Можно требовать и наводить с опорой на граждан порядок на улицах без скидок на принадлежность преступников к «ранее дискриминируемым меньшинствам». Можно добиваться свободы слова для создания условий для расцвета национальной культуры и т.д. Но также можно запугивать избирателя угрозой скупки всей страны враждебными по определению иностранными предпринимателями, соответственно — «утратой контроля» над национальными ресурсами; запугивать угрозой со стороны меньшинств, живших в стране веками и не создававших угроз ранее, преступностью, во имя борьбы

с которой надо изъять все оружие у граждан, тайными мировыми правителями; требовать дотирования «национальных» вещателей, кинопромышленности, издателей и защищать их от конкуренции со стороны всемогущих иностранцев и т.п.

В Словакии первый премьер-министр (1992—1998) Владимир Мечьяр (Vladimir Mečiar), премьер-министр в 2006—2010, 2012—2018 гг. и в настоящее время Роберт Фицо (Robert Fico) широко и успешно пользовались националистической риторикой социалистического, этатистского толка, в то время как почти все их оппоненты воздерживались от «эксплуатации националистических эмоций» (Burzova 2012).

Самым упорным антинационалистом стал наиболее успешный реформатор в истории Словакии, христианский демократ и консерватор (либерального толка) Микулаш Дзуринда (Mikuláš Dzurinda), премьер с 1998 по 2006 г. Под руководством Дзуринды в Словакии было проведено дерегулирование экономики и введен плоский подоходный налог[406]. Его реформы довольно быстро дали отдачу. Поскольку Дзуринда был лояльным ЕС политиком, его реформы получили весьма благожелательные отклики в Европе и за ее пределами. Однако полный отказ от национальной темы в сочетании со взятием на себя ответственности за практические любые действия евробюрократии поставили Дзуринду и его партию в невыгодное положение (выборы 2002 года дали его партии 15,1% голосов и позволили сохранить кресло премьера, выборы 2006 г. — по итогам реформ — 18,4% голосов, увеличение популярности явно несоразмерное достижениям (см. подробнее Дополнительные материалы к данной главе). Ситуация, видимо, усугублялась вхождением в правительственную коалицию Дзуринды «венгерской» христианско-демократической партии (MKP/SMK). Это облегчало мобилизацию против коалиции именно с использованием националистического запугивания.

В конце концов это привело к исчезновению проевропейских реформаторов с политической сцены по итогам выборов 2016 г. Самое неприятное — плоский подоходный налог в 2014 г. был отменен левой коалицией под предлогом необходимости изыскания средств для покрытия бюджетного дефицита (Horvath et al 2015; Barrios et al 2020).

Урок словацкой истории для консервативного реформатора видится вполне очевидным. Вы можете забыть о национальной и религиозной традициях, но не

[406] См.: http://www.cato.org/publications/commentary/tatra-tiger-may-be-endangered-opposition-market-reforms

надейтесь на то, что о них забудут ваши оппоненты и враги. Для консерватора сдача этих позиций — суть совершенно непростительная ошибка.

Венгрия: конституция 2011 года и «авторитаризм» Орбана

Венгерский консервативный опыт интересен, в частности, тем, что его важной составляющей стала новая, от 18 апреля 2011 г., Конституция Республики[407].

Конституция содержит в преамбуле упоминание христианства как фундамента национальной культуры и не содержит ссылок на ислам и на субкультуру феминисток-трансгендеров.

Авторы Конституции, однако, не включили в преамбулу ссылки на конкретные положения Библии и не установили обязанность судов относиться к преамбуле и нормам, на которые она ссылается как к источнику толкования законов.

Статья L (из раздела «Основных положений») напоминает о том, что семья есть союз мужчины и женщины (при этом авторы явно подразумевают биологический пол, а не «гендер» супругов).

Статья 5 закрепляет право человека на самооборону. Было бы существенно полезнее обозначить здесь право именно на вооруженную самооборону и утверждение о заведомой незаконности процедуры взвешивания чиновником или даже судьей «необходимости» или «соразмерности» действий обороняющегося. Также было бы полезным привести ссылку на библейскую норму «вор в подкопе» (Исход 22, 1), однозначно определяя ситуацию проникновения чужака в жилище как основание для открытия огня на поражение.

Статьи 36 и 37 Конституции пытаются ограничить экспансию расходов и осложнить наращивание государственного долга. Предложенный статьями механизм не обеспечивает полного блокирования необеспеченных доходами трат. Однако представляется, что это еще не самая большая проблема.

Без демонтажа социального государства и без упразднения всеобщей избирательной привилегии сохраняется механизм воспроизводства необеспеченных трат. С одной стороны, сохраняется давление бюрократов в пользу безответственных расходов. С другой, эти бюрократы и их политические союзники могут использовать

[407] См.: https://www.constituteproject.org/constitution/Hungary_2016 — неофициальный перевод на английский.

зависимых от бюджета (и от той же бюрократии) избирателей для давления на депутатов.

На практике мы видим, что, хотя в период после принятия Конституции — в 2012—2019 гг. дефицит бюджета сохранялся, ситуация заметно улучшилась по сравнению с предшествующим периодом (1995—2011). Возможно, в силу эффективности действующих норм, отчасти, очевидно, в силу того, что все эти годы сохранялось внушительное большинство в Парламенте той же партии, которая своими голосами и приняла Конституцию, т е. экзамен на эффективность нормы при ином правительстве и ином большинстве законодателей норма еще не прошла. Однако начиная с 2020 г. ничем научно не обеспеченная «мода» на принудительные карантины (локдауны), нанесшие серьезный ущерб экономике (Yanovskiy, Socol 2021; Yanovskiy, Socol 2022), успешно взломала ограничения. Капитуляция или намеренная поддержка политиками социальной бюрократии обусловила хотя и не катастрофический, но, безусловно, опасный бюджетный дефицит, начиная с 2020 г. Интерес национально-консервативных политиков во имя независимости (прежде всего от бюрократии ЕС) избегать и ущерба экономике, и заведомо неразумных расходов, очевидно, не уравновесил давления бюрократов и зависимых избирателей.

Чехия: люстрации и новые приоритеты

В 1991 г. в Чехословацкой Республике был принят закон о люстрациях. Обновленная его версия была утверждена в 1992 г.[408]

Закон ограничил возможности занятия определенных должностей бывшими служащими политической и офицерами обычной полиции тоталитарного государства.

Сами по себе меры, предусмотренные законом, были более чем умеренными. Государственная служба безопасности (StB) не была объявлена преступной организацией. Сами процедуры закона даже не упоминали уголовного преследования.

В Польше аналогичный закон был принят в 1997 г., т.е. уже после второй посткоммунистической ротации власти — после того как посткоммунисты сформировали свое первое демократически избранное правительство в 1993 г., а потом проиграли выборы в 1997 г. и снова оказались в оппозиции. В этом законе (Chmielewski 2010) предусматривались сценарии уголовного преследования (в случае подачи ложных сведений о себе), однако массового распространения они не получили (David 2003).

---

[408] См.: https://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/act451-1991.pdf

Ни в Чехии, ни в Польше политическая полиция тоталитарного режима не была объявлена преступной организацией, работа в которой сама по себе является составом преступления (по нюрнбергскому образцу).

Из общих политико-экономических соображений понятно, что подобные процедуры особенно важны на самом старте реформ для того чтобы парализовать и дезорганизовать сопротивление им со стороны наиболее опасных, лучше всех подготовленных к такому сопротивлению групп. В этом смысле чехословацкий подход сработал, видимо, лучше просто потому, что сам закон был принят раньше. Это иногда отмечается и в литературе (David 2003; Krotoszyński 2022).

Потенциально, в случае, когда такого рода службы (как это обычно и бывает) повинны в убийствах, возможно более раннее принятие законов, наносящее удар по их способности вмешиваться в политику, открывает возможность и для последующего преследования конкретных преступников с кровью на руках.

Возможно, самое важное в самом факте принятия законов о люстрациях против бывших лидеров тоталитарного режима и их охранных структур (политической полиции) — его моральное значение. Линия, отделяющая заведомых преступников от остального общества, должна быть проведена, и чем яснее и глубже, тем лучше.

***

С 24 февраля 2022 г. совсем недалеко от чешской границы армия российского диктатора пытается уничтожить независимое демократическое государство — Украину. Руководство Чешской Республики — коалиция консервативных партий, равно как и консервативный генерал — президент Республики Петр Павел (Petr Pavel), несомненно, понимают значение событий на Украине для безопасности своей страны. Нельзя сказать, что Чехия не оказывает помощь Украине. Однако в связи с упомянутым выше в главе IV (США, «Приступ торизма...») сюжетом о нехватке боеприпасов — «снарядном голоде» нельзя не заметить следующее.

Промышленно и технически развитая Чехия в случае защиты бизнеса на своей территории от всевозможных правительственных регуляций и при закупке оружия и боеприпасов исключительно на основании цены и качества была бы в состоянии одна и обеспечить свои нужды, и полностью покрыть потребность украинской армии (к примеру, 200 тыс. 155-миллиметровых снарядов в месяц). Использование обычной, стандартной современной техники открывает возможности для этого с вполне приемлемыми издержками.

Разумеется, для принятия таких мер, которые не обрадовали бы бюрократию ЕС и власти других стран ЕС, необходима политическая воля и приоритет классических консервативных ценностей Limited Government, государства — «ночного сторожа».

Между тем, среди приоритетов чешских консерваторов остается политика изнасилования бизнеса во имя крайне левой идеологии, разделяемой партнерами по ЕС[409]. В частности, правительство подготовило законопроект, заставляющий акционерные общества резервировать места в советах директоров для женщин[410].

Некоторые коллеги утверждают, демонстрируя чудеса интеллектуальной гибкости, что облегчение регулирования само по себе снижает гендерный разрыв, однако, если не принуждать бизнес, то гендерное равенство наступит только через 260 (!) лет, а значит, подождать никак нельзя [411].

Идея о том, что принуждение бизнеса властями может помочь бизнесу быть более конкурентоспособным, основана на допущении о том, что профессора и чиновники знают все детали работы рынка и замыслы «невидимой руки» (т.е. Всевышнего). Таким образом, профессора и чиновники являются, как минимум, божьими ангелами — «по должности».

Основываясь на столь прочной интеллектуальной базе, чешские консерваторы делают выбор, который приведет к тем же «блестящим» результатам, что и в США — к снижению возможностей приобретения оружия и боеприпасов не в разы, а на порядки. Этим они ставят под угрозу безопасность Чехии.

Россия: консервативные проекты 90-х гг.

«Память» Д. Васильева так и не сумела выйти из маргинального состояния, хотя Васильев и пытался участвовать в общественно-политической жизни. В 1993 г. он поддержал Б. Ельцина как на референдуме 25 апреля 1993 г., так и во время событий сентября—октября 1993 г. В 1995 г. он выдвинул свою кандидатуру по Чертановскому округу № 204 Москвы, но набрал лишь 3,49% голосов. В 1999 г. Васильев выдвинул свою кандидатуру в мэры Москвы, но набрал ровно 1% голосов. После этого он фактически отошел от политики, уехав в деревню. Умер в 2003 г.

Осколки РП влились в ряды красно-коричневой оппозиции, поддерживавшей Верховный совет против Ельцина. В 1992 г. был создан Фронт национального спасения, называвший себя «объединенной оппозицией». Основную роль в нем играли, конечно,

---

[409] См.: https://reform-support.ec.europa.eu/system/files/2023-10/Gender%20Equality%20in%20the%20Czech%20Republic%20-%20OECD.pdf

[410] Пакет документов законопроекта см. на правительственном сайте: https://odok.cz/portal/veklep/material/ALBSD22JLXYD/ALBSD22KR8QF

[411] См.: https://www.nes.ru/files/EVENTS/презентация%20Н.Волчковой_Nov%2019_site.pdf

коммунисты — Российская коммунистическая рабочая партия В. Тюлькина и В. Анпилова и Коммунистическая партия Российской Федерации Г. Зюганова. Несколько политиков с имиджем национал-демократов типа Михаила Астафьева или Виктора Аксючица там никакой роли не играли.

Однако в 1994 г. в Государственной Думе появилась консервативно-либеральная группа, затем фракция (для фракции требовалось 35 депутатов, их набрали к 27 апреля 1994 г., затем опять группа «Либерально-демократический союз 12 декабря» (фракция потеряла численность и была ликвидирована 7 декабря 1994 г.) во главе с бывшим вице-премьером и министром финансов Борисом Федоровым. Он был избран в Госдуму по Юго-Восточному одномандатному округу № 205, будучи выдвинут «Выбором России», но во фракцию «Выбора России» входить не стал, а создал собственную депутатскую группу. Возможно, на это решение повлияла взаимная неприязнь к лидеру «Выбора России» Егору Гайдару, хотя их экономические взгляды были близки, возможно, личные амбиции, но раз он отделился, то пришлось придумывать и идеологическое обоснование.

В области экономики Федоров был сторонником жесткой денежно-кредитной политики, дерегулирования экономики и приватизации. За год работы в Правительстве (он пришел туда в январе 1993 г.) инфляция снизилась с 25,8 до 12,5% в месяц, была прекращена практика льготного кредитования бывших союзных республик — теперь они получали кредиты только по рыночным процентам. В 1994 г. — начале 1995 г. Б. Федоров резко критиковал правительство Черномырдина за проинфляционную и эмиссионную политику, которая в итоге привела к «черному вторнику» — девальвации рубля почти на 40%. Возможно, подтверждение правоты Федорова в том числе привело к тому, что с марта 1995 г. правительство резко ужесточило денежно-кредитную политику и инфляция вошла в приемлемые рамки (с 17,7% в месяц в январе 1995 г. до 3,2% в декабре 1995 г.). Б. Федоров писал: «Вряд ли требует особых доказательств очевидная истина о том, что людей волнуют прежде всего цены, а конкретнее — их рост, то есть инфляция. Только снижение инфляции почувствуют все и каждый. Фетиш производства ради производства, ненадежные цифры объема производства или закупок за ужином не скушаешь. Никто в мире пока не изобрел ничего нового по сравнению со снижением бюджетного дефицита путем сокращения расходов, увеличения доходов (в том числе за счет налогов), ужесточения денежно-кредитной политики (прежде всего

повышения процентных ставок). Мы уже восемь лет издеваемся над страной, вместо того чтобы за год получить нормальные деньги»[412].

Но высказывался Б. Федоров и по поводу политических проблем: «Главный принцип нашего федерализма — единая и неделимая Россия... По существу, сегодня речь должна идти о воссоздании государства, так как не действуют законы, и их прежде всего игнорирует сама власть. Первое — обеспечение единого статуса субъектов федерации, отмена незаконных договоров Центра и субъектов федерации, любых экономических привилегий, дискриминирующих другие регионы. Действия, направленные на развал России, должны квалифицироваться по закону как преступные. Необходимо бороться с национализмом в отношении некоренных национальностей на территориях национальных республик, предотвратить незаконную миграцию в Россию»[413].

В декабре 1994 г. Б. Федоров (один из немногих политиков с имиджем либералов) поддержал ввод войск в Чечню, что повлекло за собой выход из фракции еще нескольких депутатов и ее сокращение ниже необходимого минимума. Вообще, надо сказать, что Федоров придерживался довольно авторитарных манер, вследствие чего насчитывавшая еще в апреле 1994 г. 38 депутатов фракция к декабрю 1995 г. пришла с 12 депутатами. В апреле 1995 г. из фракции вышла вторая более-менее известная в стране фигура — И. Хакамада. В феврале 1995 г. Б. Федоров объявил о создании движения «Вперед, Россия!» — это было явное подражание консервативному политику Сильвио Берлускони, недавно выигравшему парламентские выборы во главе движения «Вперед, Италия!» Представители движения выдвинули свой список, переоценив свои силы и вместе с аналогичными действиями других считавшихся либеральными сил привело к тому, что в Думу прошло лишь «Яблоко», а «Выбор России», «Вперед, Россия!» и прочие не прошли. Разумным было бы создать коалицию на базе более крупного «Выбора России», но этому мешали разногласия по войне в Чечне и взаимная личная неприязнь лидеров. На съезде летом 1995 г. была выдвинута программа «Вперед, Россия! Либеральный план для России», носившая отчетливо консервативный характер. Впрочем, ранее мы писали, что консерватизм и либерализм соприкасаются, и во многих странах консервативные партии носят название «либеральных» (Япония, Австралия,

---

[412] *Федоров Б.* Заметки об очевидном. С. 15—16.

[413] Политические партии современной России и национальный вопрос. Сборник документов. С. 200—202.

Дания как самые яркие примеры). Из отличительных программных требований стоит отметить: равный статус для всех субъектов Федерации, депортация нелегальных мигрантов, готовность к воссоединению с Украиной и Беларусью, прекращение кредитования стран СНГ.

Официальный лозунг гласил: «Патриотизм, дело, порядок!» Выпущенные массовым тиражом календари с портретом Федорова были подписаны: «Земля — крестьянам, тюрьма — бандитам!» В тройке списка за Федоровым следовали: Бэлла Денисенко, депутат из Кемерово, вышедшая из ДВР Гайдара из-за разногласий по Чечне, и Александр Владиславлев, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей. Недостаток средств на кампанию Федоров попытался решить за счет привлечения в список представителей малого и среднего бизнеса, таких как, например, вошедший в верхнюю, общефедеральную часть списка (максимальные 12 человек общего списка, далее должны были идти региональные корзины) Роман Гаврилов, тогда один из богатейших людей Ставропольского края. Большую же часть личных средств Федоров потратил на собственные перевыборы по 205-му округу Москвы. Однако, увы, регионалы тоже предпочитали тратить деньги на собственные округа, видимо, не сильно веря в перспективы прохождения списка. Был еще, правда, ресурс еженедельных колонок в газете «Известия»: с тогдашним главным редактором Игорем Голембиовским Федоров поддерживал дружеские отношения. Но тираж «Известий» составлял лишь сотни тысяч экземпляров и падал. В итоге список проиграл, набрав 1,94%. Кстати, если бы было объединение с «Выбором России» (3,86%), то единый список, видимо, проходил бы. По округам было избрано трое депутатов — кроме самого Федорова в Москве избрался Александр Жуков, затем возвысившийся при Путине до вице-премьера, а в Свердловской области — Андрей Селиванов.

Характеризуя кампанию, политолог Антон Чекалин разумно написал: «...можно сказать, что Б. Федоров тонко чувствовал электоральные тренды и во многом опередил свое время, выдвигая тезисы, которые вскоре станут обсуждаемыми или даже общепринятыми. И, как это часто бывает, сам во многом стал жертвой этого обстоятельства и не смог добиться нужного результата, предлагая свои идеи тогда, когда

общество еще не готово было их принять, и потому его детище — “Вперед, Россия!” не смогло стать полноценной политической силой»[414].

Движение после выборов впало в анабиоз, но личная политическая карьера Федорова продолжалась. В 1999 г. он сначала планировал участвовать в списке СПС, но в итоге вошел в список движения «Наш дом — Россия». Это оказалось ошибкой, список НДР не прошел, а СПС прошел. Перевыборы по округу он также проиграл Елене Паниной — кандидату лужковского ОВР. Федоров также выдвигался в губернаторы Московской области, занял 5-е место с 9,15%. В последний раз Федоров поучаствовал в выборах в 2003 г., опять выдвинув кандидатуру в «своем» округе на юго-востоке Москвы и вложив немало средств в кампанию. Примечательно, что главой его штаба стал Александр Белов (Поткин), будущий лидер «Движения против нелегальной иммиграции». Программа кампании и лозунги были под стать главе штаба (Чемакин 2018[415]). Речь шла о защите интересов русских за рубежом, визовом режиме со странами СНГ, возможности получения гражданства нерусскими только по решению Президента РФ и напротив, автоматическом праве на гражданство для русских. Разрешение на работу в России для иностранцев должно осуществляться по квотам (например, не более 200 тыс. в год). Депортация нелегальных мигрантов. Несмотря на дорогую кампанию, выборы Федоров опять проиграл Е. Паниной, заняв 2-е место с 13,1%.

Б. Федоров написал несколько книг — как по экономике (самые известные — «Англо-русский банковский словарь» и «Все министры финансов России и СССР. 1802—2004», исследование по экономике 90-х гг. «10 безумных лет. Почему в России не состоялись реформы»), так и книги о Петре Столыпине, и спонсировал издание ряда книг сторонних авторов. Занимался бизнесом, будучи миноритарным акционером «Газпрома». В 2008 г. Федоров неожиданно скончался от инсульта. Ему был всего 51 год.

Следующей попыткой создания консервативной политической силы стало движение «Наш дом — Россия» Виктора Черномырдина. Забегая вперед, скажем, что мы не будем, говоря о нулевых, рассматривать как консерваторов новую партию власти — «Единую Россию» не только потому, что она стала полностью совпадать и с федеральной, и с региональной властью (почти во всех регионах, кроме нескольких,

---

[414] *Чемакин А.* Движение «Вперед, Россия»: опыт возрождения русского национал-либерализма // Вопросы национализма. 2018. № 31. С. 63.

[415] См.: https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-vpered-rossiya-opyt-vozrozhdeniya-russkogo-natsionalizma-liberalizma

отданных Кремлем «системным партиям»), но и главным образом потому, что в результатах выборов, начиная с 2003 г., есть серьезные сомнения. Поначалу речь идет о миллионах (2003), а затем и свыше 10 млн голосов (2007-й и последующие годы). А собственно результаты на выборах — это главный критерий оценки любой политической силы в демократической стране.

Однако «Наш дом — Россия» мы сочли возможным включить в нашу книгу: в те годы у НДР не было монополии на региональную власть, а выборы за исключением нескольких национальных республик проходили честно. Основной причиной создания НДР стало резкое охлаждение отношений между «Выбором России» Егора Гайдара и властью. В январе 1994 г., после относительной неудачи на выборах, Гайдар покинул правительство, но тем не менее, его партия была довольно надежной опорой власти в парламенте, кроме того, в правительстве в качестве вице-премьера оставался Анатолий Чубайс. В конце 1994 г. «Выбор России» резко выступил против войны в Чечне. Резко, но не единогласно. Фракцию покинула примерно треть депутатов, вошедших в новые проправительственные фракции «Россия» и «Стабильность». 25 апреля 1995 г. Борис Ельцин заявил, что предложил премьеру Виктору Черномырдину и спикеру Государственной Думы Ивану Рыбкину создать правоцентристскую и левоцентристскую партии. К слову, несмотря на очень крупный бюджет, проект Рыбкина полностью провалился на выборах, набрав всего 1,11%.

Учредительный съезд движения НДР состоялся 12 мая 1995 г. Была принята программа[416], в преамбуле которой подчеркивалось, что участники движения — люди дела, которые против революционных изменений. Выдвигался лозунг «сильного государства» и говорилось: «Мы обеспечим увеличение государственных расходов в социальные отрасли, являющиеся базой духовного развития: образование, культуру, науку». Кроме того, заявлялось о «стремлении к цивилизованному развитию страны через обеспечение гарантий прав и свобод личности, поощрение творческой инициативы народа», а также о «поддержке православной церкви и других традиционных для России конфессий» и против «деятельности тоталитарных сект и зарубежных проповедников», предлагалось сократить численность и повысить эффективность госаппарата, поставив его под контроль общества.

[416] См.: https://www.permgaspi.ru/politads/files/1278.pdf

В части обороны и безопасности предлагалось перейти к профессиональной армии; в области внешней политики — восстановить общее экономическое пространство, способствовать всем формам интеграции в рамках СНГ. Также речь шла о защите прав и свобод соотечественников в ближнем зарубежье, соблюдении прав русских национальных общин. В области экономики речь шла о «придании либеральным началам хозяйственной жизни России ощутимого социального измерения», снижении налогового бремени и упрощении налоговой системы, разумном протекционизме, «адресной финансовой поддержке наиболее перспективных и социально значимых производств». В сфере сельского хозяйства говорилось о развитии частной собственности на землю, «взвешенной государственной поддержке аграрного сектора».

И еще о многом другом говорилось, что можно трактовать как «за все хорошее, против всего плохого». Тем не менее, определенные идеологические маркеры в программе были расставлены, например, профессиональная армия или частная собственность на землю. Не все они кажутся нам разумными, например, настойчивое декларирование «интеграции» с постсоветским пространством, очевидно, что такая «интеграция» экономически невыгодна России как наиболее богатой постсоветской стране (за исключением Прибалтики, которая, очевидно, интегрироваться хотела с Европой, а не с Россией). Борис Федоров, скажем, предлагал интегрироваться с Украиной и Беларусью, что также было экономически невыгодно, но прямо объяснялось близостью славянских народов.

3 сентября 1995 г. завершился второй этап очередного съезда движения и был сформирован предвыборный список. Его возглавили: Черномырдин, популярный в те годы кинорежиссер Никита Михалков, и командующий Волгоградским восьмым гвардейским корпусом Лев Рохлин, который, по общему мнению, в отличие от многих других военных соединений, неплохо проявил себя в чеченской кампании. Если тройку можно назвать подобранной довольно удачно, то этого нельзя сказать о первых двенадцати, которые должны были получить мандаты, до территориальных групп.

Например, 5-е место было отдано некоей Дании Каримовой, врачу из Татарстана, чье имя ничего не говорило не только во всей России, но и для большей части жителей Татарстана. В ядре списка оказался Владимир Кинелев, министр образования, вряд ли популярный у своих подопечных, учитывая их низкие зарплаты. Казачество было представлено неким Александром Мартыновым, «государственным казаком», судя по результатам выборов в казачьих районах, никого не представлявший. Деревню

представлял руководитель Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств с еще худшим результатом, в сельских районах НДР часто вообще не преодолевала барьер. Были, конечно, и удачные кандидаты — нобелевский лауреат Жорес Алферов, актриса Галина Волчек, но в целом складывалось ощущение, что список формировался исходя не из электоральных раскладов, а симпатий либо самого Черномырдина, либо тех, кто имел к нему доступ и «забегал».

Скандальная ситуация сложилась с членами депутатских групп «Россия» и «Стабильность», а это более семи десятков человек, примерно половина из которых были одномандатниками. Большая их часть не была выдвинута ни на проходные места в списке, ни в округах. В итоге они даже заявили о выходе из движения НДР, в котором состояли коллективными членами. Об этом, конечно, кроме политологов мало кто узнал, и публичный ущерб был минимальным, но дело было в другом. Действующий депутат по округу — это обычно ценный ресурс, человек со связями и авторитетом, при прочих равных у него больше шансов избраться. Это обстоятельство руководство НДР проигнорировало.

Ставка была сделана на губернаторов, многие из которых вступили в НДР, но многие — только номинально и как минимум клали яйца в разные корзины, а как максимум — работали на другие партии. Показательна ситуация с пензенским губернатором Анатолием Ковлягиным, который был избран при поддержке КПРФ, «отрядил» в НДР своего заместителя, но фактически власть там поддерживала КПРФ, и движение НДР в итоге не преодолело 5%-ный барьер. Где-то привлечение губернаторов пошло исключительно во вред, как крайне непопулярного Михаила Кислюка в Кемеровской области, где НДР набрало менее 4% голосов.

Выборы проходили в неприятной политико-экономической ситуации. Буквально за полгода произошел шокирующий теракт в Буденновске, показавший, что боевики вовсе не разгромлены, как об этом сообщают по телевизору. Инфляция снижалась, но появилась новая проблема. В условиях широкой денежной эмиссии проблем с выплатами зарплат и пенсий не было. Теперь же денежная стабилизация не сопровождалась бюджетной и налоговой. Бюджеты были заведомо нереалистичными, налоги правительство собирало плохо. Задержки зарплат и пенсий достигали 2—3 месяца, где-то больше, где-то меньше.

Не отличалась оригинальностью, мягко говоря, избирательная кампания. И по телевизору, и в наружной агитации использовалась одна и та же картинка —

Черномырдин, соединяющий руки «домиком» на фоне цветов российского флага и подпись: «Если дорог тебе твой дом».

Наконец, на центристское или правоцентристское электоральное поле претендовали и многие другие — от Бориса Федорова и Егора Гайдара до «Блока Ивана Рыбкина» или «Аграрной партии».

Итог был довольно скромный: 10,13% по списку (45 депутатов) и 10 человек по одномандатным округам. Если не брать республики Кавказа и Поволжья, в результатах в которых можно усомниться, то лучшие результаты были получены в небольшом богатом Ямало-Ненецком округе, где Черномырдин начинал свою карьеру (23%), Москве, благодаря поддержке мэра Юрия Лужкова, хотя сам он лично в НДР вступать не стал (19%), и маленьком и тоже богатом Чукотском автономном округе (17%). При этом были и регионы, где движение НДР вообще не преодолевало барьер. К фракции НДР примкнула часть самовыдвиженцев, и ее показатели чуть улучшились до 67 человек, но этого все равно было маловато. Но главное было даже в другом. Итоги выборов 1995 г. можно преподавать студентам-политологам как наглядный пример недостатков пропорциональной избирательной системы. Так, 47% избирателей проголосовало за партии, не прошедшие барьер. При этом КПРФ заняла первое место с 22,3% с большим отрывом от занявшей второе место ЛДПР (11,18%). Таким образом, получив 22,3% по спискам, КПРФ получила 34,9% мест за счет перераспределения голосов от непрошедших партий. На выборах 1999 г., для сравнения, КПРФ получит еще больший процент голосов (24,29%), но за счет того, что в этот раз за непрошедшие партии проголосует немного, а «Единство» отстанет от КПРФ совсем чуть-чуть, да еще будет не столь успешна по округам, как в 1995 г., КПРФ не только не увеличит представительство но и серьезно (на 44 места!) его сократит.

Таким образом, в парламенте возникло коммунистическое большинство в виде трех фракций: КПРФ, «Агропромышленная группа» (по округам АПР выступала неплохо, и КПРФ отрядили туда часть депутатов, чтобы добраться до необходимых для регистрации фракции 35 мандатов) и «Народовластие» (им КПРФ помогло также). Для принятия решений приходилось постоянно торговаться с ними. О реализации программных идей НДР типа профессиональной армии, снижения налогов и частной собственности на землю в этих условиях оставалось только мечтать,

В марте 1998 г. НДР получило нокаутирующий удар от Бориса Ельцина. Недовольный медлительностью правительства в условиях надвигающегося на Россию «азиатского» финансового кризиса, он отправил правительство Черномырдина в

отставку. Из премьера Черномырдин вдруг оказался, говоря строгим юридическим языком, «временно неработающим», т.е. безработным. Конечно, к выборам 1999 г. ему выправили трудовую книжку в самом представительстве движения НДР. Однако нужно было предпринимать какие-то неординарные шаги для спасения ситуации. Черномырдин в конце марта 1998 г. даже заявил о намерении выдвинуться в президенты, но более к этой теме не возвращался — по рейтингам было понятно, что без шансов.

К весне 1999 г. стали формироваться губернаторские предвыборные блоки — «Отечество» и «Вся Россия», потом они объединились. Туда и направились все те, кто вчера числился в НДР. Летом 1999 г. администрация Президента стала вести переговоры о создании блока «Единство», переманивая туда оставшихся губернаторов. Сохраниться в политике НДР можно было либо через какой-то экстраординарный шаг (например, не выдвигая в тройке Черномырдина и найдя какую-то популярную личность, вокруг которой построить кампанию, тем более что избрание Черномырдина в округе на Ямале было фактически гарантировано), либо через коалицию — например, с правыми либералами, которые тогда создавали «Правое дело» (затем переименовавшееся в «Союз правых сил») и которые тоже были не уверены в прохождении барьера. Такие переговоры шли, но успехом не увенчались. В итоге НДР выдвинуло отдельный список. Тройку возглавили Черномырдин, глава фракции НДР в Государственной Думе, молодой политик Владимир Рыжков и экзотический саратовский губернатор Дмитрий Аяцков. Денег на кампанию было совсем немного, но и по рейтингам было видно, что, видимо, и с деньгами шансов было очень мало. Список с треском проиграл, набрав 1,19%. Сам Черномырдин, правда, избрался в регионе, где он сделал карьеру — в Ямало-Ненецком автономном округе одномандатником, но было понятно, что сидеть одиночкой, нажимать кнопки, ни на что не влияя, для человека с такой биографией будет скучно. Воспользовавшись предложением нового Президента, вскоре Черномырдин становится послом России в Украине и завершает свою политическую карьеру.

Какие выводы мы можем сделать из истории НДР? Прежде всего, консерваторы должны опасаться смычки с государственным аппаратом, движимым корыстными целями (получить финансирование из Центра, льготы и т.п.). Конечно, придя к власти, надо помогать своим, а не чужим, но «свои» это должны быть идейно свои. У НДР было четыре года после выборов 1995 г., чтобы попробовать выстроить какую-то четкую идейную линию, усилив, например, там консервативную составляющую, выдвинув

лозунги что-то вроде ограничения абортов, как пример, возможно, и что-то другое, но этого сделано не было. Итог закономерен.

Основной «мейнстримно-консервативной» партией 1990-х — начала 2000-х гг. была партия «Демократический выбор России», ставшая основой Союза правых сил (СПС) (Nordsieck 2024, 527—539). СПС формально входил в International Democratic Union[417] — организацию правоцентристских, умеренно консервативных партий до своего роспуска в 2008 г. Главным критерием консервативности ДВР — СПС была приверженность лидеров партии минимально ответственной экономической политике. Своего рода фискальный консерватизм в довольно мягкой форме. Ориентиром для партии служил сбалансированный бюджет при низких налогах. Партия была инициатором введения плоского подоходного налога (Вторая часть Налогового кодекса, вступившая в силу с 1 января 2001 г.). Одним из приоритетов партии была военная реформа с требованием отказа от призыва и перехода к профессиональной армии.

При этом партия была довольно равнодушна к проблематике государственного вмешательства в дела семьи, не проявляла никакого интереса к религиозной и национальной традиции. Один из лидеров и живых символов партии — Егор Гайдар завидовал восточноевропейским коллегам, для которых проведение рыночных реформ естественным образом ассоциировалось с разрывом с коммунистическим прошлым и, одновременно, с национальным освобождением, т.е. реформы проходили там в состоянии, которое Гайдар неформально определил как «националистическая заморозка, анестезия». Это выражение неоднократно использовалось им в обсуждениях, в том числе с участием авторов. В России — бывшем центре империи Гайдар видел главную угрозу рыночной демократии в имперско-националистических настроениях. И нельзя сказать, что сильно в этом заблуждался. Однажды он писал о том, что по мере привыкания граждан к статусу полноправного собственника и потому гражданина сформируется новый патриотизм (Гайдар 1994). Слово «национализм» в позитивном контексте он не использовал. Неумение мобилизовать национальные и религиозные чувства на благо реформ, безусловно, можно поставить в вину СПС. Однако тут стоит вспомнить пример Словакии, описанный выше, где М. Дзуринда, ставя на «европейские ценности», сдал тематику национальных интересов и религиозной традиции противникам экономических реформ.

[417] См.: https://www.idu.org/members/

Как бы то ни было, жесткий отказ от защиты национальной и религиозной традиции (один из соавторов был даже исключен из СПС за контакты с националистами) дорого обошелся партии, и она, хотя и позднее, чем НДР, сошла с политической арены.

Стоит отметить, что даже те, кто пытался мобилизовать поддержку, апеллируя к национальной традиции, явно проигрывали ловким и неограниченным моралью популистам В. Жириновскому, а позднее Д. Рогозину. Следовательно, для того чтобы получать дивиденды от националистической риторики, надо уметь встроить требования и позиции классического консерватизма (либерализма) в национальный контекст, что вполне реально — экономическая свобода, несомненно, приводит к усилению и общества, и национального государства. И убогий национализм нищеты куда менее прочен, чем патриотизм свободного человека (что доказано примерами из истории Великобритании, США, Канады — см. феномен массового военного добровольчества, когда более половины сражающейся армии была укомплектована добровольцами[418]). Но Борису Федорову это не слишком удавалось, а Алексей Навальный оставил опасную националистическую риторику. Очевидно, ради привлечения в свою коалицию левых «проевропейских» либералов, т.е. кратковременно укрепил свой актив, пожертвовав долгосрочной перспективой электорального успеха, что в условиях отсутствия свободных выборов казалось разумным компромиссом.

Консервативные движения в России после 2000 г. (2000—2013)

Для начала повторим тезис, который мы уже упоминали в прошлой главе — мы не относим к консервативной политической силе «Единую Россию». По нескольким причинам. Во-первых, потому что ее позиции по ключевым вопросам менялись вслед за Президентом и правительством на противоположные. К примеру, в 2000 г. они поддержали снижение налогов, а начиная с 2008 г. стали поддерживать их увеличение. В 2000 г. — августе 2004 г. они поддерживали выборность губернаторов, после стали выступать за их отмену, с 2012 г. — за их возвращение и т.д., и т.п. Это, кстати, то, что отличает их от предыдущей партии власти — «Наш дом — Россия», чьи позиции по ключевым позициям не менялись. Во-вторых, ключевой показатель поддержки парламентской партии — это результат на выборах. Однако уже начиная с 2003 г. эти

[418] См. подробнее «Возможности эффективных частных решений для обороны» (Яновский, Черный 2016; https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2814525

результаты крайне сомнительны. Авторитетные аналитики и математики, такие как Сергей Шпилькин, предполагают вброс более миллиона голосов уже в 2003 г., а с 2007 г. — уже более 10 млн голосов.

Однако в нулевые годы происходит распад характерной для 90-х гг. коалиции красно-коричневых, как ее называли либералы, или «Союз красных и белых», как это именовал А. Проханов, в котором националисты выступали в качестве бесплатной рабочей силы, сначала антиельцинского большинства Верховного совета РФ, а затем — КПРФ и ЛДПР. Приходит осознание собственных интересов и необходимость собственной самоорганизации.

В 2002 г. в подмосковном Красноармейске армянин в баре ранил ножом русского (агрессивное поведение представителей армянской диаспоры отмечалось и ранее), в итоге вспыхнули беспорядки с нападением на армян. Несколько участников беспорядков были задержаны. 12 июля 2002 г. состоялся несанкционированный митинг, на котором потребовали освободить задержанных. На митинге было объявлено о создании Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), ставшего примерно на 10 лет основной организацией русских националистов.

Фактическим главой организации стал Александр Белов (Поткин), первое время он называл себя «фронтменом», чтобы подчеркнуть то, что организация не носит лидерского характера. На самом деле она, конечно, его носила, хотя формальным руководителем организации одно время числились Владимир Басманов (родной брат Белова) и Владимир Ермолаев. Белов окончил РГГУ и Московский экстерный гуманитарный университет по специальностям «Информатика» и «Юриспруденция». Был пресс-секретарем общества «Память» на закате его существования. В 2003 г. возглавлял штаб Бориса Федорова на выборах в Госдуму. Первое время движение носило сетевой характер и фактически единственным его публичным лицом был Белов. Последний говорил о том, что он представляет «национализм в галстуке» и выступает только за законные методы борьбы, вообще он был хороший оратор, одетый как говорится «с иголочки».

Это явно контрастировало с предыдущим поколением, часто одетым в какие-то причудливые косоворотки, носившим которые хотелось дать совет помыть голову во всех смыслах этого слова. ДПНИ принимало участие в различных митингах правого толка, а иногда организовывали и собственные акции — такие, например, как пикет у посольства Катара против преследования ликвидаторов чеченского террориста

Зелимхана Яндарбиева[419], против установки памятника Гейдару Алиеву. Особенностью ДПНИ, однако, долгое время была готовность оперативно присоединиться к чужой акции и захватить на ней инициативу, пользуясь численным преимуществом. 4 ноября 2005 г. такое событие оказалось знаковым.

В годовщину объявления 4 ноября Днем народного единства вместо коммунистического праздника 7 ноября пропутинская организация «Евразийский союз молодежи» отнюдь не молодого Александра Дугина решила провести шествие, которое должно было носить лоялистски-патриотический характер. К ним было предложено присоединиться прочим национал-патриотическим организациям[420]. Однако, когда шествие началось, оказалось, по числу флагов и людям в колоннах абсолютно доминирует ДПНИ и дружественный ему Славянский союз. Они буквально согнали с трибуны «евразийцев» и взяли инициативу в свои руки. Прозвучали речи не о борьбе с Западом, а о засилии мигрантов и покрывательстве властей. «Правый марш» сделал ДПНИ явным лидером среди националистов.

Первое время ДПНИ позиционировали себя как тематическая, надпартийная организация, которая ни за власть, ни против власти, и открыта для всех, кто разделяет лозунги борьбы с незаконной миграцией. Однако по мере того, как власть стала противодействовать им, ДПНИ стало использовать четко оппозиционную риторику. Это стало видно уже в следующем, 2006 г. Когда в сентябре 2006 г. произошли беспорядки на этнической почве в карельском городе Кондопога (шестеро выходцев из Чечни и Дагестана убили двух русских), Белов прибыл в регион, он был без особых причин задержан. Ситуация резко обострилась при подготовке теперь уже по названию не «правого», а «Русского марша». Был создан широкий оргкомитет, куда кроме Александра Белова вошел недавно выжитый с поста руководителя партии «Родина», но тогда все еще популярный Дмитрий Рогозин, публицист Константин Крылов, ряд депутатов Государственной Думы, актер Василий Лановой, писатель Елена Чудинова (автор неплохого вообще и культового среди националистов в частности романа «Мечеть Парижской Богоматери») и даже патриарх националистического движения Игорь Шафаревич[421].

---

[419] Исполнители были схвачены, в ответ Путин арестовал в Москве катарских спортсменов. В итоге состоялся обмен.

[420] Подробности подготовки см., например, здесь: Горский Ю. Русский правый марш: как это было на самом деле. https://www.apn.ru/publications/article18236.htm

[421] Оргкомитет русского марша реорганизован (https://www.apn.ru/news/article10707.htm).

В качестве наблюдателя, как он это характеризовал, на оргкомитет пришел и Алексей Навальный, далее с 2006 по 2011 г. он будет участвовать в этих регулярных акциях. Было подано несколько заявок на шествие по различным маршрутам, но они не только не были удовлетворены, но и вопреки закону организаторам не было предложено никаких альтернативных вариантов. Тогда оргкомитет объявил, что марш состоится в любом случае, так как Конституция гарантирует права на свободу демонстраций. Чтобы не дать властям подготовиться именно в том месте, где марш будет назначен, было объявлено, что марш состоится в 12:00, а место его проведения будет накануне выложено на сайтах ДПНИ и специальном сайте namarsh.

Стикеров с рекламой этих сайтов было расклеено предостаточно в московском метро. В итоге власти предложили компромиссный вариант — митинг у станции метро «Парк культуры», но заявка будет удовлетворена, если ее подаст депутат Госдумы С. Бабурин, пользующийся репутацией провокатора. Кто подает заявку важно, так как на согласованном митинге милиция обязана выполнять указания организаторов, и, например, вывести с него тех, на кого организаторы покажут. Оргкомитет марша согласился на компромисс. Бабурин не подкачал — он упорно не давал слово Белову, а затем объявил митинг закрытым, и из колонок заиграла громкая музыка. Однако сторонники ДПНИ вырвали провода из колонок, и слово взял Белов. В маленький микрофон он произнес прочувствованную речь о том, как мигранты выживают русских, что их избыточное количество, об этнической преступности, он не забыл и про власти, упомянув Асланбека Дудаева (изначально именно так действительно звали курировавшего тогда внутреннюю политику заместителя главы администрации Президента Владислава Суркова) и нецензурно его обозвав. В митинге приняло участие около 10 тыс. человек, что сделало его самым крупным самостоятельным, неформальным мероприятием. Митинги прошли также в ряде городов России, где-то согласованные, где-то несогласованные.

С тех пор и до 2019 г. включительно, «Русский марш» стал ежегодным мероприятием. В 2008 г. шествие прошло несогласованно, с прорывом полицейских колонн и задержаниями, в остальные годы — согласованно. Иногда это было шествие, завершающееся митингом, иногда — только шествие (чтобы не создавать конфликтов вокруг вопросов кто получит слово, а кто нет и т.п.). На шествии каждый мог построить свою колонну, и шло неформальное соревнование за то, чья колонна будет больше.

Кроме 2012 г., когда дали разрешение на митинг в центре Москвы, по негласному компромиссу с властями заявители подавали заявку на шествие на окраине Москвы, в

районе Люблино, и власти его согласовывали. Лозунги и кричалки были примерно такие (все перечислить невозможно): «Русским — русская Москва, отменить 282»[422], «Россия для русских, Европа — для белых», «Москва — не Кавказ», «Россиянин круглый год на квартире водку жрет, русских нужно много нам, нахрен быдло-россиян», «Вставайте, люди русские!», «Слава России», «Умри за Русь», «Слава русскому народу», «Русские — вперед!», «Хватит кормить Кавказ!», «России русскую власть!», «Нет исламизации!», «Свободу узникам совести!», «Отменить 282-ю статью», «Москва — русский город!», «Мы освободим Россию», «Долой оккупацию — свободу русской нации!», «Русский, проснись, русский, борись!», «За права и свободу русского народа!», «Русская гордость сильнее репрессий!» и т.п.

Пик численности был достигнут в ноябре 2011 г. — накануне парламентских выборов. В колонне шел и выступил на митинге А. Навальный, а так как он тогда находился на пике популярности, то его призыв прийти на «Русский марш» существенно расширил его аудиторию, по оценке авторов, где-то до 25 тыс. человек. На митингах 2007, 2009, 2010, 2012, 2013 гг. численность была около 10 тыс. (в 2012 и 2013 г. Навальный уже прямо не призывал приходить, хотя по-прежнему комплиментарно отзывался). Раскол националистов по отношению к аннексии Крыма и начавшейся войне на Донбассе привел к резкому падению численности — в 2014 г. до нескольких тысяч человек, далее речь шла уже о сотнях.

Широкая аудитория отреагировала не поддержкой одной из точек зрения, а абсентизмом. 15 октября 2014 г. был арестован Александр Белов по обвинению в мошенничестве, вскоре — его близкий соратник Дмитрий Демушкин. Отсидев несколько лет, они отошли от политики. И тот, и другой связывали свое преследование с отказом поддержать действия Путина на Украине. На этом фактически история и ДПНИ, и националистического движения в целом в России пока заканчивается. Впрочем, в настоящее время можно сказать, что деятельность легальной оппозиции в России невозможна в принципе и это касается всех — и консерваторов, и либералов, и левых, и националистов.

Помимо упомянутого выше, еще необходимо сказать о программных установках ДПНИ, выработанных достаточно поздно, на съезде в 2008 г., которые нашли отражение в многочисленных интервью и статьях Александра Белова. Посмотрим на программу

[422] 282-я статья Уголовного кодекса «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства» — первая появившаяся в российском УК «экстремистская» статья, используемая против неугодных властям. Сейчас таких статей уже два десятка.

ДПНИ[423]. Первым разделом идет репатриация соотечественников, право на гражданство представителям всех коренных народов России, знающих русский язык. Далее — введение визового режима с государствами Средней Азии; при пересечении границы РФ иностранный гражданин должен проходить обязательную дактилоскопию, фотографирование, снятие копий документов, удостоверяющих личность — для учета в соответствующей базе данных[424]. Программа требовала повышенного налогообложения для иностранцев. Для предотвращения фиктивных браков предлагалось ввести имущественный и возрастной ценз[425].

Предполагалось установить квоты на иностранную рабочую силу так, чтобы количество трудящихся иностранцев не превышало 5% населения региона. Работодатель обязан соблюдать минимальные требования к условиям труда и проживания («трудовых мигрантов нельзя превращать в рабов»). При этом работодатель должен был внести за мигранта депозит, покрывающий расходы на его возможную депортацию. Иностранное гражданство преступника должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство. В случае совершения тяжкого преступления собственность иностранца должна конфисковываться для возмещения ущерба пострадавшему, в случае отсутствия собственности иностранец сначала должен возместить ущерб, работая и выплачивая необходимую сумму.

Впрочем, программа не исчерпывается темой миграции. Есть в ней и символическая часть: предлагается «Провозгласить на государственном уровне и закрепить законодательно Российскую Федерацию государством русского народа, который создал это государство, является государствообразующим народом, составляет большинство населения страны, не ущемляя права и свободы всех остальных коренных народов». (И это предложение будет реализовано в 2020 г. в виде поправок в Конституцию, правда в карикатурном виде — если у ДПНИ прямо сказано о русском народе, то Путин говорит о некоем неизвестном «государствообразующем народе».) Предлагается вернуть в паспорт графу «Национальность».

Есть и политические требования — упростить регистрацию политических партий, сделать деятельность общественных объединений уведомительной, обеспечить

[423] См.: http://lindex-ru.org/Lindex5/Text/10930.htm

[424] Надо сказать, что через некоторое время российские власти частично согласятся с ДПНИ в отношении дактилоскопии.

[425] Российские власти, опять же, через какое-то время частично выполнили этот пункт. В 2024 г. был принят закон, согласно которому претендовать на проживание в упрощенном порядке можно будет только через три года брака.

прозрачность выборов всех уровней, отменить статью 282 и закон о противодействии экстремистской деятельности, сделать участковых милиционеров выборными, разрешить ношение короткоствольного оружия.

В сфере демографии — «принять законодательное решение об установлении в регионах “демографического бедствия” прогрессивного увеличения пособий на 2-го и 3-го рожденного ребенка для граждан России. Необходимо единовременное пособие и постоянные ежемесячные выплаты».

Как видим, требования ДПНИ далеки от фашистских, многие из них разумны. Часть из них будет потом присвоена властью. Видимо, именно потому, ненавидя политическую конкуренцию, в 2011 г. признала ДПНИ экстремистской организацией. Тогда они продолжили свою деятельность под брендом «Этнополитическое объединение “Русские”».

Следующей интересной организацией, возникшей в середине нулевых, стало Русское Общественное Движение (РОД), созданное в 2005 г. и провозглашавшее своими целями просветительские и правозащитные. Подобно тому, как ДПНИ нераздельно связано с именем Александра Белова, РОД нераздельно связан с фигурой писателя и публициста Константина Крылова (писательский псевдоним — Михаил Харитонов), именовавшегося президентом РОД. Крылов окончил факультет кибернетики МИФИ и кафедру систематической философии философского факультета МГУ — неожиданное сочетание. Затем работал аналитиком в коммерческих структурах, в 2003—2009 гг. был главным редактором газеты «Спецназ России» (учредитель — Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа»). Еще одна неожиданность для русского националиста состояла в том, что по вероисповеданию Крылов был зороастрийцем. Среди других видных соратников можно назвать Наталью Холмогорову, адвоката Матвея Цзена, супругу Крылова Наталью Шалимову. У движения были даже региональные координаторы, но массовым оно никогда, в отличие от ДПНИ, не было.

РОД не мог организовать массовые акции самостоятельно и довольствовался колонной на «Русском марше». Однако им удавалось организовывать удачные общественные кампании. Первой такой стало «дело Иванниковой», женщины, которую пытался изнасиловать таксист-армянин. Защищаясь, она нанесла ему удар ножом, оказавшийся смертельным. В итоге кампании Иванникова была оправдана. Другой яркой кампанией стала защита майора Сергея Аракчеева, служившего в Чечне и обвиненного в расстреле нескольких чеченцев. Доказательства были крайне сомнительны, и Аракчеев дважды был оправдан судом присяжных. К тому времени

власти приняли закон, выводящий статьи УК, по которым обвинялся Аракчеев, из ведения суда присяжных, и он был осужден судом общей юрисдикции. Было еще несколько подобных кампаний (защита Никиты Тихонова и Евгении Хасис[426]; защита майора Николая Левого[427]; День памяти жертв этнической преступности, в который возлагали цветы к месту убийства школьницы Анны Бешновой мигрантом из Узбекистана и др.). Крылову принадлежал сайт apn.ru, одно время весьма популярный.

Первоначальная идеология Крылова была близка к красно-коричневым. Она отражена, например, в сборнике статей из различных СМИ «Прогнать чертей» и еще одном сборнике «Русские вопреки Путину». В них события августа 1991 г. рассматривались как захват власти в России транснациональным, прежде всего американским, капиталом. Однако сначала Ельцин, а затем еще более решительно Путин не захотели полностью сдавать этому капиталу Россию, а решили стать своего рода посредниками, управляющими территорией. Это более предпочтительный сценарий, но в целом также для русских негативный. В свою очередь Ельцин и Путин опираются на этнические меньшинства, на «нерусь»: «“Нерусь” (с ударением на первом слоге) — “народное” название для отчетливо “антирусских” народов и групп населения, прежде всего, так исторически сложилось, южных», — писал Крылов[428]. Однако постепенно, где-то с 2009 г., руководство РОД стало склоняться к более либеральному пониманию ситуации и провозгласило себя «национал-демократами». Эти взгляды (действительно, сложно возразить с консервативных позиций) наиболее полно изложены в книге Александра Храмова «Катехезис национал-демократа».

Храмов подчеркивал, что в «Древней Руси» (точнее сказать, в средневековой) была демократическая, новгородско-псковская альтернатива, демократия вполне естественна для русских. И это не противоречит тому, что Россия должна стать национальным государством для русских, подобно тому, как большинство стран Европы являются национальными государствами. Например, никто не удивляется лозунгам «Франция для французов», «Латвия для латышей». Но «Россия для русских» вдруг оказывается фашизмом. Национальное государство не означает угнетения других народов, но, если представитель другого этноса желает в нем жить, он должен доказать, что этого достоин, что он знает и уважает язык, культуру, историю, законодательство той страны, где он

[426] Обвинялись в убийстве адвоката Станислава Маркелова. Дело крайне запутанное. В итоге Тихонов был осужден на пожизненное, Хасис — на 20 лет.
[427] Обвинялся в избиении солдат из Дагестана. По его словам, он, наоборот, защищался. Осужден на три года, по итогам апелляций оправдан.
[428] *Крылов К.* Русь и нерусь (https://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/10/07/rus_i_nerus).

хочет поселиться. Злейшим врагом русских был большевизм, который установил в стране дискриминацию русских (далее Храмов ссылается на те же примеры, что выше С. Сергеев — разница в оплате за трудодни, этнические квоты для нерусских в университетах и т.п.). Авторитарный режим В. Путина, опирающийся на этнические мафии и сытно кормящий Кавказ за счет русских регионов, также враждебен и подлежит демонтажу.

Актив РОД, как и актив ДПНИ, приняли участие в антипутинских протестах зимы 2011—2012 гг., где, впрочем, вскрылся неприятный факт — если в «спокойное» время акции националистов были самыми крупными, то, когда возникло массовое протестное движение, они оказались в нем в явном меньшинстве, а очевидное большинство было на стороне либералов. Поэтому, например, когда в 2013 г. формировался так называемый «Координационный совет оппозиции», то в нем, кроме выбираемых в интернете общим голосованием сторонников большинства, было предусмотрено три «курии» — либеральная, левая и националистическая, по 5 человек от каждой, и сторонники оппозиции голосовали, выбирая только из кандидатов внутри этих «курий». В противном случае левые и националисты рисковали остаться вообще без представительства в этом координационном совете.

В 2012 г., после упрощения законов о регистрации партий (снижении требуемой численности до 500 человек вместо 45 тыс. человек и др.), руководство РОД приняло решение заняться партстроительством и создало оргкомитет «Национально-демократической партии» (НДП). Это была уже четкая консервативная идейная платформа, без всякой конспирологии про транснациональные корпорации и т.п., декларировавшая союзные отношения с другими оппозиционными силами. Показательно, что на выборах мэра Москвы в 2013 г. НДП поддержала кандидатуру А. Навального.

В принципе, наша книга ограничивается 2013 г., но для НДП и еще нескольких сюжетов мы сделаем исключение. Первоначально НДП поддержала украинскую «революцию достоинства» 2013—2014 гг. Крылов писал: «С украинской точки зрения распад страны может привести к потере независимости. А независимость — это реальная ценность, которую разделяют решительно все, даже обыватели. Я имею в виду независимость от России, разумеется, поскольку от любой другой европейской страны Украина была бы счастлива зависеть. Только не от России. По очень многим причинам, включая самую банальную: Россия ничего не может дать украинцам. Если от ЕС ждут хотя бы внедрения евростандартов во всех сферах жизни, то от России можно ждать

только внедрения путинской модели управления. Если совсем просто: уровень жизни не повысится, а права и свободы отберут, да еще и устроят полицейский террор. Ну и кому это надо?» [429] Однако не прошло и месяца, как Крылов и НДП совершили разворот на 180 градусов, полностью поменяв позицию и в дальнейшем поддерживая действия российских властей на Донбассе. Одной из причин, думается, было то, что НДП находилась тогда в очередной раз в процессе осуществить государственную регистрацию. Возможны и иные мотивы. Однако закончилась эта история комично. В один прекрасный день Министерство юстиции объявило о регистрации НДП, об этом написала пресса. Видимо, кто-то наверху эту прессу прочел и позвонил в Министерство юстиции, после чего на следующий день (!) было объявлено об отказе в регистрации. После этого НДП практически свернула свою деятельность. К. Крылов скончался в 2020 г.

Стоит упомянуть и о двух публицистических проектах этого направления, оказавших значительное влияние на национал-консервативную повестку в России. Речь идет о журнале «Вопросы национализма» и об интернет-проекте «Спутник и погром» (СиП). Первый журнал издавался в 2010—2021 гг. относительно небольшим тиражом (до 1 000 экземпляров), его главным редактором был Константин Крылов, научным редактором — Сергей Сергеев (научными редакторами последних номеров были О. Неменский и О. Кильдюшов). Всего вышло 33 номера достаточно толстого (обычно свыше 200 страниц) журнала, носившего вполне академический характер. Уже первый номер вышел со статьей Глеба Павловского, в тот момент известного политтехнолога, долгое время близкого к Кремлю, и вместе с тем статьей вполне благожелательной, что отражало общую нацеленность журнала на дискуссию.

Большинство авторов публикаций были национал-консерваторами, встречались при этом как весьма оппозиционные, так и довольно проправительственные точки зрения относительно происходящего в России, организовались публицистические дискуссии по определенным темам. Конечно, издание столь небольшого тиража не стоит оценивать как имеющее существенное публичное значение, но с интеллектуальной точки зрения следует оценить довольно высоко. Нам кажется, журнал стоит прочесть каждому, кто считает себя специалистом по российскому консерватизму как далекого прошлого, так и весьма близкого к настоящему времени.

---

[429] *Крылов К.* Без «Правого сектора» майданный сценарий был бы абсолютно московский (https://pn14.info/?p=147257).

Что касается СиП, то поначалу он был создан в 2012 г. как группа ВКонтакте, а в 2013 г. — это регулярно обновляемый сайт, публикующий как чисто полемические статьи, так и довольно глубокие научные материалы, вплоть до переводов книг. Владельцем и, можно сказать, «лидером» этого проекта был Егор Просвирнин — ранее мало известный, но одаренный публицист. За счет того, что Просвирнин платил авторам гонорары (их происхождение так и остается неизвестным[430]), сайт быстро сформировал не просто интересный, но и регулярно обновляемый контент.

Сайт исповедовал идеологию, близкую к НДП К. Крылова, «национал-демократию», выступавшую за Россию как национальное государство русского народа; был резко оппозиционен по отношению к действующим властям России, спецификой сайта было довольно апологетическое отношение к царскому периоду российской истории, в остальном были представлены различного рода точки зрения. Другой особенностью был стиль, местами довольно разухабистый, рассчитанный на молодежь. Тем не менее, сайт быстро набирал популярность, посещаемость сайта к 2014 г. превысила 1 млн человек в месяц.

В 2014 г. Просвирнин поначалу поддержал украинский майдан, патетически обещав «кидать цветы украинским танкам», однако затем, как и НДП Крылова, развернулся в полностью противоположную сторону и призывал к поддержке пропутинских сил на Донбассе. Это нанесло сайту значительный ущерб в виде потери части аудитории, однако и привлекло новую аудиторию, для которой прежняя версия была излишне «либеральной». Вскоре после заключения так называемых Минских соглашений между РФ и Украиной, фактически означавших перемирие, аудитория сайта стала быстро падать. Прежняя, оппозиционная, не вернулась, новая же была разочарована результатами, ведь Просвирнин обещал коренное преобразование к лучшему в России, а ничего подобного не случилось, и было не понятно, за что призывали воевать.

В 2017 г. сайт был заблокирован Роскомнадзором за наличие якобы экстремистских материалов, что еще больше подорвало его аудиторию. Возникли очевидные финансовые трудности, в конце жизни проекта, кроме Просвирнина, там

[430] Выдвигалась версия, что сайт был проектом Администрации Президента РФ, призванным отвлечь внимание от набравшего тогда значительную силу оппозиционного «белоленточного» движения, стать спойлерами. Действительно, Просвирнин весьма критически отзывался как о лидерах либералов, так и о лидерах национал-демократов. Что, однако, не помешало ему в 2013 г., например, поддержать А. Навального на выборах мэра Москвы. Весьма вероятно, что на разных этапах существования проекта у него были разные спонсоры.

оставался один автор под псевдонимом Евгений Политдруг. В 2018 г. Просвирнин объявил о закрытии проекта. Далее он пытался работать уже не с молодежной, а скорее с подростковой аудиторией, выступая с еженедельными стримами, где он играл в компьютерные игры и одновременно комментировал (часто нецензурно) политические события, но это уже большого внимания не привлекало. В конце 2021 г. Просвирнин, находясь в состоянии наркотического опьянения, выбросился в окно, но тем не менее, его проект СиП стоит отметить как вошедший в историю.

Если выше мы затронули организации национал-консервативные по характеру, то стоит упомянуть и организации национал-либеральные по характеру, прежде всего, «Союз правых сил» (СПС), прошедший в 1999 г. в парламент с неплохим результатом 8,5% (и еще пять человек избрались по одномандатным округам) в качестве блока нескольких организаций — уже упоминавшейся нами в главе про 90-е гг. партии «Демократического выбора России» (ДВР), созданной накануне выборов как личной клиентеллы экс-премьера Сергея Кириенко движения «Новая сила» и ряда других, которые фактически не имели региональной сети и просто были нужны для того, чтобы обосновать присутствие в списке своих известных руководителей — движений «Россия молодая» бывшего первого вице-премьера Бориса Немцова, «Голос России» самарского губернатора Константина Титова, «Общее дело» Ирины Хакамады и еще нескольких, совсем уже виртуальных. Какой-то идеологией из них обладал разве что ДВР, и первоначально именно эта либерально-консервативная идеология и была воспринята.

Большой любви (если не считать дружеских отношений между Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом) между лидерами СПС не было. По сути, СПС создавался на прагматической основе — дать возможность нескольким известным лидерам пройти в парламент в ситуации, когда по отдельности они не проходили. И трещины дали знать о себе практически сразу. В 2000 г. К. Титов выдвинулся в президенты. Однако ряд других сопредседателей выступили за поддержку В. Путина, прежде всего А. Чубайс (фактический госслужащий, руководящий госкомпанией РАО ЕЭС) и С. Кириенко (который буквально через несколько месяцев примет предложение В. Путина и уйдет из парламента, передав руководство «Новой силой» невнятной Л. Глебовой). Разразилась долгая интрига. Сначала Координационный совет принял решение не поддерживать ни одного кандидата в президенты, причем Титов с ним даже согласился[431]. Однако затем

[431] См.: СПС не поддерживает ни одного кандидата в президенты (https://lenta.ru/news/2000/02/21/sps/).

некий новый формат — «совместное заседание Координационного совета СПС и фракции СПС в Государственной Думе» принял 16 марта 2000 г. решение о поддержке Путина[432]. Это было важно для власти, так как Путин хотел победить в первом туре, а набрал он в итоге только 52,9%. Однако не очень понятно, что взамен получил СПС. Пост полпреда для Кириенко? Но Кириенко на новом посту никак не помогал партийцам в федеральном округе. Потерял СПС губернатора крупного региона Титова, который, обидевшись, покинул партию, и это ясно вполне.

Больше года понадобилось СПС, чтобы преобразоваться в партию и распустить прежние организации-учредители на съезде в мае 2001 г. Это привело к не критическому, но неприятному расколу — ряд видных политиков, такие как Виктор Похмелкин, Владимир Головлев, Сергей Юшенков и ряд региональных организаций ушли в создаваемую эмигрантом Борисом Березовским «Либеральную Россию».

На съезде была принята вполне консервативная программа[433]. В ней говорилось о нескольких вызовах, главным из которых является вызов всесильного государства, и предлагались ответы. «Почти весь XX век россияне прожили под властью самовластного государства, и привычка возлагать на него ответственность за все происходящее в жизни, не только страшиться его, но и ожидать от него всевозможных благ, глубоко укоренилась в широких слоях населения. Иждивенчество, гражданская пассивность, покорное принятие любых действий властей предержащих, постоянное искушение “сильной руки” — таков социально-психологический фон посттоталитарного общества. Возможность отката к режиму всевластного государства все еще остается реальной угрозой дальнейшему демократическому развитию России, становлению ее как действительно открытого гражданского общества».

Ответом на этот вызов является «воспитание нового демократического гражданского сознания, основанного на понимании государства как важной и далеко не единственной функции самого общества, как инструмента для решения осознанных обществом проблем. Путь возрождения России в XXI веке: от всевластного государства — к государству правовому, с четко очерченными функциями». На втором месте вызов «великодержавия», когда государство, манипулируя понятием «национальные интересы», начинает нарушать права своих же граждан. Ответом на этот вызов является новый патриотизм, свободное общество, которое будут уважать и другие свободные

[432] См.: В СПС не все поддерживают Путина (https://lenta.ru/news/2000/03/16/sps/).
[433] См. Программа Союза правых сил (https://www.permgaspi.ru/politads/doc/1034).

страны. Третьим вызовом является бесправие собственности. Ответ на это — неприкосновенность частной собственности. «Императив для России в XXI веке: свобода без собственности бесплодна, собственность без свободы неэффективна». Далее идут вызовы правового нигилизма, вызов незрелости демократии (влияние денег и политтехнологий), вызов неполноценного федерализма (создание в России территорий, где де-факто не действуют российские законы), вызов этнических и религиозных кланов, вызов незащищенности работника.

Период 2000—2003 гг. в истории СПС можно характеризовать так: примат парламентской деятельности над партстроительством. Да, были достигнуты серьезные успехи в области законотворчества и реализации программных принципов СПС. Были снижены налоги, введена плоская шкала подоходного налога, проведено частичное дерегулирование экономики, коснувшееся не только второстепенных ведомств вроде МЧС и санитарной инспекции, но даже полиции и налоговой инспекции. Уверенный экономический рост, вызванный как этими обстоятельствами, так и высокими ценами на нефть, продлился до 2008 г. Реформа избирательного законодательства в 2001 г. приблизила его к идеалу[434] и дала возможность активно развиваться партиям через обязательность распределения минимум половины мандатов на региональных выборах по партийным спискам. Но проблема была в том, чтобы донести до избирателя все эти свои инициативы, а для этого надо было активно заниматься региональными выборами.

И тут все было плохо. Практически везде в 2000—2001 гг., где СПС участвовал в региональных выборах, он проигрывал — как по округам, так и в немногих случаях, где выборы проходили по партийным спискам (обязательность нормы про 50% мандатов по партспискам вступала в силу только начиная с декабря 2003 г.). Для примера приведем город Красноярск. В декабре 1999 г. СПС тут набрал больше 10%, а в 2001 г. на выборах в горсовет не набрал и 5%, не получив таким образом мест. Относительный успех был в Москве (6 из 35 мест), но и то он был вызван тем, что округа были поделены между «Единством», «Отечеством», СПС и «Яблоком», т.е. фактически это был список мэрии. Вскоре половина избранных перейдет в «Единство». В Петербурге СПС набрал лишь 3 из 50 мест, в Московской области — 2 из 50. Данные

[434] Приблизила, но все же это был не идеал. Минусом была возможность устанавливать высокий барьер — до 10%, а также государственное финансирование парламентских партий (начиная с выборов 2003 г.).

Чубайсом в 2000 г. обещания к 2004 году иметь не менее 15 губернаторов и не менее 40 мэров оказались наглым вздором[435].

Избирательная кампания 2003 г. велась образцово — в смысле того, что ее можно преподавать студентам-политологам в разделе «Как не надо вести избирательные кампании». Начнем с того, что третьим номером в списке был поставлен крайне непопулярный Чубайс (в 1999 г. он не входил в список вовсе). Руководителем избирательного штаба был назначен Альфред Кох — человек неглупый, но никогда в жизни не занимавшийся выборами. Накануне выборов был устроен погром Московской организации СПС, распущен Политсовет, а кто руководил кампанией, было вообще непонятно. Но главное, бодро тратя в течение года деньги на наружную рекламу по всей стране, к ноябрю — последнему и самому важному месяцу кампании, выяснили, что деньги кончились, это видно даже по официальной выборной отчетности. Выборы проходили на фоне ареста Ходорковского 25 ноября 2003 г., что, очевидно, в ближайшее время было крупнейшим информационным поводом.

Чубайс даже позволил себе критически отозваться об этом аресте, однако после окрика Путина «Прекратить истерику» перестал затрагивать эту тему, и все остальные тоже молчали. А между тем, очевидно, что многие в стране были недовольны этим арестом, вообще хорошо понимали, что такое российская милиция и налоговая инспекция. И на парламентских выборах вам не нужно большинство, вам надо мобилизовать своего избирателя и пройти 5%, поэтому очевидно, что темой кампании стоило сделать освобождение Ходорковского и произвол правоохранительных органов. Вместо этого СПС и «Яблоко» занялись взаимной войной компроматов («Яблоко», кстати, тоже не поддержало Ходорковского), лишь разозлившей избирателя в духе «что-то там есть». В итоге «Яблоко» наберет 4,3%, СПС — 3,97% голосов.

Сопредседатели партии уйдут в отставку, и в мае 2005 г. председателем партии будет избран молодой пермский вице-губернатор Никита Белых. Пожалуй, это был неплохой имиджевый ход — молодой, но уже многого добившийся (до вице-губернаторства Белых был в бизнесе), провинциал, но культурный, хороший оратор, внешне привлекательный. Однако не меньшим, если не большим влиянием в партии будут пользоваться Анатолий Чубайс и его помощник Леонид Гозман. Дело в том, что если раньше партию финансировал довольно широкий пул предпринимателей, то после

[435] См.: Движение СПС стало всероссийской политической организацией (https://lenta.ru/news/2000/05/20/sps/)

2003 г. единственным источником денег оставалось РАО ЕЭС (что, кстати, ко всему прочему отталкивало бизнес, для которого энергетики с их поборами были врагом, и бизнес не понимал, зачем давать деньги, если есть Чубайс).

Главное, чем они были обеспокоены — это договоренностями с Кремлем, ради чего старались изгнать из партии всех, кто был настроен оппозиционно. Дошло до того, что когда московской организации удалось создать совместный список с «Яблоком» на выборах в Мосгордуму 2005 г., а это не было согласовано в Кремле. Чубайс занялся вредительством и публично заявил, что при плюсовой температуре на улице в связи с тяжелой ситуацией будет отключать даже добросовестных плательщиков в Москве, и это было немедленно растиражировано официальными СМИ. Список, однако, прошел даже максимальный барьер в 10%. Это, кстати, наводит на мысль, что и руководству СПС, и руководству «Яблока» в ситуации, когда они балансируют у грани барьера, стоило объединиться. Вина тут лежит, конечно, и на «Яблоке», но и на СПС тоже — смогли же договориться в Москве.

Чтобы удержать контроль над партией, между выборами на средства РАО ЕЭС активно финансировались регионы. Кампаниями там руководил известный политтехнолог Антон Баков и его помощники. Кампании строились на принципах сетевого маркетинга с премиями за результаты по участкам, были очень дорогими, и безудержном популизме — обещаниях повысить пенсии кое-где в два, а где-то даже в три раза. Все это, конечно, никакого отношения к реальности не имело, начиная с того, что пенсии — это федеральная компетенция. Примерно в половине регионов СПС проходил барьер.

Осенью же 2007 г. повторился трюк 2003 г. — деньги «неожиданно» кончились именно осенью, под выборы. Белых призывал партийцев распечатывать листовки на принтере. В итоге СПС не набрал и 1% голосов. Осенью 2008 г. СПС подвергся самороспуску, его остатки влились уже в чисто кремлевский проект «Правое дело». Против самороспуска выступило всего лишь несколько региональных организаций, включая московскую во главе с Владленом Максимовым.

Уроков, которые можно извлечь из истории СПС, несколько. Во-первых, нельзя пренебрегать региональной работой и концентрироваться только на парламентской. Во-вторых, нельзя сидеть на двух стульях, то критикуя власть, то поддерживая. В-третьих, очень опасна зависимость от государственных денег. Это, конечно, приятно, когда они есть, но резко осложняет поиск других спонсоров, а властям дает мощный рычаг требовать чего угодно, вплоть до «слива» собственных избирательных кампаний. В-

пятых, избиратель любит объединение на своем фланге, а в конфликте на своем фланге нет победителей — проигрывают оба.

В завершение скажем еще об одном опыте консервативной организации — партии «Демократический выбор». Она была создана бывшим замминистра энергетики В. Миловым, ранее покинувшим вместе с единомышленниками правых взглядов оппозиционное движение «Солидарность». Если «Солидарность» позиционировала себя как общеоппозиционное движение, то «Демократический выбор» — как правое, как наследник лучшего в «Демократическом выборе» Егора Гайдара и СПС (собственно, название не случайно). Партия была окончательно зарегистрирована в начале 2013 г.

Пожалуй, главное, чем интересна эта организация, это абсолютно четкая консервативная программа[436]. Собственно, в программе дается самоопределение — «консервативные либералы». Говорится, что «наш выбор не левая Европа, а классические европейские ценности внутри России: старый добрый либерализм и консерватизм, полная свобода слова, естественные права человека, священное право частной собственности, демократия и народный суверенитет».

Россия является частью большой западной христианской европейской цивилизации. Признавая христианские ценности основой этики и культуры, мы выступаем за светское государство в России». Главным противником объявлялся радикальный исламизм. Говорится о необходимости отменить «экстремистские» статьи УК. Сказано: «Мы выступаем за установление не облагаемого налогами минимума недвижимости, за прекращение репрессивной политики власти в отношении автовладельцев, за перевод социальных взносов в личные налоги граждан по примеру подоходного, за снижение налогового бремени и сохранение плоской шкалы подоходного налога, за допущение избирателя к местным выборам по адресам его недвижимости.

Партия выступила за расширение пределов самообороны человека как для защиты неприкосновенности как себя лично, так и своих близких, своего жилья, своей собственности, за либерализацию законодательства по владению огнестрельным оружием». Говорится о визовом режиме со странами Средней Азии. Партия выступает за свободный допуск кандидатов на выборы на основании избирательного залога, обязательную выборность мэров городов, отмену «муниципального фильтра» на

[436] См.: Манифест «Демократического выбора» (https://demvybor.ru/manifest.html).

выборах губернаторов. Кроме того, в программе партии — приоритет внутренних задач над внешними, выступления против агрессивных войн.

К сожалению, руководству партии не удалось мобилизовать достаточно ресурсов, тут сказался и конфликтный характер лидера. Партия смогла получить несколько мест на муниципальных выборах в Москве, но дальше дело не пошло. На выборах в Ярославскую областную думу и в Иркутское законодательное собрание в 2013 г. партия набрала всего 0,6% (в обоих случаях). После партия в региональных выборах по партспискам не участвовала, так как непарламентские партии лишили права участвовать без сбора подписей, что является заградительным барьером. Однако В. Милов выдвинул кандидатуру в Московскую городскую думу в 2014 г. Тут его ждало фиаско — 5 тыс. подписей он собрать не смог. В декабре 2015 г. соратники выразили Милову недоверие, а в 2016 г. партия была ликвидирована Министерством юстиции по формальным основаниям. Часть активистов продолжает работу в рамках межрегиональной общественной организации «Демократический выбор».

Еще один долг перед читателем

Огромным пробелом в главе является отсутствие сюжета об Аргентине и политическом движении, возглавляемом ставшим в конце 2023 г. президентом Хавьером Милеем. Однако подробно писать о том, что происходит на наших глазах, доходит до нас с опозданием и нередко с искажениями (авторы не владеют испанским), невозможно.

Мы пока точно знаем, что Хавьер Милей с меньшей погрешностью может быть описан как последовательный консерватор — и фискальный, и социальный, и национальный, нежели либертарианец. За год пребывания в офисе, не имея даже теоретической возможности завоевать большинство в Национальном конгрессе (только половина депутатов палаты представителей переизбирается раз в два года), он добился ощутимых результатов в балансировании бюджета, причем в значительной степени, за счет резкого сокращения расходов, а также добился резкого снижения инфляции и улучшения условий для ведения бизнеса[437].

[437] См.: https://www.econlib.org/one-year-of-milei-stabilization-a-balanced-budget-and-deregulation-in-argentina ; https://eurasiabusinessnews.com/2024/12/12/argentinas-milei-eliminates-deficit-a-historic-milestone/ . Притом что накануне реформ ситуация для бизнеса в стране была плачевной даже по меркам Южной Америки (https://www.heritage.org/index/pages/country-pages/argentina).

Он почти точный антипод «образцовых» консерваторов — прагматичных президентов США Дж. Буша и Дж. Буша-младшего, канцлера ФРГ А. Меркель, премьера Б. Нетаньяху и премьера Люксембурга Ж.-К. Юнкера. Он напоминает скорее Марта Лаара внятной идеологией и отсутствием видимого страха проиграть выборы после того, как основные цели работы будут достигнуты.

На этом, однако, мы пока и остановимся и предлагаем читателю периодически скачивать дополнительные материалы, в которых мы также не обещаем пока исчерпывающей информации по истории аргентинских реформ и движения Х. Милея. Однако мы гарантируем постоянно расширяющийся список заслуживающих доверия источников. С их помощью любознательный читатель имеет шанс обогнать и превзойти авторов в понимании наблюдаемых в Аргентине процессов (пока можем порекомендовать книгу Багус, 2025).

Резюме главы

Подводя итоги двух с лишним столетий российского консерватизма, стоит отметить следующие его особенности. Если на Западе, как правило, консервативные движения возникали в XIX в. в условиях конституционной монархии как антитеза разного рода революционным проектам (или даже в республиках, как в США), то в России консерватизм возник и более века развивался в условиях абсолютной монархии, до 1861 г. довольно дикой, даже по меркам своего времени, державшей в рабском состоянии большинство титульной нации (в этом принципиальная разница, например, с США: черные рабы не только не были титульной нацией, но и численность их не превышала 10%), поэтому получалось, что консервировать предлагалось совершенно разное — постепенно модернизируемое общество и нечто совершенно не нормальное. Оппоненты могут нам возразить, что и Российская империя в XIX в. модернизировалась. Это так, но модернизация была преимущественно технической и не затрагивала политических институтов как минимум до 1861 г. Российские консерваторы на словах тоже говорили о нужности постепенных реформ, но фактически относили их в неопределенное будущее. Еще одной бедой консерватизма того времени стало его раболепное отношение к монархии, готовность оправдать что угодно, отсутствие собственного видения перспективы и собственных проектов. Да, российские

революционеры пугали, и небезосновательно, но получалось, что консерваторы предлагают все время выбирать из двух зол. После создания в 1905 г. Государственной Думы, пожалуй, возник шанс на постепенное реформирование и экономических, и политических институтов России в духе реформ Петра Столыпина, но он был упущен — и не только по вине революционеров, но и по вине правящей династии, втянувшей Россию в мировую войну и оказавшуюся к ней не готовой.

Советские «консерваторы» от «сменовеховцев» до «русской партии в КПСС» фактически повторяли ошибки консерваторов XIX в. Они выступали за «постепенность» в условиях бесчеловечного авторитаризма, не обладали собственной субъектностью по отношению к власти, собственной повесткой, ограничивались советами в духе улучшения частностей.

Крах советского режима давал шанс консерваторам (часто они в это время еще использовали самоназвание «националистов») занять свое достойное место на политической арене, но опять оказались в положении младшего зависимого партнера — на этот раз не власти, а коммунистической оппозиции. В период радикальных экономических реформ особенно заметной оказалось и отсутствие у них собственной экономической программы.

Формирование режима персоналистской власти Владимира Путина в нулевые годы вернуло все на круги своя — к предостережению от революций, к советам властям, к бесконечным ожиданиям каких-то улучшений сверху, часто доходящим до конспирологии и апологии режима. Однако, в этот период проявились и новые тенденции, которые можно условно обозначить национал-демократией, выступлением за Россию как современное национальное государство с правой идеологией, а не как лубочную пародию на царский или советский режимы. Движение к этому шло с обеих сторон — как со стороны традиционного национал-консерватизма, так и со стороны либералов. Будем надеяться, в будущем эти искания получат развитие и дадут плоды.

История побед и неудач консерваторов в молодых постсоциалистических демократиях показывает то, что основные проблемы и вызовы, стоящие перед ними, те же, что и у коллег — единомышленников в старых демократиях. При этом приведенные в главе примеры подводят нас к возможным решениям. Этим решениям и будут посвящены последние главы и заключение книги.

6. В защиту права наследования

> «Что мы получили — республику или монархию?» — спросила миссис Пауэлл из Филадельфии вышедшего с заседания Конституционного собрания Бенджамина Франклина. «Республику, — ответил Франклин, — если вы сумеете ее сохранить»[438].

Право наследования чаще всего атакуют тоталитаристы как самый морально сомнительный аспект права собственности.

Сторонники экономической свободы защищают это право довольно робко, неуверенно, с оговорками (Nozick 1974).

Некоторые подчеркивают динамизм и тенденцию к расширению рыночной экономики. Эти процессы в рыночной экономике сами препятствуют концентрации ресурсов в одних руках в долгосрочном периоде безотносительно фактора унаследованного богатства. Дети богатейших людей обычно остаются богатыми, но крайне редко удерживают позицию среди самых богатых. Очевидно, непередаваемые по наследству (редко передаваемые) предпринимательские способности в динамичной системе оказываются важнее унаследованного стартового капитала, поэтому самые богатые люди последних двух веков — это нувориши (см., к примеру, жизнеописания богатейших предпринимателей[439]); понятно, что с расширением государственного вмешательства в экономику эта естественная тенденция ослабевает. Такую аргументацию развивает, в частности, Людвиг Лахман (Lachmann 1956).

Нувориши как доминирующее явление — спутник как раз современного капитализма с его честной игрой, конкуренцией, вертикальной мобильностью и... гарантиями неприкосновенности собственника и его собственности. Включая собственность, передаваемую по наследству.

Однако в такой защите явственно ощущаются сомнения и неуверенность. То есть если бы дети предпринимателей часто наследовали бы талант родителей (как в случае с

---

[438] Mrs. Powel of Philadelphia: «...what have we got, a republic or a monarchy?»
Benjamin Franklin: «A republic, if you can keep it» (http://www.ourrepubliconline.com/Author/21).

[439] См.: https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2019/05/15/worlds-largest-companies-2019-global-2000/

музыкальными способностями), то наследование становилось бы чем-то предосудительным или недостаточно похвальным?

Мы же намерены показать ниже, что право наследования есть наиболее важный именно с моральной точки зрения аспект права собственности. Это право — визитная карточка частной собственности. В морально здоровом обществе наследование и наследство есть гордость и украшение института частной собственности, фундаментального для обеспечения гарантий современного экономического роста, научного, технического, а равно и морального прогресса. Без уважаемого защищенного права наследования мы не в состоянии оградить от посягательств ни семью, ни частную собственность, ни, соответственно, современную цивилизацию.

Мы уверены, что готовность яростно сражаться в защиту права наследования является несомненным признаком настоящей преданности консервативным идеям и принципам.

Для прояснения картины и для должного ответа врагам частной собственности и права наследования мы должны будем рассмотреть наследование не только как передачу/получение денег и имущества. В общем случае каждое новое поколение в семье и в обществе наследует различные виды капитала (имущество, человеческий капитал — здоровье и образование, социальный капитал — связи и способность их создавать). Не менее важны и наследуемые институты (законы, мораль), определяющие возможности сохранения, а при качественных институтах — и преумножения капитала.

Что есть наследование и что передают по наследству

В первую очередь по наследству буквально передаются физические и интеллектуальные способности. В совокупности своей они создают неравенство зачастую большее, чем наследства денежные.

Пока нам не встречались проекты исправления сей «ужасной несправедливости» путем причинения увечий особенно красивым и умным детям. (Отчасти подобную функцию выполняют женские обрезания, причиняющие, по факту, больше вреда красивым девушкам, лишая их значимой доли радости от отношений с мужчиной)[440].

[440] См.: Tamir 1996. Следует подчеркнуть, что автор — Юли Тамир — не маргинальный интеллектуал, а бывший политик, в 2003—2010 гг. депутат от вполне мейнстримной левоцентристской партии Авода (Израиль), в 2006—2009 гг. — министр просвещения (второе после министерства обороны ведомство по размеру бюджетных ассигнований).

По наследству передается некоторая часть репутации. Вопрос: «Какого ты ... роду-племени?», понятия «родовитость» и «благородство» как явно родственные встречаются в древнейших источниках разных народов как символ изначального доверия человеку исходя из репутации его предков.

Потомки известных своими доблестями и достижениями личностей получают в наследство некую планку, которую должно преодолеть, вызов, который в их семье считается должным принимать. Об этом мы писали во второй главе как об основе принимаемого и поддерживаемого современными консерваторами «естественного» аристократизма. Понятно, что такая «планка» в отдельных семьях способствует подъему «средней» планки, требований, предъявляемых обществом.

Существует иная планка, касающаяся не морального стандарта и не достижений в целом, но только образовательного стандарта. Обширная литература, включая исследования последних десятилетий, неизменно подтверждает зависимость успехов и достижений в образовании детей от достижений дедов и отцов (родителей) — (см., к примеру, Kalil, Ryan, Corey 2012; Davis-Kean 2005, Davis-Kean, Tighe, Waters 2021). Такая зависимость только отчасти связана с уровнем дохода или накопленного богатства. В огромной степени она связана с ожиданиями родни, направленными на ребенка, и знанием ребенка об этих ожиданиях, т.е. достижения в образовании составляют отдельную, самостоятельную компоненту настоящего наследства, в широком смысле этого слова.

Значимой компонентой наследств являются институты. В их формировании люди участвуют крайне неравномерно, однако они приносят доход (или чаще убыток), куда более значимый, чем большинство обычных трансфертов. Подробнее эту важную компоненту наследства мы рассмотрим ниже.

Естественно, по наследству передается имущество — недвижимость (дома, квартиры), движимое имущество, деньги и т.д., причем исторически право наследования нередко появляется как привилегия элиты, постепенно распространяясь по мере зрелости цивилизации на все общество. Так, отброшенная назад и задержанная в развитии монгольским нашествием Россия долго признавала наследственные права на земельные владения («вотчины») только бояр: дворяне формально получали землю за службу без однозначно узаконенного права передачи ее по наследству. Петр I унифицировал вотчины и поместья, которые ранее фактически уже передавались по наследству и привязал фактическое владение и той и другой недвижимостью к несению военной, как правило, службы (Указ от 23 марта 1714 г.). Императрица Анна (Указ от

17 марта 1731 г.) подтвердила равенство вотчины и поместья, отменив обязательное единонаследие. И только реформы (дворянские вольности) Петра III (Манифест от 18 февраля 1762 г.[441]), подтвержденные Екатериной II, дали возможность помещикам фактически владеть своими поместьями без обязательств по армейской службе (Ключевский 1910, лекции 33, 62, 72; см. подробнее: Дополнительные материалы к данной главе).

Важно подчеркнуть, что наследство неразрывно связано с любовью родителей, дедушек и бабушек к своим детям и внукам. Проект, который ослаблял бы такие стимулы, не случайно придумали борцы за новый «либеральный» и «социально справедливый» тоталитаризм. Проект предусматривает отъем (если потребуется, насильственный) младенцев у их родителей для произвольного перераспределения[442].

Более «традиционные»[443] методы национализации детей посредством принудительного государственного образования с полномочиями отнимать детей из «неправильных» семей также транслируют родителям простую мысль: это не ваши дети по большому счету, и нет смысла отказывать в чем-либо себе ради них.

К сожалению, в большинстве известных авторам случаев передать по наследству детям одно из самых ценных приобретений человека за его жизнь не удается. Речь идет о щедро оплаченном ошибками жизненном опыте.

Наследование — это вложения в активы, которыми воспользуются не только дети и внуки, но и внуки внуков. Наследование учит уважению потомков к наследию прадедов, которые уже не могут поддержать их в сегодняшних нуждах и проблемах — надежный признак высокой морали, если, разумеется, традиции соответствуют универсальной морали, основанной на Синайском откровении. Унаследованная память о добродетелях и доблестях предков может долгое время сдерживать воздействие на общество даже явно коррумпированных и коррумпирующих институтов (MacIntyre 1984, 194; А. Макинтайр здесь имеет в виду под институтами структуры, организации).

Право наследования в отрыве от такой традиции действительно может вырождаться в нечто малоприличное и даже саморазрушительное — по свидетельству Мизеса (Mises [1956] 2008, 25—30; Мизес 2023, 225—229), описавшего склонность

[441] См.: http://museumreforms.ru/node/13645
[442] См.: https://aeon.co/ideas/if-babies-were-randomly-allocated-to-families-would-racism-end
[443] См., к примеру, практики янычарства, распространенные у «мейнстримных» мусульман до Нового времени (институт янычарства собственно в османской Турции) и у африканских народов (Сомали, Конго) до наших дней (https://www.child-soldiers.org/democratic-republic-of-congo ; https://www.child-soldiers.org/where-are-there-child-soldiers).

многих «наследников» поддерживать полученными от предков деньгами врагов частной собственности.

При этом попытки ограничить права завещателя не только сами являются атакой на основу основ права собственности — свободу распоряжаться законно приобретенным имуществом, но и совпадают с атаками на право собственности в целом. Обычно первыми мишенями становятся капиталы (собственность, способная приносить дополнительный доход) и комплекс прав наследования.

Следует, конечно, отметить, что далеко не все наследники и даже не большинство склонны к безответственному поведению. На некоторых факторах, влияющих на выбор наследников, мы остановимся дополнительно ниже.

Понятно, что поведение наследника, явно и вызывающе идущее в разрез с теми нормами, которые входят в неформальный пакет наследия в широком смысле слова, создают высокие риски лишения наследства. Это широко известное в цивилизованном мире явление подтверждает наше предположение о том, что имущество не является единственным, а возможно, даже и главным компонентом того «пакета», который передается по наследству. Практики лишения наследства, если оставить в стороне распространенные попытки оспорить вменяемость завещателя лишенными наследства, подтверждают следующее. Суды обычно поддерживали свободу воли завещателя. На основе судебных прецедентов в США развивались и практики законодательства (Blumenthal 2006; Bridges 2010). При этом дурные нравы, аморальное, непочтительное поведение потенциальных наследников были основными причинами «успешных» попыток лишения наследства (Bridges 2010; Schwartz 2000). В то же время лишение наследства без наличия подобных оснований обычно рассматривалось как фактор сомнений во вменяемости завещателя или как минимум осуждались как девиантное поведение (Schwartz 2000).

Если вы обратитесь к услугам по вопросам наследования американских юридических фирм, то уже на страницах с информацией ознакомительного характера увидите, что среди наиболее типичных причин лишения наследства признаваемых и уважаемых законом (в частности, судами)[444]:

- отсутствие поддерживаемых родственных связей или их недостаток (Estrangement, Lack of Relationship);

[444] См., к примеру: https://rmolawyers.com/common-grounds-for-disinheritance/ ; https://wernerlawca.com/most-common-grounds-disinheritance ; https://trustandwill.com/learn/how-to-disinherit/

● развод как некая крайняя и формально юридически регистрируемая форма разрыва родственных связей;

● конфликт по поводу образа жизни, избранного потенциальным наследником (Conflict of Interest over Lifestyle Choices).

Во всех этих случаях может присутствовать, а зачастую и доминировать именно проблема разделяемых фундаментальных ценностей, отказ принять которые не совместим с претензиями на получение имущества завещателя.

В частности, хотя и оспариваемым в надежде на новые веяния, но все еще признаваемым судом основанием для лишения наследства является явный разрыв несостоявшегося наследника с религиозной традицией семьи[445].

Отметим также, что в определенном смысле сторонники большого и «щедрого» правительства поддерживают институт наследства, и весьма энергично. Правда, делается это в формах, характерных для Средневековья, в лучшем случае. Они делят общество на группы и утверждают, что некоторые выбранные ими и названные «исторически исключавшимися» (Historically excluded groups) угнетенными обиженными) имеют право монетизировать страдания предков за счет всех остальных групп (Yanovskiy, Zatcovetsky, Zhavoronkov 2015). Таким образом, речь идет о групповой привилегии, а не о личном, индивидуальном праве.

Мотивация оставления наследства

В почти классической работе о «стратегическом поведении» при оставлении наследства (Bernheim, Shleifer, Summers 1985) авторы показывают, что стратегическое поведение не просто не противоречит допущению о родительской любви (мнение, разделяемое и другими авторами, см., к примеру, Gatti 2005 или Cremer, Pestieau 1996, обсуждающие дарение и наследство как средство «дисциплинировать» наследников). Выдвижение условий получения наследства и некая «игра» с наследниками может, как раз, быть вызвана любовью к своим детям — наследникам (Ibid., 159—160).

В качестве подтверждения наличия стратегического поведения (не противоречащего в общем случае альтруистической мотивации) авторы приводят сильную корреляцию между частотой контактов с родителями и наличием

[445] Пример решения 2009 г. Верховного суда «либерального» (левого) штата Иллинойс, подтверждающего легитимность такого мотива лишения наследства, см.: https://www.chicagotribune.com/news/chi-jewish-will-disinherit-25-sep25-story.html

существенного имущества, предназначенного потенциально для завещания, выявленную по данным опроса пенсионеров, проведенного в четыре этапа в 1969, 1971, 1973 и 1975 гг. (The Longitudinal Retirement History Survey (LRHS)).

Тщательно проведенная проверка на другой базе данных и с включением контроля характеристик членов семьи (женаты ли они сами; отдельно помечались дочери и сыновья) поставили под сомнение частоту встреч (внимание) именно как результат объема имущества, предназначенного для завещания, т.е. именно «стратегический» мотив, но вовсе не само намерение завещателя оставить наследство (Perozek 1998).

Майкл Хард (Hurd 1987) вообще поставил под сомнение наличие значимого мотива оставлять наследство. Он утверждал на имевшихся в его распоряжении данных (за 10 лет), что представители старшего поколения не сберегают, а тратят, и поведение семей с детьми и без таковых в принципе похоже, что ставит под сомнение значимый эффект сбережений для оставления наследства.

Более поздние полные данные дали основания Копчаку и Лаптону (Kopczuk, Lupton 2007) утверждать, что примерно $^{4}/_{5}$ пожилых людей прилагают значительные усилия по экономии в повседневных расходах и до половины экономии предназначают для оставления наследства.

В принципе оспаривать наличие осознанного альтруистического мотива оставлять наследство не решаются и многие радикальные авторы, обвиняющие институт наследования в неравномерном распределении богатств в США (McCaffery 1994; Halliday 2013[446]).

Группа исследователей (Ameriks, Caplin, Laufer, Vannieuwerburgh 2012) с помощью специально разработанного опроса пыталась проверить наличие двух сильных мотивов в продолжающемся в пожилом возрасте процессе накопления резервов: мотив оставления наследства (чисто альтруистический) и мотив избежать зависимости от государственной заботы в ситуации резкого ухудшения состояния здоровья, наступления беспомощности. Отметим, что второй мотив, строго говоря, не противоречит первому — понятно, что родственники, которым оставляют наследство, несут моральную ответственность за заботу в такой ситуации о своих близких. В опросе, однако, предлагается вымышленная ситуация с выбором распределения неких дополнительно полученных (выигранных в лотерею) сумм. Выбор делается между

[446] Хотя последний и пытается приуменьшить роль этого мотива (p. 641, 643).

закрытым фондом для наследников (некий «сейф», из которого потом нельзя достать деньги) и фондом на частный уход за ними в случае необходимости (Ameriks, Caplin, Laufer, Vannieuwerburgh 2012, 534).

В другом вопросе (Там же, 536) предлагался выбор в ситуации, когда опрашиваемому исполняется 85 лет, и ему известно, что осталось жить год. Тогда, выручив от продажи недвижимости 200 тыс. долл., он может либо использовать уход, оплаченный (государственной программой) MedicAid и оставить всю сумму наследникам, либо потратить 50 тыс. долл. на частный уход и оставить наследникам остальное.

Важно подчеркнуть, что в выборку попали лица в возрасте от 55 до 89 лет с имуществом в среднем от 100 тыс. долл. и доходом порядка 20 тыс. долл. в год. Из выборки исключались лица, живущие без партнера, зарабатывающие свыше 25 тыс. долл. и работающие полный рабочий день, либо ищущие подобную занятость. Легко догадаться, что при такой выборке люди с наиболее выраженной мотивацией оставить наследство могли быть отсечены изначально.

При такой постановке вопросов, исключив из выборки группу потенциально наиболее преданных идее оставить завещание (работающих) пожилых людей, авторы приходят к ожидаемому результату: мотив избежать государственной заботы в случае нужды проявляется сильнее, чем мотив оставить завещание, хотя и последний заметен и не может игнорироваться.

Немецкий исследователь Хедриг Юргес (Jurges 2001) обращает внимание на то, что налоговое бремя государства может разрушить способность семей заботиться о пожилых. Подрыв такой способности приведет к неэффективному переносу ответственности на государство. В обзоре автор показывает широкий спектр взглядов на наличие и на определение мотивов сбережений (иными словами, отсутствие консенсуса по проблеме).

Юргес проводит анализ наличия и мотивов оставления наследства на данных немецких экономико-социологических исследований (The German Socio-Economic Panel (GSOEP 1988), где были собраны ответы, в том числе по намерениям передать имущество по наследству четырех с половиной тысяч западногерманских домохозяйств. Он сравнивает ответы о наличии детей у пожилых людей (объективная мера) и ответ на прямой вопрос о намерении оставить наследство (субъективная мера) и приходит к выводу, что последний в Германии работает существенно лучше. Впрочем, как показывает его табл. 2 (Ibid., 401), субъективная мера подтверждает вполне разумное

соотношение с объективной — намерение оставить наследство почти вдвое чаще упоминают семьи, у которых есть дети, чем семьи без детей.

Основной вывод исследования — наличие мотива сбережения для наследства характерно далеко не для всех домохозяйств. Соответственно для разных групп населения могут работать разные модели — как модель жизненного цикла (с потреблением всего заработанного в течение жизни и соответственно с растратой накоплений в старости), так и модель со сбережением и в старости — как для наследства, так и для других целей.

Известная житейская мудрость (норма бытовой морали) — долги родителям мы отдаем своим детям — тестируется и находит эмпирическое подтверждение на французских данных (Arrondel, Masson 2001). Авторы показывают, что наследство детям, как правило, оставляют те, кто, будучи детьми, получили таковое от своих родителей. Авторы, соответственно, отстаивают целесообразность анализировать завещания и наследования как минимум на данных трех поколений (двух последовательных трансфертов).

Предпочтение страхования жизни другим вариантам инвестиций, поощряемых налогами (в сопоставлении с объективными социально-демографическими показателями — состояние в браке, наличие детей) дает основание авторам следующей работы интерпретировать данные Великобритании по спросу на страхование жизни (Inkman, Michaelides 2012) как свидетельство в пользу наличия мотива оставления наследства[447].

Эту работу, а также упомянутую выше статью Юргеса можно использовать для расширенного ознакомления с литературой — обзоры в этих статьях компактные, емкие и содержательные.

Проблемы и трудности со статистической регистрацией («подтверждением») альтруистических мотивов в завещаниях, а иногда даже и самого намерения копить с тем, чтобы оставить завещание, имеют простое объяснение. Становление и расширение «социального» государства в течение последнего столетия, его активность в значительной степени была направлена как раз на то, чтобы заместить различные функции семьи.

[447] В связи с этой работой нельзя не упомянуть работу 1991 г. на американских данных по спросу на страхование жизни и аннуитеты: Bernheim 1991.

Принудительное пенсионное страхование вытесняло естественную функцию заботы взрослых детей о пожилых родителях (Фридман, Фридман 2007, 125[448]). Меры по «защите» жены от мужа, основанные на абсурдном и не бескорыстном для чиновников допущении о естественной враждебности мужа жене, ослабляли мотив оставить наследство супруге (супругу). Стремление заместить родителей во имя «защиты» от них детей (пресловутая «Конвенция о правах ребенка» с единственной содержательной статьей номер 9 о чрезвычайном полномочии государства изымать ребенка из семьи «в интересах этого ребенка»[449]) подрывает взаимную привязанность и даже лояльность. Оставлять наследство такому ребенку, от которого годами ждут, не заявит ли он жалобу в полицию или социальному работнику, не так уж и хочется, ведь можно потратить накопления на себя.

Приведем еще два примера, возможно крайних, иллюстрирующих ту же проблему.

Мать-одиночка (статус, которому сторонники Большого заботливого правительства энергично пытались и пытаются придать респектабельность), зависимая от бюджета и от государственных регуляций, воспринимает государство и как мужа, и как родителя. В ее голове мысль о том, чтобы оставить наследство ребенку, может возникнуть только как своего рода социальный рудимент.

Государство фактически поддерживает жену (особенно в явной форме в Германии — см. BGB, § 1595 (1)[450] — запрет Гражданского кодекса начинать процедуру проверки генетической связи и установления отцовства без согласия матери) в проекте возложить на формального мужа обязанность содержать ребенка, прижитого уже в период замужества от другого мужчины. Некоторые современные ученые откровенно объявляют супружескую верность пережитком (см.: Caldwell 2004, 298).

При отсутствии у мужчины информации о собственных биологических детях и при наличии формального обязательства содержать чужих биологических детей было бы странным ожидать от него еще и намерения копить на наследство таким детям.

Даже в ситуации, когда мужчина живет в браке и имеет детей, но поставлен в положение второсортного родителя, понимающего, что его доступ к детям ограничен волей супруги, его стимулы копить на наследство существенно ослабляются вместе с восприятием этих детей как своих в полном смысле этого слова.

---

[448] «Дети помогали своим родителям, руководствуясь чувством любви или долга. Теперь они делают взносы, чтобы оказать поддержку чужим родителям под принуждением или из чувства страха. Прежние трансферты укрепляли семейные узы, принудительные трансферты ослабляют их».

[449] См.: http://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crc.aspx

[450] См.: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__1595.html

В такой ситуации трудности с обнаружением признаков накоплений для наследства в альтруистических целях совершенно естественны, так же, как и рост «разнообразия» (гетерогенности) мотивов накоплений вообще и на наследство в частности. Классический образец альтруистического накопления просто в силу функции полезности, включающей в себя полезность детей и внуков, встречается с каждым поколением все реже, и его все сложнее обнаружить.

Вероятно, дополнительными маркерами, облегчающими такое обнаружение, могли бы стать приверженность традиции Синайского откровения (договора), а также политических предпочтений. Они в сочетании с наличием детей, вероятно, уже дали бы значимую связь со «старомодными» мотивами накопления. Однако при подготовке настоящего обзора нам не удалось обнаружить таких исследований.

Стимулы

Даже в худшей ситуации — при власти бандитов и насильников — бандит, озабоченный интересами своих потомков, «эффективнее» и, бесспорно, выше морально «бродячего» бандита, не стремящегося оставить наследство сыновьям (Olson 2000).

Наследование даже тогда, когда в нем есть элемент взаимной выгоды поколений, воспитывает хороших членов семьи и граждан свободного, цивилизованного общества. Зависимость от государства, от правительств, которую противопоставляют наследованию, воспитывает граждан ГУЛАГа.

Атакуемое левыми как построенное на скрытых эгоистических мотивах (осторожно, со ссылкой в целом на теорию игр, такую точку зрения приводит в Yale Law Journal McCaffery 1994; см. также Halliday 2013) взаимовыгодное сотрудничество поколений и эффективно, и морально. Левые – политики и бюрократы - разрушают и эффективность, и мораль (Фридман, Фридман 2007) одновременно, во имя власти и денег — полномочий и бюджета.

McCaffery напоминает о том, что система здоровых стимулов в здоровой «многопоколенной» семье не спасает [неявным образом имеется в виду, что не спасает при сохранении социального государства и всеобщей избирательной привилегии, каковые воспроизводят бюджетный дефицит и долг в мирное время] (Ibid., 309). Ссылаясь на модель такой семьи Барро, и исходя из вечности бюджетного дефицита, он указывает на то, что сокращение налогообложения сегодня лишь увеличит дефицит бюджета, а вслед за ним и государственный долг. Следовательно, нынешнее поколение

передаст по наследству вместе с неурезанным налогом имуществом обязательства по будущим налогам, которые могут привести наследников к худшей ситуации, чем полученное неполное наследство без сопряженного с ним роста дефицита и государственного долга. Естественно, автор не мыслит себе ситуацию, при которой вся конструкция социального государства, основанного на всеобщей избирательной привилегии, будет демонтирована, дефицит бюджета уйдет в прошлое, а вслед за ним с лагом, необходимым для погашения — и государственный долг, созданный в мирное время (см. наш анализ: Yanovskiy, Zhavoronkov, 2018; Yanovskiy, Zhavoronkov, Rodionov 2017 и предложения в разделе «Восстановление демократии налогоплательщика» главы «Технология проведения реформ»).

Основные наблюдаемые исторически альтернативы защищенному и гарантированному праву наследования — передача по наследству позиции во власти, силовых возможностей, т.е. возможностей извлекать ренту. Случаи, когда не удается передать по наследству даже власть («корону»), связаны с ситуациями наибольшего бесправия и насилия (о чем, собственно, и пишет Олсон, сравнивая бродячего бандита со стационарным — вписанным в институт династического правления).

Навязчивая идея неравенства при честном подходе должна была бы привести «борцов за социальную справедливость» не к атакам против США, Израиля и капитализма, а как раз к их поддержке как явной альтернативе тоталитарным режимам.

Только в тоталитарных режимах вымирающее от голода и болезней население, живущее на уровне ниже 300—500 долл. подушевого дохода, соседствует с уровнем потребления элиты, соответствующим среднему классу свободной страны с рыночной экономикой. Отдельная квартира, дача, автомобиль, редкие поездки за границу и качественное питание, импортированная из свободной страны мебель и домашняя техника, одежда и иные предметы потребления, приличного качества медицинское обслуживание и услуги здравоохранения соответствуют годовому доходу в 50 тыс. долл. и выше.

Пример СССР доказывает, что многие «борцы с неравенством» с большой симпатией относятся к такому образу жизни, склонны защищать такие режимы (как лауреат Пулитцеровской премии за 1932 г. Уолтер Дюранти[451]). Причины этого

[451] См.: http://www.pulitzer.org/prize-winners-by-year/1932

раскрыты Михаилом Восленским (Восленский 1990, с. 351—353) и объясняются как раз потребностью «борцов с социальным неравенством» в привилегиях и в неравенстве, причем в его самом уродливом проявлении[452], связанном с позицией во властной иерархии, а не с трудовыми усилиями и талантом.

Обзор литературы, предъявляющей претензии к имущественному неравенству, связанному с наследованием, приведен (ниже — в Приложении к настоящей главе, а также в Дополнительных материалах[453]).

Бесконечно повторяемая игра

Право наследования поддерживает и воспроизводит ситуацию «бесконечно повторяемой игры», делая оправданным и даже выгодным честное, «кооперативное» поведение[454]. Опубликованы (и протестированы в качестве компьютерных симуляций) многочисленные игровые модели, доказывающие, что при определенных параметрах (предпочтения сегодняшних благ завтрашним или наоборот) бесконечно повторяемая игра создает сильные стимулы для сотрудничества (см.: Axelrod, Hamilton 1981; Bó, Fréchette 2011). Человек, для которого завтрашнее благо, благо его внука или правнука почти столь же ценно, как его собственное сегодняшнее благо, в условиях такой игры наверняка будет «кооперативен» (добросовестен). Этого нельзя сказать о человеке, буквально живущем сегодняшним днем, т.е. для которого завтрашнее благо стоит во много раз меньше сегодняшнего. Выбор последнего не изменит даже такая игра. Впрочем, таких небольшое меньшинство, так же, как и тех, кто не готов причинить ущерб ближнему даже ради значительного выигрыша и в ситуации, когда возмездие заведомо не наступит.

В главе о значении морали для институтов дружественных частной собственности и экономическому росту книги «Институциональные ограничения современного экономического роста» мы попытались дать интерпретацию десяти заповедей в этом смысле и ключе. Первая из них — «Я — Бог», суть фактически — запрет забывать о

---

[452] «Москвичи ползали на четвереньках, а западные корреспонденты ходили только несколько согнувшись — и эта избранность осталась для них чарующим воспоминанием».

[453] http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964

[454] В экономическом смысле слова это значит не нарушать договор, следовать нормам морали, не пытаться достичь разовых преимуществ за счет нанесения ущерба другому «игроку» (партнеру).

том, что игра для каждого из нас бесконечно повторяемая, и все ходы тщательно фиксируются.

Среди базовых институтов нашего общества семья и связанное с нею право наследования являются одной из реализаций бесконечности «игры». В частной жизни она может выражаться как репутация семьи, рода, т.е. уже упомянутое выше «благородство». Ту же роль играет репутация фирмы как актив. Репутация особенно важна в транзакционно емких отраслях (банковская деятельность, к примеру). На связь репутации и кредита обращал внимание Бенджамин Франклин.

Сам феномен благородства является результатом накопления действий, укрепляющих репутацию рода, в значительной степени вследствие устойчивости права наследования. Право наследования — это воплощение двух фундаментальных для цивилизованного общества институтов — семьи и частной собственности. Наследование, в котором роль напоминания о славных предках недооценивается, придает устойчивость институту семьи, а значит, потенциально — независимому гражданскому обществу. Независимое гражданское общество, в основании которого — крепкие семейные связи, есть прямой вызов тоталитаризму, защита против зависимости от тирании — и материальной и, что не менее важно, интеллектуальной, духовной (Токвиль де 1992; Токвиль 1836)[455].

Налог на смерть

К большому сожалению борцов за «социальную справедливость» (Social Justice warriors), избиратель не любит этот налог, и это мягко сказано. Даже самые умеренные консерваторы апеллируют к ненависти своего электората к посмертному изъятию собственности государством. Так, британский премьер в 2010—2016 гг. Дэвид Кэмерон в предвыборных дебатах 2010 г. высказался весьма внятно по этому вопросу, в отличие от большинства остальных: «Если тяжким трудом ты выплатил кредит за дом для своей семьи, ты должен иметь возможность передать его детям, а не продавать, чтобы

[455] «Пока был жив дух семьи, человек, вступавший в борьбу с тиранией, никогда не оставался в одиночестве, его окружали домочадцы, друзья, связанные со многими поколениями его семьи, близкие. И даже если он был лишен этой поддержки, он действовал, чувствуя поддержку предков и ради потомков» (с. 236).

расплатиться с налоговиком [чтобы выплатить налог на наследство]. Это наиболее естественный инстинкт из всех»[456].

Перед выборами в Конгресс США 1994 г. республиканцы метко определили налог на наследство как «налог на смерть» (death tax), нмало расстроив своих оппонентов.

Администрация Дональда Трампа пыталась полностью отменить «налог на смерть», и только благодаря рыхлости республиканской коалиции в Конгрессе США налоговая реформа включает заметное (примерно вдвое) повышение порога не облагаемого налогом наследства, но не включает и не выключает предусмотренную ранними версиями отмену налога с 2023 г.[457]

Незадолго до голосования спикер палаты представителей Пол Райан заявил: «Мы просто считаем [этот налог] несправедливым. Смерть не должна быть событием, вызывающим налоговые последствия, и мы не должны препятствовать людям передавать результаты трудов всей своей жизни их детям»[458].

Правила игры, завещанные и унаследованные

Как мы уже отмечали, родительский опыт и чтение нотаций редко производят желаемое впечатление на наследников. Однако личный пример основных компонент поведения родителей, бесспорно, влияет на детей.

Такие примеры влияют на формирование и передачу человеческого капитала — в одних семьях неграмотность не воспринимается как проблема, в других нормой считается аттестат зрелости средней школы, в третьих в качестве нормы воспринимается ученая степень[459].

---

[456] «I believe that if you work hard and you save money and you pay down your mortgage on a family home you shouldn't have to sell that and give it to the taxman when you die. You should be able to pass it on to your children. It is the most natural human instinct of all».

[457] См.: Tax Cuts and Jobs Act 2017 (https://www.congress.gov/115/bills/hr1/BILLS-115hr1enr.pdf). Удивительно, но журнал для деловых людей называет это решение «подарком для богатых», хотя для владельцев многомиллиардных состояний порог в 11,2 млн долларов выглядит просто смешным изменением (https://www.forbes.com/sites/ashleaebeling/2017/12/21/final-tax-bill-includes-huge-estate-tax-win-for-the-rich-the-22-4-million-exemption). Однако подобные люди также голосуют за республиканцев, и это отчасти объясняет слабость и непоследовательность реформ. Проект на 2 ноября 2017 г. включал в себя статью об отмене налога на наследство и дарение: Sec. 1602. Repeal of estate and generation-skipping transfer taxes (файл g:\VHLC\110217\110217.061.xml, November 2, 2017 (10:46 a.m.) p. 168).

[458] «We just think it's unfair. Death should be not a taxable event, and we should not be stopping people from being able to pass their life's work on to their kids» (House Speaker Paul D. Ryan (R-Wis.), interview on "Fox News Sunday," Nov. 5, 2017).

[459] В обзоре в большинстве качественных эмпирических работ, оценивающих качество образования, учитывается показатель образования родителей как один из очевидных факторов, влияющих на достижения детей.

Такие примеры могут стимулировать сына работать так же упорно и добросовестно, как отец, или, соответственно, наоборот, доверить заботу о себе и о своих детях государству. Они определяют трудовую мораль и внутрисемейные нормы, стандарт отношения с окружающими[460] (распространяется ли требование честности только на своих). В критических ситуациях (в том числе политических — войны, революции) стандарт поведения родителей может повлиять на выбор не только детей, но и внуков их внуков.

Справедливо ли то, что Америку основали Вашингтон, Джефферсон, Франклин, Мэдисон и другие «белые мертвые мужчины», а большинство современных государств — люди куда менее разумные и благородные? Вопрос, казалось бы, странный.

Однако сама идея о том, что проживание в институционально передовом (с надлежащим образом защищающем собственника и его собственность) государстве есть чрезвычайно ценный актив, вполне очевидна. Поэтому естественно то, что джихадисты «за социальную справедливость» требуют «свободы иммиграции» или, по крайней мере, перераспределения благ, столь «несправедливо» унаследованных потомками отцов-основателей США, баронов с поля Раннимед, Вильгельма Оранского и его солдат и моряков (Shachar, Hirschl 2007; Shachar 2009).

Попробуем сформулировать вопрос чуть по-другому. А справедливо ли навязывать тем, кому защита собственника и собственности омерзительна, эти институты? Если таких в обществе большинство, они либо отменят их «демократическим путем», либо отдадут страну с такими «неправильными» институтами во власть иностранных дикарей потому, «что эта страна не стоит того, чтобы за нее умирать».

Напомним несколько примеров.

Голландские гёзы, ценой невероятного самопожертвования и огромных потерь отразившие испанское нашествие, и их потомки, восстановившие страну, проливали и кровь, и пот с тем, чтобы передать своим потомкам защищенность от безумств и фанатизма «просвещенного правительства», защиту собственника и его собственности.

[460] См.: Manning, Brown, Stykes 2014. Большинство проблемных семей с совместным проживанием детей от разных браков с родителями, приемными родителями или просто сожителями относятся к так называемым disadvantaged группам населения. Иными словами, те, кто не получили хорошего примера от своих родителей, как правило, не дают его и своим детям. См. также: Arrondel, Masson 2001. В обзоре «Государственное образование: мотор или балласт?» (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2952385) показатель образования родителей включается как стандартный контроль при оценке успехов учеников едва ли не в половине работ, т.е. связь этих параметров очевидна и общепризнанна.

Английские протестанты передали наследникам защиту от экспериментов власти по пополнению бюджета с помощью тюремного заключения. Сами они получили по наследству аналогичный опыт баронов, собравшихся на поле Раннимеда и вынудивших короля Джона Безземельного подписать Великую Хартию вольностей.

Американские колонисты, сражавшиеся за независимость, передали наследникам укрепленные английские гарантии прав и собственности, в письменном виде зафиксированные в первых десяти поправках к Конституции[461].

Активисты антикоммунистического сопротивления в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, странах Балтии передали наследникам как минимальные гарантии прав собственника и собственности, так и непокорный нрав, с которым пока не справился чиновный Брюссель. Чиновники ЕС пытаются расселить в этих странах — пока безуспешно — десятки тысяч наследников совсем иных традиций. Последние, очевидно, ближе интересам проводников идеи большого заботливого правительства, чем наследие венгерских повстанцев 1956 г., наследие Гавела и Валенсы.

Обратный пример — «собственность» (точнее, владение, держание) в отсталых странах. Там наследнику не требуется сохранять «республиканские доблести». Он не получает реальную собственность, а потому не получает ответственность. Однако ему предстоит силой или лестью оградить свое владение («держание») от завистников, так или иначе удержать его, т.е. проблема «if you can keep it» (если вы сможете ее сохранить), хотя и на низшем уровне — и морали и, соответственно, экономического развития стоит и в этих странах.

Переформулируем вопрос, заданный в начале параграфа третий раз, по аналогии с известным рассуждением Герберта Спенсера (1884). Разве не справедливо то, что люди, принимающие на себя ответственность, связанную со свободой и самоограничения, связанные с моралью, живут в среднем намного лучше, чем люди, отказывающиеся и от того, и от другого? Разве люди, живя среди которых можно не запирать двери дома и автомобиля, по прошествии времени найти свою забытую вещь, не заслуживают лучшей жизни, чем те, кто дружно ненавидит чужой успех и не упускает возможности лично поживиться за чужой счет?

[461] Лоялисты, или просто колонисты, сотрудничавшие с англичанами, продавая им за золото лучшее продовольствие, оставили на Конституции шрам Одиннадцатой поправки.

Псевдомораль и лжепророки

Огромное количество самоназначенных «моральных лидеров» (в том числе и из числа известных экономистов) либо напрямую атакуют право наследования, либо соглашаются с тем, что оно морально сомнительно. Сомнения объясняются избитой ссылкой на связь равномерного распределения имущества и доходов с моралью.

В 2010 г. миллиардеры Б. Гейтс и У. Баффет объявили о кампании «Giving pledge», под которой сейчас подписались 174 миллиардера, обещающих отдать более половины состояния на благотворительность[462]. Эта кампания была широко разрекламирована. Однако показательны несколько моментов.

Во-первых, «обещать не значит жениться», как гласит известная русская поговорка. Официальный сайт кампании не дает даже минимальной информации об объеме уже потраченных средств на благотворительность и юридических гарантиях траты этих состояний. И это глубоко не случайно — более двух третей современных долларовых миллиардеров является миллиардерами в первом поколении и, несомненно, они в курсе важности формальных контрактных обязательств. Почему же они просят верить им на слово? Видимо, потому что сохраняют готовность взять это слово обратно.

Во-вторых, по данным рейтинга Forbes 2017, в мире насчитывается 2043 миллиардера[463], т.е. к этой кампании, о результатах которой можно будет судить лишь в отдаленном будущем, подключилось подавляющее меньшинство.

В-третьих, даже если поверить, что кто-то и правда отдаст половину состояния на благотворительность, это не значит, что он не оставит детям вообще ничего, кроме хороших генов, образования и воспитания. И наконец, какой-либо внятный или хоть какой-нибудь манифест у этой пестрой компании отсутствует, в чем несложно убедиться, зайдя на их сайт. Видимо, с аргументацией у них сложно.

В частных интервью некоторые из подписантов рассуждают о самом разном — от необходимости совершения прорывных открытий для всего человечества на сэкономленные деньги, например, области медицины, до необходимости дать шанс выходцам из бедных семей (хотя, повторим, большинство подписантов — еще в

[462] См.: https://givingpledge.org
[463] См.: https://www.forbes.com/billionaires/list/23/

большей степени, нежели списка в целом сами являются как раз доказательством того, что отсутствие состояния родителей не помешало разбогатеть им самим).

Не говоря уже о том, что лучший известный способ совершения прорывных открытий, равно как и предоставления шанса бедным — это частная инициатива, причем в большей степени коммерческая. Лишь в особых случаях бюджетное финансирование фундаментальных исследований может оказаться целесообразным через некоммерческие структуры, но и тут заинтересованный в проекте частный грантодатель весьма полезен.

Сама идея мудрого государства, делящего то ли поровну, то ли по справедливости, дискредитированная, казалось, окончательно серией тоталитарных экспериментов XX в., предлагается, видимо, за неимением лучших идей, новым поколениям в надежде на их низкий интеллектуальный уровень и ослабленную антисемейной политикой мораль.

Никаких оснований для утверждений о связи равенства результатов и справедливости нет. Однако они взывают к сильным чувствам и способствуют тому, что сравнение себя с более успешным человеком воспринималось не как вызов, приглашение к бóльшим усилиям, трудам, изобретательности, но как сигнал к атаке, чтобы расправиться с «выскочкой» и переделить его имущество. Как только возможность правителя отнять понравившееся имущество простолюдина исчезла, вместе с этой возможностью ушла и несправедливость неравенства, основанного на насилии. Само по себе неравенство в современном свободном обществе морально нейтрально, либо определенно высокоморально.

Таково неравенство, обусловленное тем, что люди, прилагающие бóльшие усилия, достигают, как правило, и при прочих равных лучших результатов. Неравенство может быть несправедливо лишь в связи с бесчестными методами достижения богатства (как правило, с помощью насилия, чаще всего с использованием аппарата принуждения государства). Таким образом, по большому счету, единственное несправедливое неравенство — это неравенство перед законом, успешно преодоленное, по свидетельству Адама Смита, в Британии и ее колониях еще в XVIII в.[464]

[464] «...But above all, that equal and impartial administration of justice which renders the rights of the meanest British subject respectable to the greatest, and which, by securing to every man the fruits of his own industry, gives the greatest and most effectual encouragement to every sort of industry» («...Наибольшее значение имеет то справедливое и беспристрастное отправление правосудия, которое делает права самого скромного британского подданного неприкосновенными для самых могущественных людей и которое, обеспечивая каждому плоды его труда, служит величайшим и наиболее действенным поощрением всех видов усердия»

Получается, что основной метод «решения проблемы» — усиление государства и масштабный передел на практике приводит к чудовищно несправедливым исходам. Отнятое во имя «справедливости» (равенства) имущество достается элите перераспределителей, купающихся в роскоши (впрочем, весьма относительной). В это время бедные, во имя которых производится насильственное перераспределение, либо продолжают отчаянно нуждаться, либо массово вымирают от голода (такова история практики реального социализма в СССР, Китае, Камбодже, Северной Корее и на Кубе). Не заметно роста общественной морали и при новейших экспериментах — в ЮАР под властью Африканского конгресса и в социалистической и Боливарианской Венесуэле.

Единственное свойство человеческой натуры, напрямую порицаемое и даже запрещаемое в Десяти заповедях не на уровне поступка, но еще на уровне мыслей есть зависть, желание благ, принадлежащих другому человеку. Очевидна связь зависти (как неправильного выбора в ответ на вызов чужого успеха) и всех наиболее тяжких пороков и злодеяний.

Выводы

Право наследования — интегральная, абсолютно неотъемлемая составляющая институтов семьи и частной собственности, как крепких и уважаемых, а не временно терпимых. Право наследования накрепко связано с моралью и общества, и каждого индивида. Оно укрепляет личную независимость; закладывает основы социального капитала, способности строить и поддерживать честные долгосрочные связи между членами общества; способствует (через семью) воспроизводству морали и законов, не зависимых от воли действующего правителя (своего рода неписанной конституции) в каждом новом поколении.

Не случайно наиболее яростно атакуют и атаковали право наследования сторонники тоталитарных идеологий. Любые попытки построить искусственную этическую систему исторически включали в себя толкование справедливости как уравнительного перераспределения. Уступки тоталитаристам вызывают лишь усиление давления с их стороны. Защита права наследования, таким образом, должна иметь

(*Smith A.* The Wealth of Nations. Book 4. Ch. VII «Of colonies». Part III «Of the Advantages which Europe has derived from the Discovery of America, and from that of a Passage to the East Indies by the Cape of Good Hope». http://oll.libertyfund.org/titles/smith-an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of-nations-cannan-ed-in-2-vols/ ; ср.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 580).

высокий приоритет для всех тех, кто ценит свободу, в особенности, для тех, кто считает себя консерватором.

Выбор завещателя делался им всю жизнь — между потреблением и накоплением. Однако, как мы подчеркнули выше, главный выбор, который делает возможным любой другой, так как ограждает собственника и собственность от грабителей — и из толпы, и из правительства — это решение активно защищать институты ограниченной власти, свою свободу и собственность. Сделав выбор в пользу сохранения конституционных основ правовой рыночной демократии — ограниченного правительства, свободы и собственности, завещатель ставит перед аналогичным выбором и наследника. Выбор наследником свободы и ответственности «сохраняет республику» и делает возможность сохранение и дружественных рынку институтов. Последние же создают условия для сохранения и преумножения унаследованного, причем для большинства наследников в некогда свободных странах потенциальный выигрыш от сохранения свободы и собственности, измеряемый в деньгах, превышает денежный эквивалент наследства в узком смысле этого слова.

Отношение к праву наследования и к налогу на наследство служит важным индикатором истинных долгосрочных намерений политиков и иных общественных деятелей, а также интеллектуальных лидеров, претендующих также на роль лидеров «моральных». Бесчисленные лжепророки выдавали, выдают и будут разоблачать себя как раз отношением к наследованию.

Между пониманием необходимости восстановления и укрепления прав оставлять и получать наследство и принятием соответствующих мер остается «всего лишь» политическая реализация. Проблемам и вызовам, стоящим перед консервативным движением на пути реализации понятных и необходимых мер, посвящена следующая глава.

Приложение к главе 6 «В защиту права наследования»

С чего они взяли, что равное распределение справедливо?

С древних времен и до становления свободного капиталистического общества богатство было в основном атрибутом власти, если угодно — функцией от власти и

грубой физической силы как средства перераспределения, т.е. грабежа и разбоя, даже если последним придавали видимость законности, именуя налогами.

Представление о том, что никакой «простой смертный» не может получать более высокие доходы и иметь в собственности нечто большее и лучшее, чем у правителя (а равно и чем «более благородного» подданного из более высокой социальной ячейки, приближенного к главному бандиту) укоренялось тысячелетиями. Внутри своей ячейки уровень «богатства» (точнее, бедности и несчастий) был более или менее равномерным, а заглядываться на роскошь знати и правителя означало подвергнуть себя смертельному риску. И почти никто тысячелетиями не решался оспорить «справедливость» подобного порядка, за исключением крайне редких случаев, когда сила правителя, элиты и страх перед ними «давали трещину» и сходили на нет. Тогда и только тогда неравенство начинало возмущать публику, она свергала правителя и сажала на его место другого, достаточно сильного, чтобы снова никто не решался задавать вопросы о «легитимности» его роскошной жизни.

Успех же человека, не связанный с властью и силовым перераспределением, традиционно вызывал подозрение и ненависть и сверху, и снизу. Такая история описана в Книге первой Пятикнижия, когда праотца Исаака изгоняют из области Грар за то, что в результате помощи свыше он невероятно разбогател. Местный царь знал о силе, стоящей за Исааком, и не рисковал атаковать его, но и терпеть такого сверхуспешного соседа не мог без ущерба для своей репутации: «...и сеял Исаак и получил сторицей, ибо благословил его Бог... и стал весьма богат... и завидовали ему филистимляне... и все колодцы... засыпали... землей. И сказал [царь] Авимелех Исааку: “Уйди от нас, ибо стал ты намного сильнее нас”» (Бытие 26, 12—16).

Новое представление о том, что власть дается хотя и свыше, но только для того, чтобы защищать жизни и права граждан, а также и богатство дается свыше, сделало достаточно терпимым отношение к успеху другого. При этом «государственных мужей» никогда не покидала тоска по порядку, когда они могли бы определять каждому его шесток. Зависть, страх перед рисками и ответственностью поддерживали и подпитывали массовый спрос на идеи насильственного перераспределения даже в эпоху классического капитализма в свободных странах. Вред от него, однако, нивелировался цензами: власть выбирали только те, кто либо унаследовал состояние, либо заработал его, а потому опасался разжигать низменные инстинкты в пользу перераспределения.

По мере распространения всеобщей избирательной привилегии и рекламы «успехов реального социализма», наконец — «академической» легитимации

насильственного перераспределения, древняя идея получила новые возможности для распространения.

Ранее грабеж, а теперь «социальная справедливость»

Идея «социальной справедливости», или, в «облагороженном» апологетами (такими как Джон Ролз [John Rawls], Амартия Сен [Amartya Sen]) виде «распределительной справедливости» рутинно становилась прикрытием либо для псевдолегального грабежа, осуществляемого власть имущими, либо погромов и насилия. Даже в самых цивилизованных странах реализация этой идеи на первом этапе приводит к хронической социальной зависимости, развалу семей, зависимых от помощи правительства (Moynihan 1965), затем — к ее «нормализации» (над чем не покладая рук работают и ученые-обществоведы[465]). Томас Соуэлл (Thomas Sowell) заметил: «Зависть рассматривалась как смертный грех до тех пор, пока не превратилась в доблесть под названием “социальной справедливости”»[466].

Допустим, что неравенство и есть несправедливость, а в неравенстве виновны не те, кто препятствуют экономической свободе и честной конкуренции, а те, кто лучше воспользовался свободой и победил в честной конкурентной борьбе.

Тогда трудолюбивый виноват в несправедливости в отношении ленивого.

Те члены общества, которые унаследовали уважение к закону, укорененному в Синайском откровении и живущие в достатке, оказываются виноваты перед членами шайки, превратившими свою собственную жизнь в ад. Соответственно, законопослушный и честный работник, защищающий свою собственность и уважающий чужую, нередко будет виноват перед неудачником, неспособным создать свое и не считающим зазорным присвоить чужое.

***

Демократия или, точнее, политическая конкуренция, является важной гарантией неприкосновенности собственности и собственника. По мере того, как на избирательные участки приходит все больше клиентов социальных программ, убеждаемых в том, что их новые требования «справедливы», демократия сама становится источником угрозы и собственности, и собственнику.

---

[465] См., к примеру, несколько ссылок в кратком обзоре в дополнительных материалах к статье о всеобщем избирательном праве: “Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives?” Supplemental Materials — section “Destigmatization of welfare dependence” (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3555026).

[466] «Envy was once considered to be one of the seven deadly sins before it became one of the most admired virtues under its new name, “social justice”» (Sowell 1999).

Политическую конкуренцию прекрасно обеспечивала, однако, и цензовая демократия, при которой голосовали только грамотные и заинтересованные в защите собственности налогоплательщики.

Социальная справедливость есть не что иное, как призыв, как правило, вполне состоятельных политиков к бедным поддержать их усилия по насильственному перераспределению богатства. Богатство, подлежащее перераспределению, создано благодаря таланту и оправданному риску предпринимателей усилиями усердных квалифицированных работников.

Понятие справедливости, укорененное в традиции этического монотеизма, глубоко враждебно идее насильственного перераспределения. Десятое речение буквально запрещает даже думать об этом, поскольку в таких раздумьях корень множества (если не всех) преступлений — убийства, лжесвидетельства, похищения человека, прелюбодеяния.

Многочисленные страновые эксперименты по установлению «социальной справедливости» показали, что устроители ее сами склонны жить по стандарту «несправедливой» «буржуазной» модели (Voslensky 1984). При этом во имя снижения на десяток-другой пунктов коэффициента Джинни (Gini Coefficient) сотни миллионов были лишены свободы и достоинства, а десятки миллионов потеряли жизни (Courtois, Werth et al 1999; Gissurarson 2018; Solzhenitsyn 1973).

Джихад за социальную справедливость

Стюарт Браун (Braun 2010; Braun 2016) изначально ставит под сомнение моральное право личности (коль скоро на момент реализации своей воли ее не бывает в живых) оставлять завещание. Соглашаясь временно не оспаривать такое право, он утверждает, что приоритет интересов живых перед волей мертвых дает «право» (на самом деле полномочие) властям регулировать наследства и облагать их налогами.

Откровенность автора является, безусловно, сильной стороной его труда. Так, он называет распределение богатства в США и Великобритании «возмутительно неравным» (disturbingly unequal).

Браун успешно убеждает себя одной ссылкой на Нозика[467] и ее более чем произвольной интерпретацией (Nozick 1974, Braun, 2010 pp. 698—699) в том, что, даже стоя на позиции либертарианцев и классических либералов, невозможно доказать (отстоять точку зрения), что завещание является правом человека.

Уверенность этого далеко не «самого оригинального моралиста» в современных США строится не на сомнительных интеллектуальных фокусах, а на фанатично религиозной уверенности в свой самодельной «моральной» правоте и в высшей моральности уравнительного перераспределения. Поэтому, вероятно, наилучшим ответом такому типу авторов могли бы быть ссылки на традиционные религиозные источники и на превосходящую политическую силу, достаточную для того, чтобы не позволить реализовать пропагандируемые ими социальные эксперименты. В конце концов, главная сила сторонников принудительного перераспределения — грубая физическая, а теоретическая аргументация служит только для придания грабежу пристойного вида, хотя последняя функция сама по себе важна (Солженицын 1974).

Между тем, публикаций таких «оригиналов» можно в последние десятилетия найти в изобилии (к примеру, Schrader, Winfrey 1984; Haslett 1986; Shachar, Hirschl 2007; Shachar 2009, Braun, 2010, не говоря уже о восторженно принимаемом сторонниками перераспределении доходов Piketty 2013, Piketty 2014, взывающем откровенно к наследию коммунистов).

В некоторых публикациях в защиту борьбы с последствиями капиталистического процветания равенство провозглашается как заведомо благая цель, как неоспоримая ценность (Keister 2003). В качестве доказательства приводится следующий аргумент консерваторов против «налога на смерть» (как называют налог на наследство американские консерваторы). Налог наносит удар по среднему и малому бизнесу[468] (чтобы заплатить налог, приходится нередко продавать бизнес или значительную часть его активов, что признает и г-жа Кайстер). Кроме собственно налога консерваторы требуют учесть бремя административных издержек уплаты, более тяжелое для малого и среднего бизнеса, не говоря уже о проблеме двойного налогообложения. Суть налога на наследство именно в том, что он уплачивается не на новый доход, а на совокупность старых, на которые налоги уже были уплачены — просто в связи со смертью

[467] Удостоен чести ссылки главным образом потому, что защищал право наследования не слишком стойко и последовательно.

[468] Эмпирическую проверку, подтверждающую уязвимость именно малого бизнеса к данной компоненте налогового бремени (налоги на наследство и дарение), провели, в частности, Yakovkev and Davies 2014.

собственника. В итоге большой бизнес испытывает меньшую конкуренцию, чем в отсутствие налога. Однако суть аргумента здесь, очевидно, не в том, что равенство само по себе суть большое и несомненное благо.

В подтверждение очень сильного тезиса о том, что от отмены налога теряют все, приводят главный аргумент — налог стимулирует завещания в пользу «социально полезных» учреждений образования, науки, культуры и здравоохранения. Однако, как мы показываем в обзоре соответствующей главы[469], исторически главным угнетающим благотворительность фактором стало как раз социальное государство, которое огромными налогами и масштабными социальными проектами вытесняет частную благотворительность (не говоря уже об эффекте «освобождения от моральной ответственности» — «заплатил налоги, сдал ответственность», о котором пишет Дипак Лал (Лал 2007 со ссылкой на Magnet 1993, 198).

Именем статистики Данни Дорлинг (Dorling 2013) требует противостоять неравенству[470]. Приводимые им данные «опасного» нарастания негативных тенденций дают основания скорее говорить об опасности выравнивания.

[469] См. главу 7 «Благотворительность» в книге «Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира» (https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2923868).

[470] («…Rising inequality is inevitable is to be countered».) As personal and national debt rises, as inequalities increase, violence in general becomes more common and more acceptable. С учетом безусловно известных автору исторических данных о динамике тяжких преступлений, о ее связи с притоком мигрантов из стран, в которых человеческая жизнь не ценится высоко, он не столько предупреждает, сколько угрожает, намекая определенному типу читателей на необходимость отвечать насилием на имущественное неравенство. Первыми такие намеки понимают обычно Social Justice Warriors из университетских кампусов.

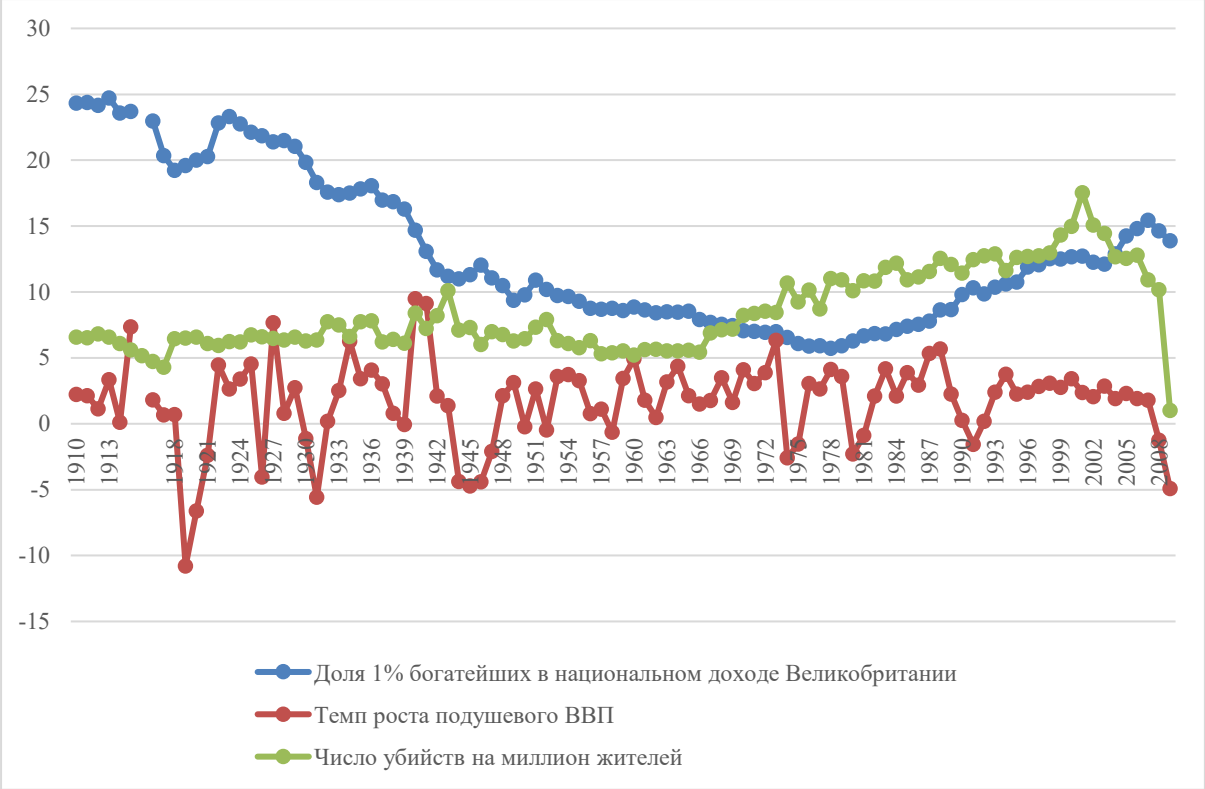

Рис. 16. Динамика доли доходов «верхнего» 1%, темпов роста подушевого ВВП и числа убийств за год на 1 млн жителей.

Насилие колеблется чуть ли не в противофазе с долей доходов богатых англичан. Темпы роста ВВП не демонстрируют никакой связи с показателем неравенства доходов.

Источники: Dorling 2013 (доля верхнего 1% в национальном доходе); Mitchell B. R. International Historical Statistics: Europe 1750—2005 2007 London: Palgrave Macmillan 2007 6th Edition (население — использовалось для расчетов); Bolt, Zanden 2014; WDI — WB (GDP per capita Usd 2010) — для расчета динамики подушевого ВВП; bulletin Crime in England & Wales, year ending June 2017 https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/crimeinenglandandwales/previousReleases ; http://www.blog.murdermap.co.uk/statistics/homicide-in-england-and-wales-1898-to-2012/ (со ссылкой на предыдущий источник — ранние публикации британской — Office for National Statistics — статистики) — данные по убийствам. Мера для убийств (одно убийство на миллион вместо стандартной меры — на 100 тысяч) взята для большей наглядности.

Идея масштабным перераспределением лечить социальные недуги и даже предотвращать войны, поскольку не зависть и не желание ограбить трудолюбивого зажиточного соседа, но возмущение «несправедливостью» будто бы провоцирует насилие и войны, распространена сегодня в научной среде настолько широко, что приводится как своего рода «общепризнанное знание» без фактов и доказательств. Так, к примеру, делает Теодор Лоуай (Lowi 2002, 72). Как о чем-то давно доказанном он пишет о массированном перераспределении богатства и создании массово искусственной занятости, которые могли бы в разы снизить преступность и сократить

вдвое контингент тюрем в США. Продолжает он эту мысль утверждением о том, что масштабное перераспределение богатства между странами могло бы прекратить войны (Ibid., 72)[471].

Айелет Шахар (Shachar 2009) не без оснований указывает на схожесть случайности рождения в той или иной семье (по статусу, накопленному богатству и доходам, уровню культуры) со случайностью рождения в той или иной стране (по богатству, доходам, той же культуре). Эта аналогия вызывает у нее чувство острой «социальной несправедливости» и желание исправить ее.

Шахар, правда, не поддерживает идею открытых границ с прибытием всей Африки в гости к морализирующим интеллектуалам (Shachar 2009, 71). Однако предлагаемый ею подход на практике естественным образом радикализируется и реализуется с наибольшей вероятностью именно в радикальном варианте. Завоз управляемого (или кажущегося таким) электората из отсталых стран уже широко популярен среди левых политиков и бюрократов.

Опыт «реального социализма» показывает широту возможностей самых радикальных социальных экспериментов, в ходе которых устроители, естественно, ничем лично не рискуют. Так, коммунистические власти в конце 20-х гг. при И. Сталине уничтожили продуктовый рынок, сложившийся в период новой экономической политики. Коллективизация, т.е. новое закрепощение крестьян с последовавшим чудовищным голодом[472], суть ничуть не менее радикальная акция, чем идея масштабной замены населения, привычного к конституционно ограниченной власти, к демократии, на население, привычное к подчинению диктатору. Плоды такой замены весьма заманчивы для сторонников большого правительства и создают сильную мотивацию реализовать именно радикальный вариант «исправления несправедливости». При его реализации хорошо охраняемая элита лично не пострадает (примерно так и происходит с нелегальными иммигрантами из стран, в которых человеческая жизнь не ценится высоко, уже сегодня в Европе и в Израиле).

Большим потенциалом обладает пока менее академически принятая и признанная идея, дополняющая идею Айелет Шахар. Речь идет о ранней национализации детей с

[471] Российскому читателю следует иметь в виду, что речь идет о широко признанном авторе — бывшем профессоре Cornwell University, авторе пользующихся популярностью в научной среде книг (таких как «The End of Liberalism» и др.) и далеко не самом радикальном.

[472] Не повлиявшим на динамику благосостояния «номенклатуры» (Восленский 1990; Осокина1999).

насильственным перераспределением младенцев во имя «борьбы с расизмом»[473]. Последняя как раз «исправляет несправедливость» — случайность рождения и на семейном уровне, и, очевидно, требует задолго до своей реализации сокрушения института наследования как важной опоры института семьи. Данное решение требует установления тоталитарного режима. Однако такие режимы и их воспроизводство не редкость в мировой истории (Пивоваров 2005; Пивоваров, Фурсов 1999).

Плохая репутация и долги по наследству

Честному стороннику большого щедрого правительства следовало бы атаковать институт наследования не в лоб, а фокусируясь на случае отрицательного наследства.

Плохо начинать взрослую самостоятельную жизнь, оплачивая долги отца. Ужасно иметь репутацию незаконнорожденного — плода греха, напоминания о позоре родителей. Не говоря уже об иных также нередких случаях плохой репутации родителей и связанных с нею ожиданий окружающих.

Однако, если мы все понимаем, что желательно было бы избавить ни в чем не повинное дитя от бремени ошибок родителей, то не логично ли ограничить детей и в правах на наследование не ими заработанного имущества?

Первая часть этой аргументации, действительно, широко использовалась для эмансипации незаконнорожденных, не говоря уже о просто рожденных вне брака детях.

Идея ограничить право оставлять и получать наследство под предлогом ограждения от рисков очевидна. Тем более, в мире (и даже в развитых странах) проблема нарастания задолженности по потребительским кредитам (не говоря уже о долгах за покупку недвижимости и за учебу в университете) более чем актуальна.

На это у нас есть три основных возражения.

- ***Первое*** — законы о наследстве и о передаче долгов наследникам (во всех смыслах, включая моральный) существенно по-разному относятся к случаям передачи «положительного» и «отрицательного» наследства именно потому, что наследник не несет моральной ответственности за неосмотрительность или даже аморальность родителей.

[473] См.: https://aeon.co/ideas/if-babies-were-randomly-allocated-to-families-would-racism-end. Очевидно, что авторы идеи не имеют в виду распространить принудительный обмен на новую элиту «нового либерального порядка».

- ***Второе*** — у закона есть, кроме функции наказания за запрещенное действие, функция морального воздействия. В особенности у «частных» законов (религиозных норм, норм морали).
- ***Третье*** — текущие тенденции в смысле освобождения индивида от ответственности вместе с ограничением его прав, будучи обращены вспять, снимут львиную долю проблем, связанных с «отрицательным» наследством, и резко сократят число подобных случаев (как и было в исторически недавнем прошлом).
- В большинстве правовых систем далеко не все долги передавались и передаются по наследству. Обычно передаются долги по недвижимости (что естественно — если получаешь в наследство дом, то вместе с ним и долг по ссуде, на которую он был построен), намного реже — долги, связанные с предпринимательской деятельностью.
- Роль закона как формального признания моральной нормы. Даже в законах государства (в правовом государстве) самый жесткий вариант наказания применяется редко, а то и не применяется вовсе, тем более в законах моральных. Однако даже «спящая» норма может работать, и работает, чаще косвенно, нежели напрямую и буквально. Она демонстрирует отношение общества к тем или иным бесчестным и аморальным действиям. Не обязательно налагать на плод супружеской измены максимально тяжкое наказание (когда печать позора ставится и на него, и на все его потомство). Висящий над головой меч напоминает кое о чем, даже если он привязан надежно и никогда ранее не падал.
- Откуда берется большинство тяжелых долгов?

1. Из нарушения зафиксированного в Пятикнижии запрета выдавать ссуду под проценты (например, потребительские кредиты)[474], вкупе с обычной моралью общества иждивенцев, играющих в одноходовые игры: «хочу здесь и сейчас» вместо «не возжелай...». Отсюда склонность к взятию необеспеченных доходом потребительских кредитов и низкий «спрос» на детей (низкая заинтересованность в деторождении; низкая рождаемость, соответственно

[474] Запрет взимания процента очевидным образом связан с определенным должником — бедным. Запрета на совместный бизнес, а значит, на разные формы раздела прибыли нет ни в Пятикнижии, ни в Писании, ни в Пророках, ни в классических комментариях к ним. При этом традиционный способ обхода запрета — давать в долг неединоверцам — в наше время вряд ли применим на практике даже при гарантированной свободе частной дискриминации. Само позиционирование бизнеса как работающего только для определенных конфессий (как заведомо инфериорных) ставит под вопрос его репутацию и эффективность.

проблема наследования долгов не слишком значима общественно, на больших числах в «нормальной» ситуации с ограниченным правительством и сильным гражданским обществом основанном на крепком институте семьи).

2. Неудачные коммерческие проекты (тогда даже смерть партнера по проекту — суть естественный риск).
3. Результат особо тщательно поддерживаемой и защищаемой государством монополии (платежи за воду, электричество и подобные).

Пример государства, живущего в долг, постоянно делает задолженность почти что респектабельной. Естественно, до определенного предела — когда долги просрочены и человек быстро убеждается в принципиальной разнице между личной и государственной неудачей или безответственностью. Однако проблема тут прежде всего не в дурном примере. Государственные финансы, по мере роста бюджетного дефицита и государственного долга влияют и на финансовое положение частных лиц, которые рискуют потерять часть своего имущества, иногда весьма существенную.

Кстати, так было и в древние века. Банкротство Египта во второй половине XIX в. привело не только к утрате контроля над Суэцким каналом, но в существенной степени и к утрате государственного суверенитета страны. При этом банкротство из-за неумного расточительства режима хедива Исмаила наступило всего за 14 лет: с 1862 г., когда режим получил первые иностранные займы, до 1876 г. долг Египта вырос в 23 раза (!) до 76 млн фунтов, что примерно в 10 раз превышало годовые доходы, а более половины бюджета требовалось только на выплату процентов по долгу. Исмаил потерял и 44% акций канала, и власть, а когда его преемники попробовали отказаться от требований кредиторов, в 1882 г. английские войска (англичане к тому времени консолидировали в своих руках основные кредиты) начали боевые действия против египетских властей, завершившиеся их быстрым разгромом. Формально Египет продолжал оставаться автономией в составе Османской империи, но фактически приобрел колониальный статус. В свою очередь тяжелые долги самой Османской империи немало способствовали деградации и ее статуса, и утраты ею территорий — включая тот же Египет, где изначально назначаемые Стамбулом правители подняли мятеж и добились фактической независимости. Эти и другие истории хорошо изложены в знаменитой работе «В этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства» К. Рейнхарт и К. Рогоффа (Reinhart, Rogoff 2009; Рейнхарт, Рогофф 2011).

Мы ранее подробно останавливались на решении проблемы расстроенных государственных финансов (Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018). Наши предложения по сворачиванию социального государства и вообще большого заботливого правительства имеют своей целью не столько заботу о финансовом здоровье общества, сколько о восстановлении способности быть свободным, которая немыслима без способности быть ответственным.

Поэтому здесь мы не будем углубляться в решение каждой из обозначенных проблем, хотя ясно, что они не связаны непосредственно с институтом наследования. Соответственно нет никакого смысла ограничивать право наследования для решения обозначенных выше проблем.

В любом случае, даже сегодня случаи передачи реального значимого наследства более распространены[475], нежели оставление в наследство долга (если не считать «наших» долей в долгах правительств). При повышении планки общественной морали случаи отрицательного наследства будут становиться все менее и менее заметной практикой по сравнению с оставлением значимого положительного наследства. Наблюдаемые же случаи необходимости платить по долгам отца будут только способствовать такой тенденции. Люди в большинстве своем готовы (и тем более будут готовы) к дополнительным усилиям с тем, чтобы избежать посмертного позора.

Другие реальные проблемы и вызовы

Незаработанное имущество и статус могут тяготить (Mises [1956] 2008; Мизес 2023), особенно если их обладатель полон решимости не доказывать обществу тяжкими трудами свое соответствие уровню предков и свою решимость умножать семейный капитал, прежде всего, социальный, моральный.

Те отпрыски богатых семей, которые сами строили свою карьеру с нуля, не имеют особых проблем. Так, Джордж Буш-старший — сын сенатора и мультимиллионера, воевал добровольцем во время Второй мировой войны, а после войны строил

[475] О чем свидетельствует статистика по сбору налогов на наследство. Нигде такой налог не дает значимой доли доходов, но там, где он собирается, он дает обычно от 0,5 до 1,5—2% налоговых поступлений властей всех уровней. См. базу данных ОЭСР: http://stats.oecd.org (public sector, taxation, revenue statistics).

собственный бизнес[476]. Несмотря на то, что такие примеры, бывшие в свое время заурядными, становятся все менее распространенными по мере снижения общественной морали, провоцируемой социальным государством, ответственность самого наследника никуда не исчезает. Он может сделать правильный выбор — умножать полученное наследство упорным трудом и крепкой волей. Но куда проще, а потому заманчиво постараться откупиться от джихадистов «за социальную справедливость» деньгами, полученными в наследство, особенно, если провалы в образовании (в знании истории) скрывают от него неизбежные долгосрочные последствия такой стратегии.

[476] До тех пор, пока он не обосновался в Вашингтоне и не перенял нравы столицы американской бюрократии, его мораль была на высоте и немало способствовала умножению его политического капитала.

7. Общие проблемы современного консерватизма и общие вызовы, стоящие перед консерваторами

7.1. Склонность к компромиссам как проявление консерватизма и компромиссы по принципиальным вопросам

Приверженность консерваторов национальным ценностям часто играет с ними злую шутку. Слишком часто они воспринимают сторонников социального государства с мягкими бюджетными ограничениями и с отсутствующими ограничениями по полномочиям как оппонентов. При этом очевидно, что сама их позиция, равно как и накапливающийся опыт действий, давно пересекли все мыслимые красные линии.

Трудно представить себе реакцию лидеров США поколения отцов-основателей или даже поколений гражданской войны и Компромисса 1877 г. на попытку властей контролировать образование, внушая детям преимущества тоталитаризма, мифы про «провалы рынка» и «достижения» социального государства, не говоря уже о мифах о порочности европейской цивилизации, о всемирном заговоре «мертвых белых мужчин» с целью доминирования над женщинами (Code 2002, 28) и меньшинствами и о том, что мужчина может рожать. Попытки атаковать семью, агрессивно вмешиваясь во внутрисемейные конфликты мужа и жены, настраивая детей против родителей, предлагая детям втайне от родителей пройти экспериментальный «медицинский» курс, завершающийся кастрацией (стерилизацией) с невозможностью потом создавать семью и иметь своих биологических детей, вызвали бы реакцию куда более острую чем несправедливость в обязанности платить налоги без представительства в парламенте.

Нет сомнений в том, что те американцы взялись бы при такой угрозе за оружие, а не искали бы в такой ситуации компромисс.

Национальное единство, компромисс были в тех же США совершенно разумной целью и инструментом ее достижения соответственно накануне Гражданской войны. Так же, как и в 1877 г. был предотвращен ее второй раунд.

Однако в эпоху социального государства национальное единство превращается в опасный фетиш. Компромисс же все чаще маскирует нежелание лидеров консерваторов брать на себя ответственность за необходимые, но малоприятные меры.

Сама консервативная коалиция постоянно пополняется новыми группами, выпавшими из фавора социальных бюрократов и союзных им политиков. Такими

«приобретениями» становятся рабочие, склонные придерживаться некоторых важных элементов европейской культуры, и не понимающие, почему надо производить низкого качества машины и устройства в Китае, а не высокого качества в Европе и Северной Америке. К ним скоро могут присоединиться и «белые» феминистки, оказавшиеся недостаточно гибкими для того, чтобы признать себя обязанными признавать приоритет трансгендеров и исламистов. Это расширение коалиции часто также используется как повод для сдачи идеологических позиций при том, что новые союзники приходят не привлеченные консервативной идеологией (т.е. послабления совершенно ничего не дают), а разъяренные новыми «колебаниями курса партии» этатистов («левых» по нашему определению), которым они не хотят следовать.

7.2. Политическая машина социального государства

Из приведенных в четвертой главе страновых примеров можно составить представление о том, насколько велика мощь политической машины социального государства. Основой ее функционирования является возможность корпорации независимых от избираемых политиков чиновников (Sanders 2004) подкупать зависимого избирателя за счет налогоплательщика (Ясаи, Jasay 1985). Иными словами — формула успеха этой машины — независимость чиновников, распределяющих социальные программы плюс всеобщая избирательная привилегия. Ни одна политическая партия в старых демократиях не обладает ресурсами, даже отдаленно сопоставимыми с ресурсами социального государства.

Нередко важным узлом этой машины (в Израиле — ведущим) является активистская судебная система. Последняя как бы заменяет законодателя, и избиратель, формально голосуя, оказывается совершенно «вне игры». Избиратель, получивший привилегию благодаря уплате налогов и службе в армии, с таким положением наверняка бы не смирился. Но избиратель, получивший ту же привилегию бесплатно, естественно, видит в ней куда меньшую ценность и не придает краже полномочий у депутатов судьями большого значения.

Мы подчеркивали в нашем анализе (включая анализ исторической статистики — Yanovskiy, Zhavoronkov 2018): массовые партии сторонников большого заботливого правительства, перераспределительных программ возникают после введения всеобщей избирательной привилегии (в случае Германии — после введения ее для мужчин). Эти

массовые партии, нередко опирающиеся также на профсоюзы и тесно связанные с социальной бюрократией (см. выше — «Верхушка федеральной бюрократии в зеркале голосований» — как голосуют федеральные бюрократы в Вашингтоне), завершают впечатляющую конструкцию машины, почти не имеющей слабых мест.

Забытый конфликт интересов

Сторонник большого не ограниченного в полномочиях государства, сам являющийся чиновником и участвующий в подкупе пособиями и «социальными услугами» зависимого электората, и живет сам, и осуществляет подкуп за счет налогоплательщика, т.е. он находится в состоянии конфликта интересов. В том, что именно такие («левые» по нашему определению) чиновники составляют подавляющее большинство, мы уже убедились на конкретных примерах и данных (Yanovskiy, Zhavoronkov 2018; см. также пример голосований в г. Вашингтон — округ Колумбия в главе 4).

Хуже того, такие чиновники в союзе с единомышленниками-политиками умножают и распространяют аморальные образцы поведения. Они подкупают ученых огромными грантами, они подкупают гарантиями занятости учителей и профессоров, занимающихся промыванием мозгов школьникам и студентам (Лисин, Яновский и др. 2011, гл. 2). Угрозами и подкупом они вынуждают врачей работать не с пациентом, а с бумагами и назначать лечение не по выявленным проблемам, а по спущенным из министерства протоколам под угрозой изгнания из профессии. Угрозы ограничения доступа к здравоохранению «непослушных» пациентов пока в основном остаются угрозами, если не считать давления на работодателей с требованием увольнять непокорных. Однако претензия на то, что государственное здравоохранение имеет полномочия определять дату ухода человека из жизни, называя это «правом на смерть с достоинством», уже нашла поддержку в судах Великобритании и одобрена Европейским судом по правам человека (см. подробнее обзор литературы по истории государственного здравоохранения[477], а также Wilkinson, Savulescu 2018).

[477] См.: https://ssrn.com/abstract=3029673

Избиратель, голосующий за расширение программ помощи себе самому (за счет более усердных современников или за счет будущих поколений налогоплательщиков), пока оказывается почти вне обсуждения (Норре 2001; Яновский, Жаворонков 2017).

Библейское понятие «взятка», которая «ослепляет мудрецов и искажает слова праведников» (Второзаконие 16, 19), очевидно, не является случаем прямого подкупа, иначе бы субъекты такового не характеризовались как «мудрецы и праведники». Речь, судя по контексту, идет о любом преимуществе, удовольствии, получаемом от одной из сторон судьей или моральным авторитетом. Стоит ли напоминать, что большинство избирателей не являются ни мудрецами, ни праведниками?

В то же время избиратель при всеобщем избирательном праве в большинстве случаев голосует за партии и за кандидатов, заметно различающихся по готовности одобрять программы «щедрого» правительства. Некоторые могут даже возражать против таковых. Избиратель — донор бюджета может поддерживать подобные программы частным образом. Механизм нормальной частной благотворительности в целом намного эффективнее государственных программ (см. обзор: Яновский 2019). Зато зависимый от бюджета избиратель, как правило, готов голосовать за политиков, вредящих обществу в целом и долгосрочно, при условии получения от них краткосрочных выигрышей для себя здесь и сейчас. Конечно, есть и исключения из правил, вроде недавних поражений левых в Аргентине, а до этого - в Бразилии. Эти государства — классические примеры клиентелизма, подкупа целевых групп избирателей за счет бюджета. Следует подчеркнуть, что пока такие случаи весьма редки.

К принятию законов, адресующихся к тем или иным проблемам избирателей, также применимо мягкое библейское понятие взятки (при том, что такие законы обычно проводятся с тем, чтобы изобразить активность депутата, а не решают проблемы). Однако симпатии тех, кто получил привилегию участия в голосовании только с введением всеобщего избирательного права, зачастую завоевываются средствами, куда более напоминающими прямую взятку.

Растущая доля лиц, зависящих от разных форм помощи за счет бюджета, в литературе последних десятилетий не рассматривается как моральная проблема. Между тем, именно последствия для морали от участия зависимого электората в выборах являются ключевыми. Причем сама процедура постоянно подталкивает все новых «пограничных» избирателей понизить свой моральный уровень, т.е. перейти из разряда налогоплательщиков со скромным вкладом в общее дело в число клиентов бюджета и

социальных бюрократов. Всеобщее избирательное право не просто производит разовый негативный моральный эффект, но расширенно его воспроизводит[478].

Связь всеобщего избирательного права с ростом партий, настроенных против свободного рынка, очевидна из исторической статистики (Yanovskiy, Zhavoronkov 2018; см. также дополнительные материалы — Supplemental materials[479]). Откровенно враждебно настроенный по отношению к рынку Роберт Даль сам подчеркивает (не удивляясь отсутствию логики) следующее обстоятельство: наделенные правом голоса (те, кто уже преуспел благодаря рынку) в результате расширения привилегии использовали его для борьбы со свободным рынком. Современные экономисты (Acemoglu, Robinson 2006) схему использования бюллетеня как оружия перераспределения воспринимают как естественную, само собою разумеющуюся, и эта схема не вызывает у них морального протеста.

Между тем голосование за принуждение налогоплательщиков платить больше на содержание избирателя при угрозе наказания за отказ с использованием всей карательной мощи государства принципиально не лучше обычного ограбления, при котором используются куда менее мощные виды оружия.

Есть ли смысл обсуждать недостатки всеобщей избирательной привилегии?

Вернемся ненадолго к тому, что Каха Бендукидзе говорил о всеобщей избирательной привилегии (Федорин 2015, 197):

> *Сейчас какое общество ни построй, оно будет сильно левым. Всеобщее избирательное право очень в этом смысле усложняет задачу. Понятно, что от него некуда деваться — обстоятельства, соседи, мировой порядок... Какую бы силу вы ни считали реально существующей, она не позволит вам построить дискриминационное общество.*
>
> *Одно дело — закладывать основы в обществе, где существует ценз голосования, и другое — в обществе, где нет ценза. Грузия — хороший пример. Выиграли выборы просто обещанием халявы. Так же не могло произойти в Англии XIX в. Дизраэли кому должен был обещать халяву? Особо некому было. Всеобщее избирательное право очень усложняет строительство. Зато если получится, здание будет крепкое.*

[478] См. примеры в: Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011. Гл. 13.
[479] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3555026

<...>

Никакая страна мира не способна сейчас перейти к цензовой демократии. Непонятен механизм, как это может произойти без расстрела большей части населения.

Итак, многие далеко не глупые люди уверены, что обсуждать бесспорные недостатки всеобщей избирательной привилегии нет смысла, поскольку ее невозможно упразднить. Между тем, этот стереотип полностью опровергается историческими фактами.

Случаи ограничения однажды дарованного права голоса зафиксированы в XIX в. неоднократно (Congleton 2011, 550). Так, в некоторых южных штатах США после восстановления суверенитета (после Компромисса 1877 г.) были введены цензы, ограничившие (на практике) участие в выборах афроамериканцев. В более сопоставимой с современностью ситуации Законодательное собрание Франции законом от 31 мая 1850 г. ввело ценз оседлости и уплаты налогов. Ценз отстранил от выборов примерно треть избирателей (Berenson, Duclert, Prochasson 2011, 32). Формальная же отмена ценза Луи Наполеоном была обесценена переворотом и демонтажем демократического режима 2 декабря 1851 г.[480]

История становления ограниченного государства и политической конкуренции практически не знает случаев, когда возмущенные обездоленные, бедные «женщины и меньшинства», восстав, завоевали бы «избирательные права». Избиратели, действительно завоевавшие права участвовать в управлении государством (английские сторонники парламента, свергшие Карла I, американские колонисты) или добившиеся своего реальностью угрозы войны (промышленники Северной Англии накануне Великой реформы 1832 г.) были либо богатыми по стандартам своего времени, либо как минимум крепко стояли на ногах материально («средний класс»), не говоря уже о том, что они были приучены к использованию оружия мужчинами. Остальным привилегия голосовать была дарована. Это признается и отдельными коллегами (Przeworski 2009[481]).

Наш собственный анализ последовательности принятия решений о расширении круга избирателей (Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011) подтверждает

[480] См.: https://www.elysee.fr/en/louis-napoleon-bonaparte. Подробнее на русском см., к примеру: Манфред 1973. Т. 2. С. 322—331.

[481] Предварительная версия статьи — Working Papers New York University (http://as.nyu.edu/content/dam/nyu-as/faculty/documents/suffrage_ext.pdf).

предположение Пшеворского и показывает, что никакой реальной угрозы гражданской войны или нанесения значимого ущерба действительно бедные и бесправные группы населения предъявить не могли. Выходки суфражисток производили скорее впечатление жалкой истерики, нежели реальной угрозы[482]. Дарование избирательной привилегии женщинам произошло под влиянием Первой мировой войны, но, наиболее вероятно, в результате очередной попытки реформаторов получить на ближайших выборах электоральное преимущество за счет новой группы избирателей (Congleton 2011).

История сотен переворотов в отсталых странах, проходящих при полной пассивности поголовно и «бесплатно» (без вклада в общее дело) голосующего населения показывает настоящее отношение к этой привилегии тех, кого ею одарили. Вообще в странах неевропейской культуры история демократии вполне рутинно развивается по сценарию «Один человек — один голос — один раз» (Blaydes, Lo 2012).

Отсутствие у масонов, у «клуба», у «давосского форума» хотя бы одной боеспособной дивизии в сочетании с упомянутой быстрой деградацией вооруженных сил старых демократий делает любую из упомянутых Бендукидзе «реально существующих сил» не столь уж реальной. Опыт только одних экономических санкций даже против изуродованных государством экономик Ирана и России показывает их ограниченную эффективность при уверенности диктатур в том, что следующего шага — вооруженного принуждения не будет ни при каких обстоятельствах (Ситкевич, Стародубровская 2022; Яновский 2023). Тем более сомнительна эффективность санкций против свободного общества со свободной, мощной и динамичной экономикой (Яновский, Жаворонков 2015). Не говоря уже о вооруженных силах, чьими задачами является не интеграция меньшинств и женщин, а только подготовка и осуществление массового умерщвления врагов ради создания и поддержания сдерживающего эффекта (Deterrence).

Нельзя не напомнить о растущем давлении левых политиков старой демократии, начиная с США, с требованием отказаться от всех общепринятых процедурных гарантий честного и прозрачного голосования и подсчета голосов. Сделать это необходимо во имя расширения на доли процента участия в выборах «обездоленных и угнетенных меньшинств» (т.е. голосующих за партии большого заботливого правительства — см.

[482] См.: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/15/winston-churchill-struck-with-dog-whip-suffragist-1909

подробнее: Жаворонков, Касьян, Яновский 2021 и приложение к этой статье). Это явление напоминает о том, что, если не демонтировать политическую машину социального государства, она ликвидирует конкуренцию в политике, превратив демократические механизмы в декорацию новой социалистической диктатуры.

Опыт посткоммунистического перехода доказывает, что лишение значительной части взрослого населения избирательных прав (привилегий) вполне политически реализуемо и в наше время. Причем его можно реализовать даже в тяжелых условиях затяжных экономических трудностей и неблагоприятного внешнеполитического фона. Так, в Эстонии и Латвии в 1991 г. от $^1/_4$ до $^1/_3$ взрослого населения утратило избирательные права. Формальное основание — они не были потомками граждан независимых республик и поселились в странах Балтии незаконно, как колонисты.

Отметим, что экономически качество такого критерия намного хуже, чем критерия уплаты налогов и законного обладания собственностью. Внутри группы «потомков граждан» принципы Universal Suffrage остались неизменными.

Мы упоминали в предыдущей главе о том, как голосовали неграждане Эстонии и Латвии на выборах президента России 1996 г., когда $^3/_4$ получивших российское гражданство отдало голоса коммунистам и за кандидата, позиционировавшегося как русский националист.

С 1992 г. в России различные политики высказывались против решений, принятых в Латвии и в Эстонии, и пытались оказывать поддержку местным русскоязычным жителям, не являвшимся потомками граждан межвоенной республики (1918—1939) и лишенных на этом основании избирательной привилегии. Если, конечно, определить эти усилия как поддержку, а не как подстрекательство к сопротивлению властям. Успехи, однако, были более чем скромными, и обошлось без расстрелов (см. подробнее Дополнительные материалы к данной главе).

Также отметим, что введение ценза при получении гражданства не воспрепятствовало существенному расширению круга избирателей в упомянутых странах в период 1991—2013 гг. Этот опыт дает основания полагать, что, спустя определенное время после введения налогового ценза (ценза службы в армии, иного сопоставимого вклада в общее дело), количество избирателей окажется немногим меньше, чем при «бесплатном голосовании». Однако стимулы такого избирателя, знающего, почему он голосует, качественно улучшатся, конфликт интересов исчезнет.

Главное — **никакого расстрела никакой части населения** при таком переходе в Латвии и Эстонии не понадобилось. В будущем возвращение к цензовой демократии также вполне возможно при выполнении как минимум двух условий:

1. Тяжелый кризис, при котором радикальные меры не вызывают шока у большинства населения — тот же Бендукидзе (Федорин, 2015, сс. 387—388) замечает: «*Реформы проводят, когда есть какой-то слом, какой-то кризис*», — а без такого слома, кризиса вообще никакие значимые, глубокие реформы невозможны;
2. В обществе есть заметные и значительные группы населения, вызывающие всеобщее раздражение (своего рода «лидеры антирейтинга»), очевидно, не делающие заметного вклада в «общий котел» и при этом получающие из этого «общего котла» значимую долю. Лишение этих групп избирательной привилегии весьма вероятно получит в условиях кризиса поддержку не меньшую, чем в Эстонии и Латвии 1989—1991 гг. — идея лишить такой привилегии советских колонистов.

Однако, такие группы есть в большинстве стран старого Запада. Это, например, сверхпривилегированные государственные чиновники, редко пользующиеся поддержкой и уважением в обществе, зато часто вызывающие раздражение сограждан. Обычно к таким группам относятся не желающие адаптироваться иммигранты, получающие пособия и не платящие налогов (в США и в России — незаконные иммигранты). Поддержка ограничений в отношении этих групп может стать своего рода «бостонским чаем» — прецедентом принятия самого принципа — голосует только тот, кто делает вклад в общее дело. При этом наиболее заслуженные «вкладчики» (крупные налогоплательщики, герои войн, родители налогоплательщиков и героев, лица с формально определенными академическими достижениями) могут, при полном одобрении общества, получать и дополнительные голоса (подобный исторический опыт известен — см. таблицу «Несколько исторических примеров избирательных цензов» в Дополнительных материалах). С учетом нарастания кризисных явлений в разбухших и продолжающих расширять свои полномочия социальных государствах сам по себе тяжелый кризис рано или поздно запрограммирован. Использование такого кризиса как возможности для демонтажа всеобщей избирательной привилегии в решающей степени будет зависеть от понимания необходимости этой меры — и практической, и моральной — новыми лидерами реформ.

Безусловно, главная причина необходимости скорейшей отмены избирательной привилегии — ее разлагающее влияние на мораль общества (Яновский, Жаворонов 2017). В силу самой возможности использовать избирательный бюллетень в качестве отмычки к чужому сейфу при координации действий жадных до власти бюрократов и политиков с желающими «бесплатных» благ за чужой счет разложившимися избирателями судьба любых разумных и морально безупречных норм в обществе постоянно находится под угрозой. Вместо стабилизации результатов реформ им долгосрочно уготована весьма незавидная участь.

Настоящая долгосрочная стабилизация разумного, ответственного и этически обоснованного выбора избирателя, хороших законов, защищающих личные права, свободы и частную собственность может произойти постепенно через расширение корпуса избирателей в условиях новых стимулов. С возвращением семье и обществу ответственности за здравоохранение и образование и демонтажем «заботливого» социального государства резко сократятся возможности вести паразитический образ жизни. Все больше людей будут работать, учиться, платить налоги выше установленного ценза и/или служить в армии. Будут стремиться из соображений престижа к получению (возможных) дополнительных голосов (к примеру, на основании уплаты подоходного налога в повышенном размере, военных достижений и т.д.). Вот тогда любое покушение государства, политического лидера или партии на «старинные вольности», права и свободы вызовет сопротивление вплоть до вооруженного, сопротивление достаточное для того, чтобы заставить забыть о таких попытках потенциального борца за власть или «за народное счастье», что зачастую одно и то же.

Общественные СМИ, государственное финансирование партий и предвыборных кампаний

Процессы сдачи позиций консерваторами в США заметно отстают от аналогичных процессов в Европе. Иногда они по собственной инициативе или для придания ускорения карьере рискованным приемом возвращаются к наследию отцов-основателей и к классическим принципам свободной экономики, частной собственности и предпринимательства.

Здесь мы напомним читателю о двух несомненных факторах такого отрадного отставания.

Первым является слабость «общественных» электронных СМИ в США по сравнению с монстрами — почти монополистами политического теле- и радиовещания в своих странах — BBC, шведские, голландские, французские, немецкие «общественные» каналы. К обществу эти каналы никакого решительно отношения не имеют, кроме принуждения общества к выслушиванию поучений и насильственному отъему у общества денег на содержание. В огромном большинстве случаев такие СМИ успешно добиваются независимости от избираемых политиков (т.е. и от избирателей, включая налогоплательщиков). Любые попытки восстановить подотчетность «общественных» СМИ обществу они воспринимают как «атаку на свободу слова»[483]. Доминирование на рынке политического вещания даже при наличии частных конкурентов обеспечивается общественным каналам форой государственного финансирования, изначальным отсевом потенциально «неуправляемых» частных игроков при выдаче лицензий на вещание, да и самой возможностью лишения этой лицензии.

Во второй главе нашей книги «Институциональные ограничения современного экономического роста» (Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011) мы, в частности, предлагаем вниманию читателя описание и анализ истории создания общественных телеканалов в старой, тогда еще рыночной и правовой демократии (наряду с иными инструментами ограничения конкуренции на медиарынке).

В тех странах, где такое телевидение добивается независимости от правительства и законодателей, оно становится политической силой, властью, причем не предусмотренной никаким законом, без определенных полномочий, ограничений, ответственности. Ставя повсеместно задачу отражать общественное мнение, быть рупором общества, общественные каналы повсеместно же стали рупором групп интересантов и крайне левых политиков. Так, BBC стандартно критиковало правительство лейбористов слева, а не с позиций, хоть как-то учитывающих мнение ведущей оппозиционной партии.

В этом нам видится вполне понятная закономерность. Мы ссылались ранее (во второй главе) на определение В. фон Гумбольдтом ключевой развилки в вопросе о функциях государства: «...желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло». Очевидно, что первый вариант — этатистский, «левый», второй —

[483] См., к примеру, жалобы на ситуацию в Швеции: https://rsf.org/sites/default/files/swedish-public-service-broadcasting-report-2020_.pdf ; https://www.reportrarutangranser.se/hoten-mot-public-service/en/

консервативный (классически либеральный). Неизбежно институт, само существование которого связано с четким ответом на вопрос в пользу «загнать в рай силой», будет смещаться в сторону неограниченного в полномочиях и слабо ограниченного по расходам правительства, т.е. «влево», стремясь увеличить свое влияние и возможность «гнать в рай на земле».

Как и любая государственная (принудительно финансируемая налогоплательщиком) корпорация, бюрократическая структура, «общественное» телевидение стремится расширить полномочия, снизить ответственность перед налогоплательщиком и получать при этом возможно бóльшую долю бюджетного пирога. Как и другие социальные бюрократы, прежде всего, занятые «народным образованием», они поставляют услуги, которые никто не заказывает. Независимая оценка качества этих услуг обычно квалифицируется как «дезинформация». В описанных нами ранее примерах работы таких корпораций — от освещения Фолклендской войны[484] до отказа «общественного» Российского телевидения выпускать в эфир передачу с объяснением гражданам программы приватизации и возможностей использования приватизационных чеков и акций (Чубайс, Кох, Евстафьев и др. 1999, 229) — поставлять заказываемые обществом услуги они не желают в принципе.

Зато общественные каналы за счет налогоплательщика указывают ему, как следует жить, что следует думать, а что не следует (или даже запрещено — вспомним Hate Speech законодательство, в российской интерпретации — «об экстремистской деятельности»). Совпадение интересов руководства и ведущих сотрудников таких корпораций с социальными бюрократами и политиками — сторонниками государства принудительной заботы слишком очевидно, чтобы его можно было не заметить. Отсюда воспроизводство проблемы «левого» идеологического крена «общественных» СМИ (Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011).

В условиях всеобщей избирательной привилегии участие в выборах воспринимается как обуза, издержки человека, которому важно считать себя хорошим

[484] В мае 1982 г., в разгар Фолклендской войны, чиновники от общественного ТВ заявляли: «Не дело Би-би-си поднимать моральный дух британских войск», «Вдова в Портсмуте не отличается от вдовы в Буэнос-Айресе» / «it is not the BBC's role to boost British troops' morale», «the widow in Portsmouth is no different from the widow of Buenos Aires» (https://web.archive.org/web/20120207074619/http://www.bbc.co.uk/historyofthebbc/resources/bbcandgov/falklands.shtml). Правда, оплата за пользование телевизором с вдовы из Портсмута взимается автоматически. Полная же неподконтрольность обществу позволяет «общественникам» одинаково относиться как к английской вдове, так и к вдове вражеского солдата.

гражданином, не обязательно будучи таковым. Стимулы искать подробную информацию о партиях и политиках в такой ситуации ослаблены (т.е. взрослое население, оно же «корпус избирателей», слабо политизировано).

Если мало кто ищет серьезную информацию о политике, партиях и политиках, «общественным», т.е. у принудительно оплачиваемых СМИ есть очень серьезные конкурентные преимущества в сегменте политического вещания. Они почти не зависят от рекламодателей, следовательно, мало что мешает им подавать и интерпретировать информацию в соответствии со своими (корпоративными) интересами. В отсутствие сильной конкуренции мало политизированный избиратель редко будет искать альтернативу источнику, известному еще его родителям и родителям родителей.

Похожие проблемы — безответственность руководства и пристрастность журналистов, наблюдаются и в ситуации, когда правительство искусственно, путем произвольной выдачи лицензий или предъявляя сложные, слабо формализованные требования к претендентам ограничивает вход вещателей на медиарынок (подробнее сюжеты по истории теле- и радиовещания в США освещены у Sterling, Kittross 1990 и в Приложении IV «Регулирование теле- и радиовещания в США»).

В связи с этим будущему ответственному консервативному правительству будет недостаточно просто не создавать (ликвидировать, приватизировать) государственные («общественные») СМИ. Необходимо снять препятствия со входа на медиарынок, в частности, отменив лицензии на вещание. Вместо них вполне подойдут приобретенные права на частоту.

Шведский критик общественного телевидения, ранее работавший в этой системе — Арон Флам (Aron Flam) формулирует свою рекомендацию просто: лишить общественные СМИ финансирования. «Вилка должна быть вынута из розетки. Прекратите подачу электроэнергии в здание» (подробнее см. Дополнительные материалы[485]).

Для защиты свободы слова необходима полная приватизация эфира и СМИ вообще. Никто: ни один человек или частная организация, — не должны принуждаться к тому, чтобы финансировать чужую точку зрения. Такое право несовместимо с существованием любых «общественных» каналов, деньги на которые взимаются принудительно при помощи государства.

[485] К разделу 7.2. http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964

Вторым фактором относительно плавного по сравнению с Европой спуска вниз американских консерваторов является порядок финансирования партий и предвыборных кампаний. Он частный, хотя и контролируемый отчасти государством, вместо полностью подконтрольного чиновникам бюджетного финансирования политической деятельности.

Не зря в свой «Акт для народа» (For the People Act, H.R.1, 2021[486]) американские левые вписали, наряду с широким спектром апробированных мер облегчения фальсификаций на выборах, также и радикальное изменение порядка финансирования предвыборных кампаний, которое должно было стать на 80% государственным. Как минимум, такое финансирование дает возможности организации «случайных» задержек при переводе денег одним партиям и кандидатам при своевременном переводе другим в ситуации, когда каждый день — особенно на финише кампании — решает многое. Государственное финансирование дает возможности детального контроля бюрократами кампаний идеологически чуждых, враждебных партий и кандидатов вплоть до снятия их с выборов (см. подробнее: Жаворонков, Касьян, Яновский 2021 и Дополнительные материалы к этой статье). При этом те, кто выступает за государственное финансирование предвыборных кампаний, ничего не имеют против того, чтобы организация выборов (подготовка списков избирателей и мест для голосования, оповещение и т.д., и т.п.) осуществлялась за счет дружественного партии большого неограниченного правительства бизнеса.

Пример — финансирование структурами, контролируемыми Марком Цукербергом (Mark Zuckerberg, Facebook, Meta), такой деятельности в демократических графствах «качающегося» штата Висконсин. Такого рода инициатива, естественно, вызвала подозрения республиканцев. Анализ, сделанный по их инициативе, показал, что такого рода деятельность, изначально подозрительная по определению, ставящая под сомнение беспристрастность сотрудников, обслуживающих процесс подготовки и проведения выборов, имеет признаки нарушения законодательства штата. Мы не можем судить о том, насколько такие обвинения обоснованы, но очевидно, что такое финансирование, вне зависимости от того, кому симпатизирует предприниматель, недопустимо и подрывает доверие к объявленным результатам выборов[487].

---

[486] См.: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1/text

[487] См.: https://s3.documentcloud.org/documents/21747255/wisconsin-office-of-the-special-counsel-second-interim-investigative-report-20220301.pdf

Многолетняя традиция государственного финансирования (мейнстримных правоцентристских) партий может объяснить и склонность их к бесконечным компромиссам и уступкам, к отказу от идеологии, даже просто от внятных программ, наконец — сращиванию партийной бюрократии с государством посредством механизма государственного финансирования партий и преимущественного доступа мейнстримных партий к государственным же теле- и радиоканалам (с. 36—37 доклада Helen Margetts «The Cyber Party», вошедшего позднее как глава в сборник «Handbook of Party Politics»).

В обзоре по истории американской благотворительности мы писали об опасности финансирования государством частных благотворительных организаций (Яновский 2019)[488]. У самих организаций такое финансирование подрывает подотчетность частным грантодателям и жертвователям. У чиновников, которые обеспечивают программы сотрудничества правительства и «третьего сектора» и осуществляют перевод средств и контроль за их использованием, появляется мощный инструмент воздействия на общества не от своего лица, а как бы от лица частных некоммерческих (благотворительных) инициатив. Мы приводили, в частности, пример организации ассоциации общинных организаторов — ACORN (Association of Community Organizations for Reform Now). Эта организация была создана для проверки банков — выделяют ли они, вопреки интересам вкладчиков, кредиты на строительство жилья тем, кто не собирался их отдавать (Яновский 2015)[489]. В дальнейшем она также занималась мобилизацией для участия в выборах маргинализированного (буквально — бродяг, попрошаек) населения в поддержку политиков — сторонников щедрого заботливого государства.

Следует отметить, что в США, где традиция нормальной, т.е. частной, благотворительности все еще очень сильна, последствия государственного финансирования не идут ни в какое сравнение с ситуацией в Ирландии. Там принудительное финансирование третьего сектора налогоплательщиком достигло такого размаха, что сформировало вокруг чиновников и политиков мощную структуру радикальных активистов — сторонников все большей экспансии государства. Расходы бюджета, пропускаемые через такие некоммерческие псевдонеправительственные организации, достигали без малого 7 млрд долл. (Kelly 2024).

[488] См. соответствующий сюжет об истории ACORN: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3461196
[489] См.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2696685

Для сравнения: на оборону Ирландия тратит 1,1—1,2 млрд долл. в год, 0,23% ВВП, или примерно 1,5% от расходов Великобритании (2,23% ВВП), столь непопулярной на острове, но, фактически, несущей бремя обороны и своей, и Ирландии, на себе[490].

Они поддерживали инициативы, наиболее решительно разрывавшие с традицией семьи, брака, религиозной общины, иудео-христианской морали. В результате структуры здорового настоящего гражданского общества, финансируемого частными лицами добровольно, стоящего над правительством, стали малозаметны в сравнении с искусственно выращенными муляжами гражданского общества. Поначалу такой подход к проведению радикальной государственнической, антисемейной повестки работал довольно успешно. Под влиянием, в том числе, и агитации «от имени гражданского общества» ирландцы проголосовали на референдумах 2015 г. за регистрацию однополых «браков», а в 2018 г. — за легализацию в католической стране абортов (Kelly 2024). Однако дальнейшая радикализация чиновников, государственнического третьего сектора, его политического крыла в сочетании с заметным притоком инокультурных мигрантов[491] привели к настоящему пробуждению общества, и к тому, что на референдуме 8 марта 2024 г. об отмене почти символических статей ирландской конституции о функции женщины как хранительницы домашнего очага[492] сторонники «прогрессивно»-этатистской идеологии потерпели чувствительное поражение[493].

Образование как канал промывания мозгов

Сама возможность с помощью государства задавать ориентир «оптимального знания» создает сильные стимулы к захвату государства или его отдельных структур сторонниками наиболее крайних и разрушительных идеологий. Так, не случайно заявлявшие номинально о необходимости ликвидации государства К. Маркс и Ф. Энгельс требовали при этом централизованного общественного принудительного (т.е. государственного) образования с тем, чтобы разрушить семью и частную собственность. Возможно, и не читавший «Манифест Коммунистической партии» 1848 года Фредерик Бастиа предупреждал об опасности таких стимулов в 1850 г. в работе «Высшее

[490] См.: SIPRI military expenditures Database 2024 (https://doi.org/10.55163/CQGC9685).
[491] См.: https://www.theguardian.com/world/2023/nov/24/anger-immigration-riot-dublin-ireland
[492] См.: https://www.independent.ie/irish-news/referendums/march-8-referendums-explained-what-changes-on-women-and-family-are-proposed-for-the-constitution-and-why/a404479153.html
[493] См.: https://www.catholicnewsagency.com/news/257056/social-conservatives-celebrate-solid-victory-in-irish-constitutional-referendum

образование и социализм» (Бастиа 2011, 171, 225—226). Он предвидел опасность того, что правящая партия или клика рано или поздно начнет использовать власть над системой образования для навязывания детям и молодежи своих взглядов и образа мыслей.

Долгое время опасность недооценивалась большинством консерваторов даже в США — стране наиболее недоверчивого консервативного избирателя. Казалось, что перебравшиеся в пригороды избиратели консерваторов заполнят и советы по образованию, и вакансии в местных школах, и все будет продолжаться по-старому и в новой огосударствленной форме. Не говоря уже о надежде вполне консервативных основателей public schools в штате Массачусетс на то, что благодаря государственной («бесплатной») школе им удастся «национализировать» детей недавних иммигрантов — католиков-ирландцев. Эта затея провалилась, но государственные школы распространились постепенно по всей стране (Яновский, Черный, Затковецкий 2017), под пропагандистский аккомпанемент «лучше тратить на школы, чем на пушки».

Массовая обеспокоенность консервативного избирателя промыванием мозгов, выразившаяся в исходе конкретных выборов — 2021 в штате Вирджиния[494] — явление, к сожалению, совсем недавнее. Мощь государственной школы как инструмента промывания мозгов, о чем предупреждал еще Фредерик Бастиа (Бастиа 2011, 171, 225—226), по-прежнему сильно недооценивается. Именно школа воспроизводит долгие годы у ребенка даже из здоровой, высокоморальной, религиозной семьи ощущение себя как изгоя и, соответственно, вызывает желание — не всегда преодолимое усилиями родителей — присоединиться к большинству и повысить свой статус таким переходом. Эта естественная потребность быть с большинством глубоко заложена в человеческой природе. За тысячи лет до цитируемой выше неоднократно Э. Ноэль-Нойман эта проблема нашла отражение в Пятикнижии, которое требует от взрослого самодостаточного образованного судьи: «Не следуй за большинством во зло и не высказывайся о тяжбе, искажая закон, лишь бы склониться к большинству» (Исход 23, 2). Наивно ожидать от ребенка способности противостоять давлению, которой не всегда обладает взрослый, состоявшийся человек.

Мы подробно анализировали эту проблему во второй главе («Кривое зеркало») книги «Институциональные ограничения современного экономического роста» (Лисин,

[494] См.: https://www.edweek.org/policy-politics/opinion-5-takeaways-for-education-from-virginias-governor-race/2021/11 ; https://www.frc.org/updatearticle/20211104/education-virginia ; https://www.heritage.org/education/commentary/virginia-election-outcome-was-about-education-here-are-4-actions-youngkin

Яновский, Жаворонков 2011), в статье «Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста?» (Яновский, Жаворонков 2022), поэтому не будем распространяться далее на эту тему.

Здесь только напомним, что без ликвидации, начиная с министерств образования, государственной всей принудительной все менее образовательной и все более пропагандистской системы гарантировать защиту личных прав, семьи, гражданского общества от агрессии принудительной заботы не получится. Ответственность за образование придется вернуть семье, гражданскому обществу при более широком задействовании и рыночных стимулов (частного коммерческого образования).

На уровне университетов — кроме отказа от финансирования университетов потребуется сворачивание системы государственных грантов. Последние доказали свою способность превратить некогда надежные оплоты свободомыслия и центры накопления человеческого капитала — ведущие частные университеты — в центры чудовищной идеологической интоксикации (Яновский, Черный, Затковецкий, Жаворонков 2014; Яновский 2023) жертвы которой теряют минимальные нравственные ориентиры, солидаризируясь с садистами — террористами ХАМАСа[495].

В отсутствие министерства и надзирающих чиновников контроль за программами и качеством образования в разных формах перейдет к родителям и спонсорам учебных заведений.

Этот контроль может включать самые разные аспекты в зависимости от того что каким родителям важно. Для многих из них, очевидно, важно будет оставатться на связи с ведущими университетами страны, чтобы быть уверенным, что знаний, полученных в школе, окажется достаточно для продолжения образования. Для многих будет важно, что все учителя школы имеют диплом достаточно уважаемого университета или института. Единственное, что тут может понадобиться от государства на первых порах — это законодательно закрепить полномочия совета попечителей (родителей и спонсоров) и минимальные требования к его работе (такие, как частота собраний и перевыборов постоянно действующего представительства).

Что же касается университетов, то, возможно, лучшее, что им можно дать — это то, о чем они всегда мечтали и что больше всего ценили в старые добрые времена:

[495] См.: https://www.palestine-studies.org/en/node/1654370 ; https://www.thecrimson.com/widget/2023/10/10/psc-statement ; https://www.colorado.edu/ethnicstudies/2023/10/23/department-ethnic-studies-revised-palestine-support-statement

свободу. Все остальное университеты сделают сами. Они захотят, чтобы к ним поступали на учебу — они будут выяснять, что и как преподавать, чтобы сделать их выпускников конкурентоспособными на рынке труда. Они захотят, чтобы их выпускники смогли продолжать обучение на следующую степень в других университетах — они будут выяснять, что и как в других университетах учат. Не нужно бояться, что они сгоряча что-то сделают неправильно: практика показывает, что как раз мир академии в своей деятельности необычайно консервативен.

В отсутствие профильного министерства большую роль, очевидно, приобретут межуниветситетские лиги и координационные советы, которые будут проверять соответствие всех университетов каким-то минимальным требованиям. (Давайте дадим им самим решить, в чем эти требования будут заключаться.) Мы уверены, их деятельность будет эффективной — ведь на неэффективную у них просто не будет денег!

И вообще на данный момент университеты очень страдают от того, что если раньше основой любого университета были ученые, а чиновники при них были как обслуживающий персонал, то сейчас наоборот — всем заправляют чиновники. Естественно, без государственного финансирования университетам придется оптимизировать свою деятельность и свои расходы. Уволить слишком много ученых они не смогут — иначе никто больше не поверит, что они по праву носят название университетов, а вот количество чиновников, видимо, придется вернуть к необходимому минимуму, и мы уверены — университетам это пойдет только на пользу!

О всемирном заговоре и о глобальной элите

Довольно широко распространены подозрения в том, что политические лидеры и управляющие (реже собственники) крупнейших корпораций, которые собираются на международных форумах (наиболее известный — в Давосе, Швейцария), фактически составили неформальное мировое правительство, навязывающее человечеству свою волю. Эти подозрения объявлены экспертами, нанятыми властями, «дезинформацией» и «теорией заговора». В период пандемии COVID-19 ряд действий был предпринят практически одновременно властями почти всех старых демократий по примеру тоталитарного Китая (но не демократических Кореи и Тайваня). Казалось, это дало мощное обоснование «теории заговора».

Никогда не доказавшие своей эффективности против вирусной инфекции принудительные карантины (локдауны) повсеместно вводились, начиная с марта 2020 г., когда было уже ясно (на статистике Восточной Азии), что вирус гораздо менее смертоносен, чем утверждали медицинские бюрократы. С 2021 г. происходит навязывание населению экспериментальных прививок. Навязывание происходит сочетанием дезинформации (умолчанием о том, что эксперимент с новой технологией производства прививок не окончен) и широким спектром мер принуждения прав (см. подробнее: Yanovskiy, Socol 2021; Yanovskiy, Socol 2022). Альтернативные меры грубо подавляются, как и — в ряде стран (Канада, Австралия) — протесты против нарушения личных прав (см. подробнее: Yanovskiy 2022).

Накопленный опыт работы Евросоюза показал высокую заинтересованность политиков (зачастую слабеющих и теряющих поддержку у своего избирателя) и бюрократов продолжать карьеру в наднациональных структурах. Такие структуры успешно избавились от какого-либо контроля избирателя (Европарламент не имеет никаких серьезных властных полномочий). Они смутно напоминают тоталитарную модель Платона — диктатуры мудрейших (Bloom 1991, 309). И как разумно можно было предположить на опыте любой тоталитарной диктатуры, искусство борьбы за власть далеко от умения формулировать и доказывать теории. Поэтому правительственные эксперты могут быть и невеждами, и знающими людьми, но служащими тем, кто им платит — бюрократам, а не избирателям. Выведение как можно большей доли ресурсов из национальных государств открывает возможности для плохо контролируемого их использования. Перенос все больших полномочий на наднациональный уровень позволяет лицам, принимающим решения, не зависеть от капризов избирателя (а значит, и от законов, и от морали). Привлекательность такой модели слишком очевидна и велика.

Перенос столь успешного опыта на еще более «наднациональный» уровень, где нет даже символического представительства избирателя (все-таки всегда есть опасность, что евродепутаты могут повести себя как представители сословий во Франции в 1789 г. и, опираясь на поддержку избирателя, отнять власть у евробюрократов).

Вопрос о наличии реальной наднациональной — «всемирно-давосской» власти имеет важное практическое значение. А именно он определяет стратегию действий сторонников личных прав и свобод.

При внимательном рассмотрении нетрудно заметить следующее. Основу наднациональных «элит» составляют лица, опирающиеся на поддержку давно

независимых от политиков национальных бюрократов. Политика может отвергнуть избиратель. Менеджер корпорации давно работает под жестким контролем властей. Сама мощь крупных корпораций во многом обусловлена новым заботливым государством и его контролем. Бремя подчинения этому контролю давно стало настолько тяжелым, что его все реже выдерживают малые и средние фирмы. Происходит искусственный перекос структуры бизнеса в пользу крупного и очень крупного бизнеса. Бюрократ, связанный мощным интересом с левыми политиками, покупающий лояльность избирателя за счет налогоплательщика (Jasay 1985), является наименее уязвимой фигурой.

Сочетание отмены независимости национальной бюрократии, полное подчинение их избираемым политикам вкупе с глубоким дерегулированием резко ослабит не только бюрократов, но и те корпорации, которые наиболее активны в поддержке глобальных мер глобального контроля над гражданами, обществом и бизнесом. Отмена регулирования бизнеса в сочетании с подчинением государственных служащих политикам резко сократит спрос на услуги бюрократов и превратит их из почти неограниченных правителей в тех, кем они и должны быть — клерками при представителях налогоплательщика.

Выбивание такой основы, усиление гарантий частных прав драматически ослабит, если не уничтожит полностью, возможности международной кооперации «элиты». Среди таких мер на определенном этапе могут быть гарантии права на стабильную валюту. В частности — свободы человека в выборе средств обмена и сбережения — запрет навязывания безналичного оборота, «электронных денег», введение для начала равноправных с государственными денег, обеспеченных авторитетом банка и/или золотом, — истинными bank notes.

При сохранении принудительной заботы государства о потребителях в виде жесткого регулирования производства товаров и предоставления услуг любые меры, вроде выхода из той или иной международной организации, к примеру — из Евросоюза, дадут лишь ограниченный результат. Понимание общих интересов и целей позволит очень сильно заинтересованным в расширении полномочий и финансирования бюрократам и левым политикам координировать действия и без публично демонстрируемых «церемониальных» встреч на форуме в Давосе или здании ООН в Нью-Йорке.

Подробнее эта аргументация развита в статье «Выглядит как заговор, но не заговор...» («Looks Like a Conspiracy but is not a Conspiracy...» Yanovskiy, Socol 2024).

Для того чтобы уничтожить врага, не обязательно вести огонь по его генеральному штабу. В данном случае проще и надежнее будет буквально «вывести из строя» «живую силу» и изощренную бюрократическую технику в своем национальном государстве.

Не важно, кто голосует, важно, кто подсчитывает голоса?

Как мы уже упоминали выше, «импорт избирателя» из стран с отсутствующей традицией ограниченной власти, личных прав, свобод и частной собственности в сочетании с нормами, облегчающими фальсификации на выборах, представляют фундаментальную угрозу честной политической конкуренции.

Массовое почтовое голосование, массовое досрочное голосование создают возможности для махинаций с бюллетенями. Сбор конвертов с бюллетенями (ballot harvesting) создает возможности давления на избирателя и угрожает тайному волеизъявлению. Возможности голосования без удостоверения личности и массовая раздача нелегальным иммигрантам удостоверений личности (опыт Калифорнии см.: Касьян, Жаворонков, Яновский 2021) не стоит даже комментировать. Широкие возможности для фальсификаций открываются при недостаточном контроле за списками избирателей — когда выбывшие избиратели фактически голосуют дважды[496].

В Израиле, где электронное голосование было опробовано ранее большинства стран — в 2010-е гг. на первичных выборах в крупных партиях происходит отказ от него. В частности, от него отказалась крупнейшая партия страны — «Ликуд», вернувшаяся к традиционному, прозрачному и легко контролируемому ручному подсчету голосов. Практически неограниченные возможности фальсификаций при электронном голосовании были продемонстрированы в ходе подсчета голосов на «выборах» в Государственную Думу России, когда в округах с доминированием оппозиционно настроенного избирателя безнадежно проигрывавшие кандидаты партии власти были провозглашены победителями после учета «голосов, полученных в электронном голосовании» (округа в Москве и в Санкт-Петербурге). Заметны сомнения значимой доли избирателей США в пригодности такой формы голосования[497]. По мнению

[496] См.: https://www.dailysignal.com/2024/02/11/data-specialist-presses-georgia-look-voters-cast-ballots-wrong-jurisdictions/

[497] 39% по опросу октября 2022 года (https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/elections/election_2022/most_republicans_don_t_trust_electronic_voting_machines).

некоторых экспертов, электронное голосование было вполне уязвимо для взлома и фальсификации в штате Джорджия в 2020 г.[498]

Возможности подкупа неприхотливого поначалу «нового» избирателя, возможности безнаказанных и вполне массовых фальсификаций угрожают превратить некогда правовые демократии сначала в ограниченные, когда представительство оппозиции в парламенте возможно, а смена власти уже нет. В дальнейшем естественное желание избавиться от раздражающей критики с парламентской трибуны может этим же путем привести уже к полной профанации демократических институтов, как это происходило в тоталитарных государствах.

7.3. Естественные союзники консерватора: семья, гражданское общество, армия

Как мы заметили ранее во второй главе, тоталитаристы всех времен, начиная от Платона и (в Новое время) — с «Манифеста коммунистической партии» (1848) Маркса и Энгельса, ведут войну, направленную на уничтожение институтов семьи и брака (Яновский, Жаворонков 2019; Yanovskiy 2023). Причину их нетерпения сжато и исчерпывающе изложил Алексис де Токвилль: «...пока семейные чувства живы, враг угнетения не остается одиноким» ([1838] 1992. Т. 2. Гл. 17).

Семья составляет основу независимого от властей гражданского общества. В своих попытках расширить вмешательство государства в частную жизнь и в жизнь общества под предлогом заботы о бедных, стариках, образовании или о здравоохранении, оно сталкивается с эффективной конкуренцией семьи, общественных организаций (благотворительности религиозных и иных общин, некоммерческого медицинского страхования, бесплатных или субсидируемых школ, учрежденных религиозными организациями), иногда также и коммерческих (частных школ и клиник, частного медицинского страхования). Наиболее устойчивая мотивированная надсемейная структура гражданского общества — религиозная община.

При этом больших успехов консерваторов в деле защиты семьи и брака после Второй мировой войны не наблюдается. В результате давления социального государства на семью стимулы мужчины к вступлению в брак становятся неэффективны; стимулы не разводиться, сохранять семью — слабеют, стимулы балансирующей на грани

[498] См.: https://sos.ga.gov/sites/default/files/2023-06/MITRE%20Report.pdf

расставания пары заводить детей также теряют силу. Воспроизводство законопослушного, граждански квалифицированного, хорошо образованного населения не происходит (Yanovskiy 2023). Это не считая тех детей, которым в государственной школе или университете подкупленные за счет государственных научных фондов профессора не привьют куда менее требовательную к самому себе африканскую культуру вместо европейской.

Социальные консерваторы, сильно заинтересованные в решении проблем семьи и религиозной общины, нередко добиваются локальных успехов. Так, личная кампания американского консервативного журналиста Мэтта Уолша (Matt Walsh, Daily Wire) против расширения практики кастрации и стерилизации несовершеннолетних без согласия родителей, его документальный фильм «Что такое женщина» ("What Is a Woman"[499]) вынудили левых экстремистов перейти на этом направлении к обороне. Последним пока важнее всего постараться успокоить сограждан, опровергнув главный тезис консерватора — об угрозе, нависшей практически над каждой семьей. Однако, поскольку социальные консерваторы зачастую (как и сам Уолш) уповают на государство и его принуждение (только «правильное») для решения проблемы, ни инструментов, ни даже понимания того, как можно обратить опасный процесс разрушения семьи вспять, у них нет.

Фискальные же консерваторы (зачастую из бывших классических либералов) предпочитают не ввязываться в борьбу на этом направлении (как мы уже упоминали ранее во второй главе), при том, что «экономический» рецепт — прекращение финансирования социальных ведомств и «приватизации» частной жизни, казалось бы, находится у них в руках изначально. По крайней мере, им он близок и понятен.

Между тем, консерваторам во всех некогда свободных странах не стоит недооценивать опасности всеобщей или даже «всего лишь» массовой трансгендеризации детей государственными чиновниками втайне от родителей или даже в открытую против их воли[500]. Если чиновникам, политизированным левым

[499] См.: https://www.youtube.com/watch?v=42ivIRd9N8E

[500] См.: https://www.wnd.com/2024/01/child-protective-services-kidnaps-girl-gender-care-revokes-parental-custody ; https://www.thepublica.com/montana-family-services-takes-custody-of-14-year-old-girl-after-family-refuses-to-socially-and-medically-transition-her/. В данном случае особенно важно отметить, что на стороне «специалистов» социальной службы выступил республиканский губернатор штата Монтана, где подобные операции и терапия просто запрещены. Губернатор утверждает, что действия бюрократов законны, если ребенка вывезли для обработки в другой штат, из чего явным образом следует, что их действия запрещены законами штата (https://weartv.com/news/nation-world/montana-governor-defends-removal-of-14-year-old-from-parents-who-opposed-gender-identity-greg-gianforte-krista-todd-kolstad-lgbt-transgender-social-transition-custody). Пример из штата Нью-Йорк:

учителям, воспитателям, социальным работникам удавалось убедить ребенка в том, что его пол, с которым он родился, «не соответствует» его истинным желаниям и потребностям, еще не так давно подросток склонялся к выбору гомосексуализма или лесбиянства. Но тогда у большинства поддавшихся агитации еще оставался шанс одуматься и вернуться к нормальной жизни, сохранить шанс на построение семьи — союза мужчины и женщины для рождения и воспитания детей.

Хирургическая же операция при трансгендерном переходе буквально отрезает, ампутирует дорогу назад. Шансов вернуться к нормальной жизни практически не остается. Большинство жертв новой стратегии борьбы против института семьи закономерно становятся агрессивными активистами крайней левой ориентации, уязвимыми и зависимыми от социальной бюрократии до самой могилы. Человеку намного проще обвинять капитализм и империализм во всех бедах, нежели признать непоправимость личной катастрофы и взять долю ответственности за нее на себя, после чего постараться заново адаптироваться к какой-то роли, пускай вспомогательной, в независимом гражданском обществе.

Невозможно построить эффективную машину власти, особенно тоталитарной, не опираясь на вооруженные силы. Пока в армии сохраняются хотя бы воспоминания о ее функции защиты общества путем создания эффекта сдерживания, она, как правило, настроена консервативно. Многочисленные эксперименты над армией, проводимые в настоящее время в старых демократиях — от интеграции женщин и сексуальных «меньшинств» в боевые части до внедрения современной военной юстиции (см. подробнее: Yanovskiy, Zatcovetsky 2017) должны встречать яростное сопротивление любого ответственного политика-консерватора. Эти эксперименты отрицают универсальную мораль, укорененную в Синайском откровении, ломают здоровые инстинкты — защищать свою семью и семьи сограждан, свое общество, уничтожать врагов для создания и поддержания эффекта сдерживания.

Военные теперь, чтобы заслужить награды и продвижение по службе, должны не воевать и не готовиться воевать в случае необходимости. Врага, по новым установкам сторонников неограниченного заботливого правительства, нельзя уничтожать, Его можно только сдерживать. Ценность жизни гражданского населения врага рассматривается как ценность высшая по отношению к жизням своих солдат и

https://www.dailysignal.com/2024/01/31/exclusive-school-district-lied-mother-socially-transitioned-12-year-old-girl-without-parental-consent-lawsuit-claims/

защищаемых солдатами своих гражданских. Отсюда яростные требования современных тоталитаристов не уничтожать ХАМАС или, в самой мягкой форме — жертвовать жизнями солдат Армии обороны Израиля для минимизации потерь среди живого щита террористов ХАМАСа.

Консерватор должен быть готов обсуждать любую проблему и любую идею, но не должен признавать определенный набор идей морально легитимными. Современные левые не терпят даже озвучивания идей, отличных от их ортодоксии, постоянно атакуя чужих или недостаточно своих ораторов в бывших когда-то оплотами свободы слова университетских кампусах.

Для того чтобы использовать потенциал семьи, независимого гражданского общества и армии консерватор должен отбросить стеснения, обозначить социальное государство как мишень для атак, как врага, наступление на которого должно завершиться полным его демонтажем, т.е. не уступать в рациональности тоталитаристам. Последние ясно видят цели для атаки и ведут войну на уничтожение как против консерваторов, так и против семьи, религиозной общины и армии.

7.4. Нетерпимость как требование времени

Как мы уже писали — в наше время политическая поляризация нарастает, и инструмент компромисса работает все хуже и хуже. Время предъявляет спрос на лидеров, для которых принципы личной свободы, частной собственности, семейные ценности и иудео-христианская мораль не предмет обсуждения и уступок во имя душевного комфорта современных хунвейбинов.

При этом не только консервативному избирателю, которого давно раздражают уступчивые джентльмены, политики невнятного «межпартийного» выбора, но и любому интеллектуалу — стороннику свободы надо быть готовым к тому, что лидер-нонконформист не бывает личностью, приятной для всех, и не всегда даже просто приятной личностью. Лидер-нонконформист гарантирует большую надежность и приверженность принципам. Но достигается это за счет отказа от поисков подхода к каждому, подбора «ключей» к каждому сердцу и т.п.

Вполне обычный и разумный маршрут реформ — длительное разъяснение необходимости, обоснованности и потом, после убеждения критической массы избирателей принятие решения на уровне политической власти, законодателям сейчас

не пригоден. Читатель, надеемся, не забыл урок, выученный всеми успешными реформаторами (Лаар, Бендукидзе и др.): в ситуации разлома, глубокого раскола общества, революции, реформы бывают либо быстрыми, либо провальными.

Читатель, интересовавшийся реформой здравоохранения в США, проведенной по инициативе президента Б. Обамы (Obamacare — Health Care and Education Reconciliation Act of 2010 — см. подробнее: Яновский, Жаворонков, Черный 2017) и следивший за опросами, помнит, что реформа была весьма непопулярной. Накануне принятия реформа получила одобрение 53 и 43% (строго партийной) поддержки. Три года спустя большинство опрошенных все еще высказывались за отмену реформы. Однако ее проведение не вызвало массовых протестов. Тема начала постепенно забываться, а сопротивление падать. К 2020 г. (примерно через 10 лет после принятия) против закона высказывались только твердые республиканцы[501]. И это при том, что введение ее не прошло гладко; обещания, данные при принятии, не были выполнены; расходы на здравоохранение продолжили расти. Поддерживать состояние мобилизации постоянно невозможно ни в какой кампании, сколь бы щедро она не финансировалась.

Механизм убеждения общества активистами и энтузиастами реформы в ее необходимости после того, как она уже проведена (пример отмены Л. Эрхардом рационирования в послевоенной Германии) и дала первые плоды, исторически не был большой редкостью. Способность большинства людей кооперироваться, основанная на их конформизме в случае успеха реформ (или даже при его отсутствии — как в примере с Obamacare), будет способствовать их принятию постфактум.

Новый консервативный лидер должен будет продемонстрировать способность публично атаковать сексуальные меньшинства, профсоюзы, феминисток, бесчисленные группы интересов. Он должен быть способен игнорировать ненависть врагов, настаивать на своем, продвигаться подобно танку и добиваться успехов. И уже на волне этих успехов (прежде всего экономических — они первыми принесут плоды) запустить кампанию в поддержку реформ с тем, чтобы большинство перестало ассоциировать себя с «милыми терпимыми» ко всем, кроме нормальных, законопослушных семейных людей группами. Это будет не просто, но все же намного быстрее и обойдется дешевле в смысле издержек на кампанию. Выбор сначала реформы, потом (с позиции силы) объяснение их необходимости имеет и несомненные моральные преимущества перед

[501] См. динамику поддержки по опросам в Дополнительных материалах к данной главе: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964

попыткой убедить жертвы промывания мозгов фактами в том, что мужчина не может рожать, что трансгендерную терапию и даже операции не следует делать за счет бюджета и втайне от родителей, что социализм (ГУЛАГ, голодомор, массовые казни, преступления террористов) не был ни справедливым, ни эффективным.

Даже в старой демократии все чаще мы становимся свидетелями использования псевдоправовых процедур, использования прокуратуры, суда, спецслужб, полиции против инакомыслящих вообще и против оппозиции в частности. Примеры такого рода можно найти не только в современных США, где они широко обсуждаются и где число потенциальных политических заключенных, обвиняемых не столько в незаконном проникновении в здание Конгресса 6 января 2021 г., сколько в легитимном протесте против фальсификаций (Жаворонков, Касьян, Яновский 2021), измеряется сотнями (уже свыше 1200)[502]. В Израиле «служба общей безопасности» используется на регулярной основе против инакомыслящих с 90-х гг. (Яновский 2023). Некогда гордая своей свободой Австралия в 2020—2021 гг. продемонстрировала настоящие репрессии против тех, кто сомневался в единственно верных суждениях властей о том, как бороться с эпидемией, и в том, что у властей в связи с эпидемией возникли полномочия нарушать конституционные права граждан (Yanovskiy 2022).

В связи с этим консерваторам стоит вспомнить опыт Восточной Европы и послевоенной Германии — процедуры декоммунизации и денацификации, особенно если использование псевдоправовых процедур привело к гибели людей.

Практически во всех странах Восточной Европы, преуспевших в экономических реформах (Польша, Чехия, Эстония и др.), были приняты и применены различные нормы люстраций и поражения в политических правах, в возможностях поиска работы в системе образования и т.п. в отношении функционеров коммунистического режима. В Восточной Германии все правоохранительные органы и суды были расформированы и созданы заново на основе приехавших из «старых земель» специалистов.

У Эстонии не было такого кадрового задела за границей. Тем не менее, первый премьер независимой Эстонии провел именно такое решение (Arias King, Laar 2003). Увольнялись даже те чиновники, которые не подлежали никаким проверкам — просто

[502] См.: https://abcnews.go.com/Politics/3-years-jan-6-numbers-1200-charged-460/story?id=106140326 ; https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-15/doj-told-court-to-expect-a-deluge-of-new-jan-6-prosecutions ; https://www.washingtonexaminer.com/news/justice/2788705/jan-6-rioters-prosecuted-far-too-broadly-bill-barr/

из соображений недееспособности советского чиновника вообще и в условиях рыночной демократии в особенности.

Несмотря на то, что в некоторых странах (прежде всего, Польше — см., к примеру, Kaminski 1991) процесс передачи власти от коммунистов был постепенным и включал определенные гарантии для представителей уходящей власти, расследования преступлений запоздали, но состоялись, хотя имели скорее моральное значение.

Последние поколения коммунистических руководителей советского блока по кровожадности и жестокости не шли ни в какое сравнение с современными исламистами, они также несли ответственность за убийства своих политических противников.

В крайних ситуациях следует вспомнить опыт Нюрнбергского трибунала, объявившего ряд организаций, включая нацистскую партию, СС и другие преступными и наказывать за членство в таких организациях. Подробнее обзор таких мер рассмотрим в Дополнительных материалах к данной главе.

8. Какой консерватизм нужен молодой демократии? Выводы и рекомендации

Об идеологической цельности

Долгосрочно, устойчиво успешное консервативное движение должно быть идеологически цельным. Оно не может позволить себе «чисто фискального» консерватизма. Приверженность свободной рыночной экономике, ограниченному государству — это крайне важно. Однако такая приверженность, как мы видим в примерах, приведенных выше, не может сохраняться долго без прочной опоры на традицию, в том числе религиозную, на семью и на гражданское общество. Без такой опоры политики оказываются не в состоянии отвергать навязываемые оппонентами под видом новой морали аморальные по сути ценности (уравниловка, требования привилегий и квот для лояльных чиновникам «меньшинств» и т.п.). Прочной приверженность экономической свободе может быть только тогда, когда сами граждане, уверенные в том, что свобода экономической деятельности, свобода контракта, низкие налоги не просто эффективны, но богоугодны. Тогда они не позволят правительству «прагматично» уклоняться от простых и понятных принципов — жить по средствам и не вмешиваться туда, где государству делать нечего, т.е. государство вынуждено будет ограничиваться задачами обороны, правосудия и правового порядка.

Долгосрочно устойчивое консервативное движение не может также позволить себе оставаться только национально- и социально-консервативным. Без ограниченности полномочий власти и без твердых обязательств жить по средствам при низких налогах политики, несомненно, соблазнятся моделью пирамиды «патрон—клиент» с тем, чтобы обезопасить новые и новые переизбрания. Не говоря уже о соблазне, популярном среди таких консерваторов — использовать полицию и суды как средства воспитания, насаждения библейской морали, которая, будучи насаждаемой государством, наверняка приведет к чудовищной аморальности.

Успешное консервативное движение не может быть ни экспансионистским, ни изоляционистским. Экспансионизм слишком удобен и для бесконтрольных трат средств налогоплательщика где-то далеко за морем, и как предлог навязывания ему обязательств международных договоров, обременительных и рискованных. Изоляционизм и воспеваемая частью консерваторов рафинированно оборонительная военная политика

еще опаснее. Их последовательная реализация будет воспроизводить ситуации противостояния набравшему силу при попустительстве цивилизованных стран иностранному диктатору и даже просто бандам дикарей. В лучшем случае, защита от диктатора и от дикарей потребует колоссальных издержек. Соответственно военная политика не может быть исключительно оборонительной (Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018, глава 1 «Проблема полностью частной армии»[503]).

Долгосрочно успешное консервативное движение не может не быть народным. Элитарность не просто несовместима со способностью часто побеждать на честных выборах. Куда более важная проблема — соблазн элиты обеспечить свою элитарность не собственными достижениями, а предотвращением достижений всех остальных (Де Сото, Voslensky 1984). Напомним грозные примеры современного тоталитарного антикапиталистического движения, одной из основ которого является как раз стремление отсечь «непросвещенную» публику и от возможности влиять на важные решения, и от плодов научно-технического и экономического прогресса. Среди примеров искусственной элитарности потребления можно привести борьбу с коровами[504], стремление накормить остальных насекомыми, отказаться от доступных и экономичных видов выработки энергии, средств транспорта, санкции против собственного населения (контрсанкции Путинского режима начиная с 2014 г.[505]) и т.п. Еще опаснее — запреты принимать решения о собственном здоровье и жизни, централизация таких решений (массу примеров дали злоупотребления властью во время пандемии 2020—2022 гг.).

Консервативное народное движение, однако, не может не выступать категорически против уравниловки. Оно обязано защищать успехи нуворишей и право наследования, и твердо придерживаться принципов Десятой заповеди, приравнивающей зависть едва ли не к смертному греху. Оно обязано культивировать тот самый «естественный аристократизм» достижений, о котором писал второй президент США Джон Адамс третьему президенту Томасу Джефферсону.

---

[503] Полный текст доступен на: https://www.researchgate.net/publication/366977534

[504] Смотри голландский пример: https://www.bbc.com/news/world-europe-62335287 ; https://www.telegraph.co.uk/world-news/2023/05/17/netherlands-two-cows-per-field-limit-mark-rutte/

[505] В ответ на введенные западными странами санкции против некоторых лиц, ответственных за аннексию территорий Украины, власти ограничили доступ потребителей к ряду импортных товаров. Эта мера была замыслена как возмездие за попытку наказать агрессора. Пострадали почти исключительно российские потребители. Действия в России именовали «контрсанкциями» — см., к примеру, Указ Президента Российской Федерации от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» (http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205030001).

Опыт консерваторов Германии и России напоминает о том, что попытка построить консервативное движение под сенью «просвещенного авторитаризма», клянущегося в верности ценностям семьи, христианской морали и даже способного временами к ответственной экономической политике, не облагородит такой режим, не удержит его от деградации, но легко может привести к деградации самого выбравшего позицию обслуживания авторитарной власти движения в нечто совершенно неприличное. Это тем более верно в случае пылкой любви к иностранному диктатору (особенно в случае любви бескорыстной).

О времени и месте для компромисса и прагматизма

Авторы не являются непримиримыми врагами всякого компромисса и прагматичных политиков. Мы всего лишь постарались показать, куда вели компромиссы и прагматизм сторонников ограниченного правительства, личных прав и свобод в последние 100—120 лет, а также то как с завоеванием чиновниками автономии от избираемых политиков, дарованием «всеобщего избирательного права» и по мере строительства социального государства прагматизм и компромиссы неизбежно усиливали зависимость избирателя, значит, и избираемого политика, от чиновников. Союз чиновников и политиков — сторонников государства всеобщей (зачастую принудительной) заботы приобрел в последние десятилетия такую силу, что, даже проиграв выборы, они владеют не меньшей, а бывает, и большей властью, нежели законно избранная власть.

Социальное государство успешно теснит гражданское общество и разрушает институты семьи и брака, слабеют религиозные чувства и организации. С каждым поколением основы морали общества все меньше связывают власть.

Это значит, что остановить процесс, обратить его вспять, построить заново институты ограниченного правительства, открыть ворота здоровой политической и неограниченной медийной конкуренции без революционных мер не удастся.

В такой ситуации и с такими оппонентами, превратившимися во врагов, компромисс и уступки только ослабляют сторонников свободы. Они придают силы и уверенности врагам свободы, мечтающим стать новой несменяемой элитой, делают их сильнее и агрессивнее.

Естественный, свойственный большинству людей конформизм, желание искать компромиссы могут быть особенно опасны, будучи усиленными жалостью к всевозможным обиженным, «отверженным», «меньшинствам». Эта жалость побуждает принимать всех какими бы они не были, не возражать им слишком резко, в общем — быть «толерантными» и «инклюзивными». Напомним в связи с этим, что идеи левых грубо противоречат тем нормам морали, на которых построено все здание современной цивилизации, все лучшее, чего достигло человечество. Напомним, что левые претендуют на власть не только политическую, но и на власть над образованием, воспитанием, над мозгом и сердцем ваших детей. Они претендуют на то, чтобы быть законодателями морали, причем законодателями капризными, меняющими свои предпочтения. Переменчивая «мораль» равносильна отсутствию какой бы то ни было морали (Лисин, Яновский, Шульгин и др. 2011, гл. 12). Исторически все без исключения режимы, претендовавшие даже не на защиту традиционных, но на внедрение самодельных «моральных» ценностей, были тоталитарными.

Нынешние «образцы терпимости», требующие безоговорочно верить в то, что мужчина может рожать, крайне агрессивно нетерпимы в отношении несогласных. Они затыкают несогласным рот, изгоняют их с работы, пытаются лишить средств к существованию[506]. Никакие морально приемлемые цели не достигаются такими средствами.

Никакие компромиссы в области морали, укорененной в ценностях Синайского откровения, не могут даже обсуждаться. Лучшее, чем вы можете помочь заблудшим — поскорее дать им понять их неправоту. В частности, отвечая силой на их силовые попытки промывать мозги детям. Только тогда, когда они столкнутся с непреодолимой силой и поймут полную бесперспективность своих усилий, появится шанс что-то объяснить им рационально или эмоционально.

Столь любимое и ценимое многими консерваторами национальное единство достижимо в нашу эпоху только на основе полной победы над врагом и посредством присоединения побежденных к победителям. И для всех лучше, чтобы победили сторонники личной свободы и частной собственности.

Только в ситуации, когда обсуждать конфискационные по сути налоги, налоги на наследство, регулирование бизнеса государством, борьбу со свободой контракта, не

[506] Примеры см.: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.41900424. Больше ссылок вы найдете в Дополнительных материалах к данной главе: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.15443.28964

говоря уже о стерилизации или кастрации несовершеннолетних, станет совершенно неприличным, когда личная свобода, семья и частная собственность вернут статус необсуждаемых ценностей, когда культура, давшая людям первые образцы свободного общества, вернет себе доминирующие позиции и не будет стесняться теснить культуры, не принесшие людям ничего кроме рабства, бедности и унижения, тогда, несомненно, компромиссы станут стандартным инструментом взаимодействия политиков, и прагматичные политики перестанут быть угрозой обществу.

Политическая экономия реформ

Разумные консерваторы выучат опыт провалов, описанный в этой книге. Поэтому они выведут свою страну из-под руин социального государства серией быстрых и жестких реформ, ставя противника перед фактом, а не входя в бесконечные дискуссии.

Успех усеченных, компромиссных реформ маловероятен. Само компромиссное решение не вдохновит немедленно сторонников и не умиротворит даже на короткое время врагов. Скорее, наоборот, в готовности к компромиссу они увидят слабость и сигнал эффективности их давления. То же увидят и спонсоры врагов реформ. Успех же последовательных и решительно проведенных реформ не просто весьма вероятен. Он нанесет удар по антиреформаторской коалиции. Успех в принятии решения привлекателен даже без достижений — просто как демонстрация силы. Успех реализации решения будет работать на национальное единство лучше, чем любые уговоры и разъяснения (см. пример жены железнодорожного обходчика — Ноэль-Нойман 1996, 276). Хотя и разъяснительная работа не помешает (Эрхард 1993). Разъяснение на основе достигнутого успеха приведет к массовой «смене вех» среди мало политизированной публики. Но на этот раз, в отличие от примера с российской белой эмиграцией, к смене с выбором свободы, против тоталитаризма.

В случаях, когда прежняя элита использовала армию, суды, спецслужбы и правоохранительную систему как оружие против оппозиции, не обойтись без опыта люстраций и запретов на профессии. В случаях, когда применение этих средств приводило к человеческим жертвам, вероятно, потребуется вводить понятие «преступной организации» (по нюрнбергскому образцу) и наказывать даже за само членство в такой организации.

Важным шагом, снижающим оппозицию реформам, должен стать комплекс мер, гарантирующих честность подсчета голосов на выборах. Перечисленные выше меры, направленные как бы на повышение явки «уязвимых» (читай управляемых чиновниками) избирателей, облегчающие фальсификации — массовое досрочное голосование, массовое доступное всем почтовое голосование, электронное голосование, голосование без удостоверения личности, должны быть безоговорочно поставлены вне закона. Вне закона должно быть поставлено и государственное финансирование партий, и частное финансирование организации голосования и подсчета голосов.

Парламент является парламентом, а не просто собранием депутатов, только когда он собирается и голосует в определенном месте, в определенное время и по определенной процедуре. Присяжные не голосуют на пляже или в кафе. Тем более, решение судеб целой страны на годы не может быть поставлено под удар ради удобств. Голосование в определенный день и только лично создает у избирателя необходимое ощущение ответственности, когда «в тайне избирательной кабины Бог видит тебя, Сталин — нет» (см. Дополнительные материалы).

Следующим шагом должна стать ликвидация всеобщей избирательной привилегии, облегчающей массовое совращение избирателя, манипуляции его выбором.

Ликвидация всеобщей избирательной привилегии и независимости государственных служащих позволит сравнительно быстро выбить почву из-под ног ведущих партий левого и социально-либерального направления.

Это прекратит дискуссии на уровне парламента о том, можно ли грабить тех, кто трудолюбивее и удачливее тебя, можно ли силой принуждать десятки миллионов к участию в антинаучных экспериментах, может ли мужчина менструировать и рожать, и тому подобных. Прекратятся там и дискуссии о чудесных свойствах вечного двигателя для технического прогресса и защиты природы, а заботливого правительства — для стимулирования экономического роста, развития образования и здравоохранения. В новой политической системе, как и в XIX в., будут конкурировать только весьма консервативные по нынешним понятиям партии, и дискуссии будут сконцентрированы на содержательных проблемах — деталях налоговой системы, организации денежного обращения (сохранять обязанность государства «чеканить монету» — осуществлять денежную эмиссию или запретить государству эту деятельность). Уровень дискуссии, как доказывают споры федералистов и антифедералистов в США 1780—1790-х гг., только вырастет.

Такая ликвидация может происходить постепенно с завершением процесса со сменой поколений так, что никто из действующих избирателей, за редким исключением, не будет лишен такой привилегии. Сделать это можно следующим образом. Введение по историческим образцам Бельгии и Великобритании аналога бизнес-голосов как массовой процедуры позволит фактически ускорить процесс перехода к единственно справедливой форме выборов, когда голосуют те, кто делает значимый вклад в общее дело, когда каждый избиратель, заплативший определенную умеренную сумму подоходного (а не автоматически взымаемого косвенного) налога из расчета на год между выборами или служивший в период между последними прошедшими выборами и новыми выборами в армии получает дополнительный «почетный» голос.

При этом классические бизнес-голоса также были бы полезны (к примеру, дополнительный голос за превышение на порядок минимального порога: один — за превышение на один порядок, два — за превышение на два и т.д.) Они посылали бы и обществу, и гражданам нравственно важный сигнал о необходимости выражения благодарности тем, кто делает наибольший вклад в защиту общества от внешней агрессии, бандитов и от несправедливости в суде. К тому времени, когда голосовать будут уже только те, у кого есть как минимум один «почетный» голос, отменить для упрощения обычные — «старые», оставшиеся от периода всеобщей избирательной привилегии, голоса не составит труда и не вызовет никаких вопросов и возражений[507].

Опора на семью и гражданское общество

Консервативным партиям и лидерам придется, как и в прошлом, опираться на основополагающие институты гражданского общества и на институт семьи, в особенности в борьбе против использования государственной школы для промывания мозгов и для подстрекательства против родителей, соответственно в борьбе за возвращение ответственности за образование семье и обществу.

Следовательно, то что позволено левому или «либеральному» лидеру, не позволено консервативному. У консервативного лидера должна быть нормальная семья (жена и дети) и не должно быть внебрачных связей. Здесь не требуется никаких

[507] Идея такого постепенного восстановления классических, веками апробированных цензов принадлежит д-ру П. Полонскому.

регуляций: достаточно обратить внимание на биографии консервативных лидеров — успешных и не очень.

Для сохранения и возрождения институтов семьи, брака и гражданского общества потребуются меры, крайне малоприятные для многих «социальных консерваторов».

Рамки социальной политики

Как и требуют нормы иудео-христианской традиции, государство занято функциями защиты от бандита и поддержания минимального стандарта справедливого суда. Даже пенсии военным и полицейским могут, как доказывает исторический опыт, финансироваться частной благотворительной инициативой. Авторы не являются убежденными сторонниками именно такого решения, но очевидно, что это тот максимум «социальности», к которому надо стремиться в долгосрочной перспективе.

Государственные решения в сфере здравоохранения деградировали до уровня советско-китайского социализма с централизованно утверждаемыми протоколами лечения, а в случае провала таковых — «права на смерть с достоинством» (Яновский, Жаворонков, Черный 2017; Яновский 2023). Государственные решения в сфере образования изначально были ориентированы больше на насаждение единой идеологии, нежели на обучение; со временем спрос властей на знания снижался, а возможности для промывания мозгов детям и молодежи росли. Государство своими социальными программами сделало инфляцию хронической, подорвав большую часть возможностей частных сбережений на старость. Государство своей политикой замещения строптивых избирателей европейской культуры «импортными» неприхотливыми (естественно, только поначалу) носителями африканской доказало способность обесценивать и сбережения, вложенные в недвижимость. Уход заботливого социального государства с его пенсиями, инфляцией и завезенными дикарями, безусловно, значимо улучшит положение стариков в будущем.

Соответственно, рамки консервативной социальной политики очень просты — ампутация гниющих государственных органов, отсечение их финансирования, возвращение денег, а главное — ответственности семье и гражданскому обществу (Green 1993), после чего рамки «схлопываются» до «пустого множества».

Процесс сужения рамок социальной политики, безусловно, займет немало времени, но направление этого процесса должно быть ясно обозначено уже на

начальном этапе реформ — сразу же после разрушения политической машины социального государства.

Рамки экономической политики

На первом этапе реформ избранные консервативные политики будут вынуждены, подобно Эрхарду, выслушивать апокалиптические предупреждения профессоров и иных экспертов, плач защищенных прежней властью от конкуренции в бизнесе и оставаться при этом безучастными к страданиям и плачу привилегированной публики.

Уход государства из экономики может и должен быть быстрым, с введением конституционного запрета регулировать бизнес и т.п. (подробнее — Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный 2018). Наиболее спорной проблемой останется проблема денежного обращения. Сохранять ли монополию на выпуск денег государства? Допустить ли, соответственно, конкуренцию частных банковских ценных бумаг (банкнот в буквальном смысле этого слова) с государственными. А может быть, когда-нибудь, во избежание соблазна избранных политиков «запустить печатный станок», и вовсе запретить государственный выпуск денег, равно как и одалживания властями денег в мирное время.

Сильная армия и сильное общество

Армия, ориентированная исключительно на оборону, почти гарантированно не стоит денег, которые на нее тратятся. Военный должен бояться позора — крови своих сограждан, пролитой врагами, любить проливать кровь врагов и не бояться проливать кровь живого щита врагов.

Военная юстиция должна занимать в армии уважаемое, но скромное и ограниченное место. Обязательства, налагаемые Первым дополнительным протоколом 1977 г. к IV Женевской конвенции 1949 г. и требующие соизмерять при атаке на врага жизни своих солдат с жизнями и даже с экономическим ущербом живого щита врага, безответственны, глубоко аморальны и должны быть (даже если взяты на себя) денонсированы. Обязательства самой IV Женевской конвенции 1949 г. не включают требования воздерживаться от атаки на врага, прикрытого живым щитом. Но даже эти обязательства должны быть строго ограничены случаем войны с врагом, который сам

выполняет требования этой Конвенции (подробнее см.: Yanovskiy, Zatcovetsky 2017; Яновский, Жаворонков, Кокурина 2021). Неспособность защитить своих солдат и офицеров от политизированного преследования за то, что они защищают вас, делает любые расходы на оборону малополезными.

Рамки внешней политики

Здоровое общество и экономика, безусловно, на порядки важнее образа вашего правительства и даже вашей страны в глазах кучки наиболее известных иностранных дипломатов и журналистов, идентифицирующих самих себя с «международной общественностью». При сильной экономике и сильной армии ваша позиция всегда будет услышана и будет уважаться.

Справедливость, способная защитить себя силой, вызывает на порядок больше симпатий, чем справедливость, растоптанная дикарями из-за неспособности себя защитить.

Неуправляемый, но сильный и решительно настроенный драться до конца союзник (Финляндия, 1939; СССР, 1941; Израиль до начала «процесса Осло»; Украина, 2022) в конце концов предпочитается управляемому, но нерешительному (Чехословакия, 1938—1939).

Демонтаж политической машины социального государства

Среди мер ответственного консервативного правительства, которые необходимо будет осуществить буквально в первые месяцы пребывания у власти, напомним следующие.

Приватизация общественных СМИ и телевидения и введение запрета на принуждение финансирования распространения чужой точки зрения. Полная либерализация медиарынка. Введение права первой поправки с отменой наказания за «экстремистские», «разжигающие» и тому подобные высказывания. «Экстремистскими» и «разжигающими» объявят ваши доводы, какими бы доказательствами они не сопровождались, при том, что призывы к геноциду или к уничтожению всех консерваторов будут процветать под сенью избирательной «свободы

слова». И так будет до тех пор, пока вы не введете и не утвердите свободу слова без всяких ограничений.

Отказ от любых экспериментальных форм правосудия. Только апробированные веками классические модели. Любая форма судейского самоуправления по образцу Италии или Израиля опасна для правосудия, равно как и для честного консерватора. Такие системы, если они вам достались, должны быть демонтированы буквально в течение месяцев (см. подробнее: Лисин, Яновский, Жаворонков и др. 2011, гл. 1, и Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий 2018, гл. 2).

Защита семьи от государственного вмешательства. В рамках такой защиты и для предотвращения возможности идеологической интоксикации на первом же этапе реформ ликвидировать министерство просвещения (образования) с передачей организации постепенно сокращаемого финансирования Министерству финансов. Ликвидация государственных фондов финансирования науки (кроме Министерства обороны с запретом финансирования общественно-научных исследований, равно как и любых не ставящих задачи нанесения поражения врагу). Это также необходимая мера для защиты научности университетских исследований, и также как средство от идеологической интоксикации в университетах (Яновский, Черный, Затковецкий, Жаворонков 2014). Выход из этатистской, антисемейной Конвенции о правах ребенка (Yanovskiy 2023).

Введение и защита гарантий честного подсчета голосов на выборах — запрет известных механизмов организации массовых фальсификаций и создания оптимальных условий для таковых: почтового голосования, голосования без удостоверения личности с фотографией, электронного голосования и т.п. Запрет частным лицам финансировать организацию выборов и подсчета голосов. Запрет государственного финансирования партий и политических кампаний, дающих чиновникам возможности дискриминировать сторонников ограниченного правительства и поддерживать за счет налогоплательщика сторонников большой, принудительно «заботливой» власти.

Запрет государственного (оплачиваемого принудительно налогоплательщиком) финансирования частных некоммерческих организаций (в последнем случае потребуется переходный период).

И, естественно, введение классических цензов — отмена всеобщей избирательной привилегии как аморальной и опасной, и полное подчинение государственных служащих избираемым политикам.

Учить уроки истории

Авторы надеются, что читатель этой книги, кроме всего прочего, вынесет из нее урок важности знания истории, поймет, что схожие вызовы и проблемы почти наверняка уже встречались в прошлом, и в прошлом кто-то ошибался при решении этих проблем, а кто-то преуспевал. Значит, грех не воспользоваться этим драгоценным опытом. И если нам удастся убедить хотя бы часть читателей искать в истории такой опыт, то мы не зря работали над этой книгой.

Библиография

Acemoglu Daron, Robinson James A. (2000) Why Did the West Extend the Franchise? Democracy, Inequality, and Growth in Historical Perspective, *The Quarterly Journal of Economics*, Volume 115, Issue 4, November, Pages 1167–1199, https://doi.org/10.1162/003355300555042.

Acemoglu Daron., Robinson James.A. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Acemoglu, Daron. and Robinson, James. A. (2006). *Persistence of power, elites and institutions*. NBER Working Paper No. 12108.

Aidt, T. S., & Franck, R. (2015). Democratization Under the Threat of Revolution: Evidence From the Great Reform Act of 1832. *Econometrica*, 83(2), 505–547. https://doi.org/10.3982/ECTA11484.

Alpers Philip, Ghazarian Zareh Chapter (2019). The ‘perfect storm’ of gun control: From policy inertia to world leader. Chapter in Successful Public Policy: Lessons from Australia and New Zealand. Edited by Joannah Luetjens, Michael Mintrom, Paul ’t Hart. Oxford: Oxford University Press. (pp. 207-234).

American Presidency Project. Republican Party Platforms https://www.presidency.ucsb.edu/people/other/republican-party-platforms

Ameriks John, Caplin Andrew, Laufer Steven, Vannieuwerburgh Stijn, The Joy of Giving or Assisted Living? Using Strategic Surveys to Separate Public Care Aversion from Bequest Motives, *The Journal of Finance*, Vol. 66, No. 2 (April 2011), pp. 519-561

Arias-King Fredo Two Republican visions on Mexican immigration and the political future of the United States "I Understand Your People" January 17, 2014 https://cis.org/Report/Two-Republican-visions-Mexican-immigration-and-political-

future-United-States , прямая ссылка на текст доклада: http://cis.org/sites/cis.org/files/arias-king-i-understand-your-people.pdf.

Arias-King Fredo. Immigration and Usurpation. Elites, Power, and the People's Will. July 1, 2006 https://cis.org/Report/Immigration-and-Usurpation. Прямая ссылка на текст: http://www.cis.org/sites/cis.org/files/articles/2006/back706.pdf

Arias-King Fredo. (2003). "Just Do It" Interview with Mart Laar. *Demokratizatsia* Vol. 11 Issue 4. pp. 495-508. https://demokratizatsiya.pub/archives/11-4_Laar.PDF.

Arrondel Luc, Masson André Family Transfers Involving Three Generations *The Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 103, No. 3, Intergenerational Transfers, Taxes and the Distribution of Wealth (Sep., 2001), pp. 415-443

Åslund Anders (Ed.), Djankov Simeon (Ed.) (2014). The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism Paperback. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.

Asoni Andrea (2008). Colonial Heritage and Economic Development. IFN Working Paper No. 758 https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81391/1/wp758.pdf.

Austen Albu. Causes of the decline in British merchant ship-building and marine engineering. *Omega*, Volume 4, Issue 5, 1976, Pages 513-525, https://doi.org/10.1016/0305-0483(76)90003-7

Axelrod R., Hamilton W.D. (1981) Evolution of Cooperation // Science. № 211. P. 1390–1396

Bak János M.. Online Decreta Regni Mediaevalis Hungariae. The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. Utah State University. 2019. https://digitalcommons.usu.edu/lib_mono/4/

Bak J.M. et al, (1999). The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary, 1000–1301 (Translated and Edited by János M. Bak, György Bónis, James Ross Sweeney with an essay on previous editions by Andor Csizmadia, Second revised edition, In collaboration with Leslie S. Domonkos) (1999). Charles Schlacks, Jr. Publishers.

Baldwin Melinda. In referees we trust? Physics Today Vol. 70, Issue 2, pp. 44-49 (2017); doi: 10.1063/PT.3.3463

Barrios Salvador, Ivaškaitė-Tamošiūnė Viginta, Maftei Anamaria, Narazani Edlira & Varga Janos (2020) Progressive Tax Reforms in Flat Tax Countries, Eastern European Economics, 58:2, 83-107, https://doi.org/10.1080/00128775.2019.1671201.

Barro, R. J., Redlick, C. J. (2011). Macroeconomic Effects From Government Purchases and Taxes. The Quarterly Journal of Economics, 126(1), 51–102. https://doi.org/10.1093/qje/qjq002

Bastia “The Law,” “The State,” and Other Political Writings, 1843–1850. Liberty Fund, 2012. pp. 107-146 https://oll.libertyfund.org/title/keeffe-the-collected-works-of-frederic-bastiat-vol-2-the-law-the-state-and-other-political-writings-1843-1850

Bean, C. (1996). The 1996 Australian federal election. Electoral Studies, 15(3), 422–425. https://doi.org/10.1016/S0261-3794(96)90050-5.

Beckford M. BBC Boss Says Islam Should Be Treated More Sensitively Than Christianity. Islam Should Be Treated More Sensitively by the Media Than Christianity, According to the Director General of the BBC. 15 Oct 2008. https://www.telegraph.co.uk/news/religion/3198804/BBC-boss-says-Islam-should-be-treated-more-sensitively-than-Christianity.html.

Behr Thomas C. *Social Justice and Subsidiarity: Luigi Taparelli and the Origins of Modern Catholic Social Thought*. Washington, DC: Catholic University of America Press, 2019.

Bellante, D., Long, J. The political economy of the rent-seeking society: The case of public employees and their unions. Journal of Labor Research 2, 1–14 (1981). https://doi.org/10.1007/BF02685118

Bentley Michael. The Climax of Liberal Politics: British Liberalism in Theory and Practice, 1868-1918. Winchester, Mass.: Edward Arnold, 1987.

Berdahl, R. M. (1972). Conservative Politics and Aristocratic Landholders in Bismarckian Germany. *The Journal of Modern History*, *44*(1), 2–20. http://www.jstor.org/stable/1878819 https://doi.org/10.1086/240704.

Bernheim B. Douglas. (1991). How Strong Are Bequest Motives? Evidence Based on Estimates of the Demand for Life Insurance and Annuities Journal of Political Economy, Vol. 99, No. 5 (Oct., 1991), pp. 899-927

Bernheim B. Douglas, Shleifer Andrei, Summers Lawrence H. (1985). The Strategic Bequest Motive Journal of Political Economy, Vol. 93, No. 6 (Dec., 1985), pp. 1045-1076

Bernstein George L. (1986). Liberalism and Liberal Politics in Edwardian England. Baltimore: Allen & Unwin, 1986.

Bichler, Shimson. (1994) “Political Power Shifts in Israel, 1977 and 1992: Unsuccessful Electoral Economics or Long Range Realignment?” Science & Society, vol. 58, no. 4, 1994, pp. 415–39. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/40403449.

Bielecki Czesław., Kelus Jan K., Sikorską Urszulą. (1983). *Mały konspirator*. Warsaw, Agencja Informacyjna Solidarności Walczącej.

Binder J.J. Organized Crime and the 1960 Presidential Election. – Public Choice. 2007. Vol. 130. No. 3/4. P. 251–266.

Blanchard Olivier, Boycko Maxim, Dabrowski Marek, Dornbusch Rudifer, Layard Richard, Shleifer Andrei. (1993). Post-communist reform : pain and progress. Cambridge, MA: MIT Press.

Black M.E. Over our dead bodies: port arthur and Australia's fight for gun control. BMJ. 1999 Jul 17;319(7203):199. https://doi.org/10.1136%2Fbmj.319.7203.199.

Blaydes L., Lo J. One Man, One Vote, One Time? A Model of Democratization in the Middle East. Journal of Theoretical Politics, 2012, vol. 24, no. 1, pp. 110-146. https://doi.org/10.1177/0951629811423121

Block W.., Futerman A. (2021). The Classical Liberal Case for Israel. Springer.

Block W. Response to Jacobsson on Human Body Shield // Libertarian papers. 2010. Vol. 2 Art 325. P. 1-10.

Block W. The Human Body Shield // Journal of Libertarian Studies. 2011. Volume 22. No 1. P. 625-630. https://mises.org/library/human-body-shield

Block W.., Futerman A., Farber R. A Libertarian Approach to the Legal Status of the State of Israel. // Indonesian Journal of International and Comparative Law. 2016. Vol. 3, Issue, 2, June. P. 435-553.

Block Walter. Are Criminal and other Background Checks Racially Discriminatory? 2013: https://www.mises.ca/are-criminal-and-other-background-checks-racially-discriminatory/

Block Walter. *The Case for Discrimination*. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2010. https://mises.org/library/case-discrimination

Bloom A. (translation). (1991) The Republic of Plato, 2nd edition. NY: Basic Books.

Blum, M. (2013). War, food rationing, and socioeconomic inequality in Germany during the First World War. *The Economic History Review*, 66(4), 1063–1083. http://www.jstor.org/stable/42921653 https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2012.00681.x

Blumenthal Susanna L.The Deviance of the Will: Policing the Bounds of Testamentary Freedom in Nineteenth-Century America. *Harvard Law Review* , Feb., 2006, Vol. 119, No. 4 (Feb., 2006), pp. 959-1034

Bó Pedro Dal, Fréchette Guillaume R. The Evolution of Cooperation in Infinitely Repeated Games: Experimental Evidence The American Economic Review, Vol. 101, No. 1 (February 2011), pp. 411-429

Boaz David. Libertarianism: A Primer NY: The Free Press, 1997

Bochel, H., Powell, M. Whatever happened to compassionate Conservatism under the Coalition government?. Br Polit 13, 146–170 (2018). https://doi.org/10.1057/s41293-016-0028-2.

Bonnell, A., & Crotty, M. (2008). Australia's History under Howard, 1996-2007. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 617(1), 149-165. https://doi.org/10.1177/0002716207310818.

Borneman, Walter R.. Rival Rails: The Race to Build America's Greatest Transcontinental Railroadю NY: Random House Publishing Group, 2010.

Boyne, Walter J. (2002). The Two O'Clock War: The 1973 Yom Kippur Conflict and the Airlift That Saved Israel. St. Martin's Press, 2002, Kindle edition.

Braun Stuart S. (2016). 'Liberty, Political Equality and Wealth Transfer Taxation', *Journal of Applied Philosophy*, Vol. 33, No. 4, November 2016 https://doi.org/10.1111/japp.12118/.

Braun Stuart S. (2010). Historical Entitlement and the Practice of Bequest. Is there a moral Right of Bequest? *Law and Philosophy*, Vol. 29, No. 6 (November 2010), pp. 695-715 https://doi.org/10.1007/s10982-010-9082-x.

Bridges Allison. Marital Fault as Basis for Terminating Inheritance Rights: Protecting the Institution of Marriage and those who abide by their Vows – "Til Death do them part". Real Property, Trust and Estate Law Journal , Fall 2010, Vol. 45, No. 3 (Fall 2010), pp. 559-588.

Brownlee W. Elliot. (2016) *Federal Taxation in America: A History*. 3rd Edition, Cambridge University Press.

Brutzkus Boris. *Economic planning in Soviet Russia*, G. Routledge & Sons 1935 [508]

Burleigh, Michael. (2013). *Small wars, faraway places: global insurrection and the making of the modern world, 1945-1965*. NY: Viking Press.

Burton John. *Picking Losers...? The political economy of industrial policy*. London: EIA, 1983.

Burzova Petra. (2012). Towards a new past: Some reflections on nationalism in post-socialist Slovakia. Nationalities Papers Vol. 40, No. 6, November 2012, 879 –894. https://doi.org/10.1080/00905992.2012.742986.

Buti, M., Turrini, A., van den Noord, P. et al. Defying the 'Juncker curse': can reformist governments be re-elected?. *Empirica* 36, 65–100 (2009). https://doi.org/10.1007/s10663-008-9093-0

[508] Первая работа на русском вышла в 1922 г.: *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. Пг., 1922. №1. С. 48—71.

Caldwell, John C. (2004), "Demographic Theory: A Long View". *Population and Development Review* 30 (2): 297-316.

Caldwell, John C., and Thomas Schindlmayr (2003), "Explanations of the Fertility Crisis in Modern Societies: A Search for Commonalities." *Population Studies* 57 (3): 241-263.

Calhoun, John C., 1811, 1992, A Disquisition on Government. In Union and Liberty: The Political Philosophy of John C. Calhoun, edited by Ross M. Lence. (Indianapolis, Ind. : Liberty Fund. Available at: http://oll.libertyfund.org/title/683/107113. проверено 28 ноября 2022).

Cassell Mark K. The Treuhandanstalt, Privatization and the Role of the Courts. Discussion Paper FS I 96–316, 1996. https://www.academia.edu/56032085/

Chmielewski, Maciej, Janusz Cisek, and Czesław Porębski. (2010). "Lustration Systems in Poland and the Czech Republic Post-1989. The Aims and Procedures of Political Cleansing," n.d. https://ruj.uj.edu.pl/xmlui/handle/item/161223

Choi Susanne Y. P., David Roman. Lustration Systems and Trust: Evidence from Survey Experiments in the Czech Republic, Hungary, and Poland. American Journal of Sociology, Vol. 117, No. 4 (January 2012), pp. 1172-1201. https://doi.org/10.1086/662648.

Cienski Jan May 21, 2017 Why Poland doesn't want refugees. An ethnically homogenous nation battles EU efforts to distribute asylum seekers. https://www.politico.eu/article/politics-nationalism-and-religion-explain-why-poland-doesnt-want-refugees/

Clarck J.C.D. Chapter 10 - Religion and the origins of radicalism in nineteenth-century, in Burgess Glenn (ed.). Britain in English Radicalism 1550-1850. Cambridge University Press. 2009 https://doi.org/10.1017/CBO9780511495762.011

Clignet Remi Efficiency, Reciprocity, and Ascriptive Equality: The Three Major Strategies the Selection of Heirs in America Source: *Social Science Quarterly*, Vol. 76, No. 2 (June 1995), pp. 274-293

Coase R. H. The Market for Goods and the Market for Ideas. The American Economic Review. 1974. Vol. 64. No. 2. Papers and Proceedings of the Eighty-sixth Annual Meeting of the American Economic Association. P. 384–391.

Code, Lorraine. (2002). Encyclopedia of Feminist Theories (Routledge World Reference). Taylor and Francis. Kindle Edition.

Cole Harold L., Ohanian Lee E. (2004). New Deal Policies and the Persistence of the Great Depression: A General Equilibrium Analysis. *Journal of Political Economy*. Vol. 112 No. 4 pp. 779-816. https://doi.org/10.1086/421169.

Committee to Unleash Prosperity Staff. (2024). Them vs. U.S. The Two Americas and How the Nation's Elite Is Out of Touch with Average Americans. https://committeetounleashprosperity.com/wp-content/uploads/2024/01/Them-vs-Us_CTUP-Rasmussen-Study-FINAL.pdf

Comstock Alzada. Excess Profits and Corporation Taxes in Great Britain. The Bulletin of the National Tax Association, Vol. 6, No. 1 (October, 1920), pp. 7-9

Congleton Roger D. (2011). Perfecting Parliament . Cambridge University Press. Kindle Edition.

Congleton, R.D. (2004). The Median Voter Model. In: Rowley, C.K., Schneider, F. (eds) The Encyclopedia of Public Choice. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-0-306-47828-4_142

Courtois Stéphane, Werth Nicolas, Panné Jean-Louis, Paczkowski Andrzej, Bartošek Karel, Margolin Jean-Louis, Edited by Mark Kramer. *The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repression*. Harvard University Press, 1999.

Cremer Helmuth, Pestieau Pierre Bequests as a Heir "Discipline Device" *Journal of Population Economics*, Vol. 9, No. 4 (Nov., 1996), pp. 405-414

Dabrowski Marek. (1992). Results and Prospects of the Polish Stabilization Program, Eastern European Economics, Vol. 30, No.3, Spring 1992, pp. 56-64, http://www.jstor.org/stable/4379894

Dabrowski, M. (2021) 'Fiscal arithmetic and risk of sovereign insolvency', Bruegel Blog, 18 November https://www.bruegel.org/2021/11/fiscal-arithmetic-and-risk-of-sovereign-insolvency/

Dabrowski, Marek, Mau Vladimir, Yanovskiy Konstantin Moshe, Sinitsina Irina, Antczak Rafal, Zhavoronkov Sergei, Shapovalov Alexei Russia: Political and Institutional Determinants of Economic Reforms (2004). CASE Network Reports No. 56. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1431892

David Roman. (2003). Lustration Laws in Action: The Motives and Evaluation of Lustration Policy in the Czech Republic and Poland (1989-2001). Law & Social Inquiry, Vol. 28, No. 2 (Spring, 2003), pp. 387-439 https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.2003.tb00197.x

Davis-Kean, P. E. (2005). The influence of parent education and family income on child achievement: The indirect role of parental expectations and the home environment.

Journal of Family Psychology, 19(2), 294–304. https://doi.org/10.1037/0893-3200.19.2.294

Davis-Kean, P. E., Tighe, L. A., & Waters, N. E. (2021). The Role of Parent Educational Attainment in Parenting and Children's Development. Current Directions in Psychological Science, 30(2), 186-192. https://doi.org/10.1177/0963721421993116

De Soto Hernando, The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World (London: I. B. Tauris, 1989), 271 pp.

Deiana, Claudio, Maheshri Vikram, Mastrobuoni Giovanni. (2024). "Migrants at Sea: Unintended Consequences of Search and Rescue Operations." American Economic Journal: Economic Policy, 16 (2): 335-65. https://doi.org/10.1257/pol.20220014.

Dorling Danny. (2013). Fairness and the changing fortunes of people in Britain *Journal of the Royal Statistical Society*. Series A (Statistics in Society), Vol. 176,No. 1 (January 2013), pp. 97-128

Dornbusch Rudiger, Wolf Holger and Alexander Lewis Economic Transition in Eastern Germany. *Brookings Papers on Economic Activity*. Vol. 1992, No. 1 (1992), pp. 235-272.

Dove John A. (2012) "Credible commitments and constitutional constraints: state debt repudiation and default in nineteenth century America". *Constitutional Political Economics* 23: 66–93

Downs Anthony. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row, 1957, ch. 13

D'Souza D. Illiberal Education: The Politics of Race and Sex on Campus. N.Y.: Free Press, 1998 (1st published in 1991).

Eberstadt Mary. (2013). *How the West really lost God*. Conshohocken, PA, Templeton Press.

Economic Swing to the Right. (1978). *Journal of Palestine Studies*, 7(3), 139–143. https://doi.org/10.2307/2536207

Economou, N. (1996). Changing by landslide: The 1996 Australian federal election. The Round Table, 85(339), 301–308. https://doi.org/10.1080/00358539608454317.

Edwards Lee. *A brief history of the modern conservative movement*. Washington DC: The Heritage Foundation, 2004.

Ehrlic I. Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation // The Journal of Political Economy. 1973. 81. P. 521-565.

Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life and Death // American Economic Review. 1975. Vol. 65, No. 3. P. 397-417.

Eisenhower D. (1961). Farewell Address. January 17, 1961. *Public Papers of the Presidents*, p. 1035-1040.[509]

Eldad Aryeh. (2020). Chips Fly When Trees Are Felled. The last chapter of the history of Lehi. Tel Aviv: Kineret Zmora Dvir (Hebrew – на иврите).

Evans Eric J. The Great Reform Act of 1832 (Lancaster Pamphlets) Routledge; 2nd edition (October 27, 1994; 1st published 1983)

Feiglin Moshe Why Are They Committing Suicide? https://web.archive.org/web/20020830134245/http://www.freerepublic.com/focus/news/665186/posts

Fischer Stanley and Ratna Sahay The Transition Economies after Ten Years Working Paper 7664 http://www.nber.org/papers/w7664 NBER, April 2000 (see also in Orlowski, Lucjan T (ed.). Transition and growth in post-communist countries: the ten-year experience. Edward Elgar, 2001 pp. 3-47)

Fischer Stanley, Sahay Ratna, Vegh Carlos A. Economies in Transition: The Beginnings of Growth. The American Economic Review, Vol. 86, No. 2, Papers and Proceedings of the Hundredth and Eighth Annual Meeting of the American Economic Association San Francisco, CA, January 5-7, 1996 (May, 1996), pp. 229-233 https://doi.org/10.1257/jep.10.2.45.

Fishback Price V., Haines Michael R., Kantor Shawn. "Births, Deaths and New Deal Relief during the Great Depression". *The Review of Economics and Statistics,* Vol. 89 No 1, 2007 pp. 1-14.[510]

Fleck Robert K. Electoral Incentives, Public Policy, and the New Deal Realignment. Southern Economic Journal 1999, Vol. 65 No. 3, pp. 377-404 https://doi.org/10.2307/1060806

Fogel Robert W. (1964). Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964

Fogel Robert W., Engelman Stanley (1974). Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. NY: Little, Brown and Company.

Fogel Robert W. (1989). Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. New York: W.W. Norton & Company, 1989.

Folsom Burton W. The Myth of the Robber Barons: A New Look at the Rise of Big Business in America Young America's Foundation, 1991

[509] https://www.archives.gov/milestone-documents/president-dwight-d-eisenhowers-farewell-address (дата обращения: 30.07.2022).

[510] В открытом доступе есть ранняя версия статьи на сайте NBER: https://www.nber.org/papers/w11246

Folsom Burton W. (2009). New Deal or Raw Deal?: How FDR's Economic Legacy Has Damaged America. Threshold Editions.

Folsom Burton, Folsom Anita. (2011). FDR Goes to War: How Expanded Executive Power, Spiraling National Debt, and Restricted Civil Liberties Shaped Wartime America. New York: Threshold Editions.

Forest Danielle September 24, 2015. Poland to accept 5,000 refugees: A summary of events https://www.krakowpost.com/10477/2015/09/poland-to-accept-5000-refugees.

Friedman M., Schwartz, A. J. (1963). A Monetary History of the United States, 1867-1960. Princeton University Press.

Fuksman-Shal Moshe. (2021). A New Beginning. How Begin's First Government Transformed Israel. Jerusalem: Sella Meir.

Gao, J. (2020). Australia's New Immigration Selection Tetralogy. In: Chinese Immigration and Australian Politics. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-15-5909-9_2.

Gatti Roberta Family Altruism and Incentives *The Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 107, No. 1 (Mar., 2005), pp. 67-81.

Geer Emily Apt. (1979). The Role of Lucy Webb Hayes in the Civil War. Great Lakes Review: A Journal of the Midwest Culture (Northeastern Illinois University, Chicago, 1979), Volume 16. https://doi.org/10.2307/20172469.

Gerber, P.J., Steinfeld, H., Henderson, B., Mottet, A., Opio, C., Dijkman, J., Falcucci, A. & Tempio, G. 2013. *Tackling climate change through livestock – A global assessment of emissions and mitigation opportunities*. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), Rome. https://www.fao.org/3/i3437e/i3437e.pdf (проверено 6 декабря 2023).

Gilbert B.B (1965). The British National Insurance Act of 1911 and the Commercial Insurance Lobby. *Journal of British Studies*. Vol.4. No 2. Pp. 127-148. https://doi.org/10.1086/385503

Gissurarson H. *Voices of victims. Notes towards Historiography of anti-communist literature.* New Direction. Foundation for European Reform. 2018.

Glaeser Edward L., Shleifer Andrei The Rise of Regulatory State. *Journal of Economic Literature* Vol. XLI (June 2003) pp. 401-425. https://doi.org/10.1257/002205103765762725

Goren Shlomo, Rabbi, Rath Avi. (2013). With Might and Strength: An Autobiography. Tel Aviv: Yediot Aharonot, Sifrey Chemed, 2013. (Hebrew).

Green David G. (1993). Reinventing Civil Society: *The Rediscovery of Welfare without Politics*, IEA Health and Welfare Unit, London, Civitas (Грин Д. Возвращение в гражданское общество. М.: Новое издательство, 2009). accessible at: https://www.civitas.org.uk/pdf/cw17.pdf

Greiffenhagen Martin (1979). The Dilemma of Conservatism in Germany Journal of Contemporary History, Vol. 14, No. 4, A Century of Conservatism, Part 2 (Oct., 1979), pp. 611-625

Grofman Bernard, Mikkel Evald & Taagepera Rein (1999) Electoral systems change in Estonia, 1989–1993, Journal of Baltic Studies, 30:3, 227-249 http://dx.doi.org/10.1080/01629779900000081.

Haeffele-Balch, S., & Storr, V. H. (2014). Grover Cleveland against the Special Interests. The Independent Review, 18(4), 581–596. http://www.jstor.org/stable/24563171.

Haig Robert Murray. British Experience with Excess Profits Taxation. The American Economic Review , Mar., 1920, Vol. 10, No. 1, Supplement, Papers and Proceedings of the Thirty-second Annual Meeting of the American Economic Association (Mar., 1920), pp. 1-14

Hall John, Ludwig Udo (1994). East Germany's Transitional Economy. Challenge, Vol. 37, No. 5, pp. 26-32. http://www.jstor.org/stable/40721555

Halliday Daniel Is Inheritance morally distinctive? *Law and Philosophy*, Vol. 32, No. 5 (September 2013), pp. 619-644

Hammond-Browning N. (2017). When Doctors and Parents Don't Agree: The story of Charlie Gard. J Bioethic Inq, 14(4):461–468. doi:10.1007/s11673-017-9814-9.

Hanke, S. H., and Kwok, A. K. F. (2009) "On the Measurement of Zimbabwe's Inflation." *Cato Journal* Vol. 29 No 2, pp. 354–64.

Hayek F. A. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, 1944.

Hayek F.A. *Law, Legislation and Liberty*. Routledge, 1982 http://www.libertarianismo.org/livros/lllfh.pdf

Hayess Michael T. (2004). The Independent Review, v. VIII, n. 4, Spring 2004, pp. 509–525.[511]

Hazony Yoram. *Conservatism: A Rediscovery*. Washington DC.: Regnery Gateway, 2022.

[511] https://www.independent.org/wp-content/uploads/tir/2004/04/tir_08_4_2_hayes.pdf

Heinzen James. The Art of the Bribe Corruption Under Stalin, 1943–1953. New Haven: Yale University Press, 2016. / Хайницен Джеймс. Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953 М.: Политическая энциклопедия, 2021.

Hillman Arye (2009). Public Finance and Public Policy: Responsibilities and Limitations of Government (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Hillman, A.L. (2010). Expressive behavior in economics and politics. *European Journal of Political Economy* Vol. 26, issue 4 (2010), pp. 403-418

Hirshleifer J. The Dark Side of the Force. Economic Foundation of Conflict Theory. Cambridge University Press, 2001

Hoppe Hans-Hermann Democracy. *The God that failed*. New Brunswick, NJ: Transactions Publisher, 2001.

Hoppe Hans-Hermann. The Case for Free Trade and Restricted Immigration. Journal of Libertarian Studies. 1998. Vol. 13. No. 2. P. 221–233 https://mises.org/library/case-free-trade-and-restricted-immigration-0

Hoppe Hans-Hermann. The Private Production of Defense. Auburn, AL: Mises Institute, 2009.

Hoppe H-H. On the Ultimate Justification of The Ethics of Private Property. In The Economics and Ethics of Private Property, Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1993.

Horne A. A Savage War of Peace. PAN. 2002.

Horvath, M., M. Senaj, Z. Siebertova, and N. Svarda. 2015. "The End of the Flat Tax Experiment in Slovakia." Council for Budget Responsibility Working Paper No. 4. https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/moving-beyond-the-flat-tax-tax-policy-reform-in-the-slovak-republic_5js4rtzr3ws2-en

House of Commons Library. Briefing Papers. Number CBP 8749, 28 January 2020 General Election 2019: results and analysis. 2nd Edition. https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8749/CBP-8749.pdf

Howard John. (2013). Lazarus Rising. Sydney NSW: HarperCollins.

Hülsmann Jörg Guido. Mises: The Last Knight of Liberalism. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2007.

Humboldt W. von, 'The Sphere and Duties of Government (The Limits of State Action)' Chapter III (1854 ed.) (1792). https://oll.libertyfund.org/title/coulthard-the-sphere-and-duties-of-government-1792-1854. (Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. М.: Социум, 2009).

Hurd Michael D. Savings of the Elderly and Desired Bequests *The American Economic Review*, Vol. 77, No. 3 (Jun., 1987), pp. 298-312

IMF. (2009). Georgia: Fourth Review Under the Stand-By Arrangement and Request for Modification of Performance Criterion. Release December, 2009 https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2016/12/31/Georgia-Fourth-Review-Under-the-Stand-By-Arrangement-and-Request-for-Modification-of-23481

Inbar, Efraim. (2010). The decline of the Labour party. *Israel Affairs*, 16 (1), 69–81. https://doi.org/10.1080/13537120903462019.

Inkmann Joachim, Michaelides Alexander Can the Life Insurance Market Provide Evidence for a Bequest Motive? *The Journal of Risk and Insurance*, Vol. 79, No. 3 (September 2012), pp. 671-695

Ishiayama John T. (1994). Electoral Rules and Party Nomination Strategies in Ethnically Cleaved Societies. The Estonian Transitional Election of 1990. Communist and Post-Communist Studies 1994 27 (2) 177-192 https://doi.org/10.1016/0967-067X(94)90024-8.

Kossman E.H., Mellink A.F., eds. Edict of the States General of the United Netherlands by which they declare that the king of Spain has forfeited the sovereignty and government of the afore-said Netherlands, with a lengthy explanation of the reasons thereof, and in which they forbid the use of his name and seal in these same countries, 26 July 1581. In: Texts Concerning the Revolt of the Netherlands. Cambridge Studies in the History and Theory of Politics. Cambridge University Press; 1975:216-228.

Jacobsson C. The negative Homesteading Theory: Rejoinder to Walter Block on human Body Shield // Journal of Libertarian Studies. 2010. Volume 22. P. 99-102.

Jaeger D., Paserman M. The Cycle of Violence? An Empirical Analysis of Fatalities in the Palestinian-Israeli Conflict // American Economic Review. 2008. 98 (4). P. 1591–1604.

Jasay Anthony, 1985, The State Indianapolis: Liberty Fund, 1998. https://oll.libertyfund.org/titles/jasay-the-state Ясаи Э. де. Государство. Челябинск: Ирисен, 2016.

Jaspers, Karl. 1953. The Origin and Goal of History. Translated by Michael Bullock. New Haven, CT: Yale University Press, p. 216.

Joffney I., Leonard J., Lewis C. (2021). I, Too, Am America! Teaching Mathematics for Empowerment. Journal of Urban Mathematics Education, Vol. 14, No. 1 (Special Issue). Pp. 12–23. DOI: https://doi.org/10.21423/jume-v14i1a426

Johnson Paul. (1983). Modern Times. N.Y.: Harper and Row.

Johnson Kevin B., Wei Wei-Qi, Weeraratne Dilhan, Frisse Mark E., Misulis Karl, Rhee Kyu, Zhao Juan, Snowdon Jane L.. (2021). Precision Medicine, AI, and the Future of

Personalized Health Care. *Clinical and Translational Science* 14, pp. 86–93; https://doi.org/10.1111/cts.12884.

Jouvenel, Bertrand de. The Ethics of Redistribution. Indianapolis: Liberty Fund, 1990. (1st published 1952). https://archive.org/details/ethicsofredistri00jouv/page/n5/mode/2up

Jürges Hendrik Do Germans Save to Leave an Estate? An Examination of the Bequest Motive, *The Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 103, No. 3, Intergenerational

Jutta Bolt, van Zanden Jan Luiten (2020), Maddison Project Database, version 2020. "Maddison style estimates of the evolution of the world economy. A new 2020 update" https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/publications/wp15.pdf

Kalil, A., Ryan, R., & Corey, M. (2012). Diverging destinies: Maternal education and the developmental gradient in time with children. Demography, 49(4), 1361– 1383. https://doi.org/10.1007/s13524-012-0129-5

Kallina E.F. Was the 1960 Presidential Election Stolen? The Case of Illinois. – Presidential Studies Quarterly. 1985, Vol. 15, No. 1. P. 113–118.

Karl Lagerfeld calls refugees enemies of Jews. https://www.dw.com/en/karl-lagerfeld-evokes-holocaust-to-bash-germanys-angela-merkel-on-refugees/a-41368478

Kaser, M. (1998). The Eastern Länder as a Transition Economy. In: Hölscher, J., Hochberg, A. (eds) East Germany's Economic Development since Unification. Studies in Economic Transition. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1007/978-1-349-14705-2_4

Kaszeta Daniel J. Lithuanian Resistance to foreign occupation 1940-1952. Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Science. Volume 34, No. 3 - Fall 1988. http://www.old.lituanus.org/1988/88_3_01.htm (проверено 12 февраля 2024).

Kater Michael H. *The Nazi Party: A Social Profile of Members and Leaders, 1919–1945* Cambridge: Harvard University Press. 1983.

Kelly Michael. (2024). Social conservatives celebrate solid victory in Irish constitutional referendum March, 12. https://www.catholicnewsagency.com/news/257056/social-conservatives-celebrate-solid-victory-in-irish-constitutional-referendum.

Kelly Paul (2008). The End of Certainty: Power, Politics & Business in Australia. Crows Nest, New South Wales, Australia: Allen & Unwin.

Kershaw Ian. (1998). *Hitler. 1889-1936: hubris*. London: Penguin.

Killingsworth Matt (2010). Lustration after totalitarianism: Poland's attempt to reconcile with its Communist past. Communist and Post-Communist Studies Volume 43, Issue 3, September 2010, Pages 275-284. https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.07.007

King Viola O. (2012). Latvia's unique Path toward Independence: The Challenges with the Transition from Soviet Republic to an Independent State. International Social Science Review, 2012, Vol. 87, No. 3/4 (2012), pp. 127-154. https://www.jstor.org/stable/41887541

Kirk Russell. The Conservative Mind: From Burke to Santayana. Chicago: Henry Regnery Company, 1953.

Kolodko, G.W. Polish hyperinflation and stabilization 1989–1990. MOCT-MOST 1, 9–36 (1991). https://doi.org/10.1007/BF01101589

Krotoszyński Michał "From Legal Impossibilism to the Rule of Law Crisis: Transitional Justice and Polish Counter-Constitutionalism", iCourts Working Paper Series (No. 304).

Krueger, Anne O. "The Political Economy of the Rent-Seeking Society." The American Economic Review, vol. 64, no. 3, 1974, pp. 291–303. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/1808883.

Lachmann Ludwig The Market Economy and the Distribution of Wealth [On Freedom and Free Enterprise: Essays in Honor of Ludwig von Mises(1956)] https://mises.org/library/market-and-distribution-wealth или в сборнике составленном Palmer Tom *The Morality of Capitalism: What Your Professors Won't Tell You* Jameson Books, Inc.. Kindle Edition.

Leoni B. *Freedom and the Law*. Expanded 3d ed. Indianapolis, Liberty Fund, 1991.

Levi Strauss Claude (1972 [1958]). Structural Anthropology, trans. Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf, New York: Basic Books.

Levi Strauss Claude. The Way of Masks, trans. Sylvia Modelski, Seattle: University of Washington Press. (1982 [1975]). Леви Стросс Клод. Путь масок. М.: Республика, 2000.

Lewis-Beck M. Economics and Elections: The Major Western Democracies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990

Libman Alexander, Obydenkova Anastassia. Communism or communists? Soviet legacies and corruption in transition economies. Economics Letters. Volume 119, Issue 1, April 2013, Pages 101-103 https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.02.003

Lipford, J. W., & Yandle, B. (2012). Taxpayers and Tax Spenders: Does a Zero Tax Price Matter? *The Independent Review*, *16*(4), 517–531. http://www.jstor.org/stable/24563117

London Joshua. (2005). *Victory in Tripoli: How America's War with the Barbary Pirates Established the U.S. Navy and Built a Nation*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc..

Lowi Theodore J. Thinking about democratic Governance. Polity, inequality and the state in the Tulchin Joseph S., Brown Amelia (editors) Democratic Governance and Social Inequality Lynne Rienner Pub, 2002

Lucchese Michael. (2024). Trump can't let Ukraine be his Afghanistan. December, 13. https://www.washingtonexaminer.com/magazine-features/3255542/peace-through-strength-ukraine-better-model-trump-than-biden-debacle/.

MacIntyre Alistair. 1984. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Indiana: University of Notre Dame Press.

Magnet Myron *The Dream and Nightmare: The Sixteis Legacy of the Underclass*. N.Y.: Quill/Mirrow, 1993.

Manning Wendy, Brown Susan L., Stykes J. Bart Family Complexity among Children in the United States *The Annals of the American Academy of Political and Social Science,* Vol. 654,Family Complexity, Poverty, and Public Policy (July 2014), pp. 48-65

Margetts Helen Chapter 46: Cyber Parties in: Handbook of Party Politics Edited by: Richard S. Katz & William Crotty. SAGE Publications, 2006. http://dx.doi.org/10.4135/9781848608047.n46

Martin Danny Bernard. (2013). Race, Racial Projects, and Mathematics Education. Journal for Research in Mathematics Education Vol. 44, No. 1, Equity Special Issue (January 2013), pp. 316-333 https://doi.org/10.5951/jresematheduc.44.1.0316

Matson Erik W. (2024). The Recurrent Evil of Price Controls. John Witherspoon's 1778 Letter to George Washington. The Independent Review. A Journal of Political Economy. Volume 29 Number 2. Pp. 303-314.

https://www.independent.org/tir/2024-fall/the-recurrent-evil-of-price-controls/

McCusker Elaine. (2024). The Price of Russian Victory. Why Letting Putin Win Would Cost America More Than Supporting Ukraine. December, 13. https://www.foreignaffairs.com/ukraine/price-russian-victory.

McGuinn Patric J. "No Child Left Behind and the Transformation of Federal Education Policy, 1965-2005 (Studies in Government & Public Policy)" University Press of Kansas 2006.

Mence Victoria, Gangell Simone and Tebb Ryan. (2017). A History of the Department of Immigration – Managing Migration to Australia. Canberra: Commonwealth of Australia. Australian Government, Department of Immigration and Border Protection. https://www.homeaffairs.gov.au/about-us-subsite/files/immigration-history.pdf.

Mercer Ilana (2011). Into the Cannibal's Pot. Lessons For America From Post-Apartheid South Africa. Apache Junction, AZ, US: Stairway Press.

Merom, Gil. (1999). A "Grand Design"? Charles de Gaulle and the End of the Algerian War. Armed Forces & Society, 25(2), 267-287. https://doi.org/10.1177/0095327X9902500205.

Mierzejewski Alfred C.. A History of the German Public Pension System: Continuity amid Change.Lanham, Md.: Lexington Books, 2016

Mikołajczyk B, Jagielski M. 'Good Change' and Migration Policy in Poland: In a Trap of Democracy. In: Stoyanova V, Smet S, eds. *Migrants' Rights, Populism and Legal Resilience in Europe*. Cambridge University Press; 2022:236-258. https://doi.org/10.1017/9781009040396

Milstein Uri. History of Israel's War of Independence: History of the War of Independence, Vol. 1: A Nation Girds for War (Volume I). Millburn, NJ: University Press of America., 1996.

Mises Ludwig von The anti-capitalistic Mentality Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2008 [first edition 1956]

Mises, Ludwig von. 1957. Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution. Auburn, Alabama: von Mises Institute 1985 (1st published Yale University Press, 1957).

Mitchell B.R. *International Historical Statistics: Europe 1750-2005*, 2007 London: Palgrave Macmillan, 2007 6th Edition

Mitchell B.R. *International Historical Statistics: The Americas 1750-2005*, 2007 London: Palgrave Macmillan, 2007 6th Edition

Mitloehner, Frank M.. "Livestock and Climate Change: Facts and Fiction." The Welfare of Cattle (2018). White Paper. https://doi.org/10.1201/B21911-5.

Mommsen Wolfgang J. German liberalism in the nineteenth century. In: Stedman Jones G, Claeys G, eds. *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. The Cambridge History of Political Thought. Cambridge University Press; 2011:409-432. https://doi.org/10.1017/CHOL9780521430562.015

Morgan O. (ed.) Oxford History of Britain. Oxford: Oxford University Press, 1984 (Морган О.(ред.) История Великобритании. М.: Весь мир, 2008).

Moynihan Daniel Patrick "The Negro Family: The Case for National Action" (1965) US Department of Labor (DoL) http://www.dol.gov/dol/aboutdol/history/webid-meynihan.htm

Niskanen, William A., 1971, Bureaucracy and representative government (Transaction Books)

Nordsieck Wolfram. (2024). Parties and Elections in Europe. Parliamentary Elections and Governments since 1945, European Parliament Elections. Political Orientation and History of Parties. Düsseldorf.

Norman Jesse, Ganesh Janan. *Compassionate Conservatism: What It Is – Why We Need it.* Buckingham, UK: University of Buckingham Press, 2014.

Norman, Jesse. *Edmund Burke: The Visionary Who Invented Modern Politics*. NY: Harper Collins Publishers. 2013

Nozick Robert. *Anarchy, State, and Utopia*. Basic books, 1974.

Nygaard, C.A. (2022). Economic Policy, Migration and the Australian City. In: Levin, I., Nygaard, C.A., Newton, P.W., Gifford, S.M. (eds) Migration and Urban Transitions in Australia. Global Diversities. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91331-1_3.

OECD (2023), "Health expenditure and financing: Health expenditure indicators", OECD Health Statistics (database), https://doi.org/10.1787/data-00349-en (accessed on 28 February 2023).

Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, United States Department of State. Foreign Relations of the United States (FRUS 1961-1963), 1961–1963, Volume V, Soviet Union, eds., Document 1. Soviet Union (Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume V) Kindle Edition.

Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, United States Department of State. Foreign Relations of the United States (FRUS 1958-1960), 1958–1960, Volume X, Part 1, Eastern Europe Region; Soviet Union.

Ohanian Lee E., Taylor John B., Wright Ian (2012). *Government Policies and the Delayed Economic Recovery*. Stanford, CA: Hoover Institute Press.

Olson M. *The Rise and decline of nations*. Yale University Press, 1982.

Olson Mancur. *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. Basic Books. N.Y., 2000.

Pallin Carolina Vendil, Westerlund Fredrik Russia's war in Georgia: lessons and consequences Small Wars & Insurgencies Vol. 20, No. 2, June 2009, 400–424. https://doi.org/10.1080/09592310902975539.

Perozek Maria G. A Reexamination of the Strategic Bequest Motive *Journal of Political Economy*, Vol. 106, No. 2 (April 1998), pp. 423-445

Pflanze Otto. (2014). Bismarck and the Development of Germany, Volume II: The Period of Consolidation, 1871-1880. Princeton University Press.

Phillips, J. A., & Wetherell, C. (1995). The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England. The American Historical Review, 100(2), 411. https://doi.org/10.2307/2169005.

Pipes R. Vixi: Memoirs of a Non-Belonger. Yale University Press, New Heaven & London 2003

Plunkett, Margaret L. (1958). The Histadrut: The General Federation of Jewish Labor in Israel. Industrial and Labor Relations Review, vol. 11, no. 2, 1958, pp. 155–82. JSTOR, https://doi.org/10.2307/2519807.

Przeworski A. Conquered or Granted? A History of Suffrage. *British Journal of Political Science*, 2009, vol. 39, iss. 2, pp. 291-321.[512]

Przeworski, Adam, 2010, *Democracy and the Limits of Self-Government* Cambridge University Press.

Rabin Yitzhak, Dov Goldstein. The Service Record: memoirs. Tel Aviv: Maariv, 1979 (Hebrew) Citied and translated from shorthand record of Knesset May 28, 1980 sitting, prime-minister M.Begin's remark, M. Begin center internet archive, http://db.begincenter.org.il .

Raico Ralph. (1970). The Place of Religion in the Liberal Philosophy of Constant, Tocqueville, and Lord Acton. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2010 (dissertation was originally written in 1970). https://mises.org/library/place-religion-liberal-philosophy-constant-tocqueville-and-lord-acton

Raico Ralph. (1990). Eugen Richter and the End of German Liberalism. Review of Austrian Economics 4 pp. 3-25 https://mises.org/library/eugen-richter-and-end-german-liberalism

Rawls John. *A Theory of Justice.* Harvard University Press, 1971.

Reinhart Carmen M., Rogoff Kenneth S., *This Time Is Different*: *Eight Centuries of Financial Folly, Princeton University Press* 2009.

Ringvee Ringo (2014) Religion: Not declining but changing. What do the population censuses and surveys say about religion in Estonia?, Religion, 44:3, 502-515, https://doi.org/10.1080/0048721X.2014.914635.

[512] Версия в открытом доступе: Przeworski Adam, 2009, Conquered or Granted? A History of Suffrage Extensions NYU working papers http://as.nyu.edu/docs/IO/2800/suffrage_ext.pdf

Robbins Lionell, Burton John, Grunfeld Cyril, Griffiths Brian, Peacocl Alan, and others. *Trade Unions: Public Goods or Public 'Bads'?* London: Institute of Economic Affairs (IEA readings #17), 1978. https://iea.org.uk/publications/research/trade-unions-public-goods-or-public-bads

Rossol Nadine (Editor), Ziemann Benjamin (Editor) (2022). The Oxford Handbook of the Weimar Republic (Oxford Handbooks). Oxford University Press.

Rothbard M. 1967 War Guilt in the Middle East. Left & Right. 1967. Vol.3 No.3 P. 20-30.

Rothbard M. Eric Mack and the Anarchist Case for War. The Libertarian Forum. 1984. 18, no. 5–6, P. 3–7.

Rothbard M. The Ethics of Liberty. New York University Press, NY: 1998.

Rothbard Murray N. 1967, War Guilt in the Middle East, 3 Left & Right 20 (1967), https://mises.org/library/war-guilt-middle-east

Rothbard Murray N. Praxeology: The Methodology of Austrian Economics in Economic Controversies. Auburn, Alabama, Ludwig von Mises Institute, 2011 (1st published in 1976).

Rubin PHP. The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness. The Cato Journal. 1994;14(1): 23–36.

Rubin R. (2020). Backlash Over Meat Dietary Recommendations Raises Questions About Corporate Ties to Nutrition Scientists. JAMA. 2020;323(5):401–404. https://doi.org/10.1001/jama.2019.21441

Rut Anat. Not at any price. Tel Aviv: Yediot haSforim, 2014 (Hebrew)[513]

Samuel Edwin. (1960). The HISTADRUT. The Political Querterly. Volume31, Issue2 April 1960. Pages 174-184. https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.1960.tb00400.x.

Sanders Elizabeth. *Economic Regulation in the Progressive era* in *American Congress. Building of Democracy*. Ed by Zelizer Julian E. Boston – New York: Houghton Mifflin Company, 2004. pp. 337-338

Schake Kori. (2018). Grover Cleveland's Administration: Prequel to America's Rise? Orbis. Volume 62, Issue 1 , 2018, Pages 30-42 https://doi.org/10.1016/j.orbis.2017.11.002.

Schrader David E. and Winfrey John C. Is There Property after Death? *Human Rights Quarterly*, Vol. 6, No. 1 (Feb., 1984), pp. 107-124.

[513] https://bit.ly/42flwpq ענת רוט. לא בכל מחיר. ידיעות ספרים, תל אביב 2014.

Schwarz Hans-Peter. Konrad Adenauer: A German Politician and Statesman in a Period of War, Revolution and Reconstruction : From the German Empire to the Federal Republic, 1876-1952 (Vol 1). Berghahn Books, 1995 (1).

Schwarz Hans-Peter. Konrad Adenauer: A German Politician and Statesman in a Period of War, Revolution, and Reconstruction, (Vol. 2) Berghahn Books, 1995 (2).

Schwartz T. P. Disinheritance and Will Contests as Reciprocity and Deviance: An Empirical Extension of Gouldner and Rosenfeld Based on the Wills of Providence, 1985. *The Sociological Quarterly*, Vol. 41, No. 2 (Spring, 2000), pp. 265-282.

Schweikart, Larry; Allen, Michael Patrick. A Patriot's History of the United States: From Columbus's Great Discovery to the War on Terror Penguin Group US, Sentinel 2007. Kindle Edition

Segal Haggai. (2009). *Just Not Civil War*. Jerusalem: Shilo – Barkats. (иврит).

Sen Amartya. *The Idea of Justice*. Allen Lane & Harvard University Press. 2009

Sengoku Manabu (2018). 2015 parliamentary election in Poland: Does the migrant/refugee issue matter? Journal of the Graduate School of Letters, Hokkaido University Vol. 13; pp. 35-47, March. https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/68695/1/13_03_SENGOKU.pdf

Shachar Ayelet *The Birthright Lottery Citizenship and Global Inequality.* Harvard University Press, 2009

Shachar, A., & Hirschl, R. (2007). Citizenship as Inherited Property. *Political Theory*, *35*(3), 253-287. https://doi.org/10.1177/0090591707299808

Shekhovtsov Anton. (2017). Russia and the Western Far Right: Tango Noir. Thames, Oxfordshire, UK: Routledge.

Shragai, Nadav. (2015). The Disengagement: The Unanswered Question. Jewish Political Studies Review, 27(1/2), 33–51. http://www.jstor.org/stable/43868413

Sleifer, Jaap. Planning Ahead and Falling Behind: The East German Economy in Comparison with West Germany 1936-2002, Berlin: Akademie Verlag, 2006. https://doi.org/10.1524/9783050085395

Smith Adam (1776). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Methuen and Co., Ltd 1904 (1st published 1776).

Socol Y, Shaki YY, Yanovskiy M. Interests, Bias, and Consensus in Science and Regulation. Dose Response. 2019 Jun 5; Volume 17 Issue 2. https://doi.org/10.1177%2F1559325819853669.

Socol Y., Yanovskiy M. התורה כמקור החופש הכלכלי וכתנאי הכרחי לקיומה (The Torah as the source of economic freedom and its sustainability). 2016. Неопубликованный материал. .http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2760878 .

Solomon B. FDR v. The Constitution. N.Y.: Bloomsbury Publishing Plc., 2009.

Solzhenitsyn Aleksandr. Live not by Lies. 1974 https://www.solzhenitsyncenter.org/live-not-by-lies

Solzhenitsyn Aleksandr. The Gulag Archipelago 1918-1956. *Experiment in Literary Investigation*. Harper & Raw, 1973.

Somin I. Democracy and Political Ignorance: Why Smaller Government Is Smarter. Redwood City CA, Stanford University Press, Kindle Edition, 2013.

Sowell Thomas. *Discrimination and Disparities*. Basic Books. 2018.

Sowell Thomas. *The Quest for Cosmic Justice*, Free Press, 2002 (1st published in 1999).

Stanchev Krassen. (2023). The Fate of Flat Tax in the EU countries. mBank-CASE Seminar Proceedings No. 175/2023. https://www.case-research.eu/en/the-fate-of-flat-tax-in-eu-countries-102685

Steinhoff Anthony J., "Christianity and the creation of Germany," in Sheridan Gilley and Brian Stanley, eds. Cambridge History of Christianity: Volume 8: 1814–1914 (2008).

Sterling Christopher H., Kittross John Michael, Stay Tuned: A History of American Broadcasting Wadsworth Publishing Company Belmont California 1990.

Stigler GJ. The State and the Citizen: Essays on Regulation. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of the Transition. World Bank 1999 Annual Bank Conference on Development Economics. Keynote Address.

Strauss Franz Josef. *Kriegsbriefe gefallener deutscher Juden* / Mit einem Geleitwort von Franz Josef Strauss. Stuttgart. Seewald Verlag, 1961.

Streikus Arūnas (ed.). (2022). The Unknown War. Anti-Soviet armed resistance in Lithuania and its legacies. Milton Park, Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, UK: Routledge – Taylor & Francis Group.

Szporer, Michael M. (2012). *Solidarity: The Great Workers Strike of 1980* (The Harvard Cold War Studies Book). Lanham, MD: Lexington Books (Rowman & Littlefield).

Taagepera Rein (1994) Estonia's constitutional assembly, 1991–1992, Journal of Baltic Studies, 25:3, 211-232. http://dx.doi.org/10.1080/01629779400000141.

Thatcher M. *Statecraft: Strategies for a Changing World*. NY: Harper, 2002. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003.

Tilles Daniel. January 4, 2024, POLITICS https://notesfrompoland.com/2024/01/04/poland-will-not-accept-a-single-migrant-under-eu-relocation-scheme-says-tusk/

Tilly C. *Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.

Tregenza Ian. (2012). Are We "All Socialists Now"? New Liberalism, State Socialism and the Australian Settlement. Labour History, (102), 87. https://doi.org/10.5263/labourhistory.102.0087

Troszyński, M., El-Ghamari, M. A Great Divide: Polish media discourse on migration, 2015–2018. Humanit Soc Sci Commun 9, 27 (2022). https://doi.org/10.1057/s41599-021-01027-x

Tullock, G. (1991). Rent Seeking. In: Eatwell, J., Milgate, M., Newman, P. (eds) The World of Economics. The New Palgrave. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21315-3_81.

Tullock Gordon, 2005, The Politics of Bureaucracy, selected works, vol. 6 "Bureaucracy", Liberty Fund. 1st published: Public Affairs Press, 1965

Verheul Ingrid, Thurik Roy "Does Gender Matter?" *Small Business Economics* 16: 329–345, 2001

Viscusi W. Kip The Risks and Rewards of Criminal Activity: A Comprehensive Test of Criminal Deterrence // Journal of Labor Economics. 1986. Vol. 4, No. 3, Part 1 P. 317-340.

Wacks Raymond. (2012). Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory. NY: Oxford University Press.

Weiss Kai. For a Virtuous Free Trade: Edmund Burke's Economic Vision. Austrian Economic Center, 2019 https://austriancenter.com/burke-free-trade/

Wheeler-Bennett John Wheeler, Sir. (1954). The nemesis of power; the German army in politics, 1918-1945. NY: St. Martin's Press.

White, Richard. *Railroaded: The Transcontinentals and the Making of Modern America*. NY: W. W. Norton & Company. 2012.

Wilkinson D, Savulescu J. The Charlie Gard Case. In: Wilkinson D, Savulescu J. Ethics, conflict and medical treatment for children: From disagreement to dissensus [Internet]. London (UK): Elsevier; 2018 Sep 4. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30835404/.

Witherspoon John. (2024/1753). Ecclesiastical Characteristics With A Serious Apology for the Characteristics. West Linn, Oregon: Monergism Books. First published 1753.

Yakovlev, P. A. & Davies, A. (2014). How Does the Estate Tax Affect the Number of Firms? *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*, 3 (1), 96-117.

Yandle Bruce and Lipford Jody, 2012, Taxpayers and Tax Spenders Does a Zero Tax Price Matter? The Independent Review, v. 16, n. 4, Spring 2012[514]

Yanovskiy K. Moshe, Socol Yehoshua. Institutional Aspects of the Power Abuse Problem in Healthcare Under Totalitarian Rule: Case of Nazi Germany (November 3, 2020). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3724313

Yanovskiy K., Shulgin S. Old Testament' Morality and the 'Traditional' Family. Unpublished paper. 2013. September 15. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2326263.

Yanovskiy M, Socol Y. (2022). Are Lockdowns Effective in Managing Pandemics? International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022; Vol. 19 No 15. Pp. 9295 - 9236. https://doi.org/10.3390/ijerph19159295

Yanovskiy M. Assault on Math: case study. Timeline and Interpretation. 2022 https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4188858

Yanovskiy M. Coercive Policies and Some Reactions to the Coercion in the Time of COVID-19 Pandemic. 2022 (2). https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4030906

Yanovskiy M. (2023). Does Government crowd out the Family? Rethinking the gender perspective according to the free thought (free society decline). Derecho y religión, .No 18, 2023 (Issue dedicated to: Perspectiva de género y libertad religiosa; article in English), pp. 123-140. https://derechoyreligion.com/producto/dyr18-rethinking-the-gender-perspective-according-to-the-free-thought-moshe-yanovskiy/.[515]

Yanovskiy M., Socol Y. (2023). Marital rape institution vs. Judeo-Christian tradition. Derecho y religión, .No 18, 2023 (Issue dedicated to: Perspectiva de género y libertad religiosa; article in English), pp. 185-194. https://derechoyreligion.com/producto/dyr18-marriage-under-gender-perspective-marital-rape-institution-vs-judeo-christian-tradition-yanovskiy-socol/.

Yanovskiy M. Zatcovetsky I., Ginker T., Zhavoronkov S. To Kill Hope? In Search of a Reliable Strategy to Fight Terrorism // Jewish Political Studies Review. 2018. Vol. 29,

[514] https://www.independent.org/publications/tir/article.asp?id=879 (дата обращения: 28.11.2022).

[515] Дополненная и отредактированная версия статьи от 2024 г. доступна для скачивания по постоянному адресу: http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.14606.37441

Numbers 1–2. P. 27-57. http://www.jstor.org/stable/26500671 или https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2745935.

Yanovskiy Moshe, Zatcovetsky Ilia "How Butter beats the Guns" Defence & Strategy, 2017 Volume 17, Number 1 (June 2017) pp.143-156 https://doi.org/10.3849/1802-7199.17.2017.01.143-156;

Yanovskiy M., Shestakov D, Leonard C. (2014). How Democracy Could Cause Economic Growth: The Last 200 Years. Unpublished paper. November 6. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2519823.

Yanovskiy M., Shulgin S. Institutions, Democracy and Growth in the very Long Run. *Acta Oeconomica,* 2013. Volume 63 Issue 4 2013. P. 493-510.

Yanovskiy Moshe. (2014). US Aid for Israel – A Historical Overview. Unpublished paper. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2403748.

Yanovskiy Moshe , Socol Yehoshua. The conflict of interest that is so grave that we all prefer to ignore it? Semestre Económico (2023), 12(2), 78–91. https://doi.org/10.26867/se.2023.v12i2.153 [516]

Yanovskiy Moshe, Socol Yehoshua (2024). Looks Like a Conspiracy but is not a Conspiracy: Big Government not Big Pharma Explains the Response to the COVID-19 Pandemic. *The Independent Review.* Vol. 29 #2.

Yanovskiy Moshe , Socol Yehoshua. (2025) Power abuse & monopoly risk in Healthcare system: heterodox analysis & empiric illustration. *Semestre Económico* (2025), 14(1), https://doi.org/10.26867/se.2025.v14i1.179.

Yanovskiy M., Ben Asher E., Entov A., Zatcovetsky I., Socol Y. (2026). Welfare, Lawfare, and Western military superiority decline: the case of Israel's October 7 war. (2026). Journal of the Sociology and Theory of Religion, 18(1), 130-153. https://doi.org/10.24197/r6b85d77.

Yanovskiy Moshe, Zhavoronkov Sergei, Rodionov Kirill "Political Factors Behind Cuts and Surges in Government Spending: The Effects on Old Market Democracies and Post-Communist Countries" *Problems of economic Transition*, vol. 59, no. 4, 2017, pp. 294-320 2017, https://doi.org/10.1080/10611991.2017.1321418.

Yanovskiy Moshe, Zhavoronkov Sergei, Zatcovetsky Ilia, The Puzzle of Selectivity in Fighting Discrimination: A Public Choice Approach (March 25, 2015). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2585281

[516] См. также дополнительные материалы к данной статье: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4190042

Yanovskiy Moshe, Zhavoronkov Sergei. (2018) Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives? *New Perspectives on Political Economy* Vol. 14, No 1-2, 2018, pp. 63-89 https://doi.org/10.62374/gtbs9e20 (или https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3436438).

Yanovskiy, M.; Socol, Y. COVID-19 Library. Filling the Gaps. 2021. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3784709 .

Zatcovetsky I., Yanovskiy M., Zhavoronkov S., Ginker T. The Evolving Priorities of the Israeli Left: From Social Justice to Security and Back. Unpublished paper. 2014. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2425418.

Zur, R., & Bakker, R. (2023). The Israeli parties' positions in comparative perspective. *Party Politics*, 31(2), 323-334. https://doi.org/10.1177/13540688231218917.

Zweig Stefan. Castellio gegen Calvin oder Ein Gewissen gegen die Gewalt 1st published 1936

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ 2015.

Аквинский Ф. Сумма теологии, часть 2-2, вопросы 47-122 Киев: Ника-Центр, 2013.

Акерлоф Джордж, Шиллер Роберт «Spiritus Animalis или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма» М., Альпина Бизнес Букс, 2010.

Алексеев С.С., Архипов С.И. и др. (2005). Теория государства и права. М.: Норма.

Алексеева Л. М. (2012). История инакомыслия в СССР: новейший период / Людмила Алексеева. 3-е изд., стер М.: Московская Хельсинская группа.

Анкерсмит Ф. (2014). Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: ВШЭ.

Аннерс Э. *История европейского права*. М.: Наука, 1996.

Арментано Доминик. Антитраст против конкуренции. М.: ИРИСЭН, 2005

Багус Филипп. Эра Милея: Новый путь Аргентины. М.: Социум, 2025.

Баженов Г. Возможна ли этически нейтральная экономическая наука. Доклад на IX чтениях Адама Смита, Москва, 8 ноября 2017 года. https://smithforum.ru/programma; https://www.youtube.com/watch?v=aeal3LUGRBc.

Бастиа Фредерик. (2006). *Закон (в сборнике Грабеж по закону). Челябинск:* Социум, 2006. (сс. 1-84).

Бастиа Фредерик. (2011). Протекционизм и коммунизм. Челябинск: Социум, 2011.

Бруцкус, Борис Давидович Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе журнал «Экономист», Пг. 1922, № 1 сс. 48-71 http://www.sotsium.ru/books/256/392/brutskus-1922-socialisteconomy.doc

Буракова Лариса. Почему у Грузии получилось. М.: Юнайтед Пресс, 2011.

Вебер М. Протестантская этика в сборнике Избранные произведения, М.: "Прогресс", 1990.

Векслер Олег. Нарушитель всех табу Франц-Йозеф Штраус и секретное немецко-израильское военное сотрудничество. Заметки по еврейской истории. №10 (169) 2013. https://www.berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer10/OVeksler1.php

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. London.: OPI, 1990. https://vtoraya-literatura.com/pdf/voslensky_nomenklatura_vtoroe_izdanie_1990_text.pdf Voslensky, Michael 1984. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Doubleday; 1st edition 1984.

Гамильтон А, Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. М.: Литера, 1994.

Гайдар Егор. Построить Россию// Открытая политика. Май 1994. Специальный выпуск. М.: Евразия. - С. 2–12. https://magazines.gorky.media/vestnik/2011/31/postroit-rossiyu.html.

Горен Шломо рав. БаОз веТаацумот (Силой и мощью – автобиография, иврит). Тель Авив: Йедиот Ахаронот, 2013.[517]

Госкомстат СССР. (1991). Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика.

Громыко А.А. (ред.) Великобритания. Эпоха реформ. М.: Весь мир, 2007.

Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2001 (первое издание завершено в 1989 в Нью-Йорке).

Даль Роберт. О демократии. М.: Аспект пресс, 2000. Dahl R. On Democracy Yale University Press, 2000.

Де Фрис Ян. (2016). Ян Де Фрис. (2016). Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Дело.

де Токвиль Алексис. «Демократия в Америке». М.: «Прогресс» 1992.[518]

Жаворонков С., Яновский К. Конституционная экономика и защита частной собственности. // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 34-46

[517] В русском переводе называется «Автобиография». М.: «Столичная пресса», 2016.

[518] Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. Alexis de Tocqueville Democracy in America NY: George Dearborn and Co, 1838 access at: https://oll.libertyfund.org/titles/democracy-in-america-english-edition-vol-1

Жаворонков С.В., Касьян А.С., Яновский К. 2021. Что случилось с «Факелом свободы»: уроки 3 ноября 2020 года для России. Electoral Politics Vol 3 #1 (5). http://electoralpolitics.org/ru/articles/chto-sluchilos-s-fakelom-svobody-uroki-3-noiabria-2020-goda-dlia-rossii/ (английская версия статьи: What Happened to the "Torch of Liberty": Russia's Lessons to Learn From 3 November 2020 https://ssrn.com/abstract=3916411). Дополнительные материалы к статье: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3815314

Жаворонков С.В., Яновский К.Э. Испытание абсолютной монархии Романовых Мировой войной (Листая Особые журналы) Общественные науки и современность (ОНС), №4 2016 сс. 109-119 https://ssrn.com/abstract=3304864

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Бомбора, 2022. Keynes John Maynard. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Palgrave Macmillan 1936.

Куряев А.В. (2005). Рождение манчестерского либерализма: агитация за отмену хлебных законов в Англииэ Материалы первых Лебедевских чтений. https://g-l-memorial.ice.ru/43768.html

Ключевский В.О. (1910). Курс русской истории. СПб, 1904-1910.

Краковский Константин Петрович. Незавершенная судебная контр-реформа: Муравьевская комиссия (1894-1899). Северо-Кавказский юридический вестник, 2018 стр. 9-28, № 4. http://vestnik.uriu.ranepa.ru/index.php/vestnik/issue/view/44.

Лал Дипак "Непредвиденные последствия" русское издание М., "Ирисен", 2007 г.

Лисин В., Яновский К., Жаворонков, С. Шульгин С, Черный Д., Затковецкий И. Институциональные ограничения современного экономического роста . Издательский дом "Дело", 2011. http://instecontransit.ru/proekty/institucionalnye-ogranicheniya-sovremennogo-ekonomicheskogo-rosta/

Мау В., К.Яновский, С.Жаворонков, Е.Рева, Ф.А.Кинг, Д.Черный и др. Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа. М.: ИЭПП, Научные труды № 107Р, 2007 https://www.iep.ru/ru/publikatcii/publication/5838.html

Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск: Социум, 2005. Mises Ludwig von. Human Action: A Treatise on Economics. 1st published: New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1949.

Мироненко С,В. и др.(ред.) (2013). Серия «Бумаги дома Романовых». Дневники императора Николая II (1894–1918). М. : Российская политическая энциклопедия.

Ноэль-Нойман Эвелин. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996.

Окрест Дмитрий, Сенников Егор. (2021). Они отвалились. М.: Бомбара.

Осокина Елена "За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927-1941" М.: РОССПЕН, 1999

Остриков П.И., Алентьева Т.В., Вандель П.П. Хрестоматия по новой истории: Второй период. Пособие для учителя. М. Просвещение. 1993.

Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996.

Петелин Борис Валентинович. Франц Йозеф Штраус. Вопросы истории, № 6, Июнь 2000, С. 71-92

Пивоваров Ю.С. 2005. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. – Полис, № 6.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская Власть и Реформы. – Pro et Contra, Т. 4, № 4.

Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2005.

Ротбард М. Великая депрессия в Америке. Челябинск: Социум, 2019 (М.: Ирисэн, 2012). Rothbard M. Great Depression in America Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute. 2000. (1st published 1963) https://cdn.mises.org/Americas%20Great%20Depression_3.pdf

Рэнд А. Апология капитализма (крупный бизнес – преследуемое меньшинство) М.: Новое литературное обозрение, 2003. Rand Ayn. Capitalism: The unknown Ideal. NY: A Signet Books (1st edition NY: New American Library 1966).

Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. (2022). Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии. Вопросы теоретической экономики №3 2022 сс. 77-98.

Смирнов Александр. Послевоенное возрождение Германии: Экономическое чудо. Научный вестник ИЭПП.ру, № 16, Июль 2009 https://www.iep.ru/ru/publikatcii/publication/4101.html

Смит Адам "Исследование о природе и причинах богатства народов" М.: "Эксмо", 2007

Солженицын А.И. Жить не по лжи. 1974. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyu

ze/jzit_ne_po_ljzi.pdf «Вестник РСХД» (1973, вышел в 1974). № 108/110. сс. 1-3. Solzhenitsyn Aleksandr. Live not by Lies. 1974 https://www.solzhenitsyncenter.org/live-not-by-lies .

Сото де Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.

Спенсер Г. «Личность и государство» М.: «Социум», 2007 (английский оригинал 1884);

Спенсер Г. Личность и государство. М.: Социум, 2007 (английское первое издание – 1884 год). Spencer Herbert, 1884, The Man Versus The State, with Six Essays on Government, Society, and Freedom http://www.econlib.org/library/LFBooks/Spencer/spnMvS.html

Спенсер Г. Личность против государства. М.: Социум, 2007. Herbert Spencer The Man versus The State (Essay 1: The New Toryism). 1st published London: Williams and Norgate, 1884.

Тилли Ч. "Демократия" М.: "Институт общественного проектирования" 2007.

Федорин Владимир. 2015. Дорога к свободе. Беседы с Кахой Бендукидзе. М.: Новое издательство, 2015.

Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. М.: Мысль, 2012. Folsom Burton. 2009. New Deal or Raw Deal?: How FDR's Economic Legacy Has Damaged America. Threshold Editions, 2008.

Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое издательство, 2007.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Изд-во "Новости" при участии изд-ва "Catallaxy" 1992. The Fatal Conceit. University of Chicago Press.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство. Либеральная Миссия, 2005

Хюльсман Йорг Гвидо. Последний рыцарь либерализма. Жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013

Чемакин Антон Александрович. Движение «Вперед, Россия!»: опыт возрождения русского национал-либерализма. Вопросы национализма №1 (31) 2018 сс. 51-65.

Чернин Михаэль. Арабское население Израиля и палестинских территорий. Москва: «Мосты культуры – Гешарим», 2016

Черный Дмитрий. Выборы как фактор инвестиционного климата (Германия, 2005 год). Экономическая политика №3 2008. Сс. 111-120.

Шиллер Роберт "Иррациональный оптимизм" М.: "Альпина паблишерз", 2013 (Shiller Robert J. (2000). Irrational Exuberance. Princeton University Press).

Эйтан, Рафаэль, при участии Дова Гольдштейна «Повесть солдата»; пер. с иврита Ефрема Бауха. Тель-Авив, Яир, 1990.

Элон Менахем "Еврейское право. История, источники, принципы" Иерусалим, "Амана", 1998

Эрхард Л., «Благосостояние для всех», М.: «Начала Пресс», 1991

Эрхард Л., «Полвека размышлений. Речи и статьи» М.: «Руссико», 1993

Яновский К. (2014). Радиологическая безопасность и группы специальных интересов

Анализ выборов в Германии и Австрии 2013 г. в свете Теории общественного выбора (препринт РАНХиГС) http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.11743.57765.

Яновский К (М), Черный Дмитрий, Затковецкий Илья, Жаворонков Сергей. (2014). Из новейшей истории университетов: Как консервативные центры накопления человеческого капитала превратились в гнезда левого радикализма http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629

Яновский К. (М.) (2016). Политическая экономия военных союзов: пример программ военной помощи США Израилю. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2833026.

Яновский К., Жаворонков С. (2015). Политическая экономия экономических санкций: факторы введения, ущерба и устойчивости экономики к их воздействию. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691687.

Яновский К. (М.) (2015). Как разрушив современную военную юстицию, восстановить потенциал сдерживания армии. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2612552.

Яновский М. Снова о санкциях. (2022). Между Ираном и Россией, думая об Израиле https://www.academia.edu/91810935.

Яновский К., Жаворонков С. , Черный Д., Затковецкий И. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира Издательский дом "Дело", 2018. https://www.researchgate.net/publication/366977534.

Яновский К. Еще раз о самодельной морали: Ротбард против вооруженного еврея. М.: 2017. Неопубликованная записка. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2961217.

Яновский К. Жаворонков С. (2020). Можно ли передоверять ответственность за принятие решений ученым? Пример Альберта Эйнштейна. 2020. Неопубликованный доклад. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3670980

Яновский К.(М,), Черный Д., Затковецкий И. (2017). Государственное образование: мотор или балласт? Обзор литературы о состоянии и истории государственного образования в США. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2952385

Яновский К.(М.), Жаворонков С., Черный Д. Дополнительные материалы по истории государственного здравоохранения. http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.33099.08482.

Яновский К., Жаворонков С. "Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии" // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 102-123 DOI: 10.18288/1994-5124-2017-3-01

Яновский К., Жаворонков С. Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США) «Общественные науки и современность» № 6, 2018 сс. 59-68.

Яновский К., Жаворонков С. Затковецкий И. (2017). Загадочная избирательность правоприменения при борьбе с дискриминацией: дополнительные материалы к главе 'Защита капитализма' книги 'Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира'. 2017. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3061782

Яновский К., Черный Д. 2016. Возможности эффективных частных решений для обороны. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2814525.

Яновский К., Черный Д., Затковецкий И., Жаворонков С. (2014). Из новейшей истории университетов: как консервативные центры накопления человеческого капитала превратились в гнезда левого радикализма. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629

Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Кокурина А.Д. (2021). Государство победившего масла или оборона с ограниченной ответственностью. Вопросы теоретической экономики №3 сс. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_7_21.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2022). Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста? Вопросы теоретической экономики Vol. 6 #4 сс. 57-76. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76

Яновский К.Э. (2022). Пандемия COVID-19: как правительства старых демократий принимали решения. Вопросы теоретической экономики, Vol. 6 #4 сс. 58-73. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_58_73.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2019a). Всемогущее правительство, поддержанное ‘научным консенсусом’. // «Общественные науки и современность» № 6, 2019 сс. 91-103. https://doi.org/10.31857/S086904990007570-9. Доступно для скачивания: https://www.researchgate.net/publication/358235298.

Яновский К. Жаворонков С. (2019 b). Перспективы вытеснения монотеизма, семьи, гражданского общества и частной собственности: обзор литературы. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391548

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США) ОНС, №6 2018 сс. 59-69) или «Загадочная избирательность правоприменения при борьбе с дискриминацией» https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3061782

Яновский М. (2022). Заметки о некоторых проблемах ведения бизнеса в Израиле. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4077967.

Яновский М. (2023). Исламизм и современные левые: неслучайные совпадения. https://www.academia.edu/108751909/.

Яновский М. (2023). Судейский активизм в государстве социально зависимых. Пример Израиля. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4338437.

Яновский К., Маслов Д. (2009). О некоторых свойствах экономического роста в Китае. Экономическая политика #6, 2009 стр. 147-163. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2236329.